

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ
ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

2025. Т. 21. № 2

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2025

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 2

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2025

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2025. Т. 21. № 2

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)

Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)

Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)

Крадин Н.Н., академик РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)

Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного технического университета (Астрахань, Россия); профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)

Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)

Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Смирнов Н.Н., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); заведующий отделом Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Тетенькин А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Эрдэнэбаатар Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <https://ildtistu.elpub.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: ildt@yandex.ru

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 2

Editorial board

- Editor-in-Chief** - Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief - Kharinskii A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Chita, Russia)
Kradin N.N., Academician of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russia); Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchenkov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Smirnov N.N., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); Head of Department of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)
Teten'kin A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: <https://ildtistu.elpub.ru>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication - 4 times a year.

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"

The subscription code in Ural-Press LLC: 41510

The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.

Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2025. Т. 21. № 2

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Кузнецов А.М. Каменная индустрия экспонированного палеолитического ансамбля Гора Долгая (Южное Приангарье)	8
Степанов А.Д. Новые петроглифы средней Лены (по материалам экспедиции Н.Н. Кочмара 2001 г.).....	27
Харинский А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Портнягин М.А., Амгалантугс Ц. Археологические исследования в долинах Ханх гола и Тоин гола Хубсугульского аймака Монголии	50
Половников И.С. Изготовление роговых свистунок из погребальных комплексов Саяно-Алтая I тыс. н. э.: результаты экспериментально-трасологического исследования	79
Фисенко А.В. Реконструкция производственных этапов изготовления рукоятей ножей из метаподиев крупного рогатого скота (по материалам археологических коллекций г. Пскова).....	90

ИСТОРИЯ

Багрин Е.А., Громов А.В., Трухин В.И. Артиллерия Нерчинского уезда 1658–1710 гг. (1 часть).....	125
Кохан А.А. Религиозный фактор колиивщины в отечественной и зарубежной историографии	147
Гусман Л.Ю. Разделы Польши (1772–1795 гг.) и общественное мнение пореформенной России	157
Берман Е.А. Некрологические источники как свидетельства истории пребывания военнопленных Первой мировой войны иудейского вероисповедания в г. Иркутске.....	166
Красилова Е.В. Судебная система Томской области (1944–1953 гг.): особенности и недостатки	182
Новикова Т.М., Павлович С.Л. Основание и начальное развитие Ангарска: возможности и ограничения мобилизационных подходов	190
Шафоростов А.И., Мустафин А.А. Логика в университетах России и СССР. Часть 2	203
Новиков П.А., Наумов И.В., Карасев С.В., Тетенькин А.В., Корчевина Л.В., Соколовская Т.А. Деятельность Иркутского горно-металлургического института в послевоенный период (1945–1960 гг.)	213
Волкова Е.С. Образ предпринимателя в дальневосточной художественной литературе конца XX – начала XXI в.....	222

ПЕРСОНАЛИЯ

Бакшеев А.И., Рогачев А.Г., Цыкунов Г.А. Красноярский историк Василий Васильевич Гришаев: ученый, педагог, гражданин (К 90-летию со дня рождения).....	233
--	-----

*На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова*

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 2

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Kuznetsov A.M. Lithic industry of open-air Paleolithic assemblage of Gora Dolgaya (South Angara)	8
Stepanov A.D. New petroglyphs of Middle Lena (according to the materials of the expedition of N.N. Kochmar in 2001).....	27
Kharinskii A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M., Portniagin M.A., Amgalantugs Ts. Archaeological research in the Khankh gol and Toin gol valleys of the Khuvsgul Aimag of Mongolia	50
Polovnikov I.S. Manufacturing of horn whistles on arrows from the burial complexes of the Sayan-Altai of the 1st millennium AD: results of experimental-traceological research	79
Fisenko A.V. Reconstruction of production stages of manufacturing knife handles from cattle metapodium (based on materials from archaeological collections in Pskov)	90

HISTORY

Bagrin EA., Gromov A.V., Trukhin V.I. Artillery of Nerchinsk district 1658-1710 (Part 1)	125
Kokhan A.A. The religious factor of the Koliv region in Russia and foreign historiography	147
Gusman L.Yu. Partition of Poland (1772-1795) and public opinion in post-reform Russia	157
Berman E.A. Necrological sources as an evidence of the history of the stay of prisoners of war of the First World War of the Jewish faith in the city of Irkutsk	166
Krasilova E.V. The judicial system of the Tomsk Oblast (1944-1953): features and shortcomings	182
Novikova T.M., Pavlovich S.L. The foundation and initial development of Angarsk city: opportunities and limitations of mobilization approaches	190
Shaforostov A.I., Mustafin A.A. Logic in the universities of Russia and the USSR.....	203
Novikov P.A., Naumov I.V., Karasev S.V., Teten'kin A.V., Korchevina L.V., Sokolovskaya T.A. Activities of the Irkutsk Mining and Metallurgical Institute in the post-War period (1945-1960)	213
Volkova E.S. The image of entrepreneur in the Russian Far Eastern fiction of the late XX - early XXI century	222

PERSONALIA

Bakshiev A.I., Rogachev A.G., Tsykunov G.A. Krasnoyarsk historian Vasily Vasilyevich Grishaev: scientist, teacher, citizen (For the 90th anniversary of his birth)	233
---	-----

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinskii. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2025. Т. 21. № 2

Уважаемые читатели!

Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

- история,
- археология,
- этнология,
- персонала (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 2

Dear Readers!

We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

- History,
- Archaeology,
- Ethnology,
- Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Научная статья
УДК 902(571.53)
EDN: KLAFOZ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-8-26>

Каменная индустрия экспонированного палеолитического ансамбля Гора Долгая (Южное Приангарье)

А.М. Кузнецов

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Экспонированный комплекс Горы Долгой в составе объектов «олонского палеолитического пласта» представляет ключевой интерес для изучения древнейших этапов заселения Байкальского региона. Несмотря на то, что местонахождение было открыто еще в 1969 г., его детальный анализ долгое время оставался фрагментарным. Настоящая работа направлена на введение в научный оборот полной информации о составе, технологических и типологических особенностях индустрии для уточнения её культурно-хронологического статуса в контексте палеолита Северной Азии. Несмотря на то, что коллекция Горы Долгой была собрана на нескольких пунктах присклоновой поверхности Лено-Ангарского плато, анализ расположения этих пунктов, соотношения находок на них и степени коррозии артефактов позволяют рассматривать материалы объекта, кроме находок с пункта VI, как единый комплекс ($n = 365$) в рамках проведения технико-типологического анализа индустрии. Исследования показали, что основу технологии расщепления комплекса составляют плоскостное параллельное и радиальное скалывание, а также протопризматическое расщепление объёмных заготовок. Специализированные леваллуазские методы не зафиксированы, хотя отдельные сколы с радиальной огранкой могут условно интерпретироваться как леваллуазские снятия. Технологические индексы указывают на непластинчатый и нефасетированный характер комплекса. Орудийный набор сочетает средне- и верхнепалеолитические элементы, в числе которых скребла, скребки, орудия с «носи́ком», долотовидные орудия, а также уникальные формы, предположительно, связанные с палеоглиптикой. Культурные параллели прослеживаются с материалами нижних слоев восточной галереи Денисовой пещеры и «мамонской» группой индустрий раннего верхнего палеолита Южного Приангарья.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, Южное Приангарье, «ангарские горы», ранний палеолит, средний палеолит, ранний верхний палеолит, леваллуа, типология, техника расщепления

Благодарности. Автор выражает благодарность сотрудникам Депозитария НИЦ «Байкальский регион» ИГУ И.В. Уланову и Н.Д. Каспришиной за предоставленную возможность работы с коллекциями «ангарских гор», а также Д.Н. Молчанову и Е.О. Роговскому за ценные консультации.

Для цитирования: Кузнецов А.М. Каменная индустрия экспонированного палеолитического ансамбля Гора Долгая (Южное Приангарье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 8–26. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-8-26. EDN: KLAFOZ.

Archaeology

Original article

Lithic industry of open-air Paleolithic assemblage of Gora Dolgaya (South Angara)

Aleksei M. Kuznetsov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The Gora Dolgaya (Long Mountain) open-air site, part of the «Olunki Paleolithic stratum», is of key interest for studying the earliest stages of the occupation of Baikal region by ancient humans. Although the site was discovered as early as 1969, its detailed analysis remained fragmentary for a long time. This study aims to introduce comprehensive data on the lithic composition,

technological, and typological features of the lithic industry into scholarly discourse to clarify its cultural-chronological status within the context of North Asian Paleolithic. Despite the fact that the collection was gathered from several points along the Lena-Angara Plateau's slope surface, an analysis of their spatial distribution, the correlation of finds, and the degree of artifact corrosion (wind abrasion) allows the materials, except for those from Point VI, to be considered as a single assemblage (n = 365) for the purposes of techno-typological analysis. Research indicates that the core reduction strategies of the complex are based on flat parallel flaking, radial flaking, proto-prismatic reduction of volumetric cores. Specialized Levallois techniques were not identified, though some radially prepared flakes could be tentatively interpreted as Levallois removals. Technological indexes by Bordes suggest that the assemblage is non-blade-based and non-faceted. The tool assemblage combines Middle and Upper Paleolithic morphotypes, including side-scrapers, end-scrapers, picks, chisel-like tools, and unique forms possibly linked to paleoglyphics (engraving or symbolic artifacts). Cultural parallels can be drawn with the lower cultural layers of Denisova Cave's eastern gallery, and «Mamony-type» Early Upper Paleolithic industries of the South Angara region.

Keywords: Baikal Siberia, South Angara, «Angara Mountains», Early Paleolithic, Middle Paleolithic, Early Upper Paleolithic, Levallois, typology, knapping strategy

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the staff of the Depository of the Baikal Region Research Center at Irkutsk State University - I.V. Ulanov and N.D. Kasprishina - for providing access to the «Angara Mountains» collections, as well as to D.N. Molchanov and E.O. Rogovskoi for their valuable consultations.

For citation: Kuznetsov A.M. (2025) Lithic industry of open-air Paleolithic assemblage of Gora Dolgaya (South Angara). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 8-26. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-8-26. EDN: KLAFOZ.

Введение

Экспонированный комплекс Горы Долгой, наряду с материалами других объектов «ангарских гор» (Глиняная, Козья, Балушкина, Каменная и др.), входит в «олонский палеолитический пласт» – группировку эолово-коррадированных артефактов палеолитического облика, происходящих с высокой поверхности правого берега р. Ангары в районе с. Олонки Боханского района Иркутской области. Объект был открыт в 1969 г. Ангаро-Бельской археологической экспедицией Иркутского госуниверситета под руководством Г.И. Медведева. В научный оборот полученные материалы были введены избирательно, в совокупности с информацией по другим объектам «ангарских гор» (Медведев, 1973; Медведев, 1975; Medvedev, 1998). Наиболее полное описание объекта, включая геоморфологический контекст и количественный состав инвентаря, фигурирует в докторской диссертации Г.И. Медведева (Медведев, 1983)¹. Однако технологические особенности первичного расщепления и типологические характеристики орудий были рассмотрены только в рамках обобщенного анализа материалов экспонированных комплексов Боханского района, *a priori* предполагающего общий культурный генезис и возраст объектов «олонского пласта».

Поверхностные сборы на Горе Долгой, судя по полевым шифрам, проводились в течение девяти сезонов: 1969, 1970, 1972–1974, 1981, 1986, 1991 и 2024 г., причем основная часть коллекции была собрана в начале 70-х гг. (70 %). Номерной фонд объекта, хранящийся сегодня в Депозитарии НИЦ «Байкальский регион» ИГУ, составляет 396 артефактов. Петрографический состав практически полностью представлен мелко- и среднезернистыми кварцитами (95 %), другие породы – кремний (2 %) и кварц (3 %). Кварц и кварцит являются локальным сырьем, происходящим из состава «водораздельных галечников», перекрывающих доломитовый кембрийский цоколь. По данным Г.И. Медведева, большую часть артефактов (83 %) характеризует сильная степень коррозии (Там же). Этот факт в совокупности с архаичным технологическим обликом ансамбля определил его средне-раннепалеолитический статус в составе аналогичных объектов «олонского палеолитического пласта» и возраст в районе 250–200 тыс. л. н. (Медведев, 1991; Медведев, 2001; Липнина, Медведев, 2001).

Задачей настоящей работы стоит введение в научный оборот детальной информации о составе комплекса Горы Долгой, его технологических и типологических характеристиках, с целью уточнения культурно-хронологического положения этой индустрии в палеолите Северной Азии. Для этого проведена ревизия материалов объекта, включая подсчет артефактов, определение степени коррозии и топо-

¹ Медведев Г.И. Палеолит Южного Приангарья : дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 1983. 390 с.

графической привязки, классификацию по категориям, технико-типологический анализ с использованием элементов атрибутивного подхода.

При анализе первичного расщепления применялся технологический метод (Нехорошев, 1999). При рассмотрении орудийного набора использовался типологический метод с опорой на классические ранне-, среднепалеолитические тип-листы (Дебена, Диббл, 2010; Bordes, 1979). Анализ вторичной обработки затруднялся заглаженностью фасеток в результате корразии, поэтому специально нанесенная ретушь ассоциировалась с протяженными участками чешуйчатых или ступенчатых снятий, либо за результат использования принимался четко читаемый, протяженный, выкрошенный в результате утилизации край. При рассмотрении размеров негативов учитывались целые следы самого крупного снятия на нуклеусе.

Материалы

Гора Долгая вместе с «горами» Каменной и Глиняной занимает привершинную поверхность высокой террасовидной площадки правобережья р. Ангары (рис. 1). Эти местонахождения отделены друг от друга падами с одноименными названиями. Термин «горы» – локальный топоним и означает не форму рельефа, а локальные поднятия придолинной поверхности, ограниченные падами. Находки Горы Долгой были распределены по отдельным пунктам на вытянутой по линии СЗ–ЮВ горизонтали 100-метровой отметки «горы». В диссертации Г.И. Медведева (Медведев, 1983)² приведен глазомерный топографический план этих пунктов и описано расположение: (I) – северо-западная часть «горы», (II) – центральная часть, (III) – седловина на юго-восток от центральной части, (IV) – отдельная вершина на юго-восток от седловины. Пункт V не является отдельным местом концентрации находок, а ассоциируется с обширной территорией в глубине площадки, где были обнаружены отдельные находки.

Ориентируясь на топоплан и современный спутниковый снимок, можно предположить, что расстояние между пунктами I и II, а также между пунктами III и IV, составляет около 200 м. Площадь этих пунктов, согласно топоплану Г.И. Медведева, составляет около 2 га для первой группы и 0,5 га для второй. Пункты II и

III разделены полого-вогнутым цирком в привершинной части склона, а дистанция между ними составляет уже около 500–800 м. На базе учета информации с полевых шифров артефактов, хранящихся в фондах Депозитария, выяснилось, что на пункте I были собраны 33 ед. (8 %), пункте II – 149 ед. (38 %), пункте III – 73 ед. (18 %). Артефактов с цифрой IV и V в шифре зафиксировано не было, однако 110 ед. (28 %) вообще не имеют указания пункта.

Кроме того, в коллекции присутствуют артефакты (n = 31; 8 %), которые имеют шифр «гора Долгая / подъемный материал / берег 1973. VI». Предположительно, они собраны с линии размыва под береговым уступом. Судя по материалу и формам, почти все находки представляют собой продукты ситуационного расщепления одного-двух кварцитовых валунов. Все сколы без следов корразии. Много массивных обломков со следами нескольких снятий и углами расщепления около 80°, сколов со следами галечной корки. Ретуши не зафиксировано. Несмотря на то, что артефакты имеют палеолитический облик, этот компонент индустрии не рассматривается при анализе материала, так как собран на значительном отдалении от места фиксации основной части ансамбля, а «свежее» состояние поверхности сколов исключает вариант их перемещения по 100-метровому склону.

Без учета артефактов с береговой линии общее количество находок составляет 365 ед. Для того чтобы определить возможность хозяйственной специализации пунктов, была составлена таблица 1, показывающая распределение категорий находок по пунктам. Предположение о том, что отдельные места локализации материала на Горе Глиняной и Горе Долгой могут являться мастерскими по расщеплению камня или охотничьими лагерями, было высказано Г.И. Медведевым (Медведев, Алаев, Сокальский, 1978; Медведев, 1983)³. В ходе настоящей ревизии материала Горы Долгой выяснилось, что по составу коллекции пункты слабо различаются между собой (не более 15 % по отдельным категориям), что не подтверждает идею специализированных стоянок.

Исследование степени корразии ансамбля проводилось по разработанной ранее методике, предполагающей качественную атрибуцию заглаженности граней и эрозии поверхности («сильно – 3»,

² Там же.

³ Там же.

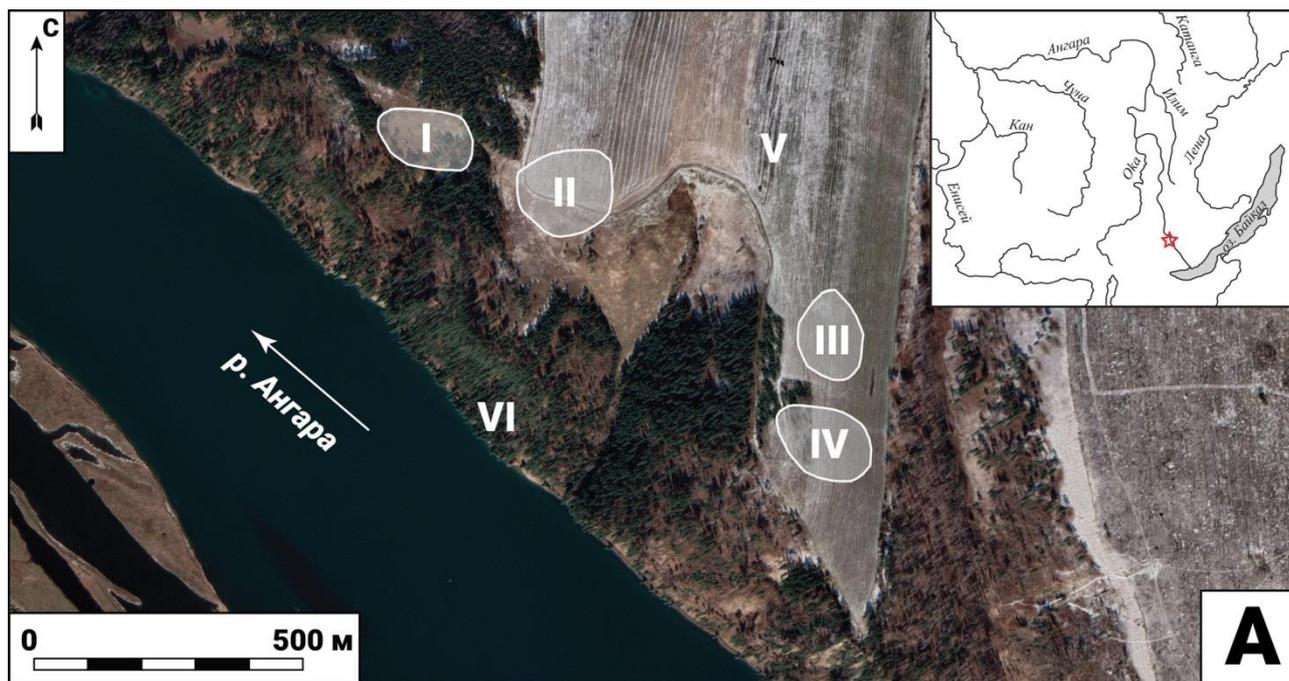

Рис. 1. Карта-схема расположения пунктов сбора археологического материала на Горе Долгой (А); вид с севера на пункт IV (Б). Карта выполнена на основе спутникового снимка Google Earth (дата обращения: 10.03.2025 г.)
Fig. 1. Plan of surface collection points on Gora Dolgaya (A); view of Point IV from the North (B). The scheme is based on the Google Earth data (accessed: 10.03.2025)

«средне – 2», «слабо – 1», «отсутствует – 0») (Кузнецов, Липнина, Молчанов, 2024). Блеск, как еще один атрибут, не рассматривался из-за того, что часть коллекции в фондах подверглась воздействию пожара. Соотношение находок со следами эолового воздействия разной степени косвенно свидетельствует о сходных постдепозиционных условиях (табл. 2). Распределение коррадированного материала по пунктам показывает умеренную пескоструйную обработку практически по всей привершинной поверхности. Небольшие различия в соотношении средне- и слабокоррадированного материала, предположительно, связаны с локальной топографией территории.

Приведенные результаты анализа расположения пунктов, соотношения находок на них и степени «эолизации» коллекции позволяют рассматривать материалы Горы Долгой, кроме находок с пункта VI, как единый комплекс (n = 365) в рамках проведения технико-типологического анализа индустрии. Степень корразии при этом не учитывается, так как в составе рассматриваемой коллекции не является хрономар-

кирующим фактором. Планиметрия находок и их различная «эолизация» свидетельствуют о множественных эпизодах посещения территории «горы» древним населением в рамках единого культурно-хронологического этапа палеолита.

Такое предположение также косвенно доказывает наличие в коллекции нескольких нуклеусов (n = 5) с различной степенью корразии негативов, т. е. на территории стоянки происходил сбор и переработка ранее изготовленных предметов. Судить о временных отрезках между эпизодами посещения стоянок сложно, однако можно отметить, что по современным представлениям следы корразии могут образоваться за несколько лет нахождения артефакта в зоне интенсивного ветрового воздействия (Там же). Нахождение сильно-коррадированных изделий рядом с некоррадированными, а также отсутствие связи между степенью корразии и типами орудий/нуклеусов позволяют сделать вывод о сложности микропроцессов корразии каменных артефактов в комплексе и чередовании эпизодов пескоструйной обработки и эпизодов посещения стоянок.

Таблица 1. Категории инвентаря на отдельных пунктах Горы Долгой

Table 1. Lithic artifact types from different points of Gora Dolgaya

Категория	I пункт		II пункт		III пункт		n/a		Итого	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
нуклевидные изделия	18	55%	21	14%	21	29%	30	27%	90	25%
технические снятия	3	9%	26	17%	6	8%	11	10%	46	13%
пластины	2	6%	11	7%	5	7%	4	4%	22	6%
отщепы	7	21%	68	46%	32	44%	56	51%	163	45%
обломки	3	9%	23	15%	9	12%	9	8%	44	12%
Итого	33	100%	149	100%	73	100%	110	100%	365	100%
<i>в т.ч. орудия*</i>	6	18%	20	13%	18	25%	25	23%	69	19%

* процент от общего количества находок

Таблица 2. Распределение коррадированных форм по отдельным пунктам Горы Долгой

Table 2. Corraded artifacts from different points of Gora Dolgaya

степень корразии	I пункт		II пункт		III пункт		n/a		Итого	
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
0	14	42%	6	4%	21	29%	21	19%	62	17%
1	9	27%	50	34%	26	36%	46	42%	131	36%
2	9	27%	84	56%	21	29%	37	34%	151	41%
3	1	3%	9	6%	5	7%	6	5%	21	6%
Итого	33	100%	149	100%	73	100%	110	100%	365	100%

Техноморфологический анализ расщепления

Нуклевидные изделия. Первичное расщепление в комплексе, судя по нуклеусам, представлено в нескольких вариантах (табл. 3). Наиболее распространен плоскостной принцип. Большинство плоскостных параллельных нуклеусов – одноплощадочные и монофронтальные ($n = 20$). Заготовками выступают гальки и крупные сколы размерами 70–150 × 45–135 мм, в четырех случаях – дистальные фрагменты более крупных нуклеусов, судя по негативам параллельных снятий на контрфронте. Целевые снятия, судя по негативам, можно отнести к пластинчатым сколам (рис. 2). Единственным исключением является плоскостной нуклеус на удлинённом галечном сколе с двумя негативами пластин с соотношением сторон 1 к 3 (рис. 3.1). В плане плоскостные нуклеусы, овальные или подпрямоугольные, почти всегда уплощенные – 30–50 мм в толщину (рис. 3.6). Дуга скалывания слабовыпуклая, за счёт оформленных короткими ортогональными снятиями латералей или естественной конвергенции краев. Дистальная часть в основном также уплощена сколами с контрфронта, чтобы будущие целевые снятия имели перьевидный дистал. Все площадки плоские, по рельефу – гладкие (35 %), фасетированные (50 %), естественные (15 %). Как представляется, главным критерием выступал угол схождения предполагаемых плоскостей фронта и площадки ядрища, т. е. если естественная конвергенция фасов галечной

заготовки обеспечивала нужный угол, то никакой дополнительной обработки площадки не производилось. В противном случае угол достигался единственным снятием, либо серией небольших снятий со стороны предполагаемого фронта.

Плоскостное параллельное расщепление представлено также вариантом полюсных монофронтальных нуклеусов размерами 75–95 × 55–80 × 30–45 мм ($n = 5$). Оформление латералей не отличается от одноплощадочных экземпляров, но все площадки фасетированные. Возможно, ядрища представляют примеры апробации разных площадок. Один из нуклеусов косвенно доказывает такое предположение: негативы встречных снятий «упираются» в одну и ту же ступень на фронте. В этой категории «пробников» – также плоскостной экземпляр, демонстрирующий совмещение на одном изделии нескольких фронтов. Это бифронтальный нуклеус с тремя площадками. Один фронт несет негативы встречных снятий, второй на противоположной стороне ядрища – перпендикулярные направлению скалывания на первом фронте.

Плоскостное конвергентное скалывание демонстрируют радиальные ядрища в монофронтальных ($n = 9$) и бифронтальных ($n = 4$) вариантах. Размеры – 70–145 × 70–120 × 35–65 мм. В основном нуклеусы также относительно плоские; уплощенные экземпляры всегда несут на фронте крупный ступенчатый залом. В одном случае можно точно утвер-

Таблица 3. Категории нуклевидных изделий
Table 3. Types of cores

Категория	Принцип	Способ	Группа	Ед.	%	
преформы и нуклеусы	плоскостной	параллельный	монофронтальный одноплощадочный	20	29,0 %	44,9 %
			монофронтальный одноплощадочный торцевой	6	8,7 %	
			монофронтальный полюсной	5	7,2 %	
		конвергентный	монофронтальный веерный	1	1,4 %	20,3 %
			монофронтальный радиальный	9	13,0 %	
			бинофронтальный радиальный	4	5,8 %	
	прото призматический	подпризматический	монофронтальный одноплощадочный	20	29,0 %	
	смежный (фронт = площадка)			2	2,9 %	
бессистемный			2	2,9 %		
Итого преформ и нуклеусов:				69	100,0 %	
нуклеусы-«пробники»				9		
обломки нуклеусов				12		
Итого нуклевидных изделий:				90		

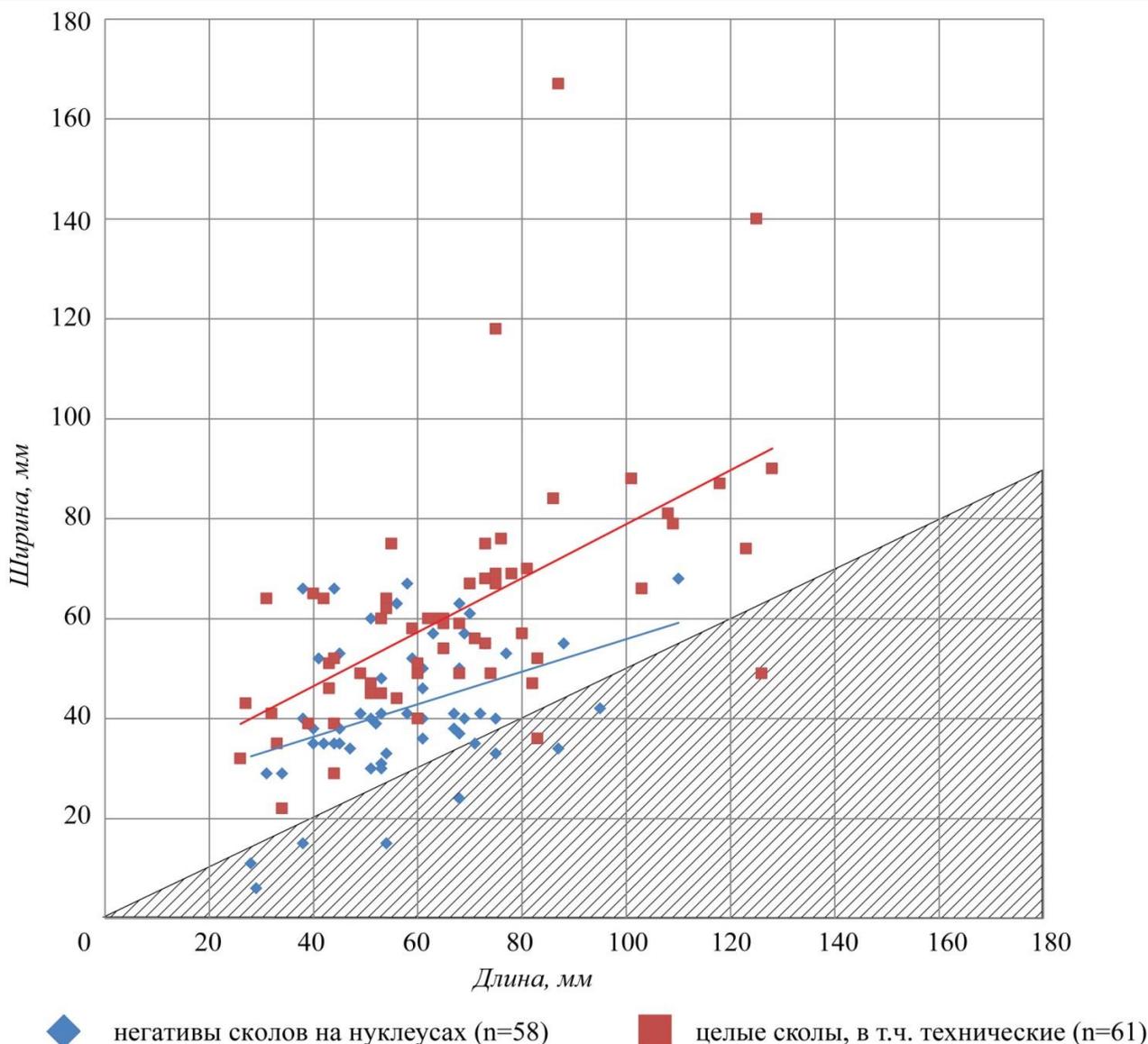

Рис. 2. Точечная диаграмма. Линейные размеры сколов, включая технические, и негативы на нуклеусах. Штрихованная область на графике соответствует пластинчатым снятиям с соотношением сторон 1 : 2, цветные линии – линейные тренды

Fig. 2. Scatterplot. Linear dimensions of flakes, including core trimming flakes, and negatives on cores. Shaded area is associated with the ratio of 1/2, colored lines - with linear trends

ждать, что заготовкой служила уплощённая эллипсоидная галька, судя по остаточной галечной корке на обоих фронтах. Негативы показывают, что сколы-заготовки – некрупные отщепы с соотношением сторон, близким к 1:1. Несколько изделий на периметре несут рудименты плоского талона, что предполагает этап переоформления параллельного нуклеуса в радиальный в *shema operatoir*. Конвергентное скалывание также зафиксировано на трапецевидном в плане нуклеусе с веерообразным фронтом (n = 1).

Торцевые нуклеусы (n = 6) из-за специфики расположения фронта выделены в отдельную категорию, хотя они и утилизируются плоскостным

параллельным однонаправленным скалыванием. В качестве заготовок выступают крупные сколы размерами 80–100 × 80–100 мм (рис. 3.2), в двух случаях – небольшие обломки размерами 60–80 × 20–40 мм (рис. 3.8). Фронт узкий, несет на всю ширину негативы двух-трех снятий. Латерали представлены гладкой вентральной поверхностью скола-заготовки и уплощенной дорсальной. Контрфронт с острым естественным углом конвергенции граней, либо полурёберчатый. Площадки мелких ядрищ гладкие, под углом 80° к фронту, крупных – естественные, скошены относительно поперечной оси под углом 60–70° к фронту.

Рис. 3. Фото и рисунки археологического материала Горы Долгой. Нуклеусы и технические сколы:
 1, 6 – плоскостные параллельные нуклеусы; 2, 8 – торцевые нуклеусы; 3, 4, 7 – технические сколы;
 5 – подпризматический нуклеус. Рисунок 6 выполнен по: (Медведев, 1983. Рис. 78)

Fig. 3. Photos and drawings of the archaeological material of Gora Dolgaya. Cores and core trimming flakes:
 1, 6 - flat faced cores; 2, 8 - edge-faceted cores; 3, 4, 7 - core trimming flakes; 5 - subprismatic core. Drawing 6 is based on:
 (Medvedev, 1983. Fig. 78)

Широко представлено призматическое расщепление ($n = 20$). Подпризматические нуклеусы имеют форму полного или усеченного конуса с полукруглым основанием, т. е. выпуклую дугу скалывания и уплощенный естественный или оформленный несколькими сколами контрфронт (рис. 3.5). Размеры варьируют от совсем небольших ядрищ $40 \times 75 \times 60$ мм до очень крупных – $200 \times 120 \times 130$ мм. Площадки естественные (15%) или оформленные несколькими крупными сколами (70%), редко – фасетированные мелкими сколами (15%). Половина ядрищ – вытяну-

тые в продольном сечении, с низким фронтом. В основе протопризматического принципа расщепления в ансамбле Горы Долгой лежит совмещение нескольких плоскостных фронтов, что четко демонстрирует пирамидальный нуклеус с практически квадратной площадкой и тремя смежными фронтами. В трех случаях контрфронт с площадкой естественные, т. е. преформой выступали рассеченные по диагонали подпрямоугольные гальки. По негативам снятий можно зафиксировать прием переоформления ядрищ из подпризматических форм в параллельные

плоскостные или наоборот путем переориентации направления скалывания на 90°. Однако главной линией переоформления выступает постепенное «сведение» выпуклости фронта до практически прямых углов конвергенции с площадкой и дальнейшее оформление новой площадки и плоскостного расщепления фронта. Утилизация некоторых протопризматических нуклеусов (n = 4) оставлена из-за множества ступенчатых заломов на фронте, на них фиксируются следы неудачных попыток переоформления фронтов с другой плоскости. В единичном экземпляре встречается практически полностью сработанная остаточная «призматическая» форма.

Так называемые смежные нуклеусы совмещают призматический и плоскостной принципы расщепления (n = 2). Они имеют две сходящихся под углом около 70° плоскости, которые выступают одновременно и как фронт, и как площадка, т. е. скалывание ведется от ребра. Контрфронт плоский, т. е. выделить приоритетную плоскость скалывания невозможно из-за аналогичных размеров негативов сколов-заготовок.

Кроме всего перечисленного, в ансамбле Горы Долгой зафиксированы два нуклеуса на крупных эллипсоидных гальках. Они отнесены к категории бессистемных, потому что одиночные негативы снятий расположены с разных сторон отдельностей. На одном фиксируется неудачная попытка оформления ребра. В особую категорию нуклевидных изделий «пробников» можно выделить крупные отщепы и их обломки (n = 9) с негативами 1–3 целевых снятий и/или признаками подготовки зоны расщепления в виде множественных ступенчатых негативов. Также

зафиксированы многочисленные обломки нуклеусов (n = 12), малоинформативные в плане определения системы расщепления.

Технические сколы. Выявленные технические снятия можно разделить на сколы формирования зоны расщепления, ее поддержания и переоформления (табл. 4). Их соотношение достаточно логично в естественной иерархии производственных процессов раскрытия каменного сырья. К первой группе относятся: (1) короткие краевые сколы для радиальных нуклеусов, характеризующиеся параллельными плоскостями ударной площадки и дистального окончания и/или сопряжением под тупым углом проксимального сегмента дорсальной поверхности и ударной площадки; направлены на создание зоны расщепления, в т. ч. оптимального угла скалывания; (2) треугольные в сечении, массивные (толщиной 17–34 мм), удлинённые продольно-краевые сколы, часто с «заныривающим» дистальным окончанием, направленные на формирование плоскости фронта нуклеусов; (3) полупервичные продольно-краевые пластины с той же функцией; (4) псевдолеваллуазское острие (рис. 3.7).

Удлиненные сколы поперечной подправки дуги скалывания с полуреберчатой огранкой (5) и сколы продольной подправки фронта (рис. 3.3) с негативами множественных заломов и ступенчатых снятий (6) направлены на исправление рельефа фронта и зоны удара. В этой категории два скола овальной формы с ортогональной и радиальной огранкой ступенчатыми снятиями имеют сильно выпуклый дорсал, что создает видимость леваллуазского «черепавидного» снятия.

Таблица 4. Категории технических сколов

Table 4. Types of core trimming flakes

Назначение	Категория	Ед.	%	Общее, ед.	%
формирование зоны расщепления	краевые сколы для радиальных нуклеусов (1)	3	6,5%	19	41,3%
	массивные продольно-краевые сколы (2)	10	21,7%		
	полупервичные продольно-краевые пластины (3)	5	10,9%		
	псевдолеваллуазское острие (4)	1	2,2%		
поддержание зоны расщепления	сколы поперечной подправки дуги скалывания (5)	6	13,0%	15	32,6%
	сколы продольной подправки фронта (6)	9	19,6%		
переоформление зоны расщепления	поперечные сколы редукции фронта (7)	5	10,9%	12	26,1%
	продольные сколы уплощения фронта (8)	5	10,9%		
	скол редукции площадки (9)	1	2,2%		
	скол переориентации направления скалывания (10)	1	2,2%		
Итого		46	100%		

С функцией переоформления связаны поперечные снятия, редуцирующие часть фронта нуклеуса (7), несущие на дорсале поперечные негативы параллельных снятий; предположительно, они сделаны после исчерпания объема полезного фронта и направлены на формирование новой плоскости расщепления. Также представлены утолщенные продольные сколы с массивными естественными площадками и радиальной, ортогональной или бипродольной огранкой (8), предположительно, направленные на уплощение фронта нуклеусов, т. е. их переоформления из объемных (пирамидальные, протопризматические) в плоскостные (рис. 3.4). Среди уникальных технических снятий можно отметить скол с двумя сопряженными под тупым углом крыловидными площадками, с углом скалывания около 30° (9). Предположительно, он был направлен на переориентацию направления скалывания, после того, как расщепление с предыдущей площадки стало проблемным из-за приближения угла скалывания к 90°. Также в коллекции присутствует технический скол с продольным изломом (10), редуцировавший часть площадки подпризматического нуклеуса вместе с фронтом.

Сколы с полностью или наполовину галечной дорсальной поверхностью (n = 39) не отнесены в категорию технических, так как они зачастую выступали в качестве целевых заготовок для орудийных форм (скребла, сколы с выемкой, долотовидные орудия). Такое использование «неподготовленных» снятий в совокупности с естественными галечными площадками у нуклеусов предполагает отсутствие стадии «разжелвачивания» в технологическом процессе. Наличие других категорий технических снятий в коллекции вполне возможно, однако коррозия и особенности расщепления кварцитов, затрудняют их определение.

Отщепы и пластины. Подавляющая часть сколов, за исключением технических, представлена отщепами (n = 163) со средними размерами 57,2 × 57,8 × 17,5 мм (рис. 2). Большинство снятий фрагментировано в поперечной плоскости (74 %) и/или несет продольный излом (6 %). По форме в плане отщепы можно разделить на подовальные (26 %), прямоугольные (26 %), трапециевидные (6 %), треугольные (9 %), а также неопределимые (44 %). Большая часть отщепов имеет прямой продольный профиль (49 %), некоторые снятия изогну-

тые (7 %), почти половина неопределимые (47 %). Форма дистального окончания на большей части отщепов неопределима (57 %), доминируют перьевидные (26 %); встречаются отщепы, редуцирующие основание ядрищ (12 %), сколы со ступенчатым (4 %) и петлевидным (1 %) дисталом. Огранка дорсальной поверхности по большей части продольная (20 %), гладкая (13 %), радиальная (9 %) и естественная (7 %); также встречается бипродольная (3 %), встречная (2 %) и ортогональная (2 %); почти половина снятий неопределима из-за фрагментации (44 %). Часть отщепов с радиальной огранкой (n = 6) можно отнести к категории леваллуазских снятий, полученных центростремительным методом, однако с одной оговоркой – все они имеют гладкий плоский талон. Также выделяется немногочисленная группа долечных сколов (n = 5).

Пластин-заготовок в коллекции 22 экземпляра, причем только одна целая. Представлены в основном медиальными фрагментами до 50 мм в длину, с параллельными или субпараллельными краями. Треугольные или трапециевидные в медиальном сечении. По краю в большинстве случаев фиксируются выщербленности, однако утверждать, что это следы утилизации однозначно нельзя из-за заглаженности фасеток. Большая часть (82 %) относится к категории средних пластин с шириной от 20 до 40 мм, остальные пластины крупные – 42–74 мм. Единично встречается продольная, бипродольная, встречная, естественная огранка дорсальной поверхности.

Особенности расщепления. Технологические особенности расщепления демонстрируют сколы, включая технические, которые сохранили контактную зону, т. е. проксимальную часть (n = 128). Прямая редукция карниза зафиксирована на 28 сколах (22 %). Выпуклый ударный бугорок практически отсутствует, предположительно, из-за особенности кварцитов. По характеру обработки остаточные ударные площадки в основном гладкие (50 %), также встречаются естественные (13 %), разрушенные (13 %), фасетированные (10 %), двухгранные (4 %), неопределимые (4 %). Часть талонов редуцирована ударом (6 %). Размеры сохранившихся талонов (n = 96) в среднем 29,8 × 12,5 мм (рис. 4); рельеф почти всегда плоский (88 %), ассиметричный (72 %). Угол схождения площадки сколов и вентральной плоскости варьирует: более 120° фиксируется у 10%

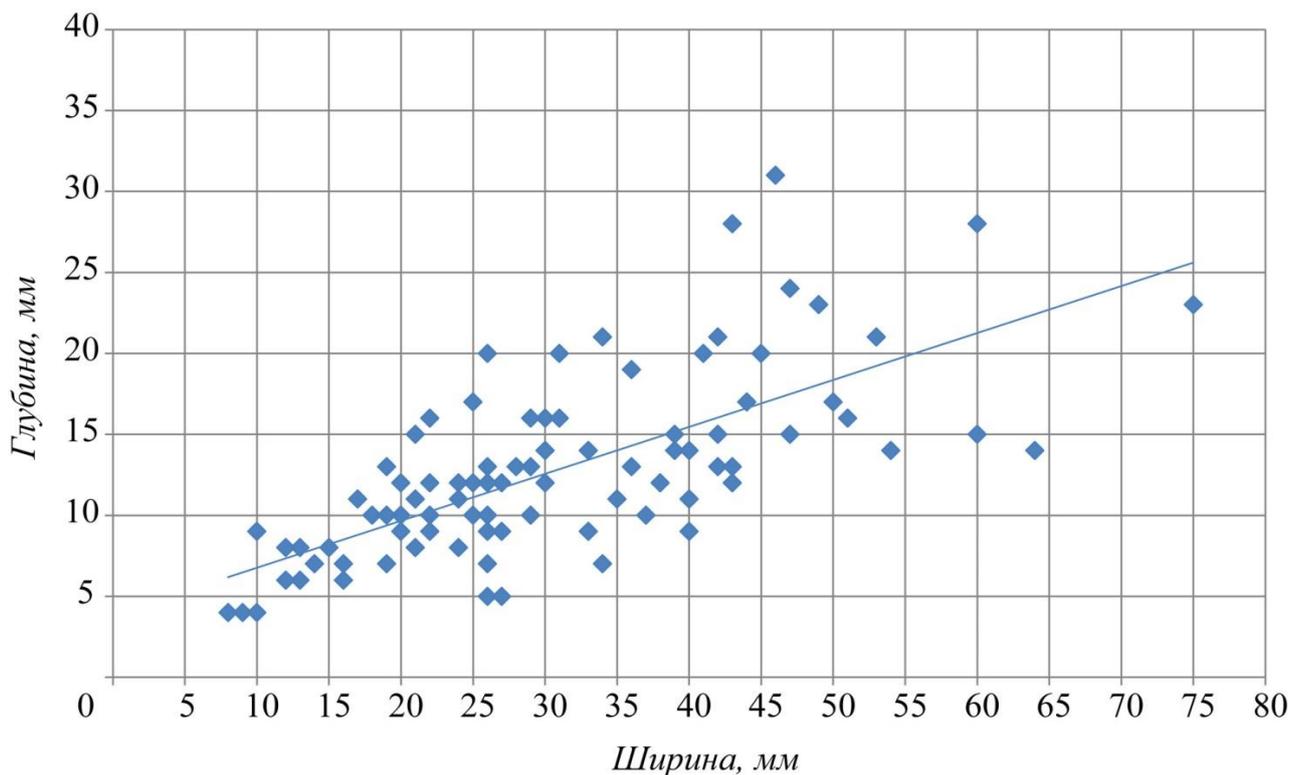

Рис. 4. Точечная диаграмма. Линейные параметры остаточных ударных площадок (n = 96)
Fig. 4. Scatterplot. Linear dimensions of butts (n = 96)

снятий, от 120 до 105° – у 73 % снятий, менее 105° – у 12 % снятий.

Коэффициент массивности индустрии был рассчитан по методике М. Бургона и Н.К. Анисюткина (Анисюткин, 1968). Средняя длина целых сколов (n = 62), включая технические, равна 68 мм, средняя ширина – 61,4 мм, средняя толщина – 20,8 мм. Из этого следует: удлинённость $A = 68 \times 100 / 61,4 = 110,7$; сечение $S = 20,8 \times 100 / 61,4 = 33,9$; массивность $M = 33,9 \times 100 / 110,7 = 30,6$. Полученные значения приближают индустрию по формальным морфологическим показателям к раннепалеолитическим.

Для вычисления технологических индексов были привлечены данные по всем сколам, сохранившим относительную целостность, т. е. целым экземплярам, медиально-дистальным и проксимально-медиальным фрагментам (n = 107); пластинчатым снятиям, включая технические, такой же целостности (n = 9); всем сохранившимся остаточным ударным площадкам (n = 98), в том числе фасетированным и двугранным (n = 18); совокупности отщепов, обладающих формальными признаками применения центростремительного метода, в том числе технических, а также псевдолеваллуазского острия (n = 9). Как результат вычислений, индекс широкого

фасетирования – $IF = 18/99 \times 100 = 18,1$; индекс пластинчатости – $9/107 \times 100 = 8,4$; технологический индекс леваллуа – $9/107 \times 100 = 8,4$. Последнее значение имеет условный вес, так как для его вычисления были привлечены сколы, являющиеся леваллуазскими в широком смысле.

Технико-типологический анализ орудийного набора

Общий состав орудийного инвентаря Горы Долгой представлен в таблице 5. Орудийный набор (n = 69) выполнен на отщепе (67 %), пластине (6 %), технических сколах (13 %), обломках (10 %), гальках (3 %) и в единичном случае на нуклеидном изделии (1 %). В качестве вторичной обработки использовалась ретушь (n = 54; 78 %), также фиксируются приемы обтески и формирования выемок. По дислокации на изделиях ретушь дорсальная (57 %), вентральная (22 %), двухсторонняя (11 %), в пяти случаях (9 %) невозможно определить фас изделия. Тип ретуши по форме фасеток – чешуйчатый (31 %), ступенчатый (22 %), субпараллельный (8 %), неопределимый (12 %); также фиксируется ретушь утилизации (27 %). Наклон ретуши в большинстве случаев (85 %) составляет 60–70°.

Таблица 5. Орудийный набор
Table 5. Types of tools

Категории		Кол-во, ед		%
Скребла	поперечно-выпуклое ординарное	3	11	15,9 %
	продольно-выпуклое (ординарное/двойное)	7 (6/1)		
	вогнутое	1		
Скребок	боковой	2	5	7,2 %
	концевой	1		
	комбинированный	1		
	фигурный	1		
Долотовидное орудие		2		2,9 %
Орудие с «носиком»		2		2,9 %
Унифас миндалевидный		1		1,4 %
Отбойник		2		2,9 %
Предмет искусства		2		2,9 %
Заготовка орудия		2		2,9 %
Скол с выемкой		8		11,6 %
Скол с ретушью		34		49,3 %
Итого		69		100,0 %

Отбойники представлены двумя орудиями. Первое выполнено на уплощенной порфириковой гальке. Рабочая часть выражена по всей полуокружности галечного терминала в виде следов сильной забитости. Вес отбойника – 412 г. Второе изделие представляет собой массивное подчетырёхугольное в плане орудие на кварцитовой гальке (рис. 5.1). На терминале унифасиальной обработкой сформирован рабочий край с углом 80°. На прилегающей стороне – бифасиально оформленная выемка с таким же углом заострения. С остальных сторон изделие сохраняет первоначальный объем с прямоугольным сопряжением граней, также несет следы ступенчатых снятий. По всему периметру фиксируется забитость, выраженная в множественных мелких ступенчатых негативах. Вес – 1456 г. Отнести это орудие к нуклеусам/пренуклеусам мешает сформированная выемка, к рубящим орудиям – угол заострения рабочей кромки и следы забитости по периметру, в т. ч. на тупых гранях. Таким образом, это орудие также предварительно классифицировано как отбойник для первичного раскалывания валунов. Подобный тип орудий в верхнепалеолитических комплексах Приангарья интерпретируется как отбойники для «мягких» материалов, в т. ч. кости и рога (Медведев, 1961; Мещерин, Клементьев и др., 2025).

Орудия с «носиком» (n=2) имеют массивное поперечное сечение, т. е. отношение толщины к ширине около 1 : 2. Одно из орудий, «носик» которого выделен альтернативной ретушью, представлено заготовкой с галечным обушком, второе – предположительно, законченное, с застроенным дорсальной обтеской кончиком и искусственно оформленным обушком (рис. 5.2).

Долотовидные орудия (n = 2) имеют вытянутую, овальную в плане форму, выполнены на галечных сколах (рис. 6.6). Вентрал несет негативы уплощающих радиальных снятий. На терминале расположен бифасиально заостренный рабочий край со следами забитости. Преформой этого типа может являться унифас миндалевидной в плане формы (рис. 5.3). В коллекции Горы Долгой он зафиксирован в единственном экземпляре. Имеет вылом, предположительно, вызванный неудачной попыткой радиального снятия. По периметру фиксируется забитость, но из-за характера сырья, – зернистого кварцита, – точно интерпретировать ее происхождение невозможно. Она может являться как следами утилизации, так и подправкой карниза перед дальнейшими уплощающими снятиями.

Скребки (n = 5) представлены двойным концевым (рис. 6.7), фигурным, боковыми типами. Фигурный скребок фрагментирован, выполнен на первичном сколе. Ретушированная выемка на маргинале плавно переходит в концевое лезвие. Скребла (n = 11) зафиксированы в продольно- и поперечно-выпуклых вариантах с одним или двумя лезвиями на целых и фрагментированных сколах (рис. 6.1.4). К заготовке вогнутого скребла можно отнести подтреугольный в плане скол с несколькими снятиями на маргинале. Типологически близкая к концевым скребкам форма представлена фрагментированным скреблом с сильно-выпуклым лезвием, оформленным крутой ретушью (рис. 6.3).

Также в коллекции присутствуют два предмета, классификация которых затруднительна. Первое представлено кварцитовой пластиной со следами корразии средней степени (рис. 6.5). Размеры 56 × 28 × 10 мм. Дорсальная огранка бипродольная, талон снят ударом с вентральной части. В нижней трети пластина имеет оформленный выемками фигурный «трехглавый» контур. Второй предмет не коррадирован, изготовлен из кварцитового отщепы путем унифасиальной обработки (рис. 6.8). Размеры

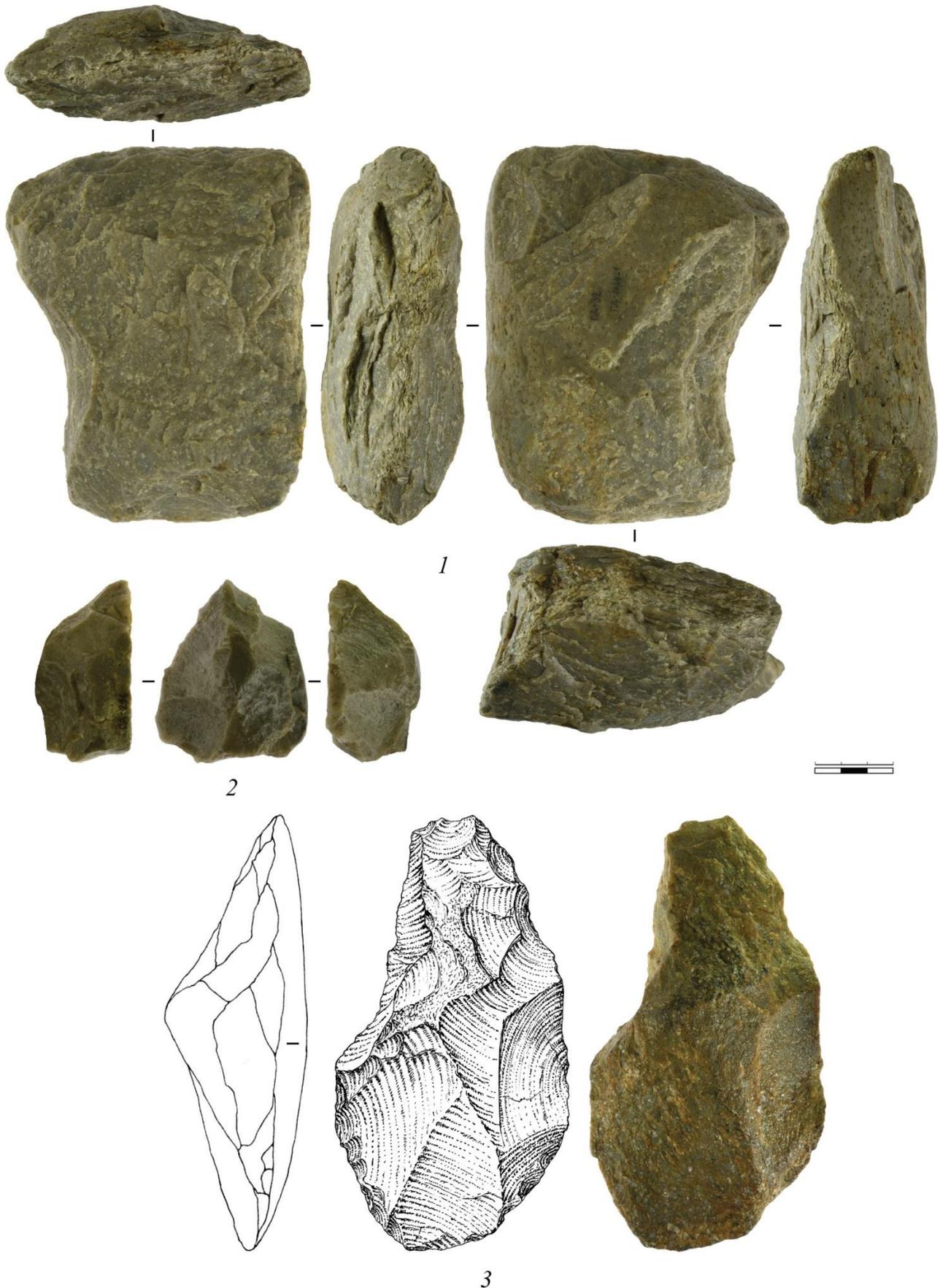

Рис. 5. Фото и рисунки археологического материала Горы Долгой. Орудия: 1 – отбойник (?); 2 – орудие с «носиком»; 3 – унифас

Fig. 5. Photos and drawings of the archaeological material of Gora Dolgaya. Tools: 1 - hard hammer (?); 2 - tool with a tip; 3 - uniface

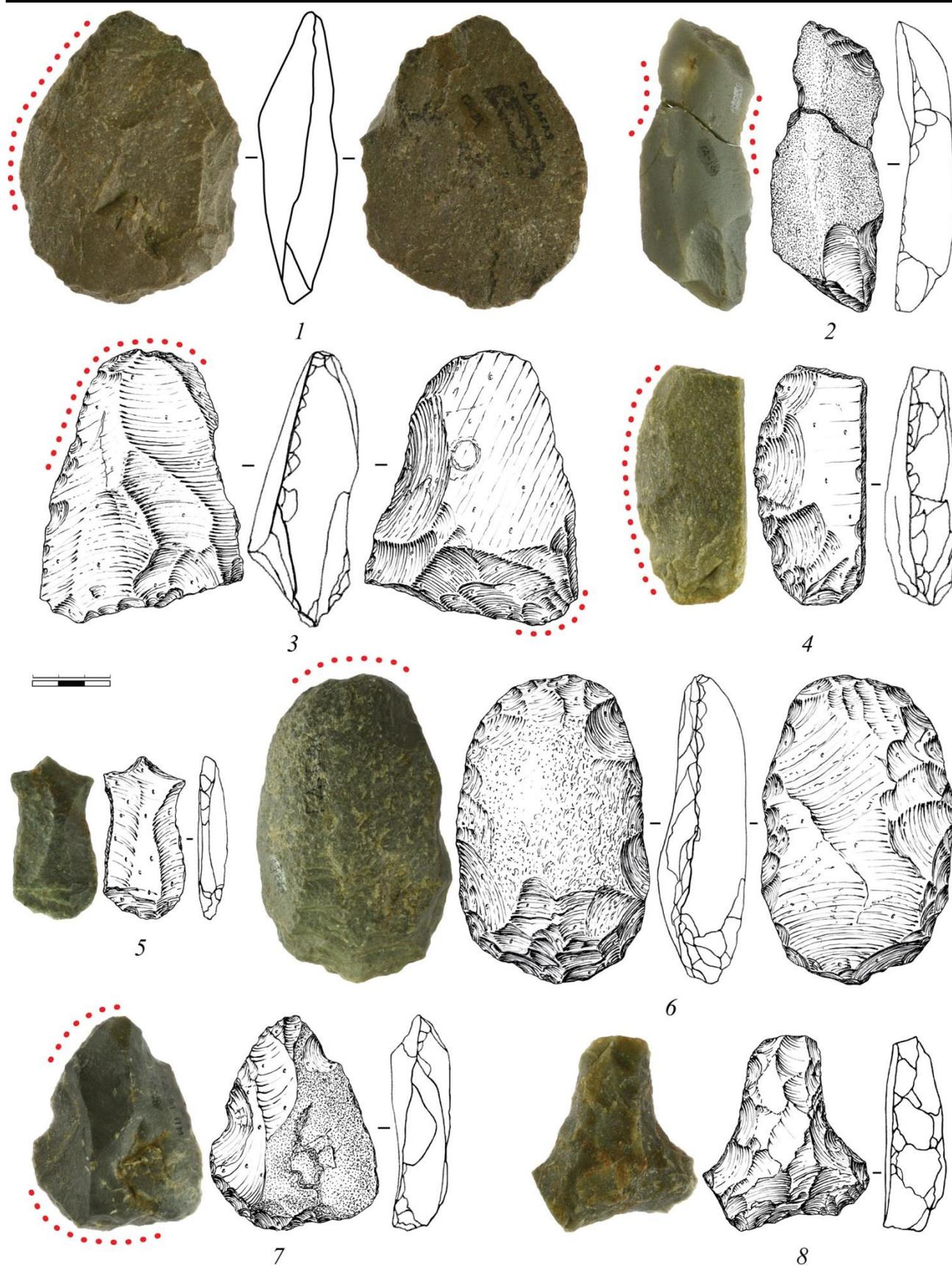

Рис. 6. Фото и рисунки археологического материала Горы Долгой. Орудия: 1, 3, 4 – скребла; 2 – орудие с выемкой; 5, 8 – предметы палеоглиптики (?); 6 – долотовидное орудие; 7 – скребок. Красный пунктир показывает рабочие участки
Fig. 6. Photos and drawings of the archaeological material of Gora Dolgaya. Tools: 1, 3, 4 - side-scrapers; 2 - strangled blade; 5, 8 - glyptic art (?); 6 - chisel-like tool; 7 - double end-scrapers. Red dotted lines represent working edge

69 × 58 × 21 мм. Имеет Т-образную в плане форму, один терминал представлен естественной поверхностью талона, второй – круто ретуширован, третий – обломан. В поперечном сечении каждый сегмент односторонне выпуклый. Такая форма дорсала придана предмету ступенчатой интенсивной ретушью. Аналогов этим артефактам в археологическом контексте среднего, верхнего и финального палеолита Прибайкалья не обнаружено. По мнению автора, можно осторожно предположить неутилитарную функцию артефактов и соотнести их с предметами палеоглиптики, т. е. скульптуры, выполненной техниками расщепления камня (Панкина, 2024).

Кроме перечисленных орудий, в коллекции зафиксировано два изделия с плоским «вентралом» и сильновыпуклым «дорсалом» с остаточными радиальными негативами. Боковые грани уплощены и сопряжены с «вентралом» практически под прямым углом, однако несут следы прямого удара. Несмотря на то, что следов вторичной обработки не зафиксировано, эти предметы из-за повторяемости формы предварительно отнесены к формальным орудийным заготовкам.

Неформальные орудия представлены сколами с выемками и ретушью. Первая группа (n = 8) включает в себя снятия с неглубокими выемками на дорсале, возможно сформированными в ходе утилизации. Угол в основном 60–70°, протяженность 18–25 мм. В двух случаях выемки выполнены симметрично друг другу на маргиналах треугольных в сечении краевых пластин с коркой, образуя «перехват» (рис. 6.2). Вторая группа – наиболее многочисленная из изделий со вторичной обработкой (n = 34). Ретушь фиксируется в основном на отщепах-заготовках и их фрагментах, и в меньшей степени на технических сколах (n = 3), представленных краевыми снятиями, в том числе на псевдолеваллуазском острие. Можно выделить два овальных в плане отщепа, покрытых с одной стороны захватывающей приостряющей (50°) ретушью; два фрагментированных отщепа с полукрутой дорсальной ретушью с одного маргинала и вентральной – с другого; технический скол продольной подправки фронта, дистал которого усечен крутой ретушью.

Обсуждение

Каменная индустрия Горы Долгой базировалась на раскросе локального кварцитового галечного

сырья. Технологические индексы свидетельствуют, что ее можно охарактеризовать как непластинчатую, нелеваллуазскую, нефасетированную. Форма отдельностей диктовала применяемый принцип и способ расщепления: плоскостной параллельный или радиальный, либо протопризматический в случае объемных заготовок. Объемные ядрища утилизировались путем выработки объема фронта, после чего техническими снятиями производилось уплощение заготовки. Торцовое расщепление в индустрии может свидетельствовать об относительно древнем появлении приема расположения фронта на узкой стороне заготовки в палеолите Байкальской Сибири, либо может интерпретироваться как верхнепалеолитический компонент.

Зафиксированы приемы исправления и переориентации плоскостей скалывания. Подготовка площадки производилась по мере необходимости для достижения необходимого угла скалывания: от естественных к гладким, и далее – к фасетированным. Массивные талоны сколов свидетельствуют об осуществлении контроля силового импульса посредством удаления точки удара от края нуклеуса (Нехорошев, 1999). Прием формирования ребра зафиксирован только для формирования первоначальной плоскости скалывания на гальке, причем дальнейшее скалывание от него и производилось. Для придания выпуклости фронта он не использовался, практически все технические снятия естественно-краевые и продольно-краевые.

Присутствие специализированной техники леваллуа под вопросом. Часть сколов овальных и подпрямоугольных пропорций с радиальной огранкой дорсала, в том числе технических снятий переоформления фронта или исправления его рельефа, на первый взгляд, ассоциируются с получением леваллуазских отщепов «центростремительным» методом. Этот метод хорошо представлен в среднем палеолите Северной Азии (Rybin, Khatsenovich, 2020). В ансамбле Горы Долгой такие сколы почти всегда имеют массивный естественный талон и/или следы радиальных снятий ударом с вентрала, т. е. «доработанную» после отделения целевого скола форму. Больше всего они напоминают недоработанные преформы леваллуазских нуклеусов для отщепов. В коллекции также присутствуют несколько отщепов (n = 3), которые напоминают вторичные леваллуазские сколы, т. е. имеют трапециевидное сечение, крыловидный талон,

дорсал несет негатив крупного центрального снятия и остаточные негативы от радиальных сколов. Однако рельеф талонов гладкий, что в совокупности с отсутствием соответствующих нуклеусов и малочисленностью подобных сколов может свидетельствовать о случайном характере их образования. Единичный плоскостной нуклеус с негативом крупного снятия, почти полностью редуцировавшего основную часть фронта, сложно назвать леваллуазским из-за гладкого талона и естественного галечного дистала, скорее такое снятие ситуационное нежели специальное.

Можно сделать вывод, что расщепление кварцитов на Горе Долгой обходилось без применения специализированных леваллуазских методов. Объяснением этому могут служить два связанных друг с другом обстоятельства. Первое предполагает, что профицит галечного сырья делал излишним применение технологически «длинной» операционной цепочки, предполагающей тщательную подготовку зоны расщепления и фронта нуклеуса. Плоскостное расщепление с естественных и гладких площадок, в том числе с совмещением нескольких плоскостей скалывания, хотя и увеличивало процент брака и неудачных снятий, но удовлетворяло потребность древних мастеров в сколах-заготовках. Второе обстоятельство имеет гипотетический характер и предполагает автохтонность индустрии, т. е. отсутствие связи со среднепалеолитическими леваллуазскими комплексами соседних территорий (Забайкалье, Монголия и Горный Алтай) в силу относительного возраста и/или происхождения ее носителей.

Орудийный набор – унифасиальный, содержит как условно верхнепалеолитические, так и среднепалеолитические типы. К маркирующим предметам можно причислить вогнутые скребла и миндалевидный унифас. Эти изделия характерны для других объектов «олонского пласта», в том числе зафиксированы в ансамбле Горы Глиняной, но почти не встречаются в верхнепалеолитических коллекциях Приангарья. Интересная форма орудия с «носиком» находит аналогии в раннем палеолите Восточно-Европейской равнины среди орудий категории пик с оформленным обушком (Анисюткин, 2021).

Судить о возрасте индустрии, ориентируясь на технико-типологические характеристики, достаточно сложно. Можно отметить, что она явно не раннепалеолитическая, исходя из достаточно развитой линии раскрытия нуклеусов и набора орудийных типов. Чоп-

перы, чоппинги, пики на галечных заготовках отсутствуют. Специализированных леваллуазских методов, которые могли бы обеспечить параллели со среднепалеолитическими комплексами Монголии, Забайкалья и Горного Алтая также не зафиксировано. Некоторая технологическая «близость», в том числе в приеме ударной редукции остаточных площадок сколов, прослеживается с нефасетированной и непластинчатой индустрией нижних слоев восточной галереи Денисовой пещеры (Козликин, 2019), которая соотносится по разным оценкам с начальной либо финальной порой среднего палеолита (Jacobs, Li et al., 2019; Славинский, Цыбанков, 2020). С другой стороны, параллели ансамбля Горы Долгой можно увидеть в «мамонской» группе индустрий периода раннего верхнего палеолита Южного Приангарья (Когай, 2018)⁴. Они включают в себя широкое использование плоскостного отщепового расщепления параллельным и радиальным способом, присутствие в орудийном наборе сочетания скребел и скребков, а также наличие предметов неутилитарного назначения.

Заключение

Несмотря на почти 10-летнюю историю исследований, экспонированный ансамбль Горы Долгой продолжительное время оставался практически без соответствующих публикаций. Проведенная ревизия позволила выявить ряд его характерных особенностей. Следы корразии имеют относительно одинаковое распространение по всей привершинной поверхности, где фиксировался археологический материал. Это косвенно указывает на схожие постдепозиционные условия при тафономизации отдельных пунктов комплекса. Соотношение категорий находок на этих пунктах опровергает ранее выдвинутое предположение о хозяйственной дифференциации комплекса. Материалы Горы Долгой, за исключением коллекции, собранной на береговой линии в 1973 г., можно рассматривать как единый комплекс, сформированный в рамках одного культурно-хронологического этапа.

Индустрия базируется на кварцитовом сырье местного происхождения из состава «водораздельных галечников», что определило специфику техно-

⁴ Когай С.А. Ранний верхний палеолит Иркутского геоархеологического района (вторая половина каргинского интерстадиала – начало сартанского стадиала) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2018.

логических приёмов. Основу производства составляют плоскостные параллельные и радиальные методы, а также протопризматические принципы расщепления для объёмных заготовок. Отсутствие специализированных леваллуазских техник, несмотря на наличие отдельных снятий с радиальной гранкой, предполагает автохтонный характер индустрии в контексте среднего палеолита региона, связанный с доступностью сырья и упрощёнными операционными цепочками. Технологические индексы указывают на непластинчатый и нефасетированный характер индустрии, что сближает её с раннепалеолитическими традициями, но исключает прямые параллели со среднепалеолитическими комплексами Монголии и Забайкалья. При этом наличие торцовых нуклеусов и элементов протопризматического расщепления может свидетельствовать о переходных чертах между средним и верхним палеолитом. Орудийный набор демонстрирует сочетание средне-

и верхнепалеолитических традиций. Особый интерес представляют два артефакта, интерпретированные как предметы палеоглиптики. Уникальность артефактов может быть связана с их символическим значением, хотя для подтверждения этой гипотезы требуются дополнительные исследования.

После проведенного анализа хронология индустрии по-прежнему остаётся дискуссионной. Исключена атрибуция комплекса ранним палеолитом, однако технологические сходства с материалами нижних слоев Денисовой пещеры и «мамонской» группой РВП Приангарья предполагает хронологический диапазон, который может включать как средний, так и верхний палеолит. Дальнейшие перспективы исследования комплекса, по мнению автора, предполагают поиск стратифицированных аналогов в ближайшем территориальном окружении, а также ревизии технологического контекста других индустрий «олонского палеолитического пласта».

Список источников

Анисюткин Н.К. Дополнение к методике обработки нижнепалеолитических комплексов // Археологический сборник Государственного Эрмитажа (АСГЭ). 1968. № 10. С. 5–8.

Анисюткин Н.К. Орудия категории пик в древнейшем раннем палеолите юга Восточно-Европейской равнины // Археологические вести. 2021. № 33. С. 18–27. DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-18-27. EDN: YUOGDW.

Дебена А., Диббл Г.Л. Руководство по типологии палеолита. Иркутск: Оттиск, 2010. Т. 1: Нижний и средний палеолит Европы. 210 с.

Козликин М.Б. Ранняя стадия среднего палеолита Алтая: новые данные // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2019. Т. 18. № 3: Археология и этнография. С. 45–52. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-3-45-52. EDN: TVPVQW.

Кузнецов А.М., Липнина Е.А., Молчанов Д.Н. Эоловая коррозия археологических комплексов: к постановке проблемы // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2024. № 1. С. 367–384. DOI: 10.55086/sp241367384. EDN: TUFAXD.

Липнина Е.А., Медведев Г.И. Некоторые представления о литотехностратегиях раскря (debitaje) «монолитов» в среднеплейстоценовых ансамблях каменных артефактов // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения: материалы докладов Международного симпозиума, посвященного 130-летию открытия палеолита в России, Иркутск, 01–09 августа 2001 года. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 252–256.

References

Anisyutkin N.K. (1968). Addition to the method of processing Lower Paleolithic complexes. *Archaeological Papers of the State Hermitage Museum*. No. 10. P. 5–8. (In Russ.).

Anisyutkin N.K. (2021) Stone tools of the pick category in the Earliest Paleolithic of the south of the East European Plain. *Archaeological Bulletin*. No. 33. P. 18-27. (In Russ.). DOI: 10.31600/1817-6976-2021-33-18-27. EDN: YUOGDW.

Debena A., Dibbl G.L. (2010) Handbook of Paleolithic typology. Vol. 1: Early and Middle Paleolithic of Europe. Irkutsk: Ottisk, 210 p. (In Russ.).

Kozlikin M.B. (2019) The Early Middle Paleolithic in Altai: New Data. *Bulletin of NSU. Series: History, Philolog.* Vol. 18. No. 3. *Archaeology and Ethnography*. P. 45-52. (In Russ.). DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-3-45-52. EDN: TVPVQW.

Kuznetsov A.M., Lipnina E.A., Molchanov D.N. (2024) Aeolian corrasion of archaeological complexes: setting the issue. *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. No. 1. P. 367-384. (In Russ.). DOI: 10.55086/sp241367384. EDN: TUFAXD.

Lipnina E.A., Medvedev G.I. (2001) Some hypothesis about lithotechnological knapping strategy (debitaje) of «monolithic» in Middle Pleistocene lithic assemblages. *Sovremennye problemy Evraziiskogo paleolitovedeniya: materialy докладов Mezhdunarodnogo simpoziuma, posvyashchennogo 130-letiyu otkrytiya paleolita v Rossii, Irkutsk, 01–09 avgusta 2001 goda = Modern problems of Eurasian Paleolithic studies: Proceedings of the Reports of the International Symposium Dedicated to the 130th Anniversary of the Discovery of the Paleolithic in Russia, Irkutsk, August 1–9, 2001*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 252-256. (In Russ.).

Медведев Г.И. Место культуры Верхоленьской горы в археологической периодизации Прибайкалья // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Изд-во СО АН СССР, 1961. С. 235–244.

Медведев Г.И. Новые палеолитические местонахождения в долине реки Ангары // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии : сборник памяти М.М. Герасимова. М. : Наука, 1973. С. 148–152.

Медведев Г.И. Местонахождения раннего палеолита в Южном Приангарье // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1975. Вып. 3. С. 3–36.

Медведев Г.И. Домустьерские культуры Байкальской Сибири (к постановке проблемы) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока : краткое содержание докл. XXXI РАСК, посвящ. 100-летию Н.К. Ауэрбаха. Красноярск, 1991. Т. 2. С. 8–11.

Медведев Г.И. О геостратиграфии ансамблей эолово-коррадируемых артефактов Байкальской Сибири // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения : материалы докл. Междунар. симп., посвящ. 130-летию открытия палеолита в России, Иркутск, 1–9 авг. 2001 г. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. С. 267–272.

Медведев Г.И., Алаев С.Н., Сокальский А.А. О топографии раннепалеолитических местонахождений на высоких террасах южного Приангарья // Древняя история народов юга Восточной Сибири : межвуз. сб. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1978. Вып. 4. С. 5–30.

Мещерин М.Н., Клементьев А.М., Лысенко Д.Н., Ямских Г.Ю. Костеносное местонахождение Ясное-1 в раннем верхнем палеолите Средней Сибири // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2025. № 1. С. 197–228. DOI: 10.55086/sp251197228. EDN: QIWLLR.

Нехорошев П.Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб. : Европейский дом, 1999. 173 с. EDN: VUIOXZ.

Панкина А.П. Палеоглиптика прибрежных территорий северо-западной части Тихого океана: история изучения и критерии выделения // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2024. Т. 48. С. 25–45. DOI: 10.26516/2227-2380.2024.48.25. EDN: BPAKLF.

Славинский В.С., Цыбанков А.А. К вопросу эволюционной преемственности индустрий от среднего к верхнему палеолиту на территории Горного Алтая (критика гипотезы автохтонного развития) // *Stratum Plus*. Археология и

Medvedev G.I. (1961) The position of the Verkholenkaya Gora culture in the archaeological periodization of the Cis-Baikal region. *Issues of history of Siberia and Far East*. Novosibirsk: Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. P. 235-244. (In Russ.).

Medvedev G.I. (1973) New Paleolithic sites of Angara valley, *Antropologicheskaya rekonstruktsiya i problemy paleoetnografii: Sbornik pamyati M.M. Gerasimova = Anthropological Reconstruction and Problems of Paleoethnography: Collected Papers in Memories of M.M. Gerasimov*. Moscow: Nauka. P. 148-152. (In Russ.).

Medvedev G.I. (1975) Early Paleolithic sites at the South Angara region. *Ancient History of the South region of East Siberia*. Irkutsk: Irkutsk University. Iss. 3. P. 3-36. (In Russ.).

Medvedev G.I. (1991) Pre-Mousterian cultures of Baikal Siberia (setting the issue), *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka, posvyashch. 100-letiyu N. K. Auerbacha. Kratkoe sodержanie dokladov XXXI RASK = Problems of Archaeology and Ethnography of Siberia and Far East, Summary of the Reports of the XXXI RASC, dedicated to the 100th Anniversary of N.K. Auerbach*. Krasnoyarsk. Vol. 2. P. 8-11. (In Russ.).

Medvedev G.I. (2001) On the geostратigraphy of Aeolian corradated assemblages of Baikal Siberia. *Sovremennyye problemy Evraziiskogo paleolitovedeniya: materialy dokl. mezhdunar. simp., posvyashch. 130-letiyu otkrytiya paleolita v Rossii, Irkutsk, 1–9 avg. 2001 g. = Modern Problems of Eurasian Paleolithic: Proceedings of the International Symposium Dedicated to the 130th Anniversary of the Discovery of the Paleolithic in Russia, Irkutsk, August 1–9, 2001*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 267-272. (In Russ.).

Medvedev G.I., Alaev S.N., Sokal'skii A.A. (1978) On the topography of Early Paleolithic sites on the high terraces of the Southern Angara region. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri = Ancient History of the South Region of East Siberia*. Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 4. P. 5-30. (In Russ.).

Meshcherin M.N., Klement'ev A.M., Lysenko D.N., Yamskikh G.Yu. (2025) Bone-bearing locality Yasnoe-1 in the Early Upper Palaeolithic of Central Siberia. *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. No. 1. P. 197-228. (In Russ.). DOI: 10.55086/sp251197228. EDN: QIWLLR.

Nekhoroshev P.E. (1999) The technological method of the study of the Middle Paleolithic primary knapping strategies. St. Petersburg: Evropeiskii dom. 173 p. (In Russ.). EDN: VUIOXZ.

Pankina A.P. (2024) Paleoglyphics of the coastal territories of the Northwestern Pacific Ocean: History of study and criteria for identification. *Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology*. Vol. 48. P. 25-45. (In Russ.). DOI: 10.26516/2227-2380.2024.48.25. EDN: BPAKLF.

Slavinskii V.S., Tsybankov A.A. (2020) Towards the question of evolutionary continuity of the Middle and Upper Palaeolithic industries on the territory of the Gorny Altai (a criticism of the autochthonous development hypothesis). *Stratum Plus*. Археология и

культурная антропология. 2020. № 1. С. 45–104.
EDN: MWVISW.

Bordes F. Typologie du Paléolithique ancien et moyen.
Paris: CNRS, 1979. 103 p.

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B.,
Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasi-
liev S.K., O’Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing
of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern
Siberia // Nature. 2019. № 565 (7741). P. 594-599.
DOI: 10.1038/s41586-018-0843-2.

Medvedev G.I. The Lower Paleolithic of Eastern Siberia
// The Paleolithic of Siberia. New discoveries and interpreta-
tions. Urbana : University of Illinois Press, 1998. P. 27–35.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Middle and Upper Paleo-
lithic Levallois technology in eastern Central Asia // Quater-
nary International. 2020. Vol. 535. P. 117–138.
DOI: 10.1016/j.quaint.2018.10.042.

Информация об авторе

Кузнецов Алексей Михайлович,

кандидат исторических наук, инженер-исследователь НИЦ
«Байкальский регион»,

Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,

e-mail: golos_siberia@list.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0903-4728>

Вклад автора

Кузнецов А.М. выполнил исследовательскую работу,
на основании полученных результатов провел обобщение
и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 30 марта 2025 г.;
одобрена после рецензирования 7 мая 2025 г.; принята к
публикации 19 мая 2025 г.

tum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology. No. 1.
P. 45-104. (In Russ.). EDN: MWVISW.

Bordes F. Typologie du Paléolithique ancien et moyen.
Paris: CNRS, 1979. 103 p.

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B.,
Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasi-
liev S.K., O’Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing
of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern
Siberia // Nature. 2019. № 565 (7741). P. 594-599.
DOI: 10.1038/s41586-018-0843-2.

Medvedev G.I. The Lower Paleolithic of Eastern Siberia
// The Paleolithic of Siberia. New discoveries and interpreta-
tions. Urbana : University of Illinois Press, 1998. P. 27–35.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Middle and Upper Paleo-
lithic Levallois technology in eastern Central Asia // Quater-
nary International. 2020. Vol. 535. P. 117–138.
DOI: 10.1016/j.quaint.2018.10.042.

Information about the author

Aleksei M. Kuznetsov,

Cand. Sci. (History), engineer-researcher of SRC «Baikal
region»,

Irkutsk State University,
1, Karl Marx St., 664003 Irkutsk, Russia,

e-mail: golos_siberia@list.ru,

<https://orcid.org/0000-0003-0903-4728>

Contribution of the author

Kuznetsov A.M. carried out a research work, based on
the obtained results made the generalization and prepared
the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Article info

The article was submitted March 30, 2025; approved
after reviewing May 7, 2025; accepted for publication
May 19, 2025.

Научная статья
УДК 902/903-7.031
EDN: KLGCTD
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-27-49>

Новые петроглифы средней Лены (по материалам экспедиции Н.Н. Кочмара 2001 г.)

А.Д. Степанов

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация. В 2001 г. Н.Н. Кочмаром была организована археологическая разведка на участке средней Лены от г. Олекминска до с. Булгунняхтах в Олекминском и Хангаласском районах Республики Саха (Якутия) по инвентаризации и поиску петроглифов, открытых и исследованных в 1920-х – 1940-х годах Г.В. Ксенофонтовым, А.А. Саввиным и А.П. Окладниковым. Целью этих работ было уточнение данных, в том числе местоположения, и оценка современного состояния петроглифов. На территории Олекминского района были открыты 3 новых петроглифа, 2 ритуальные площадки с идолами-ментая, и уточнены данные по двум пунктам, открытым А.П. Окладниковым. Два из них были открыты в 30–40 км от г. Олекминска, ниже устья р. Олекмы: петроглиф Метегер, расположенный на левом берегу р. Лены, и петроглиф Хара-Чай – на правом берегу р. Лены. Третий новый пункт – писаница Мархачанка была открыта примерно в 6,5 км ниже устья р. Мархачан, у бывшей деревни Мархачан, в устье ручья Мархачанка, в 20,5 км ниже с. Марха Олекминского района РС(Я). Пункт Мархачанка располагается близ открытых А.П. Окладниковым петроглифов «Мархачан, Маган-Чай». Здесь же были обнаружены ритуальные площадки с идолами-ментая. Все памятники весьма небольшие по размеру. Метегер и Мархачанка представлены фрагментированными наскальными изображениями. Писаница Метегер с изображениями, нарисованными черным красителем, пока не поддается определению возраста. Особый интерес вызывает петроглиф Хара-Чай, датированный ранним средневековьем, практически единственный петроглиф на средней Лене, расположенный на правом берегу, представляющий собой граффити с комбинированной техникой выбивки, протирки и резьбы (процарапывания). Писаница Мархачанка предварительно неолитического возраста. Интересны находки идолов-ментая, встреченные на средней Лене впервые. Идолы представляют собой короткие палки с минимальной обработкой, прислоненные к скале.

Ключевые слова: Средняя Лена, петроглифы, писаницы, граффити, Метегер, Хара-Чай, Мархачанка, Мархачан I, идола-ментая, Якутия

Благодарности. Работа выполнена в рамках госзадания ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0010 «Каменный век Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Для цитирования: Степанов А.Д. Новые петроглифы средней Лены (по материалам экспедиции Н.Н. Кочмара 2001 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 27–49. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-27-49. EDN: KLGCTD.

Archaeology

Original article

New petroglyphs of Middle Lena (according to the materials of the expedition of N.N. Kochmar in 2001)

Aleksandr D. Stepanov

Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Abstract. In 2001 N.N. Kochmar organized an archaeological survey in the area of the Middle Lena from the town of Olekminsk to the village of Bulgunnyakhtakh in the Olekminsky and Khangalassky Districts of the Republic of Sakha (Yakutia) to inventory and search for petroglyphs discovered and studied in the 1920-1940s by G.V. Ksenofontov, A.A. Savvin and A.P. Okladnikov. The

purpose of these works was to clarify the data, including the location, and assess the current state of the petroglyphs. In the territory of the Olekminsky District, 3 new petroglyphs, 2 ritual sites with Mentaia-idols were discovered, and data on two points discovered by A.P. Okladnikov were clarified. Two of them were discovered 30–40 km from the town of Olekminsk, below the mouth of the Olekma River: the Meteger petroglyph, located on the left bank of the Lena River, and the Khara-Chai petroglyph on the right bank of the Lena River. The third new point - the Markhachanka petroglyph was discovered approximately 6,5 km below the mouth of the Markhachan River, near the former village of Markhachan, at the Markhachanka stream mouth, 20,5 km below the village of Markha in the Olekminsky District of the Republic of Sakha (Yakutia). The Markhachanka point is located near the petroglyphs "Markhachan, Magan-Chai" discovered by A.P. Okladnikov. Ritual sites with Mentaia-idols were also discovered here. All the sites are quite small in size. Meteger and Markhachanka are represented by fragmented rock paintings. The Meteger petroglyph with images drawn with black dye cannot yet be determined in age. Of particular interest is the Khara-Chai petroglyph, dating back to the Early Middle Ages, practically the only petroglyph on the Middle Lena, located on the right bank, which is graffiti with a combined technique of knocking out, rubbing and carving (scratching). The Markhachanka petroglyph is preliminarily dated to the Neolithic age. Of interest are the finds of the Mentaia idols, encountered on the middle Lena for the first time. The idols are short sticks, with minimal processing, leaning at a rock.

Keywords: Middle Lena, petroglyphs, rock paintings, graffiti, Meteger, Khara-Chai, Markhachanka, Markhachan I, Mentaya-idols, Yakutia

Acknowledgements. The research was carried out as part of the implementation of the research plan of the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: «No FWZG-2025-0010 "The Stone Age of Northern Asia: Cultural and Environmental Context"».

For citation: Stepanov A.D. (2025) New petroglyphs of Middle Lena (according to the materials of the expedition of N.N. Kochmar in 2001). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 27-49. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-27-49. EDN: KLGCTD.

Введение

Данная работа является продолжением серии статей, посвященных исследованиям Н.Н. Кочмара (1947–2008 гг.), возглавлявшим в 1980–2008 гг. петроглифический отряд Музея археологии и этнографии Якутского госуниверситета (с 2010 г. – Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова). В 2001 г. Н.Н. Кочмар продолжает изучение писаниц средней Лены на участке г. Олекминск – с. Булгунняхтах, в Олекминском и Хангаласском районах Республики Саха (Якутия). Целью этих исследований была инвентаризация и мониторинг современного состояния писаниц, открытых предшествующими исследователями в 1920-х – 1940-х годах (Ксенофонтов, 1927; Саввин, 1940¹; Окладников, Запорожская, 1972). Помимо ревизии попутно проводилось практически сплошное обследование скальных обнажений в поисках новых писаниц. Результатом поисков стало открытие петроглифов Метегер на левом берегу Лены и Хара-Чай на правом берегу Лены, недалеко от устья Олекмы, а также писаницы Мархачанка в устье ручья Мархачанка, близ открытых А.П. Окладниковым петрогли-

фов «Мархачан, Маган-Чай». В районе писаниц Мархачанка и Мархачан Н.Н. Кочмаром были обнаружены ритуальные площадки с идолами-ментая (шэнкэны – по Н.Н. Кочмару).

Это единственные петроглифы и святилища, открытые Н.Н. Кочмаром в Олекминском районе на участке ниже устья р. Олекмы. Следует отметить, что экспедицией Н.Н. Кочмара на данном участке работ не удалось обнаружить писаницу Юедяй, отмеченную А.П. Окладниковым на карте на правом берегу Лены, чуть выше г. Олекминска, а в описании и на схематическом плане – как на левом берегу (Окладников, Запорожская, 1972. С. 12–13. Табл. 8–11). Также не удалось найти и рисунки писаницы Ат-Дабан, отмеченную ниже г. Олекминска, в 8 км (Окладников, Запорожская, 1972. С. 12, 15–16, 71. Табл. 12–18; 19, 1). Здесь, в окрестностях г. Олекминска и устья р. Олекмы отсутствуют населенные пункты с названием Ат-Дабан и Дабан. Населенный пункт Дабан в Олекминском районе находится в 77 км выше по реке от г. Олекминска и в его окрестностях отсутствуют выходы скал. Другой населенный пункт – известный Ат-Дабан, связанный с именем писателя В.Г. Короленко, находится уже в Хангаласском районе РС(Я), где у А.П. Окладникова исследованы писаницы Дабан и Чопчу-Бага, также зафиксированные экспедицией Н.Н. Кочмара в

¹ Саввин А.А. Материалы к изучению ленских писаниц : рукопись. Якутск, 1940 // Архив ИЯЛИ ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. 14–16.

2001 г. (Окладников, Запорожская, 1972. С. 12, 41–43. Табл. 64–65; 73–74). Очевидно, расположение петроглифов Юедяй и Ат-Дабан близ г. Олекминска указано А.П. Окладниковым ошибочно.

Неизвестной остается писаница Юедяй, по описанию А.П. Окладникова находящаяся «на скале у самого села» (Окладников, Запорожская, 1972. С. 15). Схематический план местности писаницы у А.П. Окладникова напоминает местность у села Едей (Уэдяй) в Хангаласском районе. Здесь же протекает и ручей Уэдей. Тем не менее обнаружить указанные в монографии А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской рисунки писаницы Юедяй (Окладников, Запорожская, 1972) в окрестностях села Едей пока не удалось.

Актуальность публикации открытых в далеком 2001 г. петроглифов вызвана в том числе возвращением интереса исследователей к писаницам средней Лены, развитием новых технологий, связанных с применением методов цифровизации в археологии. Возможно, в последующем эти новые петроглифы – Метегер, Хара-Чай, Мархачанка – привлекут внимание специалистов, несмотря на их изрядную удаленность. В значительной степени это касается граффити на Хара-Чай, как причастного к памятникам раннего средневековья, имеющего отношение к периоду первого проникновения скотоводческой культуры на среднюю Лену.

История исследований писаниц средней Лены

Средняя Лена представляет собой огромный регион и охватывает по своей геолого-морфологической структуре участок реки от устья Витима до устья Алдана, протяженностью более 1400 км. История исследований писаниц средней Лены насчитывает более 120 лет, если исходить от первых описаний, сделанных в 1898 г. П.С. Алексеевым – читинским областным врачом и публицистом-писателем Читинского отделения РГО, во время его поездки по р. Лене в Якутию, где он, видимо, впервые описал писаницу Тойон-Ары, как «...изображения коня, жабы и быка...» (Алексеев, 1900. С. 242–243). «...Конь и бык изображены в сбруе и попоне;...» (изображения двух лосей нанесены в контурном скелетном стиле, прорисовки ребер которых, видимо, были приняты П.С. Алексеевым за сбрую и попону), «...они стоят друг против друга; между ними у ног их жаба...» (очевидно, что за жабу был принят плохо прослеживаемый рисунок лосен-

ка (Окладников, Запорожская, 1972. Табл. 139; Алексеев, Кочмар, 2006. Табл. 8; 14).

Первые серьезные научные исследования средленских писаниц предпринял Г.В. Ксенофонтов – известный якутский историк, этнограф и фольклорист. В 1921 г. Г.В. Ксенофонтов, будучи сотрудником Иркутского государственного университета и членом экспедиции профессора Б.Э. Петри, был командирован в Якутскую область для сбора материалов к своей теме по дохристианским верованиям и фольклору якутов (Дьячкова, 2000). В том числе объектом его внимания стали и ленские писаницы. С результатами своих полевых работ он выступил на заседании Археологической комиссии ВСОРГО и реферативно опубликовал их в научной статье в 1927 г., где рассмотрел 9 писаниц, расположенных на левом берегу р. Лены на участке от р. Кэтэмэ до оконечности скальной гряды Мохсо-голлох-Хая (Ксенофонтов, 1927).

В 1939 г. этнограф и фольклорист А.А. Саввин, командированный Научно-исследовательским институтом языка и культуры Совнаркомата Якутской АССР в целях подготовительной работы к предстоящей экспедиции Института истории и материальной культуры им. Марра, провел поисково-рекогносцировочные работы на участке средней Лены между селами Марха и Синск. Он повторно осмотрел и документировал писаницы, исследованные и опубликованные Г.В. Ксенофонтовым, а также обнаружил семь новых мест с петроглифами (Саввин, 1940)².

Наиболее масштабными явились исследования, проведенные в 1940–1944 гг. Ленской историко-археологической экспедицией под руководством А.П. Окладникова, организованной Институтом истории и материальной культуры АН СССР совместно с Научно-исследовательским институтом языка и культуры СНК ЯАССР. Экспедицией только на участке средней Лены было выявлено и введено в научный оборот 58 пунктов писаниц с более чем 2,5 тыс. наскальных рисунков. Полная публикация материалов экспедиции, посвященная писаницам средней Лены, вышла только в 1972 году (Окладников, Запорожская, 1972).

² Саввин А.А. Материалы к изучению ленских писаниц : рукопись. Якутск, 1940 // Архив ИЯЛИ ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. 14–16.

С середины 1980-х гг. к изучению писаниц средней Лены приступает сформированный Среднененский петроглифический отряд археологической экспедиции Якутского госуниверситета под руководством Н.Н. Кочмара, до этого успешно работавший в Южной Якутии – на Олекме, Амге и Алдане. В 1984 г. отряд Н.Н. Кочмара произвел сплав по р. Буотама, где было открыто и исследовано 5 писаниц и 5 святилищ (Кочмар, 1994а). В 1985 г. в ходе комплексной археологической разведки на протяженном участке от с. Витим до г. Олекминска, возглавляемой А.Н. Алексеевым, Н.Н. Кочмаром были обследованы писаницы Тинная и Чиэрбэ, открытые в свое время экспедицией А.П. Окладникова (Окладников, Запорожская, 1972; Кочмар, 1994а). В 1993 г. был организован сплав по исследованию писаниц в нижнем течении р. Синяя от устья р. Матта. Здесь были исследованы 2 писаницы: Оппуохалах-Хая (Андреевская – по Н.Н. Кочмару), описание которой было представлено еще А.А. Саввиным, и открыта новая писаница Амма-Чыгын. Кроме того, открыто одно культовое святилище-грот Хомус-Юрюэтэ XIX – начала XX в., с саломой – гирляндой из конского волоса с выцветшей льняной тканью, и деревянными антропоморфными идолами (шэнкэнами – по Н.Н. Кочмару) (Кочмар, 2002а). В устье р. Синяя Среднененский отряд произвел предварительную рекогносцировку и мониторинг известного Синского фриза, в результате которых были обнаружены ранее не упоминавшиеся плоскости с изображениями, нарисованными черным красителем (Кочмар, 1994б; Степанов, 2015). Уже в ходе всех этих работ Н.Н. Кочмар приходит к выводу, что всестороннее и комплексное изучение писаниц, сопровождаемое тщательным исследованием скальных поверхностей, трещин, расщелин, окружающей местности, как составляющей сакральной среды окружения писаниц, а также шурфовочными работами, эффективнее всего проводить в стационарных условиях.

В период 2000–2003 гг. Н.Н. Кочмар возвращается к исследованиям писаниц средней Лены. В 2000 г. Н.Н. Кочмаром и П.С. Кнуренко была проведена инвентаризация открытых ранее наскальных рисунков на участке с. Синск – урочище Петровское (на месте бывшей деревни Петровская), протяженностью 17 км. Здесь было задокументировано 7 пунктов писаниц, ранее открытых А.П. Окладнико-

вым, открыто 107 новых рисунков (Кнуренко, 2000³; Кочмар, 2002а; Rozwadowski & Knurenko, 2002).

В 2003 г. Н.Н. Кочмаром были открыты новые группы рисунков на известной писанице Тойон-Ары в Хангаласском районе, выделенные как I и III плоскости пункта Тойон-Ары I, пункты Тойон-Ары II и Тойон-Ары III (Кочмар, Кирьянов, 2005; Алексеев, Кочмар, 2006).

В 2011 г. на писанице Суруктаах-Хая на Мархе (левый приток р. Лены), исследованной в свое время А.А. Саввиным и А.П. Окладниковым, Музеем археологии и этнографии СВФУ были проведены повторные исследования и собраны материалы к паспортизации памятника (Максимова, Пеньков, Шараборин, Жирков, 2012).

В 2017 г. часть писаниц и изображений, также открытых и опубликованных А.П. Окладниковым, была исследована на новом техническом уровне И.А. Пономаревой, докторантом университета Гриффита (Griffith University, Австралия), на участке Синск – Покровск (Пономарева, 2021; Ponomareva, 2021).

Всего в 1985, 2001–2004 гг. Н.Н. Кочмаром на средней Лене был обнаружен и исследован 41 пункт писаниц, не считая исследований на реках Буотама и Синяя. Не все петроглифы и рисунки, открытые А.П. Окладниковым, удалось выявить. В основном повторные съемки (калькирование) писаниц, за немногим исключением, отличаются мелкими и незначительными деталями и трактовкой от прорисовок А.П. Окладникова и В.Д. Запорожской (Окладников, Запорожская, 1972). Многие писаницы подвержены естественному разрушению в результате эрозии и выветривания, происходит не только механическое разрушение скал (обрушение скальных блоков и массивов), но и процесс десквамации внешней поверхности скалы, когда от нее отходит (отшелушивается) скальная корочка толщиной 2–3 мм, вместе с которой безвозвратно уходят и древние рисунки. Даже со времен исследований А.П. Окладникова произошла утрата некоторых частей рисунков и целых плоскостей. Возможно, это одна из причин того, что до наших дней не дошли рисунки эпохи палеолита и мезолита.

³ Кнуренко П.С. Отчет о работе Среднененского отряда археологической экспедиции ЯГУ на писаницах Средней Лены в полевой сезон 2000 года. Якутск, 2000 // Архив ИА РАН. № 25121. 244 с.

Тем не менее исследования Н.Н. Кочмара позволили получить новые материалы и уточненные данные о наскальных рисунках средней Лены (Кочмар, 2002а; Кочмар, 2002b; Алексеев, Кочмар, 2003; Алексеев, Кочмар, 2006; Алексеев, Кочмар, Пеньков, 2002; Степанов, 2015; Степанов, 2023; Степанов, Кочмар, 2017). Работы Н.Н. Кочмара продемонстрировали на тот момент качественно новый уровень изучения наскального искусства, отмеченные известным исследователем писаниц А.Л. Заикой (Заика, 2013). Одним из перспективных моментов в методике исследований писаниц следует назвать азимутальную привязку плоскостей с рисунками по сторонам света (Кочмар, Пеньков, Кнуренко, 1999). К новым открытиям Н.Н. Кочмара на средней Лене относятся, в том числе, писаницы Метегер, Хара-Чай, Мархачанка, которые публикуются впервые.

Методика полевых исследований

При описании скал и расположении на них рисунков выделяется следующая схема морфологических признаков строения скальных профилей:

1. Скальные обнажения – собственно скала, скальная стенка, скальная гряда – представленные обнажениями известняковых и доломитовых пород.
2. Скальный выступ, останец – отдельно стоящая скала, в окружении скальной осыпи, одиночная или в ряду скальных обнажений.
3. Береговая отмель (пляж) – береговая полоса паводковой зоны.
4. Осыпь – подскальная осыпь, образованная продуктами эрозии и разрушения скал или коренных террас.
5. Подскальная площадка – площадка под скалой, сверху осыпи.
6. Плоскость – относительно ровный, однонаправленный фрагмент (блок) поверхности скалы, на котором размещаются наскальные рисунки.
7. Фронт скалы – фронтальная часть скального обнажения, обращенная к реке.
8. Боковая сторона скалы – щека скалы, расположенная под углом к фронту скалы и обращенная примерно вдоль реки.

При указании высоты скалы приводится высота скального обнажения от низа скалы (то есть от подскальной площадки, либо верха осыпи) до бровки скального обнажения. Фиксировалась высота (превышение) рисунков от уреза реки – H_1 (на момент исследований) и от подскальной площадки (от низа скального обнажения) – H_2 . За удаление от реки принимается расстояние (S) от водного уреза реки

до скального обнажения или подножия осыпи с рисунками на момент исследований.

Копирование изображений производилось методом калькирования, в то время еще традиционный метод. Все рисунки, включая изолированные аморфные пятна или отдельные фрагменты одного смыслового изображения, нумеровались индивидуальным номером. Группы рисунков (Гр.) выделялись для изображений, расположенных в одном месте, на одном скальном выходе или останце, нумеровались римскими цифрами. Под размером плоскости понимается площадь плоскости, занимаемая рисунками, либо отчетливо ограниченная трещинами и иными рельефными и морфологическими изменениями на скальной поверхности. Плоскости (Пл.) нумеровались так же римскими цифрами, сквозной нумерацией для всех групп рисунков одного пункта писаниц. После калькирования плоскостей проводился поиск жертвенников в расщелинах трещин и в подъемных сборах под скалами. На тот раз безрезультатный.

Разведка 2001 г. проводилась на трех моторных лодках, с лодочными моторами «Вихрь-30», «Вихрь-М», «Нептун-23», груженых бочками бензина, продуктами и прочим экспедиционным снаряжением. Отряд состоял из 6 человек – сотрудников университета (в том числе и автора данной статьи) и студентов, специализирующихся на исследовании писаниц. Проводилось практически тотальное исследование скальных обнажений. Скалы полностью обследовались Н.Н. Кочмаром пешим маршрутом, в то время как часть отряда сплавлялась на моторках вдоль берега. Осмотр плоскостей проводился визуально, где это было возможно, и с помощью бинокля (рис. 1). Исследования сопровождались фотографированием на пленочный фотоаппарат, зарисовками планов местности и видов скал, замерами и дневниковым описанием. К сожалению, часть фотоматериалов Н.Н. Кочмара 2001 г. найти не удалось, это касается в том числе описываемых здесь петроглифов. Именно на такой случай, и на случай плохого качества проявленных фотоснимков, производилась зарисовка общих видов местонахождений петроглифов, видов скальных выходов и останцев с рисунками, а также видов скальных плоскостей. Замер сторон направления плоскостей производился магнитным компасом азимутальной съемкой от магнитного севера в направлении от плоскости. Местонахож-

Рис. 1. Рабочий момент поиска петроглифов: Н.Н. Кочмар за осмотром скал
Fig. 1. A working moment of searching for petroglyphs: N.N. Kochmar examining the rocks

дение писаниц определялось по топографической карте масштаба 1:100 000, традиционным в то время способом сопоставления изменений местности с топографической картой по мере прохождения маршрута, отслеживанием приметных мест и пунктов, особенностей рельефа и прочих деталей и элементов местности для привязки местоположения. Планы местностей производились инструментальной и глазомерной съемкой. Представленные в работе топопланы скорректированы согласно современным картматериалам, с учетом полевой съемки.

Техника нанесения изображений на рассматриваемых петроглифах представлена двумя типами: рисованная красителями («писанные» рисунки) – Метегер и Мархачанка; и граффити (процарапанные рисунки) – Хара-Чай.

Описание петроглифов

Скалы в районе устья Олекмы на средней Лене, в обнажениях горы Метегер, по левому берегу р. Лены, и урочища Хара-Чай, на правом берегу Лены, согласно геологическим изысканиям, представляют собой эрозионные обнажения Амгинского яруса (метегерская свита) и Ленского надъяруса (чарская свита), сложенные, соответственно, среднекембрийскими и нижнекембрийскими мелкозернистыми массивными и плитчатыми светло- и темно-

серыми доломитами и серыми, коричнево-серыми, иногда глинистыми, плитчатыми мелкозернистыми известняками, с прослоями аргиллитов и мергелей (Геология СССР, 1972. С. 177; Писарчик, 1975; Геологическая карта, 1992⁴; Сабитов, Галиахметов и др., 2015; Сабитов, Галиахметов и др., 2018).

Петроглиф Метегер был впервые обнаружен Н.Н. Кочмаром в 2001 г. на левом берегу р. Лены, ниже устья руч. Бысагас, на скальных обнажениях, известных как гора Метегер, примерно в 9 км ниже села Солянка, в 20 км ниже устья р. Олекмы (рис. 2). Скальный выход в районе писаницы сложен светло-серыми и красноватыми мелкоплитчатыми доломитами и известняками. Скальная гряда тянется вдоль левого берега Лены от устья речки Кедерги (другое название Тустах, Солянка), у с. Солянка, на протяжении около 9 км. Вершины скал заняты густым сосновым и еловым лесом. Ширина реки Лены в месте нахождения скального выхода с рисунками достигает 1,3 км. Береговая отмель у подножия скальной гряды представлена каменистым пляжем. На склоне подскальной осыпи отмечаются плитчатые монолитные выходы скалы. Скальная гряда, расположенная на

⁴ Геологическая карта Р-50-51. М 1:1000000 (Новая серия). Карта дочетвертичных образований. СПб.: Росгеолком, ВСЕГЕИ, 1992. 1 лист.

Рис. 2. Карта расположения петроглифов Метегер, Хара-Чай, Мархачанка, Мархачан I
Fig. 2. Map of the location of the Meteger, Khara-Chai, Markhachanka, Markhachan I petroglyphs

подмываемой стороне излучины реки, подвержена сильному эрозионному разрушению. Непосредственно у подножия осыпи рассеяны крупные грубообломочные глыбы – продукт разрушения скал.

Здесь, примерно в 1 км ниже устья руч. Бысагас, на одном из скальных выступов высотой 12 м, удаленном от реки на 32 м, выделена одна плоскость с фрагментированными рисунками, расположенными на высоте 2,5 м от подскальной площадки. Подскальная площадка, представляющая собой подножие скалы в верхней части осыпи, возвышается над урезом реки на 7–8 м (на июль 2001 г.) (рис. 3). Скальный выступ представляет собой останец подтреугольной формы, испещренный множеством вертикальных трещин и горизонтальных расслоений, в средней части сложенный более плотными массивными доломитами. Верхняя часть останца значительно разрушена и представляет собой скальный рухляк. На самой вершине скалы растет приметная молодая пирамидообразная ель высотой не более 3 м. С правой части останца проходит глубокий распад, пересекающий скальную гряду. Левая сторона скального выступа, вверх по реке, сложенная и задернованная, оставляет лишь небольшие выходы скальных обнажений.

Плоскость с рисунками, размерами 25 см шириной и 40 см высотой, обращена с 330° северо-запада на 150° юго-востока (от Севера магнитного)

(магнитное склонение на июль 2001 г. составляло 12°23' западной долготы). Рисунки сильно фрагментированы разрушающейся поверхностью скальной плоскости и представляют собой 13 изолированных аморфных пятен, нарисованных черным красителем, сгруппированными в 3 скопления: одно из скоплений, состоящее из четырех небольших аморфных пятен, вытянуто по вертикали с незначительным наклоном (рис. 4.1–4), и, возможно, представляет собой фрагментированное изображение; другое скопление, расположенное ниже, состоит из трех пятен, одно из которых достаточно крупное, вытянуто субгоризонтально (рис. 4.6–7); третье очень небольшое скопление, расположенное еще ниже, в 8–10 см от второго скопления, состоит из 5 мелких округлых пятен (рис. 4.8–12) и одного аморфного пятна (рис. 4.13). Сохранность рисунков неудовлетворительная, представляющая собой, видимо, остатки былых более осмысленных изображений. Поиск жертвоприношений в ближайших расщелинах и трещинах не принес результатов. Устье руч. Бысагас, в 1 км вверх по реке от писаницы, в археологическом плане не исследовано.

Писаница находится в зоне риска промышленного освоения прогнозных ресурсов сепиолитовых глин: границы лицензионной продуктивного пласта охватывают участок с местонахождением писаницы (Сабитов, Галиахметов и др., 2018).

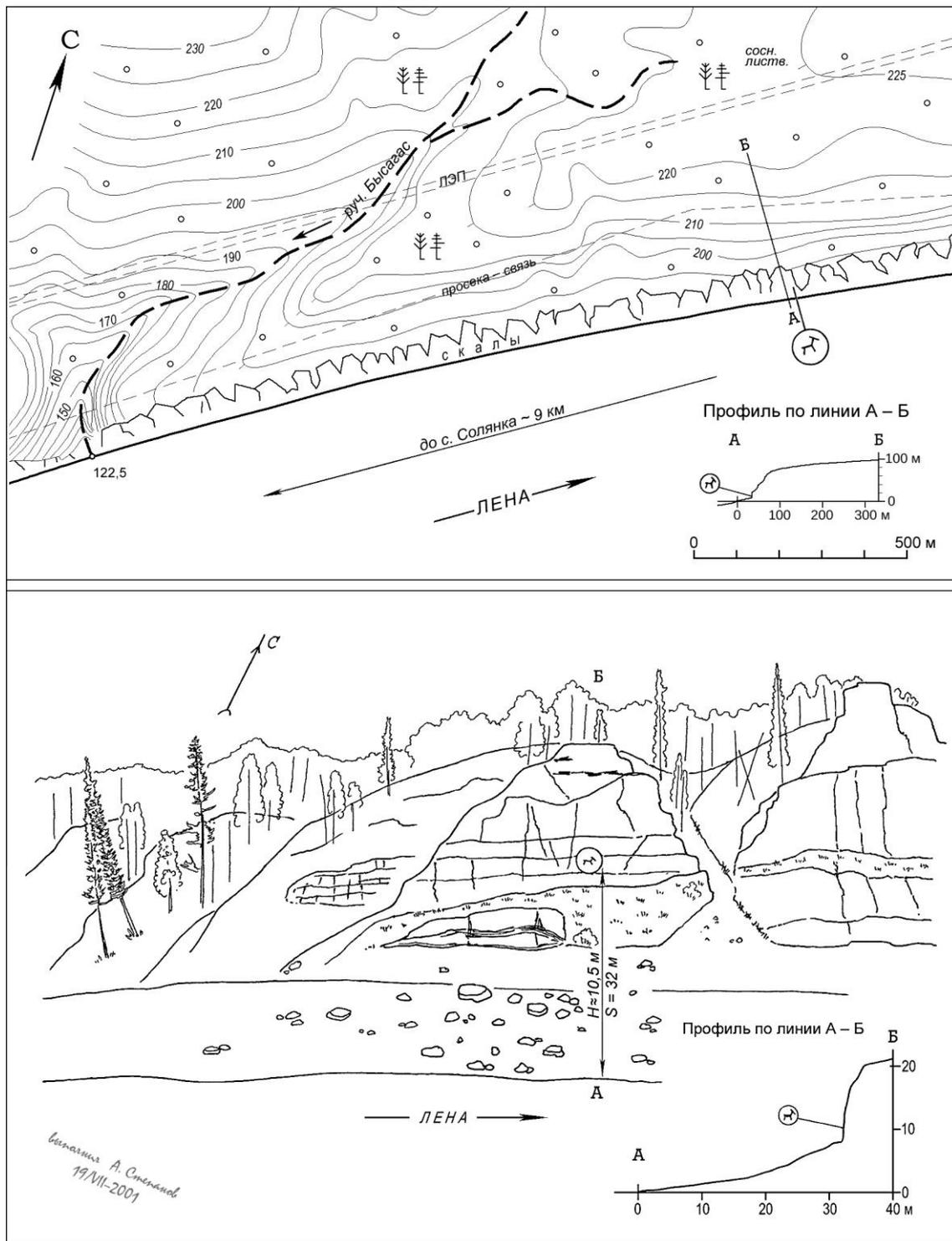

Рис. 3. Топоплан и вид скалы петроглифа Метегер
Fig. 3. Topographic plan and view of the rock of the Meteger petroglyph

Датировка писаницы, принимая во внимание черный краситель и сильную фрагментированность рисунков, а также отсутствие сопроводительных материалов, остается открытой. Черный краситель весьма редко встречается на писаницах Якутии, в частности, известны черные рисунки на писанице Укаан I (плоскости 6–8) (на р. Амга) (Окладников,

Мазин, 1979. С. 32) и на писанице Токко (плоскость XLIX) (Кочмар, 1994а. С. 76, 81), где А.И. Мазин датировал их поздним временем – I тыс. н. э. (Окладников, Мазин, 1979. С. 76–77).

Петроглиф Хара-Чай впервые открыт Н.Н. Кочмаром в 2001 г. В полевом дневнике и на кальке писаница была отмечена как Соколиная, из-за

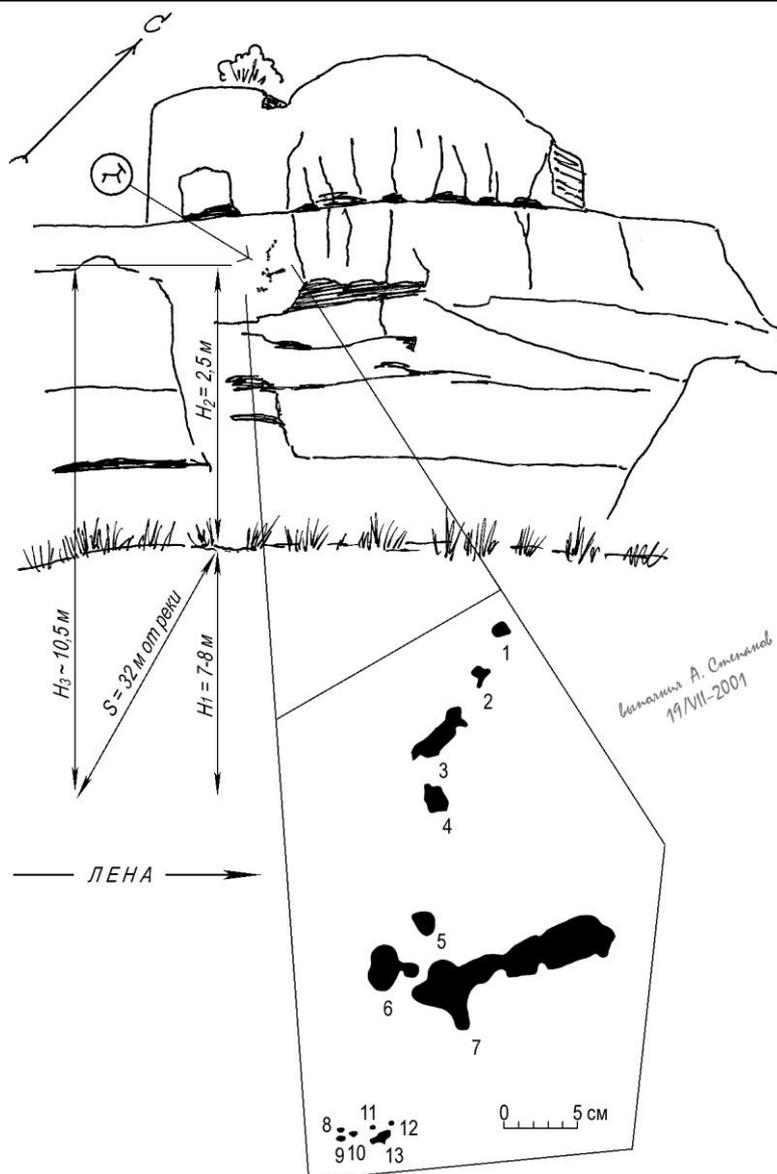

Рис. 4. Расположение плоскости с рисунками петроглифа Метегер
Fig. 4. The location of the plane with the drawings of the Meteger petroglyphs

ошибочного определения местоположения писаницы в районе урочища Мохсоглох (Соколиное), напротив о. Улахан-Ары и села Хоринцы, расположенного дальше за протокой. Однако позднее, при камеральной обработке топопланов, ошибка была скорректирована, и местоположение писаницы определено как находящееся возле урочища Хара-Чай (Черная отмель), в 21 км ниже села Солянка, напротив о. Улахан-Харыялах и нежилого села Харыялах, расположенного на противоположном левом берегу Лены. Одним из приметных ориентиров местности с писаницей является длинная полоса песчаной отмели с узким уловом (затоном), куда впадают ручьи. Это единственная обнаруженная писаница, расположенная на правом берегу Лены, в 30 км ниже устья

р. Олекмы (рис. 2). Ширина главного русла реки Лена в данном месте, от коренного правого берега до острова Улахан-Харыялах, достигает 1,2–1,3 км. От берега же до берега ширина Лены достигает 2,0–2,4 км. Река в этом месте делает небольшой поворот с запада к востоку-северо-востоку, огибая остров.

Скальная гряда правого берега Лены берет свое начало в таежном массиве на юго-западе, где проходило древнее русло реки, и постепенно выходит своими обнажениями к берегу, возвышаясь на 13–18 м. Писаница расположена на отдельном скальном останце, в 50–60 м ниже устья небольшого безымянного ручья, с глубоким и достаточно широким распадком, по берегам которого наблюдаются скальные осыпи (рис. 5). Скала с рисунками

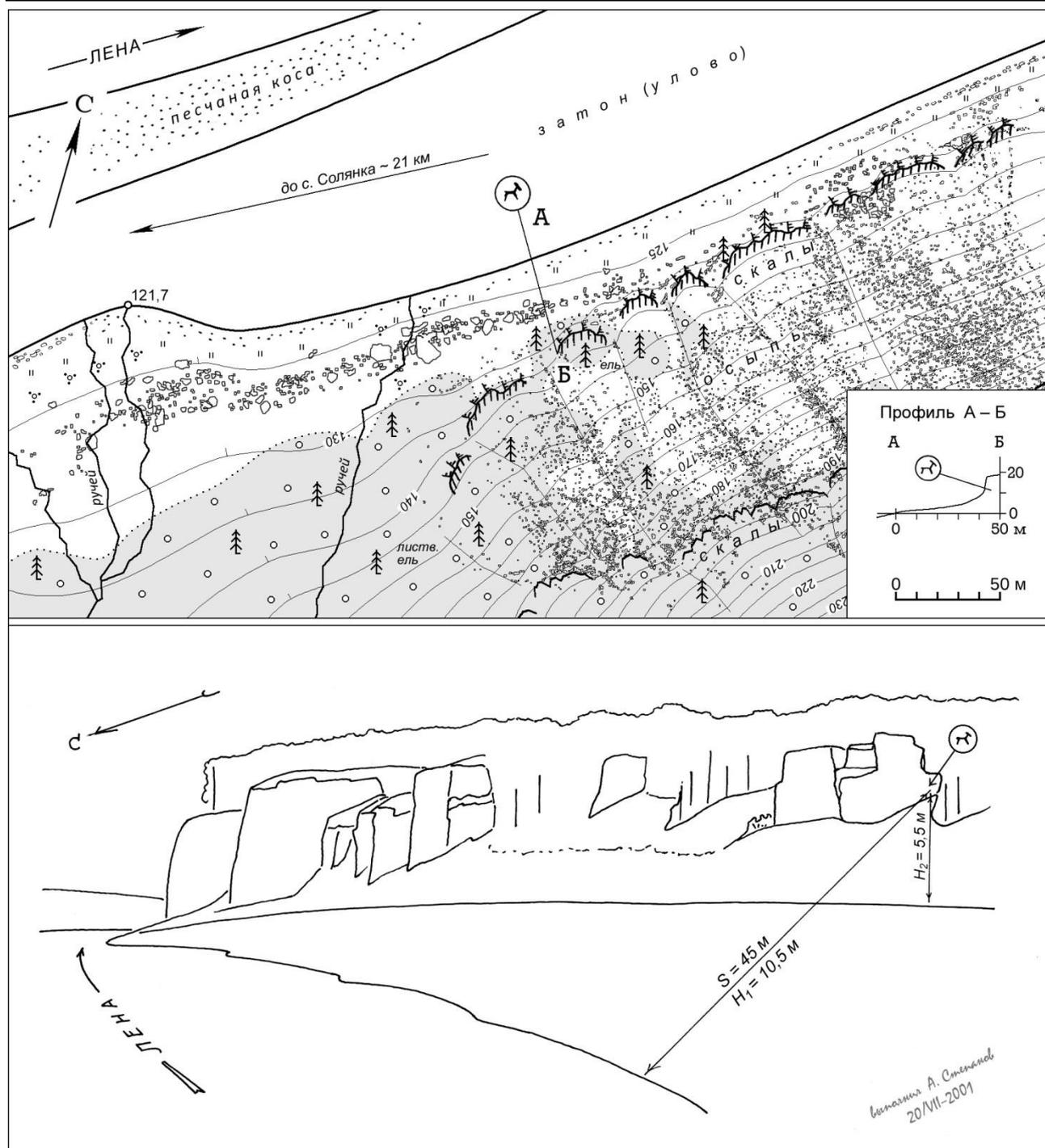

Рис. 5. Топоплан и общий вид скальной гряды петроглифа Хара-Чай
Fig. 5. Topographic plan and general view of the rock ridge of the Khara-Chai petroglyph

представляет собой подтреугольный выход-останец, сложенный светло- и темно-серыми плотными доломитами или доломитистыми известняками. Останец высотой 14–15 м от уреза реки удален от реки на 40–45 м, испещрен большим количеством вертикальных и горизонтальных трещин и расщелин, подчеркивающих плитчатую структуру скалы. Скала обращена со 165° юго-востока на 345° северо-запада (от Севера магнитного). Перед скальными выходами

имеется незначительный уступ, в виде крутой осыпи, по которой можно подойти к рисункам.

Высота (превышение) рисунков над урезом реки составляет 10,5 м. Осыпь под скалой высокая и крутая, высота осыпи от уреза реки составляет около 8 м. Склон осыпи довольно протяженный, усеянный мелкообломочной скальной породой. У самого берега скопились крупные глыбы. На склоне перед скальными обнажениями с петроглифом произрас-

тают ели и лиственницы, которые почти закрывают останец (рис. 6). Останец расколот на три части неглубокими разломами, имеет два яруса-ступени, на которых также растут деревья. Выше этих скал поднимается достаточно крутой склон высокой коренной террасы с осыпью, покрытый редкой таежной растительностью. В данном месте писаницы располагаются в начале скальных обнажений с осыпью, протянувшейся вниз по реке примерно на километр.

На боковой стороне скалы, высотой 2–2,5 м, обращенной вверх по течению, обнаружены два мелких рисунка, выполненные в разной технике (рис. 6). Плоскость с рисунками ориентирована со 135° юго-востока на 315° северо-запада. Рисунки располагаются практически у самого низа скального обнажения, на высоте 0,7 м. Первый рисунок представлен зооморфным изображением – животным, предположительно интерпретированным как лошадь (?). Несмотря на кажущуюся неаккуратность рисунка, выполнен он сложной комбинированной техникой, совмещающей технику выбивки с элементами граффити и протира (скобления). Контур зооморфного изображения обрисован процарапыванием (граффити). Все туловище, голова и частично ноги с большой любовью и точностью (нигде не выходя за границы процарапанного контура) тонко выбиты и соскоблены протиром. Часть морды животного, видимо, утрачена из-за повреждений

скальной поверхности. Размеры животного не превышают 11 см в длину (рис. 7.1). Второй рисунок, нанесенный между скальными повреждениями, интерпретируется как солнце с лучами – солярный знак, выполненный в технике граффити, процарапанный на скальной поверхности неровными линиями острым и твердым предметом (рис. 7.2). Вместе эти два рисунка представляют собой, возможно, одну сюжетную композицию – животное (лошадь?) и солнце; животное (лошадь?), посвященное солнцу (божеству?). Весь рисунок занимает плоскость около 30 см в длину и 12 см по высоте. Поиск жертвенников оказался безрезультатным. Устьевые террасы данного ручья, близ которого расположен петроглиф, не исследовались.

Граффити известны на средней Лене на части памятников, в частности на Чорен-Юрях, Аян-Юрях, Часовне, Тойон-Ары и других, среди которых встречаются и изображения различных животных (Окладников, Запорожская, 1972). Подобные граффити на средней Лене датируются эпохой средневековья вплоть до позднего (Кочмар, Кирьянов, 2004). Но по комбинированной технике граффити, с элементами выбивки и протира, аналогии в Якутии пока неизвестны. В сопредельных регионах граффити широко представлены на известном и хорошо изученном памятнике на верхней Лене – Шишкинская писаница (Мельникова, Николаев, Демьянович, 2011; Мель-

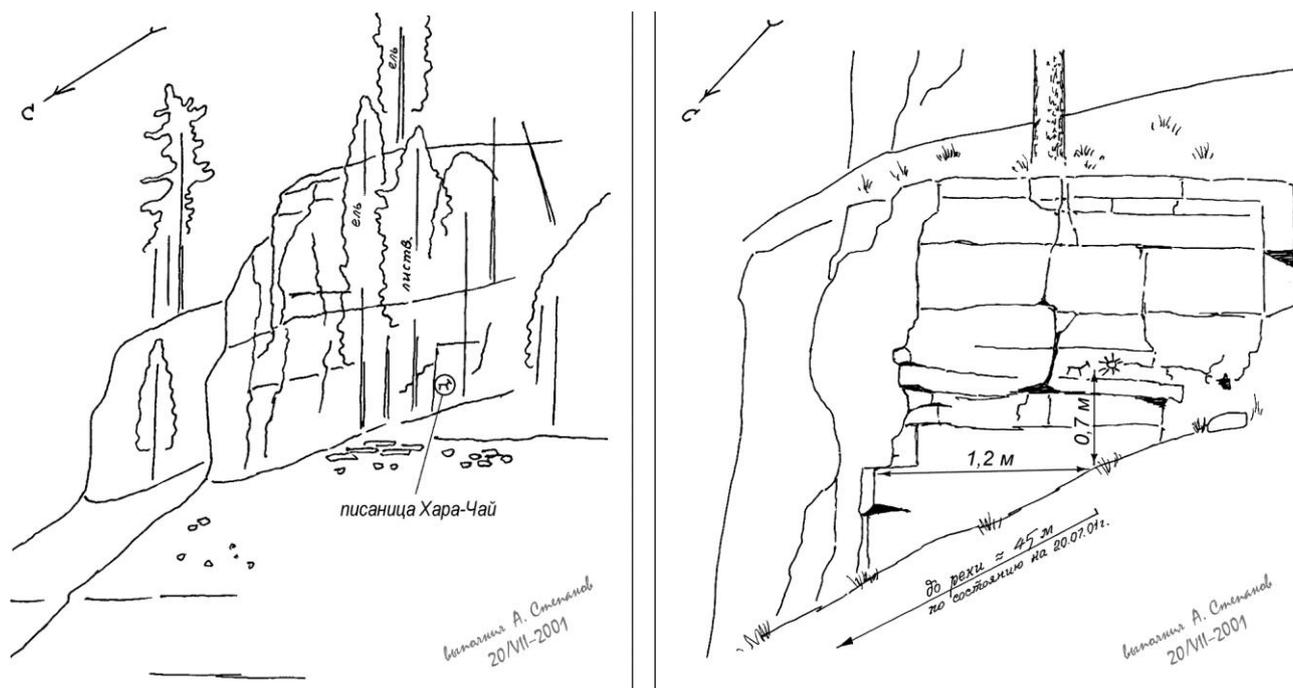

Рис. 6. Вид скального останца и плоскости с петроглифом Хара-Чай
Fig. 6. View of the rock outcrop and panel with the Khara-Chai petroglyph

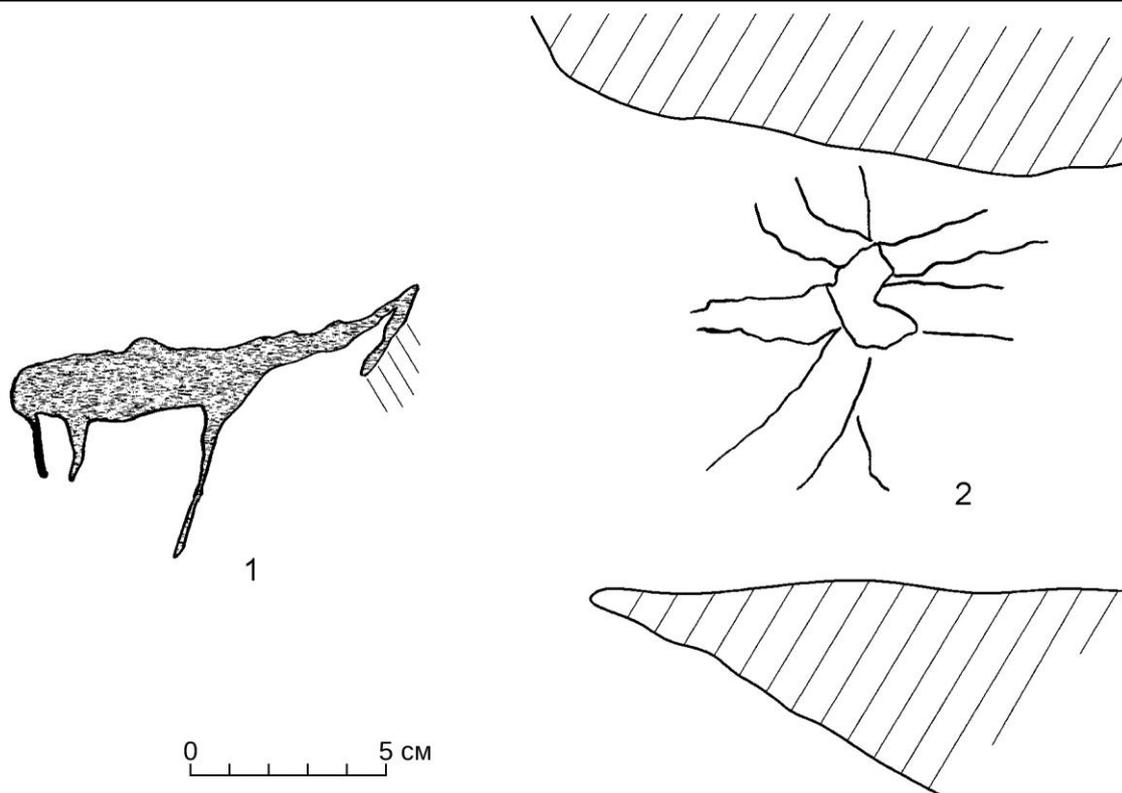

Рис. 7. Петроглиф Хара-Чай
Fig. 7. Khara-Chai petroglyph

никова, Николаев, Демьянович, 2012). По аналогиям петроглиф Хара-Чай предварительно может датироваться курыканским временем – ранним средневековьем, не ранее VI в. н.э. – и, вероятно, не позднее VIII–IX вв. н.э.

Писаница Мархачанка была открыта Н.Н. Кочмаром в 2001 г. на левом берегу р. Лены, в 6,5 км ниже устья р. Мархачан, в 0,5 км от устья руч. Мархачанка и 22 км выше с. Саньяхта (рис. 2). Ширина р. Лены в месте нахождения писаницы достигает 1,8–2 км. Река здесь делает плавный поворот с запада-юга-запада на восток-юго-восток. От устья Мархачана вниз по течению формируются отмели и остров Рассоленский у левого берега. А от устья Мархачанки даже в среднюю воду простирается отмель Маган-Чай (Белая отмель) шириной 200–250 м. Слева от устья Мархачанки, на 10–12-метровой террасе находятся остовы домов и старый дом. Когда-то здесь располагалась бывшая почтовая станция Мархачан, основанная в 1831 г. (Соколов, 2013). Встретивший нас единственный житель, летующий здесь, сказал нам название ручья Мархачанка (на карте это безымянный ручей с разветвленными верховьями, общей протяженностью более 5 км). Сведения о писаницах ему были неизвестны.

Скальная гряда начинается примерно в 4 км от устья р. Мархачан, за островом Рассоленский, и тянется на протяжении 10–12 км. Рисунки были обнаружены примерно в 500 м от устья руч. Мархачанка, в 1,5 км выше писаницы, открытой А.П. Окладниковым – «Мархачан, Маган-Чай» (Окладников, Запорожская, 1972. С. 31–32). Скалы достигают высоты от уреза 22–27 м, выше которых простирается залесенный склон, на котором располагаются заросшие пашни заброшенной деревни (рис. 8; 9). Со стороны реки гряда местами закрыта смешанным лесом (лиственница, ель, сосна, тополь, береза). У основания прорастает мелкий кустарник. Скальные обнажения возвышаются тонкой полосой над высокой осыпью на удалении примерно 200 м от реки. Местами скальная гряда имеет два яруса по 1,5–2,5 м и более. Общая высота этих скальных обнажений составляет 3–8 м. Осыпь в районе писаницы доходит до высоты 20 м (рис. 10). Обнажения сложены светло-серыми и светло-белыми известняками с большим количеством горизонтальных и вертикальных расщелин и разломов. Скалы интенсивно разрушаются, о чем свидетельствуют упавшие скальные блоки, отвалившиеся глыбы, обломки и щебень, усеивающие осыпь.

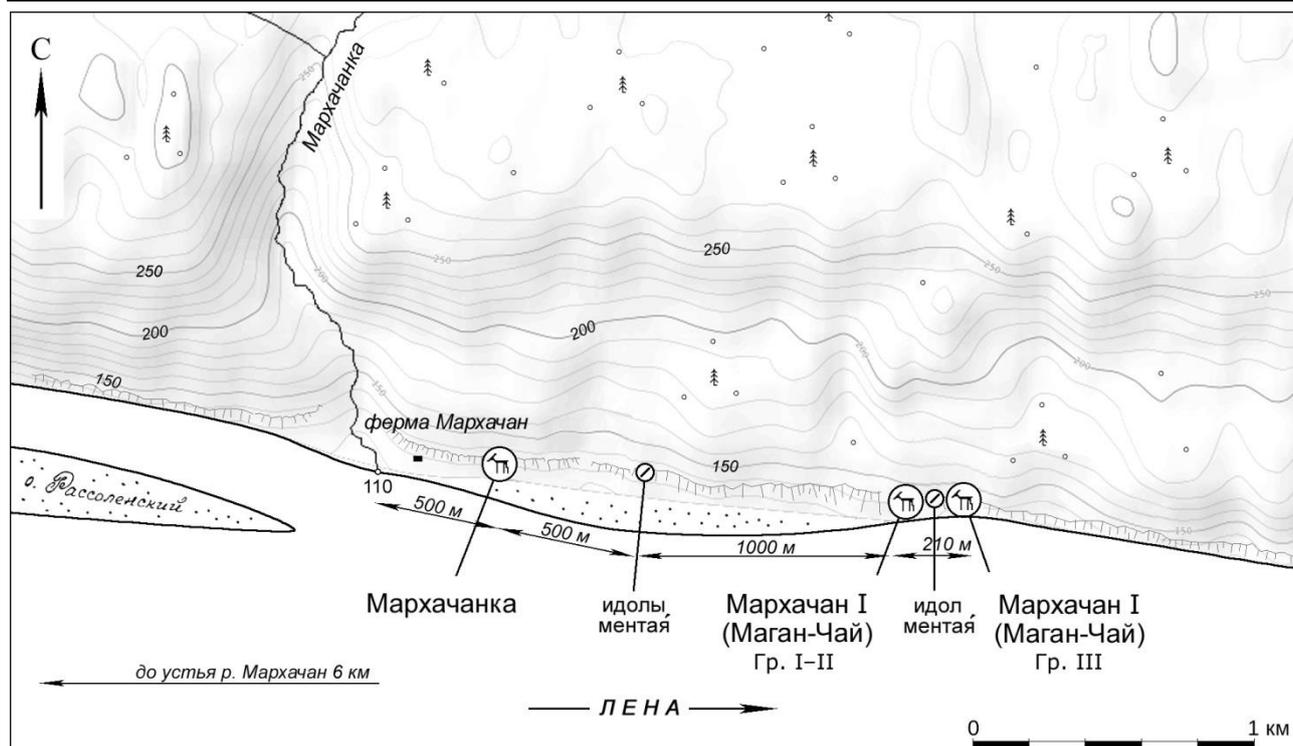

Рис. 8. Ситуационный план петроглифов Мархачанка, Мархачан I (Маган-Чай) и ритуальных площадок с идолами-ментая

Fig. 8. Situational plan of Markhachanka, Markhachan I (Magan-Chai) petroglyphs and ritual sites with Mentaya idols

Рисунки нанесены на верхних плоскостях под бровкой скального обнажения, на высоте 1,6 м (рис. 10). Плоскость с рисунками обращена с 30° северо-востока на 210° юго-запада. Семь небольших рисунков распределены по вертикали. В самом верху нанесено аморфное пятно размером 3 × 5 см (рис. 10.1). Ниже в 10 см располагается фигура в виде неаккуратного контурного подтреугольника (неправильный круг?), размером 9 × 15 см, направленный вершиной вниз. Фигура повреждена сколом скальной поверхности (рис. 10.2). Еще ниже в 8 см располагается скопление из 4 аморфных пятен, под которыми проходит грубый облом скальной поверхности (рис. 10.3–6). В 10 см ниже этих пятен среди обломанной скальной поверхности выделяется пятно в форме «ботинка» размером 2,5 × 4 см (рис. 10.7). Рисунки нанесены красной охрой, заметные издали. Датировка их из-за фрагментарности затруднена.

В 500 м ниже этих рисунков обнаружена ритуальная площадка с 4 идолами-ментая⁵, прислонен-

ными к скальной стенке на расстоянии от 0,5 до 2 м друг от друга (рис. 11). Скальный выход двухъярусный, общей высотой 5–5,5 м. Удален от реки на 150–180 м, скрытый с реки густой лесной растительностью. Осыпь высокая – доходит до 18–20 м. При осмотре скалы рисунков не обнаружено. Коля плохой сохранности, фрагментированные, некоторые суковатые, длиной от 55 до 117 см, диаметром 3–7 см. Два из них, длинный и короткий, сохранили на конце след косо переруба (рис. 11). Данный культ идолов-ментая связан с поклонением духу скалы бугады (энекан буга). «Изготовив ментая, звенки высказывают ему свои просьбы, а затем ставят идола у скалы с рисунками» (Мазин, 1986. С. 137). А.И. Мазин сообщает о позднем характере («не ранее последнего тысячелетия» – т. е. не ранее второго тысячелетия нашей эры) ритуалов и жертвоприношений у писаниц, сопровождающихся деревянными идолами-ментая, которые служат посредни-

⁵ Ранее Н.Н. Кочмар называл таких идолов, вслед за А.П. Окладниковым и А.И. Мазиным, *шэнкэнами* (Окладников, Мазин, 1979). Однако позднее А.И. Мазин изменил атрибуцию данных предметов, назвав их идолами-ментая (Мазин, 1984; Мазин, 1986; Мазин, 1994), с чем

согласен автор данной работы. Представления о семантике и образе *шингэнов* (*сингкэнов*, *хингкэнов*), как о магических охотничьих амулетах, но не идолах-посредниках, хорошо раскрыты в работах А.Ф. Анисимова (Анисимов, 1949), Г.М. Василевич (Василевич, 1969) и А.И. Мазина (Мазин, 1984).

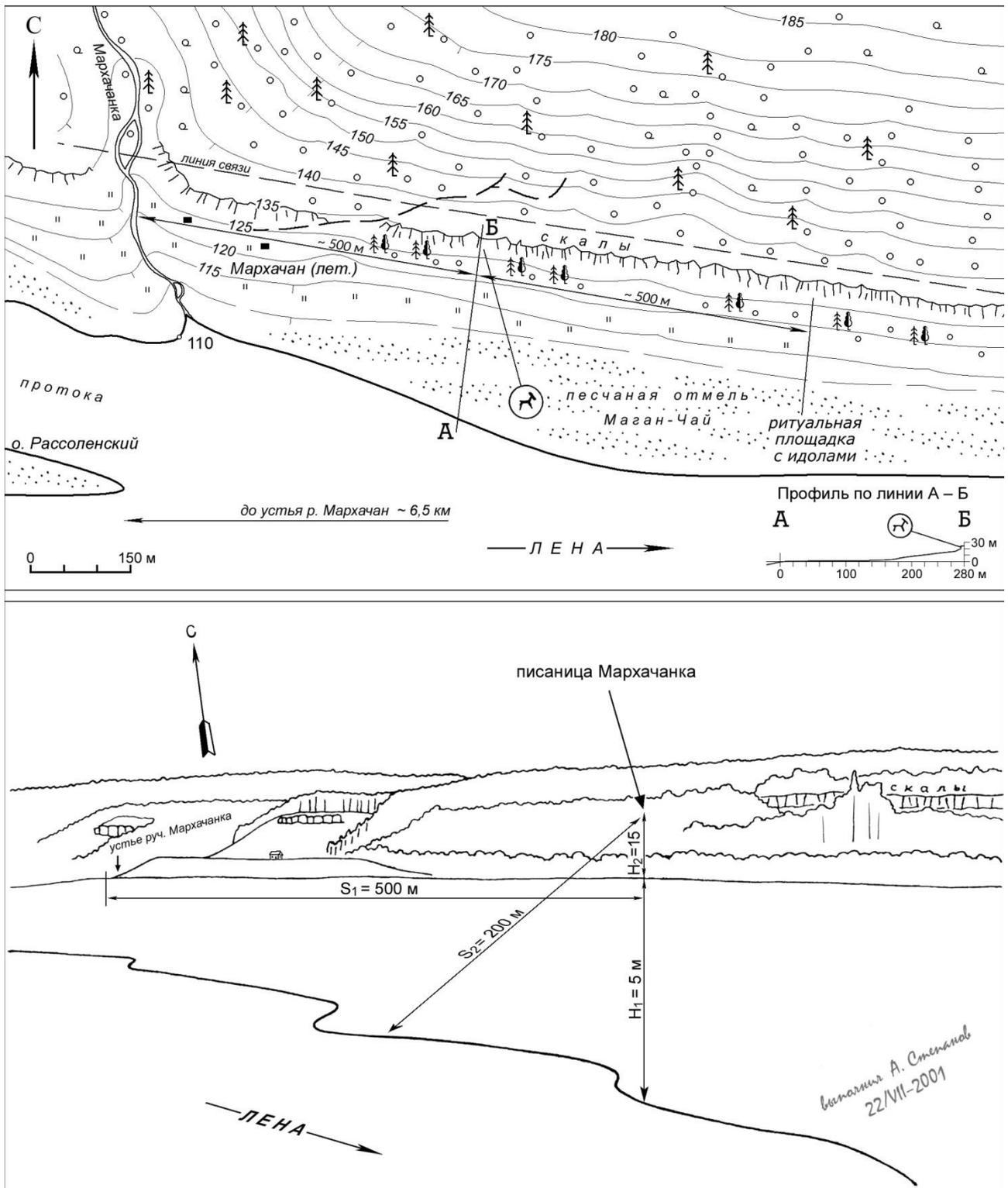

Рис. 9. Топоплан и общий вид местности петроглифа Мархачанка
Fig. 9. Topographic plan and general view of the terrain of the Markhachanka petroglyph

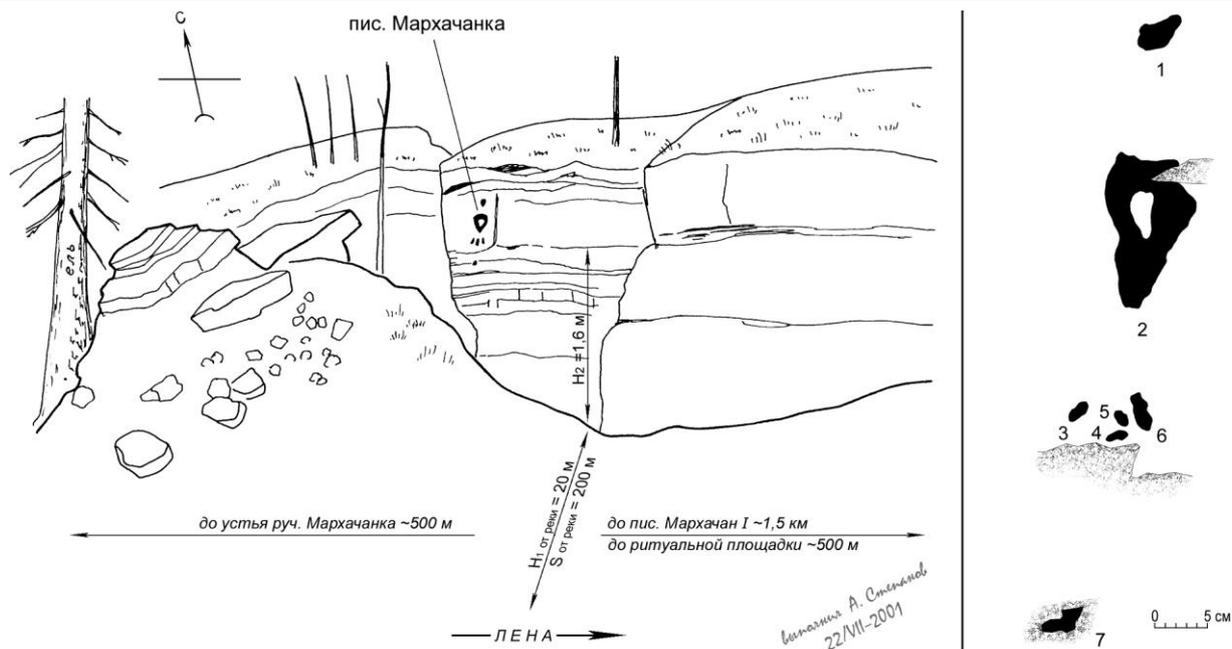

Рис. 10. Вид скальных обнажений с петроглифом Мархачанка
 Fig. 10. View of rock outcrop with Markhachanka petroglyph

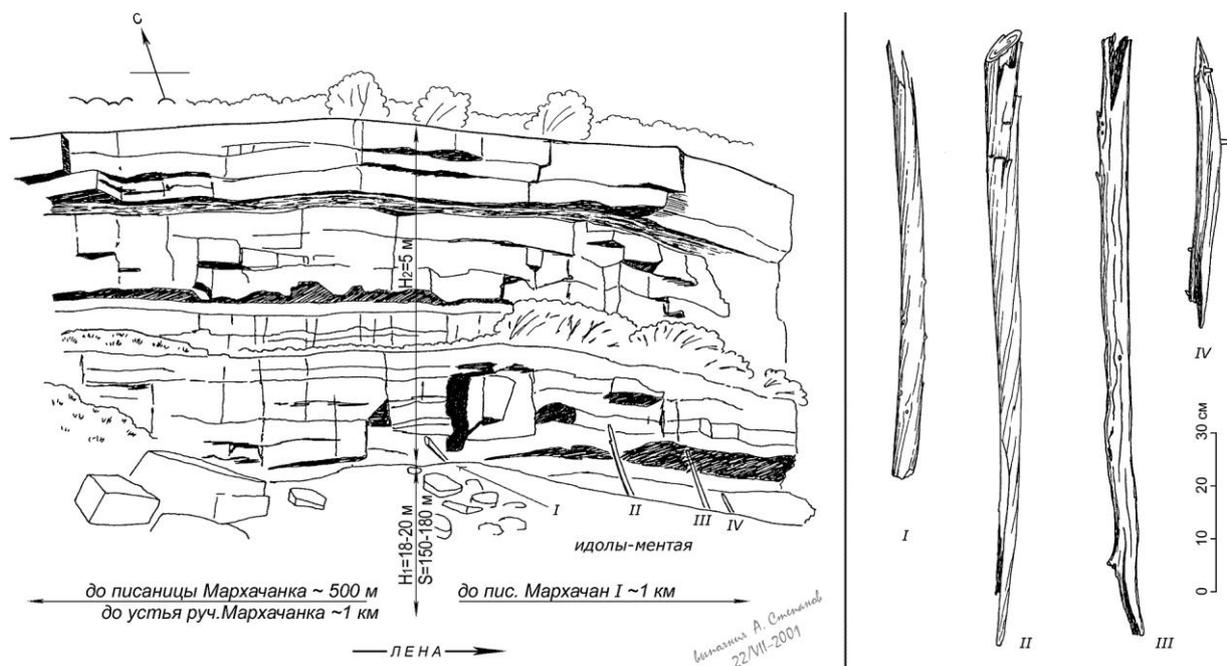

Рис. 11. Общий вид скалы с идолами-ментая у писаницы Мархачанка
 Fig. 11. General view of the rock with Mentaya idols near the Markhachanka petroglyphs

ками между человеком и божественным духом скалы (Мазин, 1994. С. 70–71). Судя по сохранности, эти идолы-посредники были оставлены у скал Мархачан в XIX – начале XX в. И, возможно, оставались последовательно. Самый короткий идол, возможно, в какой-то момент выставлен повторно, так как нижняя его часть была совершенно утрачена, что должно было привести к падению идола.

Предположительная датировка идолов согласуется, видимо, также и со временем деятельности деревни Мархачан, возникшей как почтовая станция, как было сказано выше, в 1831 г. и исчезнувшей в период реформационных программ по коллективизации колхозов и укрупнению поселков, проводившихся в 1930-е – 1960-е годы. Возможно, в бытность своего существования Мархачан поддержи-

вал активные хозяйственные и торговые отношения с эвенками.

Писаница «Мархачан, Маган-Чай», расположенная в 1,5 км от писаницы Мархачанка, была исследована А.П. Окладниковым (Окладников, Запорожская, 1972. С. 31–32). Открытие их принадлежит А.А. Саввину, который в 1939 г. описал местонахождение писаниц в местности Маган-Чай, в 2 км ниже с. Мархачан, Олекминского района⁶ (Окладников, Запорожская, 1972. С. 8). Экспедицией Н.Н. Кочмара были внесены уточнения по расположению и описанию писаниц (рис. 8). Так, пункту «Мархачан, Маган-Чай» присвоена современная нумерация Мархачан I (Маган-Чай) (рис. 12).

Писаница Мархачан I (Маган-Чай) располагается на левом берегу р. Лены, в 2 км ниже по реке от устья руч. Мархачанка и на 1,5 км – от писаницы Мархачанка (рис. 12). Скалы с рисунками удалены от реки на 85–90 м. Подскальная осыпь доходит до высоты 13 м. Над осыпью возвышаются скальные обнажения высотой 8 м. Рисунки располагаются на высоте 4–5 м. Выделяются 3 группы рисунков с 7 плоскостями. Группа I с тремя плоскостями (Пл. I–III) располагается на отдельном скальном выходе (рис. 13). Плоскости с рисунками ориентированы с 25° северо-востока на 205° юго-запада. Кальки рисунков Н.Н. Кочмара отличаются лишь незначительными и несущественными деталями. Рисунки плоскости I располагаются на высоте 5 м от подножия скального обнажения, представлены пятью контурными ромбовидными антропоморфными фигурами, изображенными в ряд вниз головой, две из которых, видимо, с шаманским бубном, слева от этих фигур изображены 4 косые линии. Эти рисунки соответствуют рисунку 1, выделенному А.П. Окладниковым (Окладников, Запорожская, 1972. С. 31. Табл. 28, 1, 2; 29, 1). Рисунки плоскости II с изображениями животных и антропоморфных фигур, среди которых две – вниз головой, располагаются в 1 м правее плоскости I на этой же высоте и соответствуют рисунку 2 у А.П. Окладникова (Окладников, Запорожская, 1972. С. 31. Табл. 28, 1, 3, 4; 29, 2; 30, 2). Рисунки плоскости III с изображениями двух животных и двух антропоморфов, один из которых ориентирован вниз

своей круглой головой, располагаются на 80 см ниже плоскости II и соответствуют рисунку 3 у А.П. Окладникова (Окладников, Запорожская, 1972. С. 31. Табл. 28, 1; 30, 1).

Рисунки II группы с выделенными плоскостями IV–V располагаются в 30 м восточнее, ниже по реке, как и указано у А.П. Окладникова. Скальный выход с рисунками II группы удален от реки на 85 м. Рисунки располагаются внизу скального обнажения, в 1–1,5 м от подскальной площадки (рис. 13). Плоскости с рисунками ориентированы с 22° северо-востока на 202° юго-запада. Рисунки плоскости IV с вертикальными черточками располагаются на высоте 1,5 м и соответствуют рисунку 4 А.П. Окладникова (Окладников, Запорожская, 1972. С. 31. Табл. 31, 2, 4; 32, 1 (слева)). Рисунки плоскости V располагаются в 75 см восточнее плоскости IV. Здесь одно фрагментированное контурное изображение животного соответствует рисунку 4 у А.П. Окладникова (Окладников, Запорожская, 1972. С. 31. Табл. 31, 3; 32, 1).

На 50 м ниже писаницы Мархачан I, близ желоба дровяного склада был обнаружен кол, прислоненный к скале под небольшим низким навесом, и интерпретированный Н.Н. Кочмаром как идол-ментая (*шэнкэн* – по Н.Н. Кочмару) (рис. 14). Идол представляет собой приостренный кол, неплохой сохранности, обращенный почему-то острием вниз. Длина кола – 60 см, диаметр – 3 см (рис. 14).

Рядом, в 9 м восточнее от местонахождения идола обнаружены трухлявые длинные жерди и тонкомерные бревна, уложенные плотным настлом, обращенным вниз по склону (рис. 14). Настил прослеживался на достаточно протяженном участке и был интерпретирован как желоб дровяного склада, о котором упоминал А.П. Окладников (Окладников, Запорожская, 1972. С. 32). Дровяные склады в свое время, в XIX – середине XX в., располагались вдоль реки на определенном расстоянии для пополнения топлива пароходов, которые ходили в то время на дровах. Видимо, и в районе деревни Мархачан была короткая остановка пароходов для пополнения дровяных запасов.

Рисунки III группы располагаются в 210 м от писаницы Мархачан I (Маган-Чай) и в 150 м от дровяного склада, упоминаемого А.П. Окладниковым (рис. 12). Скала с рисунками удалена от реки на 70 м. Высота осыпи составляет 13 м, над которой возвышается скальная стенка высотой 9–9,5 м.

⁶ Саввин А.А. Материалы к изучению ленских писаниц : рукопись. Якутск, 1940 // Архив ИЯЛИ ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Ед. 14–16.

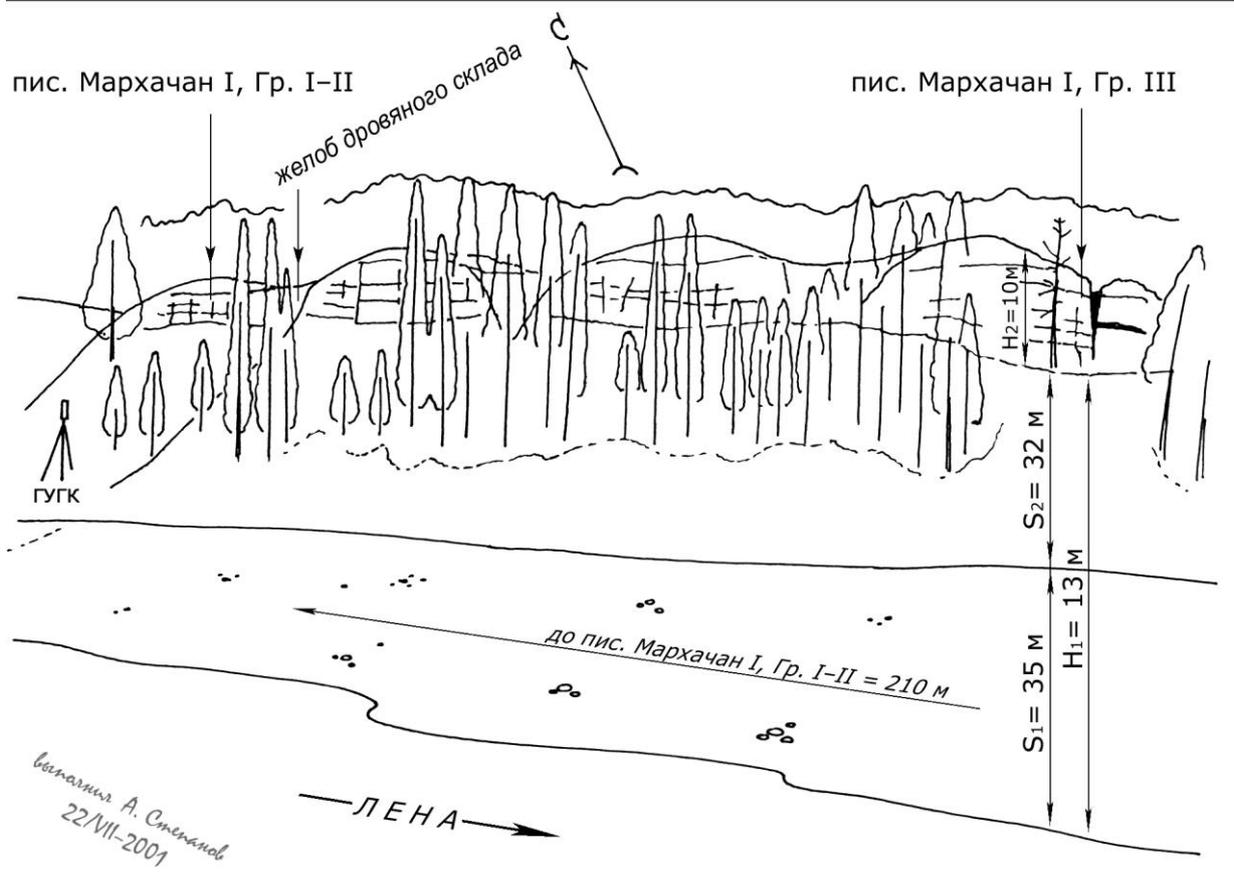
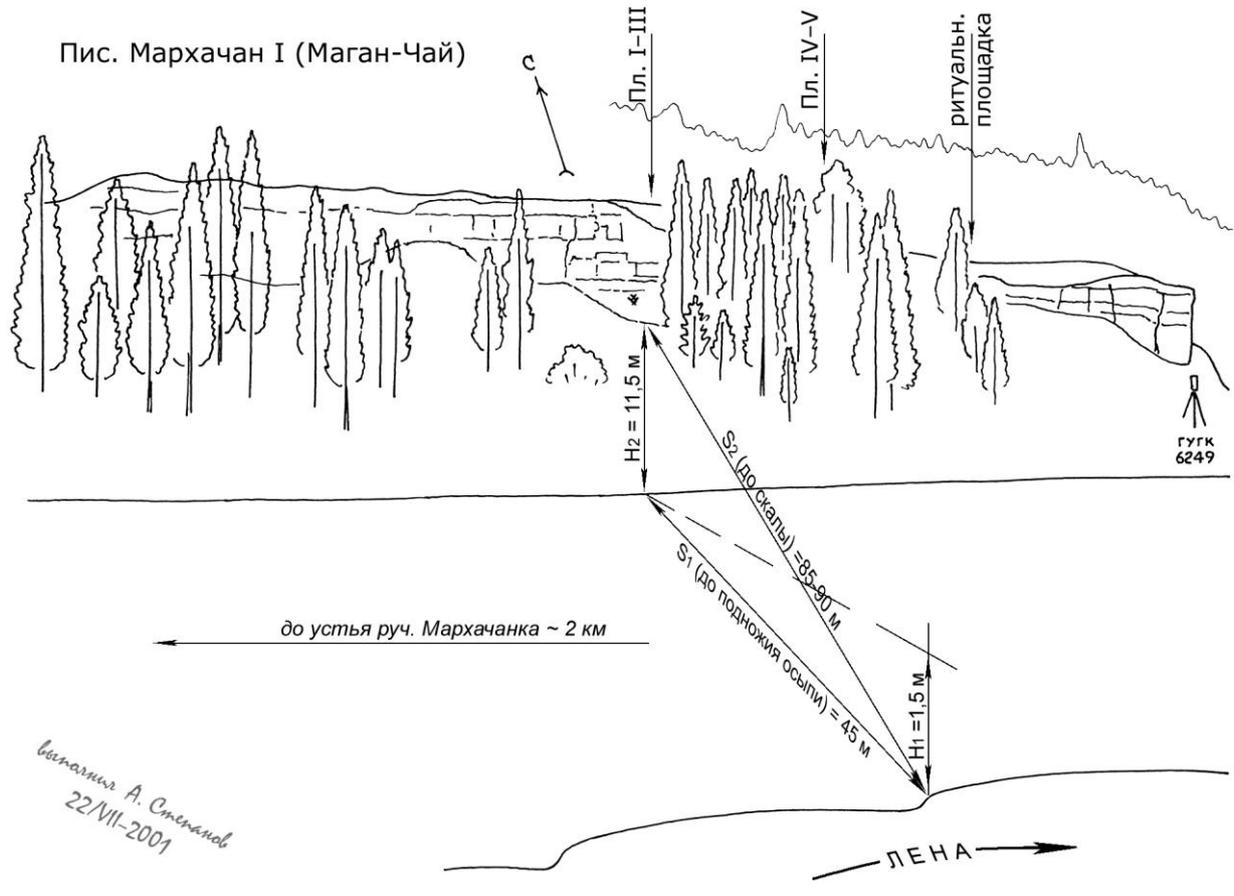

Рис. 12. Общие виды скальной гряды с петроглифом Мархачан I (Маган-Чай)
 Fig. 12. General views of the rock ridge with the petroglyph Markhachan I (Magan-Chai)

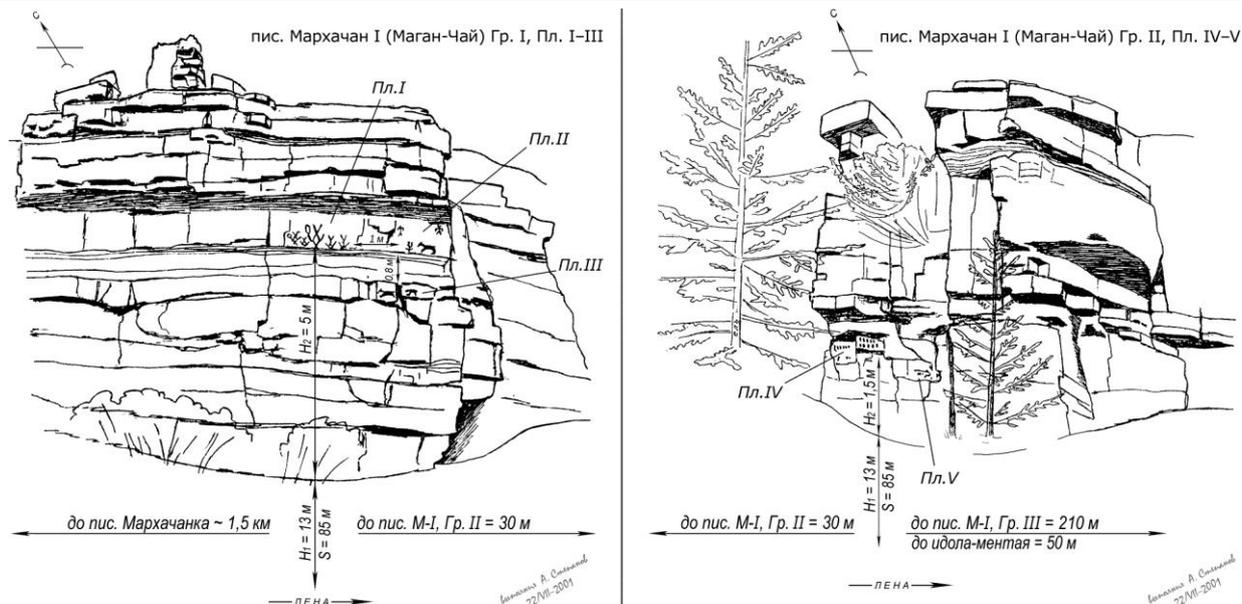

Рис. 13. Вид плоскостей I–V группы I и группы II писаницы Мархачан I
Fig. 13. View of panels I–V of group I and group II of the Markhachan I petroglyphs

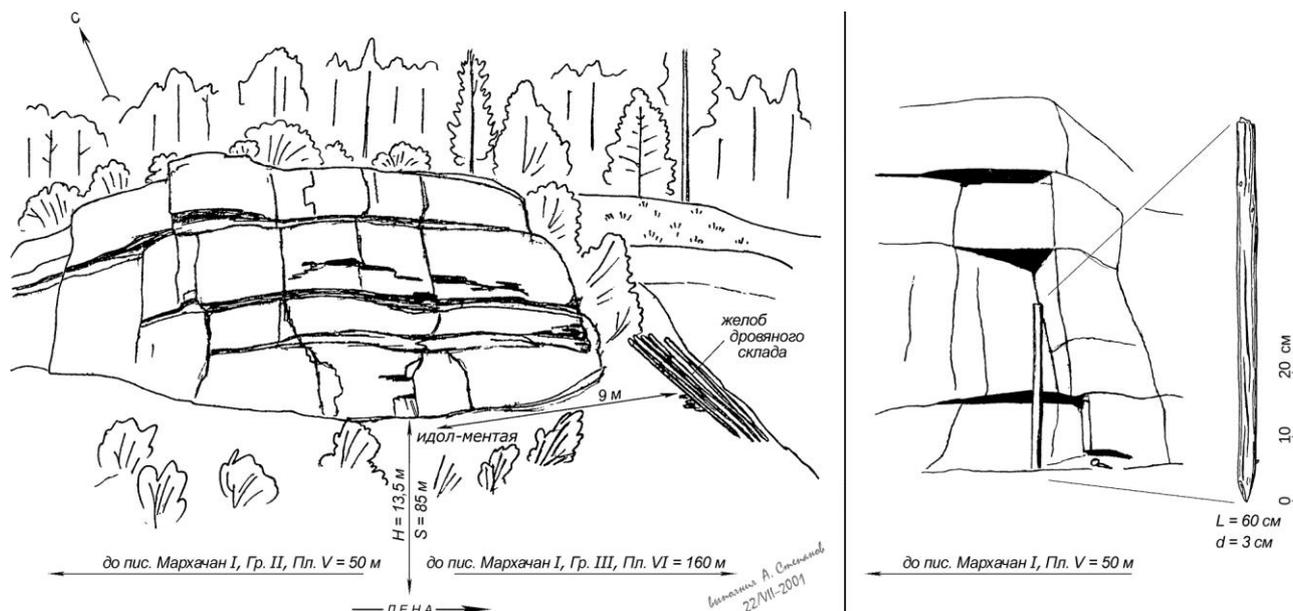

Рис. 14. Вид скалы с идолом-ментая близ петроглифа Мархачан I
Fig. 14. View of a rock with a Mentaya idol near the Markhachan I petroglyph

Плоскости с рисунками ориентированы с 20° северо-востока на 200° юго-запада. Рисунки располагаются в нижней части скалы на высоте 1,5 м от подскальной площадки. Н.Н. Кочмаром выделяются две плоскости – Пл. VI и Пл. VII. (рис. 15). Эти плоскости соответствуют рисунку 5 у А.П. Окладникова (Окладников, Запорожская, 1972. С. 31. Табл. 31, 1; 32, 2). На плоскости VI располагаются изображения трех вертикальных черточек длиной 3,5–5,5 см. Данные рисунки изображены у А.П. Окладникова на общей

схеме слева (Окладников, Запорожская, 1972. Табл. 31, 1). Плоскость VI отделена от плоскости VII глубокой расщелиной, рассекающей скалу практически сверху до низу, и удалена от нее на 80 см. Кальки Н.Н. Кочмара рисунков плоскости VII соответствуют рисунку 5 у А.П. Окладникова (Окладников, Запорожская, 1972. С. 31. Табл. 31, 1; 32, 2).

Рисунки писаницы Мархачан I (Маган-Чай) со времен А.П. Окладникова не претерпели существенного изменения. Петроглифы пункта «Мархачан,

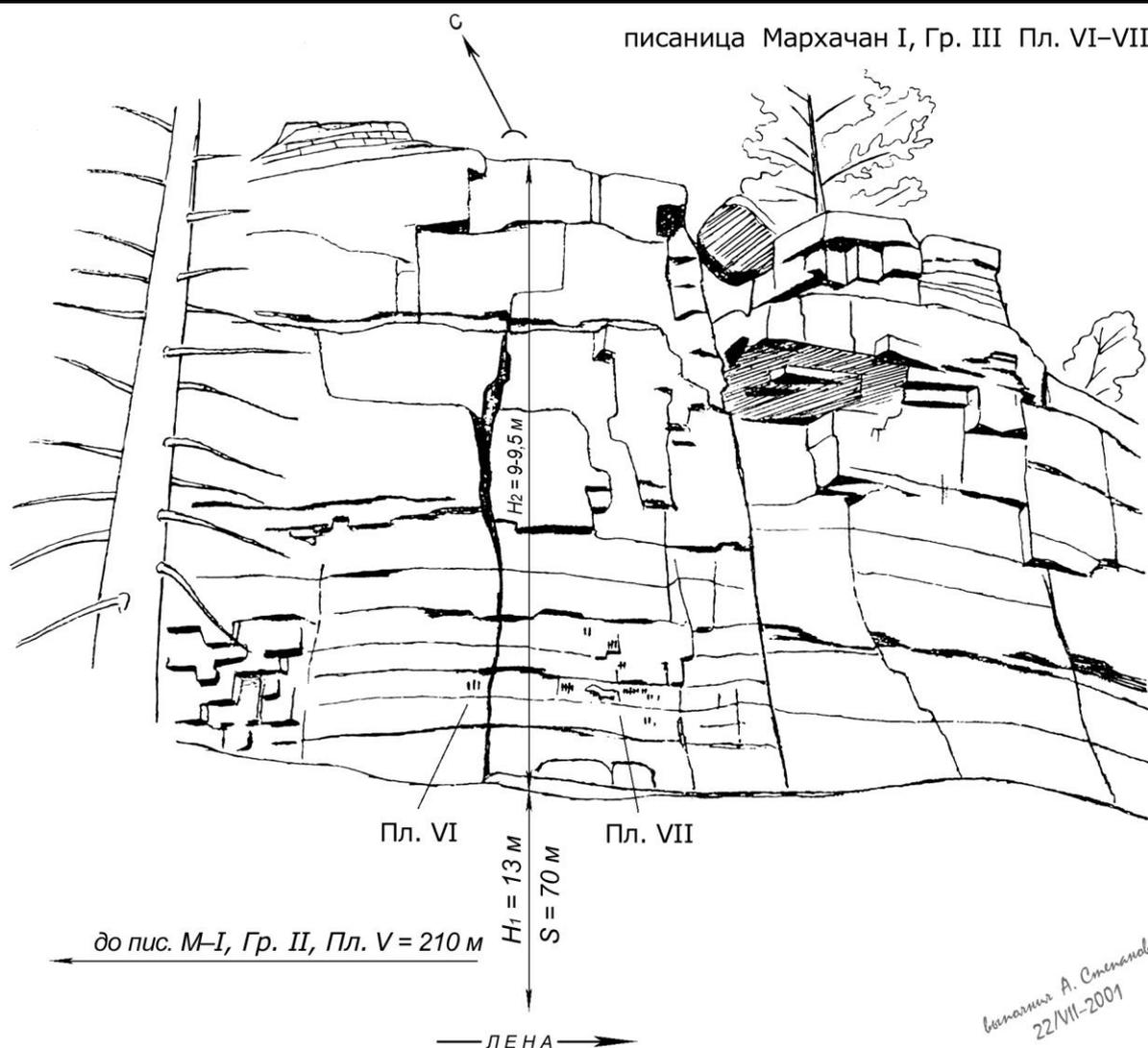

Рис. 15. Вид скалы с петроглифом Мархачан I, группа III, плоскости VI-VII
Fig. 15. View of the rock with the Markhachan I petroglyph, Group III, Panels VI-VII

пункт второй» А.П. Окладникова с рисунками треугольников (Окладников, Запорожская, 1972. С. 32. Табл. 33, 2) не были обнаружены экспедицией Н.Н. Кочмара в 2001 г.

Заключение

В данной работе приводится часть масштабных исследований Н.Н. Кочмара, сделанных в 2001 г. Эти исследования позволяют судить об основательности и фундаментальности работ А.П. Окладникова, проведенных в 1940-х годах. Тем не менее Н.Н. Кочмару удалось открыть новые, пусть и небольшие, петроглифы – Метегер, Хара-Чай и Мархачанка, получены дополнительные материалы в виде ритуальных комплексов на петроглифах Мархачанка и Мархачан – идиолов-ментая, духов-посредников, бесценно стоящих у скал и спрашивающих благо-

словления и удачи у духа скалы бугады (энекан буга). Хотя может показаться несколько странным, что А.П. Окладникову не удалось их зафиксировать, но, возможно, он следовал описанию А.А. Саввина, согласно которому писаницы располагаются на 2 км ниже деревни Мархачан, и сразу высадился за отмелью, где река сравнительно близко подходит к скалам.

Н.Н. Кочмаром были уточнены данные по расположению и описанию писаницы «Мархачан, Маган-Чай» – Мархачан I (Маган-Чай), обследовано состояние плоскостей и рисунков, которое со времени посещения А.П. Окладниковым в 1940-х годах заметно не изменилось и не подверглось утрате.

Особо следует отметить граффити Хара-Чай, уникальное по своему исполнению и одно из немногих памятников наскального искусства, свиде-

тельствующих о достаточно раннем проникновении на среднюю Лену культуры, возможно связанной со скотоводством, вероятно, тюрко- или монголоязычных племен. Местонахождения данных писаниц – Метегер и Хара-Чай, возможно, располагают потенциалом дальнейших археологических открытий – как новых наскальных росписей, так и стоянок и погребальных комплексов.

Экспедицией Н.Н. Кочмара в 2001 г. не были обнаружены писаницы «Юедяй», «Ат-Дабан» и «Мархачанка, пункт второй», исследованные А.П. Окладниковым. Что касается писаницы «Хоринцы», то скалы с писаницей, расположенные ниже с. Хоринцы, за островом Улахан-Ары, в 2001 г. не обследовались, были оставлены в стороне, за обме-

левой протокой. Писаницы «Юедяй» и «Ат-Дабан», скорее всего следует искать соответственно у сел Едей (в устье р. Уэдяй) и Ат-Дабан в Хангаласском районе РС(Я).

Полевые исследования писаниц средней Лены еще не завершены полностью. Николаем Николаевичем Кочмаром в изучении писаниц средней Лены был проделан значительный по объему труд, но, к сожалению, не доведенный до логического конца. Открытые петроглифы Метегер, Хара-Чай и Мархачанка, сами по себе незначительные по площади и объему информации, являются еще одним дополнением в изучении истории и культуры древних обществ, оставивших лишь немые и разрозненные свидетельства своего существования в прошлом.

Список источников

Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н. Повторные исследования писаниц Средней Лены // Известия Международной академии наук высшей школы. 2003. № 1. С. 101–122. EDN: YFPINJ.

Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н. Древние святилища Тойон-Арынского историко-культурного района на Средней Лене // Древности Якутии: Искусство и материальная культура: сборник научных трудов. Новосибирск: Наука, 2006. С. 56–101. EDN: TGVDVJ.

Алексеев А.Н., Кочмар Н.Н., Пеньков А.В. Писаница Тойон-Ары (р. Лена): Новые полевые материалы и новые семантические оценки широко известной композиции // История и культура Востока Азии: материалы Международной научной конференции, Новосибирск, 09–11 декабря 2002 года. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. II. С. 6–15. EDN: TIDHUR.

Алексеев П.С. По сибирским рекам (выдержки из путевого журнала). Плавание по Лене // Русский Вестник. М.: Изд. М.М. Катков; Т-во типо-литографии В. Чичерин, 1900. Т. 265. № 1. С. 225–248.

Анисимов А.Ф. Представления эвенков о шингэнах и проблема происхождения первобытной религии // Сборник Музея антропологии и этнографии. М., Л.: Академия наук СССР, 1949. Т. XII. С. 160–194.

Василевич Г.Ф. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.

Геология СССР. Южная Якутия. Геологическое описание. М.: Недра, 1972. Том XLII. 496 с.

Дьячкова А.Н. Г.В. Ксенофонов: ученый и общественно-политический деятель. Якутск: Якут. гос. ун-т, 2000. 201, [2] с.

References

Alekseev A.N., Kochmar N.N. (2003) Re-study of the Middle Lena petroglyphs. *Bulletin of the International Academy of Higher Education Sciences*. No. 1(23). P. 101-122. (In Russ.). EDN: YFPINJ.

Alekseev A.N., Kochmar N.N. (2006) Ancient sanctuaries of the Toyon-Ary historical and cultural region on the Middle Lena. *Drevnosti Yakutii: Iskusstvo i material'naya kultura: Sbornik nauchnykh trudov = Antiquities of Yakutia: Art and Material Culture*. Novosibirsk: Nauka. P. 56-101. (In Russ.). EDN: TGVDVJ.

Alekseev A.N., Kochmar N.N., Pen'kov A.V. (2002) Toyon-Ary petroglyphs (Lena River): New field materials and new semantic assessments of a widely known composition. *Istoriya i kul'tura Vostoka Azii: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Novosibirsk, 09–11 dekabrya 2002 goda = History and Culture of East Asia Proceedings of the International Scientific Conference, Novosibirsk, December 9–11, 2002*. Novosibirsk: IAET SB RAS. Vol. II. P. 6-15. (In Russ.). EDN: TIDHUR.

Alekseev P.S. (1900) Along Siberian rivers (excerpts from a travel journal). Sailing along the Lena. *Russian Bulletin*. Moscow: Izd. M.M. Katkov; T-vo tipo-litografii V. Chicherin. Vol. 265. No. 1. P. 225-248. (In Russ.).

Anisimov A.F. (1949) The Evenki's Views on Shingeken and the Problem of Origin of Primitive Religion. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Vol. XII. P. 160-194. (In Russ.).

Vasilevich G.F. (1969) Evenks. Historical and ethnographic essays (XVIII - early XX century). Leningrad: Nauka. 304 p. (In Russ.).

(1972) Geology of the USSR. Vol. XLII. *South Yakutia. Geological description*. Moscow: Nedra. 496 p. (In Russ.).

D'yachkova A.N. G.V. (2000) Ksenofontov: scientist and public and political figure. Yakutsk: Yakutsk State University. 201, [2] p. (In Russ.).

Степанов А.Д. Новые петроглифы средней Лены (по материалам экспедиции Н.Н. Кочмара 2001 г.)
Stepanov A.D. New petroglyphs of Middle Lena (according to the materials of the expedition of N.N. Kochmar in 2001)

Заика А.Л. Личины Нижней Ангары. Красноярск : Красноярский гос. пед. ун-т, 2013. 178 с. EDN: TPMACV.

Кочмар Н.Н. Писаницы Якутии. Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 1994а. 263 с.

Кочмар Н.Н. Писаницы реки Синяя // Археологические открытия 1993 года. 1994б. С. 171–172.

Кочмар Н.Н. Изучение древних святилищ в бассейне Средней Лены // Наука и техника в Якутии. 2002а. № 1 (2). С. 32–36. EDN: XVIZSX.

Кочмар Н.Н. Исследования жертвенников писаниц Средней Лены // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. Иркутск : Оттиск, 2002б. С. 57–65.

Кочмар Н.Н., Кирьянов Н.С. Петроглифы позднего средневековья на Средней Лене по полевым материалам 2001–2003 гг. // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности : материалы XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Кемерово, 31 марта – 3 апреля 2004 г. Кемерово : Компания Радуга, 2004. С. 385–388. EDN: TGJHET.

Кочмар Н.Н., Кирьянов Н.С. Писаница Тойон-Ары II: древнейшее святилище на средней Лене // Истоки, формирование и развитие Евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности : материалы I (XLV) Российской с международным участием археологической и этнографической конференции студентов и молодых ученых (РАЭСК-XLV), г. Иркутск, 12–16 апреля 2005 г. Иркутск : Радян, 2005. С. 396.

Кочмар Н.Н., Пеньков А.В., Кнуренко П.С. Экспозиции писаниц Якутии и астроархеологический аспект интерпретации // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск : Наука, 1999. С. 214–229.

Ксенофонтов Г.В. Изображения на скалах реки Лены в пределах Якутского округа // Бурятияведение. 1927. № 3–4. С. 64–70.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1984. 201 с.

Мазин А.И. Тажные писаницы Приамурья. Новосибирск : Наука, 1986. 259, [1] с.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. Новосибирск : Наука, 1994. 241 с.

Максимова М.В., Пеньков А.В., Шараборин А.К., Жирков Э.К. Повторные исследования святилища Суруктах-Хая (Якутия): первые результаты и перспективы // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 2 (50). С. 55–66. EDN: OXZSVD.

Мельникова Л.В., Николаев В.С., Демьянович Н.И. Шишкинская писаница. В 2-х т. Т. 1. История и методика изучения, проблемы музеефикации, описание петроглифов. Иркутск : Институт земной коры СО РАН, 2011. 426 с.

Zaika A.L. (2013) Masks/faces of the Lower Angara. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. 178 p. (In Russ.). EDN: TPMACV.

Kochmar N.N. (1994a) Rock-drawings of Yakut. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. 263 p. (In Russ.).

Kochmar N.N. (1994b) Petroglyphs of the Sinyaya River. *Archaeological discoveries of 1993*. P. 171-172. (In Russ.).

Kochmar N.N. (2002a) Study of ancient sanctuaries in the Middle Lena basin. *Science and Technology in Yakutia*. No. 1 (2). P. 32-36. (In Russ.). EDN: XVIZSX.

Kochmar N.N. (2002b) Research of altars of Middle Lena petroglyphs. *Peoples and Cultures of Siberia. Interaction as a Factor of Formation and Modernization*. Irkutsk: Ottisk. P. 57-65. (In Russ.).

Kochmar N.N., Kir'yanov N.S. (2004) Petroglyphs of the Late Middle Ages on the Middle Lena Based on Field Materials from 2001-2003. *Traditional Cultures and Societies of Northern Asia from Ancient Times to the Present: Proceedings of the XLIV Regional (with International Participation) Conference of Students and Young Scientists, Kemerovo, March 31 - April 3, 2004*. Kemerovo: Kompaniya Raduga. P. 385-388. (In Russ.). EDN: TGJHET.

Kochmar N.N., Kir'yanov N.S. (2005) Pisanitsa Toyon-Ary II: the Most Ancient Sanctuary on the Middle Lena. Origins, Formation, and Development of Eurasian Multiculturalism. *Cultures and Societies of Northern Asia in the Historical Past and Present: Proceedings of the I (XLV) Russian with International Participation Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists (RAESK-XLV, Irkutsk, April 12-16, 2005)*. Irkutsk: Radian. P. 396. (In Russ.).

Kochmar N.N., Pen'kov A.V., Knurenko P.S. (1999) Expositions of petroglyphs of Yakutia and astroarchaeological aspect of interpretation. *Archaeology of North-East Asia. Astroarchaeology. Paleometrology*. Novosibirsk: Nauka. P. 214-229. (In Russ.).

Ksenofontov G.V. (1927) Images on the rocks of the Lena River within the Yakut District. *Buryat Studies*. No. 3-4. P. 64-70. (In Russ.).

Mazin A.I. (1984) Traditional Beliefs and Rituals of the Evenks-Orochons. Novosibirsk: Nauka. 201 p. (In Russ.).

Mazin A.I. (1986) Taiga Artifacts of the Amur Region. Novosibirsk: Nauka. 259, [1] p. (In Russ.).

Mazin A.I. (1994) Ancient Sanctuaries of the Amur Region. Novosibirsk: Nauka. 241 p. (In Russ.).

Maksimova M.V., Penkov A.V., Sharaborin A.K., Zhirkov E.K. (2012) Suruktakh-Khaya Sanctuary, Yakutia, Revisited: Tentative Results and Prospects. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. No 2. P. 55-66. DOI: 10.1016/j.aee.2012.08.006. EDN: RFZRFP.

Mel'nikova L.V., Nikolaev V.S., Dem'yanovich N.I. (2011) Shishkinskiye petroglyphs. In 2 volumes. *Vol. 1. History and Methods of Study, Problems of Museification, Description of Petroglyphs*. Irkutsk: Institute of the Earth's Crust SB RAS. 426 p. (In Russ.).

Мельникова Л.В., Николаев В.С., Демьянович Н.И. Шишкинская писаница. В 2-х т. Т. 2. Природные условия формирования плоскостей, основные сюжеты и датировка, семантика древних образов и объекта в целом. Иркутск : Институт земной коры СО РАН, 2012. 286 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Средней Лены. Л. : Наука, 1972. 271 с.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы бассейна реки Алдан. Новосибирск : Наука, 1979. 152 с.

Писарчик Я.К. О сепиолитовых породах в кембрии юга Сибирской платформы // Литология и полезные ископаемые. 1975. № 4. С. 128–134.

Пономарева И.А. Древнейшие наскальные изображения Восточной Сибири: новые открытия и перспективы исследований // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: сборник научных статей, посвященный 80-летию профессора Дмитрия Глебовича Савинова. Сер. «ТРУДЫ ИИМК РАН. Т. LVII». Санкт-Петербург : Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2021. С. 507–522. DOI: 10.31600/978-5-907298-22-4.507-522. EDN: KGDDUG.

Сабитов А.А., Галиахметов Р.Г., Трофимова Ф.А., Руселик Е.С., Николаева Л.М. Сепиолитовые глины Метегерского проявления (Республика Саха (Якутия) – новый вид нерудного сырья в России // Разведка и охрана недр. 2015. № 4. С. 29–34. EDN: TOVFKP.

Сабитов А.А., Галиахметов Р.Г., Трофимова Ф.А., Руселик Е.С., Тетерин А.Н., Николаева Л.М. Сепиолитовые глины Якутии – от прогноза до месторождения // Разведка и охрана недр. 2018. № 9. С. 31–36. EDN: XZIVAT.

Соколов А.Д. По следам государевых ямщиков. Якутск : Якутский край, 2013. 245 с.

Степанов А.Д. О писанице Синская на Средней Лене: проблема верификации «черных рисунков» // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 1. С. 35–43. EDN: VKURDN.

Степанов А.Д. Утраченные и находящиеся под угрозой исчезновения писаницы Средней Лены: к проблеме сохранения древних памятников наскального искусства // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона: материалы научно-практической конференции. К 20-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, Благовещенск, 16–20 апреля 2023 г. Благовещенск : Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области, 2023. С. 116–136. DOI: 10.34757/nasledieamur.2023.99.25.015. EDN: GSLCZZ.

Степанов А.Д., Кочмар Н.Н. Сюжет о «Вечной погоне» на писанице ой-Муран (Средняя Лена) // *Universum Humanitarium*. 2017. № 2. С. 130–137. DOI: 10.25205/2499-9997-2017-2-130-137. EDN: XOBNHF.

Ponomareva I.A. Change and Continuity in the Prehistoric Rock Art of East Siberia: An archaeological and anthropological exploration into ethno-cultural identity, belonging, and symbolism. Oxford: British Archaeological Reports Limited, 2021. 202 p.

Mel'nikova L.V., Nikolaev V.S., Dem'yanovich N.I. (2012) Shishkinskiye petroglyphs. In 2 volumes. Vol. 2. *Natural Conditions of Formation of Planes, Main Plots and Dating, Semantics of Ancient Images and the Object as a Whole*. Irkutsk: Institute of the Earth's Crust SB RAS. 286 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. (1972) Petroglyphs of the Middle Lena. Leningrad: Nauka. 271 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Mazin A.I. (1979) Petroglyphs of the Aldan River Basin. Novosibirsk: Nauka. 152 p. (In Russ.).

Pisarchik Ya.K. (1975) On sepiolite rocks in the Cambrian of the southern Siberian platform. *Lithology and Useful Minerals*. Moscow: Nauka. No. 4. P. 128-134. (In Russ.).

Ponomareva I.A. (2021) The earliest rock art in East Siberia: discoveries and perspectives. *Creator of Culture. Material Culture and Spiritual Space of Man in the Light of Archeology, History and Ethnography*. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. P. 507-522. (In Russ.). DOI: 10.31600/978-5-907298-22-4.507-522. EDN: KGDDUG.

Sabitov A.A., Galiakhmetov R.G., Trofimova F.A., Ruselik E.S., Nikolaeva L.M. (2015) Sepiolite clays of Meteger occurrence (Sakha-Yakutia Republic) - a new type of industrial minerals in Russia. *Exploration and Subsoil Protection*. No. 4. P. 29-34. (In Russ.). EDN: TOVFKP.

Sabitov A.A., Galiakhmetov R.G., Trofimova F.A., Ruselik E.S., Teterin A.N., Nikolaeva L.M. (2018) Sepiolite clays of Yakutia - from forecast to deposit. *Exploration and Protection of Subsoil*. No. 9. P. 31-36. (In Russ.). EDN: XZIVAT.

Sokolov A.D. (2013) In the footsteps of the sovereign's coachmen. Yakutsk: Yakutskii krai. 245 p. (In Russ.).

Stepanov A.D. (2015) Petroglyphic drawing site Sinskaya on Middle Lena river: problem of verification of "black drawings". *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 1. P. 35-43. (In Russ.). EDN: VKURDN.

Stepanov A.D. (2023) Lost and endangered petroglyphs of the Middle Lena: to the problem of preservation of ancient monuments of rock art. *East Asia: Problems of Studying and Preserving the Historical and Cultural Heritage of the Region: Proceedings of the Scientific and Practical Conference, Blagoveshchensk, April 16-20, 2023*. Blagoveshchensk: Center for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Amur Region. P. 116-136. (In Russ.). DOI: 10.34757/nasledieamur.2023.99.25.015. EDN: GSLCZZ.

Stepanov A.D., Kochmar N.N. (2017) The plot of the "Eternal Pursuit" on the Oi-Muran petroglyphs (Middle Lena). *Universum Humanitarium*. No. 2. P. 130-137. (In Russ.). DOI: 10.25205/2499-9997-2017-2-130-137. EDN: XOBNHF.

Ponomareva I.A. (2021) Change and Continuity in the Prehistoric Rock Art of East Siberia: An archaeological and anthropological exploration into ethno-cultural identity, belonging, and symbolism. Oxford: British Archaeological Reports Limited. 202 p.

Степанов А.Д. Новые петроглифы средней Лены (по материалам экспедиции Н.Н. Кочмара 2001 г.)
Stepanov A.D. New petroglyphs of Middle Lena (according to the materials of the expedition of N.N. Kochmar in 2001)

Rozwadowski A. & Knurenko P. Reconsidering the rock paintings at Sinsk Village, Middle Lena River (Yakutia). In: Spirits and Stones: Shamanism and Rock Art in Central Asia and Siberia. Poznań: Instytut Wschodni UAM, 2002. Pp. 163-172.

Информация об авторе

Степанов Александр Дмитриевич,
научный сотрудник, Якутская комплексная лаборатория археологии Крайнего Севера (ArcheoFarN),
Институт археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН),
630090, г. Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17,
Россия,
e-mail: a.d.step@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2178-4919>

Вклад автора

Степанов А.Д. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 30 ноября 2024 г.; одобрена после рецензирования 27 мая 2025 г.; принята к публикации 2 июня 2025 г.

Rozwadowski A. & Knurenko P. (2002) Reconsidering the rock paintings at Sinsk Village, Middle Lena River (Yakutia). In: Spirits and Stones: Shamanism and Rock Art in Central Asia and Siberia. Poznań: Instytut Wschodni UAM. Pp. 163-172. (In Polish).

Information about the author

Aleksandr D. Stepanov,
Researcher, The Yakut Complex Laboratory of Archeology of the Far North (ArcheoFarN),
Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
17, Academician Lavrentyev Ave., Novosibirsk 630090, Russia,
e-mail: a.d.step@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2178-4919>

Contribution of the author

Stepanov A.D. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted November 30, 2024; approved after reviewing May 27, 2025; accepted for publication June 2, 2025.

Научная статья
УДК 902.21,903.5
EDN: GVBKFK
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-50-78>

Археологические исследования в долинах Ханх гола и Тоин гола Хубсугульского аймака Монголии

А.В. Харинский^{1,2}, Д.Е. Кичигин¹, А.М. Коростелев¹, М.А. Портнягин¹, Ц. Амгалантугс³

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

³ Институт археологии Академии наук Монголии, Улан-Батор, Монголия

Аннотация. В 1923 г. на побережье озера Хубсугул Б.Э. Петри проведены первые археологические исследования. С 1999 г. изучение археологических объектов на северном побережье озера было продолжено представителями Иркутского технического университета. В 2006 г. они вместе с археологами Улан-Баторского университета приступили к планомерным раскопкам памятников I тыс. до н. э. – середины II тыс. н. э. в Северном Прихубсугулье. К 2024 г. в этой части Монголии было выявлено 38 археологических и 22 этнографических памятника. На девяти проводились раскопки. Большинство из них находилось на побережье озера. Значительная часть территории Ханх самона шириной 10–20 км, расположенная между прибрежной частью Хубсугула и государственной границей России, оставалась необследованной. В 2024 г. археологическим отрядом Иркутского национального исследовательского технического университета проведена разведка в долинах рек Ханх гол и Тоин гол, впадающих с северо-восточной стороны в Хубсугул. В долине первой из них выявлено 11, а в долине второй 7 археологических объектов. Преимущественно это погребальные комплексы. Новые данные существенно дополнили предварительную культурно-хронологическую схему, созданную для памятников археологии северной части Хубсугульского региона. К настоящему времени в ней можно выделить четыре периода: стоянки неолита и бронзового века (кон. VII тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.); погребальные и поминальные комплексы позднего бронзового – раннего железного века (кон. II – I тыс. до н. э.); захоронения конца I тыс. н. э.; могильники и ритуальные сооружения начала – середины II тыс. н. э.

Ключевые слова: Монголия, Хубсугул, археологический объект, могильник, ритуальный комплекс, археологическая разведка, культурно-историческая схема, неолит, бронзовый век, киданьско-монгольский период

Для цитирования: Харинский А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Портнягин М.А., Амгалантугс Ц. Археологические исследования в долинах Ханх гола и Тоин гола Хубсугульского аймака Монголии // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 50–78. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-50-78. EDN: GVBKFK.

Archaeology

Original article

Archaeological research in the Khankh gol and Toin gol valleys of the Khuvsgul Aimag of Mongolia

Artur V. Kharinskii^{1,2}, Dmitriy E. Kichigin¹, Aleksei M. Korostelev¹, Matvey A. Portniagin¹,
Tsend Amgalantugs³

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

³ Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia

Abstract. In 1923, on the coast of Lake Khubsugul B.E. Petri conducted the first archaeological studies. Since 1999, the study of archaeological objects on the northern coast of the lake was continued by representatives of the Irkutsk Technical University. In 2006, they together with the archaeologists of the Ulan-Bator University began excavations of archaeological objects of the 1st millennium BC. - mid 2st ka AD in Khubsugul region. By 2024, 38 archaeological and 22 ethnographic objects were revealed in this

© Харинский А.В., Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Портнягин М.А., Амгалантугс Ц., 2025

part of Mongolia. Excavations were carried out on 9 of them. Most of them were on the coast of the lake. A significant part of the Khanh Sum, located between the coastal part of the Khubsugul Lake and the state border of Russia 10-20 km wide, remained unexplored. In 2024, the archaeological detachment of the Irkutsk National Research Technical University conducted reconnaissance in the valleys of the Khanh gol and Toyin gol Rivers flowing from the north-eastern side into Khubsugul Lake. In the first valley 11 were identified, and in the second valley – 7 archaeological objects. They are mostly funeral complexes. New data significantly complemented the preliminary cultural and chronological scheme created for the sites of archeology of the northern part of the Khubsugul region. To date, four periods can be distinguished in it: sites of the Neolithic and the Bronze Age (end 7 - 1 ka BC); burial and memorial complexes of the Late Bronze - Early Iron centuries (end 2 - 1 ka BC); Burial of the end of the 1st thousand AD; burial grounds and ritual structures of the beginning - mid -2 thousand.

Keywords: Mongolia, Khuvsgul, archaeological site, burial ground, ritual complex, archaeological exploration, cultural-historical scheme, Neolithic, Bronze Age, Khitan-Mongol period

For citation: Kharinskii A.V., Kichigin D.E., Korostelev A.M., Portniagin M.A., Amgalantugs Ts. (2025) Archaeological research in the Khanh gol and Toin gol valleys of the Khuvsgul Aimag of Mongolia. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 50-78. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-50-78. EDN: GVBKFK.

Введение

Озеро Хубсугул – одно из красивейших мест Монголии. Уже в древности по его берегам расселились охотники, рыболовы и скотоводы. Являясь важным источником всевозможных ресурсов, озеро имело важное коммуникативное значение, располагаясь на пути древних миграций, проходивших от северных отрогов Хангайских гор и верховьев р. Селенги к р. Иркуту, долине Ангары и побережью Байкала.

Целью представленной статьи является систематизация археологических материалов с Северного Прихубсугуля и попытка на их основе наметить культурно-историческую схему этой части Северной Монголии, которая с появлением новых данных приобретет более законченную форму.

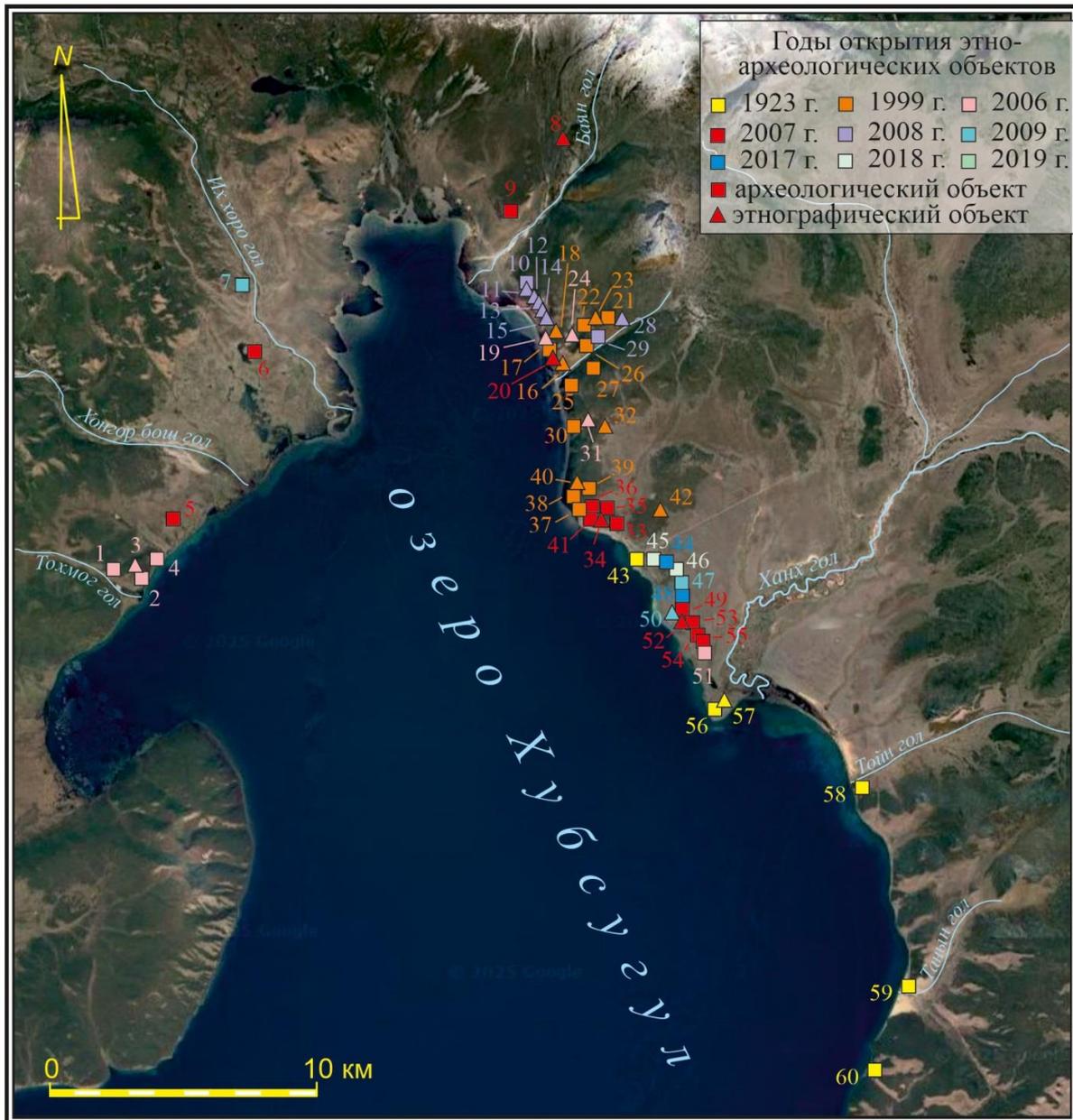
С 1923 г. российские археологи проводят исследования на северном побережье озера Хубсугул. Как правило, разведочные маршруты, осуществляемые ими, охватывали берега озера, не удаляясь от него более чем на 5 км. Оставалась необследованной значительная часть Северного Прихубсугуля шириной 10–20 км, расположенная между прибрежной частью озера и государственной границей России. В 2024 г. археологический отряд Иркутского национального исследовательского технического университета провел разведку в долинах рек Ханх гол и Тоин гол, впадающих с северо-восточной стороны в Хубсугул. Данные, полученные в результате этих исследований, приводятся ниже.

Материалы и методы

К 2024 г. в Северном Прихубсугуле было выявлено 38 археологических и 22 этнографических

памятника (рис. 1). В число последних включены действующие культовые объекты, представленные разными формами овоо и священными деревьями, на которых повязаны хадаки и развешаны черепа лошадей. Сведения о них представлены в таблице 1. В ней приводится перечень памятников, обнаруженных и описанных на северном побережье озера Хубсугул (Ханх сум Хубсугульского аймака) в период с 1923 по 2019 гг. Список выявленных объектов начинается с памятников, расположенных на северо-западном берегу озера (с долины Тахмог гола), и завершается стоянками, зафиксированными на восточном берегу Хубсугула (до мыса Тураг). В него не вошли археологические объекты, расположенные в долине реки Тоин гол, описание которых приводится вместе с объектами, выявленными в 2024 г.

В ходе археологических исследований название выявленным памятникам давалось по ближайшему географическому объекту (река, гора и т. д.) или населенному пункту. Географические названия удавалось выяснить благодаря топографическим картам или на основе сведений, полученных от местных жителей. При этом за основу бралось монгольское написание географического объекта. В русском варианте в многосоставных названиях все слова пишутся с большой буквы, через дефис (например, Ханх-Гол). В монгольском варианте первое слово в многосоставном названии начинается с большой буквы, остальные с маленькой и без дефиса (например, Ханх гол). Если название археологического объекта уже было опубликовано в научном издании, то оно оставалось без изменения (например, Ногоон Гозгор).

1 - Тахмог гол 1	16 - Цахир 1	31 - Нарийн уул 2	46 - Зуун хярын дэнж 3
2 - Тахмог гол 2	17 - Цахир 2	32 - Хавцалын даба	47 - Урд Хяр 1
3 - Тахмог гол 3	18 - Цахир 3	33 - Хирвэс 1	48 - Урд Хяр 2
4 - Тахмог гол 4	19 - Цахир 4	34 - Хирвэс 2	49 - Урд Хяр 3
5 - Хонгор бош гол	20 - Цахир 5	35 - Хирвэс 3	50 - Тахир тохой
6 - Олон нуур	21 - Ногоон Гөзгөр 1	36 - Хирвэс 4	51 - Овоотын узуур 1
7 - Хоро 1	22 - Ногоон Гөзгөр 2	37 - Хирвэс 5	52 - Овоотын узуур 2
8 - Баянголын овоо	23 - Ногоон Гөзгөр 3	38 - Хирвэс 6	53 - Овоотын узуур 3
9 - Баянголын уул 1	24 - Ногоон Гөзгөр 4	39 - Хирвэс 7	54 - Овоотын узуур 4
10 - Усть-Баянгол 1	25 - Хавцал 1	40 - Хирвэс 8	55 - Овоотын узуур 5
11 - Усть-Баянгол 2	26 - Хавцал 2	41 - Косогольский острог	56 - Арван гурван овоо
12 - Усть-Баянгол 3	27 - Хавцал 3	42 - Шары модны даба	57 - Хангинский мыс
13 - Усть-Баянгол 4	28 - Хавцал 4	43 - Хангинская фактория	58 - Тоя
14 - Усть-Баянгол 5	29 - Хавцал 5	44 - Зуун хярын дэнж 1	59 - Тана
15 - Усть-Баянгол 6	30 - Нарийн уул 1	45 - Зуун хярын дэнж 2	60 - Турук - Тана

Рис. 1. Расположение археологических и этнографических объектов, выявленных на северном побережье Хубсугула в 1923–2019 гг.

Fig. 1. Location of archaeological and ethnographic sites discovered on the northern coast of Khovsgol in 1923-2019

Таблица 1. Археологические и этнографические объекты, выявленные на северном побережье Хубсугула в 1923–2019 гг.

Table 1. Archaeological and ethnographic sites discovered on the northern coast of Khovsgol in 1923–2019

№	Название и год открытия	Расположение	Функции	Публикация
1	Тахмог гол 1, 2006	в 19,2 км к З от пос. Ханх, на горе высотой 1740 м, с С стороны р. Тахмог гол	одиночное захоронение	
2	Тахмог гол 2, 2006	в 18,2 км к западу от пос. Ханх, на В склоне горы, с С стороны р. Тахмог гол	два захоронения	Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006
3	Тахмог гол 3, 2006	в 18,2 км к З от пос. Ханх, на В краю террасовидного склона горы, к С от реки Тахмог гол	действующий культурный комплекс	
4	Тахмог гол 4, 2006	в 17,4 км к З от пос. Ханх, на правом берегу ручья, впадающего в Хубсугул в 1,3 км к ССВ от устья Тахмог гола, в 0,2 км от берега озера	стоянка	
5	Хонгор бош гол, 2007	в 16,6 км к З от пос. Ханх, в 2,2 км к ЮЗ от Хонгор бош гол, в 840 м от берега Хубсугула, к В от дороги	могильник	
6	Олон нуур, 2007	В 2 км к Ю от центра бага Хоро, в 80 м к В от озера Олон нуур	курганый могильник	
7	Хоро 1, 2009	В 180 м к З от центра бага Хоро, на правом берегу р. Их хоро, на скальной гряде	могильник	
8	Баянголын овоо, 2007	в 15 км к С от пос. Ханх, на вершине горы, находящейся между двух рукавов реки Баян гол	действующий культурный комплекс	
9	Баянголын уул 1, 2007	в 12,3 км к С от пос. Ханх, на площадке, примыкающей с В к горе Банголын уул, расположенной на правом берегу р. Баянгол	могильник	
10	Усть-Баянгол 1, 2008	в 8,8 км к ССЗ от пос. Ханх, на краю террасовидного склона	одиночный поминальник	
11	Усть-Баянгол 2, 2008	в 8,6 км к ССЗ от пос. Ханх, и в 250 м к югу от Усть-Баянгол 1	три цилиндрические овоо	
12	Усть-Баянгол 3, 2008	в 8,2 км к ССЗ от пос. Ханх, и в 200 м к ЮВ от Усть-Баянгол 2	одиночное цилиндрическое овоо	
13	Усть-Баянгол 4, 2008	в 8 км к ССЗ от пос. Турт, и в 130 м к ЮВ от Усть-Баянгол 3	одиночное цилиндрическое овоо	
14	Усть-Баянгол 5, 2008	в 7,7 км к ССЗ от пос. Турт, и в 290 м к ЮВ от Усть-Баянгол 3	ритуальное сооружение в виде ограды из каменных плит	
15	Усть-Баянгол 6, 2008	в 7,6 км к ССЗ от пос. Турт, и в 100 м к Ю от Усть-Баянгол 5	одиночное цилиндрическое овоо	
16	Цахир 1, с 2009 Толон 1, 1999	в 6,7 км к С от пос. Ханх, на скальном останце	действующий культурный комплекс	Харинский, Наумов, 2000

17	Цахир 2 , с 2009 Толон 2, с 2006 Толон 4, 1999	в 7 км к С от пос. Ханх, на 3 кромке склона, г. Ногоон Гозгор	могильник	Харинский, Наумов, 2000; Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006
18	Цахир 3 , с 2009 Толон 3, 1999	в 7,3 км к С от пос. Ханх, на скальном останце, состоящем из двух вершин	действующий куль- товый комплекс	Харинский, Наумов, 2000
19	Цахир 4 , с 2009 Толон 4, 2006	в 7,2 км к С от пос. Хан, на 3 кромке склона, г. Ногоон Гозгор	действующий куль- товый комплекс	Харинский, Наумов, 2000
20	Цахир 5 , с 2009 Толон V, 2007	в 6,8 км к С от пос. Ханх, в 200 м к С от культового комплекса То- лон I	культовый комплекс	
21	Ногоон Гозгор 1 , с 2009 Цыгыр 1, 1999	в 7,2 км к С от пос. Ханх, на СВ склоне г. Ногоон Гозгор	могильник	Харинский, Наумов, 2000; Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006; Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011
22	Ногоон Гозгор 2 , с 2009 Цыгыр 2, 1999	в 7 км к С от пос. Ханх, на ЮЗ склоне г. Ногоон Гозгор	кенотаф	Харинский, Наумов, 2000; Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006
23	Ногоон Гозгор 3 , с 2009 Цыгыр 3, 1999	в 7 км к С от пос. Ханх, на скаль- ном гребне г. Ногоон Гозгор	действующий куль- товый комплекс	Харинский, Наумов, 2000;
24	Ногоон Гозгор 4 , с 2009 Цыгыр 4, 2006	в 6,9 км к С от пос. Ханх, на ЮЗ склоне г. Ногоон Гозгор	действующий куль- товый комплекс	
25	Хавцал 1 , с 2006 г. Хобсул I, 1999 г.	в 5,8 км к С от пос. Ханх, на ле- вом берегу р. Хавцал, в ее при- устьевой части	стоянка	Харинский, Наумов, 2000
26	Хавцал 2 , с 2006 Толон 2, 1999	в 6,5 км к С от пос. Ханх, у ЮЗ подножия г. Ногоон Гозгор	погребально- поминальный ком- плекс	Харинский, Наумов, 2000; Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006; Харинский, Эрдэнэбаатар, 2007; Харинский, Эрдэнэбаатар и др., 2009; Харинский, Эрдэнэбаатар, Коростелев, 2010
27	Хавцал 3 , 1999	в 5,8 км к С от пос. Ханх, на СЗ склоне горы Нарийн уул	погребально- поминальный ком- плекс	
28	Хавцал 4 , 2008	в 6 км к С от пос. Ханх, на правом берегу р. Хавцал	Цилиндрическое овоо из камней	
29	Хавцал 5 , 2008	в 5,5 км к С от пос. Ханх, на пра- вом берегу р. Хавцал, у южного подножия горы Ногоон Гозгор	два кургана	
30	Нарийн уул 1 , с 2006 Нарануул 1, 1999	в 4,5 км к СЗ от пос. Ханх, на ЮЗ склоне горы Нарийн уул	одиночное погребе- ние	Харинский, Наумов, 2000
31	Нарийн уул 2 , 2006	в 4,4 км к СЗ от пос. Ханх, на ЮЗ склоне горы Нарийн уул	действующий куль- товый комплекс	
32	Хавцалын-даваа , 1999	на холме высотой 1815 м, в 4 км к С пос. Ханх,	действующее кони- ческое овоо из кам- ней и жердей	
33	Хирвэс 1 , с 2024 Баясгалан 1, 2007	на СЗ оконечности пос. Ханх, в ЮВ части горы Хирвэс, на высоте около 1734–1736 м	могильник	

34	Хирвэс 2 , с 2024 Баясгалан 2, 2007	на СЗ оконечности пос. Ханх, в ЮВ части горы Хирвэс, на высоте около 1731 м	культовый комплекс	
35	Хирвэс 3 , с 2024 Баясгалан 4, 2007	на СЗ оконечности пос. Ханх, в ЮВ части горы Хирвэс, на высоте около 1730 м	поминальный комплекс	
36	Хирвэс 4 , с 2024 Баясгалан 5, 2007	на СЗ оконечности пос. Ханх, в ЮВ части горы Хирвэс, на высоте около 1733 м	одиночное погребение	
37	Хирвэс 5 , с 2024 Дэлегын-Морын 1, 1999	в южной части холма Хирвэс, на СЗ окраине пос. Ханх	поминальный комплекс	Харинский, Наумов, 2000
38	Хирвэс 6 , с 2024 Дэлегын-Морын 2, 1999	в западной части холма Хирвэс, в 0,8 км к СЗ от пос. Ханх	могильник	Харинский, Наумов, 2000
39	Хирвэс 7 , с 2024 Дэлегын-Морын 3, 1999	в западной части холма Хирвэс, в 1,2 км к СЗ от пос. Ханх	могильник	Харинский, Наумов, 2000
40	Хирвэс 8 , с 2024 Дэлегын-Морын 4, 1999	в центральной части холма Хирвэс, в 1,7 км к СЗ от пос. Ханх	действующий культовый комплекс	Харинский, Наумов, 2000
41	Косогольский острог с 2009 Баясгалан 3, 2007	на СЗ оконечности пос. Ханх, в ЮВ части горы Хирвэс, на высоте около 1732–1733 м	городище	Луньков, Харинский и др., 2010
42	Шар модны даваа , 1999	на холме высотой 1779 м, в 1,8 км к СВ от пос. Ханх	действующее коническое овоо из камней и веток	
43	Хангинская фактория , 1923	В пос. Ханх	жертвенник	Петри, 1926. С. 12
44	Зуун хярын дэнж 1 , 2017	в центральной возвышенной части пос. Ханх – Зуун хярын дэнж	могильник	Оргилбаяр, Харинский и др., 2019; Харинский, Оргилбаяр и др., 2023
45	Зуун хярын дэнж 2 , 2018	в центральной возвышенной части пос. Ханх, на более низкой террасовидной площадке, чем Зуун хярын дэнж 1	могильник	
46	Зуун хярын дэнж 3 , 2018	в центральной возвышенной части пос. Ханх, в 200 м к ЮВ от Зуун хярын дэнж 1	могильник	
47	Урд Хяр 1 , 2009	в центральной возвышенной части пос. Ханх – Урд Хяр	погребально-поминальный комплекс	Оргилбаяр, Харинский и др., 2019
48	Урд Хяр 2 , 2017	в ЮВ возвышенной части пос. Ханх, в 440 м к ЮВ Урд Хяр 1	могильник с ритуальными сооружениями	Оргилбаяр, Харинский и др., 2019
49	Урд Хяр 3 , с 2024 Судал 2, 2007	в 0,8 км к ЮВ от пос. Ханх, на высоте около 1723 м	одиночное погребение	Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2008
50	Тахир тохой , 2009	в ЮВ части пос. Ханх, возле дороги, следующей в Урд Хяр	действующий культовый комплекс	

51	Овоотын узур 1 , 2018 Судал 1, 2006	с В южной части плато, расположенного к ЮВ от пос. Ханх, на высоте около 1675 м, в 770 м к ЮВ от турбазы «Серебряный берег»	погребально-поминальный комплекс	Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006; Оргилбаяр, Харинский и др., 2019
52	Овоотын узур 2 , 2007	с В южной части плато, расположенного к ЮВ от пос. Ханх, на высоте около 1700 м, в 195 м к С от турбазы «Серебряный берег»	овоо действующее	
53	Овоотын узур 3 , 2018 Судал 3, 2007	с В южной части плато, расположенного к ЮВ от пос. Ханх, на высоте около 1705 м	поминальник	Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2008
54	Овоотын узур 4 , 2018 Судал 4, 2009	с В южной части плато, расположенного к ЮВ от пос. Ханх, на высоте около 1696 м, в 205 м к СВ от турбазы «Серебряный берег»	одиночное погребение	
55	Овоотын узур 5 , 2018 Судал 5, 2009	с В южной части плато, к ЮВ от пос. Ханх, на высоте около 1685 м, в 380 м к ЮВ от турбазы «Серебряный берег»	одиночное погребение	
56	Арван гурван овоо , 2006 Ханх 1, 1999	с на Хангинском мысу, в 4 км на ЮЮВ от пос. Ханх	действующий ритуальный комплекс	Харинский, Наумов, 2000
57	Хангинский мыс , 1923	с на Хангинском мысу, в 4 км на ЮЮВ от пос. Ханх	Ритуальный комплекс	Петри, 1926. С. 18–21
58	Тоя , 1923	с В приустьевой части р. Тойн гол, на левом берегу, в 9,2 км к ЮВ от пос. Ханх	стоянка	Петри, 1926. С. 13
59	Тана , 1923	с В приустьевой части р. Таанын гол, в 16 км к ЮВ от пос. Ханх	стоянка	Петри, 1926. С. 12–13
60	Турук-Тана , 1923	с В приустьевой части ручья, впадающего в Хубсугул между р. Таанын гол и Тураг гол, в 17,6 км от пос. Ханх	стоянка	Петри, 1926. С. 12

При получении сведений о названии географического объекта от информатора мы просили, чтобы он записывал его на бумаге. На слух правильно передать монгольское название не всегда получается верно. Были случаи, когда название географическому объекту информаторы давали неправильно. В этом случае после того как выяснялось правильное название объекта, оно менялось. В таблице представлены как старые, так и новые названия памятников, указан год его открытия и год смены названия.

История археолого-этнографических исследований на северном побережье озера Хубсугул

Первое археологическое изучение берегов озера Хубсугул осуществил в 1923 г. профессор Ир-

кутского университета Б.Э. Петри. На восточном побережье озера им выявлено 10 стоянок с экспонируемыми на поверхности земли артефактами (Петри, 1926. С. 11–13). находки, собранные исследователем на берегах озера, в настоящее время хранятся в Иркутском областном краеведческом музее им. Н.Н. Муравьева-Амурского и полностью опубликованы (Кичигин, Шергин, Иванов, 2024).

После значительного перерыва археологические исследования на берегах озера были продолжены иркутскими археологами только в 1999 г. На северном берегу Хубсугула А.В. Харинским и И.В. Наумовым между Хангинским мысом и горой Ногоон Гозгор, на правом берегу р. Хавцал, обнаружено 15 археологических и этнографических объек-

тов, предварительно датированных в пределах V тыс. до н. э. – II тыс. н. э. Перед учеными открывалась прекрасная возможность для изучения древних погребений и создания на их основе культурно-хронологической схемы истории региона.

В июне – июле 2006 г. археологической экспедицией Иркутского государственного технического университета, Томского государственного университета и Улан-Баторского государственного университета проведены исследования на северном побережье озера Хубсугул. Выявлено 6 новых археолого-этнографических памятников (Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006). Проведены раскопки археологического объекта Цыгыр 2 (Харинский, Эрдэнэбаатар, 2007).

Первые крупномасштабные раскопочные работы на северном берегу Хубсугула были предприняты в 2007 г. совместной археологической экспедицией Иркутского государственного технического университета и Улан-Баторского государственного университета под руководством Д. Эрдэнэбаатара и А.В. Харинского. На археологическом объекте Хавцал 2 вскрыт комплекс № 2 и расчищена большая часть курганной насыпи комплекса № 1. Одновременно осуществлено обследование северо-восточного берега озера от Ханхойского мыса на юго-востоке до среднего течения реки Баян-Гол на севере. Выявлено 12 археологических и этнографических объектов.

В 2008 г. работы монгольско-российской археологической экспедиции на северном побережье озера Хубсугул были продолжены. На погребально-поминальном комплексе Хавцал 2 расширен раскоп 2007 г. К моменту начала раскопок выяснилось, что центральная часть кургана комплекса № 1 вскрыта грабителями. Часть костей погребенного и сопроводительный инвентарь были выброшены в отвал. Под центральной частью насыпи обнаружены разрозненные человеческие кости – остатки погребения конца I тыс. до н. э. Помимо раскопок комплекса № 1 в южной части Хавцала 2, был вскрыт комплекс № 7. Предварительно захоронение датировано бронзовым веком.

В 2008 г. начаты исследования на могильнике Цыгыр 1 (Ногоон Гозгор 1). Вскрыт комплекс № 4. Под четырехугольной плоской каменной кладкой размерами 3,0 x 3,3 м обнаружены останки погребенного, располагавшегося вытянуто, на спине, го-

ловой на север. Захоронение датировано второй половиной XI в. – первой половиной XIII в. (Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011). Свое название могильник получил в 1999 г. после проведения первых разведочных работ. Имя могильнику было присвоено по названию горы, на склоне которой он находился. Во время расспросов местные пастухи сообщили, что гора, которая нас интересовала, именуется «Цыгыр». Вследствие чего, это название и было присвоено археологическим объектам, находившимся на ней. В 2009 г. во время бесед Д. Эрдэнэбаатара с местным населением выяснилось, что в названии гор, записанных нами в 1999 г., имеются неточности. Гора, поросшая лиственничным лесом, на склоне которой располагается могильник, называется «Ногоон Гозгор» (Зеленая вершина), а название «Цахир» (Белая вершина) имеет скала, находящаяся к юго-западу от нее. Чтобы избежать дальнейшей путаницы, было решено изменить название археологических объектов с именем «Цыгыр» на «Ногоон Гозгор», а объектов с названием «Толон» на «Цахир».

В 2008 г. раскопаны две каменные кладки на могильнике Баясгалан 1. Под круглой кладкой комплекса № 1 выявлены останки погребенного, захороненного вытянуто, на спине, головой на северо-запад. Под четырехугольной конструкцией из камней комплекса № 5 остатков захоронения не обнаружено. Сплошная археологическая разведка была проведена между реками Хавцал и Баянгол. Выявлено восемь новых этнографических и археологических объектов.

Раскопочные работы монгольско-российской археологической экспедиции под руководством А.В. Харинского и Д. Эрдэнэбаатара в 2009 г. проводились на двух археологических объектах – Хавцал 2 и Ногоон Гозгор 1. На погребально-поминальном комплексе Хавцал 2 расширен раскоп № 1 (2007–2008 гг.). В западной части прирезки обнаружена каменная выкладка, которой присвоен № 4. Под кладкой не были обнаружены какие-либо находки. К югу от комплекса № 1 вскрыт комплекс № 3, археологический материал не обнаружен (Харинский, Эрдэнэбаатар и др., 2009; Харинский, Эрдэнэбаатар, Коростелев, 2010). В северной части могильника Хавцал 2, вскрыт комплекс № 8. Под его каменной кладкой обнаружено захоронение, предварительно датированное началом II тыс. н. э.

В 2009 г. на могильнике Ногоон Гозгор 1 вскрыт комплекс № 3. Погребение разрушено в древности.

Предварительно оно датировано началом II тыс. н. э. (Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011). На северо-западной оконечности пос. Ханх проведено обследование остатков Косогольского острога. Поперек северного рва острога заложена траншея размерами 1 x 4 м. Археологический материал обнаружен не был (Луньков, Харинский и др., 2010). На территории пос. Ханх проведены разведочные работы. В его центральной возвышенной части обнаружен могильник, получивший название Урд Хяр 1. В юго-восточной части поселка зафиксированы действующий ритуальный комплекс Тахир-тохой и одиночные погребения Судал 4 и Судал 5.

В 2017 г., после шестилетнего перерыва, российско-монгольские археологические работы на северо-восточном побережье озера Хубсугул были продолжены. Проведены исследования двух захоронений № 5 и № 6 на могильнике Ногоон-Гозгор 1 (Харинский, Эрдэнэбаатар и др., 2018). На территории поселка Ханх обнаружено два могильника первой половины II тыс. н. э. – Зуун хярын дэнж 1 и Урд Хяр 2.

В июле 2018 г. археологической экспедицией Иркутского государственного технического университета и Улан-Баторского государственного университета под руководством А.В. Харинского, Д. Эрдэнэбаатара и С. Оргилбаяра проведены археологические исследования на северо-восточном побережье озера Хубсугул. На могильнике Зуун хярын дэнж 1 вскрыты две могилы № 1 и № 2. В обоих захоронениях умерший располагался вытянуто, на спине (Харинский, Оргилбаяр и др., 2023). На могильнике Овоотын узуур 1, ранее именовавшемся «Судал 1», вскрыта южная часть херексура (комплекс № 1) и 2 поминальника, расположенных к югу от него, – комплексы № 2 и № 3.

В 2019 г. исследование на северном побережье Хубсугула археологами ИРНТУ и УБГУ были продолжены. На могильнике Зуун хярын дэнж 1 вскрыто одно ограбленное захоронение XI – первой половины XIII века (комплекс № 9) (Харинский, Оргилбаяр и др., 2023). Также одно захоронение в деревянной колоде исследовано на могильнике Урд Хяр 1 (комплекс № 9). В южной части могильника Урд Хяр 2 раскопаны комплексы № 1, 2 и 3, которые являлись ритуальными сооружениями и были, вероятно, связаны с овоо, находившемся в этом месте. В центральной части памятника исследованы четыре захоронения, датированные в пределах XI–XV вв.

(комплексы № 21, 23, 24, 26). На погребально-поминальном комплексе Овоотын узуур 1 сделана прирезка к раскопу 2018 г., вскрыты юго-восточная и восточная часть кольца херексура. Находки не обнаружены (Оргилбаяр, Харинский и др., 2019).

Археологические объекты в долине реки Ханх гол

В результате пандемии в 2020 г. работы международных экспедиций на территории Монголии были приостановлены. В 2023 г. со стороны Иркутского технического университета предприняты попытки найти нового партнера для проведения совместных археологических исследований на северном побережье Хубсугула. К этому времени Улан-Баторский государственный университет, с археологами которого иркутские коллеги сотрудничали с 2006 по 2019 г., вошёл в состав Монгольского государственного университета, что привело к уходу из него Д. Эрдэнэбаатара, руководившего с монгольской стороны Хубсугульской археологической экспедицией.

В мае 2023 г. начались переговоры Иркутского технического университета с Институтом археологии Академии наук Монголии о совместных исследованиях в Хубсугульском аймаке, а весной 2024 г. между двумя организациями был подписан договор о совместном научно-исследовательском проекте «Номады на берегах Хубсугула: три тысячелетия истории». Первой экспедицией, проведенной в рамках проекта, стала археологическая разведка сотрудников Иркутского государственного технического университета (А.В. Харинский, Д.Е. Кичигин, А.М. Коростелев и М.А. Портнягин) в долине р. Ханх гол в 2024 г., в результате которой были обнаружены 11 новых археологических объектов (рис. 2).

Хаагдагийн шил. Археологический объект находится в 7,25 км к северо-востоку от пристани пос. Ханх, в 1,2 км к западу от русла р. Хух мусний гол и в 137 м к юго-востоку от места пересечения перевала Хаагдагийн шил даваа асфальтированной дорогой, идущей к государственной границе России (рис. 3). Название перевала (даваа) и стало наименованием памятника, состоящего из пяти искусственных каменных сооружений, расположенных на незалесенной вершине холма, в его юго-восточной части, с высотными отметками 1768–1770 м (Балтийская система высот). Без проведения раскопочных работ сложно судить являются ли они частью погребальной, поминальной или еще какой-либо

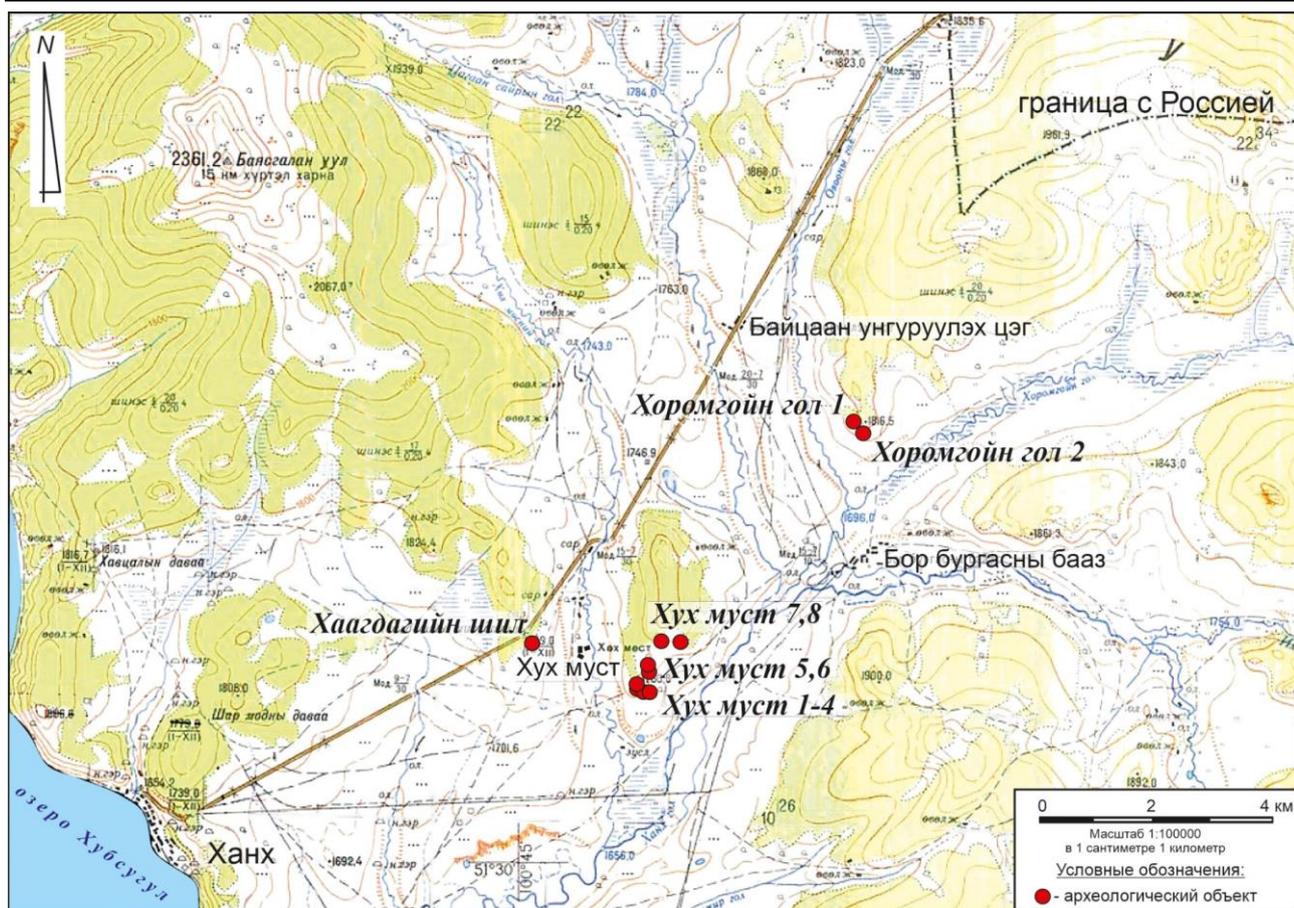

Рис. 2. Археологические объекты, выявленные в долине Ханх гола
Fig. 2. Archaeological sites discovered in the Khankh gol valley

конструкции. Поэтому они будут именоваться комплексами без уточнения функционального назначения. Их составной частью являются каменные сооружения. Комплексы № 1 и 2 расположены в южной части памятника, комплекс № 3 – в восточной, а комплексы № 4 и 5 – в его северной части.

Кладка комплекса № 1 овальной формы, размером 1,60 x 3,10 м, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Камни конструкции хорошо задернованы и имеют размеры от 8 x 14 см до 42 x 42 см. Они уложены плотно друг к другу. Высота кладки над современной земной поверхностью составляет 18 см (рис. 4.1).

Кладка комплекса № 2 локализуется в 33 м к западу от комплекса № 1. Она овальной формы, размером 1,60 x 2,75 м, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Периметр конструкции состоит из крупных плит, внутри камни уложены плотно друг к другу и хорошо задернованы, их размеры от 8 x 10 см до 23 x 26 см (рис. 4.2).

Кладка комплекса № 3 расположена в 38 м к северо-востоку от комплекса № 2 по азимуту 54°.

Она овальной формы, размером 1,20 x 2,20 м, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Торцы конструкции представлены крупными камнями, наклоненными к центру. Размер каменной плиты с северо-западной стороны кладки 60 x 78 см, высота 28 см. Размер каменной плиты с юго-восточной стороны кладки 60 x 80 см, высота 13 см. Между ними находятся мелкие камни, размером от 6 x 9 см до 16 x 32 см (рис. 4.3).

Кладка комплекса № 4 находится в 31 м к северо-западу от комплекса № 3 по азимуту 293°. Она овальной формы, размером 1,25 x 2,10 м, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. Кладка хорошо задернована. В основном на поверхности земли читается контур конструкции. Размеры камней от 8 x 9 см до 19 x 48 см. Высота кладки над современной поверхностью земли составляет 18 см (рис. 4.4).

Кладка комплекса № 5 расположена в 15,8 м к северо-востоку от комплекса № 4 по азимуту 14°. Она овальной формы, плоская, размером 1,25 x 2,35 м, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток.

1

2

Рис. 3. Хаагдагийн шил: 1 – общий вид на территорию исследования, снято с юга; 2 – спутниковый снимок археологического объекта

Fig. 3. Haagdagiin shil: 1 - general view of the study area, taken from the south; 2 - satellite image of the archaeological site

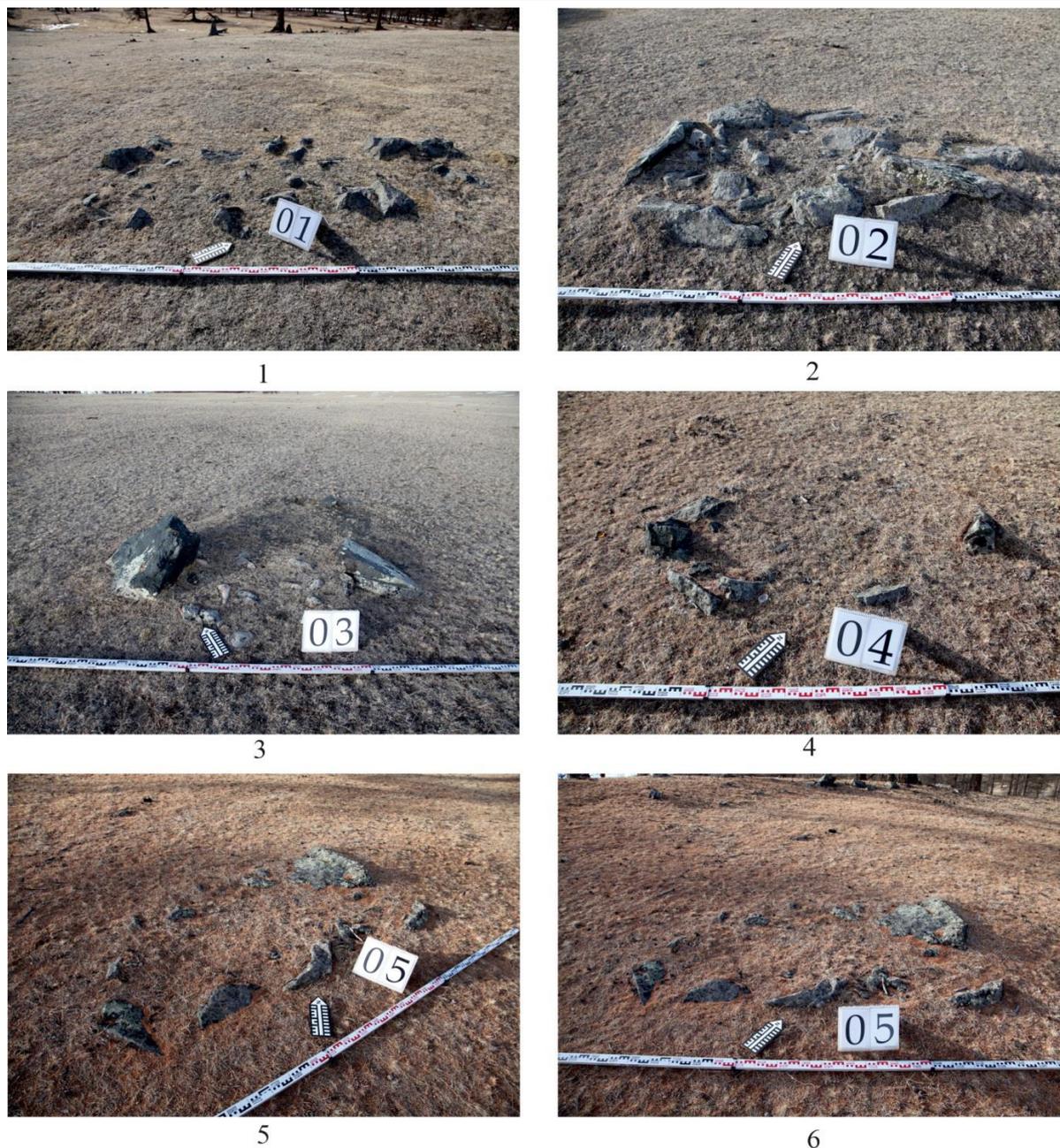

Рис. 4. Хаагдагийн шил: 1 – комплекс № 1; 2 – комплекс № 2; 3 – комплекс № 3; 4 – комплекс № 4; 5, 6 – комплекс № 5
Fig. 4. Хаагдагийн шил: 1 - feature No. 1; 2 - feature No. 2; 3 - feature No. 3; 4 - feature No. 4; 5, 6 - feature No. 5

С северо-восточной стороны конструкции расположена крупная плоская плита, размером 67 x 74 см и высотой 12 см от поверхности земли. Камни кладки уложены плотно друг к другу и хорошо задернованы. Их размеры от 7 x 11 см до 15 x 50 см (рис. 4.5,6).

Хух мушт 1. Археологический объект находится в 8,86 км к северо-востоку от пристани пос. Ханх, в 1,2 км к западу от р. Ханх гол и в 1,36 км к юго-востоку от поселения Хух мушт, благодаря которому он получил свое название. Памятник расположен у подножия холма, с его южной стороны и включает три каменные конструкции (рис. 5).

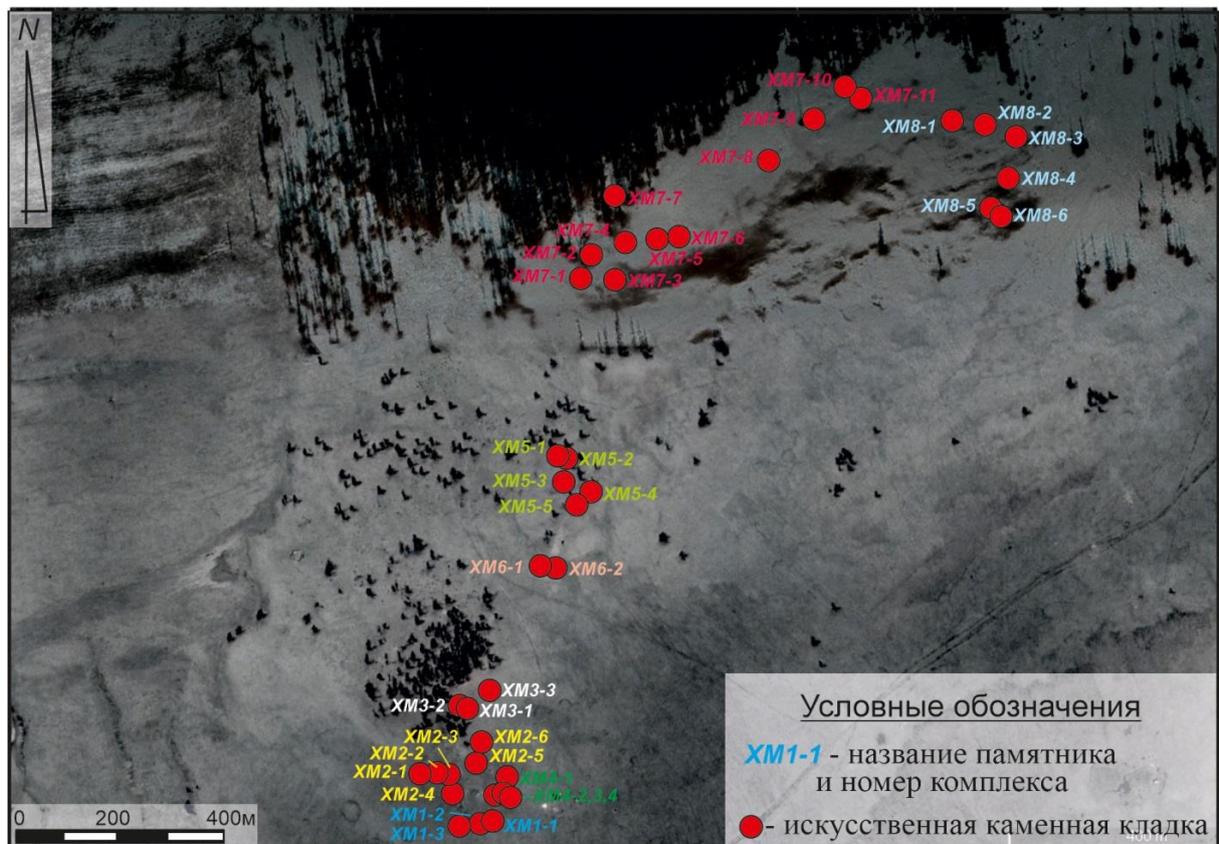
Кладка комплекса № 1 овальной курганообразной формы, размером 3,6 x 4,0 м, ориентирована по линии запад – восток. Камни хорошо задернованы. Их размеры от 6 x 11 см до 38 x 65 см.

Кладка комплекса № 2 расположена в 23 м к юго-западу от комплекса № 1, по азимуту 238°. Она плоская, овальной формы, размером 2,5 x 4,0 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Камни уложены плотно друг к другу и хорошо задернованы. Их размеры от 6 x 11 см до 30 x 40 см.

Кладка комплекса № 3 находится в 25 м к СЗ от комплекса № 2 по азимуту 277°. Она плоская,

1

2

Рис. 5. Хух муст 1–8: 1 – общий вид на территорию исследования, снято с юга; 2 – спутниковый снимок археологических объектов

Fig. 5. Khukh Must 1 - 8: 1 - general view of the study area, taken from the south; 2 - satellite image of archaeological sites

овальной формы, размером 3,0 x 3,5 м, ориентирована по линии запад – восток. Камни уложены плотно друг к другу, их размеры от 7 x 13 см до 40 x 42 см (рис. 6.1).

Хух муст 2. Археологический объект находится в 8,87 км к северо-востоку от пристани пос. Ханх, в 1,26 км к юго-востоку от поселения Хух муст и в 1,35 км к западу от р. Ханх гол. Он расположен на западном – юго-западном и восточном склоне холма, к северу от памятника Хух муст 1 и включает шесть каменных конструкций (рис. 5).

Кладка комплекса № 1 овальной подпрямоугольной формы, размером 2,90 x 5,0 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Сложена из крупных камней, расположенных не плотно друг к другу на поверхности земли. Под ними не видно какого-либо продолжения конструкции. Размеры камней от 50 x 80 см до 50 x 90 см. Высота кладки 50 см.

Кладка комплекса № 2 расположена в 23 м к востоку от комплекса № 1. Форма конструкции в виде оградки, размером 3,2 x 4,3 м, ориентированной по линии северо-запад – юго-восток. Сложена

1

2

3

4

5

6

Рис. 6. Хух муст 1–6: 1 – Хух муст 1, комплекс № 3; 2 – Хух муст 2, комплекс № 6; 3 – Хух муст 3, комплекс № 3; 4 – Хух муст 4, комплекс № 2; 5 – Хух муст 5, комплекс № 5; 6 – Хух муст 6, комплекс № 1

Fig. 6. Khukh Must 1-6: 1 - Khukh Must 1, feature No. 3; 2 - Khukh Must 2, feature No. 6; 3 - Khukh Must 3, feature No. 3; 4 - Khukh Must 4, feature No. 2; 5 - Khukh Must 5, feature No. 5; 6 - Khukh Must 6, feature No. 1

из крупных камней, расположенных не плотно друг к другу на поверхности земли в 1–2 слоя. Под ними не видно какого-либо продолжения конструкции. Размеры камней от 35 x 45 см до 55 x 90 см. Высота кладки до 70 см.

Кладка комплекса № 3 находится на склоне холма, в 18 м к юго-востоку от комплекса № 1, по азимуту 109°. Она прямоугольной формы, размером 3,3 x 4,7 м, ориентирована по линии запад – восток, не задернована. Сложена из крупных камней, расположенных не плотно друг к другу на поверхности земли. Внутри конструкции, преимущественно с севера и северо-запада, пространство заполнено камнями меньшего размера. Северная и западная стенки кладки состоят из камней, расположенных в 2 слоя. В северо-восточном углу крупный камень установлен вертикально и возвышается над поверхностью земли на 40 см. Размеры камней конструкции от 10 x 23 см до 60 x 105 см.

Кладка комплекса № 4 расположена в 25 м к югу от комплекса № 3, по азимуту 171°. Она в виде ограды четырехугольной формы, размером 2,85 x 5,5 м, ориентирована по линии запад – восток, не задернована. Сложена из крупных камней, расположенных не плотно друг к другу на поверхности земли. Их размеры до 56 x 86 см. Внутри конструкции пространство заполнено камнями поменьше. Их размеры от 14 x 18 см до 26 x 40 см. С восточной стороны ниже по склону камни конструкции сползли вниз.

Кладка комплекса № 5 локализуется на противоположном (восточном) склоне холма, в 42 м к северо-востоку от комплекса № 3, по азимуту 60°. Она сложена в виде ограды четырехугольной формы, размером 2,0 x 3,6 м, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток, не задернована. Кладка располагается поперек склона. Она состоит из крупных камней, прилегающих плотно друг к другу на поверхности земли. Их размеры до 35 x 76 см. Внутри конструкции пространство заполнено камнями поменьше. Их размеры от 11 x 20 см до 22 x 46 см. Высота кладки над поверхностью земли 76 см.

Кладка комплекса № 6 расположена в 22,5 м к северо-востоку от комплекса № 5, по азимуту 200°. Она имеет вид ограды четырехугольной формы, размером 1,9 x 2,8 м, ориентирована по линии север – юг, не задернована. Кладка располагается поперек склона. Хорошо сохранилась ее южная стенка. Северная часть кладки разрушена. Размеры камней на

внешней части ограды до 36 x 65. Внутри конструкции пространство заполнено камнями поменьше. Их размеры от 8 x 19 см до 23 x 35 см (рис. 6.2).

Хух муст 3. Археологический объект находится в 8,92 км к северо-востоку от пристани пос. Ханх, в 1,27 км к юго-востоку от поселения Хух муст и в 1,45 км к западу от русла р. Ханх гол. Он расположен в небольшом распадке между вершинами холма, с его восточной стороны, к северу от памятника Хух муст 2 и включает 3 каменные конструкции (рис. 5).

Кладка комплекса № 1 овальной курганообразной формы, размером 2,7 x 3,7 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Размеры камней от 10 x 14 см до 34 x 44 см. Высота кладки 35 см.

Кладка комплекса № 2 расположена вверх по склону в 5,8 м к западу от комплекса № 1. Она плоская, круглой формы, диаметром 1,7 м. Камни хорошо задернованы и уложены плотно друг к другу. Их размеры от 8 x 13 см до 33 x 64 см.

Кладка комплекса № 3 находится в 36 м к северо-востоку от кладки № 1 по азимуту 53°, ниже по восточному склону холма. Она плоская, овальной формы, размером 5,2 x 6,0 м. Кладка ориентирована по линии север – юг. По периметру конструкции в некоторых местах читается кольцо, в центре растут две лиственницы. Некоторые камни кладки сползли по склону. Размеры камней от 10 x 10 см до 58 x 68 см (рис. 6.3).

Хух муст 4. Археологический объект находится в 8,92 км к северо-востоку от пристани пос. Ханх, в 1,38 км к юго-востоку от поселения Хух муст и в 1,13 км к западу от русла р. Ханх гол. Он расположен северо-восточнее памятника Хух муст 1, на юго-восточном склоне холма. Включает четыре каменные конструкции (рис. 5).

Кладка комплекса № 1 подпрямоугольной формы, размером 2,3 x 3,2 м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Состоит из крупных камней, размерами от 40 x 65 см до 90 x 110 см. Высота кладки 60 см. В северо-восточном углу кладки камни отсутствуют.

Кладка комплекса № 2 расположена в 27 м к юго-западу от комплекса № 1 по азимуту 205°. Она четырехугольной формы, размером 1,85 x 2,1 м, длинными сторонами ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Состоит из крупных камней размерами от 40 x 56 см до 46 x 120 см. Камни слабо задернованы. Высота кладки 38 см (рис. 6.4).

Кладка комплекса № 3 находится в 2,5 м к востоку от комплекса № 2. Она прямоугольной формы, размером 1,9 x 3,4 м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Кладка располагается поперек склона. Она состоит из камней размерами от 17 x 30 см до 40 x 88 см. Высота кладки 42 см.

Кладка комплекса № 4 расположена в 11,7 м к востоку от комплекса № 3, ниже по склону. Она плоская, овальной формы, размером 1,9 x 2,85 м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Она состоит из камней размерами от 13 x 20 см до 26 x 32 см. В центре конструкции имеется западина.

Хух муст 5. Археологический объект находится в 9,1 км к северо-востоку от пристани пос. Ханх, в 1,23 км к ЮВВ от поселения Хух муст и в 1,44 км к западу от р. Ханх гол. Он расположен на вершине холма, в 279 м к северо-востоку от памятника Хух муст 3 и состоит из пяти каменных конструкций (рис. 5).

Кладка комплекса № 1 четырехугольной формы, размером 2,2 x 2,7 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. Сложена по периметру из крупных камней, размером от 15 x 28 см до 45 x 60 см. Внутри конструкции пространство заполнено камнями меньшего размера от 12 x 15 см до 20 x 30 см. Высота кладки 35 см.

Кладка комплекса № 2 локализуется в 8 м к юго-востоку от комплекса № 1 по азимуту 113°. Она овальной формы, размером 1,2 x 2,0 м, ориентирована по линии З – В. Камни слабо задернованы. Сверху конструкции свежий навал из камней, размером от 8 x 10 см до 15 x 32 см. Высота кладки 22 см.

Кладка комплекса № 3 расположена в 31,5 м к югу от комплекса № 2. Она подпрямоугольной формы, размером 1,7 x 2,9 м, ориентирована по линии СЗ – ЮВ. Камни уложены плотно друг к другу и хорошо задернованы. Их размеры от 7 x 8 см до 16 x 26 см.

Кладка комплекса № 4 находится на краю холма в 39 м ниже по склону от комплекса № 1 по азимуту 289°. Она овальной кольцевой формы, размером 3,5 x 3,8 м, ориентирована по линии запад – восток. В центре камни отсутствуют, есть западина. Кладка состоит из камней, размером от 7 x 13 см до 37 x 60 см.

Кладка комплекса № 5 расположена на краю холма в 26 м к юго-западу от кладки № 4 по азимуту 225°. Она овальной кольцевой формы, размером 4,0 x 4,3 м, ориентирована по линии ВСВ – ЗЮЗ.

Сложена по периметру из камней, размером от 30 x 33 см до 42 x 48 см. Внутри конструкции пространство заполнено камнями меньшего размера от 10 x 12 см до 20 x 30 см (рис. 6.5).

Хух муст 6. Археологический объект находится в 9,16 км к северо-востоку от пристани пос. Ханх, в 1,26 км к ЮВВ от поселения Хух муст и в 1,48 км к западу от р. Ханх гол. Он расположен у подножия холма, в 93 м к юго-востоку от памятника Хух муст 5 и включает две каменные конструкции (рис. 5).

Кладка комплекса № 1 плоская, овальной формы, размером 1,8 x 3,2 м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Камни уложены плотно друг к другу и хорошо задернованы. Их размеры от 6 x 8 см до 10 x 34 см (рис. 6.6).

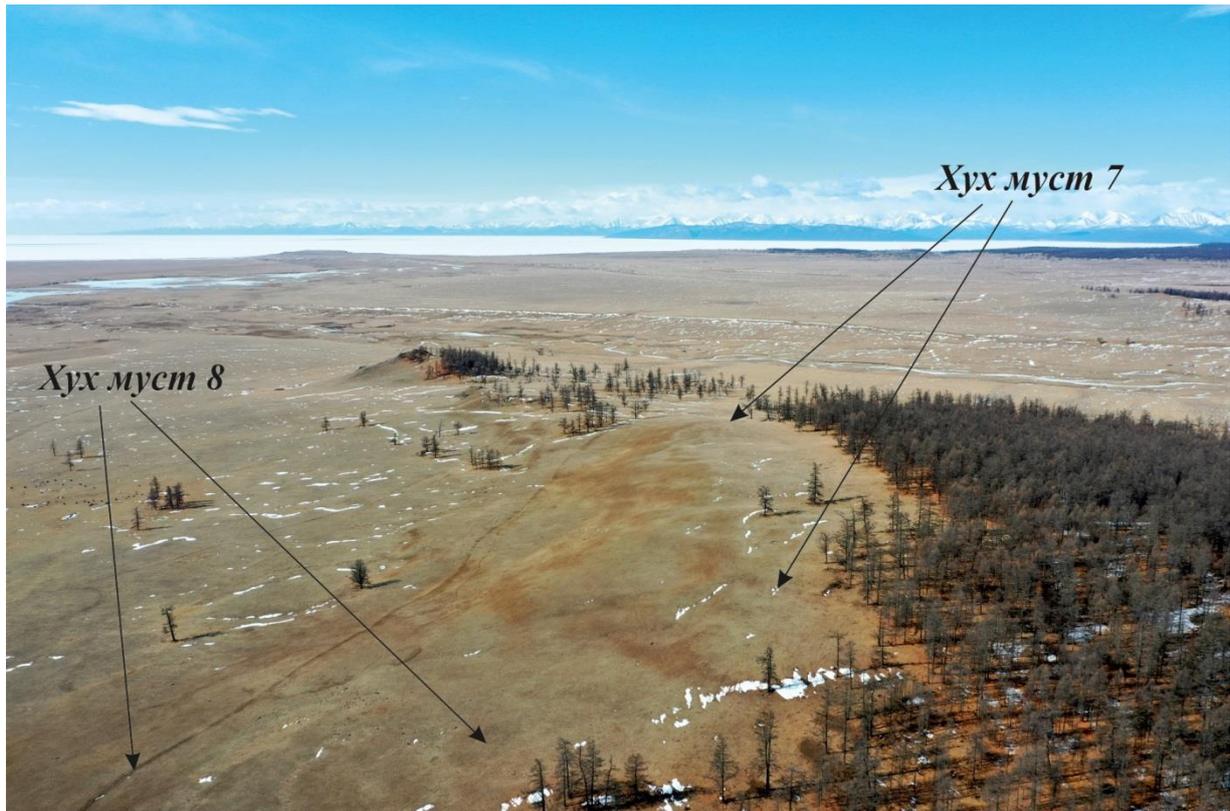
Кладка комплекса № 2 расположена в 19,5 м к востоку от комплекса № 1. Она четырехугольной формы, размером 1,8 x 1,8 м. С южной стороны выделяются три крупных камня, размером до 42 x 50 см и высотой до 30 см. Остальные камни имеют размеры от 8 x 9 см до 10 x 14 см.

Хух муст 7. Памятник расположен в 9,3 км к СВВ от пристани пос. Ханх, в южной части пологой незаезженной вершине холма на правом борту долины р. Ханх (рис. 7). Памятник включает 11 надмогильных каменных конструкций, большинство из которых (№ 1–6, 8–11) расположено по линии ЮЗ – СВ, вдоль границы двух ландшафтов – леса и степи. Только комплекс № 7 локализован в лесном массиве.

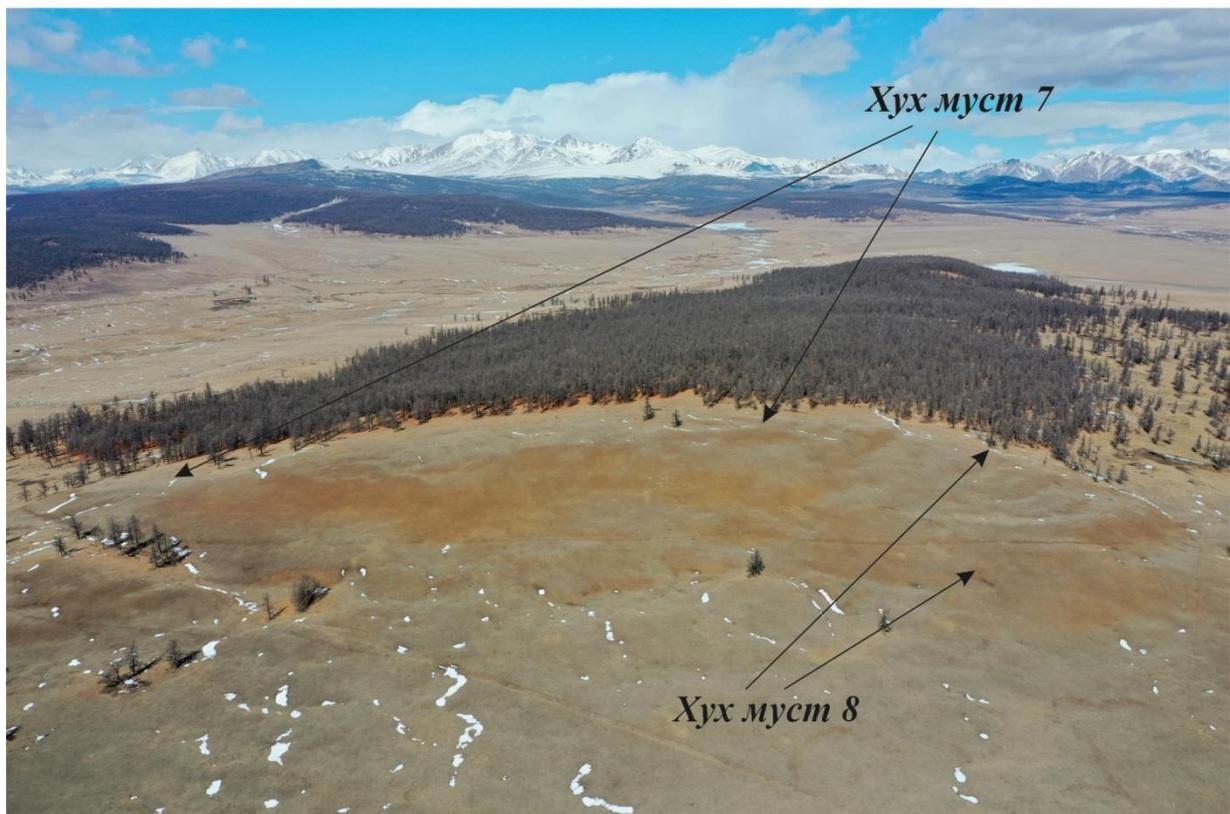
Кладка комплекса № 1 плоской овальной формы, размерами 2,6 x 2,4 м. Кладка ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Камни конструкции плотно уложены друг к другу, кладка хорошо задернована. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 51 x 29 см до 15 x 7 см.

Комплекс № 2 расположен в 30 м к СВ от комплекса № 1. Кладка овальной формы, размерами 3,6 x 1,8 м, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Камни конструкции плотно уложены друг к другу, кладка хорошо задернована. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 48 x 30 см до 10 x 7 см.

Комплекс № 3 находится в 44 м к ЮВ от комплекса № 2. Кладка овальной курганообразной формы, размерами 4,0 x 2,9 м, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Камни конструкции плотно уложены друг к другу. В центральной части кладки отмечен вертикально стоящий камень, раз-

1

2

*Рис. 7. Хух муст 7 и Хух муст 8, общий вид на территорию исследования: 1 – снято с северо-востока;
2 – снято с юго-востока*

**Fig. 7. Khukh must 7 and Khukh must 8, general view of the study area: 1 - taken from the north-east;
the south-east**

мерами 20 x 8 x 20 см. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 56 x 26 см до 8 x 7 см.

Комплекс № 4 локализуется в 50 м к ВСВ от комплекса № 2. Кладка овальной курганообразной формы, размерами 4,8 x 4,0 м, ориентирована длинной осью по линии ВСВ – ЗЮЗ. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 47 x 30 см до 12 x 6 см (рис. 8.1).

Комплекс № 5 расположен в 35 м к востоку от комплекса № 4. Кладка овальной курганообразной

формы, размерами 4,5 x 3,6 м, ориентирована длинной осью по линии З – В. Камни конструкции плотно уложены друг к другу, размерами от 52 x 38 см до 8 x 7 см. В 3 м к востоку от кладки отмечена хорошо задернованная каменная конструкция округлой плоской формы, диаметром 1,2 м.

Комплекс № 6 находится в 39 м к востоку от комплекса № 5. Кладка округлой кольцевой формы, диаметром 3,7 м. В центре конструкции отмечена западина без камней, размерами 1,5 x 0,9 м, ориен-

1

2

3

4

5

6

Рис. 8. 1–3 – Хух муст 7, 4–6 – Хух муст 8: 1 – комплекс № 4; 2 – комплекс № 6; 3 – комплекс № 9; 4 – комплекс № 1; 5 – комплекс № 2; 6 – комплексы № 5 и 6

Fig. 8. 1-3 - Khukh Must 7, 4-6 - Khukh Must 8: 1 - feature No. 4; 2 - feature No. 6; 3 - feature No. 9; 4 - feature No. 1; 5 - feature No. 2; 6 - features No. 5 and 6

тированная длинной осью по линии СВ – ЮЗ (возможно, результат ограбления). Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 65 x 28 см до 10 x 9 см (рис. 8.2).

Комплекс № 7 расположен в 70 м к ССЗ от комплекса № 4, в лесном массиве, к западу от старой лиственницы. Судить о подлинных размерах конструкции не представляется возможным – погребение ограблено сравнительно недавно. Посреди конструкции отмечена недавно выкопанная яма, глубиной до 60 см. По краям ямы набросаны камни. Судя по форме и размерам ямы, погребенный был ориентирован на СВ.

Комплекс № 8 расположен в 170 м к СВ от комплекса № 6. Кладка овальной курганообразной формы, размерами 3,5 x 3,3 м, ориентирована длинной осью по линии З – В. Камни конструкции плотно уложены друг к другу, размерами 40 x 36 см до 15 x 9 см.

Комплекс № 9 расположен в 90 м к СВ от комплекса № 8. Кладка овальной курганообразной формы, размерами 4,9 x 4,6 м, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. В центральной части кладки отмечена грабительская яма овальной формы, размерами 2,2 x 1,0 м, ориентированная длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 47 x 28 см до 8 x 5 см (рис. 8.3).

Комплекс № 10 локализуется в 60 м к СВ от комплекса № 9. Кладка округлой курганообразной формы, диаметром 2,5 м. Камни конструкции плотно уложены друг к другу, размерами от 45 x 40 см до 18 x 8 см. В 1,2 м к СВ от кладки отмечена каменная конструкция овальной формы, размерами 0,9 x 0,67 м, ориентированная длинной осью по линии СЗ – ЮВ.

Комплекс № 11 расположен в 18 м к ЮВ от комплекса № 10. Кладка овальной курганообразной формы, размерами 4,1 x 2,9 x 0,2 м, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. С юго-восточной стороны отмечены сползшие по склону камни. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 35 x 27 см до 8 x 5 см. В 1,4 м к СВ от кладки отмечена каменная конструкция овальной плоской формы, размерами 1,5 x 0,9 м, ориентированная длинной осью по линии С – Ю.

Хух муст 8. Памятник расположен в 135 м к востоку от объекта Хух муст 7, в 9,7 км к СВВ от при-

стани пос. Ханх, на юго-восточном незалесенном склоне холма на правом борту долины р. Ханх (рис. 7). Объект включает 6 искусственных каменных конструкций, расположенных ломаной «угловатой» линией. Территория памятника покрыта степными ассоциациями растений.

Кладка комплекса № 1 овальной плоской формы, размерами 4,15 x 1,8 м. Кладка плотная, хорошо задернована, ориентирована длинной осью по линии ВСВ – ЗЮЗ. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 65 x 36 см до 9 x 8 см (рис. 8.4).

Комплекс № 2 расположен в 47 м к востоку от комплекса № 1. Кладка овальной плоской формы, размерами 3,6 x 2,2 м, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Камни конструкции плотно уложены друг к другу, кладка хорошо задернована. В центральной части кладки отмечен крупный камень, размерами 39 x 34 x 20 см. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 54 x 25 см до 15 x 7 см. В 1,4 м к СВ от кладки отмечена каменная конструкция овальной формы, размерами 0,95 x 0,55 м, ориентированная длинной осью по линии С – Ю (рис. 8.5).

Комплекс № 3 расположен в 40 м к ВЮВ от комплекса № 2. Кладка овальной плоской формы, размерами 3,3 x 2,25 м, ориентирована длинной осью по линии С – Ю. Камни конструкции плотно уложены друг к другу, кладка хорошо задернована. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 40 x 18 см до 9 x 6 см.

Комплекс № 4 находится в 62 м к югу от комплекса № 3. Кладка овальной курганообразной формы, размерами 2,9 x 2,3 x 0,2 м, ориентирована длинной осью по линии ССЗ – ЮЮВ. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 40 x 25 см до 10 x 6 см.

Комплекс № 5 расположен в 50 м к ЮЮЗ от комплекса № 4. Кладка овальной курганообразной формы, размерами 2,15 x 1,8 x 0,4 м, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Отмечена круговая закладка камней, размерами от 42 x 30 см до 8 x 7 см (рис. 8.6).

Комплекс № 6 локализуется в 1,5 м к ЮВ от комплекса № 5. Кладка овальной плоской формы, размерами 2,0 x 1,7 м, ориентирована длинной осью по линии СВ – ЮЗ. Камни конструкции плотно уложены друг к другу, кладка хорошо задернована. От-

мечена круговая закладка камней, размерами от 29 x 23 см до 15 x 5 см (рис. 8.6).

Хоромгойн гол 1. Археологический объект находится в 14,4 км к северо-востоку от пристани пос. Ханх, в 3,28 км к западу от асфальтированной дороги, следующей от поселка к границе с Россией и в 970 м к северо-западу от р. Хоромгойн гол (рис. 9). Памятник состоит из трех искусственных каменных сооружений, расположенных цепочкой по линии ЮЗ – СВ на ЮВ склоне холма, с высотными отметками 1806–1810 м (Балтийская система высот). Территория могильника занимает выположенную площадку, поросшую степной растительностью.

Кладка комплекса № 1 округлой формы, размером 4,70 x 4,75 м, ориентирована по линии север – юг. Внутри кладки западина овальной формы, размером 1,3 x 1,9 м, ориентирована по линии север – юг. Из центра конструкции камни выброшены на ее периметр. Размеры камней от 7 x 11 см до 26 x 35 см (рис. 10.1,2).

Комплекс № 2 находится в 23 м к северо-востоку от комплекса № 1, по азимуту 33°. Его кладка овальной курганообразной формы, размером 2,5 x 2,7 м, ориентирована по линии запад – восток. Камни уложены плотно друг к другу, их размеры от 7 x 10 см до 31 x 62 см (рис. 10.3,4).

Комплекс № 3 расположен в 16 м к северо-востоку от комплекса № 2 по азимуту 53°, ближе к вершине холма. Его кладка овальной курганообразной формы, размером 1,4 x 2,3 м, ориентирована по линии северо-запад – юго-восток. В её северо-западном углу произрастают три лиственницы. Камни уложены плотно друг к другу, их размеры от 5 x 11 см до 24 x 25 см (рис. 10.5,6).

Хоромгойн гол 2. Археологический объект находится в 14,4 км к северо-востоку от пристани пос. Ханх, в 3,38 км к западу от асфальтированной дороги, следующей от поселка к границе с Россией и в 175 м к юго-востоку от памятника Хоромгойн гол 1 (рис. 9). У юго-восточного пологого подножия холма был собран археологический материал, представленный 2 фрагментами гладкостенной керамики коричневого цвета.

Археологические объекты в долине реки Тойн гол

Археологические исследования в долине Тойн гола проходили в два этапа. Весной 2009 г. А.В. Харинским осмотрена юго-западная часть до-

лины и выявлены два археологических объекта Тойн гол 1 и Тойн гол 2. Во время археологических раскопок на северном побережье Хубсугула в начале июля 2024 г. Д.Е. Кичигиным предпринята разведка вдоль северного борта долины реки, в результате которой обнаружено пять новых археологических объектов Тойн гол 3–7 (рис. 11).

Тойн гол 1. Археологический объект Тойн гол 1 располагается на юго-западном склоне горной гряды, находящейся между реками Тойн гол и Нарийн ханх гол, высшей точкой которой является гора Тойн джинст ула, высотой 2351 м. Памятник локализуется на правом борту долины р. Тойн гол, на краю языковидной пологой вершины, ориентированной по азимуту ЮЗ – СВ, на высоте 1825–1830 м, у кромки лиственничного леса, в 12,2 км к юго-востоку от пристани пос. Ханх. К северу от памятника проходит проселочная дорога, следующая к вершине горы.

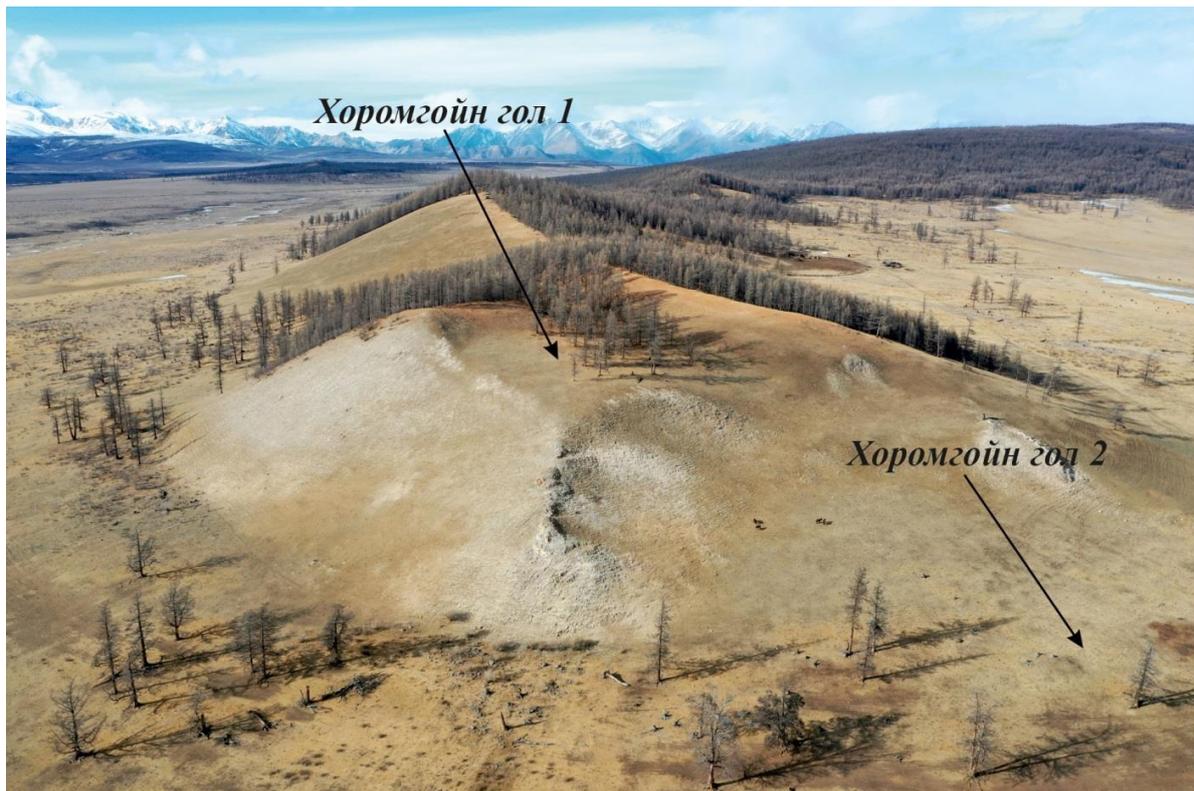
В более возвышенной части памятника находится круглое курганообразное овоо диаметром 1,9 м, высотой 60 см. Размеры его камней от 15 x 19 см до 27 x 50 см. В 5,5 м от овоо по азимуту 35° располагается лиственница, на ветке которой на высоте 1,7 м от земли находятся череп и нижняя челюсть лошади.

В 35 м от овоо по азимуту 250° располагается надмогильная кладка комплекса № 1 овальной, размером 180 x 270 см, ориентированная по направлению СЗ – ЮВ. В центре конструкции установлен вертикальный камень высотой 43 см (рис. 12.1).

Тойн гол 2. Археологический объект располагается на правом борту долины р. Тойн гол, у подножия и на юго-западном склоне языковидной пологой вершины, на высоте 1766–1800 м, у кромки леса, в 200 м к западу от археологического объекта Тойн гол 1 и в 12 км к юго-востоку от пристани пос. Ханх. К югу от памятника проходит проселочная дорога, следующая к вершине горы. Некрополь включает 5 комплексов, обозначенных на поверхности земли плоскими каменными выкладками овальной формы.

Комплекс № 1 находится в восточной части памятника, в 16 м к юго-востоку от края леса. Кладка комплекса овальной формы размером 2,8 x 3,3 м, ориентирована по азимуту 10°. Она сложена из плотно прилегающих друг к другу камней размером от 11 x 20 см до 27 x 45 см.

Комплекс № 2 располагается в 36 м от комплекса № 1 по азимуту 277°, на краю леса. Его клад-

1

2

Рис. 9. Хоромгойн гол 1 и Хоромгойн гол 2: 1 – общий вид на территорию исследования, снято с юга; 2 – спутниковый снимок археологических объектов

Fig. 9. Khoromgoyn gol 1 and Khoromgoyn gol 2: 1 - general view of the study area, taken from the south; 2 - satellite image of archaeological sites

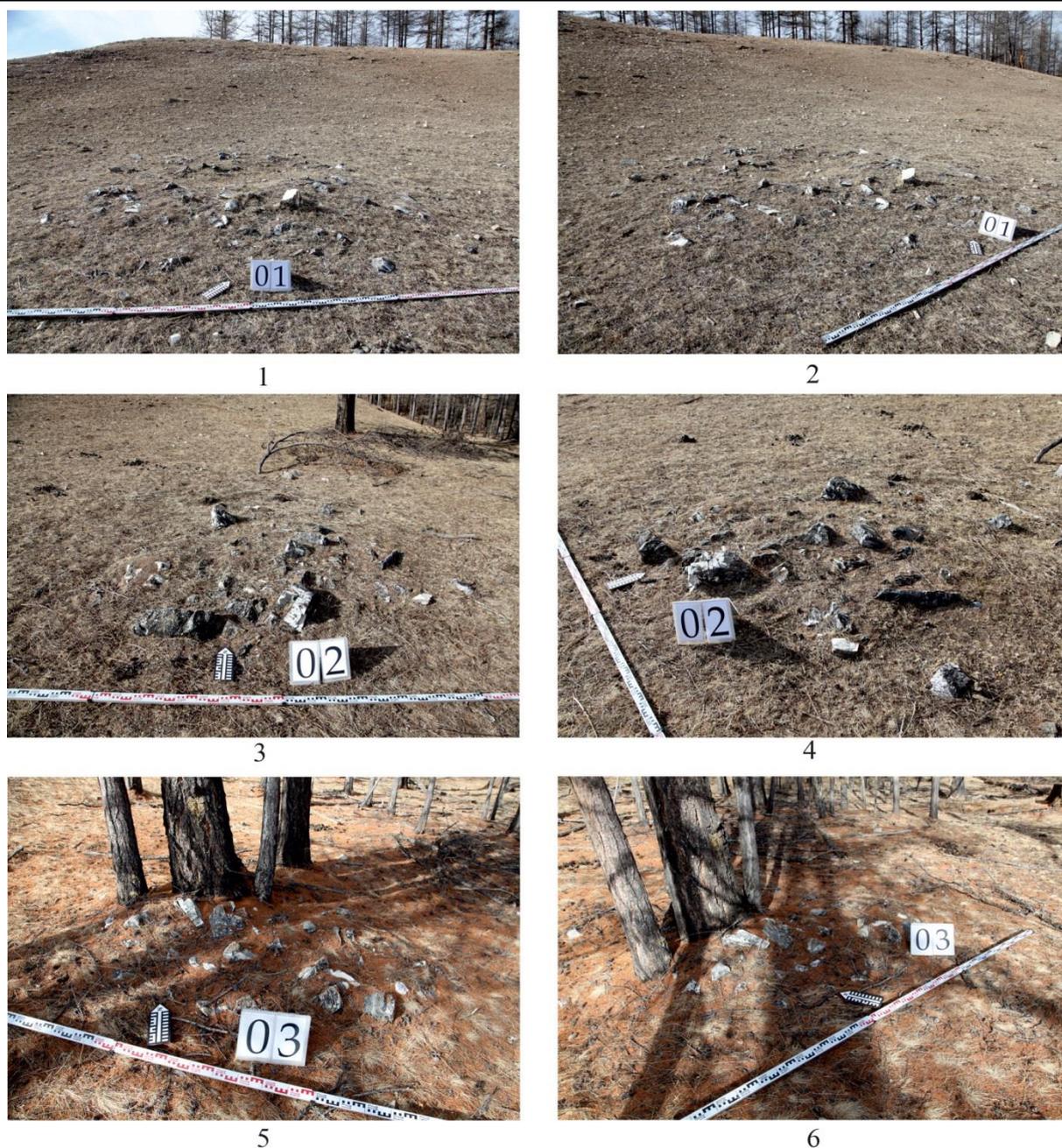

Рис. 10. Хоромгойн гол 1: 1, 2 – комплекс № 1; 2, 3 – комплекс № 2; 3, 4 – комплекс № 3
Fig. 10. Khoromgoyn gol 1: 1, 2 - feature No. 1; 2, 3 - feature No. 2; 3, 4 - feature No. 3

ка, сложенная из плотно прилегающих друг к другу камней, овальной формы размером 2,0 x 3,2 м, ориентирована по азимуту 15°.

Комплекс № 3 локализуется в 29 м от комплекса № 2 по азимуту 225° и в 12 м к юго-востоку от края леса. Его кладка круглая кольцевая диаметром 4,5 м, сложена из плотно прилегающих друг к другу камней. В центральной части кладки диаметром 1,5 м камни отсутствуют.

Комплекс № 4 находится в 12 м от комплекса № 3 по азимуту 190°. Кладка комплекса овальной формы состоит из плотно прилегающих друг к другу

камень размером от 12 x 20 см до 24 x 26 см. Ее размеры 2 x 3 м, ориентировка по азимуту 95° (рис. 12.2).

Комплекс № 5 располагается в 93 м от комплекса № 4 по азимуту 286°, в 30 м к юго-западу от края леса. Его кладка овальной формы размером 2,1 x 3,0 м, ориентирована по азимуту 55°. Сложена из плотно прилегающих камней размером от 11 x 22 см до 30 x 53 см.

Тойн гол 3. Объект расположен в 13,1 км к юго-востоку от пристани пос. Ханх, вблизи вершины водораздельного хребта, практически на краю коренного берега правого борта долины р. Тойн гол, в

Рис. 11. Археологические объекты, выявленные в долине Тойн гола
Fig. 11. Archaeological sites discovered in the Toin gol Valley

1,2 км к СВВ от археологического объекта Тойн гол 1 и. Представлен одиночной кладкой. Она овальной формы, размерами 3,7 x 3,2 м, ориентирована длинной осью по линии 3 – В. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 55 x 45 до 15 x 19 см. Кладка хорошо задернована, в срединной ее части фиксируется углубление. Следов современного ограбления не выявлено (рис. 12.3).

Тойн гол 4. Объект находится в 14 км к юго-востоку от пристани пос. Ханх, на террасовидном уступе правого борта долины р. Тойн гол вблизи бровки перегиба, в 1,55 км к СВВ от археологического объекта Тойн гол 3, в лесном массиве. Представлен одиночной кладкой. Она овальной формы, размерами 4,6 x 2,8 м, вытянута по линии СЗ-ЮВ. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 38 x 27 до 10 x 14 см. В СЗ части кладки отмечено углубление (вероятно, заросший грабительский шурф), также в срединной части кладки растут 3 молодые лиственницы.

Тойн гол 5. Объект расположен в 14,1 км к юго-востоку от пристани пос. Ханх, на террасовидном выступе правого борта долины р. Тойн гол, в 180 м к

ЮВВ от археологического объекта Тойн гол 4, на свободной от леса площадке. Представлен одиночной кладкой. Она овальной формы, размерами 3,4 x 2,5 м, ориентирована длинной осью по линии Ю – С. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 63 x 30 до 21 x 11 см. Камни в средней части конструкции не задернованы (свежий наброс). В СВ части кладки, между камней, отмечено доньшко от стеклянной бутылки (рис. 12.4).

Тойн гол 6. Объект расположен в 14,4 км к юго-востоку от пристани пос. Ханх, на западном пологом склоне гряды, врезающейся с севера в долину р. Тойн гол, в 365 м к ЮЮВ от археологического объекта Тойн гол 5, в лесном массиве.

Кладка комплекса № 1 округлой формы, диаметром 4,5 м. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 50 x 44 до 10 x 8 см. В центральной части растет старая лиственница, чья корневая система, по всей видимости, была сформирована в грабительском шурфе. Кладка хорошо задернована, фиксируются следы ограбления (рис. 12.5).

Комплекс № 2 расположен в 3 м к северу от комплекса № 1. Кладка овальной формы, размерами

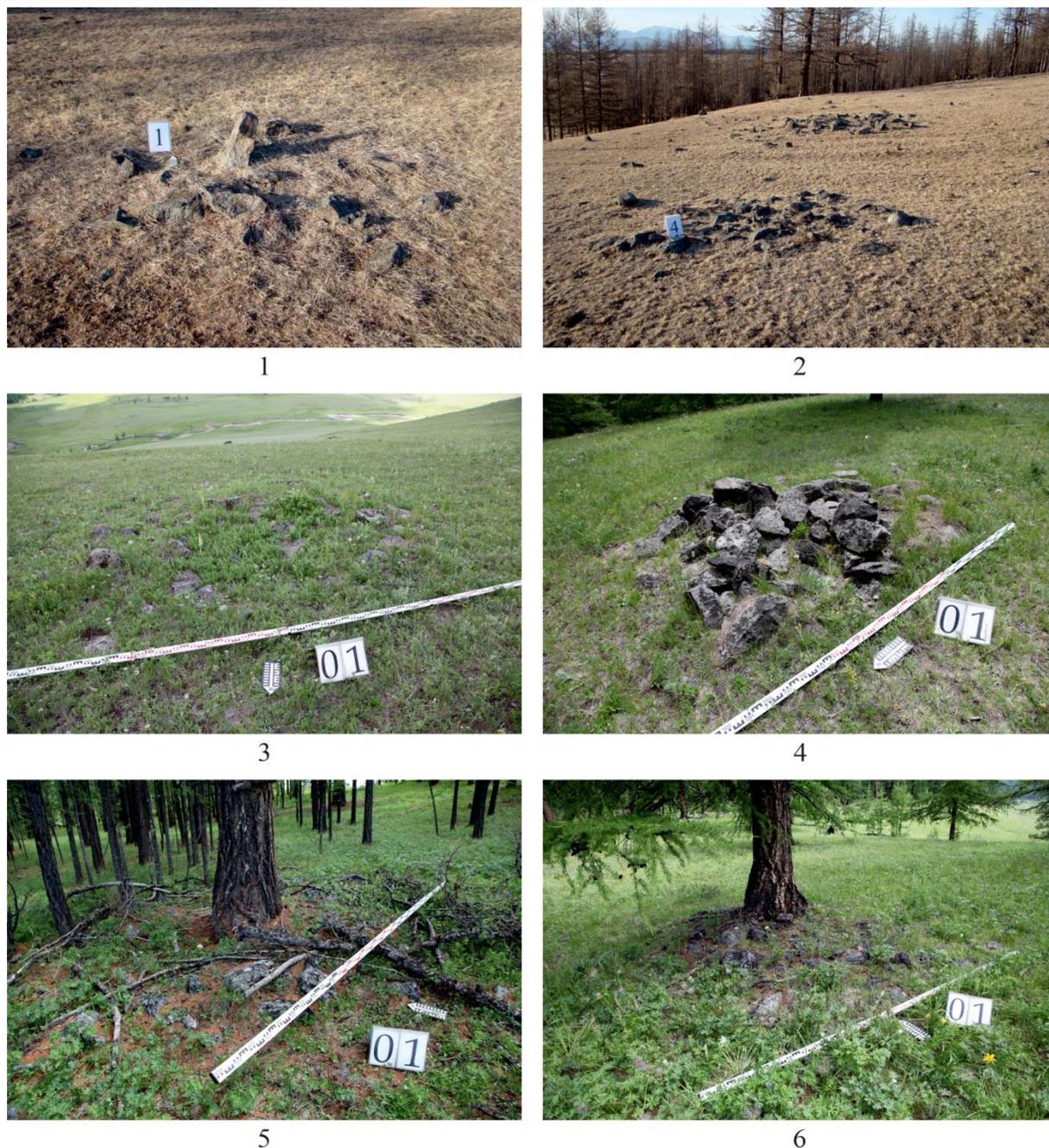

Рис. 12. Археологические объекты в долине р. Тойн гол: 1 – Тойн гол 1, комплекс № 1; 2 – Тойн гол 2, комплексы № 3 и 4; 3 – Тойн гол 3, комплекс № 1; 4 – Тойн гол 5, комплекс № 1; 5 – Тойн гол 6, комплекс № 1; 6 – Тойн гол 7, комплекс № 1
Fig. 12. Archaeological sites in the valley of Toin gol River: 1 – Toin gol 1, feature No. 1; 2 – Toin gol 2, features No. 3 and 4; 3 – Toin gol 3, feature No. 1; 4 – Toin gol 5, feature No. 1; 5 – Toin gol 6, feature No. 1; 6 – Toin gol 7, feature No. 1

2,6 x 2,0 м, вытянута по линии ССЗ – ЮЮВ. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 30 x 42 до 15 x 20 см. Кладка хорошо задернована. В северной части кладки растут пять молодых лиственниц. Следов ограбления не засвидетельствовано.

Тойн гол 7. Объект расположен в 15,8 км к юго-востоку от пристани пос. Ханх, на юго-западном склоне языковидной горы, на правом борту долины р. Тойн гол, в 2 км к востоку от археологического объекта Тойн гол 6.

Кладка комплекса № 1 овальной формы, размерами 3,5 x 2,8 м, она ориентирована длинной осью по линии 3 – В. В северной части кладки растет зрелая лиственница. Размеры камней, состоящих в конструкции, варьируются от 49 x 38 до 16 x 9 см. Кладка хорошо задернована, следов ограбления не выявлено (рис. 12.6).

Комплекс № 2 расположен в 39 м к ЮЗЗ от комплекса № 1. Кладка округлой формы, диаметром 2,7 м. Размеры камней, состоящих в конструкции,

варьируются от 42 x 23 до 10 x 9 см. В СЗ части кладки отмечена небольшая западина. Кладка хорошо задренована.

Заключение

На основании археологических материалов, полученных с 1923 по 2024 гг., можно наметить предварительную культурно-историческую периодизацию археологических объектов Северного Прихубсугулья, которая в дальнейшем будет дополнена новыми данными.

Археологические находки со стоянок северо-восточного побережья Хубсугула (Далбай, Ноин-Гол, Шошул, Тана) позволяют говорить о присутствии человека на берегах озера с раннего неолита до железного века (кон. VII тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э.). Такое предположение основано, прежде всего, на анализе остатков древних керамических сосудов, которые находят прямые аналогии в материалах Прибайкалья: сетчатая и шнуровая керамика *хайтинского типа* (кон. VII – нач. V тыс. до н. э.), рубчатая (вафельная) керамика с «жемчужинами» (III – перв. треть I тыс. до н. э.), шнуровая керамика *тышкинэ-сеногдинского типа* (I тыс. до н. э.), гладкостенная керамика *елгинского типа* (сер. I тыс. до н. э. – сер. I тыс. н. э.) (Кичигин, Шергин, Иванов, 2024; Горюнова, 1983; Воробьева, Горюнова, 1996; Новиков, Воробьева и др., 2023).

Из самых древних могильников, исследованных к настоящему времени на северном побережье Хубсугула, следует отметить Хавцал 2 (комплексы № 1 и 7) и Овоотын узуур 1 (комплексы № 1, 2 и 3), датированные поздним бронзовым – ранним железным веком (кон. II – I тыс. до н. э.). Первый из них сопоставим с памятниками монгун-тайгинского типа, второй относится к культуре херексуров, известной на территории Монголии и Южной Сибири (Харинский, Ожередов, Эрдэнэбаатар, 2006; Харинский, Эрдэнэбаатар и др., 2009; Харинский, Эрдэнэбаатар, Коростелев, 2010; Цыбиктаров, 2003; Чугунов, 1994; Турбат, 2016¹; Wright, 2021).

К концу I – началу II тыс. н. э. относится впускное погребение комплекса № 1 Хавцала 2, разру-

шенное современными грабителями. По нему имеется радиоуглеродная дата, соотносимая с концом VIII – первой половиной XI в. С останками погребенного найдены плоские железные наконечники стрел, колчаный крюк, кресало, пальма, роговая накладка лука (Харинский, Эрдэнэбаатар и др., 2009; Харинский, Эрдэнэбаатар, Коростелев, 2010).

Наиболее представительной группой раскопанных за последние годы погребений являются захоронения первой половины II тыс. н. э. Они совершены по обряду ингумации. Погребенный располагался вытянуто, на спине. Судя по радиоуглеродным датам, до середины XIII в. надмогильные сооружения захоронений преимущественно были круглые, умершие ориентированы головой на северо-восток – север. В части захоронений с XI–XII вв. встречаются деревянные внутримогильные конструкции (Зуун хярын дэнж 1–1, Урд Хяр 2 – 26). С середины XIII в. над могилами начинают сооружать овальные кладки. В это же время появляется и северо-западная ориентировка умерших (Зуун хярын дэнж 1–2, Урд Хяр 2–24). Круглая форма кладок и северо-восточная ориентировка умерших в ряде захоронений продолжает сохраняться вплоть до XIV в. (Урд Хяр 1 – 9) (Харинский, Эрдэнэбаатар, 2011; Харинский, Эрдэнэбаатар и др., 2018; Харинский, Оргилбаяр и др., 2023; Оргилбаяр, Харинский и др., 2019). Подобные тенденции отмечаются и в соседних районах Монголии (Турбат, Амартувшин, Эрдэнэбат, 2003. С. 114–133; Эрдэнэбат, 2007; Лхагвасүрэн, 2015. С. 84–100).

Обнаруженные в долинах Ханх гола и Тойн гола археологические объекты существенно дополнили имеющиеся к настоящему времени данные о распространении ряда археологических объектов на территории Северного Прихубсугулья. На основании особенностей каменных конструкций можно наметить предварительную датировку этих памятников, базирующуюся на уже имеющихся данных по погребальным и ритуальным комплексам побережья озера Хубсугул. По форме каменных конструкций они разделяются на четыре группы: 1) кладки круглой формы диаметром 2,0–4,5 м (Хух муст 7–6, 10; Хоромгойн гол 1–1; Тойн гол 2–3; Тойн гол 6–1; Тойн гол 7–2); 2) овальные кладки размером 1,2–2,7 x 2,1–3,1 м (Хаагдагийн шил; Хух муст 1; Хух муст 3–1, 3; Хух муст 4–4; Хух муст 5–2, 4; 5; Хух муст 6–1; Хух муст 7–1–5, 8, 9, 11; Хух муст 8; Хоромгойн гол 1–2, 3; Тойн гол 1; Тойн

¹ Турбат Ц. Хиргисуур. Монголын археологийн өв (Археологическое наследие Монголии) / ерөнхий редактор С. Чулуун, Д. Цэвээндорж. 2 боть зугагт цомов. Боть 1. Улаанбаатар : Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академи, 2016. Т. 142–151.

гол 2–1, 2, 4, 5; Тойн гол 3; Тойн гол 4; Тойн гол 5; Тойн гол 6–2; Тойн гол 7–1); 3) небольшие круглые или квадратные плоские кладки размером до 2 м (Хух муст 3 – 2; Хух муст 6 – 2); 4) четырехугольные конструкции размером 1,8–3,2 x 2,1–5,0 м (Хух муст 2; Хух муст 4–1–3; Хух муст 5–1, 3).

К числу наиболее поздних археологических объектов (вторая половина II тыс. н.э.), выявленных в 2024 г., можно отнести комплексы с каменными наземными сооружениями четырехугольной формы Хух муст 2 и Хух муст 4. Их каменные конструкции слабо задернованы и почти не покрыты лишайником. Кладки Хух муст 2 размером 2,0–3,2 x 4,3–5,0 м ориентированы по линии 3-СЗ-С – В-ЮВ-Ю и включают оградку из вертикально установленных камней. Кладки Хух муст 4 без оградки, ориентированы по линии СВ – ЮЗ, размером 1,8–2,3 x 2,1 x 3,4 м. Остальные археологические объекты предварительно датируются первой половиной II тыс. н. э. К числу наиболее ранних из них (начало II тыс.) можно отнести комплексы с кладками круглой формы диаметром более 2 м. Более поздним временем датируют-

ся овалы кладки с ориентацией по линии СВ – ЮЗ (Хаагдагийн шил; Хух муст 4–4; Хух муст 6–1; Хух муст 7–1–4, 8, 9, 11; Хух муст 8–1–3, 5, 6; Тойн гол 1; Тойн гол 2–1, 2, 5), на смену которым приходят кладки ориентированные по направлениям 3-СЗ-С – В-ЮВ-Ю (Хух муст 1; Хух муст 3–1, 3; Хух муст 5 – 2, 4, 5; Хух муст 7 – 5, 8; Хух муст 8 – 3, 4; Хоромгойн гол 1 – 2, 3; Тойн гол 2–4; Тойн гол 3; Тойн гол 4; Тойн гол 5; Тойн гол 6–2; Тойн гол 7–1). Возраст археологических объектов с небольшими круглыми и квадратными плоскими кладками, по-видимому, стоит увязывать с датировкой комплексов, обладающих более крупными каменными конструкциями, возле которых они располагаются. Эти кладки являются сопровождающими ритуальными сооружениями, в отличие от большинства других выявленных археологических объектов, которые можно характеризовать как погребальные комплексы.

Предложенная характеристика археологических объектов в долинах Ханх гола и Тойн гола носит предварительный характер и после проведения раскопочных работ будет уточнена.

Список источников

Воробьева Г.А., Горюнова О.И. Особенности осадконакопления и периодизации позднеголоценовых культур Среднего Байкала // 100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее в глобальном контексте исторической перспективе. Гуннский феномен : тез. докл. Междунар. конф., г. Улан-Удэ, 12–19 августа 1996 г. Улан-Удэ, 1996. Ч. 2. С. 11–13.

Горюнова О.И. Комплекс бронзового века многослойного поселения Тышкине III (к вопросу о поздней бронзе на Байкале) // По следам древних культур Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1983. С. 70–75. EDN: WWWKVC.

Кичигин Д.Е., Шергин Д.Л., Иванов Г.Л. Древности озера Хубсугул (Монголия): по материалам разведочных работ Б.Э. Петри в 1923 г. К 140-летию со дня рождения основателя Иркутской школы археологии // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 1. С. 8–32. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-8-32. EDN: EBFQDW.

Лхагвасурэн Х. Монгольские погребения периода Чингис Хана (XII–XIV вв.). Уланбаатор, 2015. 156 с.

Луньков А.В., Харинский А.В., Белоненко В.В., Эрдэнэбаатар Д. Косогольский острог // Известия Лаборатории древних технологий : сборник научных трудов / отв. ред. А.В. Харинский. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2010. Вып. 8. С. 209–214. EDN: XWZROD.

References

Vorob'eva G.A., Goryunova O.I. (1996) Peculiarities of sedimentation and periodization of late Holocene cultures of Middle Baikal. *100 let gunnskoj arkeologii. Nomadizm - proshloe, nastoyashchee v global'nom kontekste istoricheskoi perspektive. Gunnskii fenomen: tez. dokl. Mezhdunar. konf. Ulan-Ude, 12–19 avgusta 1996 g. = 100 years of Hunnic Archeology. Nomadism - Past, Present in a Global Context of Historical Perspective. Hunnic Phenomenon: Proceedings of International Conference, Ulan-Ude, August 12–19, 1996. Ulan-Ude. Pt. 2. P. 11–13. (In Russ.)*

Goryunova O.I. (1983) Bronze Age complex of the multi-layered settlement Tyshkine III (on the issue of the Late Bronze Age on Baikal). *Po sledam drevnikh kul'tur Zabaikal'ya = In the Footsteps of Ancient Cultures of Transbaikalia. Novosibirsk: Nauka. P. 70–75. (In Russ.)*. EDN: WWWKVC.

Kichigin D.E., Shergin D.L., Ivanov G.L. (2024) Antiquities of Lake Khubsugul (Mongolia): based on materials from exploring by B.E. Petri in 1923. To the 140th anniversary of the birth of the founder of the Irkutsk School of Archaeology. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 20. No. 1. P. 8–32. (In Russ.)*. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-1-8-32. EDN: EBFQDW.

Lkhagvasuren Kh. (2015) Mongolian burials of the period of Genghis Khan (XII–XIV centuries). Ulaanbaatar. 156 p. (In Russ.)

Lun'kov A.V., Kharinskii A.V., Belonenko V.V., Erdenebaatar D. (2010) Kosogol'sky ostrog. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies: Collection of scientific papers. Rep. ed. A.V. Kharinsky. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 8. P. 209–214. (In Russ.)*. EDN: XWZROD.

Новиков А.Г., Воробьева Г.А., Горюнова О.И., Вебер А.В. Многослойный геoarхеологический объект Сagan-Зaba II на Байкале: археология и палеoэкология. Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2023. 278 с. DOI: 10.26516/978-5-9624-2149-0.2023.1-278. EDN: ZOYEJK.

Петри Б.Э. Древности озера Косогила (Монголия). Иркутск : Тип. изд-ва «Власть Труда», 1926. 33 с. Отдельный оттиск из бюллетеня № 1 Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. Иркутский филиал. С. 92–100.

Харинский А.В., Наумов И.В. Этноархеологические исследования на северном побережье озера Хубсугул // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Владивосток – Омск : Изд-во Омск. пед. ун-та, 2000. С. 151–153.

Харинский А.В., Ожередов Ю.И., Эрдэнэбаатар Д. Северное побережье озера Хубсугул в эпоху палеометалла // Эколого-географические, археологические и социально-этнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии : российско-монгольский сборник научных трудов. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2006. С. 115–125.

Харинский А.В., Оргилбаяр С., Коростелев А.М., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А. Могильник XI–XIII вв. Зуун хярын дэнж 1 на северном побережье озера Хубсугул (Монголия) // Нижневолжский археологический вестник. 2023. Т. 22. № 1. С. 289–307. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2023.1.14. EDN: KYIVLQ.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Погребальный обряд населения юго-восточного Присаянья в монгольское время // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками : сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Невинский, А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 178–181.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д. Северное Прихубсугулье в начале II тыс. н. э. // Теория и практика археологических исследований : сборник научных трудов / отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. Вып. 6. С. 107–122. EDN: QCXQNJ.

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Коростелев А.М., Түмэн Д., Эрдэнэ М., Идерхангай Т. Погребально-поминальный комплекс Хавцал II и некоторые вопросы древней истории Прихубсугулья // *Mongolian Journal of Anthropology and Ethnology*, Vol. 5. № 1 (344): 131–139 (2009).

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Коростелев А.М. Херексур – универсальный объект погребальной практики // Культура как система в историческом контексте : Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Материалы XV Международной Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции, Томск, 19–21 мая 2010 г. Томск : Изд-во Аграф-Пресс, 2010. С. 322–324.

Novikov A.G., Vorob'eva G.A., Goryunova O.I., Weber A.W. (2023) Multilayer geoarcheological site Sagan-Zaba II on Lake Baikal: archeology and paleoecology. Irkutsk: Irkutsk State University. 278 p. (In Russ.). DOI: 10.26516/978-5-9624-2149-0.2023.1-278. EDN: ZOYEJK.

Petri B.E. (1926) Antiquities of Lake Kosogol (Mongolia). Irkutsk: Printing house of the publishing house "Power of Labor". 33 p. (Separate imprint from bulletin 1 of the All-Union Oriental Scientific Association. Irkutsk branch). P. 92–100. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Naumov I.V. (2000) Ethnoarchaeological research on the northern coast of Lake Khubsugul. *Integration of Archaeological and Ethnographic Research. Collection of Scientific works*. Vladivostok - Omsk: Omsk Pedagogical University. P. 151-153. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Ozheredov Yu.I., Erdenebaatar D. (2006) The Northern Shore of Lake Hubsugul in the Paleometal Age. *Ekologo-geograficheskie, arkhеologicheskie i sotsioetnograficheskie issledovaniya v Yuzhnoi Sibiri i Zapadnoi Mongolii: rossiisko-mongol'skii sbornik nauchnykh trudov = Ecological-Geographic, Archeological and Socio-Ethnographic Studies in Southern Siberia and Western Mongolia. Russian-Mongolian Collection of Scientific Works*. Barnaul: Altai State University. P. 115-125. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Orgilbayar S., Korostelev A.M., Erdenebaatar D., Portniagin M.A. (2023) Zuun Hyaryn Denj 1 Burial Ground of the 11th - 13th Centuries from the Northern Shore of Lake Khubsugul (Mongolia). *The Lower Volga Archaeological Bulletin*. Vol. 22. No. 1. P. 289-307. (In Russ.). DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2023.1.14. EDN: KYIVLQ.

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D. (2007) Funeral rite of the population of the southeastern Sayan region in the Mongolian period. *Altai-Sayan Mountain Country and the History of Its Development by Nomads: Collection of Scientific Papers*. Barnaul: Altai State University. P. 178-181. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D. (2011) Northern Khubsugul region at the beginning of the 2nd millennium AD. *Theory and Practice of Archaeological Research: Collection of Scientific Papers*. Barnaul: Altai State University. Iss. 6. P. 107-122. (In Russ.). EDN: QCXQNJ.

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Korostelev A.M., Tumen D., Erdene M., Iderhangai T. (2009) The Funeral and Memorial Complex of Khavtsal II and Some Questions of the ancient history of Khubsugul region. *Mongolian Journal of Anthropology and Ethnology*. Vol. 5. No. 1. (344). P. 131-139. (In Russ.).

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Korostelev A.M. (2010) Kherekсур - a universal object of burial practice. *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkhеologo-etnograficheskikh soveshchaniy. Materialy XV Mezhdunarodnoi Zapadno-Sibirskoi arkhеologo-etnograficheskoi konferentsii, Tomsk, 19–21 maya 2010 g = Culture as a System in a Historical Context: Proceedings of XV International West Siberian Archaeological and Ethnographic Conference. Tomsk, May, 19–21 2010*. Tomsk: Agraф-Press. P. 322-324. (In Russ.).

Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Портнягин М.А., Оргилбаяр С., Кичигин Д.Е. Женские погребения XIII–XIV вв. могильника Ногоон Гозгор 1 в Северном Прихубсугулье // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 2. С. 93–120. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-93-120. EDN: USIPAM.

Цыбиктаров А.Д. Херексурсы и памятники монгун-тайгинского типа (проблема культурного соотношения) // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы Международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова, Санкт-Петербург, 20–24 марта 2002 года. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. Книга II. С. 173–176. EDN: VUHGRS.

Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. 1994. № 8. С. 43–53.

Оргилбаяр С., Харинский А.В., Эрдэнэбаатар Д., Мандалсүрэн Н., Баянсан П. Монгол-Оросын хамтарсан «Төв Азийн археологийн шинжилгээ-1» төслийн Хөвсгөл аймгийн Ханх сумын нутагт явуулсан малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүнгээс. Монголын археологи 2019. Улаанбаатар хот, 2019. С. 200–207.

Турбат Ц., Амартувшин Ч., Эрдэнэбат У. Эгийн голын сав нутаг дахь археологийн дурсгалууд (Хурлийн уеэс Монголы уе) (Археологические памятники в бассейне Эгийн гола (от бронзового века до монгольского времени). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2003. 295 т.

Эрдэнэбат У. Монгол улсын нутаг дэвсгэрт дундад зууны монголчуудын булш, оршуулгын дурсгалыг судалсан тойм (Обзор средневековых монгольских захоронений и погребальных памятников на территории Монголии) // Монгол улсын шинжлэх ухаан (Наука Монголии). Улан-Батор, 2007. Тал. 213–253.

Wright J. Prehistoric Mongolian Archaeology in the Early 21st Century: Developments in the Steppe and Beyond. *Journal of Archaeological Research*. 2021. Vol. 29. P. 431-479. DOI: 10.1007/s10814-020-09152-y.

Информация об авторах

Харинский Артур Викторович,
доктор исторических наук, профессор,
руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия;
профессор кафедры мировой истории и международных отношений,

Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Portniagin M.A., Orgilbayar S., Kichigin D.E. (2018) Women's burials in 13–14th centuries. The necropolis Nogoон Gozgor 1 in the Northern Hubsugul Area. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 14. No. 2. P. 93–120. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2018-2-93-120. EDN: USIPAM.

Tsybiktarov A.D. (2003) The problem of cultural correlation of the Khereksurs and monuments of the Mongun-Taiga type. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya M.P. Gryaznova, Sankt-Peterburg, 20–24 marta 2002 god* = *The Steppes of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages: Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of M.P. Gryaznov, St. Petersburg, March 20–24, 2002*. St. Petersburg: Izd-vo Gosudarstvennogo Ermitazha. Book II. P. 173-176. (In Russ.). EDN: VUHGRS.

Chugunov K.V. (1994) The Mongun-Taiga Cultures of the Late Bronze Age in Tuva (the typological classification of the funeral rite and the relative chronology). *St. Petersburg Archaeological Bulletin*. No. 8. P. 43-53. (In Russ.).

Orgilbayar S., Kharinskii A.V., Erdenebaatar D., Mandalsuren N., Bayansan P. (2019) Mongol-Orosyn hamtarsan “Tov Aziin archaeologийн шинжилгээ-1” тослийн Khovsgol aimgiin Khankh sumyn nutagt yavuulsan maltlaga sudalgaany azhlyn urdchisan ur dungees. *Mongolian archaeologists 2019 = Preliminary results of the excavations conducted in Khankh soum, Khuvsgul aimag, within the framework of the joint Mongolian-Russian project “Archaeological Survey of Central Asia-1”*. *Mongolian Archaeology 2019*. Ulaanbaator hot. P. 200-207. (In Mongolian).

Turbat Ts., Amartuvshin Ch., Erdenebat U. (2003) Archaeological monuments of Egiin Gol valley (from bronze age to mongolian period). Ulaanbaatar: Soembo printing. 295 p. (In Mongolian).

Erdenebat U. (2007) An overview of the study of medieval Mongolian graves and burial monuments in the territory of Mongolia. *Science of Mongolia*. Ulaanbaatar. P. 213-253. (In Mongolian).

Wright J. (2021) Prehistoric Mongolian Archaeology in the Early 21st Century: Developments in the Steppe and Beyond. *Journal of Archaeological Research*. Vol. 29. P. 431-479. DOI: 10.1007/s10814-020-09152-y.

Information about the authors

Artur V. Kharinskii,
Dr. Sci. (History), Professor,
Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia;
Professor of the Department of World History and Int'l Relations,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia,

Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
e-mail: kharinsky@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

Кичигин Дмитрий Евгеньевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: kichkok@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3382-4199>

Коростелев Алексей Михайлович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: alex-korostelev@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7799-9746>

Портнягин Матвей Александрович,
лаборант-исследователь Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: matirk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>

Амгалантугс Цэнд,
доктор философии, старший научный сотрудник отделения коллекций и лаборатории,
Институт археологии Академии наук Монголии,
13343, г. Улан-Батор, ул. Жукова, 77, Монголия,
e-mail: tsendamgalantugs@gmail.com

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Харинский А.В. является членом редакционной коллегии журнала «Известия Лаборатории древних технологий» с 2014 года, но не имеет отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах авторы не заявляли.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 8 апреля 2025 г.; одобрена после рецензирования 12 мая 2025 г.; принята к публикации 19 мая 2025 г.

e-mail: kharinsky@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4815-6069>

Dmitrii E. Kichigin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: kichkok@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3382-4199>

Aleksei M. Korostelev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: alex-korostelev@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7799-9746>

Matvei A. Portniagin,
Laboratory Assistant Researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of Peoples of the Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: matirk@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-7245-105X>

Tsend Amgalantugs,
Doctor/Ph.D/, Senior research scientist, Division of Collection and Laboratory,
Institute of Archaeology of the Mongolian Academy of Sciences,
77, Jucov St., Ulaanbaatar-13343, Mongolia,
e-mail: tsendamgalantugs@gmail.com

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

Kharinskii A.V. has been a member of the editorial board of the Journal “Reports of the Laboratory of Ancient Technologies” since 2014, but he did not take part in making decision about publishing the article under consideration. The article was reviewed following the Journal’s review procedure. The authors did not report any other conflicts of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted April 8, 2025; approved after reviewing May 12, 2025; accepted for publication May 19, 2025.

Научная статья
УДК 903.07.31
EDN: GWKTQD
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-79-89>

Изготовление роговых свистунок из погребальных комплексов Саяно-Алтая I тыс. н. э.: результаты экспериментально-трассологического исследования

И.С. Половников^{1,2}

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

² Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментально-трассологического исследования роговых свистунок, проводившегося с целью определить технологические приемы при их изготовлении в Саяно-Алтае в I тыс. н. э. Основное внимание уделено созданию внутренней полости (камере) свистунок из-за применения дополнительных инструментов в данном процессе. Инструментарий для эксперимента изготовлен из железных стержней из низкоуглеродистой стали, которые могли служить инструментом для создания свистунок, их режущая часть была выполнена в виде прямого лезвия, шила и изогнутого лезвия. На основании известных из научной литературы данных, изготовлены реплики свистунок из рога косули при помощи данных инструментов. Проведен сопоставительный трассологический анализ экспериментальных и археологических данных (следы выскребания внутренних камер оригинальных свистунок). Исследование проведено на материалах гунно-сарматского времени могильника Ороктой (Горный Алтай) и древнетюркского времени могильников Маркелов Мыс-2 и Белый Яр-2 (Хакасско-Минусинская котловина). Такой подход позволил сопоставить полученную экспериментальным путем информацию с археологическими материалами. Представлены результаты анализа технологических операций изготовления внутренних полостей роговых свистунок. Выявлены характерные следы на поверхности, позволяющие различать применяемые орудия. Эксперимент подтвердил возможность изготовления свистунок различными орудиями и выявил технологические приемы при работе отдельным инструментом. Выделены основные этапы производства свистунок: создание заготовки, сверление проема для древка стрелы, формирование внутренней полости, доработка сквозных отверстий на выпуклой стороне и полировка поверхности. Сделан вывод о том, что последовательность технологических операций и набор орудий соответствует уровню домашнего производства.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Саяно-Алтай, косторезное производство, рог, эксперимент, трассология, свистунки, наконечники стрел, обработка металлическим инструментом

Благодарности. Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)».

Для цитирования: Половников И.С. Изготовление роговых свистунок из погребальных комплексов Саяно-Алтая I тыс. н. э.: результаты экспериментально-трассологического исследования // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 79–89. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-79-89. EDN: GWKTQD.

Original article

Manufacturing of horn whistles from sites of Sayan-Altai of the 1st millennium AD.: results of experimental-traceological research

Ivan S. Polovnikov^{1,2}

¹ Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

² Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Abstract. The article presents the results of an experimental traceological study of horn whistles, conducted to determine the technological methods in their manufacture in the Sayan-Altai in the 1st millennium AD. The main attention is paid to the creation of the internal cavity (chamber) of the whistle due to the use of additional tools in this process. Morphologically suitable tools for the experiment were made, which were made of iron rods of low-carbon steel, which could serve as a tool for creating whistles, their cutting part was made in the form of a straight blade, an awl and a curved blade. Based on the data known from the scientific literature, replicas of whistles from roe deer horn were made using these tools. A comparative traceological analysis of experimental and archaeological data (traces of scraping the internal chambers of the original whistles) was carried out. The study was conducted on the materials of the Hunno-Sarmatian period of the site Oroktoy (Mountain Altai) and the ancient Turkic period of the sites Markelov Mys-2 and Bely Yar-2 (Khakass-Minusinsk Basin). This approach allowed us to compare the experimentally obtained information with archaeological materials. The article presents the results of the analysis of technological operations for the manufacture of internal cavities of horn whistles. Characteristic traces on the surface were revealed, which made it possible to distinguish the tools used. The experiment confirmed the possibility of making whistles with various tools and revealed technological methods when working with a separate tool. The main stages of whistle production are highlighted: creating a blank, drilling holes, forming an internal cavity, finishing the holes and polishing the surface. It is concluded that the sequence of technological operations and the set of tools correspond to the level of home production.

Keywords: Southern Siberia, Sayan-Altai, bone carving production, horn, experiment, traceology, whistles, arrowheads, metal tool processing

Acknowledgements. The study was conducted within the framework of the implementation of the State assignment of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity under project No. FSUS-2025-0009 “Features of the formation of intercultural communications in Siberia - from the Stone Age to the early modern period (according to archaeological and written sources)”.

For citation: Polovnikov I.S. (2025) Manufacturing of horn whistles on arrows from the burial complexes of the Sayan-Altai of the 1st millennium AD: results of experimental-traceological research. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 79-89. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-79-89. EDN: GWKTQD.

Введение

В исследованиях по истории военного дела народов степного пояса Евразии часто встречаются описания «костяных шариков с отверстиями», которые крепились к наконечникам стрел. Как принято считать, они издавали пронзительный свист, причем свист из тысяч стрел мог угнетающе действовать на противника и пугать вражеских лошадей (Никонов, Худяков, 2004). Данная интерпретация боевого использования стрел со свистункой восходит к легенде о «поющих стрелах», когда в 209 г. до н. э. будущий основатель империи Модэ (Маодунь) изготовил «свистунку и начал упражнять своих людей в конной стрельбе из лука» (Бичурин, 1950. С. 46–47).

Опираясь на данный мифологический сюжет, под «свистункой» следует понимать изделие, изготовленное из цельного рога (диких парнокопытных животных), овально-удлиненной по линии насада формы, со сквозным цилиндрическим проемом для древка стрелы и полое внутри, и имеющее несколько (чаще не более трех) округлых, овально-прямоугольных или прямоугольных отверстий на сферическо-выпуклой стороне. Эволюция формы отверстий показывает не только хронологию бытования различных типов свистунок, но и стремление мастеров найти оптимальные звуковые варианты,

издаваемые при полете. Наряду с этим, встречаются аналогичные по форме изделия, но без отверстий, которые тоже относят к «свистункам». Однако применение их было иное – служить муфтами для крепления торцевой части древка стрелы с наконечником, компенсируя возможность раскалывания (Худяков, 1980. С. 110; Худяков, 1991. С. 125). Следует учитывать, что помимо цельно вырезанных свистунок, существовали комбинированные, состоящие из нескольких частей, в виде конусовидной призмы с несколькими отверстиями, которые сохранились до нашего времени и известны в этнографических коллекциях казахов, их применяли как сигнальные стрелы (Ахметжан, 2007. Рис. 6б).

Проблема «свистящих стрел» неоднократно обсуждалась сибирскими оружейоведами, однако никто из них не ставил под сомнение историческую дату возникновения свистунок. Однако относительно недавно, самая ранняя находка была обнаружена на территории Тувы в погребении 17 могильника Чирик-Даш, который относится к саглыньскому периоду скифского времени. Опираясь на результаты радиоуглеродного датирования, автор раскопок отнес памятник к середине IV в. до н. э. (Семенов, 2019а. С. 64; Семенов, 2019б. С. 175). Свистунка из Чирик-Даш имеет бочонковидную форму с тремя округлыми от-

верстиями на сферическо-выпуклой стороне. Судя по фотографии предмета, по всем своим внешним признакам: форма, размер, естественная обработка, отверстия, можно предположить, что данная свистунка имеет сложившийся вид, который просуществовал на данной территории до средневековья.

Самые поздние археологические свидетельства находок роговых свистунок относятся к археологическому комплексу XVIII–XIX вв. в Северном Прибайкалье, где они были обнаружены в погребениях эвенкийского могильника Иннокен-I (Харинский, 2003. С. 119–120. Рис. 3.1, 2, 4). Свистунки были насажены на черешки двух ромбических и одного асимметрично-ромбического железного наконечника стрелы, они – боченковидной формы, полые внутри. В каждой из них имеется по четыре горизонтально расположенных сегментовидных отверстия. Нижняя часть свистунок округлая, а верхней части придана восьмигранная форма. Длина свистунок от 4,7 см до 6,2 см, наибольший диаметр достигает 2,8–3,0 см, толщина стенок составляет 0,2 см. Внутри свистунок сохранились остатки древков стрел диаметром 1 см, насаженных на черешки наконечников (Харинский, 2003. С. 119). Упоминания о свистунках встречаются в этнографическом описании балаганских бурят (Требуховский, 1927. Рис. 4). Их форма близка с иннокенскими свистунками (верхняя часть – восьмигранная, а нижняя – круглая). Однако, в отличие от эвенкийских свистунок, у балаганских в нижней части имеется выделенная шейка (Харинский, 2003. С. 119).

А.П. Бородовский, опираясь на материалы памятника Белый Бом-II (погребение 2, раскоп 1), представил технологическую схему изготовления свистунок Горного Алтая первой половины I тысячелетия. В данной схеме в первую очередь автор уделил внимание формированию внешнего контура свистунок. Заготовка делалась из спицы рога козули круговым подрезанием, затем путем протрагивания снимался верхний слой и будущей свистунке придавалась бочонковидная форма. В довершение работы следовали сверление отверстий, выборка внутренней полости и поверхностная круговая шлифовка (Бородовский, 1997. С. 93. Табл. 47.11–14). Важно подчеркнуть, что каждое изделие изготавливалось индивидуально, поэтому заметны расхождения в форме и размерах, мелких деталях обработки поверхностей и отверстий.

Нами было проведено исследование следов от инструментов, с помощью которых были изготовлены свистунки из могильника Ороктой гунно-сарматского времени Горного Алтая и могильников Маркелов Мыс-2, Белый Яр-2 древнетюркского времени Хакасско-Минусинской котловины (Половников, 2021). На предварительном этапе работы при определении следов от инструмента, оставленных на внутренних поверхностях камер свистунок было выдвинуто предположение, что выскребание могло производиться узким железным предметом (пёркой? шилом?), известных из археологических памятников (Колчин, 1959. С. 38–39; Кызласов, 1983. Табл. XXIII.8; Табл. XXXII.2). Для проверки данного предположения была проведена серия экспериментов, целью которых стало создание реплик свистунок и изучение их внутренних камер, созданных различными инструментами. На основании этого решалось несколько задач: подготовить инструменты для эксперимента; изготовить внутренние камеры на современных репликах свистунок; сравнить следы во внутренних полостях оригинальных роговых свистунок из погребальных комплексов Саяно-Алтая с полученными в ходе эксперимента.

Материалы и методы изучения

Материалами исследования послужили роговые свистунки из трех могильников Саяно-Алтая. Могильник гунно-сарматского времени Горного Алтая Ороктой расположен на высокой террасе левого берега реки Ороктой в месте впадения её в Катунь (Худяков, Скобелев, Мороз, 1990). В состав сопроводительного инвентаря погребения кургана № 1 могильника Ороктой входили два сильно корродированных железных наконечника стрелы, также костяной втульчатый (округлый в сечении) и ромбический (с раздвоенным насадом), которые находились у северной стенки, с правой стороны от погребенного, помимо них в погребении обнаружены три роговых свистунки (рис. 1.1–3) (Худяков, Скобелев, Мороз, 1990. С. 98–100. Рис. 5).

Экземпляр № 1: изделие цилиндрической формы со сквозным отверстием вдоль длинной стороны (3,5 × 2,2 см, диаметр сквозного отверстия 0,4 см). По краям имеет грубые следы круговой подсечки (рис. 1.1). *Экземпляр № 2:* изделие цилиндрической формы полое внутри без сквозных отверстий с трехгранным основанием, на поверхности которо-

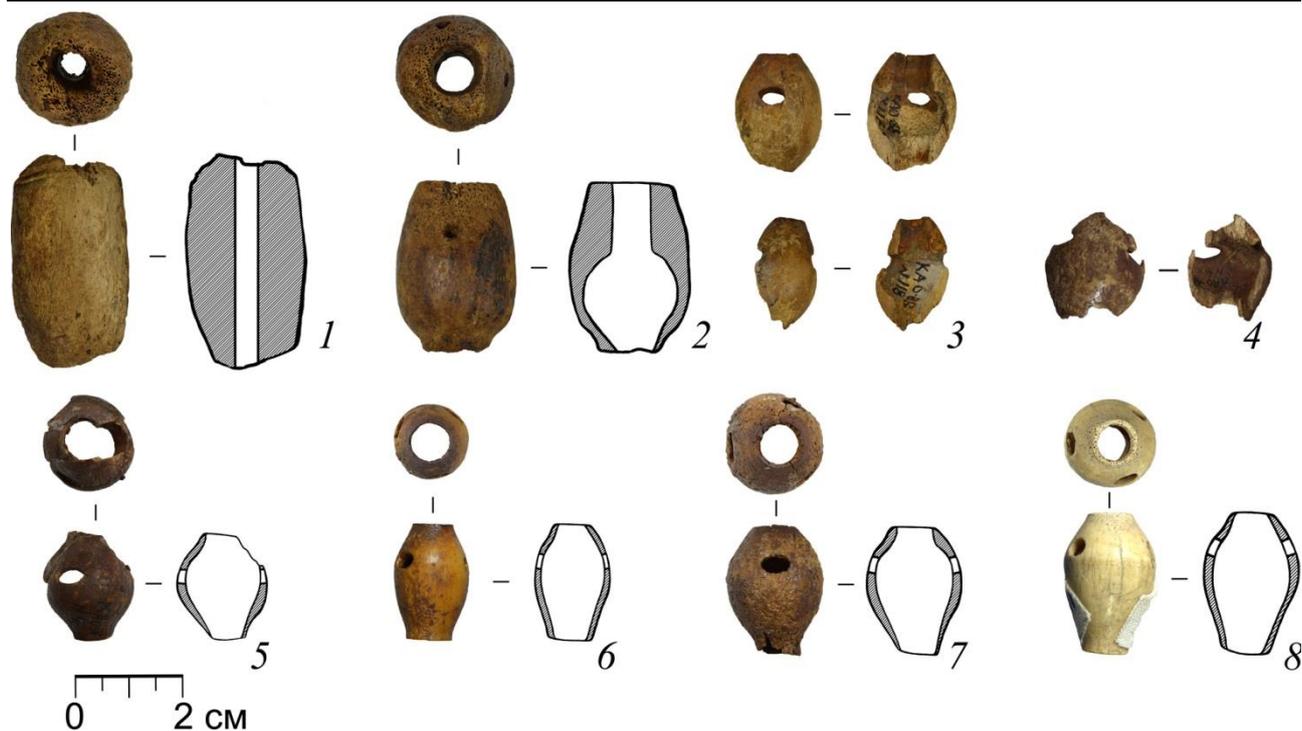

Рис. 1. Роговые свистунки из гунно-сарматских и древнетюркских погребальных комплексов Горного Алтая и Минусинской котловины: 1–3 – Ороктой, курган 1; 4–6 – Маркелов Мыс-2, курган 9; 7 – Белый Яр-2, курган 7
Fig. 1. Horn whistles from the Hunno-Sarmatian and ancient Turkic burial complexes of the Altai Mountains and the Minusinsk Basin: 1-3 - Oroktoy, burial mound 1; 4-6 - Markelov Mys-2, burial mound 9; 7 - Beluy Yar-2, burial mound 7

го имеет небольшие углубления. Внутренняя полость сделана необычно: выбрана только половина от длины изделия до трехгранного основания (3 × 2,1 см, диаметр цилиндрических проемов для черешка 0,7–0,8 см) (рис. 1.2). Следует отметить, что, вероятно, эта свистунка (без сквозных отверстий) несла в себе скорее метафорический образ «поющей стрелы», также как «глазастые стрелы» или «играющий лук» (Митько, Половников, 2023). Экземпляр № 3: изделие цилиндрической формы с отверстиями на выпуклой стороне (вырезаны грубо), с небольшой внутренней полостью, сохранилось в виде двух фрагментов (2,3 × 1,7 см и 2,3 × 1,3 см, размеры отверстий 0,3 × 0,5 см; диаметр цилиндрических проемов для черешка 0,7–0,8 см) (рис. 1.3).

Могильник древнетюркского времени Маркелов Мыс-2 расположен в Новоселовском районе Красноярского края, на южном склоне пологого увала в 0,4 км к юго-западу от горы Маркелов Мыс (Митько, 1992а¹; Митько, 1992b). Центральную часть комплекса занимала цепочка древнетюркских курганов, протянувшаяся по линии север – юг, состоящая из двух та-

штыкских склепов и двух скоплений древнетюркских курганов. В планиграфии курганов прослеживается «сотовый» принцип, при котором насыпи концентрировались группами, вокруг центрального и, как правило, самого раннего по времени захоронения (Митько, 2007; Митько, 2008). Также на памятнике зафиксированы объекты в виде таштыкских погребений по обряду трупосожжения под каменными выкладками (Митько, 2006). Из данного комплекса было исследовано четыре экземпляра роговых свистунок (рис. 1.4–7). Один из них (рис. 1.4) относился к кургану № 7, данный экземпляр № 4 представлял фрагмент свистунки и был обнаружен в потревоженном погребении, которое было совершено по обряду труположения с конем, *in situ* зафиксированы костяк лошади, правая рука и ноги погребенного ниже колен и остатки мясной пищи, лежащей в восточной части могильной ямы, рассматриваемый фрагмент свистунки и два сильно корродированных железных наконечника стрелы были найдены в западной части (разграбленной) могильной ямы (Митько, 1992а. С. 8. Рис. 22.2; 25.4–6)². Три других свистунки (рис. 1.5–7) относились к инвентарю погребения кургана № 9. Данное погреб-

¹ Митько О.А. Отчет о работе Красноярского археологического отряда в 1991 г. // Архив лаборатории гуманитарных исследований НИЧ НГУ. Новосибирск, 1992а. 111 л.

² Там же.

бение оказалось не ограбленным и также было совершено по обряду труположения с конем, справа от погребенного на берцовой кости коня найдены корродированные между собой трехлопастные наконечники стрел с надетыми роговыми свистунками на черешках (Там же. С. 11. Рис. 28.5; 32.1, 2, 5). Экземпляр № 5: свистунка цилиндрической формы с отверстиями на выпуклой стороне (2 × 1,8 см; размеры отверстий 0,3 × 0,6 см; диаметр цилиндрических проемов для черешка 0,7–0,8 см) (рис. 1.5). Экземпляр № 6: изделие цилиндрической формы с отверстиями на выпуклой стороне (2,1 × 1,35 см; размеры отверстий 0,3 × 0,4 см; диаметр цилиндрических проемов для черешка 0,7 см) (рис. 1.6). Экземпляр № 7: изделие цилиндрической формы с отверстиями на выпуклой стороне (2,6 × 2 см, размеры отверстий 0,35 × 0,5 см, диаметр цилиндрических проемов для черешка 0,6–0,7 см) (рис. 1.7).

Могильник древнетюркского времени Белый Яр-2 расположен на юге Минусинской котловины в Алтайском районе Республики Хакасии, на вершине степного увала правого берега р. Абакан, в 4,3 км к юго-востоку от с. Белый Яр (Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999). Из него происходит один экземпляр роговой свистунки (рис. 1.8), относящийся к инвентарю погребения 3 кургана № 7. Погребение было совершено по обряду труположения с конем, свистунка была обнаружена в заполнении могильной ямы (Поселянин, Киргинеков, Тараканов, 1999. С. 115. Рис. 17.6). Экземпляр № 8: представляет изделие цилиндрической формы со сквозными отверстиями на выпуклой стороне (2,6 × 1,7 см; размеры отверстий 0,3 × 0,4 см; диаметр цилиндрических проемов для черешка 0,6–0,8 см).

Инструментарий для эксперимента был изготовлен из железных стержней из низкоуглеродистой стали диаметром 0,5 см, на конце которых при помощи углошлифовальной машины сделаны режущие части. На основании встречаемых в литературе инструментов по обработке (кость / древесина) методом подбора были подготовлены различные резчики в виде: прямого лезвия с закругленным острием (аналогия небольшого ножа с тонким лезвием) (рис. 2.1), шила (округлым в сечении) (рис. 2.2) и слегка изогнутого лезвия (наподобие небольшого «ложкореза») (рис. 2.3).

Для работы была подготовлена серия экспериментальных образцов свистунок, вырезанных из заго-

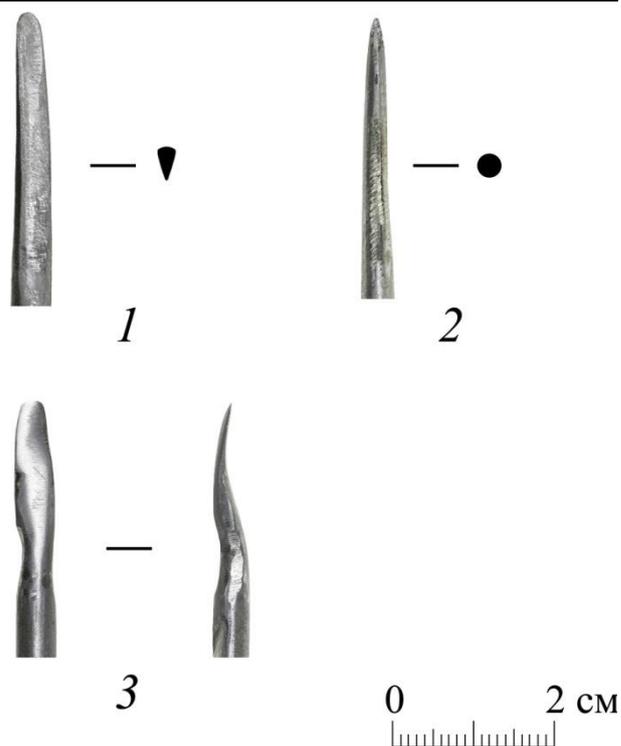

Рис. 2. Инструменты для эксперимента
Fig. 2. Tools for the experiment

товок рога (часть ствола правого рога косули, размером 2 × 1,5 × 1,5 см, губчатая сердцевина была просверлена сверлом диаметром 0,5 см, внешняя сторона изделий обрабатывалась железным ножом). Во время изготовления внутренних камер реплик свистунок, образцы периодически смачивались в теплой воде, что делало верхний слой рогового сырья более мягким и позволяло его легче соскребать.

Для наблюдений за результатами эксперимента использовался бинокляр Altami, для освещения внутренних камер свистунок использовалась миниатюрная светодиодная лампа, фотофиксация проводилась цифровой камерой с объективами Canon EF-S 60 mm f/2.8 Micro и Nikon AF-S 60 mm f/2.8 ED Micro Nikkor (в диапазоне 10–50 крат), макросъемка внутренней полости изделий осуществлялась при увеличении 0.3X.

Результаты исследования

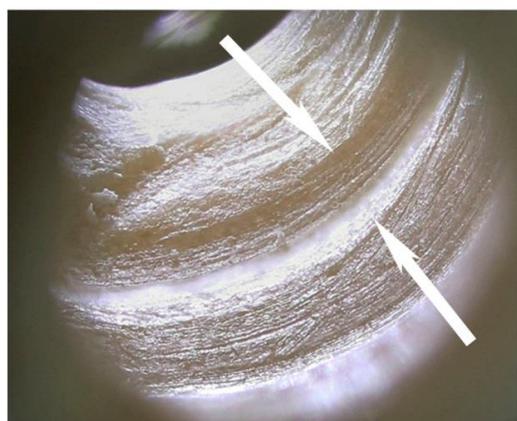
Наиболее информативные результаты были получены при работе инструментом № 1 (с прямым лезвием) (рис. 2.1) благодаря чему была изготовлена внутренняя полость на экспериментальном образце свистунки № 1. На полученной поверхности внутренней камеры свистунки зафиксированы параллельные линейные следы от режущей кромки лезвия, причем

отчетливо читается канал, оставленный закругленным рабочим участком острия лезвия (рис. 3.1). Также следует отметить, что в месте перехода в проемы для древка стрелы наблюдаются вертикальные следы вдавливания от лезвия («зарубки»), оставленные экспериментальным орудием (рис. 3.2).

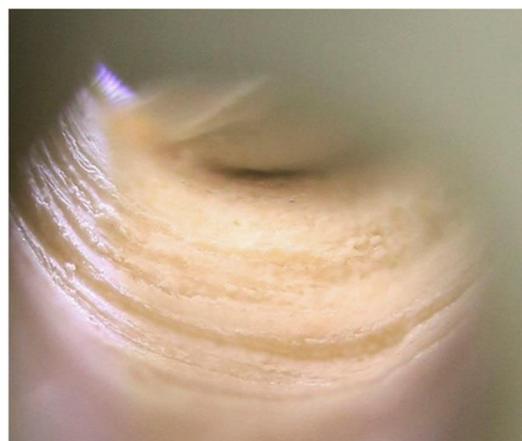
В результате работы инструментом № 2 (шила) была получена внутренняя полость экспериментального образца свистунки № 2 (рис. 2.2). На поверхности стенок внутренней камеры свистунки зафиксированы широкие глубокие борозды, остав-

ленные острием шила (рис. 3.3). Их особенностью является нарушение микрорельефа путем линейных формообразований. Поверхность после работы данным инструментом получается испещренной множеством остатков рогового материала.

В ходе серии экспериментов инструментом № 3 (с изогнутым лезвием) также была получена внутренняя полость экспериментального образца свистунки № 3 (рис. 2.3). Результатом работы данным инструментом является получение скругленных стенок внутренней полости, на них фиксируются ли-

1

3

2

4

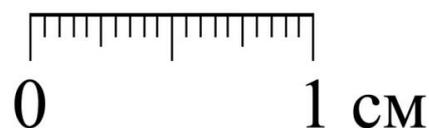

Рис. 3. Следы на внутренней полости экспериментальных свистунок: 1, 2 – следы от работы инструментом с прямым лезвием; 3 – следы от работы шилом; 4 – следы от работы инструментом с изогнутым лезвием
Fig. 3. Traces on the internal cavity of the experimental whistles: 1, 2 - traces from work with a tool with a straight blade; 3 - traces from work with an awl; 4 - traces from work with a tool with a curved blade

нейные следы от режущей кромки лезвия, схожие со следами, оставленными инструментом № 1 (рис. 3.4). Однако следов «зарубок» на краю проемов для древка стрелы не отмечено.

Следует отметить, что эксперименты выполнял мастер без опыта подобных работ. На изготовление одной свистунки затрачивалось 1–1,5 часа времени. Внутренняя полость свистунки могла вырезаться всеми видами представленных инструментов. Однако заметно большее количество времени требовалось при работе шилом (от 30 до 40 мин), по сравнению с лезвиями (15–25 мин).

Обсуждение

Сравнивая следы на экспериментальных образцах со следами на находках из археологических памятников, можно сделать следующие выводы. Внутреннюю камеру свистунки (экземпляр № 2) из могильника Ороктой (без сквозных отверстий на выпуклой стороне с трехгранным основанием), вероятно, выскребали шилом (рис. 4.1). На это указывают следы в виде широких борозд, которые близки со следами, оставленными инструментом № 2 на экспериментальном образце. На поверхности внутренней камеры свистунки экземпляра № 3 из этого же комплекса видно, что сквозные отверстия на выпуклой стороне создавались после выскребания полости, так как на это указывает прямоугольный канал, вонзающийся в стенку округлой камеры (рис. 4.2). Экземпляр № 1 с продольным сквозным отверстием вполне может быть заготовкой под свистунку, по краям которого видны следы грубой подсечки (рис. 1.1).

Внутренние полости свистунок из древнетюркских могильников Минусинских котловин Маркелов Мыс-2 и Белый Яр-2 могли быть выполнены как прямым лезвием, так и изогнутым, так как на стенках камер зафиксированы линейные следы, характерные для лезвия, вопрос лишь в его изгибе (рис. 4.3). Однако на одной свистунке (экз. 5) из кургана № 9 могильника Маркелов Мыс-2 зафиксированы вертикальные следы «зарубки», что может свидетельствовать об использовании инструмента с прямым лезвием, выходящим за пределы полости при её изготовлении (рис. 4.4). Впрочем, канала, оставленного закругленным рабочим участком острия прямого лезвия на рассматриваемых свистунках из археологических комплексов, не зафиксировано.

Экспериментальные исследования показали, что внутренняя полость свистунки могла быть вырезана с использованием трех различных инструментов: прямого лезвия, шила или изогнутого лезвия. Все эти инструменты традиционно также применялись и в деревообработке. Таким образом мастер, специализировавшийся на обработке древесины, мог изготавливать и роговые свистунки, используя схожие приемы, и инструменты. Высокая степень тщательности обработки при изготовлении древнетюркских свистунок, их внешней отделке и наличие характерных следов от орудий указывают на использование стандартных и отработанных технологий, что предполагает наличие опытного мастера. Небрежно выполненная ороктойская «свистунка» (экземпляр № 1), вероятно, являлась заготовкой, находившейся в процессе изготовления или отложенной из-за брака.

Различия в качестве обработки свистунок позволяют предположить наличие технологической последовательности в деле мастеров с разным уровнем квалификации. Восстанавливая последовательность технологических операций, можно выделить следующие этапы изготовления свистунок:

- создание заготовки (цельный рог делился на цилиндрические заготовки, которые затем использовались для дальнейшей обработки);
- просверливание проёма для древка стрелы (из личных наблюдений при создании реплик свистунок, для удобства оформления внешней поверхности, было проделано сквозное отверстие, обеспечивающее крепление заготовки на древке);
- оформление будущей свистунки сферически вытянутой формы (заготовка насаживалась на древко стрелы и обрабатывалась до нужных пропорций);
- выскребание внутренней полости (создавалась камера внутри изделия, что обеспечивало акустический эффект);
- формирование сквозных отверстий на сферически выпуклой стороне свистунки (высверливались и дорабатывались ножом округлые или овально-прямоугольные отверстия);
- завершающая обработка (внешняя поверхность полировалась для придания изделию законченного вида). Таким образом процесс изготовления свистунки представлял собой сложный и тщательно выверенный технологический цикл, направленный

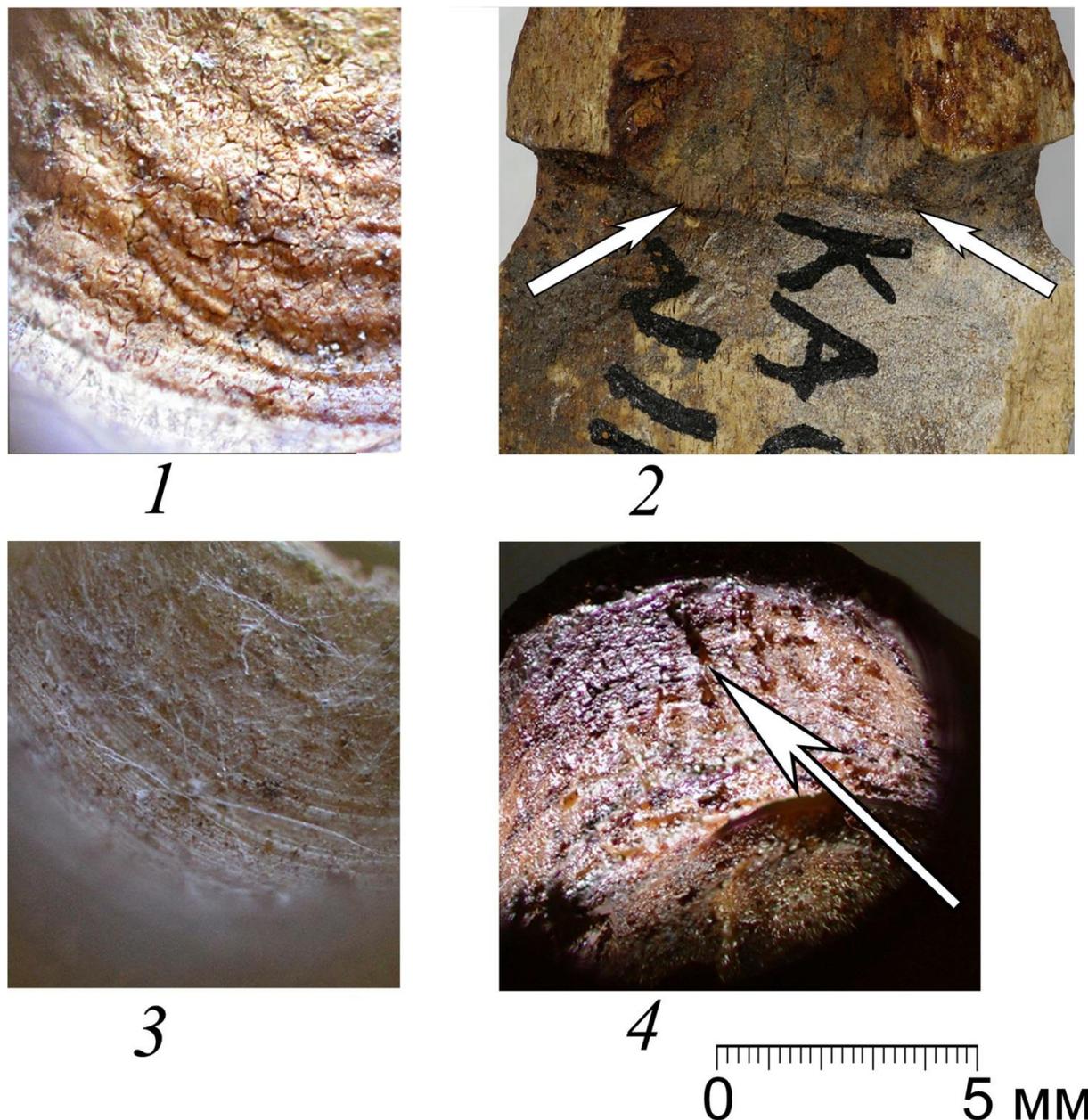

Рис. 4. Следы на внутренней полости оригинальных свистунок: 1, 2 – Ороктой; 3 – Белый Яр-2; 4 – Маркелов Мыс-2
Fig. 4. Traces on the internal cavity of the original whistles: 1, 2 - Oroktoy; 3 - Beluy Yar-2; 4 - Markelov Mys-2

на создание не только функционального, но и акустически эффективного изделия.

Эти данные говорят в пользу того, что производство свистунок могло осуществляться в условиях домашнего ремесла и не требовало специализированного инструментария. Обращает на себя внимание, что три экземпляра археологических свистунок гунно-сарматского времени выполнены менее стандартизировано, чем древнетюркские. Их исследование раскрывает не только технологические аспекты производства, но и сложную систему ритуальных и утилитарных практик, в которых они использовались.

«Свистящие» или «поющие» стрелы занимали особое место в культуре народов Сибири и Центральной Азии, не просто входили в состав вооружения, но также они являлись важным элементом интонационно-акустической традиции. Звук, издаваемый такими стрелами, имел полисемантический смысл: он мог служить не только боевым сигналом и применяться в охотничьем деле, а также обладать сакральным смыслом (Митько, Половников, 2023). Археологические находки свистящих стрел в средневековых погребениях позволяют предположить, что их символическая роль выходила за рамки утилитарного применения.

Заключение

Технологический аспект изготовления «свистящих стрел» включает в себя выбор материала, последовательность обработки цельного рога и использование различных инструментов (оставляющих характерные следы на изделиях). Благодаря чему, в результате серии экспериментов удалось выявить особенности обработки внутренней полости свистунок с помощью трёх различных инструментов.

Анализ следов внутренних поверхностей камер на оригинальных археологических находках и на современных репликах выявил, что использование прямого лезвия оставляет характерные вертикальные «зарубки», в то время как шило создает неупорядоченно оставленные борозды. Самым оптимальным орудием для данного вида работы, на наш взгляд, является инструмент с изогнутым лезвием, позволяющий удобно изготовить полость, с возможностью использовать его в труднодоступных местах, в нашем случае во внутренних камерах свистунок.

Список источников

Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы : «Алматыкітап» ТОО, 2007. 216 с.

Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.-Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Академии наук СССР, 1950. Т. 1. 382 с.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 223 с. EDN: SXOLVR.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 65: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120. EDN: SNQEGR.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М. : Наука, 1983. 128 с. (Серия: Археология СССР. Свод археологических источников; вып. Е 3-18.) EDN: VMVADR.

Митько О.А. Древнетюркские погребения могильника Маркелов мыс-2 // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края : сб. науч. статей / под ред. А.М. Буровского. Красноярск, 1992b. Том II. С. 46–48.

Митько О.А. Таштыкские погребения по обряду трупопожжения под каменными выкладками (по материалам раскопок могильника Маркелов Мыс-II) // Современные

В заключение следует отметить, что последовательность технологических операций и набор орудий, позволяет говорить об изготовлении свистунок из цельного рога в рамках домашнего производства. Они представляют собой важный элемент материальной культуры народов степного пояса Евразии, находясь в обиходе с середины IV в. до н. э. и вплоть до XVIII–XIX вв., их изготавливали по одной и той же технологической схеме и в одной манере. Последовательность технологических операций и набор орудий позволяют говорить об изготовлении роговых свистунок в рамках домашнего производства, с учетом различных навыков и квалификации древних мастеров. Традиция изготовления свистунок из рога свидетельствует о преемственности в традициях народов, населяющих степной пояс, начиная с гунно-сарматского времени, и отражает процессы межкультурных коммуникаций, происходящих в евразийских степях.

References

Akhmetzhan K. (2007) Ethnography of traditional weapons of the Kazakhs. Almaty: "Almatykitap". 216 p. (In Russ.).

Bichurin N.Ya. (Iakinf) (1950) Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Vol. I. 382 p. (In Russ.).

Borodovskii A.P. (1997) Ancient bone carving in the south of Western Siberia (second half of the 2nd millennium BC - first half of the 2nd millennium AD). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. 223 p. (In Russ.). EDN: SXOLVR.

Kolchin B.A. (1959) Ironworking craft of Novgorod the Great (products, technology). *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. № 65: Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii = Materials and Research on Archeology of the USSR. Works of the Novgorod Archaeological Expedition.* Moscow: Academy of Sciences of the USSR. Vol. 2. No. 65. P. 7-120. (In Russ.). EDN: SNQEGR.

Kyzlasov I.L. (1983) Askiz culture of Southern Siberia. 10th-14th centuries. Moscow: Nauka. 128 p. (Series: Archeology of the USSR. Collection of Archaeological Sources. Iss. E3-18.) (In Russ.). EDN: VMVADR.

Mit'ko O.A. (1992b) Ancient Turkic burials of the site Markelov Mys-2. *Problems of Archeology, History, Local History and Ethnography of the Yenisei Region.* Krasnoyarsk. Vol. II. P. 46-48. (In Russ.).

Mit'ko O.A. (2006) Tashtyk burials according to the rite of cremation under stone layings (based on the materials of excavations of the site Markelov Mys-II). *Sovremennye prob-*

проблемы археологии России : материалы Всероссийского археологического съезда, Новосибирск, 23–28 октября 2006 г. В 2 т. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. Т. II. С. 166–168.

Митько О.А. Таштыкские памятники могильника Маркелов Мыс-II. Материалы к реконструкции сожжения погребальных сооружений (по результатам раскопок склепа № 8) // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. Новосибирск : НГУ; ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2007. С. 39–61.

Митько О.А. Огонь в средневековых погребениях с конём в степной части Среднего Енисея (по материалам могильника Маркелов Мыс-II) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М. : ИА РАН, 2008. Т. II. С. 252–254.

Митько О.А., Половников И.С. «Поют» ли «поющие стрелы»? // «Поющие стрелы Маодуня»: Хунну от неизвестности до империи : материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Сергея Степановича Миняева (1948–2020), Санкт-Петербург, 14–17 ноября 2023 года. СПб. : Институт истории материальной культуры РАН, 2023. С. 147–151. DOI: 10.31600/978-5-6049788-5-6.147-151. EDN: ZDBKXF.

Никоноров В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы: Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2004; М. : Филоматис, 2004. 320 с. EDN: RVFPDX.

Половников И.С. Технология изготовления роговых свистунок наконечников стрел из гунно-сарматских и древнетюркских погребальных комплексов Горного Алтая и Минусинской котловины // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы VI конференции молодых ученых, Москва, 16–19 марта 2021 года. М. : Иститут археологии РАН, 2021. С. 142–144.

Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск : НГУ, 1999. Вып. II. Горизонты Евразии. С. 88–116. EDN: YXOOEX.

Семенов А.В. Памятник скифского времени при входе в Саянский каньон Енисея – могильник Чирик-Даш // Ермолаевские чтения: материалы III научно-практической конференции с Международным участием, посвященной 90-летию со дня основания Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва, Кызыл, 23–25 мая 2019 года. Кызыл : «Аныяк», 2019а. С. 60–65. EDN: PUBPAC.

lemy arkheologii Rossii : Materialy Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda, Novosibirsk, 23–28 oktyabrya 2006 g. V 2 t. = Modern Problems of Archeology in Russia. Proceedings of the All-Russian Archaeological Congress, Novosibirsk, October 23–28, 2006. In 2 Vol. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. Vol. II. P. 166-168. (In Russ.).

Mit'ko O.A. (2007) Tashtyk archaeological sites at the site Markelov Mys-II. Materials for the reconstruction of the burning of funerary structures (based on the results of excavations of crypt No. 8). *Tashtyk archaeological sites of the Khakass-Minusinsk region*. Novosibirsk: Novosibirsk State University; Khakass State University. P. 39-61. (In Russ.).

Mit'ko O.A. (2008) Fire in medieval burials with a horse in the steppe part of the Middle Yenisei (based on the materials of the site Markelov Mys-II). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale = Proceedings of the II (XVIII) All-Russian Archaeological Congress in Suzdal*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Vol. II. P. 252-254. (In Russ.).

Mit'ko O.A., Polovnikov I.S. (2023) Do the "singing arrows" "sing"? *Khunnu ot neizvestnosti do imperii : Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Sergeya Stepanovicha Minyaeva (1948–2020), Sankt-Peterburg, 14–17 noyabrya 2023 goda = Proceedings of Materials of the International Scientific Conference "Singing Arrows of Maodun": The Xiongnu from Obscurity to Empire". Saint Petersburg, November 14–17, 2023. St. Petersburg: IIMC RAS. P. 147-151. (In Russ.). DOI: 10.31600/978-5-6049788-5-6.147-151. EDN: ZDBKXF.*

Nikonorov V.P., Khudyakov Yu.S. (2004) "Whistling arrows" of Maodun and "Sword of Mars" of Attila: Military affairs of the Asian Xiongnu and European Hunnes. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies; Moscow: Filomatis. 320 p. (In Russ.). EDN: RVFPDX.

Polovnikov I.S. (2021) Manufacturing technology of horn whistles for arrowheads from the Hunno-Sarmatian and ancient Turkic burial complexes of the Altai Mountains and the Minusinsk Basin. *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: Materialy VI konferentsii molodykh uchenykh, Moskva, 16–19 marta 2021 goda = Proceedings of the VI Conference of Young Scientists. "New Materials and Methods of Archaeological Research", Moscow, March 16–19, 2021. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P. 142-144. (In Russ.).*

Poselyanin A.I., Kirginekov E.N., Tarakanov V.V. (1999) Study of the medieval burial ground Bely Yar II. *Eurasia: the Cultural Heritage of Ancient Civilizations. Horizons of Eurasia*. Novosibirsk : Novosibirsk State University. Iss. II. P. 88-116. (In Russ.). EDN: YXOOEX.

Seменов А.В. (2019а) Site of Skythian time at the begining of Sayansky canyon of Yenisey - Chirik-Dash burial ground. *Ermolaevskie chteniya: Materialy III nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 90-letiyu so dnya osnovaniya Natsional'nogo muzeya im. Aldan-Maadyr Respubliki Tyva, Kyzyl, 23–25 maya 2019 goda = Ermolaev Readings: Proceedings of the III Scientific and Practice Conference with the International Participation, Dedicated to the 90th Anniversary of the Found-*

Семенов А.В. В преддверии Саянского каньона: могильник Чирик-Даш и окружающие памятники // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук (охранная археология). № 9. СПб.: Невская книжная типография, 2019b. С. 170–176. DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-170-176. EDN: XBYDYX.

Требуховский П.Ф. Сур-харбан балаганских бурят в прошлом и настоящем // Бурятоведческий сборник. Вып. 3–4. Иркутск: Изд. Бурят-Монгольской секции ВСОРО. 1927. С. 74–78.

Харинский А.В. Оружие эвенков северного побережья озера Байкал в XVIII–XIX вв. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: ИрГТУ, 2003. С. 113–122. EDN: VYWQZL.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с. EDN: SXOMRF.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с. EDN: SXOMSJ.

Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990. С. 95–150.

Информация об авторе

Половников Иван Сергеевич,
младший научный сотрудник, лаборатория естественно-научных методов в археологии,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
630090, г. Новосибирск, ул. Лаврентьева, 17, Россия;
Новосибирский государственный университет,
630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1, Россия,
e-mail: polis.sib@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2654-9283>

Вклад автора

Половников И.С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 5 марта 2025 г.; одобрена после рецензирования 12 мая 2025 г.; принята к публикации 19 мая 2025 г.

ing of the National Museum Aldan-Maadyr of the Republic of Tyva, May 23–25, 2019. Kyzyl: "Anyyak". P. 60–65. (In Russ.). EDN: PUBPAC.

Semenov A.V. (2019b) At the threshold of the Sayan canyon: cemetery of Chirik-Dash and the surrounding sites. *Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Conservation Archeology)*. No. 9. P. 170-176. St. Petersburg: Nevskaya knizhnaya tipografiya. (In Russ.). DOI: 10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-170-176. EDN: XBYDYX.

Trebukhovsii P.F. (1927) Sur-Kharban of the Balagan Buryats in the Past and Present. *Buryat Studies Collection*. Irkutsk: Izd. Buryat-Mongol'skoi seksii VSORGO. Iss. 3-4. P. 74-78. (In Russ.).

Kharynsky A.V. (2003) Evenks weapon from the north coast of lake Baikal in XVIII-XIX centuries. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. P. 113-122. (In Russ.). EDN: VYWQZL.

Khudyakov Yu.S. (1980) Weapons of the Yenisei Kyrgyz of the 6th-12th centuries. *Novosibirsk: Nauka*. 176 p. (In Russ.). EDN: SXOMRF.

Khudyakov Yu.S. (1991) Armament of Central Asian nomads in the early and developed Middle Ages. *Novosibirsk: Nauka*. 190 p. (In Russ.). EDN: SXOMSJ.

Khudyakov Yu.S., Skobelev S.G., Moroz M.V. (1990) Archaeological Research in the Valleys of the Oroktoy and Edigan Rivers in 1988. *Archaeological Research on the Katun*. *Novosibirsk: Nauka*. P. 95-150. (In Russ.).

Information about the author

Ivan S. Polovnikov,
Junior Researcher, laboratory of natural science methods in archaeology,
Institute of Archeology and Ethnography SB RAS,
17, Lavrentiev St., Novosibirsk 630090, Russia,
Novosibirsk State University,
1, Pirogov St., Novosibirsk 630090, Russia,
e-mail: polis.sib@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-2654-9283>

Contribution of the author

Polovnikov I.S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 5, 2025; approved after reviewing May 12, 2025; accepted for publication May 19, 2025.

Научная статья
УДК 550.384.32
EDN: НВНХХЕ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-90-124>

Реконструкция производственных этапов изготовления рукоятей ножей из метаподиев крупного рогатого скота (по материалам археологических коллекций г. Пскова)

А.В. Фисенко^{1,2}

¹ Государственное бюджетное учреждение культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области», Псков, Россия

² Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

Аннотация. Псков – политический, духовный, экономический и культурный центр Северо-Западной Руси. Наряду с такими городами как Старая Ладога и Новгород являлся в средневековье крупным производственным центром, в котором жили и работали ремесленники разных направлений, удовлетворявшие потребности горожан и городской округи. Продукция мастеров по обработке кости пользовалась спросом и была неотъемлемой частью повседневной жизни. В современном изучении косторезного ремесла ключевыми аспектами являются определение исходного сырья и реконструкция технологического процесса изготовления вещи на основе археологических данных. Несмотря на множество публикаций о производстве различных изделий из костяного материала, до сих пор отсутствуют специальные исследования по производству рукоятей ножей из метаподиев крупного рогатого скота, хотя такие артефакты часто встречаются на археологических памятниках. В статье представлены итоги анализа 42 археологических коллекций 32 раскопов в черте г. Пскова. Археологический материал, накопленный за долгие годы изучения памятника, позволил восстановить полные технологические цепочки, специфику производственного процесса и вариативность форм обработки костяного сырья. Были выделены две основные производственные модели: 1 – с ручной обработкой; 2 – с обработкой на токарном станке. Массовость исследованных артефактов (3862 ед.) позволила описать технические аспекты производства рукоятей ножей и провести реконструкцию этапов обработки исходного сырья до конечного продукта. В статье дается как общая характеристика процесса производства рукоятей, так и разобраны частные особенности разных производственных комплексов г. Пскова. Также в статье охарактеризованы источники сырья псковских производителей и пути его поступления. Уделено внимание узкоспециализированному инвентарю мастеров-косторезов. Наше исследование позволяет расширить понимание о технологических практиках средневекового городского косторезного ремесла.

Ключевые слова: Северо-Западная Русь, Псков, археология средневекового города, ремесло, косторезное ремесло, обработка костей конечностей животных, реконструкция производственных этапов, ручная обработка метаподия, обработка метаподия на токарном станке, рукоять ножа

Благодарности. Нам хочется поблагодарить всех сотрудников фондов хранения археологических коллекция псковского музея-заповедника за терпение, отзывчивость и теплое отношение.

Для цитирования: Фисенко А.В. Реконструкция производственных этапов изготовления рукоятей ножей из метаподиев крупного рогатого скота (по материалам археологических коллекций г. Пскова) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 90–124. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-90-124. EDN: НВНХХЕ.

Reconstruction of production stages of manufacturing knife handles from cattle metapodium (based on materials from archaeological collections in Pskov)

Alexei V. Fisenko^{1, 2}

¹ State Budgetary Institution of Culture of the Pskov Region "Archaeological Center of the Pskov Region", Pskov, Russia

² Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. Pskov was the political, spiritual, economic and cultural centre of North-West Rus'. Along with such cities as Staraya Ladoga and Novgorod, it was a major production centre in the Middle Ages, where artisans of various specialties lived and worked, satisfying the needs of the townspeople and the city district. The products of bone processing masters were in demand and were an integral part of everyday life. In the modern study of bone carving craft, one of the key aspects is the determination of the raw material and the reconstruction of the technological process of manufacturing an item based on archaeological data. Despite numerous publications on the production of various items made of bone material, there are still no special studies on the production of knife handles from cattle metapodia, although such artifacts are often found at archaeological sites. The article presents the results of the analysis of 42 archaeological collections from 32 excavations within the city of Pskov. The archaeological material accumulated over many years of studying the site made it possible to reconstruct complete technological chains, the specifics of the production process, and the variability of bone raw material processing forms. Two main production models were identified: 1 – producing with manual processing, 2 - producing with processing on a lathe. A large number of studied artifacts (3862) made it possible to describe the technical aspects of the production of knife handles and reconstruct the stages of processing the raw material to the final product. The article provides both general characteristics of the handle production process and examines specific features of various production technologies in Pskov. The article also describes the sources of raw materials of Pskov manufacturers and their routes of delivery. Attention is paid to the highly specialized inventory of bone carver masters. Our study allows us to improve understanding of the technological practices of medieval urban bone carving craft.

Keywords: North-Western Rus', Pskov, archeology of a Medieval city, craft, bone carving craft, processing of animal limb bones, reconstruction of production stages, manual processing of metapodium, processing of metapodium on a lathe, knife handle

Acknowledgements. We would like to thank all the employees of the archaeological collection storage funds of the Pskov Museum-Reserve for their patience, responsiveness and warm attitude.

For citation: Fisenko A.V. (2025) Reconstruction of production stages of manufacturing knife handles from cattle metapodium (based on materials from archaeological collections in Pskov). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 90-124. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-90-124. EDN: HBHXXE.

Введение. Реконструкция этапов производства или подборка заготовок изделий на разной стадии процесса изготовления на основе археологических комплексов, стала естественным дополнением к большому списку тем в изучении древней «кости» (Бородовский, 2017)¹.

Говоря об обработке костяного сырья, отметим его неоднородность по химическим, физическим и механическим свойствам. Отличие сырья неоднократно становилось предметом изучения (Бородовский, 1997. С. 42–119; Душенко, 2015. С. 76–88; Изюмова, 1949; Смирнова, 1995; Ambrosiani, 1981.

Р. 98–103; Ashby, 2013b; Constantine, 2014. P. 2-9²; García, 2014; MacGregor, 1985. P. 1-43; Pfeifer, 2014; Provenzano, 2001; Vitezović, 2016. S. 39-52; Манојловић-Николић, 2012. С. 51-54; Сергеева, 2011. С. 43-51). Коротко скажем, что плотный рог отличается эластичностью и вязкостью, а кости скелета животных плотностью и колкостью.

Ряд специалистов относит плотный рог к более качественному сырью. Нам кажется, что это не совсем корректно, так как выбор сырья зависел от цели мастера и доступности сырья. Конечно, свойства

¹ Бородовский А.П. Исследования древнего косторезного производства : учеб.-метод. пособие. Изд. второе. Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2017. 102 с. (In Russ.).

² Constantine D. Working with Bone, Antler and Horn, 2014. 78 p. Available from: <https://halldorviking.wordpress.com/wp-content/uploads/2013/08/working-with-bone-antler-and-horn-david-constantine-1-4.pdf> (In English) (Accessed: March 10, 2025).

плотного рога позволяют выполнять тонкую работу. Например, негативную и позитивную резьбу, делая изящные вещи с мелкими деталями. Но длинные кости конечностей позволяют с меньшими трудозатратами, используя морфологию, изготавливать по своим характеристикам качественные изделия.

Еще важный аспект проблемы – доступность сырья. Если кости скелета являются естественными отходами переработки туши животного на мясо и употребления его в пищу, то плотный рог добывался способом сезонного сбора сброшенных рогов и путем охоты. В последнем случае рог был дополнением к туше убитого животного. Это ограничивало массовое поступление сырья из плотного рога для мастера.

Химические, физические, механические и морфологические характеристики определяли разные модели обработки. По вопросам инструментов и их применения также имеется значительное количество исследований (Бородовский, 1997. С. 119–121; Душенко, 2015. С. 91–95; Петерс, 1986. С. 35–39; Шаманаев, 1997; Ambrosiani, 1981. P. 103-118; Christensen, 1986; Hrnčiarik, 2017. P. 19-27; Hrubý, 1957. S. 187-194; Kaván, 1980; Kromotaroeno, 2015. P. 21-36³; MacGregor, 1985. P. 55-72; Ova, 2021. S. 39-47⁴; Parreño, Soria-Combadiera et al., 2018; Slivka, 1984. S. 377-381; Vitezović, 2016. S. 63-78; Сергеева, 2012).

Подчеркнем, что реконструкция производственных этапов обработки костяного сырья является важным направлением в археологических исследованиях, позволяющим углубить знания о технологической практике различных хронологических периодов. На сегодняшний день специалистами проделана колоссальная работа в этом направлении.

Из изданных материалов мы знаем, как изготавливались односторонние составные расчески и гребни эпохи бронзы, римского времени (Březinová, Hrnčiarik, 2021; Crummy, Henry, 2024. P. 2-3, 14-18, 30-66; Deschler-Erb, 2004. S. 106. Abb. 6; Marković, Stamenković, 2016; Masek, 2016; Opreanu, Lăzărescu, 2022) и средневековья.

Говоря об изготовлении гребней и расчесок эпохи средневековья, выделим работы обобщающего характера (Кондратьева, 2011; Ambrosiani, 1981; MacGregor, Currey, 1983; Smirnova, 2005) и посвященные односторонним наборным расческам (Давидан, 1962. С. 103–108; Кондратьева, 1986; Ashby, 2013a; Callmer, 2003. P. 349-352; Cnotliwy, Słowiński, 2016; Lietha, 1997. S. 10-12⁵; Lindell, 2001; Pil, 2014⁶; van Riel, 2017; Wärmländer, Söderberg, 2019).

Отметим работы по производству цельных односторонних расчесок (Christensen, 1986. S. 115. Fig. 4, 5; Ulrich, 2007. S. 114. Abb. 5), цельных двусторонних гребней (Christensen, 1986. S. 115-116. Fig. 4, 6; Jaworski, 1995; Rijkelijhuizen, 2009. P. 423-426; Stephan, Prilloff, 2017. S. 197-198. Abb. 3) и наборных двухсторонних гребней (Kaván, 1980. S. 294-300. Obr. 9; Christensen, 1986. S. 115. Fig. 4; Riddler, Trzaska-Nartowski, 2013; Sharples, Dennis, 2016).

Изготовление пуговиц из плоских и трубчатых костей животных также становилось предметом изучения (Душенко, 2013; Сергеева, 2008. С. 114–115. Рис. 1, 4:17; Bikić, Vitezović, 2016; Сергеева, 2011. С. 92–95. Рис. 35), есть работы по реконструкции этапов изготовления бус из этого сырья (Khan, 2014; Moreno-García, Pimenta et al., 2010; Spitzers, 2013) и материалы по изготовлению пуговиц и бусин из перламутра (Ktalav, 2015; Märgärit, 2016).

Классические формы отходов производства из плоских и трубчатых костей животных (пластины с высверленными пуговицами или бусами) фигурируют в массиве публикаций (Гончаров, 2024. С. 272. Рис. 2:3; Сон, 2011. С. 309. Рис. 4:1; Chilardi, 2005. P. 376. Fig. 8; Ciugudean, 2001. P. 69; Gróf, Gróh, 2001. P. 285; Jaworski, 2007. S. 515. Ryc. 2; Konczewska, 2011. P. 306. Fig. 1:b; Pimpl, Wirth, 1996. S. 19; Quevedo, Sevastides, 2009; Slivka, 1983. S. 336. Obr. 6; Tomadini, Moizan et al., 2017. Fig. 4).

Литературу по изготовлению игральных кубиков разделим на работы со схемами производства или с результатами реконструкции изготовления изделий (Álvaro, Travé, López, 2017; Čechura, 2008.

³ Kromotaroeno C. Osseous objects of Oegstgeest. A functional analysis of the bone and antler objects of the Early Medieval settlement of Oegstgeest (Nieuw Rhijnegeest-Zuid). Master thesis Archaeology. University of Leiden, Faculty of Archaeology, 2015. 197 p. (In English).

⁴ Ova E. Stratonikeia ve Lagina kemik yapımı küçük buluntular (2008-2019). Yüksek Lisans Tezi. Pamukkale Üniversitesi. Arkeoloji Enstitüsü. Denizli, 2021. 169 s. (In Turkish).

⁵ Lietha E. Ben och hornhantverket vid Bottarve/Nymans i Fröjel Socken. Uppsats Påbyggnadsuppsats i arkeologi. Stockholms Universitet / Högskolan Gotland, 1997. 27 s. (In Swedish).

⁶ Pil N. Comb making activity in Early Medieval Antwerp. Paper submitted to obtain the degree of Bachelor of Art and Archaeology. Vrije Universiteit Brussel. Faculty of Arts and Philosophy, 2014-2015. 75 p. (In English).

S. 60-61. Obr.č. 35⁷; Erath, 1996. S. 6. Abb. 24⁸; Feugère, Picod, 2014) и с заготовками изделий на разных стадиях изготовления (Álvaro, Travé, 2019. P. 332. Fig. 10: a; Klemensen, 2000. S. 38. Fig. 13; Kovač, 2016. P. 155–158. Fig. 7–8).

Упомянем работы, касающиеся изготовления духовых музыкальных инструментов (Atema, 2004; Hein, 2021; Küchelmann, 2010; Oras, 2015⁹; Potengowski, Dalferth et al., 2023; Safa, 2016), иголок для шитья и вязания (Bustamante-Álvarez, Detry, 2019; Emery, 2001. P. 79. Fig. 4; Olsen, 2000), булавок (Bustamante-Álvarez, Detry, 2019. P. 160. Fig. 14; Choyke, 2009. P. 240. Fig. 5; Diakowski, 2014. S. 348. Рyc. 3; Khan, 2014. P. 157. Fig. 7; Lang, 2011. P. 300. Fig. 5), прокол из костей конечностей крупного и мелкого рогатого скота (КРС и МРС) и грифельных костей лошадей (Смирнова, 2000; Buc, Acosta, Muciolio, 2014. P. 17. Fig. 9; Diakowski, 2014. S. 347, 349-350. Рyc. 2, 4-5), роговых ременных разделителей (Richterová, 1996), арбалетных «орехов» (Luik, 2015. P. 99. Fig. 6.9; Maldre, 2001. P. 29. Fig. 10), шахматных фигур (Chapman, 2021; Goret, Talon et al., 2009) и зубных щеток (Котеньков, Пилипенко, Попов, 2022; Rijkelijhuizen, Zeiler, van Dijk, 2024. P. 121. Fig. 6.36).

Детали конской упряжи (Бородовский, 2005; Gackowski, Osipowicz et al., 2024), ложки (Constantine, 2014. P. 72. Fig. 113¹⁰; Rodet-Belarbi, 2018. P. 67-69. Fig. 1-2; Sidéra, 2013), рыболовные крючки (Chaudesaigues-Clausen, 2018), свистящие стрелы (Галютин, 2024) и браслеты (Deschler-Erb,

2005. P. 211. Fig. 12) – об изготовлении этих изделий мы знаем из работ специалистов.

Несмотря на приведенный список, нет специальных работ по производству рукоятей ножей из костей конечностей животных, хотя они часто встречаются в культурном слое памятников.

Подчеркнем, что многие исследователи описывают линейные процессы обработки от исходного сырья к конечному продукту, представляя генерализованный итог и распространяя полученные результаты на обширные пространства. Своеобразной квинтэссенцией высказанной мысли является мнение И.А. Закировой, что изготовление костяных изделий «в общих чертах является одинаковым в разных центрах городского ремесла» (Закирова, 1988. С. 233). Если говорить «в общих чертах» сложно не согласиться с И.А. Закировой, но, как мы попытаемся показать, – даже в черте одного средневекового города можно выявить общие и частные черты, характерные для конкретных комплексов (мастеров или групп мастеров).

Источники и методика исследования. За долгие годы изучения г. Пскова в фондах археологических коллекций ФГБУК ПГОИАХМЗ¹¹ накопилось колоссальное количество артефактов. Нами исследовано 5877 находок из костяного материала с территории 35 раскопов. В ходе работы мы атрибутировали вещи, определяли сырье, делали замеры, фотографирование и описание артефактов, разделяя их на четыре большие группы: законченные формы изделий, заготовки изделий, отходы косторезного ремесла и находки без следов ремесленной обработки или следов использования как орудие. Материал позволяет выстраивать длинные цепочки аналогий и, что важно, цепочки изготовления предметов.

В определение способов обработки костяного сырья лег осмотр находок и визуально определимые следы обработки. Отметим, что одной из ключевых характеристик культурного слоя г. Пскова является хорошая сохранность органических и не органических материалов.

Степень тафономической сохранности артефактов из «кости», опираясь на разработки Е.Е. Антипи-

⁷ Čechura J. Hry v životě středověkého člověka (Pokus o rekonstrukci způsobů trávení volného času ve středověku na příkladu archeologických nálezů pozůstatků deskových her). Diplomová práce. Univerzita Karlova v Praze. Filozofická fakulta. Ústav pro pravěk a ranou dobu dějinnou. 2008. 122 s. (In Czech).

⁸ Erath M. Studien zum mittelalterlichen Knochenschnitzhandwerk. Die Entwicklung eines spezialisierten Handwerks in Konstanz. Inaugural-dissertation zur Erlangung der Doktorwürde, der Philosophischen Fakultäten, der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg im Breisgau. In 3 Bänden, Bd. 3: Abbildungen mit Abbildungsnachweis. Freiburg, 1996. (In German).

⁹ Oras M. Luust vilepillid Eesti arheoloogilises leiumaterjalis. Bakalaureusetöö. Tartu: Tartu Ülikool, Filosoofiateaduskond, Ajaloo ja arheoloogia instituut. 2015. 68 lk. (In Estonian).

¹⁰ Constantine D. Working with Bone, Antler and Horn, 2014. 78 p. Available from: <https://halldorviking.wordpress.com/wp-content/uploads/2013/08/working-with-bone-antler-and-horn-david-constantine-1-4.pdf> (In English) (Accessed: 10.03.2025).

¹¹ Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник».

ной, определяется на 5 баллов. Целая кость или крупный фрагмент с сохранённым поверхностным слоем компакты не демонстрирует признаков естественного разрушения, вызванного деятельностью почвенных организмов. На находках хорошо различимы все следы антропогенного воздействия (Антипина, 2004. С. 13), что делает валидным подход в реконструкции этапов изготовления изделий и обработки исходного сырья.

Из проанализированных артефактов к процессу изготовления рукоятей ножей из длинных костей конечности КРС могут быть отнесены 3862 ед., из них отходы производства – 3755 ед., заготовки разных технологических этапов – 49 ед., законченные формы рукоятей и детали – 58 ед. Разбираемые в публикации находки происходят из 42 коллекций 32 раскопов (рис. 1, табл. 1).

Ограничения исследования. Толщина костяной компакты диафиза и длина диафиза метаподиев КРС позволяет изготавливать изделия разного назначения, при этом многие технологические операции идентичны, что не позволяет однозначно говорить о том, что типичные отходы производства остались в ходе создания рукояти. Однако, как будет показано, в коллекциях присутствуют специ-

фичные отходы, оставшиеся при изготовлении интересующих предметов.

Еще одно ограничение – когда говорится о заготовках изделий, выявленных археологически, зачастую говорят о браке по причине несоблюдения симметрии, сколов в момент обработки и т. д.

Обозначенные ограничения объективны, но отметим, что рукояти ножей делятся на две большие группы по способу монтирования на железное оружие: всадные и накладные. Обе группы делались из различных материалов: дерева, рога, кости или бивня и имеют свои технологические особенности. В работе мы представим только этапы изготовления всадных рукоятей из метаподиев КРС.

Хронологические рамки исследования. По отношению к деревянному костяное сырье прочнее и долговечнее – в использовании это определило популярность рукоятей ножей из диафиза метаподиев КРС. При анализе материалов г. Пскова установлено, что основной массив маркеров производства тяготеет ко второй пол. XV–XVII вв. Вместе с тем не большие серии находок связаны с периодом XI–XII вв., некоторые выявлены в слоях XVIII в.

Общие принципы отбора сырья и пути его поступления. Перед характеристикой процесса изготов-

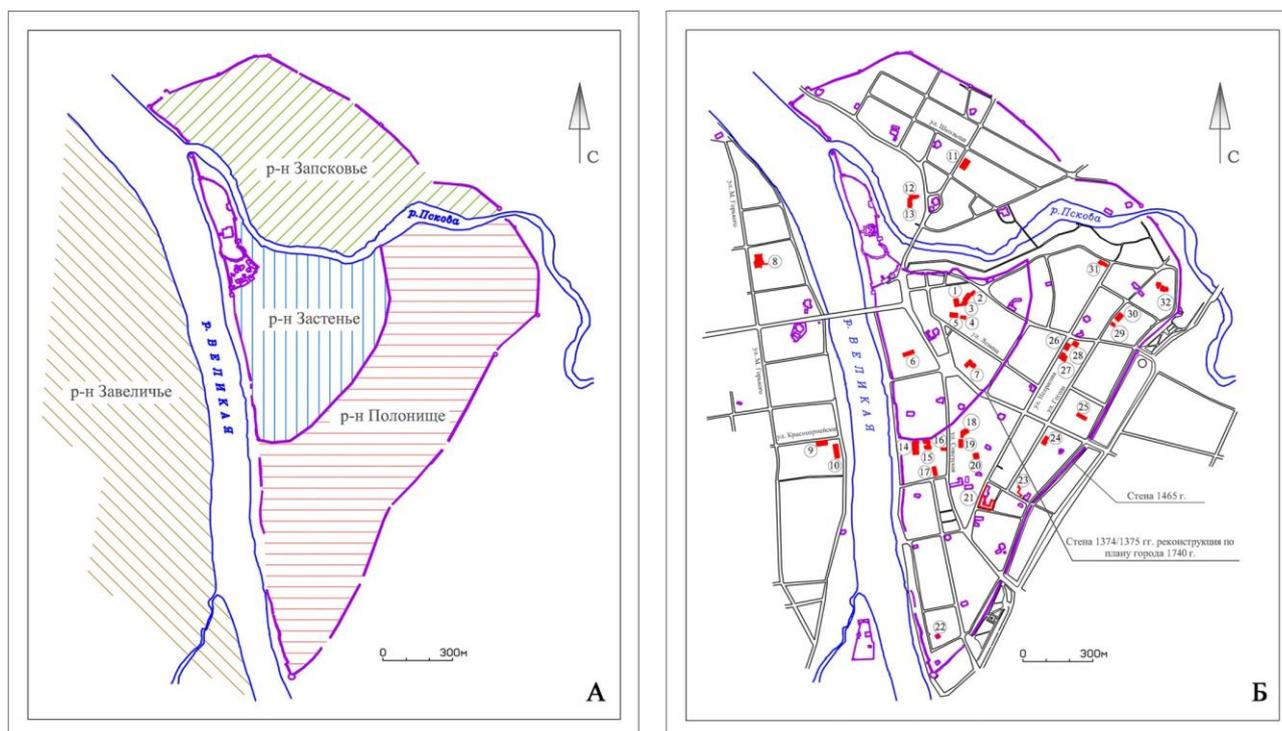

Рис. 1. Карта г. Пскова: А – границы исторических районов г. Пскова; Б – археологические раскопы на топографической карте г. Пскова)

Fig. 1. Map of Pskov: A - boundaries of historical districts of Pskov; B - archaeological excavations on the topographic map of Pskov

**Таблица 1. Дополнение к рис. 1. Археологические коллекции находок, использованные при анализе (№ 1–7 – район Застенье; № 8–10 – район Завеличье; № 11–13 – район Запсковье; № 14–32 – район Полонище)
Table 1. Addendum to Fig. 1. Archaeological collections of finds used in the analysis (No. 1-7 - Zasten'e district; No. 8-10 - Zavelich'e district; No. 11-13 - Zapskov'e district; No. 14-32 - Polonishhe district)**

Раскоп	Шифр раскопа	Год	№КП	Количество артефактов
№ 1. Раскоп на ул. Ленина-ХIII	П-86/87-ПЛ-13	1986-1987	36787; За 1987 г. не принята*	8
№ 2. Раскоп на ул. Ленина-Х	П-86/87/89-ПЛ-10	1986-1987, 1989	36548;36482;36591	12
№ 3. Раскоп на ул. Ленина-ХI	П-86/87/88-ПЛ-11	1986-1989	32890;36552; За 1988/89 гг. не приняты*	13
№ 4. Раскоп на ул. Ленина-IV	П-81/82-ПЛ-4	1981-1982	14022;16017	10
№ 5. Раскоп на ул. Ленина-V	П-83/84-ПЛ-5	1983-1984	28283;35083	3
№ 6. Псковгражданпроект	П-72-ПГПр	1972	8251	1
№ 7. Трупеховский-I	П-98-Тр-1	1998	37402	87
№ 8. Ольгинский-I	П-06-Олг-1	2006	ОПиХАЭК*	2
№ 9. Климентовский-III	П-16-Клим-3	2016	ОПиХАЭК*	3
№ 10. Климентовский-VI	П-17-Клим-6	2017	ОПиХАЭК*	1
№ 11. Богоявленский-XXXIV	П-05-Бог-34	2005	ОПиХАЭК*	2
№ 12. Лубянский-III	П-03-Луб-3	2003	35405	1
№ 13. Лубянский-II	П-03-Луб-2	2003	35471	4
№ 14. Мстиславский-II	П-17-Мст-2	2017	ОПиХАЭК*	4
№ 15. Мстиславский-IV	П-18-Мст-4	2018	ОПиХАЭК*	3439
№ 16. Великоулицкий-I	П-19-Вул-1	2019	ОПиХАЭК*	20
№ 17. Раскоп на ул. Детской	П-83-ПСД	1983	29771	9
№ 18. Васильевский-III	П-04-Вас-3	2004	35291	91
№ 19. Васильевский	П-90-Вас	1990	31056	40
№ 20. Романиха-II	П-75-РГ-2	1975	9052-II	1
№ 21. Паганкины Палаты-V	П-19-ПП-5	2019	ОПиХАЭК*	5
№ 22. Покровский-III	П-01/02-Покр-3	2001-2002	34744;34384	6
№ 23. Раскоп-1 у дома Масон	П-91-Мас	1991	30584	8
№ 24. Раскоп на ул. Гоголя	П-78/79-ПГ	1978-1979	10772;18132	39
№ 25. Октябрьский проспект	П-81-ПО	1981	13620	20
№ 26. Новоторговский-Х	П-11-НТ-10	2011	ОПиХАЭК*	11
№ 27. Новоторговский-VI	П-08-НТ-6	2008	ОПиХАЭК*	3
№ 28. Новоторговский-ХI	П-13-НТ-11	2013	ОПиХАЭК*	4
№ 29. Петровский-ХI	П-09/10-Петр-11	2009-2010	ОПиХАЭК*	4
№ 30. Петровский-VI	П-07-Петр-6	2007	ОПиХАЭК*	3
№ 31. Благовещенский-IV	П-01-Блг-4	2001	35337	2
№ 32. Михайловский-IV	П-96-Мих-4	1996	37469	6

*ОПиХАЭК – Отдел приема и хранения археологических экспедиционных коллекций (коллекции находятся в «фондах временного хранения» и им № КП не присужден).

ления рукоятей уделим внимание сырью. Метаподии КРС – пястные и плюсневые кости относятся к нижней части скелета свободного отдела передней и задней конечностей. Кость состоит из верхнего и нижнего эпифизов и срединной части – диафиза. Диафиз – трубчатая часть кости, практически полностью состоит из плотного вещества – костяной компакты (рис. 2).

Естественная форма диафиза, представляющая собой полую трубку – как будто изначально природой «задумывалась» для изготовления рукоятей. Срастание нижних эпифизов с телом кости метаподия КРС происходит к 3 годам жизни, верхние прирастают почти сразу после рождения (Цалкин, 1970. С. 79–80). Из изученных эпифизов от пястной и

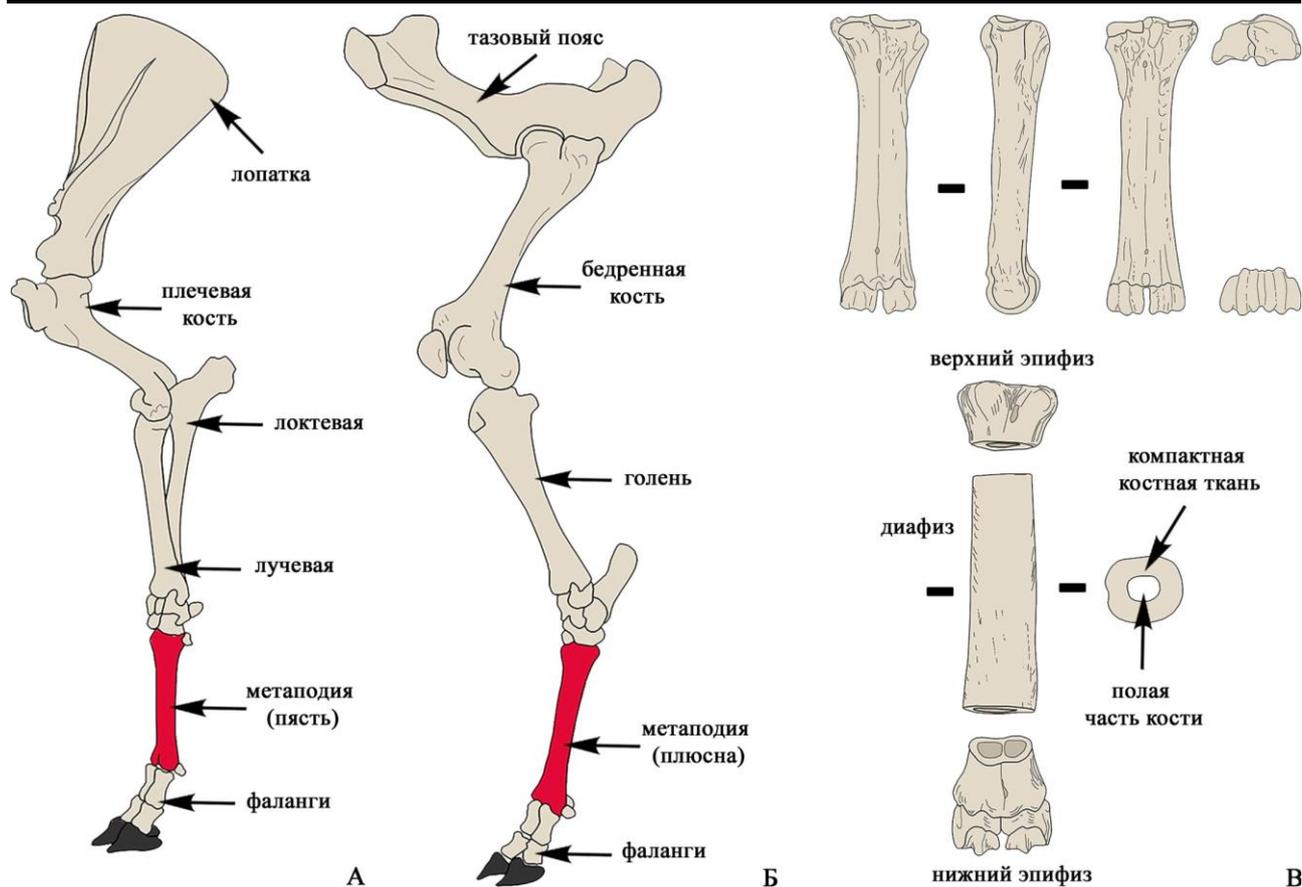

Рис. 2. Скелет свободного отдела конечностей крупного рогатого скота: А – грудная конечность; Б – тазовая конечность; В – строение метаподия крупного рогатого скота
Fig. 2. Skeleton of the free section of the limbs of cattle: A - thoracic limb; B - pelvic limb; C - structure of the metapodium of cattle

плюсневой костей со следами ремесленной обработки: верхних 1427 ед. и нижних 2134 ед. Нижние эпифизы принадлежали особям младше 3-х лет – 642 ед., а 1369 ед. принадлежали особям старше 3-х лет¹². Таким образом, число эпифизов от взрослых особей в два раза превышает полувзрослых. Это означает, что для изделий псковские мастера преимущественно использовали кости взрослых особей, вероятнее всего, забитых на мясо.

Использование метаподия, как основного сырья в ходе изготовления предмета, подчеркивает отбор определенных костей скелета. При разделке туши для употребления мяса возникала возможность целенаправленного отбора определенной кости, нужной в производстве. В литературе достаточно рано зафиксирован факт, что кости животных, употребленных в пищу, подвергались первичной обработке. В момент варки кость обезжиривалась и

отчищалась (Изюмова, 1949. С. 16). Еще раз подчеркнем целенаправленный выбор части скелета животных и устойчивые модели производства из конкретных костей изделий.

Говоря о путях поступления сырья для косторезов, отметим не только факт использования метаподиев КРС, но и массовость выявленных отходов производства и заготовок изделий. В этой связи интересными являются идеи Акселя Кристоферсена. Изучая материалы г. Лунда, он выделил три стадии в развитии средневекового городского косторезного ремесла (Christophersen, 1980)¹³. Идеи, высказанные А. Кристоферсеном, нашли отклик у специалистов и являются признанными. Кратко охарактеризуем выделенные исследователем этапы.

Первый. Характеризуется деятельностью индивидуальных производителей, генерирующих огра-

¹² 123 ед. неопределимы. Столь низкое значение неопределимых находок является хорошим показателем тафономической сохранности коллекций артефактов из «кости».

¹³ Christophersen A. Håndverket i forandring: studier i horn- og beinhåndverkets utvikling i Lund c: a 1000-1350. Acta Archaeologica Lundensia Series prima in 4°. Doktorgradsavhandling: Lunds universitet. Bonn, Lund: Habelt, Gleerup. 1980. 236 s. (In Norwegian).

ниченные и разнообразные по составу отходы, связанные преимущественно с жилищами. Характерно производство изделий в широком ассортименте.

Второй. Характеризуется производством изделий на заказ группой странствующих или домашних ремесленников. Период сопровождается увеличением количества отходов в определённый временной промежуток, не обязательно привязанных к конкретным постройкам. Готовая продукция отличается индивидуальным дизайном.

Третий. Связан с деятельностью профессиональных мастеров, ориентированных на массового анонимного потребителя. Характерна значительная концентрация отходов, накапливавшихся за длительный период, наличие специально оборудованных производственных площадок и специализация на выпуске массовой продукции ограниченного ассортимента. Маркеры производства, как правило, локализуются вблизи городского рынка.

Псковские материалы являются красочной иллюстрацией последнего этапа по А. Кристоферсену.

Если обратиться к карте и местам, где выявлены маркеры производства из метаподиев КРС, то заметим, что площадки в своей массе концентрируются на территории исторического р-на Полонище (рис. 1). Топографическая привязка не является случайностью. Хорошо известно, что после событий 1510 г.¹⁴ на территорию р-на был перенесен торг (названный Новым) (Козюренко, 1994; Подгорная, Салмина, 2013; Полное собрание русских летописей, 2003. С. 96; Салмина, Салмин, Подгорная, 2014; Салмина, Салмин, Подгорная, 2017; Салмина, Салмин, Подгорная, 2019; Чистякова, 1950). На площади Нового Торга находилось два мясных ряда (Сборник Московского архива Министерства Юстиции, 1913. С. 27–28). Кооперация торговцев мясом и косторезов позволяла совершать отбор определенных костей животных и обеспечивала бесперебойную поставку сырья для производства изделий. Естественным следствием стало накопление в культурном слое скоплений отходов и отбракованных заготовок из доступного и массового сырья – метаподиев КРС.

Производство всадных рукоятей из метаподиев КРС. Рукояти из этого сырья отличаются массивностью и длиной. Использовались для больших и

средних по длине ножей. Исходя из производственных алгоритмов изготовления, артефакты разделены на 2 типа:

1. Из диафиза кости конечности КРС со следами ручной обработки.

2. Из диафиза кости конечности КРС со следами обработки на токарном станке.

Важно отметить, что при устойчивых этапах обработки каждого типа рукояток, можно выявить индивидуальные особенности мастеров или групп мастеров, отражающиеся в вариативности подходов к одному этапу производства.

Тип 1. Рукоять из диафиза метаподия КРС со следами ручной обработки. На первом этапе изготовления рукояти из метаподия КРС мастер удалял эпифизы, чтобы остался цилиндр диафиза.

В общей сложности нами изучено 3561 ед. верхних и нижних метаподиальных эпифизов со следами ремесленной обработки. Основу выборки составляют материалы Мстиславского-4 раскопа 2018 г., удаленные эпифизы также обнаружены в коллекциях: Гоголя – 1979 г., Октябрьский проспект1 – 1981 г, Ленина-IV – 1981 г., Васильевский-1, дом Масон – 1991 г., Покровский-3, Петровский-6, Новоторговский-6 и др. (рис. 3А).

Удаление эпифизов – универсальный этап обработки в процессе изготовления изделий и не все они являются маркерами изготовления рукоятей. Для подкрепления тезиса об универсальности этапа обработки и для того, чтобы у читателя сложилось корректное представление о масштабах распространения категории маркеров производства, приведем несколько примеров.

На территории современной России они выявлены в г. Новгороде, кон. XIII–XIV вв. (Смирнова, 1998а. С. 245–246; Смирнова, 1998b. С. 99–100, 108), на территории Пермского Предуралья, Кыласово городище, кон. IX–XIV вв. (Ленц, 2002. С. 219, 223. Рис. 66)¹⁵, на территории Приморья, Новогордеевское селище, VII–X вв. (Лещенко, 2018. С. 178. Рис. 2: 10), Краснодарский край, г. Фанагория, VII–X вв. (Голофаст, Добровольская, 2018. С. 87–88. Рис. 4:11), Крымский полуостров, г. Мангуп, XVI–XVIII вв. (Ду-

¹⁴ После присоединения Псковской республики к формирувавшемуся Московскому царству.

¹⁵ Ленц Г.Т. Косторезное производство в Верхнем Прикамье // Очерки по археологии Пермского Предуралья : учеб. пособие для студентов и аспирантов. Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2002. С. 213–240.

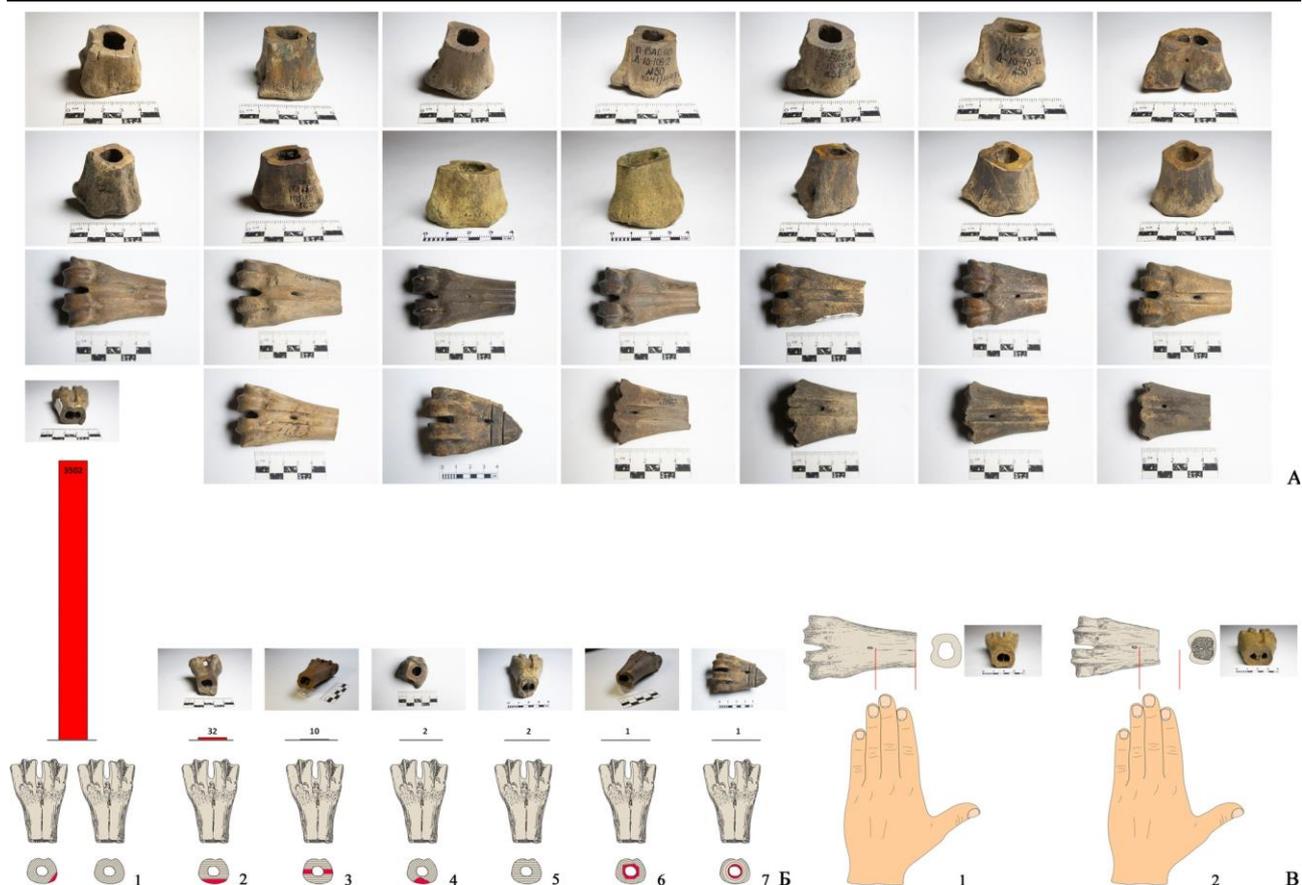

Рис. 3. Удаленные эпифизы крупного рогатого скота: А – удаленные эпифизы крупного рогатого скота (по материалам археологических коллекций г. Пскова); Б – вариативность способов удаления эпифизов метаподия (1 – пиление под углом; 2 – пиление под прямым углом; 3 – последовательное пиление с двух сторон; 4 – пиление под разными углами; 5 – рубка; 6 – пиление по кругу; 7 – круговая резка); В – «правило двух пальцев» (1 – нижний эпифиз крупного рогатого скота, отпиленный с соблюдением «правила двух пальцев»; 2 – нижний эпифиз крупного рогатого скота, отпиленный без соблюдения «правила двух пальцев»)

Fig. 3. Removed epiphyses of cattle: A – removed epiphyses of cattle (based on materials from archaeological collections in Pskov); B – variability of methods for removing metapodium epiphyses (1 - sawing at an angle; 2 - sawing at a right angle; 3 - sequential sawing from both sides; 4 - sawing at different angles; 5 - chopping; 6 - circular sawing; 7 - circular cutting); C – “the two-finger rule” (1 - the lower epiphysis of cattle, sawed off in compliance with the “two-finger rule”; 2 - the lower epiphysis of cattle, sawed off without compliance with the “two-finger rule”)

шенко, 2009. С. 442, 451, 456. Рис. 5:54, 55; Душенко, 2015. С. 77–78, 84. Рис. 5), Республики Татарстан, Билярское городище, X–XIII вв. (Пальцева, Шакиров, 2022. С. 528. Рис. 65:2) и Ростовская обл., г. Азак, XIV в. (Гончаров, 2024. С. 270, 275–276. Рис. 6, 7).

На территории Беларуси: Браславский р-н, Витебской обл., Дрисвяцкий замок, XI–XIII вв. (Мядзведзева, 2002. С. 275, 284. Мал. 4: 8) и г. Минск, IX–XIII вв. (Мядзведзева, 2013. С. 21, 124. Мал. 2: 4).

На территории Украины: г. Киев, X–XIII вв. (Сергеева, 2011. С. 54-55, 172-173, 178, 187. Рис. 11, 12. Табл. 1-2, 7, 16: 2) и в Одесской обл., г. Тира, первые века н. э. (Сон, 2011. С. 299, 307. Рис. 2: 2).

В Балтийском регионе на территории Эстонии:

городище Опея, средний железный век – 1396/1397 г. (Maldre, 2001. P. 19, 21, 28. Fig. 7) и Варбола, XII–XIII вв. (Tamla, Maldre, 2001. P. 372, 378. Fig. 3), Замок Вильянди, XIII–XVI вв. (Naak, Luik, Maldre, 2012. P. 322, 325. Fig. 29:1). Территория Литвы: г. Вильнюс, XIII–XVIII вв. (Luik, Piličiauskienė, Blaževičius, 2019. P. 192-193. Fig. 5: 1-8).

Регион Северной Европы. Финляндия, г. Раума, XVIII в. (Bläuer, Harjula et al., 2019). Швеция: г. Уппакра, ранний железный век (Stjernquist, 1995. P. 105. Fig. 24), г. Нючепинг, 1200–1250 гг. (Karlsson, 2016. S. 142. Fig. 4.11)¹⁶ и г. Уппсала, XIII–XIV вв.

¹⁶ Karlsson J. Spill om djur, hantverk och nätverk i Mälardalen under vikingatid och medeltid. Osteoarkeologiska for-

(Karlsson, 2016. S. 175. Fig. 6.11)¹⁷. Дания: г. Рибе, XII–XIII вв. (Knudsen, 2020. P. 9. Fig. 15).

Восточная Европа. Чехия: г. Зноймо, IX–XII вв. (Hrubý, 1957. S. 171. Obr. 22: 4,5). Польша: г. Вроцлав, XIII–XIV вв. (Buśko, Głowa, 2017. S. 236-239. Рuc. 14; Jaworski, 1995. S. 602, 604. Obr. 2; Konczewska, 2011. P. 305-306. Fig. 1: a). Венгрия: г. Будапешт, XIV–XVI вв. (Choyke, 2009. P. 246. Fig. 7), г. Эстергом, кон. XIII–XV вв. (Gál, 2020. P. 80-81. Fig. 3). Румыния: г. Ульпия Траяна, первые века н. э. (Barbu, 2012. P. 105-106. Fig. 3: 4).

Центральная Европа. Германия: г. Констанц, XIII–XVII вв. (Erath, 1996. S. 19-21¹⁸; Spitzers, 2013. S. 690-692, 920-922. Abb. 13-14) и XV–XVI вв. (Spitzers, 1997. P. 159-160. Fig. 5), г. Бакмберг, XV–XVII вв. (Flatscher, 2013. S. 15-20, 77. Abb. 31)¹⁹, г. Бремен, XIV в. (Küchelmann, 2013. S. 32, 38. Abb. 5: b), г. Штральзунд, кон. XVI в. (Radohs, Ansorge, 2016. S. 145, 170-171. Abb. 20-21). Франция: г. Лемонум (г. Пуатье), кон. III – нач. IV в. (Bertrand, 2008. P. 107-108. Fig. 10: 1).

Южная Европа. Италия: г. Равенна, V–VII вв. (Ferreri, 2020. P. 236. Fig. 13). Испания: г. Севилья, XVIII в. (Moreno-García, Pimenta et al., 2010. P. 184-185. Fig. 3, 5-6), Страна Басков, крепости Мендикута и Ауса, XIII–XIV вв. (Álvaro, Travé, López, 2017. P. 274-278, 285. Fig. 4, 9; Álvaro, Travé, 2019. P. 332. Fig. 10: C), г. Валенсия, VI–I вв. до н. э. (Parreño, Soria-Combadiera et al., 2018. P. 2, 4. Fig. 3: 1), г. Августа

skningslaboratoriet. Institutionen för arkeologi och antikens kultur. Stockholms universitet. Stockholm: US-AB. 2016. 232 s. (In Swedish).

¹⁷ Karlsson J. Spill om djur, hantverk och nätverk i Mälaramrådet under vikingatid och medeltid. Osteoarkeologiska forskningslaboratoriet. Institutionen för arkeologi och antikens kultur. Stockholms universitet. Stockholm: US-AB. 2016. 232 s. (In Swedish).

¹⁸ Erath M. Studien zum mittelalterlichen Knochenschnitzhandwerk. Die Entwicklung eines spezialisierten Handwerks in Konstanz. Inaugural-dissertation zur Erlangung der Doktorwürde, der Philosophischen Fakultäten, der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg im Breisgau. In 3 Bänden, Bd. 1: Abbildungen mit Abbildungsnachweis. Freiburg, 1996. (In German).

¹⁹ Flatscher E. Zwischen Glaube und Laster – Funde und Befunde aus dem Umfeld einer spätmittelalterlichen Knochenschnitzerei Bamberg Am Kranen 14. Masterarbeit im Masterstudiengang Archäologie des Mittelalters und der Neuzeit in der Fakultät Geistes- und Kulturwissenschaften der Otto-Friedrich-Universität Bamberg. 2013. 214 s. (In German).

Эмерита (г. Мерида), первые века н. э. (Bustamante-Álvarez, Detry, 2019). Португалия: г. Лиссабон, XIX в. (Vieira, Casimiro et al., 2019. P. 134-136. Fig. 3, 5).

Англия, г. Лондон, V–XI вв. (Riddler, Trzaska-Nartowski, 2013. P. 75, 77. Fig. 2) и VIII–IX вв. (Killock, Jarrett et al., 2019. P. 5-6, 15-17. Fig. 29)²⁰, г. Хэмвик (г. Саутгемптон), VIII–IX в. (Riddler, Trzaska-Nartowski, 2011. P. 124-125, 127. Fig. 7.3; Riddler, Trzaska-Nartowski, 2016. P. 274, 282. Fig. 08). Шотландия, Валлей в округе Норт-Уист, Западные острова, Бац Мхиц Цоннаин, VII–VIII вв. (Hallén, 1994. P. 196. Ill. 3:3).

А также в Азербайджане (Abbasova, 2016), Израиле, на юго-западном склоне горы Сион в Иерусалиме (Namdar, Sapir-Hen, 2023. Fig. 18) и Китае (Wang, Campbell et al., 2022).

Надеюсь, нам удалось показать читателю масштабность распространения категории находок. Но вернемся к характеристике псковских маркеров производства второй пол. XV–XVII в. Массовость изученных артефактов позволяет говорить о нескольких стратегиях, использовавшихся косторезами. Удаление эпифизов делалось пилой, топором или ножом.

Спиленных эпифизов преобладающее число – 3558 ед. Данное количество из 3561 ед., указывает, что предпочтительным и устоявшимся в среде ремесленников был этот способ. Однако в операции с применением одного инструмента наблюдается несколько техник (рис. 3Б: 1-7): пиление под небольшим углом встречается наиболее часто (3502 ед.), пиление под прямым углом (32 ед.), последовательное пиление с двух сторон под прямым углом (10 ед.), пиление под разными углами (2 ед.), пиление по кругу (1 ед.)²¹.

²⁰ Killock D., Jarrett C., Freestone I., Broadley R., Shepherd J., Jarrett C., Berni Sudds B., Gaimster M., Hayward K., Mould Q., Rielly K., Armitage P.L., Austin P.J., Young D.S., Green C.P., Batchelor C.R., Elias S.A. London's Middle Saxon waterfront: excavations at the Adelphi Building, Westminster // London and Middlesex Archaeological Society Transactions. Vol. 70 (2019): PDF Supplement 70/1. 2019. 75 p. Available from: <https://colat.org.uk/wp-content/uploads/2024/02/LT70-Adelphi-supplement.pdf> (In English) (Accessed: March 10, 2025).

²¹ Способ пиления не установим по причине плохой сохранности места спила у 11 ед. Столь низкое значение неопределимых находок, еще раз подчеркивает, отличную тафономическую сохранность коллекций артефактов из «кости».

Удаление эпифизов в технике рубки или скалывания – 2 ед. (рис. 3Б: 5). Подчеркнем, что в силу сложности атрибуции в полевых условиях, обнаружение всего 2 ед. в коллекциях индивидуальных находок не может отражать реальной частоты использования техники.

Удаление эпифизов в технике круговой резки и надлома – 1 ед. (рис. 3Б: 7).

Представленное преобладание пиления над другими техниками обработки и тотальное преобладание пиления под небольшим углом является показателем традиционности этого способа обработки на территории г. Пскова.

Важным дополнением стало наблюдение, сделанное в ходе натурного обследования артефактов. Было замечено, что преобладающее число нижних эпифизов метаподиев отпилены на расстоянии двух пальцев от дистального канала кости – феномен мы назвали «правилом двух пальцев» (Фисенко, 2022). Выявленный отступ делался, чтобы во внутренней части диафиза не оставалось губчатого вещества и не приходилось дополнительно дорабатывать заго-

товку изделия, вычищая его изнутри (рис. 3В: 1, 2). Но в некоторых случаях, когда для изделия требовалась заготовка определенной длины, косторез игнорировал «правило». Однако, в подавляющем числе оно соблюдалось.

Как показывают заготовки рукоятей, на первом этапе мастера удаляли только один эпифиз. В коллекциях обнаружено 6 ед. заготовок. По 1 сделано на раскопах: Петровский-11, Новоторговский-10, на ул. Гоголя. И 3 ед. на Великоулицком-1 (рис. 4). В вопросе, какой эпифиз удаляли, а какой оставляли, наблюдается неоднородность. Из 6 заготовок у 5 оставлен верхний, у 1 нижний эпифиз.

Второй эпифиз оставлялся для удобства удержания заготовки. После удаления одного из эпифизов происходила первичная формовка диафиза. На этом этапе мастер представлял конечную форму рукояти (круглая, овальная, миндалевидная, прямоугольная, пятиугольная, восьмиугольная), а обработка выполнялась рубкой и строганием ножом. После первичной формовки удалялся второй эпифиз. В коллекциях выявлено 10 удаленных эпифизов со следами пер-

Рис. 4. Заготовки рукоятей ножей из метаподия крупного рогатого скота с удаленным эпифизом и следами первичной формовки диафиза

Fig. 4. Blanks for knife handles from cattle metapodium with removed epiphysis and traces of primary shaping of the diaphysis

вичной формовки диафиза. Артефакты относятся к отходам изготовления рукоятей ножей.

Интересно, что аналогичные эпифизы со следами формовки диафиза редко, но встречаются в литературе. Маркеры производства встречены в Украине, г. Тира (г. Белгород-Днестровский) (Сон, 2011. С. 307. Рис. 2: 2), Литве г. Вильнюс (Luik, Piličiauskienė, Blaževičius, 2019. P. 193. Fig. 5: 6-8), Швеции г. Уппакра (Stjernquist, 1995. P. 105. Fig. 24), Венгрии г. Будапешт (Choyke, 2009. P. 237. Fig. 1) и Англии г. Лондон (Yeomans, 2006. P. 145. Fig. 6.20)²² (рис. 5).

После первичной формовки и удаления второго эпифиза обработанный диафиз отпиливался до нужной длины (рис. 6). В коллекциях присутствуют отфор-

мованные и с двух сторон спиленные муфты. В дальнейшем отходы производства могли использоваться для изготовления болстеров/обоймиц (рис. 7А, Б).

В дополнение отметим, что аналогичные отходы производства обнаружены на Украине, г. Киев (Сергеева, 2011. С. 187. Табл. 16: 3), Литве, г. Вильнюс (Luik, Piličiauskienė, Blaževičius, 2019. P. 193. Fig. 5: 9), Дании, г. Риббе (Knudsen, 2020. P. 9. Fig. 15), Венгрии, г. Будапешт (Choyke, 2009. P. 241. Fig. 6), Румынии, недалеко от г. Констанц (Beldiman, Bottez et al., 2018. P. 185. Fig. 17), Хорватии г. Мурса (Kovač, 2016. P. 157. Fig. 6), Германии, г. Штральзунд (Radohs, Ansorge, 2016. S. 170. Abb. 20), Франции, г. Лемонум (Bertrand, 2008. P. 111. Fig. 13-14), Ита-

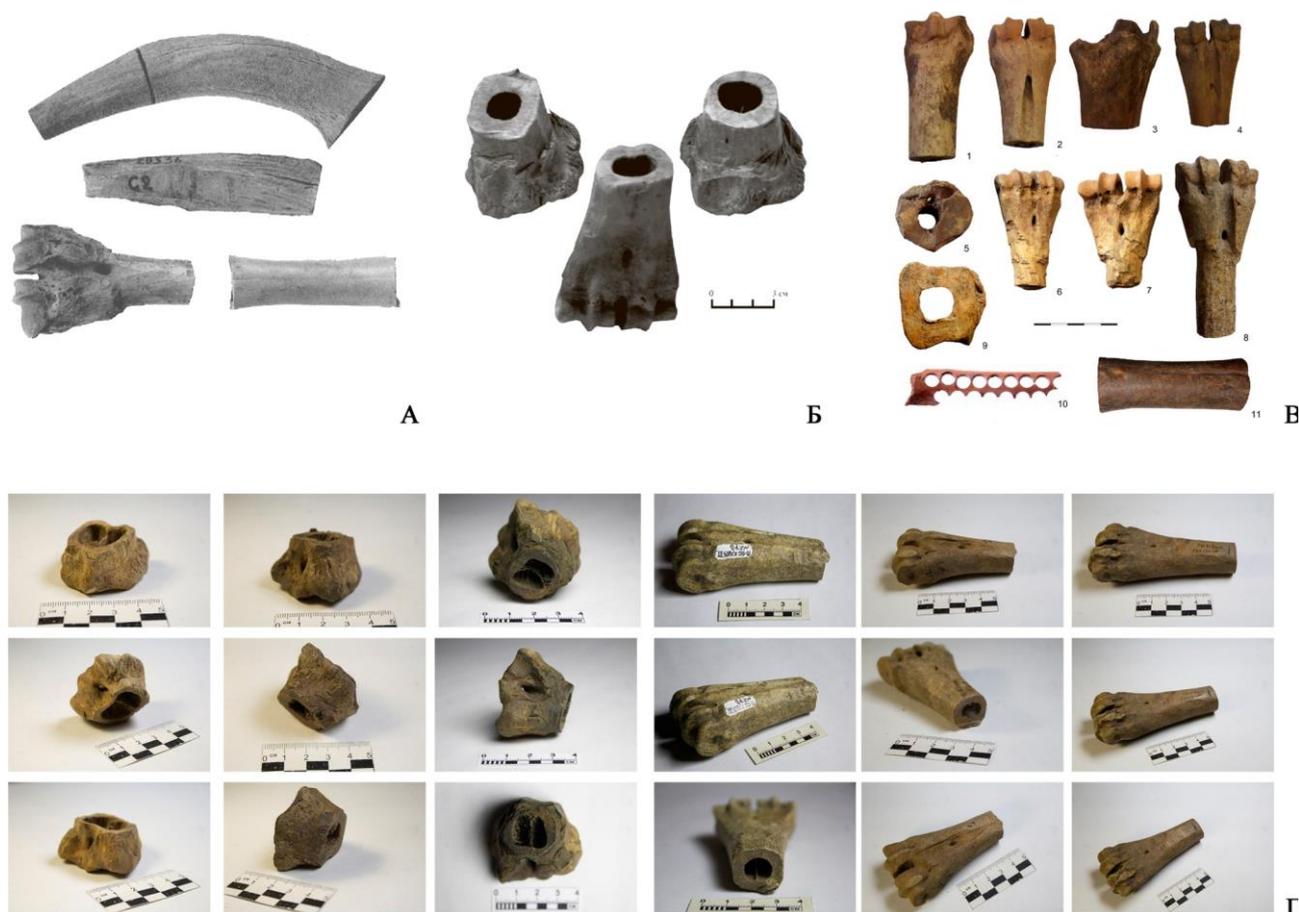

Рис. 5. Удаленные эпифизы метаподия крупного рогатого скота со следами формовки диафиза: А – Швеция, г. Уппакра по: Stjernquist, 1995. P. 105. Fig. 24; Б – Украина, Одесская обл., г. Тира по: Сон, 2011. С. 307. Рис. 2: 2; В – Литва, г. Вильнюс по: Luik, Piličiauskienė, Blaževičius, 2019. P. 193. Fig. 5: 6-8; Г – по материалам археологических коллекций г. Пскова
Fig. 5. Removed epiphyses of the metapodium of cattle with traces of diaphysis formation: A - Sweden, Uppåkra city according to: Stjernquist, 1995. P. 105. Fig. 24; B - Ukraine, Odessa region, Tira city according to: Son, 2011. P. 307. Fig. 2: 2; C - Lithuania, Vilnius city according to: Luik, Piličiauskienė, Blaževičius, 2019. P. 193. Fig. 5: 6-8; D - based on materials from archaeological collections in Pskov

²² Yeomans L.M. A zooarchaeological and historical study of the animal product based industries operating in London during the post-medieval period. Institute of Archaeology, University College London. PhD Thesis, 2006. 381 p. (In English).

Рис. 6. Диафиз метаподия крупного рогатого скота со следами формовки и удаленными эпифизами
Fig. 6. Diaphysis of a cattle metapodium with traces of surface molding and removed epiphyses

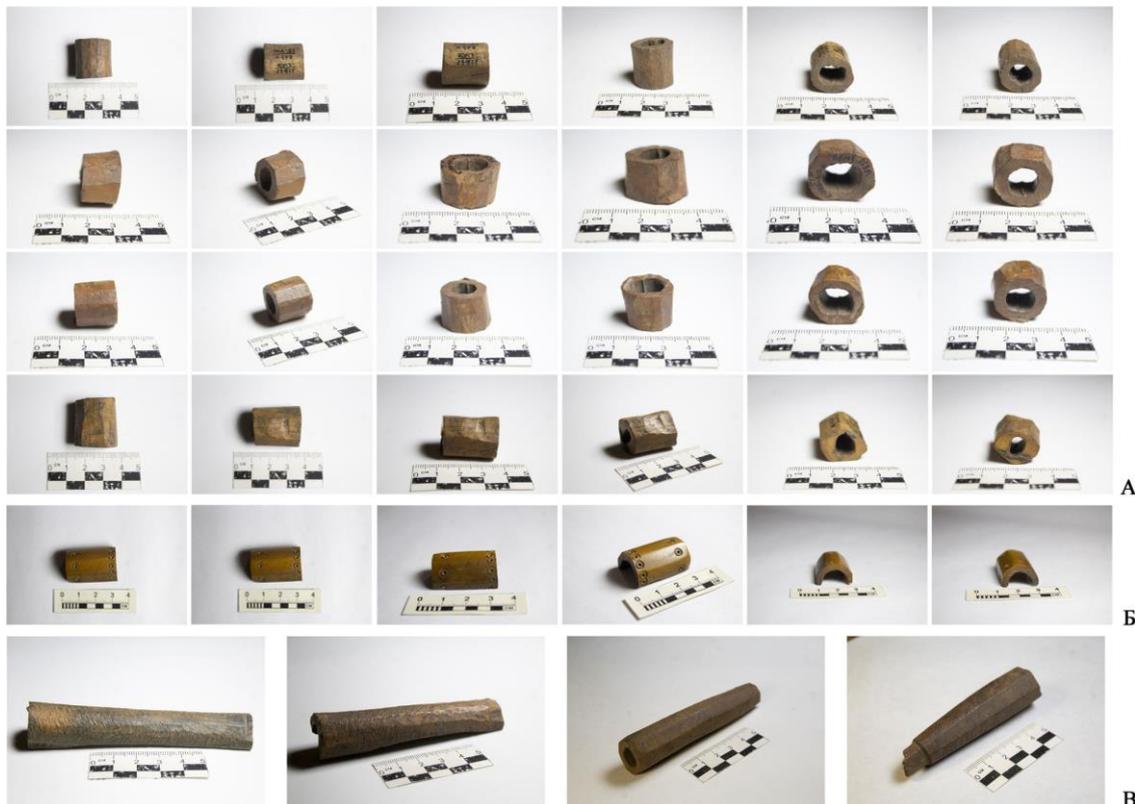

Рис. 7. Отформованные и с двух сторон спиленные муфты из диафиза метаподия крупного рогатого скота и заготовки рукоятей ножей со следами пропиловки: А – отходы производства, которые могли быть использованы как заготовка изделия; Б – законченная форма изделия: болстер/обоймица; В – заготовки рукоятей ножей со следами пропиловки
Fig. 7. Formed and sawn-off on both sides couplings from the diaphysis of cattle metapodium and blanks for knife handles with traces of grooves on the surface of the bone left by the saw: A - production waste that could be used as a product blank; B - finished product form: ring-shaped gaskets; C - blanks of knife handles with traces of grooves on the surface of the bone left by the saw

лии, г. Сиракузы (Chilardi, 2005. P. 375. Fig. 7), Азербайджане (Abbasova, 2016. S. 92. Şək. 1: 2) и Израиле, г. Иерусалим (Namdar, Sapir-Hen, 2023. Fig. 16).

На следующем этапе продолжалась формовка рукояти, но уже тщательнее. На этой фазе удалось выделить еще одну специфичную технику средневековых косторезов – получила название пропиловка. Ее суть заключается в том, что с помощью пилы наносились неглубокие пропилы, которые придавали рукояти нужную форму (рис. 7В). Затем следы грубой обработки и пропиловки удалялись мелким абразивом. Также формировались углубления для установки навершия или тыльника в задней части рукояти и для обоймицы в передней. Углубления выполнялись в технике резки и строгания ножом.

Перед финальной сборкой на рукоять наносился орнамент (если подразумевалось) (рис. 8).

В отношении фиксации рукоятей на хвостовике ножа отметим находку из схожего по физическим характеристикам материала – диафиза кости МРС.

Находка сделана на раскопе Ленинский-10 в 1987 г. (рис. 8А). Экземпляр представляет собой полностью собранный нож. Его общая длина – 126,99 мм; длина рукояти – 68,91 мм; диаметр рукояти варьируется от 14,00 до 10,21 мм. Рукоять с узкой стороны овальная в сечении, с другой – прямоугольная. По обеим торцевым сторонам наблюдаются следы пиления, выполненные под прямым углом – следы удаления эпифизов. Поверхность изделия покрыта многочисленными следами строгания ножом – следы формовки. В тыльной части скол, на сколе следы вычипки (резки и подстругивания, сглаживания углов скола), а в передней части оформлен спуск (углубление), выполненный в технике резки ножом. Спуск предназначен для обмотки проволокой. Нож фиксируется в рукояти с помощью двух деревянных клинышков, вбитых в пустотелую часть диафиза.

Как свидетельствуют артефакты, на рукояти могли делаться углубления для хомутка или обтяжки. Выделим два варианта хомутов/обтяжек в пе-

Рис. 8. Законченные формы рукоятей ножей из диафиза метаподия: А – раскоп Ленинский-10, 1987 г.; Б – раскоп Лубянский-3, 2003 г.; В – раскоп Новоторговский-10, 2011 г.; Г – раскоп на ул. Детской, 1983 г.; Д – раскоп на площади Ленина-11, 1986 г.; Е – раскоп Лубянский-3, 2003 г.

Fig. 8. Completed forms of knife handles from the diaphysis of the metapodium: A - Leninsky-10 excavation, 1987; B - Lubjanskij-3 excavation, 2003; V - Novotorgovskij-10 excavation, 2011; G - excavation on Detskaya Street, 1983; D - excavation on Lenin Square-11, 1986; E - Lubjanskij-3 excavation, 2003

редней части рукояти: из листового цветного металла и из проволоки (рис. 9). Альтернативным подходом изготовления рукояти такого типа является рукоять с тыльником из листового цв. металла в задней части рукояти и обтяжкой из цв. металла в передней (рис. 10).

Тип 2. Диафиз метаподия КРС со следами обработки на токарном станке. Приступая к анализу производственных нюансов изготовления с применением токарного станка, заметим, что за последние годы по теме использования токарного станка при изготовлении рукоятей ножей на территории средневековой Руси²³ были изданы две публикации (Миненко, Разумов, 2019; Миненко, Горлов, Разумов, 2022). В работах рассмотрен контекст находок, приведены итоги археозоологического определения маркеров производства, проанализирована орнаментация изделий и в общем виде представлены «устойчивые приемы обработки» (Миненко, Разумов, 2019. С. 164). Сырьем для рукоятей являлись длинные кости конечностей животных. Авторы так реконструируют этапы изготовления рукоятей:

1. Выбор кости (преимущественно плюсовые и пястные кости животных).
2. Снятие ножом с кости «щепы первичного стесывания».
3. Отпиливание эпифизов кости пилой или ножом.
4. Удаление из полой части диафиза губчатого вещества.
5. Обработка заготовки на токарном станке.
6. Орнаментация.

Относительно г. Пскова отметим, что маркеры производства выявлены в комплексах 2-й пол. XV–XVII в. и являются хронологически синхронными г. Смоленску. Начнем с дискуссионного вопроса атрибуции. Уточним, что наша цель не заключается в решении вопроса, поскольку он требует отдельного глубокого анализа. Мы сосредоточимся на модели обработки, связанной с созданием предметов. Артефакты представляют собой диафизы метаподиев КРС, формованные под усеченный конус с применением токарного станка. В документации и описаниях коллекций им присваиваются разные названия: игольники, футляры для трута, рукояти или привесы на кисть тканого пояса – «накосники».

В коллекциях имеются заготовки разных этапов изготовления изделий, отходы производства, оставшиеся в момент изготовления предметов, и законченные формы изделий со следами активного использования (глянца на поверхности и следами глубокой стертости орнамента). Интересно, что аналогичные изделия определены в г. Смоленске как рукояти орудий, но в псковском археологическом нарративе нет единства относительно атрибуции изделий. Несмотря на ряд возможных функциональных определений, подчеркнем, что морфологически схожие артефакты могут использоваться по-разному. Следы производства футляров/рукоятей найдены в комплексах, где отмечены маркеры изготовления рукоятей ножей. Целостную картину производства изделий нам предоставляют материалы Трупеховского-1 и Васильевского-3 раскопов.

Обратимся к технологическим этапам изготовления (рис. 11А). На первом этапе косторез удалял верхний и нижний эпифизы. Если мастер соблюдал упоминавшееся «правило двух пальцев», то ему не надо было дополнительно дорабатывать полую часть диафиза – вычищать ее от внутренней губчатой структуры. В коллекциях есть серия диафизов с удаленными эпифизами. Причем выделяются диафизы, которые не требовали дополнительной обработки внутренней полой части (рис. 11Б) и которые необходимо дополнительно обрабатывать (рис. 11В).

Следующий этап заключался в первичной формовке диафиза путем рубки и строгания для скругления поверхности диафиза. После доработка происходила на токарном станке.

Отметим, что на площадях Трупеховского-1 и Васильевского-3 раскопов обнаружено 155 ед. производственных отходов, связанных с обработкой диафиза метаподия КРС на токарном станке. Отходы получались в процессе подгонки диафиза до нужной длины. Аналогичные находки также зафиксированы на площадях Покровского-3 раскопа, у дома Масон, Петровского-11, на ул. Гоголя, на Октябрьском проспекте и др. (общая численность 180 ед.). Обнаруженные артефакты имеют форму шайб или цилиндров. По технике обработки группируются следующим образом: с обеих сторон обработанные на токарном станке (3 ед.), с одной стороны отрублены косым ударом, с другой – сточены на токарном станке (84 ед.) и шайбы, где одна сторона спилена, а другая – обработана на токарном станке (93 ед.).

²³ Г. Смоленск, XVI–XVII вв.

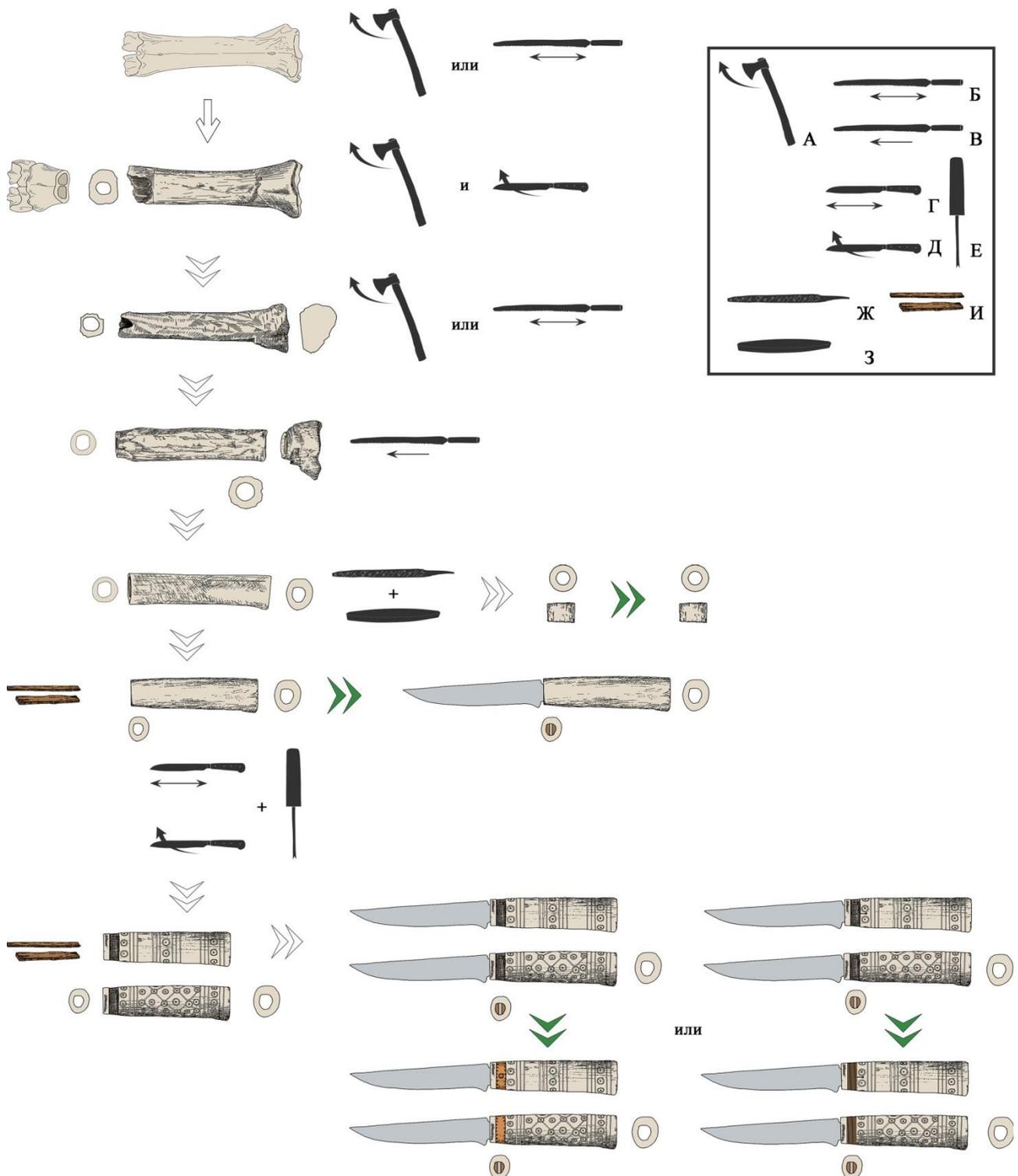

Рис. 9. Реконструкция этапов производства рукоятей ножей из диафиза метаподия крупного рогатого скота путем ручной обработки: А – топор (рубка); Б – пила (пиление); В – пила (пропиловка); Г – нож (резка); Д – нож (строгание); Е – резец для нанесения циркульного орнамента; Ж – напильник; З – каменный абразив; И – деревянные клинышки
Fig. 9. Reconstruction of the stages of production of knife handles from the diaphysis of cattle metapodium by manual processing: A - axe (chopping); B - saw (sawing); C - saw (grooves on the surface of the bone left by the saw); D - knife (cutting); E - knife (planing); F - cutter for applying circle ornament; G - file; H - stone abrasive; I - wooden wedges

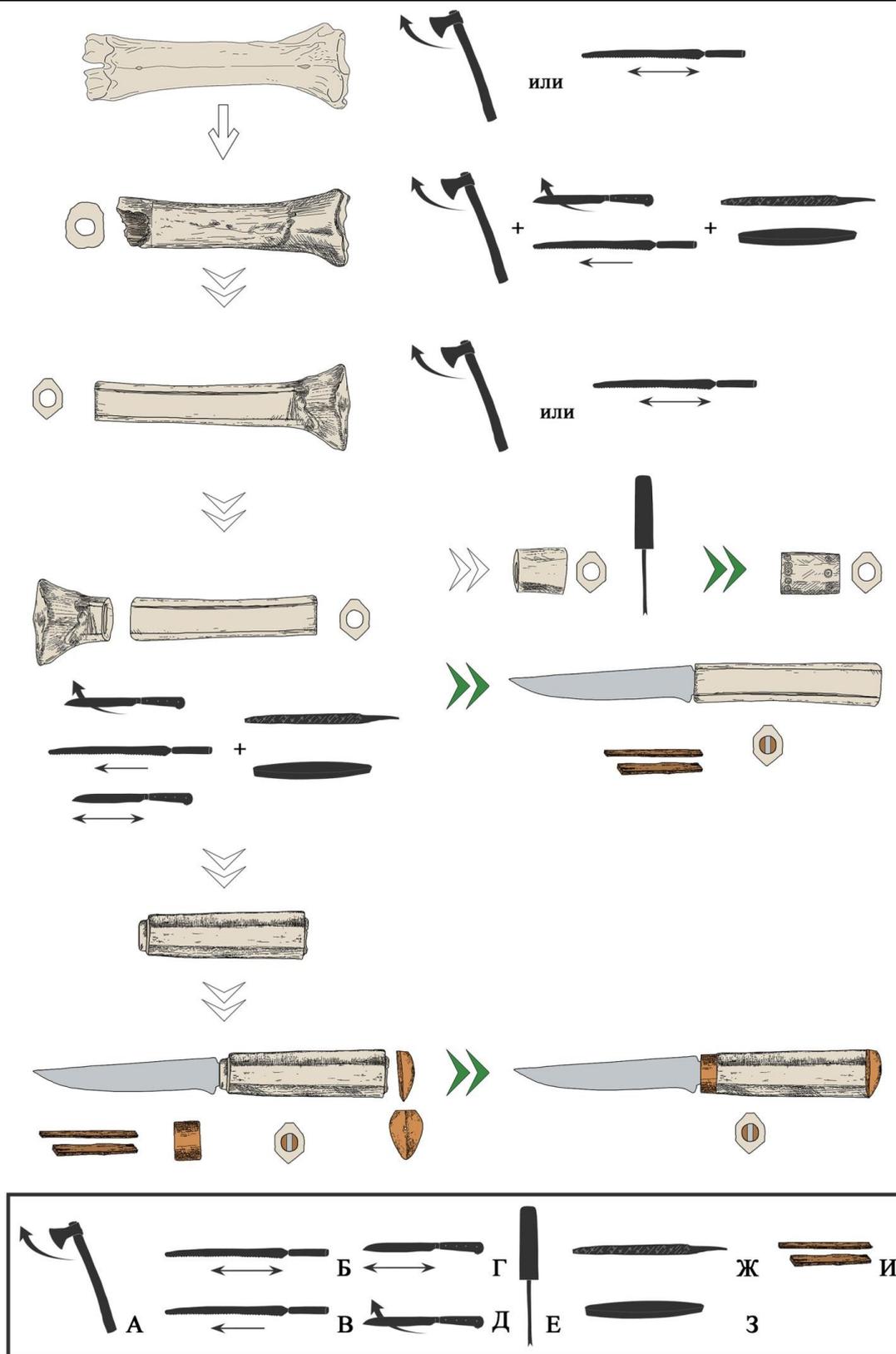

Рис. 10. Реконструкция альтернативного способа изготовления рукояти ножа из диафиза метаподия крупного рогатого скота путем ручной обработки с тыльником и обтяжкой: А – топор (рубка); Б – пила (пиление); В – пила (пропиловка); Г – нож (резка); Д – нож (строгание); Е – резец для нанесения циркульного орнамента; Ж – напильник; З – каменный абразив; И – деревянные клинышки

Fig. 10. Reconstruction of an alternative method of manufacturing a knife handle from the diaphysis of a cattle metapodium by manual processing with a pommel and a tie: A - axe (chopping); B - saw (sawing); C - saw (grooves on the surface of the bone left by the saw); D - knife (cutting); E - knife (planing); F - cutter for applying circle ornament; G - file; H - stone abrasive; I - wooden wedges

Рис. 11. Диафизы метаподия крупного рогатого скота с удаленными эпифизами: А – Полный производственный цикл изготовления футляров/рукоятей на токарном станке по материалам археологической коллекции Васильевского-3 раскопа; Б – диафизы, не требующие дополнительной обработки внутренней части; В – диафизы, требующие дополнительной обработки внутренней части

Fig. 11. Diaphyses of cattle metapodium with removed epiphyses: A - The complete production cycle of making cases/handles on a lathe (based on materials from the archaeological collection of the Vasil'evskogo-3 excavation); B - diaphyses that do not require additional processing of the inner part; C - diaphyses that require additional processing of the inner part

Относительно двух массовых групп скажем, что на сегодняшний день зафиксированы локальные скопления категорий находок на упоминавшихся раскопах: Трупеховском-1 и Васильевском-3. Причем в коллекции Трупеховского-1 исключительно отрубленные с одной торцевой стороны (83 ед.) (рис. 12А), а Васильевского-3 с одной торцевой стороны спилены (67 ед.) (рис. 12Б). Наблюдение представляется важным, поскольку в очередной раз иллюстрирует разные стратегии, как минимум, двух производителей к одной технологической операции.

В будущем отходы производства, подобно упоминавшимся муфтам, могли использоваться для создания болстеров или обоймиц на рукояти ножей. В связи с использованием производственных остатков отметим две находки, обнаруженные в раскопах на улице Гоголя в 1979 г. и на Васильевском-1.

Находки имеют много общего и представляют собой шайбы из диафиза метаподия КРС: одна сторона спилена, а другая обработана на токарном станке. В находке с улицы Гоголя петля выполнена из двух соединённых между собой пластин цветного металла и шайбой, в то время как находка с Васильевского-1 состоит из шайбы, прикреплённой к кожаному шнуру (рис. 12В, Г).

По нашему предположению находки являются «шаблонами», которыми пользовались для определения необходимой длины, при изготовлении обоймиц, определения толщины законченной формы изделия или в процессе нанесения каннелированного орнамента на токарном станке.

Несмотря на неоднозначность атрибуции футляров/рукоятей представленная схема изготовления актуальна и для рукоятей ножей, отдельных деталей рукоятей, не вызывающих сомнения (рис. 13; 14).

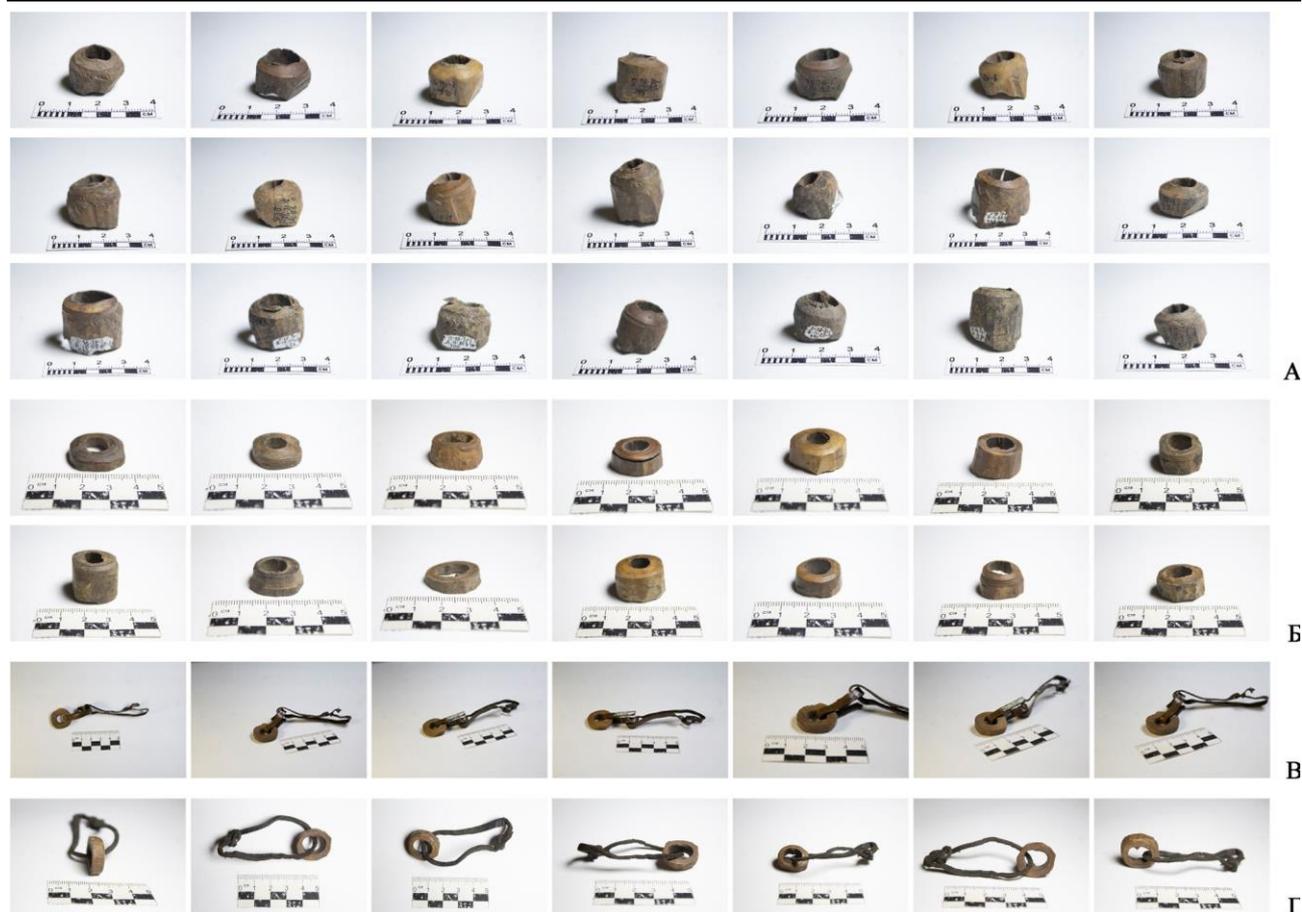

Рис. 12. Отходы производства изделий из диафиза метаподия крупного рогатого скота на токарном станке и производственные «шаблоны»: А – раскоп Трупеховский-1; Б – раскоп Васильевский-3; В – раскоп на ул. Гоголя, 1979 г.; Г – раскоп Васильевский-1, 1990 г.

Fig. 12. Waste from the production of products from the diaphysis of cattle metapodium on a lathe and production “templates”: A - Truphevskij-1 excavation; B - Vasil'evskij-3 excavation; C - excavation on Gogolya Street, 1979; D - Vasil'evskij-1 excavation, 1990

Что можно сказать об общих и особенных (местных) чертах в производстве рукоятей в синхронных слоях г. Пскова и г. Смоленска? В общем, традиции характеризуются по И.А. Закировой – процесс изготовления костяных изделий «является одинаковым в разных центрах городского ремесла». Тем не менее нам удалось показать, что в ходе анализа артефактов выявляются и различия, уникальные техники, присущие конкретным производственным площадкам.

К вопросу об специализированных инструментах обработки костяного материала. Согласно представленным схемам изготовления двух типов рукоятей ножей, псковские косторезы использовали топоры, ножи, пилы, абразивы, токарный станок – инструменты универсального характера. Однако при универсальности инструментов кость животного по своим физическим и механическим свойствам отличается от мягкой древесины. По меткому замечанию

Б.А. Рыбакова «кость» требовала от мастера «большей изощренности» (Рыбаков, 1948. С. 413).

Про узкоспециализированный инструментарий косторезов говорить не приходится, но про приспособления, которыми они пользовались при обработке костей конечностей животных, информация есть.

В коллекциях раскопов, где выявлены следы ремесленной обработки животной кости, встречается однотипная категория находок – метаподий КРС со специфически обработанным диафизом (обнаружено 8 ед.). Это кости конечностей КРС, у которых в нижней части с двух сторон подрублены эпифизы для выравнивания поверхности кости и устойчивости. На лицевой стороне имеют рабочую часть, представленную ошлифованным полукруглым углублением или углублением, выполненным рубкой. Устройство использовалось для отпиливания эпифизов и обработки диафиза кости в ходе производства изделия (рис. 15).

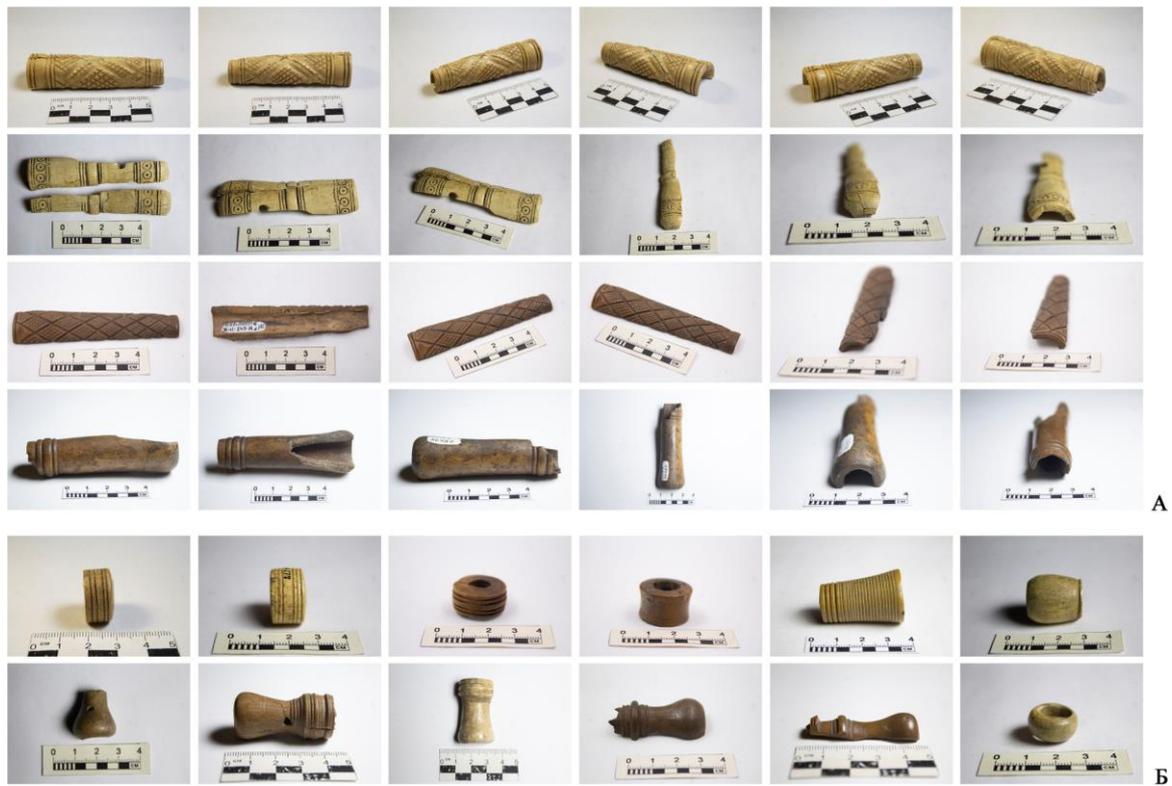

Рис. 13. Законченные формы рукоятей ножей и их деталей из диафиза метаподия крупного рогатого скота выполненные на токарном станке: А – рукояти ножей; Б – детали

Fig. 13. Finished forms of knife handles and their details from the diaphysis of cattle metapodium made on a lathe: A - knife handles; B - details

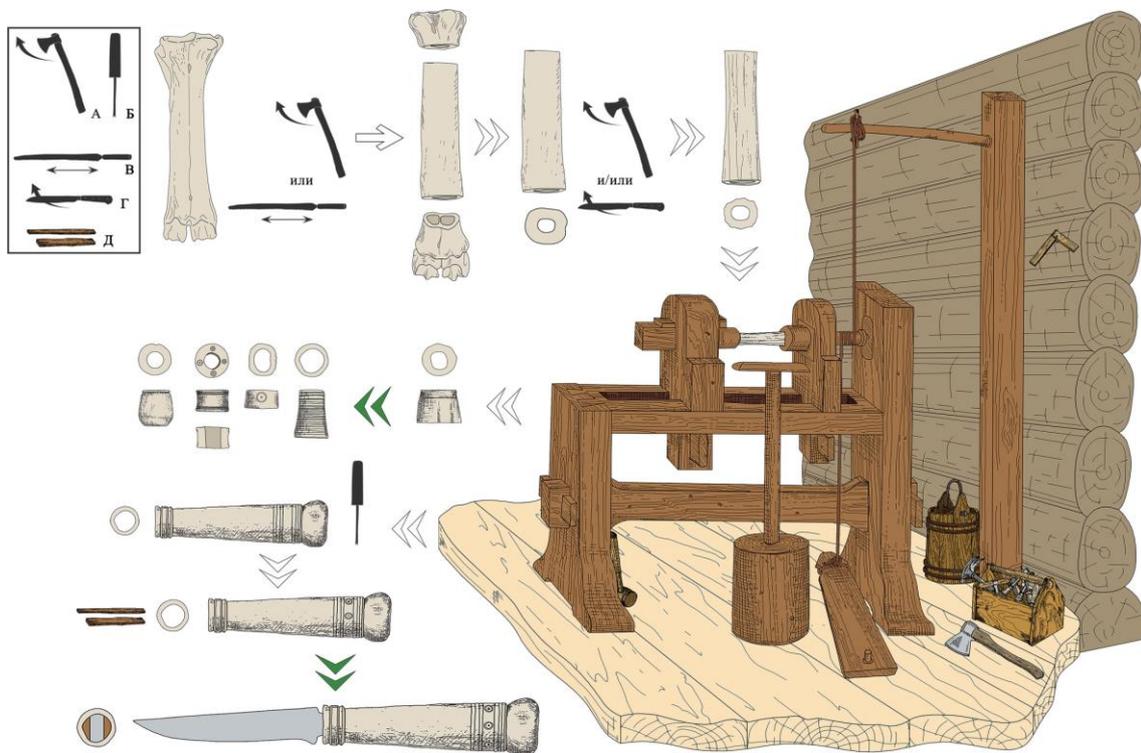

Рис. 14. Реконструкция этапов производства рукоятей ножей из диафиза метаподия крупного рогатого скота с применением токарного станка: А – топор (рубка); Б – резец для нанесения циркульного орнамента; В – пила (пиление); Г – нож (строгание); Д – деревянные клинышки

Fig. 14 Reconstruction of the stages of production of knife handles from the diaphysis of cattle metapodium using a lathe: A - axe (chopping); B - cutter for applying circle ornament; C - saw (sawing); D - knife (planing); E - wooden wedges

Рис. 15. Приспособления для обработки костяного материала: А – раскоп 1 у дома Масон, 1991 г.; Б – раскоп Петровский-6, 2007 г.; В – раскоп Благовещенский-4, 2001 г.; Г – раскоп на ул. Гоголя, 1979 г.; Д – раскоп на ул. Гоголя, 1978 г.; Е – раскоп Новоторговский-10, 2010 г.; Е – г. Констанц по: Erath, 1996. S. 19. Taf. 11: C

Fig. 15. Devices for processing bone material: A - excavation 1 near the Mason house, 1991; B - Petrovskij-6 excavation, 2007; B - Blagoveshenskij-4 excavation, 2001; G - excavation on Gogolya Street, 1979; D - excavation on Gogolya Street, 1978; E - Novotorgovskij-10 excavation, 2010; E - Constance city, according to: Erath, 1996. S. 19. Taf. 11: C

Интерес вызывает типовая форма инвентаря. Отметим находку приспособления, сделанную на раскопе 1 у дома Масон 1991 г. (рис. 15А). Мастер после изготовления полукруглого углубления дополнил орудие еще одним. Здесь, предположим, что сточенная и глубокая выемка использовалась для удаления эпифизов способом пиления, а вырубленная и менее глубокая – для последующей обработки диафиза. Также отметим находку с раскопа на улице Гоголя 1978 г. (рис. 15Д). Для изготовления приспособления вторично использовано изделие законченной формы – конек. С одной стороны, зашлифованная прямая поверхность – рабочая часть конька (на поверхности царапины и бороздки от использования конька). По краям у основания нижнего эпифиза два сквозных отверстия для подвешивания шнурков. С противоположной стороны от рабочей части – полукруглые углубления, которых нет у коньков, но есть у специальных приспособлений.

Дополним, что нам удалось в опубликованных материалах найти прямую аналогию орудиям. Марианна Эрат определила выявленный в г. Констанце артефакт как «устройство неизвестного назначения» (Erath, 1996. S. 19. Taf. 11: C)²⁴. К сожалению, в работе отсутствуют датировки артефакта и прорисовка нехорошего качества, но морфология узнаваема (рис. 15Ж).

В свете выявленных устройств интерес вызывает находка, сделанная на площади Новоторговского-10 раскопа (рис. 15Е). Она отличается по внешнему виду и исходному сырью, но функцио-

²⁴ Erath M. Studien zum mittelalterlichen Knochenschnitzerhandwerk. Die Entwicklung eines spezialisierten Handwerks in Konstanz. Inaugural-dissertation zur Erlangung der Doktorwürde, der Philosophischen Fakultäten, der Albert-Ludwigs-Universität zu Freiburg im Breisgau. In 3 Bänden, Bd. 3: Abbildungen mit Abbildungsnachweis. Freiburg, 1996. (In German).

нально идентична разобранным приспособлениям. Это тот же держатель при пилении, но изготовленный из ствола плотного рога оленя: имеет форму трапеции, на боковой части – необработанный фрагмент черепа животного, на всех сторонах множественные следы рубки – следы формовки. Стороны с глянцем и следами стертости – следы активного использования. В верхней части выточено углубление – рабочая часть.

В заключение скажем, что обработка костяного материала – консервативное направление в деятельности человека. Многие принципы и модели производства не менялись на протяжении долгих хронологических периодов. Так изготовление сложносоставных гребней/расчесок в общем виде не менялось со времени античности до средневековья, то же можно сказать об игральных кубиках, иглолках для шитья и вязания, проколках и др. предметах.

Зачастую исследователи сосредотачиваются на вопросе выделения общего и редко уделяют внимание частностям, что ведет к чрезмерному обобщению. В вопросах средневекового и более раннего производства нельзя забывать, что изучается не мануфактурная или заводская организация, а ручной, подчас кустарный, промысел, отражающийся в уникальных, характерных для конкретного костореза или группы мастеров, чертах.

Археологический источник – отходы производства и заготовки несут в себе значительную информацию не только о создании конкретного изделия, но и являются воплощением мышления и представлением о мыслеформе средневекового человека.

Последовательность технологических операций – это не только и не сколько технический предмет исследования, а живой источник (со своими ограничениями), позволяющий сделать попытку понять средневекового человека, как он мыслил, как воплощал в жизнь устойчивые, архетипические, понятные населению образы предметов, отвечавших потребностям жителей и их эстетическим предпочтениям.

Средневековые артефакты из животной кости позволяют не только осуществить реконструкцию производственных этапов обработки сырья в ходе создания сложных, требовавших постепенного, многоступенчатого подхода изделий, но и определить организацию производства, принципы отбора сырья, связь разных социальных групп – ремесленников и торговцев мясом, принципы утилизации массовых

отходов производства из костяного сырья, использовавшиеся для благоустройства улиц и другие хозяйственные и социальные аспекты жизни средневекового города (Фисенко, 2021; Фисенко, 2022; Фисенко, 2023а; Фисенко, 2023b; Фисенко, 2024).

Заключение. Заканчивая публикацию, заострим внимание читателя на двух находках, сделанных в исторических р-нах г. Пскова – Запсковье и Застенье (рис. 8Д, Е). Два р-на города, разделенные р. Псковой, две похожие рукоятки ножей работы одного мастера. Обе рукоятки миндалевидные в сечении и с почти идентичной орнаментацией.

Находки иллюстрируют, что рукояти относятся к одной партии, то есть косторез за один производственный цикл изготовил группу идентичных рукоятей ножей под реализацию. Но при сходстве две находки показывают гибкость подходов мастера. У рукояти с территории р-на Запсковье в месте входа хвостовика ножа в рукоять выбрано углубление для обтяжки или обмотки проволокой, чего не наблюдается у изделия с территории р-на Застенье. Две фактически идентичные находки отчетливо показывают воплощение идеи и индивидуальные особенности владельцев ножей, на которых были эти рукояти.

Подведем итоги. Применение модели развития косторезного ремесла А. Кристоферсена позволяет охарактеризовать псковское производство рукоятей ножей, как находящееся на стадии профессионального массового изготовления изделий для анонимного рыночного потребителя.

Основным сырьем служили отходы мясных рядов Нового Торга. Это подчёркивает связь между ремеслом и торговлей мясом. Кооперация косторезов и торговцев мясом позволяла решить один из ключевых вопросов производства – бесперебойную поставку сырья. Массовость отходов мясных рядов позволяла совершать целенаправленный отбор подходящего сырья.

В ходе работы нами выделены две производственные группы рукоятей: из диафиза кости конечностей КРС с ручной обработкой и с обработкой на токарном станке. Группы демонстрируют разнообразие подходов к созданию рукоятей, что говорит о высоком уровне мастерства и разнообразии инструментов, используемых псковскими косторезами.

При анализе отходов, заготовок и готовых изделий мы старались выявить не только общие, но и частные техники обработки. Наличие нескольких

стратегий в производстве является прямым отражением индивидуальности конкретных производителей или групп производителей. Несмотря на выявленные индивидуальные стратегии, наблюдается устойчивость методов обработки, что говорит о консерватизме в ремесленной практике.

Список источников

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина : сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 7–34. EDN: ULDSQV.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). Новосибирск : Институт археологии и этнографии, 1997. 223 с. EDN: SXOLVR.

Бородовский А.П. Упряжь и раскрой рога в Западной Сибири (по материалам археологии и этнографии) // Западная и Южная Сибирь в древности. Сборник научных трудов, посвященный 60-летию со дня рождения Юрия Федоровича Кирюшина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 58–62. EDN: FSLNXX.

Галютин Е.С. Производство и использование бохайских костяных свистунков стрел юга Дальнего Востока России // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 43. С. 188–199. DOI: 10.24412/2658-5960-2024-43-188-199. EDN: ELYIXI.

Голофаст Л.А., Добровольская Е.В. Изделия из кости из раскопок слоев хазарского времени Фанагории // Фанагория: Результаты археологических исследований. Материалы по археологии и истории Фанагории : сб. ст. Москва : Институт археологии РАН, 2018. Т. 7. Вып. 4. С. 77–90. DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-249-0.77-90. EDN: QZRCNT.

Гончаров М.Ю. Косторезное производство Азака по материалам из раскопок по ул. Лермонтова, 27 и Петровскому бульвару, 5 и 7 в г. Азове в 2012–2013 гг. // Археология евразийских степей. 2024. № 3. С. 269–277. DOI: 10.24852/2587-6112.2024.3.269.277. EDN: SBOMDZ.

Давидан О.И. Гребни Старой Ладоги // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. № 4. Славянские древности. С. 95–108.

Душенко А.А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2009. Вып. XV. С. 432–456. EDN: TEMWXT.

Душенко А.А. Костяные дисковидные пуговицы с центрическим орнаментом из раскопок Мангупа // Мате-

В завершение отметим, что каждое изделие, выявленное археологически, не только выполняло практическую функцию, но и отражало культурные особенности, технологии и социальные взаимодействия.

References

Antipina E.E. (2004) Archaeozoological research: tasks, potential opportunities and actual results. *The Latest Archaeozoological Research in Russia. On the Centenary of V.I. Tsalkin's Birth*. Moscow: Languages of Slavic Culture. P. 7-34. (In Russ.). EDN: ULDSQV.

Borodovskii A.P. (1997) Ancient bone carving in the south of Western Siberia (second half of the 2nd millennium BC - first half of the 2nd millennium AD). Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography. 223 p. (In Russ.). EDN: FSLNXX.

Borodovskii A.P. (2005) Harness and horn cutting in Western Siberia (based on archaeological and ethnographic materials). *Western and Southern Siberia in Ancient Times. Collection of Scientific Papers Dedicated to the 60th Anniversary of the Birth of Yuri Fedorovich Kiryushin*. Barnaul: Altai State University. P. 58-62. (In Russ.). EDN: FSLNXX.

Galyutin E.S. (2024) Production and use of Bohai bone arrow whistles of the south of the Russian Far East. *Transactions of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Vol. 43. P. 188-199. (In Russ.). DOI: 10.24412/2658-5960-2024-43-188-199. EDN: ELYIXI.

Golofast L.A., Dobrovolskaya E.V. (2018) Bone items from the excavations of the layers of the Khazar period of Phanagoria. *Phanagoria: Results of archaeological research. Materials on the Archeology and History of Phanagoria*. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Vol. 7. Iss. 4. P. 77-90. (In Russ.). DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-249-0.77-90. EDN: QZRCNT.

Goncharov M.Yu. (2024) Bone-carving craft of medieval Azak according to materials of archaeological excavations at Lermontov St., 27 and Petrovsky Boulevard, 5 and 7 in 2012-2013. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. No. 3. P. 269-277. (In Russ.). DOI: 10.24852/2587-6112.2024.3.269.277. EDN: SBOMDZ.

Davidan O.I. (1962) Combs of Staraya Ladoga. *Archaeological Collection of the State Hermitage*. No. 4. Slavic Antiquities. P. 95-108. (In Russ.).

Dushenko A.A. (2009) Bone and horn wares from the excavation in the block near St. Constantine church (Mangup). *Materials on Archeology, History and Ethnography of Taurida*. Iss. XV. P. 432-456. (In Russ.). EDN: TEMWXT.

Dushenko A.A. (2013) Discoid bone buttons from the excavation of Mangup. *Materials on Archeology, History and*

риалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2013. Вып. XVIII. С. 333–352. EDN: TEBXST.

Душенко А.А. Косторезное дело Мангупа: сырье, технологические приемы, инструменты // Крымское историческое обозрение. 2015. № 3. С. 74–99. EDN: VZKCVZ.

Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 218–241.

Изыумова С.А. Техника обработки кости в Дьяковское время и в Древней Руси // Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). 1949. Вып. XXX. С. 15–25.

Козюренко О.В. Новый торг Пскова (вопросы топографии) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В.Д. Белецкого. СПб.: Art-contact, 1994. С. 121–127.

Кондратьева О.А. Технология производства средневековых односторонних наборных гребней // Археология и история Пскова и Псковской земли: тезисы докладов предстоящей научно-практической конференции. Псков, 1986. С. 67–70.

Кондратьева О.А. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России. СПб.: Российский этнографический музей, 2011. 242 с.

Котеньков С.А., Пилипенко С.А., Попов К.Ю. Зубная щетка из грунтового могильника Маячный Бугор-I (историко-археологический аспект и реконструкция) // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27. № 3. С. 34–50. DOI: 10.14258/nreur(2022)3-03. EDN: IEPZOY.

Лещенко Н.В. Домашние ремёсла у бохайцев (на основе изучения археологических памятников в Приморье) // Россия и АТР. 2018. № 4 (102). С. 173–189. DOI: 10.24411/1026-8804-2018-10058. EDN: YWCXTN.

Миненко В.В., Горлов К.В., Разумов И.Н. Мастерская костореза-бронника XVI–XVII веков из Смоленска // Записки Института истории материальной культуры РАН. 2022. № 26. С. 147–164. DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-147-164. EDN: ONTWIIV.

Миненко В.В., Разумов И.Н. Костяные и роговые изделия из раскопок Заднепровского посада средневекового Смоленска (по итогам работ 2004–2005 гг.) // Тверь, тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья: материалы научного семинара. Тверь: Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр, 2019. Вып. 12. С. 147–167. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.147-167. EDN: DMQBNB.

Пальцева Д.У., Шакиров З.Г. Косторезное дело // Археология Волго-Уралья. В 7 т. Казань: Изд-во АН Республики Татарстан, 2022. Т. 5. Средние века (VIII – начало XIII в.). Волжская Болгария. Финно-угорский мир. Кочевники Восточной Европы. С. 521–528. EDN: DYAIWV.

Петерс Б.Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.: Наука, 1986. 185, [6] с.

Ethnography of Taurida. Iss. XVIII. P. 333-352. (In Russ.). EDN: TEBXST.

Dushenko A.A. (2015) The bone-working of Mangup: raw materials, technological methods, tools. *Crimian Historical Review*. No. 3. P. 74-99. (In Russ.). EDN: VZKCVZ.

Zakirova I.A. (1988) Bone carving in Bolgar. *The City of Bolgar - Essays on Craft Activities*. Moscow: Nauka. P. 218-241. (In Russ.).

Izyumova S.A. (1949) Bone processing techniques in the Dyakovo period and in Ancient Rus'. *KSIIMK = Brief Communications and Reports of the Institute of the History of Material Culture of the Academy of Sciences of the USSR*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences. Iss. 30. P. 15-25. (In Russ.).

Kozyurenok O.V. (1994) New Market in Pskov (topographic issues). *Sites of Medieval Culture. Discoveries and Versions*. Collection of Articles for the 75th Anniversary of V.D. Beletsky. St. Petersburg: Art-contact. P. 121-127. (In Russ.).

Kondrat'eva O.A. (1986) Technology for the production of single-sided combs. *Archeology and History of Pskov and the Pskov Land. Proceedings of the Science-Practice Conference*. Pskov. P. 67-70. (In Russ.).

Kondrat'eva O.A. (2011) Combs of the 9th-19th centuries in everyday life, rituals, folklore, crafts and artistic creativity of Ancient Rus' - Russia. St. Petersburg: Russian Museum of Ethnography. 242 p. (In Russ.).

Koten'kov S.A., Pilipenko S.A., Popov K.Yu. (2022) A toothbrush from the ground burial Mayachny Bugar-i (historical and archaeological aspect and reconstruction). *Peoples and Religions of Eurasia*. Vol. 27. No. 3. P. 34-50. (In Russ.). DOI: 10.14258/nreur(2022)3-03. EDN: IEPZOY.

Leshchenko N.V. (2018) Home crafts among the Bohai people (based on the study of archaeological sites in Primorye). *Russia and the Asia-Pacific region*. No. 4 (102). P. 173-189. (In Russ.). DOI: 10.24411/1026-8804-2018-10058. EDN: YWCXTN.

Minenko V.V., Gorlov K.V., Razumov I.N. (2022) Bone carver-armorers' workshop of the XVI-XVII cc. from Smolensk. *Notes of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*. No. 26. P. 147-164. (In Russ.). DOI: 10.31600/2310-6557-2022-26-147-164. EDN: ONTWIIV.

Minenko V.V., Razumov I.N. (2019) Bone and horn artefacts from excavation at Zadneprovsky suburb of medieval Smolensk (based on excavation held in 2004-2005). *Tver', tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya: Materialy nauchnogo seminaru = Tver, Tver Land and Adjacent Territories in the Middle Ages*. Tver: TNIIR-Center. Iss. 12. P. 147-167. (In Russ.). DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-279-7.147-167. EDN: DMQBNB.

Pal'tseva D.U., Shakirov Z.G. (2022) Bone carving. In 7 vol. *Archeology of the Volga-Ural Region*. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Vol. 5. Middle Ages (VIII - early XIII centuries). Volga Bulgaria. Finno-Ugric World. Nomads of Eastern Europe. P. 521–528. (In Russ.). EDN: DYAIWV.

Peters B.G. (1986) Bone carving in the ancient states of the Northern Black Sea region. Moscow: Nauka. 185, [6] p. (In Russ.).

Подгорная Р.Г., Салмина Е.В. Исследования Нового Торга в Пскове в 2011 г. (предварительный обзор) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2013. Вып. 28. Заседание 58. С. 23–38. EDN: VHHVCL.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М. : Языки славянской культуры, 2003. Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи. 256 с.

Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М. : 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР. 1948. 792 с.

Салмина Е.В., Салмин С.А., Подгорная Р.Г. Планировка Нового Торга: возможности реконструкции с учетом новых археологических данных // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2014. Вып. 29. Заседание 59. С. 31–41. EDN: UJHAQH.

Салмина Е.В., Салмин С.А., Подгорная Р.Г. Новый Торг Пскова: результаты проекта и дальнейшие перспективы // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2017. Вып. 32. Заседание 62. С. 57–61. EDN: YUOPLW.

Салмина Е.В., Салмин С.А., Подгорная Р.Г. Внутренняя планировка Нового Торга Пскова: опыт составления «принципиального плана» расположения торговых рядов // Древности Пскова. Археология, история. Псков : ГБУК ПО «Археологический центр Псковской области», 2019. Вып. 3. К 39-м Международным Ганзейским дням. С. 179–200.

Сборник Московского архива Министерства Юстиции (СМАМЮ). Т. V. Псков и его пригороды. Книга первая (Подлинная писцовая книга № 355). М. 1913. XI. 205 с.

Сергеева М.С. Косторезное ремесло XI–XII вв. на Киевском Подоле // Acta archaeologica Albaruthenica. Мінск : Выдавец І.П. Логвінаў, 2008. Vol. 4. (Вып. 4). С. 111–124.

Смирнова Л.И. Состав сырья косторезов древнего Новгорода (опыт анализа отходов косторезного производства по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология : материалы научной конференции, Новгород, 24–26 янв. 1995 г. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 114–129.

Смирнова Л.И. Организация косторезного ремесла в древнем Новгороде (по материалам Троицкого раскопа) // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М. : Памятники исторической мысли, 1998а. С. 237–247.

Смирнова Л.И. Этапы становления косторезного ремесла в средневековом Новгороде (по материалам Федоровского раскопа в Плотницком конце) // Новгород и Новгородская земля. История и археология : материалы научной конференции, Новгород, 17–19 янв. 1998. Новгород, 1998b. Вып. 12. С. 94–109.

Смирнова Л.И. Проколки (хронология и функциональное назначение) // Археологические вести. 2000. № 7. С. 236–246. EDN: TKIDBN.

Podgornaya R.G., Salmina E.V. (2013) The study of the New Torg (Market) area in Pskov in 2011 (preliminary review). *Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land*. Iss. 28. Session 58. P. 23-38. (In Russ.). EDN: VHHVCL.

(2003) PSRL = Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 5. Iss. 1: Pskov Chronicles. Moscow: Languages of Slavic Culture. 256 p. (In Russ.).

Rybakov B.A. (1948) *Crafts of Ancient Rus'*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 792 p. (In Russ.).

Salmina E.V., Salmin S.A., Podgornaya R.G. (2014) Layout of the New Market: reconstruction possibilities taking into account new archaeological data. *Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land*. Moscow; Pskov; St. Petersburg: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Nestor-History. Iss. 29. Session 59. P. 31-41. (In Russ.). EDN: UJHAQH.

Salmina E.V., Salmin S.A., Podgornaya R.G. (2017) The new torg of Pskov: project results and perspectives. *Archaeology and History of Pskov and the Pskov Land*. Iss. 32. Session 62. P. 57-61. (In Russ.). EDN: YUOPLW.

Salmina E.V., Salmin S.A., Podgornaya R.G. (2019) Internal layout of the New Market of Pskov: experience of drawing up a "principal plan" for the location of shopping arcades. *Antiquities of Pskov. Archaeology, History. For the 39th International Hanseatic Days*. Pskov: State Budgetary Cultural Institution of the Pskov Region "Archaeological Center of the Pskov Region". Iss. 3: For the 39th International Hanseatic Days. P. 179-200. (In Russ.).

(1913) SAMMY = Collection of the Moscow Archive of the Ministry of Justice. Vol. V. Pskov and its suburbs. Book one (Authentic scribe book No. 355). Moscow. XI. 205 p. P. 12-73. (In Russ.).

Sergeeva M.S. (2008) Bone carving craft of the 11th - 12th centuries in Kiev Podil. *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Minsk: Publisher I.P. Logvinau. Vol. 4 (Iss. 4). P. 111-124. (In Russ.).

Smirnova L.I. (1995) Composition of raw materials of bone carvers of ancient Novgorod (experience of analysis of waste from bone carving production based on materials from the Troitsky excavation site). *Novgorod and Novgorod Land. History and Archeology: Proceedings of the Scientific Conference, January, 24–26 1995*. Novgorod. Iss. 9. P. 114-129. (In Russ.).

Smirnova L.I. (1998a) Organization of bone carving craft in ancient Novgorod (based on materials from the Troitsky excavation site). *Historical Archeology: Traditions and Prospects. On the 80th Anniversary of D.A. Avdusin's Birth*. Moscow: Monuments of Historical Thought. P. 237-247. (In Russ.).

Smirnova L.I. (1998b) Stages of the development of bone carving craft in medieval Novgorod (based on materials from the Fyodorovsky excavation site in Plotnitsky End). *Novgorod and Novgorod Land. History and Archeology*. Proceedings of the Scientific Conference, January, 17–19 1998. Novgorod: Staraya Russa Printing House. Iss. 12. P. 94-109. (In Russ.).

Smirnova L.I. (2000) So-called piercing tools (chronology and function). *Archaeological News*. No. 7. P. 236-246. (In Russ.). EDN: TKIDBN.

Сон Н.А. Костяные изделия из Тире // Боспорские исследования. 2011. Вып. XXV. С. 298–311. EDN: TIGEJX.

Фисенко А.В. Остатки косторезного производства по материалам Васильевского III раскопа в Пскове: датировка, пространственное распределение, интерпретация // Новые материалы и методы археологического исследования : материалы VI конференции молодых ученых. М. : ИА РАН, 2021. С. 149–151. DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.149-151.

Фисенко А.В. О некоторых приемах в технологии изготовления заготовок костяных изделий (по материалам Мстиславского-4 раскопа в средневековом Пскове) // Краткие сообщения Института археологии. 2022. Вып. 268. С. 273–280. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.268.273-279. EDN: TAQDUK.

Фисенко А.В. Косторезная мастерская гребенщика XI–XII вв. на территории района Завеличье г. Пскова // Известия Лаборатории древних технологий. 2023а. Т. 19. № 1. С. 49–63. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-1-49-63. EDN: KHBNGN.

Фисенко А.В. Косторезное ремесло XV в. в Пскове по материалам Васильевского-1 раскопа 1990 г.: коллекция, застройка, организация производства // Новые материалы и методы археологического исследования. История VS источниковедение : материалы VII конференции молодых ученых, Москва, 21–23 марта 2023 года. М. : Институт археологии РАН, 2023б. С. 128–130. EDN: ABZYHB.

Фисенко А.В. Косторезное ремесло XV в. г. Пскова по материалам Васильевского-1 раскопа 1990 г. (топографический контекст и интерпретация) // Новгород и Новгородская земля. История и археология : материалы XXXVII научной конференции, Великий Новгород, 24–26 января 2023 г. Великий Новгород, 2024. Вып. 37. С. 169–180.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М. : Наука, 1970. 280 с.

Чистякова Е.В. Псковский Торг в середине XVII в. // Исторические записки. М. : АН СССР, 1950. Т. 34. С. 198–235.

Шаманаев А.В. Технология обработки кости и рога в средневековом Херсонесе: по материалам раскопок Портового квартала 2 // Античная древность и средние века. Свердловск : Изд-во Уральского государственного университета, 1997. Вып. 28. С. 49–66.

Álvaro K., Travé E. Los materiales arqueológicos de la fortaleza de Mendikute, Gipuzkoa (s. XII-XIV): elementos para el estudio de la vida cotidiana en un asentamiento militar // Munibe Antropologia - Arkeologia, 2019. No. 70 (2019). P. 319-334. (In Spanish). DOI: 10.21630/maa.2019.70.09.

Álvaro K., Travé E., López M.D. Los dados de Ausa y Mendikute (s. XIII-XIV): La elaboración de objetos lúdicos en hueso en algunas fortificaciones medievales del territorio guipuzcoano // Munibe Antropologia - Arkeologia, 2017. No. 68 (2017). P. 273-288. (In Spanish). DOI: 10.21630/maa.2017.68.12.

Ambrosiani K. Viking Age Combs, Comb Making and Comb Makers: In the Light of Finds from Birka and Ribe. Stockholm: Department of Archaeology, North-European, University of Stockholm, 1981. 175 p. (In English).

Son N.A. (2011) Bone products from Tyras. *Bosporan Studies*. Iss. XXV. P. 298-311. (In Russ.). EDN: TIGEJX.

Fisenko A.V. (2021) Remains of bone carving production based on the materials of the Vasilievsky III excavation site in Pskov: dating, spatial distribution, interpretation. *New Materials and Methods of Archaeological Research. Proceedings of the VI Conference of Young Scientists*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P. 149-151. (In Russ.). DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-336-7.149-151.

Fisenko A.V. (2022) Some technological techniques of making blanks for bone items (based on the materials from the Mstislavsky-4 excavation trench in medieval Pskov). *Brief communications of the Institute of Archaeology*. Iss. 268. P. 273-280. (In Russ.). DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.268.273-279. EDN: TAQDUK.

Fisenko A.V. (2023a) Workshop for manufacturing single-sided combs in XI-XII centuries on the territory of the Zavelichie district of the city of Pskov. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 49-63. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2023-1-49-63. EDN: KHBNGN.

Fisenko A.V. (2023b) Bone carving craft of the 15th century in Pskov based on the materials of the Vasilievsky-1 excavation of 1990: collection, development, organization of production. *New Materials and Methods of Archaeological Research: History vs Source Study. Proceedings of the VII Conference of Young Scientists*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. P. 128-130. (In Russ.). EDN: ABZYHB.

Fisenko A.V. (2024) Bone carving craft of the 15th century in Pskov based on the materials of the Vasilievsky-1 excavation of 1990 (topographic context and interpretation). *Novgorod and the Novgorod Region. History and archaeology. Reports of the XXXVII Scientific Conference, Veliky Novgorod, 24-26 January 2023*. Veliky Novgorod. Iss. 37. P. 169-180. (In Russ.).

Tsalkin V.I. (1970) The oldest domestic animals of Eastern Europe. Moscow: Nauka. 280 p. (In Russ.).

Chistyakova E.V. (1950) Pskov Market in the middle of the 17th century. *Historical Notes*. Moscow: USSR Academy of Sciences. Vol. 34. P. 198-235. (In Russ.).

Shamanaev A.V. (1997) Technology of processing bones and antlers in Medieval Chersonesos: based on materials from excavations of port quarter 2. *Ancient Antiquity and the Middle Ages*. Sverdlovsk: Ural State University. Iss. 28. P. 49-66. (In Russ.).

Álvaro K., Travé E. Los materiales arqueológicos de la fortaleza de Mendikute, Gipuzkoa (s. XII-XIV): elementos para el estudio de la vida cotidiana en un asentamiento militar // Munibe Antropologia - Arkeologia, 2019. No. 70 (2019). P. 319-334. (In Spanish). DOI: 10.21630/maa.2019.70.09.

Álvaro K., Travé E., López M.D. Los dados de Ausa y Mendikute (s. XIII-XIV): La elaboración de objetos lúdicos en hueso en algunas fortificaciones medievales del territorio guipuzcoano // Munibe Antropologia - Arkeologia, 2017. No. 68 (2017). P. 273-288. (In Spanish). DOI: 10.21630/maa.2017.68.12.

Ambrosiani K. Viking Age Combs, Comb Making and Comb Makers: In the Light of Finds from Birka and Ribe. Stockholm: Department of Archaeology, North-European, University of Stockholm, 1981. 175 p. (In English).

Ashby S. Making a Good Comb: Mercantile Identity in 9th to 11th-century England // *Everyday Life in Viking Towns: Social Approaches to Towns in England and Ireland c. 800-1100*. Oxford: Oxbow Books, 2013a. P. 193-208. (In English).

Ashby S. Some comments on the identification of cervid species in worked antler // *From these Bare Bones: Raw materials and the study of worked osseous objects*. Proceedings of the Raw Materials session at the 11th ICAZ Conference, Paris, 2010. Oxford: Oxbow Books, 2013b. P. 208-222. (In English).

Atema J. Old bone flutes // *Pan. Journal of the British Flute Society*, 2004. Vol. 23, No. 4. P. 18-23. (In English).

Barbu M-G. Data regarding the experimental manufacture of Roman objects made of domestic herbivores horns // *Annales d'Université «Valahia» Târgoviște. Section d'Archéologie et d'Histoire*. Romania: Valahia University Targoviste, 2012. Vol. 14, No. 1. P. 105-116. (In English). DOI: 10.3406/valah.2012.1109.

Beldiman C., Bottez V., Țârlea A., Beldiman D.-M. Histria-Acropolă Centru-Sud. Date asupra artefactelor din materii dure animale (I) // *Materiale și cercetări arheologice (serie nouă)*, 2018. Vol. 14. P. 169-195. (In Romanian).

Bertrand I. Le travail de l'os et du bois de cerf à Lemonum (Poitiers, F): lieux de production et objets finis. Un état des données // *Actes de la table ronde instrumentum, Chauvigny (Vienne, F), 8-9 décembre 2005. Le travail de l'os, du bois de cerf et de la corne à l'époque romaine: un artisanat en marge?* (Monographies Instrumentum 34). Montagnac: co-édition Monique Mergoil Montagnac, Association des Publications Chauvinoises, 2008. P. 101-144. (In French).

Bikić V., Vitezović S. Bone working and the army: an early eighteenth-century button workshop at the Belgrade fortress // *Close to the bone: current studies in bone technologies*. Belgrade: Institute of Archaeology, Službeni glasnik, 2016. P. 57-65. (In English).

Bläuer A., Harjula J., Helamaa M., Lehto H., Uotila K. Zooarchaeological evidence of large-scale cattle metapodial processing in the 18th century in the small town of Rauma, Finland // *Post-Medieval Archaeology*. UK: Taylor & Francis, 2019. Vol. 53, No. 2. P. 172-185. (In English). DOI: 10.1080/00794236.2019.1654737.

Březinová G., Hrnčiarik E. An antler workshop in a Germanic settlement in Nitra, Slovakia // *Bones at a crossroads. Integrating Worked Bone Research with Archaeometry and Social Zooarchaeology*. Leiden: Sidestone Press, 2021. P. 119-131. (In English).

Buc N., Acosta A., Mucciolo L. Techniques d'extraction dans l'industrie de l'os. Chasseurs-cueilleurs du delta du Paraná inférieur (Argentine) // *P@lethnologie. Archéologie et sciences humaines*. 2014. 21 p. (In French). DOI: 10.4000/palethnologie.560.

Buśko C., Głowa W. Nuda czy konieczność? Działalność wytwórcza na rynkach średniowiecznego Krakowa i Wrocławia // *Archaeologia Historica Polona*. Torun: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2017. T. 25. S. 221-250. (In Polish). DOI: 10.12775/AHP.2017.010.

Bustamante-Álvarez M., Detry C. Una oficina dedicada al tratamiento, manufactura y venta de objetos de hueso en Augusta Emerita (Mérida, Badajoz) // *Zephyrus. Revista de Prehis-*

Ashby S. Making a Good Comb: Mercantile Identity in 9th to 11th-century England // *Everyday Life in Viking Towns: Social Approaches to Towns in England and Ireland c. 800-1100*. Oxford: Oxbow Books, 2013a. P. 193-208. (In English).

Ashby S. Some comments on the identification of cervid species in worked antler // *From these Bare Bones: Raw materials and the study of worked osseous objects*. Proceedings of the Raw Materials session at the 11th ICAZ Conference, Paris, 2010. Oxford: Oxbow Books, 2013b. P. 208-222. (In English).

Atema J. Old bone flutes // *Pan. Journal of the British Flute Society*, 2004. Vol. 23, No. 4. P. 18-23. (In English).

Barbu M-G. Data regarding the experimental manufacture of Roman objects made of domestic herbivores horns // *Annales d'Université «Valahia» Târgoviște. Section d'Archéologie et d'Histoire*. Romania: Valahia University Targoviste, 2012. Vol. 14, No. 1. P. 105-116. (In English). DOI: 10.3406/valah.2012.1109.

Beldiman C., Bottez V., Țârlea A., Beldiman D.-M. Histria-Acropolă Centru-Sud. Date asupra artefactelor din materii dure animale (I) // *Materiale și cercetări arheologice (serie nouă)*, 2018. Vol. 14. P. 169-195. (In Romanian).

Bertrand I. Le travail de l'os et du bois de cerf à Lemonum (Poitiers, F): lieux de production et objets finis. Un état des données // *Actes de la table ronde instrumentum, Chauvigny (Vienne, F), 8-9 décembre 2005. Le travail de l'os, du bois de cerf et de la corne à l'époque romaine: un artisanat en marge?* (Monographies Instrumentum 34). Montagnac: co-édition Monique Mergoil Montagnac, Association des Publications Chauvinoises, 2008. P. 101-144. (In French).

Bikić V., Vitezović S. Bone working and the army: an early eighteenth-century button workshop at the Belgrade fortress // *Close to the bone: current studies in bone technologies*. Belgrade: Institute of Archaeology, Službeni glasnik, 2016. P. 57-65. (In English).

Bläuer A., Harjula J., Helamaa M., Lehto H., Uotila K. Zooarchaeological evidence of large-scale cattle metapodial processing in the 18th century in the small town of Rauma, Finland // *Post-Medieval Archaeology*. UK: Taylor & Francis, 2019. Vol. 53, No. 2. P. 172-185. (In English). DOI: 10.1080/00794236.2019.1654737.

Březinová G., Hrnčiarik E. An antler workshop in a Germanic settlement in Nitra, Slovakia // *Bones at a crossroads. Integrating Worked Bone Research with Archaeometry and Social Zooarchaeology*. Leiden: Sidestone Press, 2021. P. 119-131. (In English).

Buc N., Acosta A., Mucciolo L. Techniques d'extraction dans l'industrie de l'os. Chasseurs-cueilleurs du delta du Paraná inférieur (Argentine) // *P@lethnologie. Archéologie et sciences humaines*. 2014. 21 p. (In French). DOI: 10.4000/palethnologie.560.

Buśko C., Głowa W. Nuda czy konieczność? Działalność wytwórcza na rynkach średniowiecznego Krakowa i Wrocławia // *Archaeologia Historica Polona*. Torun: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2017. T. 25. S. 221-250. (In Polish). DOI: 10.12775/AHP.2017.010.

Bustamante-Álvarez M., Detry C. Una oficina dedicada al tratamiento, manufactura y venta de objetos de hueso en Augusta Emerita (Mérida, Badajoz) // *Zephyrus. Revista de Prehis-*

toria y Arqueología. Salamanca: University of Salamanca, 2019. No. 83. P. 139-163. (In Spanish). DOI: 10.14201/zephyrus201983139163.

Callmer J. An Essay on Craft Production in the Early and High Middle Ages in Scandinavia // Centrality-Regionality: The Social Structure of Southern Sweden during the Iron Age. Acta Archaeologica Lundensia. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 2003. Vol. 40, Series in 8°. P. 337-361. (In English).

Chapman A. Medieval chess pieces from Northampton // Northamptonshire Archaeology, 2021. Vol. 41 (2021). P. 403-409. (In English).

Chaudesaigues-Clausen S. Reconstructing Maglemose bone fishhooks - a craftsmanship from Zealand // Danish Journal of Archaeology, 2018. Vol. 7. No 2. P. 291-308. (In English). DOI: 10.1080/21662282.2018.1551982.

Chilardi S. Botteghe artigiane per la lavorazione dell'osso di Siracusa antica // Atti del 3o Convegno Nazionale di Archeozoologia, Siracusa 3-5 novembre 2000. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 2005. P. 371-378. (In Italian).

Choyke A.M. Cut to fit: comparing Roman Period and medieval bone workshop debris from urban areas // Csontvázak a szekrényből Válogatott tanulmányok a Magyar Archaeozoológusok Visegrádi Találkozóinak anyagából 2002-2009. Budapest: Martin Opitz, 2009. P. 235-250. (In English).

Christensen A.E. Reinjeger og kammaker, en forhistorisk yrkeskombinasjon // Viking. Oslo: Norsk arkeologisk selskap, 1986. Bd. 49-1985/6. S. 113-133. (In Norwegian).

Ciugudean D. Workshops and Manufacturing Techniques at Apulum (AD 2nd-3rd century) // Crafting Bone: Skeletal Technologies Through Time and Space: Proceedings of the 2nd Meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group, Budapest, 31 August - 5 September 1999. British archaeological reports: International series, Roman Department, Aquincumi Múzeum: Archaeopress, 2001. Vol. 937. P. 61-72. (In English).

Cnotliwy E., Słowiński S. Pozostałości pracowni grzebiennicznych nowoodkrytych w Wolinie // Materiały Zachodniopomorskie. Rocznik Naukowy Muzeum Narodowego w Szczecinie. Szczecin: Muzeum Narodowe w Szczecinie, 2016. T. 12. S. 247-361. (In Polish).

Crummy N., Henry R. Double-Sided Antler and Bone Combs in Late Roman Britain: Stylistic Groups, Context and Status. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2024. Archaeopress Roman Archaeology 116. 136 p. (In English). DOI: 10.32028/9781803276441.

Deschler-Erb S. Ein spätrömischer Geweihkamm mit Futteral vom Basler Münsterhügel // Jahresbericht der Archäologischen Bodenforschung Basel-Stadt, 2004. Vol. 2002. S. 103-107. (In German). DOI: 10.12685/jbab.2002.103-107.

Deschler-Erb S. Borderline production A late Roman antler workshop in Eastern Switzerland // From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present: proceeding of the 4th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group, at Tallinn, 26-31 of August 2003. Muinasaja teadus. Tallinn: Ajaloo Instituut, Book Printers Ltd, 2005. Vol. 15. P. 207-214. (In English).

Diakowski M. Przedmioty wykonane z kości i poroża. Badania technologiczne i analiza funkcji // Osada kultury pól

toria y Arqueología. Salamanca: University of Salamanca, 2019. No. 83. P. 139-163. (In Spanish). DOI: 10.14201/zephyrus201983139163.

Callmer J. An Essay on Craft Production in the Early and High Middle Ages in Scandinavia // Centrality-Regionality: The Social Structure of Southern Sweden during the Iron Age. Acta Archaeologica Lundensia. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 2003. Vol. 40, Series in 8°. P. 337-361. (In English).

Chapman A. Medieval chess pieces from Northampton // Northamptonshire Archaeology, 2021. Vol. 41 (2021). P. 403-409. (In English).

Chaudesaigues-Clausen S. Reconstructing Maglemose bone fishhooks - a craftsmanship from Zealand // Danish Journal of Archaeology, 2018. Vol. 7. No 2. P. 291-308. (In English). DOI: 10.1080/21662282.2018.1551982.

Chilardi S. Botteghe artigiane per la lavorazione dell'osso di Siracusa antica // Atti del 3o Convegno Nazionale di Archeozoologia, Siracusa 3-5 novembre 2000. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato, 2005. P. 371-378. (In Italian).

Choyke A.M. Cut to fit: comparing Roman Period and medieval bone workshop debris from urban areas // Csontvázak a szekrényből Válogatott tanulmányok a Magyar Archaeozoológusok Visegrádi Találkozóinak anyagából 2002-2009. Budapest: Martin Opitz, 2009. P. 235-250. (In English).

Christensen A.E. Reinjeger og kammaker, en forhistorisk yrkeskombinasjon // Viking. Oslo: Norsk arkeologisk selskap, 1986. Bd. 49-1985/6. S. 113-133. (In Norwegian).

Ciugudean D. Workshops and Manufacturing Techniques at Apulum (AD 2nd-3rd century) // Crafting Bone: Skeletal Technologies Through Time and Space: Proceedings of the 2nd Meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group, Budapest, 31 August - 5 September 1999. British archaeological reports: International series. Roman Department, Aquincumi Múzeum: Archaeopress, 2001. Vol. 937. P. 61-72. (In English).

Cnotliwy E., Słowiński S. Pozostałości pracowni grzebiennicznych nowoodkrytych w Wolinie // Materiały Zachodniopomorskie. Rocznik Naukowy Muzeum Narodowego w Szczecinie. Szczecin: Muzeum Narodowe w Szczecinie, 2016. T. 12. S. 247-361. (In Polish).

Crummy N., Henry R. Double-Sided Antler and Bone Combs in Late Roman Britain: Stylistic Groups, Context and Status. Oxford: Archaeopress Roman Archaeology 116. Oxford: Archaeopress Archaeology, 2024. 136 p. (In English). DOI: 10.32028/9781803276441.

Deschler-Erb S. Ein spätrömischer Geweihkamm mit Futteral vom Basler Münsterhügel // Jahresbericht der Archäologischen Bodenforschung Basel-Stadt, 2004. Vol. 2002. S. 103-107. (In German). DOI: 10.12685/jbab.2002.103-107.

Deschler-Erb S. Borderline production A late Roman antler workshop in Eastern Switzerland // From Hooves to Horns, from Mollusc to Mammoth. Manufacture and Use of Bone Artefacts from Prehistoric Times to the Present: proceeding of the 4th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group, at Tallinn, 26-31 of August 2003. Muinasaja teadus. Tallinn: Ajaloo Instituut, Book Printers Ltd, 2005. Vol. 15. P. 207-214. (In English).

Diakowski M. Przedmioty wykonane z kości i poroża. Badania technologiczne i analiza funkcji // Osada kultury pól

popielnicowych w Grzybianach koło Legnicy, Legnica-Wrocław: Muzeum Miedzi w Legnicy, 2014. S. 345-392. (In Polish).

Emery K.F. The economics of bone artifact production in the ancient Maya lowlands // *Crafting Bone: Skeletal Technologies Through Time and Space: Proceedings of the 2nd Meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group*, Budapest, 31 August - 5 September 1999. British archaeological reports: International series. Roman Department, Aquincumi Múzeum: Archaeopress, 2001. Vol. 937. P. 73-84. (In English).

Ferreri D. Grave Goods and Burial Typologies Funerary Customs in Ravenna // *Millennium Studies in the culture and history of the first millennium C.E. Ravenna and the Traditions of Late Antique and Early Byzantine Craftsmanship (Labour, Culture, and the Economy)*. Berlin, Boston: CPI books GmbH, Leck, 2020. Vol. 85. P. 211-257. (In English). DOI: 10.1515/9783110684346-009.

Feugère M., Picod C. Reconstitution de dés en matière dure animale, antiques et médiévaux // *Instrumentum: bulletin du groupe de travail européen sur l'artisanat et les productions manufacturées dans l'Antiquité*, 2014. Vol. 39. P. 37-42. (In French).

Gackowski J., Osipowicz G., Kowalski Ł., Chudziakowa J., Sokół A., Brzozowska M., Lisowska Gaczorek A., Szostek K., Kowalski A.P., Kukuczka J., Kozicka M. Traceology suggests an unexpected use of antler cheekpieces from the Early Iron Age site at Gzin, Poland // *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2024. Vol. 16(11):183. P. 1-16. (In English). DOI: 10.1007/s12520-024-02089-z.

Gál E. Late medieval bone and antler working at the residence of the archbishop of Esztergom (Northern Hungary) // *Archaeologia Lituana*. Vilnius: Vilniaus Universitetas, 2020. Vol. 21. P. 79-96. (In English). DOI: 10.15388/ArchLit.2019.21.5.

García M.A. Not only bones. Hard animal tissues as a source of raw material in 3rd millenium BC south-eastern Iberia // *Menga: Revista de prehistoria de Andalucía*, 2014. No. 05 (2014). P. 43-67. (In English).

Goret J.F., Talon M., Yvinec J-H., Derbois M., Mouny S., Poplin F. Le jeu d'échecs de Noyon dans son contexte archéologique et historique // *Revue archéologique de Picardie. Hommage à Marc Durand*, 2009. No. 1 (1). P. 79-119. (In French). DOI: 10.3406/pica.2009.3382.

Gróf P., Gróh D. The remains of medieval bone carvings from Visegrád // *Crafting Bone: Skeletal Technologies Through Time and Space: Proceedings of the 2nd Meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group*, Budapest, 31 August - 5 September 1999. British archaeological reports: International series. Roman Department, Aquincumi Múzeum: Archaeopress, 2001. Vol. 937. P. 281-285. (In English).

Haak A. Rannamäe E., Luik H., Maldre L. Worked and unworked bone from the Viljandi castle of the Livonian Order (13th-16th centuries) // *Lietuvos archeologija*. Vilnius: Diemedis, 2012. Vol. 38. P. 295-338. (In English).

Hallén Y. The use of bone and antler at Foshigarry and Bac Mhic Connain, two Iron Age sites on North Uist, Western Isles // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*, 1994. Vol. 124. P. 189-231. (In English).

Hein W. Zur rekonstruktion der mammutelfenbeinflöte aus dem geißen-klösterle. ein erfahrungsbericht // *Mitteilung-*

popielnicowych w Grzybianach koło Legnicy, Legnica-Wrocław: Muzeum Miedzi w Legnicy, 2014. S. 345-392. (In Polish).

Emery K.F. The economics of bone artifact production in the ancient Maya lowlands // *Crafting Bone: Skeletal Technologies Through Time and Space: Proceedings of the 2nd Meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group*, Budapest, 31 August - 5 September 1999. British archaeological reports: International series. Roman Department, Aquincumi Múzeum: Archaeopress, 2001. Vol. 937. P. 73-84. (In English).

Ferreri D. Grave Goods and Burial Typologies Funerary Customs in Ravenna // *Millennium Studies in the culture and history of the first millennium C.E. Ravenna and the Traditions of Late Antique and Early Byzantine Craftsmanship (Labour, Culture, and the Economy)*. Berlin, Boston: CPI books GmbH, Leck, 2020. Vol. 85. P. 211-257. (In English). DOI: 10.1515/9783110684346-009.

Feugère M., Picod C. Reconstitution de dés en matière dure animale, antiques et médiévaux // *Instrumentum: bulletin du groupe de travail européen sur l'artisanat et les productions manufacturées dans l'Antiquité*, 2014. Vol. 39. P. 37-42. (In French).

Gackowski J., Osipowicz G., Kowalski Ł., Chudziakowa J., Sokół A., Brzozowska M., Lisowska Gaczorek A., Szostek K., Kowalski A.P., Kukuczka J., Kozicka M. Traceology suggests an unexpected use of antler cheekpieces from the Early Iron Age site at Gzin, Poland // *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2024. Vol. 16(11):183. P. 1-16. (In English). DOI: 10.1007/s12520-024-02089-z.

Gál E. Late medieval bone and antler working at the residence of the archbishop of Esztergom (Northern Hungary) // *Archaeologia Lituana*. Vilnius: Vilniaus Universitetas, 2021. Vol. 21. P. 79-96. (In English). DOI: 10.15388/ArchLit.2019.21.5.

García M.A. Not only bones. Hard animal tissues as a source of raw material in 3rd millenium BC south-eastern Iberia // *Menga: Revista de prehistoria de Andalucía*, 2014. No. 05 (2014). P. 43-67. (In English).

Goret J.F., Talon M., Yvinec J-H., Derbois M., Mouny S., Poplin F. Le jeu d'échecs de Noyon dans son contexte archéologique et historique // *Revue archéologique de Picardie. Hommage à Marc Durand*, 2009. No. 1 (1). P. 79-119. (In French). DOI: 10.3406/pica.2009.3382.

Gróf P., Gróh D. The remains of medieval bone carvings from Visegrád // *Crafting Bone: Skeletal Technologies Through Time and Space: Proceedings of the 2nd Meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group*, Budapest, 31 August - 5 September 1999. British archaeological reports: International series. Roman Department, Aquincumi Múzeum: Archaeopress, 2001. Vol. 937. P. 281-285. (In English).

Haak A. Rannamäe E., Luik H., Maldre L. Worked and unworked bone from the Viljandi castle of the Livonian Order (13th-16th centuries) // *Lietuvos archeologija*. Vilnius: Diemedis, 2012. Vol. 38. P. 295-338. (In English).

Hallén Y. The use of bone and antler at Foshigarry and Bac Mhic Connain, two Iron Age sites on North Uist, Western Isles // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*, 1994. Vol. 124. P. 189-231. (In English).

Hein W. Zur rekonstruktion der mammutelfenbeinflöte aus dem geißen-klösterle. ein erfahrungsbericht // *Mitteilung-*

en der Gesellschaft für Urgeschichte. Gesellschaft für Urgeschichte und Förderverein des Urgeschichtlichen Museums Blaubeuren e.V, 2021. Bd. 30. S. 145-154. (In German). DOI: 10.51315/mgfu.2021.30007.

Hrnčiarik E. Bone and antler artefacts from the roman fort at Iža. Nitra, Trnava, Komárom; Institute of Archaeology of the Slovak Academy of Sciences, Faculty of Philosophy and Arts of Trnava University, György Klapka Museum, 2017. 136 p. (In English).

Hrubý V. Slovanské kostěné předměty a jejich výroba na Moravě // Památky archeologické. Praha: Československá akademie věd, 1957. T. 48 (1957). S. 118-217. (In Czech).

Jaworski K. Pozdně středověká hřebenářská dílna ve Vratislavi // Archaeologia historica, 1995. Roč. 20, Č. 1. S. 601-614. (In Czech).

Jaworski K. Rzemieślnicza obróbka surowca kościanego i rogowego w późnośredniowiecznym Wrocławiu // Archaeologia historica, 2007. Roč. 32, Č. 1. S. 511-525. (In Polish).

Kaván J. Technologie zpracování parohové a kostěné suroviny // Archeologické rozhledy. Praha: Československá akademie věd, 1980. T. 32. No. 3. S. 280-304. (In Czech).

Khan B. L'artisanat des matières dures animales: nouvelles connaissances à partir des rebuts d'atelier. // Matières premières et gestion des ressources. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2014. P. 143-161. (In French). DOI: 10.4000/books.pSORbonne.4550.

Klemensen M.F. Et middelalderligt benværksted: arkæologiske undersøgelser på Vægtergade 2 i Ribe // Kulturhistorisk årbog for Ribe-egnen: By, marsk og geest-Kulturhistorisk tidsskrift for Sydvestjylland. Ribe: Forlaget Liljebjerget, Winds Bogtrykkeri A/S, 2000. Årg. 12. No. 1. S. 29-46. (In Danish).

Knudsen M. Ribes middelalderlige gadebelægninger Belyst ved eksemplet Sviegade Vejhistorie. // Vejhistorie. Tidsskrift fra Dansk vejhistorisk selskab, 2020. No. 36. S. 3-12. (In Danish). DOI: 10.7146/vejhistorie.v2020i36.135416.

Konczewska M. Bone, horn and antler working in medieval Wrocław // Written in Bones. Studies on technological and social contexts of past faunal skeletal remains. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, Instytut Archeologii, 2011. P. 305-311. (In English).

Kovač M. Several observations on semi-finished bone products supporting the existence of a bone workshop in Mursa // Close to the bone: current studies in bone technologies. Belgrade: Institute of Archaeology, Službeni glasnik, 2016. P. 154-159. (In English).

Ktalav I. Button waste and religious souvenirs in the Holy Land, during the 19th and early 20th centuries // Quaternary International. United Kingdom: Elsevier Ltd, 2015. Vol. 390. P. 133-145. (In English). DOI: 10.1016/j.quaint.2015.05.074.

Küchelmann H.C. Highland Tunes in the Lowlands: a Medieval Vulture Bone Flute from Northern Germany // Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia: Cultural, technological and functional signature. BAR International Series 2136. Oxford: Blenheim Colour Ltd, British Archaeological Reports, 2010. P. 171-182. (In English). DOI: 10.30861/9781407306773.

en der Gesellschaft für Urgeschichte. Gesellschaft für Urgeschichte und Förderverein des Urgeschichtlichen Museums Blaubeuren e.V, 2021. Bd. 30. S. 145-154. (In German). DOI: 10.51315/mgfu.2021.30007.

Hrnčiarik E. Bone and antler artefacts from the roman fort at Iža. Nitra, Trnava, Komárom; Institute of Archaeology of the Slovak Academy of Sciences, Faculty of Philosophy and Arts of Trnava University, György Klapka Museum, 2017. 136 p. (In English).

Hrubý V. Slovanské kostěné předměty a jejich výroba na Moravě // Památky archeologické. Praha: Československá akademie věd, 1957. T. 48 (1957). S. 118-217. (In Czech).

Jaworski K. Pozdně středověká hřebenářská dílna ve Vratislavi // Archaeologia historica, 1995. Roč. 20, Č. 1. S. 601-614. (In Czech).

Jaworski K. Rzemieślnicza obróbka surowca kościanego i rogowego w późnośredniowiecznym Wrocławiu // Archaeologia historica, 2007. Roč. 32, Č. 1. S. 511-525. (In Polish).

Kaván J. Technologie zpracování parohové a kostěné suroviny // Archeologické rozhledy. Praha: Československá akademie věd, 1980. T. 32. No. 3. S. 280-304. (In Czech).

Khan B. L'artisanat des matières dures animales: nouvelles connaissances à partir des rebuts d'atelier. // Matières premières et gestion des ressources. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2014. P. 143-161. (In French). DOI: 10.4000/books.pSORbonne.4550.

Klemensen M.F. Et middelalderligt benværksted: arkæologiske undersøgelser på Vægtergade 2 i Ribe // Kulturhistorisk årbog for Ribe-egnen: By, marsk og geest-Kulturhistorisk tidsskrift for Sydvestjylland. Ribe: Forlaget Liljebjerget, Winds Bogtrykkeri A/S, 2000. Årg. 12. No. 1. S. 29-46. (In Danish).

Knudsen M. Ribes middelalderlige gadebelægninger Belyst ved eksemplet Sviegade Vejhistorie. // Vejhistorie. Tidsskrift fra Dansk vejhistorisk selskab, 2020. No. 36. S. 3-12. (In Danish). DOI: 10.7146/vejhistorie.v2020i36.135416.

Konczewska M. Bone, horn and antler working in medieval Wrocław // Written in Bones. Studies on technological and social contexts of past faunal skeletal remains. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, Instytut Archeologii, 2011. P. 305-311. (In English).

Kovač M. Several observations on semi-finished bone products supporting the existence of a bone workshop in Mursa // Close to the bone: current studies in bone technologies. Belgrade: Institute of Archaeology, Službeni glasnik, 2016. P. 154-159. (In English).

Ktalav I. Button waste and religious souvenirs in the Holy Land, during the 19th and early 20th centuries // Quaternary International. United Kingdom: Elsevier Ltd, 2015. Vol. 390. P. 133-145. (In English). DOI: 10.1016/j.quaint.2015.05.074.

Küchelmann H.C. Highland Tunes in the Lowlands: a Medieval Vulture Bone Flute from Northern Germany // Ancient and Modern Bone Artefacts from America to Russia: Cultural, technological and functional signature. BAR International Series 2136. Oxford: Blenheim Colour Ltd, British Archaeological Reports, 2010. P. 171-182. (In English). DOI: 10.30861/9781407306773.

Küchelmann H.C. Mit Knochen gepflastert - Knochenfunde vom Bremer Marktplatz (Fundstelle 201-Altstadt 2002) // Schriften des Naturwissenschaftlichen Vereins für Schleswig-Holstein. Schleswig-Holstein: Nabu Press, 2013. Bd. 73. S. 23-64. (In German).

Lang F. Activity not Profession. Considerations about Bone Working in Roman Times // Written in Bones. Studies on technological and social contexts of past faunal skeletal remains. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, Instytut Archeologii, 2011. P. 295-305. (In English).

Lindell M. Kammakeri från äldre järnåldern på Uppåkraboplatsen // Uppåkra: centrum och sammanhang. Acta Archaeologica Lundensia. Lund: Bloms i Lund Tryckeri AB, 2001. Vol. 34, Series in 8°. S. 157-168. (In Swedish).

Luik H. Bone-workers in medieval Viljandi, Estonia. Comparison of finds from downtown and the Order's castle // Everyday products in the Middle Ages: crafts, consumption and the individual in northern Europe, c. AD 800-1600. Oxford & Philadelphia: Oxbow Books, 2015. P. 91-109. (In English). DOI: 10.2307/j.ctvh1dtfs.10.

Luik H., Piličiauskienė G., Blaževičius P. Late medieval and early modern bone and antler working in the Vilnius castle complex // Cuadernos de Prehistoria y Arqueología de la Universidad de Granada. Granada: Departamento de Prehistoria y Arqueología de la Universidad de Granada, 2019. Vol. 29. P. 187-201. (In English). DOI: 10.30827/CPAG.v29i0.9772.

MacGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn: The Technology of Skeletal Materials since the Roman Period. London: Croom Helm, Barnes & Noble, 1985. 245 p. (In English).

MacGregor A., Currey J.D. Mechanical properties as conditioning factors in the bone and antler industry of the 3rd to the 13th century AD // Journal of archaeological science, 1983. Vol. 10(1). P. 71-77. (In English).

Maldre L. Bone and Antler Artefacts from Otepaa Hill-fort // Crafting Bone: Skeletal Technologies Through Time and Space: Proceedings of the 2nd Meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group, Budapest, 31 August - 5 September 1999. British archaeological reports: International series, Roman Department, Aquincumi Múzeum: Archaeopress, 2001. Vol. 937. P. 19-30. (In English).

Mărgărit M. Exploitation of the *Unio* sp. valves for non-alimentary purposes in the Romanian Eneolithic. Archaeological and experimental data // Close to the bone: current studies in bone technologies. Belgrade: Institute of Archaeology, Službeni glasnik, 2016. P. 208-217. (In English).

Marković N., Stamenković S. Antler workshop in Caričin Grad (Justiniana Prima): reconstruction of the technological process // Close to the bone: current studies in bone technologies. Belgrade: Institute of Archaeology, Službeni glasnik, 2016. P. 218-225. (In English).

Masek Z. The transformation of late antique comb types on the frontier of the Roman and Germanic World - Early medieval antler combs from Rákóczi falva (County Jász-Nagykun-Szolnok, Hungary) // Antaeus. Budapest: The Mester Nyomda Kft., 2016. Vol. 34/2016. P. 105-172. (In English).

Moreno-García M., Pimenta C.M., Pajuelo Pando A., López Aldana P.M. Archaeological evidence of Pre-Industrial worked bone activity in 18th century Seville, Spain. // Ancient

Küchelmann H.C. Mit Knochen gepflastert - Knochenfunde vom Bremer Marktplatz (Fundstelle 201-Altstadt 2002) // Schriften des Naturwissenschaftlichen Vereins für Schleswig-Holstein. Schleswig-Holstein: Nabu Press, 2013. Bd. 73. S. 23-64. (In German).

Lang F. Activity not Profession. Considerations about Bone Working in Roman Times // Written in Bones. Studies on technological and social contexts of past faunal skeletal remains. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, Instytut Archeologii, 2011. P. 295-305. (In English).

Lindell M. Kammakeri från äldre järnåldern på Uppåkraboplatsen // Uppåkra: centrum och sammanhang. Acta Archaeologica Lundensia. Lund: Bloms i Lund Tryckeri AB, 2001. Vol. 34, Series in 8°. S. 157-168. (In Swedish).

Luik H. Bone-workers in medieval Viljandi, Estonia. Comparison of finds from downtown and the Order's castle // Everyday products in the Middle Ages: crafts, consumption and the individual in northern Europe, c. AD 800-1600. Oxford & Philadelphia: Oxbow Books, 2015. P. 91-109. (In English). DOI: 10.2307/j.ctvh1dtfs.10.

Luik H., Piličiauskienė G., Blaževičius P. Late medieval and early modern bone and antler working in the Vilnius castle complex // Cuadernos de Prehistoria y Arqueología de la Universidad de Granada. Granada: Departamento de Prehistoria y Arqueología de la Universidad de Granada, 2019. Vol. 29. P. 187-201. (In English). DOI: 10.30827/CPAG.v29i0.9772.

MacGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn: The Technology of Skeletal Materials since the Roman Period. London: Croom Helm, Barnes & Noble, 1985. 245 p. (In English).

MacGregor A., Currey J.D. Mechanical properties as conditioning factors in the bone and antler industry of the 3rd to the 13th century AD // Journal of archaeological science, 1983. Vol. 10(1). P. 71-77. (In English).

Maldre L. Bone and Antler Artefacts from Otepaa Hill-fort // Crafting Bone: Skeletal Technologies Through Time and Space: Proceedings of the 2nd Meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group, Budapest, 31 August - 5 September 1999. British archaeological reports: International series. Roman Department, Aquincumi Múzeum: Archaeopress, 2001. Vol. 937. P. 19-30. (In English).

Mărgărit M. Exploitation of the *Unio* sp. valves for non-alimentary purposes in the Romanian Eneolithic. Archaeological and experimental data // Close to the bone: current studies in bone technologies. Belgrade: Institute of Archaeology, Službeni glasnik, 2016. P. 208-217. (In English).

Marković N., Stamenković S. Antler workshop in Caričin Grad (Justiniana Prima): reconstruction of the technological process // Close to the bone: current studies in bone technologies. Belgrade: Institute of Archaeology, Službeni glasnik, 2016. P. 218-225. (In English).

Masek Z. The transformation of late antique comb types on the frontier of the Roman and Germanic World - Early medieval antler combs from Rákóczi falva (County Jász-Nagykun-Szolnok, Hungary) // Antaeus. Budapest: The Mester Nyomda Kft., 2016. Vol. 34/2016. P. 105-172. (In English).

Moreno-García M., Pimenta C.M., Pajuelo Pando A., López Aldana P.M. Archaeological evidence of Pre-Industrial worked bone activity in 18th century Seville, Spain. // Ancient

and Modern Bone Artefacts from America to Russia: Cultural, technological and functional signature. BAR International Series 2136. Oxford: Blenheim Colour Ltd, British Archaeological Reports, 2010. P. 183-190. (In English).

Namdar L., Sapir-Hen L. The Byzantine and Early Islamic Bone Objects from Area I (2018-2020) // Urbanism in Jerusalem from the Iron Age to the Medieval Period at the Example of the DEI Excavations on Mount Zion. University of Wuppertal, 2023. P. 826-863. (In English).

Olsen S.L. The Upper Paleolithic bone industry of Klithi rock shelter, northwest Greece // Annals of the Carnegie Museum. Pittsburgh: Published by authority of the Board of Trustees of the Carnegie Institute, 2000. Vol. 69. No. 4. P. 209-226. (In English). DOI: 10.5962/p.330540.

Opreanu C.H., Lăzărescu V.-A. Antler Comb Production in the Settlement at Suceagu Rădaia (Cluj County). A Contribution to the Study of the Cultural Contacts at the Beginnings of the Migration Period // Academia Română. Cluj-Napoca: Institutul de Arheologie și Istoria Artei, Mega print, 2022. Ephemeris Napocensis XXXII (2022). P. 95-134. (In English). DOI: 10.33993/epnap.2022.32.95.

Parreño C.M., Soria-Combadiera L., Blasco-Martín M., Fuentes-Albero M., Cabo I.F., Mataix E.C. Raw material, gestures, artefacts. An approach to the work of bone and ivory in the Iron Age in the Iberian peninsula // Quaternary International. Worked Bone and Archaeology: Proceedings of the 11th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group in Iasi 2016, 2018. Vol. 472, Part A. P. 1-11. (In English). DOI: 10.1016/j.quaint.2017.11.045.

Pfeifer S. Von Grönland zum Petersfels-taphonomische Untersuchungen an rezenten Rentiergeweihen und ihre Relevanz für die Archäologie // Archäologisches Korrespondenzblatt, 2014. Jah. 44, H. 1. S. 11-28. (In German).

Pimpl H., Wirth K. Dresden im Mittelalter. Die Ausgrabung am südlichen Altmarkt // Dresdner Geschichtsbuch. Dresden: Stadtmuseum Dresden, 1996. Bd. 2. S. 7-19. (In German). DOI: 10.11588/propylaeumdok.00006273.

Potengowski A.F., Dalferth G., Hein W., Spreer B., Wiedmann H., Malina M., C. Münzel S. On Experimental Reconstructions of the Mammoth Ivory Flute from Geißenklösterle Cave (GK3) and Other Palaeolithic Wind Instruments from South-West Germany // Journal of Music Archaeology. Vienna: Österreichisches Archäologisches Institut der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2023. Vol. 1 (2023). P. 59-102. (In English).

Provenzano N. Worked bone assemblages from Northern Italian terramares: a technological approach // Crafting Bone: Skeletal Technologies Through Time and Space: Proceedings of the 2nd Meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group, Budapest, 31 August - 5 September 1999. British archaeological reports: International series. Roman Department, Aquincumi Múzeum: Archaeopress, 2001. Vol. 937. P. 93-109. (In English).

Quevedo A., Sevastides M. Análisis de un objeto de hueso de la domus de la Fortuna de Carthago Nova // Mastia: Revista del Museo Arqueológico Municipal de Cartagena. Cartagena: Ayuntamiento de Cartagena, 2009. No. 8. P. 89-102. (In Spanish).

and Modern Bone Artefacts from America to Russia: Cultural, technological and functional signature. BAR International Series 2136. Oxford: Blenheim Colour Ltd, British Archaeological Reports, 2010. P. 183-190. (In English).

Namdar L., Sapir-Hen L. The Byzantine and Early Islamic Bone Objects from Area I (2018-2020) // Urbanism in Jerusalem from the Iron Age to the Medieval Period at the Example of the DEI Excavations on Mount Zion. University of Wuppertal, 2023. P. 826-863. (In English).

Olsen S.L. The Upper Paleolithic bone industry of Klithi rock shelter, northwest Greece // Annals of the Carnegie Museum. Pittsburgh: Published by authority of the Board of Trustees of the Carnegie Institute, 2000. Vol. 69. No. 4. P. 209-226. (In English). DOI: 10.5962/p.330540.

Opreanu C.H., Lăzărescu V.-A. Antler Comb Production in the Settlement at Suceagu Rădaia (Cluj County). A Contribution to the Study of the Cultural Contacts at the Beginnings of the Migration Period // Academia Română. Cluj-Napoca: Institutul de Arheologie și Istoria Artei, Mega print, 2022. Ephemeris Napocensis XXXII (2022). P. 95-134. (In English). DOI: 10.33993/epnap.2022.32.95.

Parreño C.M., Soria-Combadiera L., Blasco-Martín M., Fuentes-Albero M., Cabo I.F., Mataix E.C. Raw material, gestures, artefacts. An approach to the work of bone and ivory in the Iron Age in the Iberian peninsula // Quaternary International. Worked Bone and Archaeology: Proceedings of the 11th Meeting of the ICAZ Worked Bone Research Group in Iasi 2016, 2018. Vol. 472, Part A. P. 1-11. (In English). DOI: 10.1016/j.quaint.2017.11.045.

Pfeifer S. Von Grönland zum Petersfels-taphonomische Untersuchungen an rezenten Rentiergeweihen und ihre Relevanz für die Archäologie // Archäologisches Korrespondenzblatt, 2014. Jah. 44, H. 1. S. 11-28. (In German).

Pimpl H., Wirth K. Dresden im Mittelalter. Die Ausgrabung am südlichen Altmarkt // Dresdner Geschichtsbuch. Dresden: Stadtmuseum Dresden, 1996. Bd. 2. S. 7-19. (In German). DOI: 10.11588/propylaeumdok.00006273.

Potengowski A.F., Dalferth G., Hein W., Spreer B., Wiedmann H., Malina M., C. Münzel S. On Experimental Reconstructions of the Mammoth Ivory Flute from Geißenklösterle Cave (GK3) and Other Palaeolithic Wind Instruments from South-West Germany // Journal of Music Archaeology. Vienna: Österreichisches Archäologisches Institut der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2023. Vol. 1 (2023). P. 59-102. (In English).

Provenzano N. Worked bone assemblages from Northern Italian terramares: a technological approach // Crafting Bone: Skeletal Technologies Through Time and Space: Proceedings of the 2nd Meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group, Budapest, 31 August - 5 September 1999. British archaeological reports: International series. Roman Department, Aquincumi Múzeum: Archaeopress, 2001. Vol. 937. P. 93-109. (In English).

Quevedo A., Sevastides M. Análisis de un objeto de hueso de la domus de la Fortuna de Carthago Nova // Mastia: Revista del Museo Arqueológico Municipal de Cartagena. Cartagena: Ayuntamiento de Cartagena, 2009. No. 8. P. 89-102. (In Spanish).

Radohs L., Ansorge J. Renaissancezeitliche Bein- und Ge-weiheinlagen aus Stralsund-archäologische Hinterlassenschaften eines Büchschäfters // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern. Lübstorf, Schwerin: Archäologisches Landesmuseum, Landesamt für Bodendenkmalpflege Mecklenburg-Vorpommern, 2016. Bd. 62 (2014). S. 145-206. (In German).

Richterová J. Kruhové přezky z výzkumu na Jungmannově náměstí v Praze // *Archaeologia historica*, 1996. Roč. 21, Č. 1. S. 493-498. (In Czech).

Riddler I., Trzaska-Nartowski N. Chanting upon a dunghill working skeletal materials in Anglo-Saxon England // *The Material Culture of Daily Life in Anglo-Saxon England*. Exeter: University of Exeter Press, 2011. P. 116-141. (In English).

Riddler I., Trzaska-Nartowski N. Lundenwic and the Middle Saxon Worked Bone Interlude // *Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History*. Oxford: Berforts Information Press, 2013. Vol. 18. P. 75-96. (In English).

Riddler I., Trzaska-Nartowski N. Production in Hamwic: six dials structure 15 // *Close to the bone: current studies in bone technologies*. Belgrade: Institute of Archaeology, Službeni glasnik, 2016. P. 265-283. (In English).

Rijkelijhuizen M. Whales, walruses, and elephants Artisans in ivory, baleen, and other skeletal materials in seventeenth- and eighteenth-century Amsterdam // *International Journal of Historical Archaeology*. United States: Springer New York, 2009. Vol. 13, No. 4. P. 409-429. (In English). DOI: 10.1007/s10761-009-0091-0.

Rijkelijhuizen M., Zeiler J.T., van Dijk. J. Nederlandse Archeologische Rapporten 84. Osseous and keratinous objects from the Netherlands. Amersfoort: Cultural Heritage Agency of the Netherlands, Osage/Xerox, 2024. 383 p. (In English).

Rodet-Belarbi I. La transformation des matières dures d'origine animale en Gaule romaine: ateliers urbains et artisans itinérants // *Artefact. Techniques, histoire et sciences humaines*. Os, bois, ivoire et corne: l'exploitation des matières dures d'origine animale, 2018. No. 7. P. 65-77. (In French).

Safa E. Commentaires sur l'utilisation des copies de flûtes archéologiques en os-Enquête méthodologique et épistémologique // *La flûte, de la Préhistoire au Moyen Âge*. Langentière, France, 2016. P. 1-21. (In French).

Sharples N., Dennis I. Combs and comb production in the Western Isles during the Norse period // *Ancient Lives. Objects, people and place in early Scotland. Essays for David V Clarke on his 70th birthday*. Leiden: Sidestone Press, 2016. P. 331-358. (In English).

Sidéra I. Manufacturing bone tools the example of Kovačevo // *Bioarheologija Na Balkanu. Bilans i Perspektive*. Belgrade, Sremska Mitrovica: Razvojno-istraživački centar grafičkog inženjerstva Tehnološko-metalurškog fakulteta, Univerziteta u Beogradu, 2013. P. 173-178. (In English).

Slivka M. Výrobky z kosti a parohu na Slovensku z obdobia stredoveku // *Archaeologia historica*, 1983. Roč. 8, Č. 1. S. 327-346. (In Slovak).

Slivka M. Parohová a kostená produkcia na Slovensku v období feudalizmu // *Slovenská archeológia*. Bratislava: vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1984. Roč. 32, Č. 2. S. 377-429. (In Slovak).

Radohs L., Ansorge J. Renaissancezeitliche Bein- und Ge-weiheinlagen aus Stralsund-archäologische Hinterlassenschaften eines Büchschäfters // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg-Vorpommern. Lübstorf, Schwerin: Archäologisches Landesmuseum, Landesamt für Bodendenkmalpflege Mecklenburg-Vorpommern, 2016. Bd. 62 (2014). S. 145-206. (In German).

Richterová J. Kruhové přezky z výzkumu na Jungmannově náměstí v Praze // *Archaeologia historica*, 1996. Roč. 21, Č. 1. S. 493-498. (In Czech).

Riddler I., Trzaska-Nartowski N. Chanting upon a dunghill working skeletal materials in Anglo-Saxon England // *The Material Culture of Daily Life in Anglo-Saxon England*. Exeter: University of Exeter Press, 2011. P. 116-141. (In English).

Riddler I., Trzaska-Nartowski N. Lundenwic and the Middle Saxon Worked Bone Interlude // *Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History*. Oxford: Berforts Information Press, 2013. Vol. 18. P. 75-96. (In English).

Riddler I., Trzaska-Nartowski N. Production in Hamwic: six dials structure 15 // *Close to the bone: current studies in bone technologies*. Belgrade: Institute of Archaeology, Službeni glasnik, 2016. P. 265-283. (In English).

Rijkelijhuizen M. Whales, walruses, and elephants Artisans in ivory, baleen, and other skeletal materials in seventeenth- and eighteenth-century Amsterdam // *International Journal of Historical Archaeology*. United States: Springer New York, 2009. Vol. 13, No. 4. P. 409-429. (In English). DOI: 10.1007/s10761-009-0091-0.

Rijkelijhuizen M., Zeiler J.T., van Dijk. J. Nederlandse Archeologische Rapporten 84. Osseous and keratinous objects from the Netherlands. Amersfoort: Cultural Heritage Agency of the Netherlands, Osage/Xerox, 2024. 383 p. (In English).

Rodet-Belarbi I. La transformation des matières dures d'origine animale en Gaule romaine: ateliers urbains et artisans itinérants // *Artefact. Techniques, histoire et sciences humaines*. Os, bois, ivoire et corne: l'exploitation des matières dures d'origine animale, 2018. No. 7. P. 65-77. (In French).

Safa E. Commentaires sur l'utilisation des copies de flûtes archéologiques en os-Enquête méthodologique et épistémologique // *La flûte, de la Préhistoire au Moyen Âge*. Langentière, France, 2016. P. 1-21. (In French).

Sharples N., Dennis I. Combs and comb production in the Western Isles during the Norse period // *Ancient Lives. Objects, people and place in early Scotland. Essays for David V Clarke on his 70th birthday*. Leiden: Sidestone Press, 2016. P. 331-358. (In English).

Sidéra I. Manufacturing bone tools the example of Kovačevo // *Bioarheologija Na Balkanu. Bilans i Perspektive*. Belgrade, Sremska Mitrovica: Razvojno-istraživački centar grafičkog inženjerstva Tehnološko-metalurškog fakulteta, Univerziteta u Beogradu, 2013. P. 173-178. (In English).

Slivka M. Výrobky z kosti a parohu na Slovensku z obdobia stredoveku // *Archaeologia historica*, 1983. Roč. 8, Č. 1. S. 327-346. (In Slovak).

Slivka M. Parohová a kostená produkcia na Slovensku v období feudalizmu // *Slovenská archeológia*. Bratislava: vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1984. Roč. 32, Č. 2. S. 377-429. (In Slovak).

Smirnova L. Comb-making in Medieval Novgorod (950-1450): An Industry in Transition. Oxford: BAR Publishing, 2005. 334 p. (In English).

Spitzers T.A. Late medieval bone bead production: socio-economic aspects based on material from Constance, Germany // *Anthropozoologica*, 1997. No. 25, 26. P. 157-164. (In English).

Spitzers T.A. Die Konstanzer Paternosterleisten - Analyse zur Technik und Wirtschaft im spätmittelalterlichen Handwerk der Knochenperlenbohrer // *Fundberichte aus Baden-Württemberg*. Stuttgart: Theiss, 2013. Bd. 33 (2013). S. 661-940. (In German).

Stephan E., Prilloff R.J. Was landete zu Zeiten des Konstanzer Konzils wirklich im Topf? Froschschenkel und Biberschwanz oder Rind, Schwein, Schaf und Huhn? // *Denkmalpflege in Baden-Württemberg-Nachrichtenblatt der Landesdenkmalpflege*. Stuttgart: Verlagsbüro Wais&Partner, 2017. Bd. 46 Nr. 3. S. 196-202. (In German). DOI: 10.11588/nbdpfbw.2017.3.

Stjernquist B. Uppåkra, a Central Place in Skåne during the Iron Age // *Lund Archaeological Review*. Lund: Institute of Archaeology, 1995. No. 1. P. 89-120. (In English).

Tamla Ü., Maldre L. Artefacts of bone, antler and canine teeth among the archaeological finds from the hill-fort of Varbola // *Crafting Bone: Skeletal Technologies Through Time and Space: Proceedings of the 2nd Meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group*, Budapest, 31 August - 5 September 1999. British archaeological reports: International series. Roman Department, Aquincumi Múzeum: Archaeopress, 2001. Vol. 937. P. 371-381. (In English).

Tomadini N., Moizan E., Bollie A., Grouard S., LeFevre C. Bone artefacts from Colonial sites of Martinique (1645-1902): Between imports and local crafts // *Proceedings of the 26th Congress of the International Association for Caribbean Archaeology*. Sint-Maarten, 2017. P. 1-10. (In English).

Ulrich J. Die bearbeiteten Knochenfunde // *Arbeitsberichte zur Bodendenkmalpflege in Brandenburg* 17. «Das dorff pagerem». Die mittelalterliche Wüstung Pagram bei Frankfurt (Oder). Wünsdorf: Druckhaus köthen GmbH, 2007. H. 17. S. 112-121. (In German).

van Riel S. Viking age combs. Local products or objects of trade? // *Lund Archaeological Review*, 2017. Vol. 23. P. 163-178. (In English).

Vieira V.N., Casimiro T.M., Filipe V., Detry C. Vamos falar com os nossos botões. Uma oficina do século XIX na Mouraria // *Fragmentos de arqueologia de Lisboa 3: Extrair e Produzir... Dos primeiros artefactos à industrialização*. Lisboa: Centro de Arqueologia de Lisboa, 2019. P. 133-140. (In Portuguese).

Vitezović S. Metodologija proučavanja praistorijskih koštanih industrija. Beograd: Srpsko arheološko društvo. Beograd: Srpsko arheološko društvo, DC Grafički centar, 2016. 142 s. (In Bosnian).

Wang H., Campbell R., Fanga H., Houc Y., Lid Z. Small-scale bone working in a complex economy: The Daxinzhuang worked bone assemblage // *Journal of Anthropological Archaeology*. United States: Academic Press Inc, 2022. Vol. 66. P. 1-19. (In English). DOI: 10.1016/j.jaa.2022.101411.

Wärmländer S., Söderberg A. Hollow comb rivets made from strip-drawn copper wire and two possible antler draw

Smirnova L. Comb-making in Medieval Novgorod (950-1450): An Industry in Transition. Oxford: BAR Publishing, 2005. 334 p. (In English).

Spitzers T.A. Late medieval bone bead production: socio-economic aspects based on material from Constance, Germany // *Anthropozoologica*, 1997. No. 25, 26. P. 157-164. (In English).

Spitzers T.A. Die Konstanzer Paternosterleisten - Analyse zur Technik und Wirtschaft im spätmittelalterlichen Handwerk der Knochenperlenbohrer // *Fundberichte aus Baden-Württemberg*. Stuttgart: Theiss, 2013. Bd. 33 (2013). S. 661-940. (In German).

Stephan E., Prilloff R.J. Was landete zu Zeiten des Konstanzer Konzils wirklich im Topf? Froschschenkel und Biberschwanz oder Rind, Schwein, Schaf und Huhn? // *Denkmalpflege in Baden-Württemberg-Nachrichtenblatt der Landesdenkmalpflege*. Stuttgart: Verlagsbüro Wais&Partner, 2017. Bd. 46 Nr. 3. S. 196-202. (In German). DOI: 10.11588/nbdpfbw.2017.3.

Stjernquist B. Uppåkra, a Central Place in Skåne during the Iron Age // *Lund Archaeological Review*. Lund: Institute of Archaeology, 1995. No. 1. P. 89-120. (In English).

Tamla Ü., Maldre L. Artefacts of bone, antler and canine teeth among the archaeological finds from the hill-fort of Varbola // *Crafting Bone: Skeletal Technologies Through Time and Space: Proceedings of the 2nd Meeting of the (ICAZ) Worked Bone Research Group*, Budapest, 31 August - 5 September 1999. British archaeological reports: International series. Roman Department, Aquincumi Múzeum: Archaeopress, 2001. Vol. 937. P. 371-381. (In English).

Tomadini N., Moizan E., Bollie A., Grouard S., LeFevre C. Bone artefacts from Colonial sites of Martinique (1645-1902): Between imports and local crafts // *Proceedings of the 26th Congress of the International Association for Caribbean Archaeology*. Sint-Maarten, 2017. P. 1-10. (In English).

Ulrich J. Die bearbeiteten Knochenfunde // *Arbeitsberichte zur Bodendenkmalpflege in Brandenburg* 17. «Das dorff pagerem». Die mittelalterliche Wüstung Pagram bei Frankfurt (Oder). Wünsdorf: Druckhaus köthen GmbH, 2007. H. 17. S. 112-121. (In German).

van Riel S. Viking age combs. Local products or objects of trade? // *Lund Archaeological Review*, 2017. Vol. 23. P. 163-178. (In English).

Vieira V.N., Casimiro T.M., Filipe V., Detry C. Vamos falar com os nossos botões. Uma oficina do século XIX na Mouraria // *Fragmentos de arqueologia de Lisboa 3: Extrair e Produzir... Dos primeiros artefactos à industrialização*. Lisboa: Centro de Arqueologia de Lisboa, 2019. P. 133-140. (In Portuguese).

Vitezović S. Metodologija proučavanja praistorijskih koštanih industrija. Beograd: Srpsko arheološko društvo. Beograd: Srpsko arheološko društvo, DC Grafički centar, 2016. 142 s. (In Bosnian).

Wang H., Campbell R., Fanga H., Houc Y., Lid Z. Small-scale bone working in a complex economy: The Daxinzhuang worked bone assemblage // *Journal of Anthropological Archaeology*. United States: Academic Press Inc, 2022. Vol. 66. P. 1-19. (In English). DOI: 10.1016/j.jaa.2022.101411.

Wärmländer S., Söderberg A. Hollow comb rivets made from strip-drawn copper wire and two possible antler draw

plates from 11th-12th c. Sigtuna, Sweden // Fornvännen: Journal of Swedish antiquarian research. Solna: Printed in Sweden by AMO-tryck AB, 2019. Vol. 114. No. 2. P. 88-99. (In English).

Abbasova E.I. İlk orta əsrlərdə Azərbaycanda sümükişləmə sənəti (arxeoloji materiallar əsasında) // Azərbaycan arxeologiyası və etnoqrafiyası. Bakı: Xəzər Universiteti, 2016. No. 2. S. 88-96. (In Azerbaijani).

Манојловић-Николић В.Р. О употреби животињских костију и рогова у средњем веку (9-13 век) // Istraživanja, Journal of Historical Researches, 2012. No. 23 (2012). С. 51-61. (In Serbian).

Мядзведзева В.У. Касцяныя вырабы з сярэднявечных гарадоў (па матэрыялах раскопак МА Ткачова) // Castrum, urbis et bellum. Баранавічы: Баранавіцкая ўзбуіненая друкарня. Баранавічы: RUPP «Baranavitskaia ūzbuinėnaia drukarnia». 2002. С. 272-285. (In Belarusian).

Мядзведзева В.У. Касцярэзная вытворчасць Полацкай зямлі IX-XIII стст. Мінск: Беларуская навука. 2013. 235 с. (In Belarusian).

Сергеева М.С. Косторізна справа у стародавньому Києві. Київ: КНТ, 2011. 256 с. (In Ukrainian.)

Сергеева М.С. До вивчення техніки орнаменталізації давньоруських виробів з кістки та рогу з території Середнього Подніпров'я // Давнина. Харківський історико-археологічний щорічник, 2012. Вып. 11. С. 198-210. (In Ukrainian.)

Информация об авторе

Фисенко Алексей Владимирович,

старший научный сотрудник отдела по организации и координации работ по сохранению археологического наследия,
Государственное бюджетное учреждение культуры Псковской области «Археологический центр Псковской области»,
180006, г. Псков, ул. Герцена, 1/1, Россия;
соискатель ученой степени кандидата исторических наук,
Институт археологии РАН,
117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Россия,
e-mail: F1son@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0006-2019-6217>

Вклад автора

Фисенко А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17 марта 2025 г.; одобрена после рецензирования 5 мая 2025 г.; принята к публикации 19 мая 2025 г.

plates from 11th-12th c. Sigtuna, Sweden // Fornvännen: Journal of Swedish antiquarian research. Solna: Printed in Sweden by AMO-tryck AB, 2019. Vol. 114. No. 2. P. 88-99. (In English).

Abbasova E.I. The art of bone processing in Azerbaijan in the early Middle Ages (based on archaeological materials) // Azerbaijan archaeology and ethnography. Baku: Khazar University, 2016. No. 2. P. 88-96. (In Azerbaijani).

Manojlović-Nikolić V.R. On the use of animal bones and horns in the Middle Ages (9th-13th century) // Istraživanja, Journal of Historical Researches, 2012. No. 23 (2012). P. 51-61. (In Serbian).

Medvedeva V.V. Bone products from medieval cities (based on materials from the excavations of MA Tkachev) // Castrum, urbis et bellum. Baranavichy: Baranavichy Expanded Printing House. Baranavichy: RUPP «Baranavitskaia ūzbuinėnaia drukarnia». 2002. P. 272-285. (In Belarusian).

Medvedev V.V. Bone-carving production of the Polotsk land in the 9th-13th centuries. Minsk: Belarusian Science. 2013. 235 p. (In Belarusian).

Sergeeva M.S. Bone-cutting in ancient Kyiv. Kyiv: KNT, 2011. 256 p. (In Ukrainian.)

Sergeeva M.S. To the study of the ornamentation technique of ancient Russian bone and horn products from the territory of the Middle Dnieper region // Antiquity. Kharkiv Historical and Archaeological Yearbook, 2012. Iss. 11. P. 198-210. (In Ukrainian.)

Information about the author

Alexey V. Fisenko,

Senior Researcher, Department for Organization and Coordination of Work on Preservation of Archaeological Heritage,
State budgetary institution of culture of the Pskov region "Archaeological center of the Pskov region",
1/1, Herzen St., Pskov 180006, Russia;
Applicant for the degree of candidate of historical sciences,
Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences,
19, Dmitry Ulyanov St., Moscow 117292, Russia,
e-mail: F1son@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0006-2019-6217>

Contribution of the author

Fisenko A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 17, 2025; approved after reviewing May 5, 2025; accepted for publication May 19, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(47).048
EDN: IKJSXQ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-125-146>

Артиллерия Нерчинского уезда 1658–1710 гг. (1 часть)

Е.А. Багрин¹, А.В. Громов², В.И. Трухин³

¹ Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, Санкт-Петербург, Россия

² Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург, Россия

³ Независимый исследователь, Благовещенск, Россия

Аннотация. Статья посвящена артиллерии Нерчинска и Нерчинского уезда во 2-й половине XVII – начале XVIII в. Структурно исследование разделено на три части. В первой на основании изучения архивных документов авторы показывают, как развивался артиллерийский парк Нерчинска от момента основания города до 1710 г. На начальном этапе этого развития (1658–1684) в Нерчинский уезд поступило только около 7 орудий (в т. ч. пушки медные и железные затинные пищали). В 1684–1685 гг. в связи с угрозой начала вооруженного конфликта с Китаем число пушек, направляемых в Забайкалье, увеличилось, значительная их часть предназначалась для последующей отправки в Албазин в Приамурье. Все эти орудия имели малый калибр и вес. В 1686 г. из Москвы на юг Дальнего Востока в составе полка Ф.А. Головина направили мортиру и 20 полковых пушек, калибром 2 фунта. Эти орудия в совокупности с артиллерией, возвращенной в Нерчинск из Албазина, составили вооружение Нерчинского уезда в 1690–1710 гг. Также представлена информация о нерчинских пушкарях и материальной базе, необходимой для обслуживания мортиры. Во второй части статьи рассматриваются пушки XVII в. из коллекции ВИМАИВИС, привезенные в Санкт-Петербург из Нерчинска в XIX в. (в т. ч. в последствие утраченные). Большая часть из них представляет собой двухфунтовые медные орудия, входившие в состав артиллерии полка Ф.А. Головина. Описаны и уникальные образцы: пищаль мастера Якова XV века, пушка медная Якимы Никифорова, вероятно, участвовавшая в обороне Албазина 1685 г., венецианские корабельные пушечки и др. Сравнение данных из исторических документов и музейных описаний позволяет соотнести часть реальных образцов с документальными упоминаниями. В третью часть включена публикация документа «Приемный список разным военным снарядам и запасам Нерчинского, Теленбинского и Еравинского острогов» (1690 г.).

Ключевые слова: история, Россия, XVII–XVIII века, артиллерия, пушка, пушкарь, Сибирь, Нерчинск, Албазин

Для цитирования: Багрин Е.А., Громов А.В., Трухин В.И. Артиллерия Нерчинского уезда 1658–1710 гг. (1 часть) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 125–146. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-125-146. EDN: IKJSXQ.

History

Original article

Artillery of Nerchinsk District in 1658-1710 (Part 1)

Egor A. Bagrin¹, Andrey V. Gromov², Vladimir I. Trukhin³

¹ Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia

² Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps, Saint-Petersburg, Russia

³ Independent Researcher, Blagoveshchensk, Russia

Abstract. The article is devoted to the artillery of Nerchinsk fortress and Nerchinsk District in the second half of the 17th - early 18th centuries. Structurally, the study is divided into three parts. In the first part, based on a study of archival documents, the authors show how the artillery park of Nerchinsk developed from the time of the foundation of city until 1710. At the initial stage of development (1658-1684), only about 7 pieces (including "copper cannons" and iron wall guns) arrived in Nerchinsk District. In 1684-1685, due to the threat of a military conflict with China, the number of cannons sent to Transbaikalia increased sharply (about 18 pieces), a significant part of them, including one mortar, were intended for subsequent shipment to the Albazin fortress in the Amur region. All these guns had a small caliber and weight. In 1686, a mortar and 20 regimental guns, with a caliber of 2 pounds, were sent from Moscow to the south of the Far East as part of F.A. Golovin's regiment. These pieces, together with the artillery

transported to Nerchinsk from Albazin, constituted the armament of the Nerchinsk District in 1690-1710. In addition to the data directly on the guns, the article provides information on the material base necessary for servicing the mortar, as well as supplies for the manufacture of explosives for its grenades. Data on the Nerchinsk gunners is also provided. The second part of the article examines 17th century cannons from the Military-Historical Museum of Artillery, Engineering and Signals Troops collection, brought to St. Petersburg from Nerchinsk in the 19th century (including those subsequently lost). Most of them are 2-pound "copper" cannons, which probably were part of the artillery of F.A. Golovin's regiment. In addition, unique examples are described, such as the 15th-century arquebus by master Yakov, the copper cannon of Yakim Nikiforov, which probably participated in the defense of Albazin in 1685, Venetian ship cannons, etc. Comparison of data from historical documents and museum descriptions allows us to correlate some of the real samples with documentary references. For example, the 3-pound cannon of Ivan Novgorodets with one of the two guns that became the first artillery of Nerchinsk in 1658. The third part includes the publication of the document "Reception list of various military equipment and supplies of the Nerchinsk, Telenbinsk and Eravinsky forts" (1690).

Keywords: history, Russia, XVII-XVIII centuries, artillery, cannon, gunner, Siberia, Nerchinsk, Albazin

For citation: Bagrin EA., Gromov A.V., Trukhin V.I. (2025) Artillery of Nerchinsk district 1658-1710 (Part 1). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 125-146. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-125-146. EDN: IKJSXQ.

Постсоветский период развития Отечественной истории связан с большим интересом в обществе к военной истории России. Появилось большое количество исследований, касающихся тех ее аспектов, которые прежде не находили должного внимания. В советское время исследователи, изучавшие дореволюционную Россию, концентрировали свое внимание, прежде всего, на эпохе Петра I и периоде Отечественной войны 1812 г., в то время как допетровская эпоха оставалась в «тени». Многие вопросы не находили освещения и из-за идеологических ограничений. Например, изучению вооруженных сил России в Сибири конца XVI – начала XVIII в. препятствовала установка на освещение хода сибирской истории только в рамках процесса, имевшего преимущественно мирный, хозяйственный характер освоения новых земель. Одним из новых и перспективных направлений в изучении времени, предшествующего петровской эпохе, является исследование истории артиллерии России в начальный период ее появления и развития в XVI–XVII вв. Значение этого периода сложно переоценить, т. к. появление нового вооружения и технологий прямым образом повлияло на возможность России защитить и расширить свои границы, а также укрепить экономику в связи с необходимостью развивать отрасли, связанные с металлургией. (См. например: Лобин, 2019; Лобин, 2021; Лобин, 2022). Активное внедрение огнестрельного оружия и эффективных способов его применения позволяет ряду отечественных историков рассматривать этот процесс в рамках концепции «пороховых империй», которые добились большого успеха на геополитической арене благодаря артиллерии, позволившей сокрушить на поле боя оппо-

нтов России (Зинькина, Ильин и др., 2016. С. 247–248, 288–289)¹.

Исследуются и различные аспекты развития артиллерии в отдельных регионах России, в частности в Сибири и на Дальнем Востоке (См. например: Баранович, 2015; Суханов, 2024; Фаистов, Татауров, 2014 и др.). В то же время процесс формирования и состав артиллерийского вооружения Нерчинского уезда в XVII – нач. XVIII в. еще не были предметом специального исследования. Общие сведения, касающиеся этого вопроса, приводились в монографиях и статьях, посвященных присоединению к России Забайкалья и Приамурья, но имели фрагментарный характер (См. например: Александров, 1984; Артемьев 1999; Васильев, 1916; Пузанов, 2010). Кроме того, некоторые данные приведены в специальных работах, обращаясь к истории вооружения русских на Юге Дальнего Востока (Багрин, 2013а; Багрин, 2013b; Багрин, 2024; Рудакова, 2013).

В то же время вооружение артиллерией русской военной силы на юге Дальнего Востока в значительной степени влияло на успех закрепления России на новых территориях, так что этот процесс требует тщательного изучения. В данной статье авторы попытались соединить все известные им сведения по этому вопросу, отраженные в письменных исторических источниках с данными о коллекции нерчинских пушек XVII в., находящихся в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (г. Санкт-Петербург).

¹ Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротаев А.В. Историческая глобалистика. М.: Московская редакция изд-ва «Учитель», Изд-во Московского университета, 2016. Т. 1. 415 с. EDN: YJZNWV.

1. Артиллерия Нерчинского уезда 1658–1684 гг.

Первые пушки в Даурию доставил воевода А.Ф. Пашков, построивший в 1658 г. Нерчинский острог, ставший военно-административным центром Восточного Забайкалья. Правительство не выделило артиллерию для вооружения даурского полка, который возглавлял Пашков, направляясь из Енисейска в забайкальскую экспедицию. Поэтому воевода по собственной инициативе взял две пушки в Балаганском остроге. При этом одну из этих пушек Пашков специально послал в Балаганский острог перед началом экспедиции. Из росписи казны, передаваемой Пашковым в 1662 г. Л.Б. Толбузину, сменившему его на посту главы нерчинской администрации, известно, что это были «пушки медные» весом 12 и 28 пуд. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 132. Л. 182; Стлб. 508. Л. 144в, 314–315). Исходя из их веса, следуя «Описи пушек, затинных пищалей» 1710 г. в Нерчинске, предположительно, это могли быть: 2-х фунт. орудие длиной 2 аршина 7 вершков и 4-х фунт. орудие длиной 3 аршина 3 чети (см. таблицу № 7 орудие: № 3 и 20) (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1977. Л. 1 об.–4). В полку Пашкова среди кузнецких служилых людей числился пушкарь Ивашко Федоров сын Немчин. В 1669 г. очередной нерчинский приказчик Д.Д. Аршинский сообщал о наличии в его распоряжении только 2-х пушек². По всей видимости, они оставались единственной артиллерией Нерчинского уезда как минимум до ноября 1673 г., когда «нерчинские остроги» принял П.Я. Шульгин. В росписи принятого им вооружения числились 2 пушки «в станках» и 30 пуд. пушечного пороха, 36 пуд. и 3 гривенки свинца. Пушкарем и оружейным мастером в Нерчинском уезде с января 1671 г. до 1685 г. был кузнец Козма Федоров Новгородец (РГАДА. Ф. 62. Оп. 1. Реестр 1. № 1. Л. 111 об.; Ф. 1142. Оп. 1. Д. 2. Л. 45–46; Д. 13. Л. 87–89; Д. 34. Л. 86; Ф. 214. Оп. 1 Ч. 3. Ед. хр. 782. № 6. Л. 82).

² Отметим, что в Якутске в 1669 г. было только 2 боеспособных полковых пищали, что в целом отражает невнимательность правительства к состоянию обороноспособности военного контингента на Востоке России. В Енисейске после 1667 г. было не менее 9 пушек, присланных из Тобольска. К началу 1673 г. воевода К.А. Яковлев наладил производство артиллерии в самом Енисейске, сделав 5 «пищалей медных» и 12 железных (затинных). Всего в 1673 и 1676 гг. на месте было сделано 18 орудий (ДАИ. Т. 6. 1857. С. 85, 154; Красноштанов, 2008. С. 148; Барахович, 2019. С. 25, 33).

Для обороны большого уезда 2-х пушек было явно недостаточно. По расчетам А.Ф. Пашкова на его вооружение требовалось минимум 10 полковых пушек, 500 пудов пороха и 500 пудов свинца. Он даже просил Сибирский приказ отдать ему 6 пушек, находившихся в Якутске, под предлогом того, что в Якутском уезде жили только ясачные люди. Пашков предлагал быстро перевезти якутские пушки в Даурию через Тугирский волок, а в Якутск без спешки отправить новую партию артиллерии из Москвы (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 344. Ч. II. Л. 580; Стлб. 508. Л. 313–316) (ДАИ³. Т. 3. 1848. С. 343–345). В 1670 г. Толбузин, основываясь на семилетнем опыте службы в Нерчинском уезде, сообщил в Сибирском приказе, что для обороны Восточного Забайкалья и Албазина необходимо не менее 20 пушек, т. к. «прилегли многие иноземные орды мугальские и братские и немирные тунгусы» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 35–39, 53, 56, 61).

Сибирский приказ пытался решить вопрос увеличения артиллерийского наряда за счет ресурсов Тобольска и других сибирских военно-административных центров. Однако все они сообщили об отсутствии возможности выслать пушки в Нерчинск. В 1671–1674 гг. в Нерчинский уезд через Енисейск, через Баргузинский острог доставили несколько партий пороха и свинца⁴ в сопровождении Я. Ястребника, Ф. Мешинина, Г. Бурнова, М. Панкратова, М. Свинына, Б. Тутолмина и А. Ботова В т. ч. одну из самых крупных партий: 54 пуда пороха и 38 пудов свинца (в июне 1672 г.), что, например, значительно превышало норму боезапаса, отсылаемого в Якутский уезд, которая составляла по 30 пудов пороха и свинца «с бочками, рогожками и веревками» на 3 года и еще по 15 пудов для походов на новые территории) (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 96. Д. 14. Ст. 1; Д. 18. Ст. 1–3; Д. 19. Ст. 1) (АИ⁵. Т. 4. 1842. С. 481–482; ДАИ. Т. 6. 1857. С. 154; Т. 7. 1859. С. 129–130; Т. 8. 1862. С. 95).

³ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб. : В типографии Эдуарда Праца, в Офицерской улице, дом № 26, 1846. Т. 2. 295 с.; 1848. Т. 3. 557 с.; 1851. Т. 4. 439 с.; 1853. Т. 5. 528 с.; 1857. Т. 6. 503 с.; 1859. Т. 7. 385 с.; 1862. Т. 8. 359 с.; 1875. Т. 9. 357 с.; 1867. Т. 10. 504 с.; 1869. Т. 11. 312 с.; 1872. Т. 12. 447 с.

⁴ В этот период пуд пороха стоил в Даурии 16 руб., а пуд свинца – 5 руб. (Красноштанов, 2008. С. 139, 142).

⁵ Акты исторические, собранные и изданные археологической комиссией. СПб. : В Типографии II-го Отделения Соб-

В 1672 г. нерчинские служилые прислали в Енисейск казачьего десятника В. Захарова с челобитной, в которой отмечалось, что «ведомо де им в Нерчинском остроге учинилось богдойские де воинские люди и иных немирных землиц иноземцы хотят итить войною на Нерчинские остроги а в Нерчинском де остроге наряду пушек и пищалей нет оборонитца от неприятельских людей нечим» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 232). 8 августа 1672 г. в Нерчинский уезд из Енисейска вместе с Захаровым были отправлены 2 артиллерийских орудия. Первое: «пищаль медная полковая», длиною 2 аршина и весом 6 пуд. 2 чети с 20-ю ядрами железными, весом каждое в полтора фунта («гривенка с четью») (в другом документе вес 6 пуд. 20 гривенок), калибр 1 гривенка «без чети»). Второе: пищаль затинная железную «енисейского дела» длиною 3 аршина с 30 ядрами железными «ядро весом 20 золотников». Не позднее июля 1675 г. эти орудия были переданы в Албазин с новым приказчиком острога А. Шехтиным (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1659. Л. 232) (АИ. Т. 4. 1842. С. 482; Трухин, 2020. С. 204).

Не раньше 22 марта 1675 г. в Нерчинский уезд должны были поступить пушки, которые из Баргузина сопровождал служилый человек Левка Свешник (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 7. Л. 1). Мы не знаем, что это были за орудия, однако можем предположить, что это были «пушки железные», бывшие в артиллерийском наряде Нерчинска в 1681 г.

В июне 1676 г. тобольский драгунского строя поручик Яков Тырков доставил из Тобольска в Енисейск, а затем в Даурию 2 пушки медные, а также 20 пудов свинца и порох «московской посылки». Одна из пушек имела вес 19 пуд. 20 гривенок, другая 19 пуд. 10 гривенок. Обе имели длину 3 аршина 7 вершков, станки и колеса. Кроме того, с ним отправили 2 пушки калибром по 2 гривенки, присланные в 1674/1675 (7183) г. из Тобольска с якутским служилым человеком Володькой Отласовым длиною по 1 аршину 10 вершков в станках, весом по 10 пуд. каждая. К ним 497 ядер железных (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 3. Л. 16а).

Посланные в Даурию орудия, ядра, порох, свинец и ручные пищали сначала прибывали в Удинск, а оттуда перевозились в Нерчинск нерчинскими слу-

жилыми людьми вместе с албазинцами. До Еравнинского им должны были помогать и селенгинские служилые люди (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 13. Л. 57). В сентябре 1678 г. исполняющий должность теленбинского приказчика нерчинский сын боярский Бажен Никитин сообщил, что в Удинске перевести до Плотбища пушечные ядра, порох и свинец нанялся торговый человек Максим Стефанов Бурдуковский «и те ядра неведомо как провезены были в муке в сумках на Витим». Откуда назад в Теленбинский острог 17 ядер привез служилых человек Г. Фунтасов, а далее в Нерчинск их переправил торговый человек Иван Семенов Смойлов (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 14. Л. 7).

В августе 1678 г. в Теленбинске находились 4 «пушки медные», присланные из Тобольска. Нерчинский приказчик енисейский стрелецкий и казачий голова Андрей Строганов получил приказ отправить их в Нерчинск. Одну из них предполагалось отправить в Албазин, снабдив ее 30 железными ядрами, 10 пуд. пороха и 5 пуд. свинца (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 13. Л. 57).

В 1681 г. «большой» наряд Нерчинского уезда, по сведениям казаков, приехавших в Москву, составлял 2 «пушки медные длиною сажени по полтора», несколько пушек железных в Нерчинске, а также 2 пушки медные «невелики, длиною аршин по полтора» в Теленбинске. Кроме того 3 пушки (одна из них весом 21 пуд. «с полупудом», вторая – 21 пуд. «треть пуд. с четью»), посланные из Москвы в Даурию, хранились в Удинске, так как для их перевозки искали подводы (Зуев, 2023). В других «нерчинских» острогах пушек не было. Сведения казаков подтверждаются данными табл. 1, где отмечены все известные нам поступления артиллерии в Нерчинский уезд к 1681 г.

Усиление Теленбинска артиллерией произошло не раньше весны 1681 г., так как в апреле этого же года, его арсенал состоял только из затинной железной пищали, располагавшейся на одной из башен (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 23. Л. 81–82) (Зуев, 2023).

В 1681 г. из Нерчинска в Албазин были переданы 2 пищали медные на станках с колесами: одна пушка весом 19 пуд. 20 гривенок с запасом 38 ядер (вес по 2 гривенки) и вторая весом 9 пуд. 10 гривенок с 7 ядрами (вес по 2 гривенки без чети). Это были орудия из партии, поступившей в Нерчинск в 1676 г. Всего артиллерийский наряд Албазина к этому времени включал в себя 3 орудия. В 1681–1683 гг. к ним было 110 ядер железных, от 34 до

ственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. Т. IV. 598 с.; 1842. Т. V. 568 с.

Таблица 1. Артиллерия Нерчинска в 1658–1681 гг.

Table 1. Artillery of Nerchinsk in 1658-1681

Тип артиллерийского орудия	Длина	Вес	Калибр	Дополнительные сведения
Пушка медная в станке	Предположительно, 2 аршин 7 вершков	12 пуд.	Предположительно, 2 фунта	–
Пушка медная в станке	Предположительно, 3 аршина 3 чети	28 пуд.	Предположительно, 4 фунта	–
«Пищаль медная полковая» длиною и весом	2 аршина	6 пуд. 2 чети	Полтора фунта или «гривенка с четью»	В 1675 г. в Албазин
Пищаль затинная железная	3 аршина	–	«ядро весом 20 золотников»	В 1675 г. в Албазин
Пищаль затинная железная	–	–	–	До 1681 г. в Теленбинске
Пищаль затинная железная	–	–	–	В Албазин в 1681 г.
Пищаль затинная железная	–	–	–	В Албазин в 1681 г.
Пушка медная «со станки и колеса»	3 аршина 7 вершков	19 пуд. 20 гривенок	2 гривенки	В Албазин в 1681 г.
Пушка медная «со станки и колеса»	3 аршина 7 вершков	19 пуд. 10 гривенок	–	–
Пушка в станке	1 аршин 10 вершков	10 пуд. (или 9 пуд. 10 гривенок)	2 гривенки	В Албазин в 1681 г.
Пушка в станке	1 аршин 10 вершков	10 пуд.	2 гривенки	–
Пушки железные (затинные?)	–	–	–	Вероятно, 3 ед. переданные в Албазин в 1685 г. (см. табл. 2)
Пушка медная	Предположительно, 3 аршина 7 вершков	21 пуд «с полупудом»	Предположительно, 2 гривенки	–
Пушка медная	Предположительно, 3 аршина 7 вершков	21 пуд «треть пуд. с четью»	Предположительно, 2 гривенки	–
Пушка медная	–	–	–	–

47 пуд. 1 ¼ гривенки пороха, от 42 пуда 8 ¼ гривенки до 25 пуд. свинца. Пушки располагались в башне с проездными воротами (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 19. Л. 28–29 об.; Д. 26. Л. 11–14; Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 973. Л. 167–168) (Албазинское воеводство⁶. 2019. С. 183) (Крадин, 1992; Трухин, 2020. С. 207, 213–214).

В 1681 г. в отряде нерчинского сына боярского И. Милованова, инспектировавшего укрепления на реках Зея и Селимба, куда он был назначен приказчиком, находились 2 затинные пищали железные и к ним 30 железных ядер (позже боезапас вырос до 150

ядер). Это оружие скорее всего было выдано Милованову в Албазине, куда его прежде, вероятно, привез Андреей Воейков. В период 1681–1683 гг. одна из них с 10 ядрами, пудом пороха и пудом «шесть безмен» свинцу была отдана на вооружение отряда Г. Фролова, отправленного на р. Амгунь, а вторая с 30 ядрами, 1 ½ пуда пороха и свинца, вероятно, в поход Г. Мыльнику на р. Зею (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 26. Л. 11–12; Д. 102. Л.1; Ф. 1177. Оп. 1. Ед. хр. 124. Л. 17) (АИ. Т. 4. 1842. С. 481–482) (Трухин, 2020. С. 203–204). Вероятно, до отправки в Албазин одна из них могла состоять на вооружении Теленбинска.

Отмечено также, что зимой 1682 г. нерчинские пушки брались в поход на «воровских» тунгусов (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 24. Л. 14, 24–26).

⁶ Албазинское воеводство (сборник документов) / Трухин В.И., Крюков В.В. Изд. 2-е, испр. и доп. Хабаровск, 2019. 628 с.

Таким образом, в Нерчинском уезде (исключая Албазинский острог) к 1682 г. находилось не менее 7 пушек «медных». Главным образом это были серийно выпускавшиеся полковые орудия длиной 3 аршина 7 вершков (3 ед.) и 1 аршин 8 (10) вершков (2 ед.) калибром 2 гривенки, а также, вероятно, 4-фунтовое орудие.

В дальнейшем в плоть до 1685 г. артиллерийский наряд Нерчинска, видимо, не пополнялся. И.Е. Власов, назначенный управлять Нерчинским уездом вместо прежнего воеводы Ф.А. Воейкова, принял «по острогу снаряду шесть пушек медных» и 414 железных ядер «больших и средних малых», 58 пуд. 28 фунтов пороха «мелкого и крупного», 24 пуда свинца (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 782. Д. 35. Л. 559).

2. Артиллерия Нерчинского уезда 1685–1689 гг.

1680-е гг. ознаменовались резким увеличением военного контингента в Восточном Забайкалье т. к. нарастала опасность вооруженного конфликта с Китаем. В этот период артиллерийский наряд Нерчинского уезда был существенно усилен. 13 сентября 1683 г. из Енисейска отправили пушку медную длиной 2 аршина 3 вершка, весом 11 пуд. 5 фунтов, калибром 1 гривенка и 60 железных ядер к ней, 4 бочки пороха общим весом 29 пуд. 11 ½ фунта и 27 пуд. 6 фунтов свинца вместе с нерчинским десятником С.М. Вешняком и енисейским казаком С.Д. Жарениковым, сопровождавшими новоприборных служилых людей (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 24. Л. 24–25; Д. 33. Л. 60; Ф. 214. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 782. Д. 35. Л. 559).

Осенью 1683 в Нерчинск через Иркутск и Удинск из Енисейска двумя посылками отправили 3 пушки медные, 3 затинные пищали, 54 пуда 34 гривенки пороха и 60 пуд. свинцу, ядра и дробь, 200 пищалей, 100 бердышей, знамя и барабан. Перевозил их енисейский сын боярский Борис Кулаковский и иркутский сын боярский Остафей Перфильев. В Удинске случилась задержка т. к. селенгинский приказной Иван Поршеников, отказавшийся выдать подводы: «говорил что он на Леонтия Кислянского (иркутского воеводу – Авт.) не извощик». Сам Поршеников уверял, «что застоялась де в Удинском пороховая казна не от него Ивана а ... нерадением посыльщиков и везли в Удинской из Иркутского самым последним водяным путем и стояла под Иркутским 4 недели и дорогою шли до Удинского мешкотно и отпустить было ему Ивану тое

казну в Нерчинской за малолюдством и за скудостью подвод некоторыми мерами нельзя грязи и речки замерзли. А присылаютца де из Нерчинского и приходят по хлебные запасы караваны болшие по полтора и по 100 человек по трижды на год. И той осени в Удинском был караван немалой и дожидался той пороховой казны многое время до самого поздого пути и дождатца не могли». Подводы обычно брали у нерчинских ясачных бурятов, которые кочевали по р. Селенге к оз. Байкал. В июле 1684 г. балаганский приказчик енисейский сын боярский Тимофей Карпов получил приказ из Енисейска, предписывающий ему на месте разобраться в ситуации и организовать отправку пушек вместе с селенгинскими, албазинскими и нерчинскими казаками. В 1684/1685 (7193) гг. пушки прибыли в Нерчинск, однако они не были доставлены в Албазин до момента его осады маньчжурами. 25 мая 1686 г. в Сибирском приказе было решено наказать Перфильева батогамы «что б на то смотря иным прикащиком не повадно было так дуровать и такие казны их нерадением задерживать» (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 974. Л. 167–175).

В августе 1684 г. в Даурию из Енисейска были отправлены 4 пушки «медных» на дощаниках с албазинскими, нерчинскими и иркутскими служилыми людьми. Албазинский казачий пятидесятник Василий Кулебякин отказался везти на своем дощанике эти 4 пушки, так как не хотел переносить их по берегу при прохождении порогов на р. Тунгуске. Конфликт между ним и другими казаками дошел до ругани и драки. В итоге Кулебякин все-таки бросил пушки на берегу около Балаганского острога, откуда их на лодке отвезли на другой дощаник. В одной из партий служилых людей, прибывших в Забайкалье, числился пушкарь (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 19–20; Д. 34. Л. 23–25; Архив СПбНИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 841. Ст. 21–22).

В виду ожидаемого подхода к Нерчинску значительных воинских сил маньчжуров, по просьбе нерчинского воеводы из Илимска в Нерчинск с казачьим десятником В. Сенотрусовым отправили 2 пушки «медные на станках» (одна весом 6 пуд. 25 гривенок, вторая – 6 пуд. 20 гривенок), по 12 пуд. пороха и свинца и 50 железных ядер (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3 Стлб. 973 Л. 90).

В этот же период в Нерчинске умер «пушкарь и бронный мастер» Козьма Новгородцев, бывший единственным специалистом по артиллерии с

1670-х гг. В его место с 1 февраля 1685 г. был поверстан Елизар Ларионов. В 1683/1684 (7192) г. в Албазине во время перекрутки пороха взорвался нерчинский пороховой мастер казак Филька Прокопьев Новгородец вместе с промышленным человеком, бывшим у него в помощниках. Летом 1685 г. для завершения работы с порохом из Енисейска в Нерчинск и затем в Албазин временно прибыл енисейский казак Петр Островской (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 34. Л. 86–86 об.; Ф. 214. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 782. Л. 17 об., 48, 82).

Прибывавшие в Нерчинск пушки пристреливались: «для отвеживания по целе ис пушек на шесть зарядов вышло пороху дватцать три фунта, а ядра в расход не писаны для того что они в тож время ссыканы». К одному из орудий был «вновь скован» пушечный вертлюг (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 782. Д. 35. Л. 561 об.–562, 566 об.).

В Албазин до июня 1685 г., когда он был осажден маньчжурами, пушки больше не присылались, однако боезапас был увеличен и достиг 48 пуд. пороха и 43 пуд. свинца. Все эти запасы были израсходованы в ходе обороны острога, а артиллерия после его сдачи досталась маньчжурам (при этом одна из 3-х пушек была разбита ядром во время боя). На помощь Албазину из Нерчинска отправился отряд Анцыфера Кондратьева, куда вошли 2 пушкаря из «присыльных Московских людей», 2 пушки медные весом по 6 ½ пуда и 3 затинных пищали, к ним 30 ядер больших и 200 ядер малых железных, 8 пуд. «без чети» пороха, 7 пуд. с «полупудом» свинца. Однако этот отряд, встретив на дороге разгромленный албазинский гарнизон, вернулся обратно (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 26. Л. 11–14; Д. 35. Л. 1, 9–10, 14–16, 18; Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 973. Л. 167–168) (Албазинское воеводство. 2019. С. 307–311; ДАИ. Т. 10. 1867. С. 204–206, 229; Т. 11. 1869. С. 80–84, 173–174; Т. 12. 1872. С. 107–114) (Трухин, 2020. С. 203–204; Паршин, 1844. С. 160–162).

В 1685 г. в Забайкалье прибыл полк под руководством Афонасия Бейтона: 576 ратников из западносибирских городов и Енисейска, 10 полковых пушек «тобольской присылки» и 229 железных ядер к ним, 118 пуд. пороху ручного и пушечного (по 50 пуд. каждого вида), 130 пуд. 26 фунтов свинца. Артиллерия из Тобольска в Енисейск была доставлена тобольским сыном боярским Борисом Неприпасовым. В их число входили: 2 пушки калибром 2 гривенки (к

ним 50 ядер), 5 пушек калибром 1 гривенка (к ним 70 ядер), 1 пушка калибром ¾ гривенки (к ней 30 ядер), 2 пушки калибром ½ гривенки (к ним 70 ядер). К ним полагалось еще 30 пуд. 26 гривенок свинцу для изготовления ядер. Одну из этих пушек Бейтону предписывалось оставить в Иркутске, а вторую в Селенгинске и по 10 пуд. пушечного пороха к ним. Все эти орудия прибыли в Нерчинск уже после осады маньчжурами Албазина в 1685 г. Доставка пушек и припасов к ним в Нерчинск существенно задержалась. Сначала из-за своевольтва части входивших в полк новоприборных людей, не хотевших переправлять пушки через Макровский волок, затем в Енисейском уезде из-за заморозков, сковавших реки. Затем в Удинске в Пинчюйской деревне из-за того, что монголы отогнали полковых лошадей. Время было упущено и суда снова замерзли на реке, а зимней дороги оттуда не было. Казаки несколько недель ходили в поход на кочевников, взяв с собой 2 пушки. Одну из них «на бою де от стрельбы ... роздуло и край у дула вырвало на четверть». Из числа вышеперечисленных пушек пятидесятник Василий Денисов Смиреников привез в Нерчинск нартами два самых легких орудия: 2 пушки калибром ½ фунта и 14 ядер железных к ним, а также «пушку медную испорченную ядром в фунт» (Авт. – раздувшуюся в бою с монголами) и 9 ядер к ней. Вместе с ними в 3 бочках было 18 ¼ пуд. пушечного и ручного пороха (кроме того еще 5 пуд. «моклого»). Казачий пятидесятник Дмитрий Дадыкин привез еще 6 из «недовозных» орудий и 195 железных ядер к ним, 5 пушечных вертлюгов, 3 гранатных ядра «пудовых». К этому моменту в Удинске оставалась еще одна «медная пушка» и 10 ядер к ней, а также 31 пуд. пороха (в т. ч. 15 пуд. 16 фунтов пушечного). 3 орудия полка Бейтона должны были отправить в Албазин, но не успели, т. к. крепость была разгромлена маньчжурами (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 28. Л. 19–20; Д. 34. Л. 23–25; Ф. 214. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 782. Д. 35. Л. 560–560 об., 565–566; Оп. 3. Стлб. 973. Л. 210–214; Стлб. 1355. Л. 167–189; Архив СПбИИ РАН. Ф. 160. Оп. 1. Д. 841. Ст. 21–22) (Албазинское воеводство. 2019. С. 276–277).

В 1683/1684 (7192) г. из Москвы в Тобольск, а затем в Енисейск вместе с енисейскими служилыми людьми сотником Иваном Путиловым и пятидесятником Мишкою Абалаковым отправили 1000 бердышей, 5 знамен дорогильных и 5 знамен киндяшных, а также «пушка медная верховая ядром в пуд к

ней по кружалу пятьдесят гранатов да пять сот гранат ручных и всякие гранатные припасы». Мортиру сопровождал гранатчик Гришка Фомин, который должен был в Енисейске «всякому гранатному делу и к стрельбе из верховой пушки выучить учеников». Затем его предписывалось выслать назад в Москву (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1355. Л. 167–189).

Отправка в Даурию мортиры задержалась по той же причине, что и пушки: новоприборные служилые люди, отправленные из Тобольска для защиты Албазина, расположившись на Усть-Кети долгое время не отдавали ее енисейским властям, рассчитывая довести ее до Нерчинска своими силами. Они отказали сначала в передаче артиллерии енисейскому сыну боярскому Ивану Пачирскому с «отдаточными целовальниками с енисейскими посацкими людьми», а затем дьяку Богдану Софонову и прежнему стрелецкому и казачьему голове Андрею Строганову. Последние кроме мортиры, имели приказ забрать у новоприборных казаков 2 полковых пушки и к ним 120 ядер железных, 40 пуд. тридцать четыре гривенки пороху пушечного и ручного, 65 пуд. 5 гривенок свинца вместо 2-х енисейских пушек и боеприпасов, посланных прежде в Даурию «с енисейскими и 3 даурскими служилыми людьми с Стенькою Жарениковым с Сенкою Вешняком с товарищы в дву отпусках» (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1355. Л. 167–189).

Из Енисейска в Даурию вместе с верховой пушкой (мортирой) «ядром в пуд» отправили 52 гранаты и 2 ядра «духовые зажигающие», а также «гранатными припасы» и 300 «ядер ручных гранатов» (см. табл. 2). Сопровождал ее енисейский казак Иван Попов, имевший специальное задание: обучить 4-х нерчинских казаков гранатной стрельбе. В результате этой учебы гранатчиками стали: пушкарь Елизарко Ларионов, енисейский присыльный тобольский казак Якушка Судейкин и десятник конных казаков Митька Верещагин. В росписи расходов нерчинских военных запасов отмечено, что «для учения в Нерчинске гранатного дела учеников выстреляно из гранатки ядро пудовое да ручных пять ядер брошено с руки». Ларионова и Судейкина направили в новую Албазинскую крепость вместе с мортирой («пушка верховая»), 30 пудовыми гранатами, 70 ручными гранатами⁷ и 5 ядрами «духовыми зажи-

гальными» (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 41. Л. 48–49; Ф. 214. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 782. Д. 35. Л. 563 об.–565, 567 об.–568).

В августе 1685 г. для постройки новой крепости в Приамурье к месту прежнего Албазинского острога из Нерчинска направились несколько военных отрядов. Часть из них везла с собой артиллерию. Группа, отправившаяся с Бейтоном, везла пушку «медную в станку» калибром 1 фунт и к ней 20 ядер железных, 13 пуд. 6 ½ фунтов пороха (в т. ч. 10 пуд. 26 ½ фунта ручного пороха и 2,5 пуда пушечного), 10 пуд. 16 ½

Таблица 2. Материалы и вещества, использованные в Нерчинске для изготовления 5-ти «духовых» зажигательных ядер

Table 2. Materials and substances used in Nerchinsk for the manufacture of five «smelling» («stinky») incendiary cannonballs

№	Наименование	Количество
1	Селитра	28 фунтов
2	Сера горячая	14 фунтов
3	Нефть и скипидар	72 золотника
4	Канфара	1 фунт 25 золотников
5	Ентарная мука	84 золотника
6	Калафония	84 золотника
7	Ентарное масло	3 золотника
8	Терпетин	1 фунт 24 золотника
9	Терпетинное масло	3 золотника
10	Белая смола	2 фунта
11	Ртуть	4 фунта
12	Антимония	3 фунта 72 золотника
13	Сулема	3 фунта 72 золотника
14	Мышьяк	3 фунта
15	Олифа	1 золотник
16	Бумазея	4 аршина
17	Александринская бумага	4 листа
18	Хлопчатая бумага	¼ фунта
19	Веревка	5 ½ фунта
20	Фитиль	1 ½ фунта
21	Кольца железные	5 штук
22	Чашки	5 штук
23	Пули свинцовые	12 фунтов
24	Стволины железные	250 штук
25	Трубки точеные	13 штук

ди инвентаря, необходимого для изготовления гранат, отмечены александринская бумага, железные крюк, уполовник, трубочные набойник и прибойник, медные проволока и котел объемом 2 ведра, весом 10 фунтов.

⁷ Гранаты снабжались точеными трубками для зажигания состава, который состоял из селитры и серы «горячей». Сре-

фунтов свинца. Отряд Толбузина – 4 пушки медных «в станках на колесах» (в т. ч. «нерчинские»: пушка весом 19 ¼ пуда, и пушка весом 8 ½ пуда и 100 ядер железных; «енисейской присылки» 2 пушки по 5 ¼ пуда) с 160 железными ядрами, 2 пищали затинных железных и к ним 500–900 ед. дроби, по 40 пуд. пороха и свинца. Среди служилых людей были московские пушкарки из числа ссыльных в Даурию военных. Третью затинную железную пищаль привезли Ивашка Мартынов и Ивашка Белокопытов. Еще 3 пушки «медных» привез Бориско Тархов: 1-на калибром 2 фунта и 2-ве калибром 1 фунт к ним 60 ядер железных, «да на ядро ж» 8 ¼ пуд. свинца, 40 пуд. пороха пушечного. Васья Деревцов и нерчинский пушкар доставили в Албазин 11 сажень фитилю. К концу августа 1685 г. в Албазин удалось доставить по 30 пуд. свинца и пороха. К началу июля 1686 г. в артиллерийский наряд Албазина входили 8 пушек медных (2 «большие» и 6 «полковых»), 3 затинных пищали и пудовая мортира с 30 гранатами и 5 «духовыми» ядрами, которые после выстрела выделяли едкий удушливый дым, 112 пуд. 36 ½ фунтов пороха и 60 пуд. 6 ½ фунтов свинца (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 35. Л. 24–26; Ф. 214. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 782. Д. 35. Л. 562, 569; Архив СпбИИ РАН. Ф. 160. Ед.хр. 891. Ст. 20–21) (АИ. Т. 5. 1842. С. 183–186; ДАИ. Т. 10. 1867. С. 241–242, 254, 258–260, 263–265; Т. 12. 1872. С. 107–114, 254; Паршин, 1844. С. 164–166, 199–200; Албазинское воеводство, 2019. С. 276–279; РКО⁸. 1972. С. 84, 123, 127).

Среди пушкаррей, посланных в Албазин упоминаются: Елизарко Ларионов, Якушка Судейкин⁹,

⁸ Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М.: Наука, 1972. Т. 2. 835 с.

⁹ В 1687 г. из Албазина жаловались на «озорничество и плутовство» гранатчика Якушки Судейкина, который называл бунтовщиком Бейтона, руководившего Албазинской крепостью, и хотел заколоть его, выхватив нож из ножен. Служилые люди отняли у него из рук оружие, и Судейкин был посажен в колоду, а Бейтон попросил в Нерчинске нового гранатчика. Судейкин, находясь под арестом, угрожал служилым людям, так что им пришлось караулить его круглосуточно. В то же время отправить его в Нерчинск не могли из-за малочисленности гарнизона. В изветных челобитных на Судейкина албазинцы указывали, что во время осады китайцами крепости он «при нужном времени помочи нам не подовал из гранатки по многие времена не стрелял) по неприятельских людях. И мы ... ему Якову по многие времена говорили что видячи великую нужду от неприятельских людях что б он из гранатки стрелял и он ... многажды отказы-

Сенька Михайлов, Алешка Насетнин, Коземка Данилов, Мишка Елисеев (вероятно, он же Марков), Микита Иванов сын Быстрой (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 3. Кн. 782. Д. 35. Л. 65 об. и др.)¹⁰. В 1687 г. в Нерчинске находился кузнец Иван Колмогор, которого албазинцы просили отправить к ним в крепость для починки оружия (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 39. Л. 39).

Таким образом, значительная часть артиллерии, поступившей в Нерчинск в 1682–1685 гг., была передана в Албазинскую крепость (см. табл. 3). В июле 1686 г. «во всех Даурских острогах» (исключая Албазин) осталось только 7 пушек, 66 пуд. одна четь пороха «ручного и пушечного», 77 пуд. 36 ½ фунтов свинца (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 35. Л. 18–23; Ф. 214 Оп. 3 Стлб. 973 Л. 81–88) (ДАИ. Т. 10. 1867. С. 260; Т. 12. 1872. С. 107–114).

Таким образом, мы располагаем данными о 18 пушках, направленных в Забайкалье в 1683–1685 гг. При этом до февраля 1686 г. в Нерчинск поступило не больше 8 орудий и мортира. Именно столько отправили в Албазин, при том, что артиллерийский наряд Нерчинска остался на уровне 1682 г. Остальные пушки (преимущественно из вооружения полка Бейтона), видимо, доставили позднее. Опираясь на имеющиеся у нас неполные сведения, можно предположить, что

вал и прошал у нас зарушной челобитной и ... осадному голове отказал хочю де стреляю а хочю не стреляю. Я де тебя не слушаю. А каково де над городом учинется богдойцы и город возьмут и я де на пушку сяду и шапку на голову положю и они де меня не убьют и по голове поглядят. А я драться с ними в то время не буду». Албазинцы в виду того, что других специалистов, умеющих стрелять из мортиры у них не было «ничево в спор говорить не смели терпели потому неприятели стоят». Кроме того, Судейкин в условиях осады зачем-то ломал «городные окрепны» быки (конструкция в стене для размещения артиллерии) (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1 Д. 39. Л. 40–43).

¹⁰ Быстрой Микита Иванов сын московский стрелец, был сослан в Албазин без приверстаня в чин. Во время обороны Албазина строил крепость, служил караульные и отъезжие службы, участвовал в походе на р. Комару, где был тяжело ранен во время захвата языка: «пробит стрелою насквозь» в поясницу. **После выздоровления принят в пушкарскую службу, так как албазинские пушкарки погибли: Сенька Михайлов был убит из пушки, а Мишка Марков умре собою.** Во время осады Албазина днем и ночью находился у пушек, стрелял по противнику, где и был ранен стрелой около своего орудия в голову, выше правого глаза в лоб. Кроме того, ходил на вылазки. В 1688 г. подал просьбу о приверстании его в албазинские пушкарки (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 41. Л. 145–149).

Таблица 3. Артиллерия, переданная из Нерчинска в Албазин в 1685–1686 гг.

Tab. 3. Artillery transferred from Nerchinsk to Albazin in 1685-1686

Тип артиллерийского орудия	Длина	Вес	Калибр	Дополнительные сведения
Верховая пушка	–	–	1 пуд	–
Пушка «большая»	Вероятно, длина 3 аршина 7 вершков	19 $\frac{1}{4}$ пуда	Вероятно, 2 гривенки	Предположительно, эта же пушка отмечена в табл. 1: вес 19 пуд. 20 гривенок. Поступление 1676 г. Отправлена в Албазин с А. Толбузиным
Пушка «большая»	–	–	2 фунта	Отправлена в Албазин с Б. Тарховым
Пушка полковая	Вероятно, 2 аршина 3 вершка	Вероятно, 11 пуд. 5 фунтов	1 фунт	Вероятно, пушка привезенная из Енисейска С. Вешняком. Отправлена в Албазин с Бейтоном
Пушка полковая	Вероятно, 2 аршина с вершком	8 $\frac{1}{2}$ пуда	От 1 $\frac{1}{4}$ до $\frac{3}{4}$ фунта	Отправлена в Албазин с А. Толбузиным
Пушка полковая	Вероятно, 2 аршина с полувершком	6 $\frac{1}{2}$ пуда	1 фунт	Вероятно, пушка «медная на станке», поступившая 1685 г. из Илимска 6 пуд. 20 гривенок. Отправлена в Албазин с Б. Тарховым
Пушка полковая	Вероятно, 2 аршина с вершком	6 $\frac{1}{2}$ пуда	1 фунт	Вероятно, пушка «медная на станке», поступившая в 1685 г. из Илимска 6 пуд. 25 гривенок. Отправлена в Албазин с Б. Тарховым
Пушка полковая	Вероятно, 2 аршина	5 $\frac{1}{4}$ пуда	Вероятно, $\frac{1}{2}$ фунта	Вероятно, пушка привезенная из Енисейска В. Денисовым. Отправлена в Албазин с А. Толбузиным
Пушка полковая	Вероятно, 2 аршина с вершком	5 $\frac{1}{4}$ пуда	Вероятно, $\frac{1}{2}$ фунта	Вероятно, пушка привезенная из Енисейска В. Денисовым. Отправлена в Албазин с А. Толбузиным
Затинная пищаль железная	Вероятно, 1 аршин 7 вершков с полувершком	Вероятно, 25 гривенок	–	–
Затинная пищаль железная	Вероятно, 1 аршин 9 вершков	Вероятно, 30 гривенок	–	–
Затинная пищаль железная	–	–	–	–

большинство отправленных в Албазин орудий имели вес до 10 пудов и скорее всего относились к стандартным «коротким» полковым пицалам длиной 1 аршин 8 (10) вершков и калибром от $\frac{3}{4}$ до 2 гривенок. Такие орудия было легче и быстрее доставить.

3. Артиллерия Нерчинского уезда 1689–1710 гг.

В январе 1686 г. из Москвы «в Дауры» для переговоров с Китаем и защиты дальневосточных рубежей послали окольного и воеводу Ф.А. Головина. Он возглавил полк, состоявший из московских стрельцов и служилых людей из разных

сибирских городов. Полковая артиллерия включала в себя 20 полковых пушек («пицалей медных» «в станках окованных с ушми железными» и «окованными» колесами) и одну 2 пудовую мортиру («верховая пушка»). Боезапас включал 1374 пудов пороха (вместе с тарой) и 490 пудов свинца, а также 1000 ручных гранат (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 157–158, 160, 274–278, 281–282, 290, 301–327)¹¹.

¹¹ Летом 1686 г. нерчинский воевода сообщал в Албазин о том, что с Головиным прибудет 4000 ратников и 40 пушек, что было несомненным преувеличением, для поднятия боевого духа обороняющихся.

Сохранился комплекс документов, посвященных отправке в Даурию пушек и мортиры. 28 декабря 1685 г. правительство приказало отправить в Даурию большую партию оружия. Припасы для артиллерийского наряда выдал подьячий Пушкарского приказа Андрей Федосеев. Транспортировка до Тобольска осуществлялась тюменским сыном боярским Антоном Коркиным на 120 подводках с провожатыми¹². На них разместили 20 пушек полковых «ядром по две гривенки длиною по 3 аршина по 7 вершков» и к ним 500 ядер, пушку верховую, 600 пуд. пороха пушечного и 300 пуд. пороха ручного, 100 пуд. свинцу, 50 пуд. фитилю, 1000 пищалей (в одном из документов – мушкетов) «с замки», 1000 гранат ручных. В документе отмечено, что эти запасы были «изготовлены» в Пушкарском приказе, что можно трактовать двояко, как то, что они просто были приготовлены здесь к отправке, так и то, что их здесь специально произвели для похода (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1355. Л. 1–53).

Для перевозки вооружения и припасов предполагалось выделить 97 подвод: 50 подвод для 1000 пудов пороха и свинца из расчета 20 пудов на одну подводку: 20 подвод для 20 пушек (т. е. 1 пушка на 1 подводку), 20 подвод под 1000 пищалей (50 пищалей на 1 подводку); «под 500 ядер по 2 гривенки ядро итого 25 пуд и под те ядра подвода», 2 подводки для 50 пудов фитиля (по 25 пуд на подводку) и 2 подводки под 1000 «гранатов ручных». Кроме того, 3 подводки для сопровождающих (1 сын боярский и 4 казака). Составители документа также отметили, что если класть на одну подводку 25 пудов, то можно сократить гужевого транспорт до 87 подвод (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1355. Л. 1–53).

Маршрут перевоза артиллерии, оружия и припасов к ним указан в подорожных документах. Это

был последовательный переход «подвод с санями и с проводники» из Москвы до Владимира, Муром, Нижнего Новгорода, Козмодемьянска, Санчюрска, Царева Какшанска, Вятки, Хлынова, Кайгорода, Соли Камской, а затем до сибирских городов Верхотурья, Туринска, Тюмени и наконец Тобольска. Другой, рассматриваемый в Сибирском приказе маршрут через Переславль, Ярославль, Вологду и Тотьму, оказался более дорогим исходя из цены за прогоны между этими городами (здесь он составил на одну подводку 9 алтын и 12 алтын 3 деньги на последнем отрезке пути, тогда как через Владимир от 6 до 8 алтын). К тому же этот путь был занят отправкой воевод в Сибирь, отчего «по ямом ямщиком подвод им воеводам по указу и под пушки и под пороховую казну и ружье взять будет негде и за тем же будет пушкам и пороховой казне и ружью остановка». Все сведения о необходимых подводках, санях и проводниках для отправки вооружения в Даурию были отправлены в Ямской приказ (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1355. Л. 1–53).

По указу от 20 января 1686 г. 6 пушек «с станки и с колесы и с шоры и с припряжи и с узды и с седлы и с войлоки со всем на летнем и на зимнем ходу и к ним зелья и ядра», поступившие из Пушкарского приказа в Сибирский приказ, должны были быть переданы в Стрелецкий приказ к думному дьяку к Федору Леонтьевичу Шакловитому и поступить сразу в «сборный стрелецкий полк», отправлявшийся в Даурию (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1355. Л. 1–53).

23 декабря 1685 г. правительство приказало в Пушкарский приказ отправить в Сибирский приказ для посылки в Даурию «пушку верховую (в одном из документов «пищаль верховую»), с станком ядром в пуд да к ней пятьдесят гранат по кружалу и всякие гранатные припасы и составы да дву человек гранатчиков 50 двухпудовых гранат к ней». Однако 1-пудовой мортиры в Пушкарском приказе не оказалось и вместо нее послали 2-х пудовую. Вместе с ней отправлялись 50 двухпудовых гранат «порозжих» (т. е. пустых без взрывчатого вещества), 1000 ручных гранат «порозжих», а также «гранатные всякие припасы и составы». Специалистами к мортире были назначены московские гранатчики Андрюшка Полуектов (Полуехтов) и Мишка Чихарин. При их назначении в документах отмечено, также что в 1684/1685 (7193) гг. в Даурию был послан гранатный мастер Гришка Фомин. 1 января 1686 г. пушкари определили, какие припасы и в каком количестве

¹² В другом документе сопровождающим назван тобольский сын боярский Иван Шишкин. Обоз сопровождали: тюменские служилые люди: конный казак Ивашко Носов (Нос), пеший стрелец Андрюшка Матигоров, пеший казак Микитка Зеленовской Илимской, Захарко Тюменец Татара. Пушки сопровождали кузнецкий сын боярский Максим Грошевской, тобольский конной казак Васка Малинин, илимской казак Аввакумко Облизаков, двое тюменских татар Ешка Тингаев (Тимтаков), Широкой (Широчко) Еныбаев (Енеаев). Тюменские посацкие люди: Максимко Калмаков, оброшной Федка Кузнецов (Курнеков), а также ямщик Алешка Рябков (Рябкун) и пашенной Стенька Петухов. Вместе с ними в Сибирь ехали с товарами якутский казак Василей Малкин и ленский служилый человек Данилко Филипов.

должны прилагаться к верховой пушке. В соответствии с этим списком торговые люди во главе с Андреем Тихоновым подали в Сибирский приказ рос-

пись с ценою «тем всяким гранатным и пушечным припасом» для осуществления закупки (см. табл. 4) (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1355. Л. 1–53).

Таблица 4. Гранатные припасы и составы, необходимые для 2-х пудовой мортиры, запрошенные гранатными мастерами А. Полуектовым и М. Чихариным

Table 4. Grenade supplies and compositions required for a 2-pound mortar, requested by grenade masters A. Poluektov and M. Chikharin

Наименование	Необходимое количество (вес/штук)	Цена за единицу веса/штуку
Боезапас к мортире		
2-пудовая граната	50 шт.	
Ручная граната	1000 шт.	
«к той пушке верховой дву пудовой к тем гранатом дву пудовым запасов да к 1000 гранатом припасов надобно зелья»		
Селитра литровая	1 пуд	4 руб. (пуд)
Терпетин «виницейской»	3 пуда	20 руб. (пуд)
Сулема	1 пуд	40 руб. (пуд)
Канфара	1 пуд	40 руб. (пуд)
Калафония	½ пуда	10 руб. (пол пуда)
Ртуть	½ пуда	12 руб. (пол пуда)
Антимония	½ пуда	8 руб. (пол пуда)
Сулемань	1 пуд	7 руб. (пуд)
Клей белужий добрый	1 пуд	4 руб. (пуд)
Бумага хлопчатая	1 пуд	4 руб. (пуд)
Скипидар	½ пуда	2 руб. (пол пуда)
Нефть	½ пуда	6 руб. (пол пуда)
Бумага картузная	3 стопы	3 руб. стопа
Медь проволочная	1 пуд 20 фунтов	6 руб. (пуд)
Бумага александрийская	1 стопа	10 руб. стопа
Воск	2 пуда	4 руб. (пуд)
Черная смола	20 пуд.	10 алтын (пуд)
Масло конопляное	5 ведер	26 алтын 4 деньги (ведро)
Деготь	20 ведер	3 руб. (за все ведра)
Ентарь	½ пуда	10 руб. (пол пуда)
Вино доброе	10 ведер	–
Пенька добрая	10 пуд.	20 алтын (пуд)
Лен добрый	10 пуд.	1 руб. (пуд)
Лотки да доска липовая	4 шт.	4 алтына (за все)
Тертьень кленовый	4 шт.	3 алтына 2 деньги (за все)
Телега «с полубами из замками» для всех припасов	3 шт.	5 руб. (телега)
Ножницы	2 шт.	8 алтын 2 деньги (1 шт.)
Клепик	4 шт.	6 денег (1 шт.)
Крашенина	100 аршин	6 денег (1 аршин)
Холст тонкий и толстый	300 аршин	Толстый 40 алтын (аршин?) Тонкий 70 алтын?
Прибойник железный по образцу	2 шт.	Для них 10 пуд. железа цена 26 алтын за 1 пуд
Крюк железный	4 шт.	–
Котел медной «в четь смолить гранаты»	1 шт.	6 алтын фунт меди
Молоток «в чем бьют селитру с порохом»	2 шт.	14 алтын 2 деньги
Уголье крушинное	2 чети	–

Веревка тонкая нитяная	2 пуда	6 руб. (пуд)
Веревка пенковая толстая	10 пуд.	2 руб. (пуд)
Уполовник железный	2 шт.	6 алт. (шт.)
Топор	5 шт.	6 алт. 2 деньги (1 шт.)
Войлок	50 шт.	4 алт.
Рогожа цыновка	50 шт.	10 денег (1 шт.)
Веревка лычная	100 шт.	2 руб. (все)
Фонарь слюдяной	2 шт.	1,5 руб. (все)
Фонарь паюсный	2 шт.	4 алт. 2 деньги (все)
«Вески да фунт медной»	1 шт.	1 руб.
Воронка большая белая	2 шт.	8 алт. 4 деньги (все)
Воронка маленькая	2 шт.	
Уксус	10 ведер	–
Збитень	15 ведер	–
Мех дувальной	1 шт.	16 алт. 4 деньги
Сковоротка медная о трех ношках	1 шт.	2 руб.
Запал к 2-пудовой пушке верховой	70 шт.	–
Запал деревянный к 1000 ручным гранатам	1070 шт.	–
Полатка полотняная в шесть полотниц	1 шт.	–
Свеча сальная двойная	1000 шт.	5 руб. (все)
Цель верховая	2 шт.	–
Круг деревянный 2-пудовый	64 шт.	–
Пыж 2-пудовый по образцу	70 шт.	–
Пила ручная	2 шт.	–
Терпух стальной	1 шт.	–
Набойник железный по образцу	20 шт.	–
Кружало железное	2 шт.	–

Однако передача их из Пушкарского приказа в Сибирский приказ задерживалась. Гранатчики получили денежное жалованье в Сибирском приказе – 19 руб. на 2 года (из расчета годовых окладов: Полуектов 7 руб., а Чахра 6 руб.). Также они попросили Сибирский приказ сообщить в Пушкарский приказ, чтобы хлебное и соляное жалованье (составлявшее у каждого из них хлеба 24 чети ржи и овса, 4 пуда соли) в период их службы в Даурии выдавали их женам. Наконец, приказ о посылке гранатчиков был отдан 25 января 1686 г., а память об этом и роспись отпущенных с ними припасов была составлена в Москве 14 февраля 1686 г. дьяком Михаилом Волковым, видимо, в момент их выезда из Москвы. Из Пушкарского приказа в Сибирский гранатчиков и мортиру с припасами сопровождал денщик Мишка Галкин. Дорога до Тобольска заняла около 3 месяцев. Чахрин умер во время пути, а Полуектов присоединился к войскам в Тобольске 8 или 9 мая 1686 г., здесь подполковник московских стрельцов Сидор Богатырев и подьячий Семен Васильков приняли у Полуектова мортиру и «припасы» к ней (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 1355. Л. 1–53).

Кроме того, из Оружейной палаты через Сибирский приказ в полк Головина были направлены 3 кузнеца «ствольного, замошного и станочного дела», в т. ч. Андрюшка Степанов. Из документов известно, что в Москве у них не оставалось родных: «на Москве матерей и жен нет» (РГАДА. Ф. 214 Оп. 3. Стлб. 1588 Л. 154–155).

Доставка этой партии артиллерии из Европейской части России через Тобольск на Дальний Восток была сопряжена с большими трудностями. Одним из наиболее трудных этапов этого процесса стала транспортировка пушек через Маковский волок в Енисейском уезде. Пушки, «гранатная и пороховая казна» были доставлены к волоку прежде основных сил, чтобы не задерживать их движение. Однако осуществлять перевозку грузов¹³ можно было только небольшими партиями вьюками и волоком с большим трудом через «грязи великие», болота и

¹³ «Пороховую и денежную и свинцовую казны, и гранатные малые и пушечные ядра, и фитиль, и полковые всякие припасы, и подкопные снасти, и ружье».

реки. Путь их до Енисейска занимал не менее четырех дней. Лошади, направленные енисейской администрацией, могли перевозить не более 5 пудов за один раз. Так, на 70 лошадях «самых плохих», отправили 23 бочки пороха и 30 гирь свинца. Пушки перевозили двумя большими партиями: 8 штук и 12 штук с мортирой (на саях в 10-ти подводках). Из-за нехватки гужевого транспорта около половины орудий (по разным данным 8 и 10) задержались на волоке, тогда как основные силы уже завершили переход (РКО. 1972. С. 76, 78–82, 86, 89, 95, 97–98).

При переходе полка через оз. Байкал на судах с основными силами снова находилась только часть артиллерии¹⁴. В казенном погребе Иркутска временно были оставлены 8 пищалей медных, 1074 пуда 7 фунтов пороха для пушек и ружей «з деревом, с рогожи и с повяски», 374 пуда 15 фунтов свинца и 50 пудов 15 фунтов фитиля. Двенадцать орудий, доставленных в Забайкалье, распределены по 3 полкам, на которые делилось войско Головина. В полк московских стрельцов Федора Скрыпицына: 5 пушек («пищалей медных»), 139 пудов 34 фунта ружейного и пушечного пороха, 50 пудов свинца, 5 пудов фитиля. В полк Павла Грабова: 5 пушек 139 пудов 17 фунтов пороха, 50 пудов 20 фунтов свинца, 5 пудов фитиля. В полк Антона фон Смалленберга: 2 пушки, 20 пудов 13 фунтов пороха, 15 пудов свинца, 5 пудов фитиля (РКО. Т. 2. 1972. С. 166–167, 169, 172, 190–191).

В Забайкалье в 1687–1688 гг. между Селенгинском и Удинском, а затем в 1689 г. к волоку и Плодбищу для похода в Нерчинск пушки транспортировали на телегах. Многие полковые лошади «от частых посылок померли» поэтому для перевозки приходилось покупать новых. Служилые люди платили по 12 руб. за перевозку одной пушки тем своим соратникам, у которых были лошади. Недостаток гужевого транспорта пытались возместить за счет конных табу-

нов ясачных людей. Буряты, живущие у Байкала, обзывались прислать 240 лошадей. «Новые выходцы» табунуты должны были прислать 90 подвод, а монголы – 60. Полученный гужевой транспорт был распределен по полкам для перевозки пушек и боевых припасов. Однако Ф.А. Головин отметил, что «в стрелецких полках лошади были подводные гораздо плохи, которые збираны з брацких людей, и многие, отбився ис под пушек и ис телег, у стрельцов за неучением в телегах ушли в степи». Когда полки дошли до Плодбища, пушки были перегружены на плоты, вмещавшие 12 и более человек, и сплавлены к Нерчинску (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 227, 234–235) (РКО. 1972. С. 172–173, 191, 351, 441–442, 451, 456, 465, 468, 471, 609–610) (Багрин, 2020. С. 165).

В 1688 г. пушки использовали для отражения атак монгольской конницы во время боевых действий около Удинска и Селенгинска. Затем осенью того же года артиллерия участвовала также в походе на табунутов, но непосредственно в бою, вероятно, не употреблялась из-за того, что улусы кочевников находились за рекой, через которую орудия было сложно переправить к месту сражения. В 1689 г., после прихода полка Головина в Нерчинск, артиллерию выводили из города для противостояния войску маньчжуров и их союзников во время сложностей переговорного процесса об установлении границы между Россией и Китаем (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 235; РКО. Т. 2. С. 536–538, 558).

На данный момент мы не знаем точное число артиллерии, доставленной Головиным в 1689 г. в Нерчинск, т. к. часть пушек была оставлена в других крепостях Забайкалья. В Селенгинске в добавок к имеющимся там 5-ти пушкам оставили еще 3, а также, 4 бочки пороха, весом 29 пуд. «и з деревом» и 200 гранат ручных (РКО. Т. 2. 1972. С. 277). Вероятно, несколько орудий были оставлены и в Удинске. В 1697 г. здесь находилось 7 пушек «медных» (в том числе 3 пушки в станках и на колесах, «пушка походная» в станке без колес и пушка «малая походная») (Архив СпБии РАН. Ф. 168. Д. 112. Ст. 4–6)¹⁵.

¹⁴ Сохранился документ, отражающий перевозку части пушек из Иркутска в Удинск не позднее ноября 1686 г. В нем перечислены 6 «подписанных» пушек длиной 3 аршина 7 вершков, калибром 2 гривенки. Вес их составлял: 20 пуд. 18 гривенок, 20 пуд. 25 гривенок, 21 пуд. 10 гривенок, 21 пуд. 25 гривенок, 22 пуд. 20 гривенок, 22 пуд. 25 гривенок. Кроме них перевезли 300 ядер железных, 53 пуд. 5 гривенок с ½ гривенкою порохи ручного, 47 пуд. 29 гривенок «без чети гривенки» порохи пушечного «на вывес», 97 пуд. 33 гривенки «без чети гривеки свинцу» (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 39. Л. 14–15).

¹⁵ Кроме того, 212 ядер «пушечных, кованых железных» (в т. ч. 30 «малых»), 20 ядер «больших гранатных нечиненых», 351 ядер «ручных простых нечиненых железных», 72 пуда 20 фунтов (в том числе «моклого») пороха ручного и пушечного в «13 бочках полных и неполных в 5 мешках не в больших ... з деревом и з бочками и с веревками и с рогожными обертками», 109 пуд. 19 фунтов свинца.

В 1689 и 1690 гг. в Нерчинск привезли албазинскую артиллерию, после его разрушения в рамках выполнения договоренностей, достигнутых в Нерчинске. Она включала в себя все орудия, отправленные в Албазин в 1685–1686 гг. (см. таблицу 2), кроме одной разорванной затинной пищали.

В 1697, 1699, 1701, 1704 и 1710 гг. в арсенале Нерчинска находились от 31 до 33 пушек, 2 мортиры и 2 затинные пищали (см. табл. 5):

Обратим внимание на то, что в 1697 г. в Нерчинске сконцентрировалось около 17 % от числа пушек (без учета затинных пищалей), расположенных в 20-ти крупнейших крепостях Сибири. Ни в одном пограничном городе (Красноярск, Тара, Томск и др.) не было такого количества артиллерии. Столько же

крупнокалиберных орудий находилось только в столице Сибири – Тобольске (34 ед.). При этом Нерчинск выгодно выделялся наличием большого числа пушек одного стандарта (длина, калибр), т. к. почти весь этот арсенал был сформирован присылкой больших партий орудий, отлитых несколькими мастерами в одно время, а не накоплением их в течение десятилетий (см. табл. 6).

Сохранилась подробная опись всех артиллерийских орудий, хранившихся в Нерчинске в 1710 г. Анализ этой росписи позволяет выявить в ней артиллерию, поступавшую на вооружение крепости с момента ее основания до 1689 г., прибывшую в Нерчинск с полком Ф.А. Головина и перевезенную сюда из Албазина (см. табл. 7).

Таблица 5. Артиллерия и боезапас Нерчинска в 1697, 1699, 1701, 1704, 1710 гг.¹⁶

Table 5. Artillery and ammunition of Nerchinsk in 1697, 1699, 1701, 1704, 1710

Вооружение и припасы ¹⁷ :	1697 г.	1699 г.	1701 г.	1704 г.	1710 г.
Пушки медные полковые на станках	33	31 (одна попорчена)	31	33	33
Пищали затинные железные	2	2	2	2	2
Обрывка затинных	2	2	2	–	–
Пушки верховые (мортиры)	2	2	2	2	2
Железных ядер к пушкам и затинным пищалям	–	2107	2107	3481 (всех видов)	3481 (всех видов)
Гранат 2 пудовых	–	17	17		
Гранат пудовых	–	29	29		
Ядер духовых чиненых	–	6	6		
Гранат ручных	–	1288	1288 (из них 388 «чиненых» т. е. с боевым зарядом)		
Дробь железная	–	–	–	2 пуда	–
Стволин гранатных железных	–	156	156	–	–
Запала деревянных точеных	–	1043	1043	896 малых 60 больших	896 «небольших» 60 больших

¹⁶ Таблица составлена на основе данных (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 356; Оп. 5. Д. 1977. Л. 1-5; Сибирские города: материалы для их истории XVII–XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 146 с. С. 12–13, 15–16, 18).

¹⁷ Кроме того, в оружейном сарае в 1699 г. находились: 14 втулок колесных, 2 кольца колесных станков, 2 втулки от пушечных станков, а также «гранатные припасы»: 5 фунтов антимонии, 11 фунтов скипидару, фунт каломони, 3 фунта сулемы, фунт с четью янтарю, 8 фунтов и канфары с перцем, «пол-5 фунта» мышьяку, 4 аршина с 1/2 арш. «бумазеи черной», 5 фунтов белые смолы, котел железной в нем «пол-4 ведра» смолы черной, 4 фунта ртути, «пол-2 фунта» нефти, 2 пуда 35 фунтов серы горячей, 2 пуда селитры, чаша железная с дугой, 2 фунта без чети проволоки. В 1704 г.: 5 пыжевников пушечных, забойник железный, 2 пуда с ½ пуда селитры (Сибирские города..., 1886. С. 12–13, 15–16, 18).

Пороху «моклого и слежалого»	–	230 пудов 15 фунтов	230 пудов 15 фунтов	235 пудов 38 гривенок	223 пуда 3 гривенки
Пороху сухого «з деревом» (т. е. с весом бочек)	–	64 пуда 6 фунтов	64 пуда 6 фунтов	пушечного и ручного	
Свинцу и пуль	–	119 пудов 20 фунтов	119 пудов 20 фунтов	87 пудов 15 ½ гривенок свинца 5 пудов свинцовых пуль	–

Таблица 6. Артиллерия сибирских городов в 1697 г.¹⁸
Table 6. Artillery of Siberian cities in 1697

Города	Пушки ¹⁹	Затинные пищали	Всего
Тобольск	54 ²⁰	19 ²¹	73
Нерчинск	33	2	35
Красный Яр	17	8	25
Тара	7	10	17
Енисейск	8 ²²	8	16
Тюмень	10	6	16
Кузнецк	13	3	16
Верхотурье	7 ²³	5	12
Томск	10 ²⁴	1	11
Березов	7	3	10
Пелым	3	4	7
Мангазья	3	4	7
Якутск	7	–	7
Удинск	7	–	7
Сургут	2	4	6
Туринск	1	4	5
Нарым	2	3	5
Кецкой	2	2	4
Иркутск	3 ²⁵	–	3
Илимск	2	–	2

¹⁸ Таблица составлена на основе данных окладной книги Сибири 1697 г. (Окладная книга Сибири 1697 года. М.: Исторический музей. 2015. 296 с.).

¹⁹ В эту категорию отнесены медные и железные пушки и пищали, большая часть которых относилась к типу «полковые», а также орудия: «верховые» (мортиры), «скорострельные», «полоторные», «сороковые», «волконейки», «вестовые», «обозные» и др. Большая часть из них имела станки с колесами.

²⁰ 34 пушки в Тобольске и 20 в уездных крепостях.

²¹ Все располагались в уездных крепостях.

²² 4 пушки в городе, остальные в уездных крепостях.

²³ 3 пушки в городе, остальные в уездных крепостях.

²⁴ В т. ч. 3 «роздутых».

²⁵ В 1684 г. в Иркутске в распоряжении воеводы Кислянского было 8 артиллерийских орудий (в т. ч. 2 пушки, установленные на 2-х дощаниках)²⁵. В 1697 г. иркутский артиллерийский наряд состоял уже только из 3 пушек (две длиной 3 аршина 7 вершков и одна енисейской присылки, все в станках) и 69 ядер к ним, 559 пуд. 27 гривенок пороху «ружейный и пушечный «з деревом» («с бочки и с рогожи и с веревки», 121 пуд. 5 гривенок с полугривенкою свинцу. Однако в 1698/1699 (7207) г. количество артиллерии увеличилось до 21 пушки, а боезапас до 681 пуд. 25 гривенок без чети пороху и 273 пуда 18 гривенок с полугривенкою свинцу (РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стлб. 1059. Л. 349; Первое столетие Иркутска. В память 250-летия Иркутска: сб. материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей П.М. Головачева «Состав населения и экономический быт Иркутска до 40-х годов XVIII в.», с приложением 4 видов и 3 планов старинного Иркутска. С.-Петербург, 1902. С. 3–4).

Таблица 7. Описание пушек, затинных пищалей, боеприпасов к ним и ручных гранат, хранившихся в казне Нерчинского острога в 1710 г.¹

Table 7. Inventory of cannons, cannons, ammunition for them and wall guns stored in the treasury of the Nerchinsk fort in 1710

№	Название	Длина («мера»)	Вес	Боеприпасы
1	Пушка «медная граната»	1 аршин	28 пуд. 1 гривенка	27 ядер «чиненых по два пуда ядро»; 6 ядер «духовых» весом 28, 30 и 32 гривенки ядро
2	Пушка «медная граната»	1 аршин	20 пуд. 31 гривенка	15 ядер «чиненых по пуду ядро»; 14 ядер «нечиненых» весом 30, 34, 36 гривенок и по 1 пуду.
	Ручные «чиненые» ядра		15 пуд. (общий). Примерно, 640 гр. одно ядро	374 ядра
	Ручные «нечиненые» ядра		31 пуд. 29 гривенок. Примерно, 470 гр. одно ядро	1056 ядер
3	Пушка «медная»	3 аршина 3 чети	29 пуд. 18 гривенок	49 ядер весом по «четыре», «по бес четверти по четыре» и «пол четверти» гривеки
4	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	23 пуда	–
5	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	22 пуда 25 гривенок	–
6	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	23 пуда 30 гривенок	–
7	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	23 пуда 16 гривенок	–
8	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	19 пуд. 10 гривенок	–
9	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	22 пуда 20 гривенок	–
10	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	23 пуда 34 гривенки	–
11	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	23 пуда 5 гривенок	–
12	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	20 пуда 18 гривенок	–
13	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	24 пуда 10 гривенок	–
14	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	21 пуда 20 гривенок	–
15	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	20 пуда 34 гривенок	–
16	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	23 пуда 15 гривенок	–
17	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	22 пуда 30 гривенок	–
18	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	23 пуда 20 гривенок	–
19	Пушка «медная»	3 аршина 7 вершков	22 пуда 5 гривенок	–
20	Пушка «медная»	2 аршина 7 вершков	11 пуд. 15 гривенок	–
Всего 17 пушек к ним 520 ядер железных «по кружалу» и весом по 2 и по «бес четверти» 2 гривенки				
21	Пушка «медная» (к стрельбе негодна)	2 аршина «пол шеста вершка»	8 пуд. 31 гривенка	–
22	Пушка «медная»	2 аршина с вершком	5 пуд. 27 гривенок	–
23	Пушка «медная»	2 аршина с вершком	8 пуд. 19 гривенок	–
24	Пушка «медная»	2 аршина 5 вершков	9 пуд. 12 гривенок	–
25	Пушка «медная»	1 аршин 11 вершков	9 пуд. 18 гривенок	–
26	Пушка «медная»	2 аршина 5 вершков	8 пуд. 39 гривенок	–

27	Пушка «медная» (к стрельбе негодна)	2 аршина с вершком	6 пуд. 14 гривенок	–
К этим 7 пушкам 806 ядер «по кружалу» и весом по гривенке с четью, по гривенке и без четверти гривенка ядро				
28	Пушка «медная»	1,5 аршина	3 пуд. 30 гривенок	–
29	Пушка «медная» немецкой работы	2 аршина	5 пуд. 34 гривенки	108 ядер весом по гривенке без чети
30	Пушка «медная»	2 аршина с полувершком	6 пуд.	–
31	Пушка «медная»	3 аршина с вершком	13 пуд. 19 гривенок	–
	Пищаль затинная железная	1 аршин 7 вершков с полувершком	25 гривенок	–
	Пищаль затинная железная	1 аршин с 9 вершков	30 гривенок	–
К пищалям 38 ядер весом 1 пуд				
	Дроби железной		2 пуда	–
	Пули свинцовые		5 пуд.	–
Пушки медные небольшие взяты при Антоне Савелове				
32	Пушка «медная»	1 аршин 13 вершков	3 пуда 34 гривенки	116 ядер, по треть гривенки ядро
33	Пушка «медная»	1 аршин 3 вершка	2 пуда 15 гривенок	–
34	Пушка «медная»	1 аршин вершком	2 пуда с четвертью	–
35	Пушка «медная»	1 аршин	1 пуд 32 гривенки	–
К ним 280 ядер, по чети гривенки ядро				

Таким образом, в арсенале Нерчинска хранились: 4-х гривенковая пушка – 1 ед., 2-х гривенковые пушки – 17 ед., 1 (включая 1¼ и ¾) гривенковые пушки – 11 ед., ½ и ¼ – 4 ед., 2 мортиры (1 и 2-х пудовая) и 2 затинные пищали.

Интересно, что при подсчете артиллерии количество пушек калибром 1, 1¼ и ¾ гривенки соответствует количеству таких орудий, поступивших в Нерчинск с 1658 до 1689 г. Также можно отметить, что в арсенале сохранились и 2 первые пушки, привезенные в Нерчинск воеводой Пашковым, которые определяются по их нестандартному (по отношению к другим пушкам в списке) весу. В табл. это орудия № 3 и № 20. Так же мы можем предположить, что Головин привез в 1689 г. около 11 полковых 2 фунтовых орудия длиной 3 аршина 7 вершков т. к. из 16 пушек такого типа 5 штук прибыли в крепость ранее. Это в общем согласуется с информацией о том, что остальные пушки полка Головина были оставлены в Селенгинске и Удинске (сюда скорее всего были перемещены орудия, временно оставленные в Иркутске).

Кроме того, в 1704 г. артиллерия состояла на вооружении некоторых крепостей Нерчинского уезда. В Аргунском пограничном остроге 3 орудия: пушка

медная мерою 2 аршина, весом 8 пуд. 26 гривенок, к ней 120 ядер калибром 1½ гривенки ядро, пушка медная мерою 1 аршин 15 вершков, весом 7 пуд, к ней 77 ядер калибром ¼ гривенки ядро, пушка затинная медная в ложе мерою 15 вершков, весом 16 гривенок, 6 пуд. 17 гривенок пороху пушечному с деревом, пуд свинцу, 17 гривенок фитилю. В Теленбинске в 1691–1710 гг. хранилась только одна затинная пищаль весом 3 пуда, калибром «по полугривенки ядро», 27–29 «железных малых» ядер к ней, 4 больших ядра, от «полсема» пуда 6 фунтов с ¼ фунта до 7 пудов пороха «пушечного с деревом» и от 1 пуда 10 гривенок до 3 пудов 7 фунтов без ¼ фунта свинца (РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 1977. Л. 5 об.–6; Ф. 1142. Д. 56. Л. 70–72) (Сибирские города, 1886. С. 18)²⁶.

В 1700–1701 гг. в Иркутск для даурских острогов прибыли из Тобольска бронные мастера: «ствольщик» (производное от ствол) Тимофей Иванов, «замошник» (работал с оружейными замками) Иван Осипов и «станошник» (делал пушечные станки и в т. ч. ружейные ложи) и Гришка Васильев. Нерчин-

²⁶ Сибирские города: материалы для их истории XVII–XVIII столетий: Нерчинск. Селенгинск. Якутск. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. 146 с.

ским кузнецом в этот период был Стенька Прокопьев (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 97. Л. 23, 41–43, 51). В 1690-х гг. в Иркутске, Нерчинске и Селенгинске образовались довольно большие запасы отсыревшего и негодного к использованию пороха, о чем было сообщено в Сибирский приказ с просьбой разрешения его восстановить («перекрутить»). В 1693 г. нерчинский воевода сообщил в Иркутск, что в казне «многое число» «лежалого» и «моклого» пушечного пороха, который «к стрельбе ... негодитца», «а ручного ... пороху ничего нет». При этом он отмечал наличие в Нерчинске специалистов для этой работы. Иркутский воевода Иван Гагарин предложил перекрутить в Нерчинске 20 пуд. пороха и сообщить, сколько от того числа убудет (РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1.

Стлб. 400. Д. 348. Л. 20–21; Стлб. 461. Д. 88. Л. 57; Архив СпБии РАН. Ф. 96. Д. 74. Ст. 1 и др.).

В 1701 г. в Нерчинске работал зелейного дела мастер Ганка Лавринов, получивший из казны деньги за изготовление лотков для перекрутки пороха (РГАДА. Ф. 1142. Оп. 1. Д. 97. Л. 27). В списке нерчинских служилых людей отмечены пушкари: в 1700 г. Алексей Насеткин²⁷ и Кузма Шелешнин; в 1705 г. они же и еще Никита Баландин и Тимофей Никифоров сын Попов; в 1708 г. Никита Наседкин и Кузьма Шелешнин (Багрин, 2024. С. 572–632).

²⁷ Насеткин Алексей (Алешка) находился с женой и детьми в Албазине во время его осады в 1686–1689 гг. Дважды попадал в плен, где провел 4 недели. 1 сентября 1699 г. поверстан в нерчинские пушкари вместо Михаила Елисеева (РГАДА. Ф. 1142. Д. 56. Л. 44–44 об.. 170–170 об.).

Список источников

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск : Кн. изд-во, 1984. 271 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток : Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 335 с.

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб. : Нестор-История, 2013а. 284, [3] с.

Багрин Е.А. Русская артиллерия в Восточной Сибири в 1640–1715 годах // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды IV Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 15–17 мая 2013 г. В 4 ч. СПб. : Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2013б. Ч. 1. С. 184–199.

Багрин Е.А. Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 161–175. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-1-161-175. EDN: BIMRYQ.

Багрин Е.А. Вооруженные силы России в Даурии (1649–1727 гг.). СПб. : Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2024. 771 с.

Барахович П.Н. «Огненный наряд» Енисейского и Красноярского уездов в XVII столетии // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. I. С. 65–95. URL:

References

Aleksandrov V.A. (1984) Russia on the Far Eastern frontiers (the second half of the XVII century). Khabarovsk: Publishing House. 271 p. (In Russ.).

Artem'ev A.R. (1999) Towns and forts of Transbaikalye and Priamurye in the second part of the XVII-XVIII centuries. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS. 335 p. (In Russ.).

Bagrin E.A. (2013a) Warfare of the Russians on the eastern border lands of Russia in the 17th century: Tactics and armament of military personnel in the Baikal region, Transbaikalia and the Amur region. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 284, [3] p. (In Russ.).

Bagrin E.A. (2013b) Russian artillery in Eastern Siberia in 1640-1715. War and weapons. New research and materials. In 4 pt. Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy. *Trudy Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 15-17 maya 2013 g.* = War and Weapons. New Research and Material: Proceedings of the Fourth International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, May 15-17, 2013. St. Petersburg: Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Communications Troops. Pt. 1. P. 184-199. (In Russ.).

Bagrin E.A. (2020) Irkutsk recruits on the Far Eastern borders in 1686–1692 (including list of names). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 1. P. 161–175. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2020-1-161-175. EDN: BIMRYQ.

Bagrin E.A. (2024). The Russian Armed Forces in Dauria (1649-1727). St. Petersburg: Publishing House of SPbSETU "LETI". 771 p. (In Russ.)

Barakhovich P.N. (2015). The "Fiery outfit" of the Yenisei and Krasnoyarsk counties in the 17th century. *History of Military Affairs: Research and Sources. Special Issue VI. The Russian "God of War": Research and Sources on the History of Russian Artillery*. Pt. I. P. 65-95. Available from:

http://www.milhist.info/2015/12/04/barakhovich_2 (дата обращения: 04.12.2015).

Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск: Литера-принт, 2019. 304 с. EDN: NJRITZ.

Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита: Тип. Воскового Хозяйственного правления Забайкальского казачьего войска, 1916. Т. 1. V, 232 с.

Громов А.В. Трофейная комиссия Главного Артиллерийского управления в Маньчжурии и Китае в 1901–1903 гг. Фотографии и документы. СПб.: ВИМАИВиВС, 2022. 70, [1] с.

Зуев А.С. Описание Забайкалья и Приамурья 1681 года // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 1: История. С. 122–132. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132. EDN: NDUQQP.

Крадин Н.П. Роспись Албазинского острога 1684 г. // Россия и АТР. 1992. № 2. С. 109–110.

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы»; Репроцентр А1, 2008. 378 с. EDN: QKIQWH.

Лебедянская А.П. Очерки из истории пушечного производства в Московской Руси // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Вып. I. Л.-М., 1940а. С. 57–84.

Лебедянская А.П. «Репорт» 1757 года о «достопамятных» орудиях в Оренбургском округе (из материалов Архива Артиллерийского Исторического Музея РККА) // Сборник исследований и материалов Артиллерийского исторического музея Красной Армии. Вып. I. Л.-М., 1940б. С. 252–257.

Лобин А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. М.: Яуза: Эскмо, 2019. 318, [1] с.

Лобин А.Н. Пушки Смуты: русская артиллерия 1584–1618 гг. М.: Яуза: Эскмо, 2021. 237, [1] с.

Лобин А.Н. Пушки первых Романовых: русская артиллерия 1619–1676 гг. М.: Яуза: Эскмо, 2022. 284, [1] с.

Маковская Л.К. Артиллерийский исторический музей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Бомбардир: Военно-историческое приложение к информационно-публицистическому журналу «Вооружение. Политика. Конверсия». № 16. 2004. С. 84–93.

Паршин В.П. Поездка в Забайкальский край. История города Албазина: извлечено из сочинений г. Миллера, дополнено с сохранившихся до ныне устных преданий, с присовокуплением официальных бумаг, изображающих подробности истории города Албазина и дела русских на реке Амуре с 1654 по 1687 год, или до времени мирного

http://www.milhist.info/2015/12/04/barakhovich_2 (Accessed 04.12.2015) (In Russ.).

Barakhovich P.N. (2019) Yeniseisk in the XVII-XVIII centuries. Little-known pages of history. Krasnoyarsk: Litera-print. 304 p. (In Russ.). EDN: NJRITZ.

Vasil'ev A.P. (1916) Trans-Baikal Cossacks: a historical essay. Chita: Tipografiya Voiskovogo Khozyaistvennogo Praveleniya Zabaikal'skogo kazach'ego voiska. Vol. 1. V, 232 p. (In Russ.).

Gromov A.V. (2022) Trophy commission of the Main Artillery Directorate in Manchuria and China in 1901-1903. Photos and documents. St. Petersburg: VIMAIIVS. 70, [1] p. (In Russ.).

Zuev A.S. (2023) Description of the Transbaikal and the Amur Region in 1681. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. Vol. 22. No. 1: History. P. 122-132. (In Russ.). DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-1-122-132. EDN: NDUQQP.

Kradin N.P. (1992) The murals of Albazinostrug, 1684. *Russia and the Asia-Pacific Region*. No. 2. P. 109-110. (In Russ.).

Krasnoshtanov G.B. (2008) Nikifor Romanov Chernigovskii: a documentary narrative. Irkutsk: GUK AEM "Tal'tsy"; Reprocenter A1. 378 p. (In Russ.). EDN: QKIQWH.

Lebedyanskaya A.P. (1940a) Essays on the history of cannon production in Muscovite Rus'. *Sbornik issledovaniy i materialov Artilleriiskogo istoricheskogo muzeya Krasnoi Armii = Collection of research and materials of the Artillery Historical Museum of the Red Army*. Leningrad-Moscow. Iss. I. P. 57-84. (In Russ.).

Lebedyanskaya A.P. (1940b) "Report" of 1757 about "memorable" guns in the Orenburg District (from the materials of the Archive of the Artillery Historical Museum of the Red Army). *Sbornik issledovaniy i materialov Artilleriiskogo istoricheskogo muzeya Krasnoi Armii = Collection of research and materials of the Artillery Historical Museum of the Red Army*. Leningrad-Moscow. Iss. I. P. 252-257. (In Russ.).

Lobin A.N. (2019) Artillery of Ivan the Terrible. Moscow: Yauza: Eskmo. 318, [1] p. (In Russ.).

Lobin A.N. (2021) Cannons of Time of Troubles: Russian artillery 1584-1618. Moscow: Yauza: Eskmo. 237, [1] p. (In Russ.).

Lobin A.N. (2022) Cannons of the first Romanovs: Russian artillery 1619-1676. Moscow: Yauza: Eskmo. 284, [1] p. (In Russ.).

Makovskaya L.K. (2004) Artillery Historical Museum during the Great Patriotic War of 1941-1945. *Bombardir: Voeno-istoricheskoe prilozhenie k informacionno-publicisticheskomu zhurnalu «Vooruzhenie. Politika. Konversiya» = Bombardier: Military-historical Supplement to the Information and Journalistic Magazine "Armament. Policy. Conversion"*. No. 16. P. 84-93. (In Russ.).

Parshin V.P. (1844) A trip to the Trans-Baikal Territory. The history of the town of Albazin: extracted from the writings of G. Miller, supplemented from extant oral traditions, with the addition of official papers depicting the details of the history of the city of Albazin and the Russian case on the Amur River from 1654 to 1687, or until the time of the peace-

торгового договора, заключенного с китайцами в г. Нерчинске. М. : в Типографии Николая Степанова, 1844. Ч. 2. 208 с.

Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII вв.). СПб.: Алетея, 2010. 432 с. EDN: QPОНВВ.

Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. М. : Государственное научно-техническое изд-во машиностроительной литературы, 1962. Часть I. 288 с.

Рудакова Л.П. Албазинская пицаль – забытый памятник воинской славы // Война и оружие. Новые исследования и материалы: труды Четвертой Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 15–17 мая 2013 г., в 4 ч. СПб.: ВИМАИВиВС, 2013. Ч. 4. С. 88–103.

Рудакова Л.П. Памятники Артиллерийского исторического музея в эвакуации. Ярославль 1917–1925 годы // Сборник исследований и материалов военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. X. СПб. : ВИМАИВиВС, 2015. С. 458–471.

Суханов А.С. Артиллерия Западной Сибири в царствование Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 58–66. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-58-66. EDN: WMIFFQ.

Талызин И.Д. Описание артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 года. СПб. : ЦОП ГУ ВИМАИВиВС, 2006. 120 с.

Трухин В.И. Албазинский острог: от «росписи» до «росписи» // История России, Венгрии и Китая в исследованиях современных ученых : Сборник научных трудов. Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронный архив». СПб. : Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. 2020. Вып. 5. С. 200–215. EDN: IABUJS.

Фаистов Т.Н., Татауров С.Ф. Артиллерия Тарской крепости в 1594–1689 гг. // Культура русских в археологических исследованиях : сб. науч. ст. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. I. С. 180–182. EDN: TNBAPL.

Информация об авторах

Багрин Егор Андреевич,
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник научно-методической службы,
Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,
190000, г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3, Россия,
e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>
Громов Андрей Владимирович,
старший научный сотрудник,

ful trade agreement concluded with the Chinese in Nerchinsk. Moscow: In the printing house of Nikolai Stepanov. Pt. 2. 208 p. (In Russ.).

Puzanov V.D. (2010) Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (late 16th - 17th centuries). St. Petersburg: Aleteiya. 432 p. (In Russ.). EDN: QPОНВВ.

Rubcov N.N (1962) History of foundry production in the USSR. Moscow: Gosudarstvennoe nauchno-tekhnicheskoe izdatel'stvo mashinostroitel'noi literatury. Pt. I. 288 p. (In Russ.).

Rudakova L.P. (2013) Albazin arquebus - a forgotten monument of military glory. *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy: trudy Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sankt-Peterburg, 15–17 maya 2013 g. v 4 ch. = War and Weapons. New Research and Materials: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, May 15-17, 2013, in 4 pt.* St. Petersburg: VIMAIViVS. Pt. 4. P. 88-103. (In Russ.).

Rudakova L.P. (2015) Monuments of the Artillery Historical Museum in evacuation. Yaroslavl 1917-1925. *Sbornik issledovaniy i materialov voenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi = Collection of Research and Materials of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Signal Troops.* St. Petersburg. Iss. X. P. 458-471. (In Russ.).

Sukhanov A.S. (2024) Artillery of Western Siberia in the reign of Mikhail Fedorovich (1613-1645). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 20. No. 4. P. 58-66. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-58-66. EDN: WMIFFQ.

Talyzin I.D. (2006) Description of the artillery hall of memorable and unmemorable objects of 1862. St. Petersburg: Operational Printing Center of the State Institution Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps. 120 p. (In Russ.).

Trukhin V.I. (2020) Albazin ostrog: from one “description lists” to another “description lists”. *History of Russia, Hungary and China in the Research of Modern Scientists. Collections of the Presidential Library. Series "Electronic Archive".* St. Petersburg: Presidential Library. Iss. 5. P. 200-215. (In Russ.). EDN: IABUJS.

Faistov T.N., Tataurov S.F. (2014) Artillery of Tara fortress in 1594-1689 years. *Culture of Russians in Archaeological Research: Collection of Scientific Articles* Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan. Vol. I. P. 180-182. (In Russ.). EDN: TNBAPL.

Information about the authors

Egor A. Bagrin,
Cand. Sci. (History), leading researcher of the Scientific and Methodological Department,
Boris Yeltsin Presidential Library,
3, Senatskaya Square, Saint-Petersburg 190000, Russia,
e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3067-9117>
Andrey V. Gromov,
Senior Researcher,

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи,
197046, г. Санкт-Петербург, Александровский парк, 7,
Россия,
e-mail: schnurrig@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9658-0887>

Трухин Владимир Ильич,
независимый исследователь,
675000, г. Благовещенск, Россия,
e-mail: tru_vi@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Military Historical Museum of Artillery, Engineers and Signal Corps,
7, Alexandrovsky Park, Saint-Petersburg 197046, Russia,
e-mail: schnurrig@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9658-0887>

Vladimir I. Trukhin,
Independent Researcher,
Blagoveshchensk 675000, Russia,
e-mail: tru_vi@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6831-1858>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2025 г.; одобрена после рецензирования 19 мая 2025 г.; принята к публикации 2 июня 2025 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 18, 2025; approved after reviewing May 19, 2025; accepted for publication June 2, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(438).071
EDN: JJOMPJ
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-147-156>

Религиозный фактор коливщины в отечественной и зарубежной историографии

А.А. Кохан

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. На основе предметного анализа историографии автор выделяет и рассматривает ряд ключевых подходов, связанных с изучением крупнейшего гайдамацкого восстания 1768–1769 гг. – коливщины. Восстание охватило Киевщину, Брацлавщину, Волынь и Подолье. Оговаривается, что коливщине, изменившей геополитическую ситуацию в Европе и приведшей к разделу Польши 1772 г., посвящено крайне небольшое число исторических публикаций. Главные выводы автора статьи таковы: дореволюционная историография начала изучение проблемы и сформировала несколько методологических подходов: по мнению российских авторов, гайдамацкие восстания происходили из-за комплекса факторов, ключевым из которых был религиозный. Польские исследователи напротив игнорировали рассмотрение социально-экономических и конфессиональных причин, оценивая гайдамаков как бандитов и грабителей. На протяжении 100 лет оба этих подхода развивались. Вновь вводимые в научный оборот источники позволяют рассматривать не только и не столько религиозный фактор как одну из причин коливщины, а фактологически углубляться в проблематику. Авторы новейших публикаций склонны рассматривать события 1768 г. не в отрыве друг от друга, а в комплексе: и внутривосточную ситуацию в Речи Посполитой, обостренную экономическими и конфессиональными разногласиями, и внешнеполитические условия, связанные с конфликтами с соседями. Аналогично складывается и изучение самого восстания: если С.М. Соловьев описывал Барскую конфедерацию и коливщину отдельно, то современные авторы тяготеют к комплексному изучению указанных событий и явлений. Больше внимание они уделяют и взаимодействию представителей разных конфессий между собой и с правительствами Речи Посполитой и Российской империи, а также предметно затрагивают проблему исторической памяти о коливщине.

Ключевые слова: коливщина, гайдамаки, историография, историки, концепции, религия, Польша, Россия, В.Б. Антонович, Я. Шульгин, Н.И. Костомаров, Т. Корзон

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10064, <https://rscf.ru/project/23-78-10064/> в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Кохан А.А. Религиозный фактор коливщины в отечественной и зарубежной историографии // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 147–156. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-147-156. EDN: JJOMPJ.

History

Original article

The religious factor of the Koliiv Riot in Russia and foreign historiography

Andrey A. Kokhan

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Based on a substantive analysis of historiography, the author identifies and examines a number of key approaches related to the study of the largest Haidamak uprising of 1768-1769 – Koliivshchyna (Koliiv Riot). The uprising swept Kiev region, Bratslav region, Volhynia and Podillia. It is stipulated that an extremely small number of historical publications are devoted to the Koliivschina, which changed the geopolitical situation in Europe and led to the partition of Poland in 1772. The main conclusions of the author of the article are as follows: pre-revolutionary historiography began to study the problem and formed several methodo-

logical approaches: according to Russian authors, the Gaydamak uprisings occurred due to a complex of factors, the key of which was religious. Polish researchers, on the contrary, ignored the consideration of socio-economic and confessional reasons, assessing Gaydamaks as bandits and robbers. Over the course of 100 years, both of these approaches have evolved. The newly introduced sources allow us to consider not only and not so much the religious factor as one of the causes of the Koliivism, but to actually delve into the problem. The authors of recent publications tend to consider the events of 1768 not in isolation from each other, but in a complex: both the domestic political situation in the Polish-Lithuanian Commonwealth, aggravated by economic and confessional disagreements, and foreign policy conditions related to conflicts with neighbors. The study of the uprising itself is similar: if S.M. Solovyov described the Lordly Confederation and Koliivshchyna separately, then modern authors tend to study these events and phenomena in a comprehensive manner. They also pay more attention to the interaction of representatives of different faiths among themselves and with the governments of the Polish-Lithuanian Commonwealth and the Russian Empire, and also touch on the problem of historical memory of the Koliiv Riot in detail.

Keywords: Koliivshchyna, Gaydamaks, historiography, historians, concepts, religion, Poland, Russia, V.B. Antonovich, Ya. Shulgin, N.I. Kostomarov, T. Korzon

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10064, <https://rscf.ru/project/23-78-10064/> at St. Petersburg State University.

For citation: Kokhan A.A. (2025) The religious factor of the Koliiv region in Russia and foreign historiography. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 147-156. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-147-156. EDN: JJOMPJ.

Религиозная политика Речи Посполитой в конце XVII – первой половине XVIII в. была нацелена на ограничение прав православного населения, вследствие чего жители государства, не исповедовавшие католицизм, были лишены покровительства закона и предоставлялись на произвол буйства шляхты. С другой стороны, Польша стремилась всячески ограничить контакты православного и протестантского населения с соседними государствами, что вызывало негодование как у России, так и у Англии, Голландии, Дании, Пруссии и Швеции (Антонович, 1885а. С. 272–273). Такое давление, оказываемое на православное население, привело как к появлению мирных форм сопротивления, так и к зарождению куда более агрессивных, которые выливались в восстания и бунты.

Польские законы по ущемлению прав не католиков достигли своего апогея к 1764–1766 гг., когда были приняты постановления о смертной казни в случае перехода из католицизма в другое вероисповедание и об объявлении врагами отечества каждого, кто осмеливался на сейме высказаться в пользу иноверцев (Антонович, 1885а. С. 273–274). В это же время на польское правительство усилилось влияние князя П.Н. Репнина, который смог добиться возведения на польский престол Станислава II Августа, а в феврале 1768 г. вынудил сейм подписать трактат, предусматривавший увеличение прав для представителей всех вероисповеданий. Оппозиционная часть польской шляхты, недовольная подписанием Варшавского договора, уравнившего в правах като-

ликов, православных и протестантов, а также вмешательством Российской империи во внутренние дела Речи Посполитой, сформировала Барскую конфедерацию, что привело к Гражданской войне и вооруженному вмешательству иностранных государств, а, как следствие, к разделу государства в 1772 году. Вместе с гражданским противостоянием 1768 г., вспыхивает и новая волна гайдамацкого восстания, получившая название «колиивщина», охватившее Киевщину, Брацлавщину, Волынь и Подолье.

Феномен колиивщины, повлиявший на изменение геополитической ситуации в Европе XVIII в., к сожалению, не нашел должного отражения в исторических исследованиях – количество специальных публикаций, посвященных данному вопросу, крайне невелико.

Объяснение подобного рода ситуации в ряде своих работ высказывала Т.Г. Таирова-Яковлева, акцентируя внимание на том, что в последние годы эта тема стала на Украине «неудобной», а наиболее крупными обобщающими изданиями по-прежнему являются работы В. Антоновича, Я. Шульгина, А. Скальковского, увидевшие свет еще в XIX в., а также монография В. Голубицкого, вышедшая в 1961 г. (Таирова-Яковлева, 2019b. С. 970–971). Немногим лучше, по мнению исследователя, складывается ситуация и в западной историографии: «Современные западные историки специальных исследований по колиивщине не делали, а лишь затрагивали ее в своих работах. Таким образом, имеющаяся, хотя и достаточно обширная историография по

колиивщине носит очень отрывочный характер, а специальных работ по истории памяти до сих пор не было написано» (Таирова-Яковлева, 2019а. С. 38).

К аналогичному выводу приходит и украинский исследователь М. Нита: вопрос колиивщины в синтезах истории Польши затрагивался крайне редко и скупо (Нита, 2008. С. 13).

Современная отечественная историография представлена преимущественно научными статьями, которые касаются лишь отдельных аспектов движения гайдамаков и колиивщины (Кушнир, 2013; Клецкова, 2014; Сень, 2017; Мильчев, Сень, 2018; Лукашова, Лукашов, 2018), при этом она характеризуется отсутствием обобщающих работ, которые бы затрагивали вопросы исторической памяти о событиях 1768–1769 гг., религиозные, социальные процессы и идейную составляющую народного восстания.

Тем не менее, сложившаяся за 250 лет отечественная и зарубежная историографические традиции по рассматриваемому вопросу позволяют выделить несколько ключевых подходов, связанных с изучением крупнейшего гайдамацкого восстания – колиивщиной, и провести их анализ на основании опубликованных источников и научных исследований, увидевших свет в период с XIX по XXI в.

Одной из первых обобщающих работ в отечественной историографии, посвященных осмыслению восстаний гайдамаков, стал труд А.А. Скальковского «Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии: 1733–1768», написанный на основе польских мемуаров и исследований, народных песен и архива Войска Запорожского. Исследователь считал, что «гайдамаки XVIII столетия мало чем отличались от грабителей XVII века и их-то подвиги покрыли срамом храброе, хотя и полуобразованное Низовое общество (Низовое войско Запорожское), оказавшее столько услуг русскому миру. Предводители таких шаек сперва, нет сомнения, подымали оружие на поляков как на врагов своей веры и родины; их подвиги хотя и сопровождаемые жестокостью, но облагороженные святою целию защиты церкви православной воспела народная поэзия Украины. Но в XVIII столетии, когда Россия приняла навсегда Запорожье под свою Державу, когда следственно польское правительство ни само, ни через свое дворянство не могло делать угнетений казачеству, – этот благородный предлог исчез, – но гайдамацтво не прекратилось, ибо не укоротилось молодечество и

алчность ватажков. Они вооружались просто для разбоя и грабежа из видов одной корысти, но свои ватаги уверяли в противном и, таким образом, кровавые сцены не раз происходили на границах. Такого рода было происшествие, известное в польской и украинской историях под названием Колиивщины и Уманской резни, бывшей в 1768 году» (Скальковский, 1845. С. 15). Несмотря на то, что исследователь упоминает о законах Речи Посполитой, направленных на ущемление в правах православного населения, и на разгромы православных монастырей, религиозный фактор колиивщины остается для него не первостепенным: А.А. Скальковский в повествовании выводит на главную роль зачинщика восстания игумена Мелхиседека, движимого желанием мести полякам (Скальковский, 1845. С. 61–72).

Вторая половина XIX в. стала отправной точкой в формировании подходов в объяснении событий как гайдамацких восстаний, так и колиивщины, что было обусловлено введением в научный оборот разноплановых комплексов источников: начиная от переписки руководителей восстания и заканчивая императорскими указами. В данном контексте, прежде всего, необходимо обратить внимание на опубликованный в 1882 г. Манифест императрицы Екатерины II к православному населению Польши от 9 июля 1768 г. В предисловии к документу составители «Киевской старины» указывали, что текст Манифеста диаметрально противоположен взглядам польских мемуаристов XVIII в. и писателей XIX в. (Таирова-Яковлева, 2019а. С. 41–45), утверждавших, что существовала грамота императрицы, призывавшая православное население Правобережья присоединиться к восстанию 1768 г. (Манифест императрицы Екатерины II..., 1882. С. 308)¹.

На факт подделки документа, к которому апеллировали польские историки, указывал еще С.М. Соловьев: «Между посаженными на кол гайдамаками находился родной племянник игумена, эконома Переяславского архиерея; этот игумен, раздраженный позорной смертью племянника, стал уговаривать бывших в то время в Переяславле на богомольи запорожцев и главного между ними Железняка, чтобы они подняли войну с поляками за

¹ Манифест императрицы Екатерины II к православному населению Польши от 9 июля 1768 г. // Киевская старина. 1882. Т. II: май. С. 308–311.

веру, потому что поляки устроили Барскую конфедерацию против православной веры. Для сильнейшего убеждения, игумен показал Железняку на пергаменте указ императрицы – подниматься против поляков за веру; титул был подписан золотыми буквами; подпись и печать подделаны» (Соловьев, 1879. Ст. 532).

В контексте заочной полемики польских мемуаристов и С.М. Соловьева в трактовке подложной «золотой грамоты» Екатерины II, прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что обе стороны рассматривают коляшину в качестве движения, которое возникло именно благодаря борьбе православного населения Правобережной Украины с католицизмом и униатством, т. е. религиозный фактор доминирует над социальными ущемлениями, которые испытывали на себе низшие сословия. Именно эта концепция станет доминирующей в дореволюционной историографии. Вместе с этим польская историография формирует образ России как врага, выступающего в качестве подстрекателя восстания 1768–1769 гг., опять же обращаясь к религиозному вопросу.

Характерно, что на религиозный фактор зарождения коляшины указывали и современники событий, князь Н.В. Репнин и король Станислав II Август. И если первый видел первопричину волнений в деятельности Переяславского архиерея Гервасия и Мотренинского игумена Мелхиседека, то второй, наоборот, считал ее ответом на распространение униатства (Соловьев, 1879. Ст. 533).

В.Б. Антонович рассматривал ущемление православного вероисповедания в Речи Посполитой XVIII в. не только с точки зрения религиозной политики, но и с точки зрения социально-экономического устройства государства, отмечая, что «в значительной части случаев гонение, воздвигаемое шляхтичами на православие, помимо религиозного фанатизма, находило побуждение и в своекорыстии; грабеж церковного имущества, захват земель церковных или присвоение имущества, принадлежавшего православному духовенству, составляли немаловажный мотив, подвигавший дворян на душеспасительные, по их мнению, подвиги; они не прочь были соединить приятное с полезным и, разрушая «схизму», увеличить за ее счет свое личное состояние, прикрыв грабеж благочестивым предлогом» (Антонович, 1885b. С. 301). В другом исследовании

В.Б. Антонович указывал, что корни гайдамацкого движения лежали «с одной стороны, в исключительности сословных, национальных и религиозных убеждений господствовавшего в Польше сословия, с другой – в анархическом устройстве Речи Посполитой» (Антонович, 1876а. С. 128).

В.Б. Антонович внес значительный вклад в изучение как восстаний гайдамаков, так и коляшщины. Благодаря введенному им в научный оборот корпусу документов из Киевского архива, удалось проанализировать социальную базу коляшщины, определить социальные, политические и религиозные предпосылки восстания. При этом автор рассматривал религиозный фактор движения как один из важнейших, сводя аргументацию к действиям польской шляхты, ответом на который и стал народный бунт.

Вслед за выходом тома «Архива Юго-Западной России» со вступительной статьей В.Б. Антоновича (Антонович, 1876b), в которой рассматривались предпосылки формирования гайдамацкого движения на Правобережье, в свет выходит публикация Н.И. Костомарова «Материалы для истории коляшщины или резни 1768 г.» (Костомаров, 1882). В предисловии к публикуемым документам историк акцентирует внимание на религиозном факторе как одном из основополагающих как в гайдамацком движении, так и в коляшщине, указывая, что «польские историки обыкновенно взваливали вину, главным образом, на русскую политику того времени, и давали веру басне о том, будто императрица Екатерина II через своих агентов рассылала манифест, которым разожгла против поляков южно-русское престонородие, исповедующее, наравне с целым народом русским, православную (или как ее называют поляки, схизматическую) религию» (Костомаров, 1882. С. 297). «Поляки всегда готовы приписывать влиянию Москвы и москалей все дурное, испытанное Польшею в прошедшие времена, не исключая даже и таких времен, когда не существовало Москвы. Так православие называют поляки московскою верою и готовы сами верить и других уверять, что приверженность подвластного им русского народа к православной или восточной вере была навеяна и подогревалась москалями; поляки не хотят знать, что в южной и западной Руси еще прежде, чем эти края очутились под польскою властью, господствовала православная вера греко-славянского

обрядов, и то было еще тогда, когда Москвы и в помине не было; а следовательно приверженность народа к вере своих предков естественно могла проявляться без всякого постороннего воздействия», — высказывал свою позицию Н.И. Костомаров (Костомаров, 1882. С. 298).

В контексте рассматриваемой проблемы необходимо обратить внимание на работу Я. Шульгина, публиковавшуюся на страницах «Киевской старины», — «Очерк колиивщины по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших гг.» (Шульгин, 1890а), а впоследствии вышедшую небольшим тиражом отдельным оттиском (Шульгин, 1890б).

И если обзор в «Русской мысли» на работу Я. Шульгина носил исключительно описательный характер (Б. а., 1891а. С. 205), то в рецензии, вышедшей в «Журнале Министерства народного просвещения» (Б. а., 1891б. С. 242–243), отмечался существенный вклад исследователя в изучение колиивщины, благодаря привлечению в качестве основного источника военно-судной комиссии, которая разбирала уголовные дела участников восстания, созданной польским правительством, — «Кодненской книги». Опираясь на этот документ, автор смог прийти к следующим выводам: восстание вспыхнуло из-за социального и религиозного гнета, а его движущей силой стали крестьяне Киевской и Брацлавской губерний, левобережцы, гайдамаки и запорожцы. При этом в рецензии отмечалось, что помимо ранее не введенного в научный оборот источника, Я. Шульгин привлек к исследованию корпус уже опубликованных на тот момент писем Малороссийского генерал-губернатора П.А. Румянцева, благодаря чему смог проанализировать причины участия в колиивщине жителей Левобережья (Б. а., 1891б. С. 242–243).

Тем не менее, особенностью работы Я. Шульгина стала романтизация гайдамаков. Во введении к исследованию он писал: «Давний порядок шляхетско-католической Речи Посполитой, таким образом, вновь [после Прутского договора] получал господство в южной Руси, — а потому крестьянству последней вновь должны были понадобиться защитники, которые могли бы хоть отчасти заменить казачество, исчезнувшее на правом берегу Днепра. Такие защитники и явились. С легкой руки польских мемуаристов обыкновенно этих новых защитников русской народности и православия величают гайдамаками» (Шульгин, 1890б. С. 4–5).

Безусловно, такая позиция не могла остаться незамеченной представителями варшавской исторической школы. В связи с этим на работу Я. Шульгина появляется резкая и негативная реплика польского исследователя Тадеуша Корзона. В рецензии на книгу Т. Корзон моральными виновниками восстания назвал архиеерея Гервасия и игумена Мелхиседека (Korzon, 1892. S. 527). Анализируя «Очерк колиивщины», польский историк вычленил все факты насилия гайдамаков над униатскими священниками, шляхтой и евреями, а автора посчитал ослепленным национальной и религиозной ненавистью (Korzon, 1892. S. 528). Необходимо отметить, что при этом меняются и подходы, сложившиеся в польской мемуаристике: в заключительной части рецензии Т. Корзон, ссылаясь на манифест Екатерины II и переписку П.А. Румянцева, акцентирует внимание на том, что Российская империя не была причастна к колиивщине, при этом в восстании принимали участие отставные русские дезертиры и офицеры, которые стремились поддержать борьбу православия с поляками (Korzon, 1892. S. 539–540).

Рецензия польского исследователя интересна не только и не столько разбором работы Я. Шульгина и вычлениением из нее преступлений, совершенных бандами гайдамаков, сколько изменением позиции официальной польской науки: признанием непричастности России к колиивщине и закреплением в польской историографии тезиса о религиозном факторе как ключевом в формировании движения.

Безусловно, выпад Т. Корзона не мог остаться незамеченным со стороны Я. Шульгина, что привело к новому витку дискуссии на страницах научной периодики XIX в.: ключевое разногласие между историками крылось в трактовке событий колиивщины. И если польский исследователь считал гайдамачество формой разбоев и беспорядочным проявлением казацкого своевольтва, усиленного религиозным фанатизмом, то Я. Шульгин рассматривал движение в качестве самостоятельного протеста южно-русского крестьянства, угнетенного поляками в социальном и религиозном отношении, ставя акцент не столько на религиозный фактор формирования колиивщины, в отличие от Т. Корзона, усматривавшего в ней влияние Мотронинского, Монашеского, Корсуньского и Жаботинского монастырей, сколько на социальную ее составляющую, называя движение политическим (Шульгин, 1893. С. 129–130).

Взглядов Я. Шульгина придерживалась и А.Я. Ефименко, считавшая коливошину не просто бунтом, а хорошо организованным народным восстанием, возникшим из-за политических, религиозных и экономических противоречий. При этом она исключала православное духовенство из движущих сил выступления (Ефименко, 1905. С. 100–101).

Таким образом, на протяжении XIX в. оформилось несколько точек зрения относительно гайдамацкого движения и коливощины. Если рассматривать польскую историографию, то необходимо выделить переход от сформировавшейся в XVIII – начале XIX в. концепции поддержки ватажков гайдамаков правительством Российской империи: сформированный миф о «золотой грамоте» был развеян, однако взгляд исследователей на сам феномен не изменился: по-прежнему в исторической мысли преобладала концепция о гайдамаках-разбойниках и убийцах. Безусловно, неопровержимым доказательством этому подходу служит целый ряд источников: от мемуаров очевидцев уманской резни до протоколов допросов «Кодненской книги», при этом религиозный фактор как одна из предпосылок, которая привела к восстанию, практически не рассматривается. В это же время в отечественной дореволюционной историографии сложилось несколько подходов, связанных с объяснением появления коливощины: все они сходятся в одном: зарождение движения стало возможным из-за социально-политической, экономической и религиозной политики, проводимой польским правительством по отношению к иноверцам. При этом, разница в них заключается в роли и месте религиозной составляющей: и если В. Антонович и Н. Костомаров рассматривали религиозные притеснения как первопричину зарождения коливощины, то Я. Шульгин был склонен рассматривать ее в качестве идейно-патриотического движения.

Кардинальным образом подходы изменились в советской историографии. Сформированный марксистско-ленинский подход в исторической науке практически нивелировал проблему религиозного фактора как одну из причин коливощины. Исследователи 1920–1930-х гг. рассматривают движение с позиций антифеодальной борьбы, которая возникла из-за крепостничества и экономического гнета (Горбань, 1923; Гуслистый, 1939; Гуслистый, 1947). В связи с этим интересен подход А.Д. Дмитриева, который вы-

деляет еще и национальный фактор, который возник благодаря религиозным способам воздействия на православное население (Дмитриев, 1934. С. 7).

Одним из наиболее значимых изданий в свете рассматриваемой проблемы стал выход в свет сборника документов «Гайдамацкий рух на Україні», составители которого также рассматривают гайдамацкое движение в качестве одного из этапов антифеодальной борьбы, пытаясь связать восстание на Правобережье с выступлениями крестьян в Молдове, России, Беларуси. Несмотря на то, что составители упоминают о гнете католицизма, они не связывают религиозный и социально-экономический, и политический факторы, упоминая о нем лишь вскользь (Гайдамацкий рух на Україні, 1970. С. 4–18)², акцентируя внимание на том, что «значение любой и в особенности этой публикации документов определяется не только сообщениями отдельных фактов, но и их суммой, тем, что в них гайдамацкое движение выступает как единый процесс на всей Украине. Документы сборника раскрывают социально-экономическую природу гайдамацкого движения и его характер, как одного из этапов социальной борьбы. Изучение помещенных в сборнике документов, прежде всего, свидетельств гайдамаков, убеждает нас в том, что подавляющее большинство участников гайдамацкого движения – это крестьяне и, в частности, сполетаризированная их часть».

Историография советского периода характеризуется появлением небольшого количества литературы, посвященной проблематике гайдамацкого движения и коливощины, по объективным причинам религиозный вопрос практически не рассматривается, а если исследователи и уделяют ему внимание, то крайне бегло, перечисляя наравне с экономическим и политическим гнетом. При этом, в научный оборот было введено большое количество документов из киевских, львовских и харьковских архивохранилищ, которые в значительной степени увеличили источниковую базу, позволили исследователям рассматривать гайдамацкое движение не как отдельный феномен, характерный только для Правобережья, но и для Левобережья и Слобожан-

² Гайдамацкий рух на Україні в XVIII ст. Збірник документів / сост. І.Л. Бутич та ін.; ред. І.Л. Бутич, Ф.П. Шевченко. Київ : Наукова думка, 1970. 657, [2] с.

щины, а также провести анализ участия гайдамаков в восстании Е. Пугачева.

Обширный комплекс опубликованных в дореволюционный и советский периоды источников, отход от классового подхода как доминирующего в исторической науке должны были дать толчок для развития фундаментальных исследований в изучении вопроса, однако с 1991 по 2024 гг. в России не вышло ни одной монографии по проблеме. Тем не менее, в указанный временной промежуток вышло большое количество научных публикаций в периодических изданиях, в которых рассматриваются вопросы движения гайдамаков и колиивщины, взаимосвязи участников восстания с запорожцами. Что же касается рассмотрения религиозного вопроса в качестве одной из причин движения гайдамаков, то, прежде всего, необходимо обратить внимание на статью Т.Г. Таировой-Яковлевой. Особого внимания заслуживает ее публикация «Колиивщина в исторической памяти»: анализируя народные предания, связанные с украинской памятью, она обращает внимание на частые упоминания Мотронинского монастыря и кладбища и обращает внимание на то, что «историческая память про Мотронинский монастырь тесно связана с преданиями о его архимандрите, Мелхиседеке (Михаиле Значко-Яворском). Народная традиция считает Мелхиседека агитатором и непосредственным организатором восстания (что сильно расходится с принятым в историографии мнением)» (Таирова-Яковлева, 2019а. С. 48).

Одной из последних работ, в которой произведен анализ деятельности Мелхиседека в организации восстания 1768 г. был проведен Е.Ю. Клецковой. Описывая детали поездки игумена в Санкт-Петербург, она на основании историографии и неопубликованных источников также приходит к выводу, что определить его роль в колиивщине затруднительно (Клецкова, 2014. С. 194).

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо обратить внимание на публикацию С.С. Лукашовой и Н.В. Лукашова, посвященной религиозному фактору в обосновании разделов Речи Посполитой. Помимо того, что авторы рассматривают притеснения католиками иноверцев в качестве одной из причин колиивщины, они приходят к выводу о том, что «несмотря на индифферентное и прагматичное отношение русского императорского двора к вопросам защиты православной веры в во-

сточных землях Речи Посполитой, эта проблема действительно была актуально для русского общества в целом. Инициаторами этой защиты выступали гражданские и духовные власти приграничных регионов, а также армия, действовавшие в пользу единоверцев без письменных приказов. Хотя Русская православная церковь в целом демонстрировала незаинтересованность в юридическом включении земель восточных епархий в состав империи, отдельные ее представители также являлись активными сторонниками «воссоединения» (Лукашова, Лукашов, 2018. С. 40).

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо обратиться еще к одной работе – диссертационному исследованию А.А. Кушнера, посвященному изучению гайдамацкого движения. В ходе исследования автор приходит к выводу, что кроме социально-экономических проблем, которые дали толчок к восстанию, немаловажным фактором являлся нерешенный религиозный вопрос: «другой причиной развертывания гайдамацкого движения было обострение религиозной ситуации в Правобережной Украине в течение 1750–1760-х гг. выделить несколько факторов эскалации проблемы: усиление позиций униатской церкви в результате ее миссионерско-просветительской деятельности и нового заселения «пустынь» Южной Киевщины и Брацлавщины; ситуативная поддержка польскими властями и землевладельцами униатской церкви, как признанной государством церковной институции; поддержка православных монастырей и приходов на территории Речи Посполитой со стороны российской светской власти и использования ею проблемы межконфессиональных отношений в интересах ослабления Польши; обострение противостояния между униатской и православной церквями, каждая из которых претендовала на конфессиональную монополию на просторах Правобережной Украины» (Кушнер, 2013)³.

Анализируя историографию, связанную с религиозным фактором в формировании колиивщины, прежде всего, необходимо отметить несколько основных особенностей в рассмотрении исследовате-

³ Кушнір О.О. Гайдамацький рух 1715–1760-х рр.: перебіг та сприйняття сучасниками. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.02. Київ: Київський нац. ун-тет ім. Тараса Шевченка. 2013. С. 69–70.

лями вопроса на разных исторических этапах. Так, дореволюционная историческая наука заложила основы в изучении проблемы, а также сформировала несколько методологических подходов: гайдамацкие восстания происходили из-за целого ряда факторов, среди которых одну из ключевых позиций занимал религиозный. Вторая точка зрения, отстаиваемая преимущественно польскими исследователями, не приемлет, за редким исключением, рассмотрения социально-экономических и конфессиональных причин, которые послужили причинами восстаний, а ее сторонники склонны считать гайдамаков бандитами и грабителями. На протяжении 100 лет оба этих подхода претерпели изменения, а вновь вводимые в научный оборот источники позволяют рассматривать не только и не столько религиозный фактор как одну из причин козацщины, а углубляться в проблематику. Авторы вышедших в последние годы публикаций склонны рассматривать события 1768 г. не в отрыве друг от друга, а в комплексе: и внутривосточную ситуацию в Речи По-

сполитой, обостренную экономическими и конфессиональными разногласиями, и внешнеполитические условия, связанные с конфликтами с соседями. Аналогичным образом складывается и ситуация с изучением самого восстания: если С.М. Соловьев в разных разделах описывал Барскую конфедерацию и козацщину, то современные авторы все больше склоняются к комплексному изучению указанных событий и явлений.

Вместе с этим необходимо отметить и изменение в тематике исследований: первые публикации носили описательный характер событий восстания гайдамаков 1768 г., пытались объяснить причины и последствия выступления, в то время как современные авторы большее внимание уделяют взаимоотношению между представителями разных конфессий, их взаимодействие между собой и с правительствами Речи Посполитой и Российской империи, а также вопросам, связанным с отражением событий 250-летней давности в исторической памяти и их трансформации в сознании.

Список источников

Антонович В.Б. Исследование о гайдамачестве по актам 1700–1768 гг. Киев : Университетская типография (И. Завадского), 1876а. [2], 128 с.

Антонович В.Б. Предисловие // Архив Юго-Западной России. Киев : Университетская типография (И. Завадского), 1876б. Ч. 3. Т. III. С. 1–128.

Антонович В.Б. Очерк отношений польского государства к православию и православной церкви // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев : Типография Е.Я. Федорова, 1885а. Т. 1. С. 265–278.

Антонович В.Б. Очерк состояния православной церкви в Юго-Западной России с половины XVII до конца XVIII столетия // Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев : Типография Е.Я. Федорова, 1885б. Т. 1. С. 279–342.

Б. а. Библиографический отдел. II. Периодические издания // Русская мысль. 1891а. № 4. С. 203–206.

Б. а. Книжные новости // Журнал Министерства народного просвещения. 1891б. Ч. CCLXXII: январь. С. 240–244.

Горбань М.В. Гайдамаччина. Харків: Шлях освіти, 1923. 84 с.

Дмитриев А.Д. Гайдамаччина : Из истории классовой борьбы на Украине в первой половине XVIII в. М. : Изд-во политкаторжан. 1934. 54 с.

Ефименко А.Я. Южная Русь. Очерки, исследования и заметки. Т. II. СПб. : Книгопечатня Шмидт, 1905. 358 с.

References

Antonovich V.B. (1876a) A study on Gaydamachestvo according to the acts of 1700-1768. Kiev: Universitetskaya tipografiya (I. Zavadskogo). [2], 128 p. (In Russ.).

Antonovich V.B. (1876b) Preface. *Archive of South-Western Russia*. Kiev: Universitetskaya tipografiya (I. Zavadskogo). Pt. 3. Vol. III. P. 1–128. (In Russ.).

Antonovich V.B. (1885a) An essay on the relations of the Polish state to Orthodoxy and the Orthodox Church. *Monographs on the History of Western and Southwestern Russia*. Kiev: Tipografiya E.Ya. Fedorova. Vol. 1. P. 265–278. (In Russ.).

Antonovich V.B. (1885b) An outline of the state of the Orthodox Church in Southwestern Russia from the middle of the 17th to the end of the 18th century. *Monographs on the History of Western and Southwestern Russia*. Kiev: Tipografiya E.Ya. Fedorova. Vol. 1. P. 279–342. (In Russ.).

(1891a) Bibliographic Department. II. Periodicals. *Russian Thought*. No. 4. P. 203–206. (In Russ.).

(1891b) Book News. *Journal of the Ministry of Public Education*. Pt. CCLXXII: January. P. 240–244. (In Russ.).

Gorban' M.V. (1923) Gaydamachchina. Kharkiv: Shlyakh osviti. 84 p. (In Russ.).

Dmitriev A.D. (1934) Gaydamachchina : From the history of the class struggle in Ukraine in the first half of the XVIII century. Moscow: Izd-vo politkatorzhan. 54 p. (In Russ.).

Efimenko A.Ya. (1905) Southern Russia. Essays, studies, and notes. St. Petersburg: Knigopечатnya Shmidt. Vol. II. 358 p. (In Russ.).

Клецкова Е.Ю. Роль Мельхиседека Значко-Яворского в колиивщине: Религиозный аспект гайдамацкого движения на Украине в XVIII в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2014. Вып. 3. С. 186–195. EDN: SMCIFYX.

Костомаров Н. Материалы для истории колиивщины или резни 1768 г. // Киевская старина. 1882. Т. III: август. С. 297–321.

Кушнир А.А. Проблема датировки основных событий колиивщины по актовым документам и мемуарам // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 2. С. 1–11. EDN: QZOSTH.

Лукашова С.С., Лукашов Н.В. Религиозный фактор как правовое обоснование разделов Речи Посполитой // Genesis: исторические исследования. 2018. № 10. С. 32–42. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.10.27445. EDN: YPCIRV.

Мильчев В.И., Сень Д.В. Процесс упразднения Войска Запорожского Низового: амбиции казачества vs интересы империи (1740–1770-е гг.) // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6. № 2. С. 385–402. DOI: 10.15826/qr.2018.2.302. EDN: UWTHJC.

Нита М. «Коліївщина» в синтетических трудах XIX, XX и XXI вв. по истории Польши // Историчний архів. Наукові студії: Збірник наукових праць. Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили, 2008. Вип. 1. С. 12–19.

Сень Д.В. Военное лидерство: персональные истории в пространстве культурной традиции // Новое прошлое. 2017. № 2. С. 192–197. DOI: 10.23683/2500-3224-2017-2-192-197. EDN: YULZOP.

Скальковский А.А. Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии: 1733–1768. Одесса: Городская типография. 1845. 230, II с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. XXIV–XXIX: Изд. 2-е. СПб., 1879. 595 с.

Таирова-Яковлева Т.Г. Коліївщина в исторической памяти // Диалог со временем. 2019а. Вып. 66. С. 37–53. DOI: 10.21267/AQUILO.2019.66.25318. EDN: YXDJFJ.

Таирова-Яковлева Т. Участие запорожцев в восстании гайдамаков 1768 г. (Коліївщина) // Quaestio Rossica. 2019b. Т. 7. № 3. С. 969–980. DOI: 10.15826/qr.2019.3.418. EDN: UQZGIF.

Шульгин Я. Очерк коліївщины по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов // Киевская старина. 1890а. Т. XXVIII: февраль. С. 185–220; Т. XXVIII: март. С. 381–418; Т. XXIX: апрель. С. 22–52; Т. XXIX: май. С. 268–306; Т. XXIX: июнь. С. 409–426.

Шульгин Я. Очерк коліївщины по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1890b. [4], 209 с.

Шульгин Я. «Правда» о коліївщине польского историка Т. Корзона (По поводу его рецензии в № 3 «Kwartalnika historycznego» за 1892 г. на «Очерки коліївщины» Я. Шульгина) // Киевская старина. 1893. Т. LX: январь. С. 126–160.

Kletschkova E.Yu. (2014) The role of Melkhizedek Znachko-lavorskii in the Koliivshchyna: religious aspect of the Gaidamaks movement in Ukraine in 18 century. *Bulletin of Saint Petersburg University. Ser. 2. Iss. 3. P. 186–195.* (In Russ.). EDN: SMCIFYX.

Kostomarov N. (1882) Materials for the history of Koliivshchyna or the massacre of 1768. *Kyiv Antiquity. Vol. III: August. P. 297–321.* (In Russ.).

Kushnir A.A. (2013) Problem of dating the major events of the Koliivshchyna according to the official documents and memoirs. *Bulletin of Moscow State University. No. 2. P. 1–11.* (In Russ.). EDN: QZOSTH.

Lukashova S.S., Lukashov N.V. (2018) The Religious factor as a legal justification for the Sections of the Polish-Lithuanian Commonwealth. *Genesis: Historical Studies. No.10. P. 32–42.* (In Russ.). DOI: 10.25136/2409-868X.2018.10.27445. EDN: YPCIRV.

Mil'chev V.I., Sen' D.V. (2018) The plans for the abolition of the Zaporozhian host and their implementation (1740s-1770s): Cossack ambitions vs imperial interests. *Quaestio Rossica. Vol. 6. No. 2. S. 385–402.* (In Russ.). DOI: 10.15826/qr.2018.2.302. EDN: UWTHJC.

Nita M. (2008) "Koliivshchyna" in the synthetic works XIX, XX and XXI centuries. on the history of Poland. *Historical Archive. Science Studies: Collection of Scientific works. Nikolaev: Publishing House of the NSHU named after Petro Mogiila. Iss. 1. P. 12–19.* (In Russ.).

Sen' D.V. (2017) Military leadership: personal stories in the space of cultural tradition. *The New Past. No. 2. P. 192–197.* (In Russ.). DOI: 10.23683/2500-3224-2017-2-192-197. EDN: YULZOP.

Skal'kovskii A.A. (1845) Haidamak raids on Western Ukraine in the 18th century: 1733-1768. *Odessa: Gorodskaya tipografiya. 230, II p.* (In Russ.).

Solov'ev S.M. (1879) The history of Russia since ancient times. Book 6. Vol. XXIV–XXIX. St. Petersburg. 595 p. (In Russ.).

Tairova-Yakovleva T.G. (2019a) Koliivshchyna in the historical memory. *Dialogue with Time. Iss. 66. P. 37–53.* (In Russ.). DOI: 10.21267/AQUILO.2019.66.25318. EDN: YXDJFJ.

Tairova-Yakovleva T. (2019b) The participation of Zaporozhian Cossacks in the 1768 Haidamaka uprising (Koliivshchyna). *Quaestio Rossica. Vol. 7. No. 3. P. 969–980.* (In Russ.). DOI: 10.15826/qr.2019.3.418. EDN: UQZGIF.

Shul'gin Ya. (1890a) An essay on the Koliiv Riot based on unpublished and published documents from 1768 and the coming years. *Kiev Antiquity. Vol. XXVIII: February'. P. 185–220; Vol. XXVIII: March. P. 381–418; Vol. XXIX: April. P. 22–52; Vol. XXIX: May. P. 268–306; Vol. XXIX: June. P. 409–426.* (In Russ.).

Shul'gin Ya. (1890b) An essay on the Koliiv Riot based on unpublished and published documents from 1768 and the coming years. *Kiev: Tip. G.T. Korchak-Novitskogo. [4]. 209 p.* (In Russ.).

Shul'gin Ya. (1893) The "Truth" about the Koliiv Riot by the Polish historian T. Korzon (Regarding his review of Ya. Shulgin's "Essays on the Koliiv Region" in No. 3 of Kwartalnika historycznego in 1892. *Kiev Antiquity. Vol. LX: January'. P. 126-160.* (In Russ.).

Korzon T. Nowa książka o koliszczyźnie // *Kwartalnik historyczny*. 1892. R. VI. S. 527-540.

Гуслистый К.Г. Коліївщина в творах Т. Шевченка // Пам'яті Т.Г. Шевченка. Збірник статей до 125-ліття з дня народження. 1814-1939. Київ : Видавництво Академії наук УРСР, 1939. С. 121–157.

Гуслистый К.Г. Коліївщина (історичний нарис). Київ,. 1947. 48 с.

Информация об авторе

Кохан Андрей Алексеевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института Истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9,
Россия,
e-mail: a_kokhan@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0543-0678>

Вклад автора

Кохан А.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 26 марта 2024 г.; одобрена после рецензирования 21 апреля 2025 г.; принята к публикации 5 мая 2025 г.

Korzon T. (1892) Nowa książka o koliszczyźnie. *Kwartalnik historyczny*. R. VI. P. 527-540. (In Polish).

Guslistyi K.G. (1939) Koliivshchyna in the works of T. Shevchenko *In Memory of T.G. Shevchenko. Collection of Articles to the 125th Anniversary of His Birth. 1814-1939*. Kyiv: Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR. (In Ukrainian).

Guslistyi K.G. (1947) Koliivshchyna (historical essay). Kyiv. 48 p. (In Ukrainian).

Information about the author

Andrey A. Kokhan,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute History,
Saint Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg 199034, Russia,
e-mail: a_kokhan@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0543-0678>

Contribution of the author

Kokhan A.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 26, 2024; approved after reviewing April 21, 2025; accepted for publication May 5, 2025.

История

Научная статья
УДК 94 (438).071
EDN: BWYKRV
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-157-165>

Разделы Польши (1772–1795 гг.) и общественное мнение пореформенной России

Л.Ю. Гусман

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу дискурса о разделах Речи Посполитой в отечественной общественно-политической мысли пореформенной Российской империи. В основу исследования положен анализ периодических изданий XIX в., а также воспоминаний современников. Отмечено, что российские мыслители и публицисты пореформенной России постоянно обращались к истокам русско-польского конфликта, пытаясь отыскать виновных в его обострении. При этом, зачастую, критика разделов Польши была оторвана от исторических реалий и определялась априорной враждебностью к правительственной политике. Во второй половине 1860-х – 1870-х гг. российские консервативные и либеральные журналисты часто возлагали надежды на интеграцию Царства Польского в Российскую империю, наподобие объединения Шотландии с Англией. К началу 1880-х гг. на царство Польское даже некоторые консерваторы стали смотреть, как на «отрезанный ломоть». Если журналисты, особенно славянофильского толка, были неустойчивы в обличениях разделов, являвшихся якобы результатом «немецкого заговора» и принесших в Россию неразрешимый «польский вопрос», то в русских дипломатических кругах существовал совсем иной взгляд: Екатерина II, добившаяся для России «естественных границ», противопоставлялась Александру I, присоединившему к России «этнографическую», католическую Польшу, недоступную для устойчивой интеграции в Российскую Империю. Автор приходит к выводу о том, что российская дореволюционная публицистика относилась болезненно к трем разделам Речи Посполитой. Лозунг восстановления «исторической Польши», выдвигаемый почти всеми фракциями польского национального движения, стал трагическим для жителей этой страны. Максималистские призывы к возвращению границ 1772 г. исключали какой-либо компромисс с любым влиятельным российским политическим течением, даже искренне симпатизирующим братской славянской народности. Безусловно, политический романтизм может вызывать восхищение своим героизмом и жертвенностью, но, ставя перед собой заведомо неисполнимые цели, он может стать самоубийственным выбором. Так случилось и с польскими националистами XIX века.

Ключевые слова: разделы Речи Посполитой, Речь Посполитая, «этнографическая» Польша, пореформенная Россия, Российская империя, общественно-политическая мысль, общественное мнение, консерваторы, либералы, славянофилы

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10064 «Западные окраины Российской империи: проблемы этноконфессиональной инкорпорации в XVIII веке», <https://rscf.ru/project/23-78-10064/> в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Гусман Л.Ю. Разделы Польши (1772–1795 гг.) и общественное мнение пореформенной России // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 157–165. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-157-165. EDN: BWYKRV.

History

Original article

Partition of Poland (1772-1795) and public opinion in post-reform Russia

Leonid Yu. Gusman

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The paper analyses the discourse on the Polish-Lithuanian Commonwealth division in the domestic socio-political thought of the post-reform Russian Empire. The research is based on the analysis of the 19th century periodicals, as well as the

© Гусман Л.Ю., 2025

contemporaries' memoirs. It is noted that Russian thinkers and publicists of post-reform Russia constantly turned to the origins of the Russian-Polish conflict, trying to find those responsible for its aggravation. At the same time, criticism of Poland partition was often divorced from historical realities and determined by a priori hostility to the government policy. In the second half of the 1860s - 1870s, Russian conservative and liberal journalists often pinned their hopes onto the integration of the Kingdom of Poland into the Russian Empire, similar to the unification of Scotland with England. By the early 1880s, even some conservatives began to look at the Kingdom of Poland as a "cut slice". While journalists, especially of the Slavophile persuasion, were unstoppable in denouncing partition as allegedly a result of a "German conspiracy" which brought the insoluble "Polish question" to Russia, Russian diplomatic circles expressed a completely different view: Catherine II, who achieved "natural borders" for Russia, was opposed to Alexander I, who annexed "ethnographic", Catholic Poland to Russia, inaccessible for sustainable integration into the Russian Empire. The author comes to the conclusion that Russian pre-revolutionary journalism was sensitive to the three partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The slogan of restoring "historical Poland", put forward by almost all fractions of the Polish national movement, has become tragic for the inhabitants of this country. Maximalist calls for the return of Year 1772 borders precluded any compromise with any influential Russian political movement, even those sincerely sympathetic to the fraternal Slavic nation. Of course, political romanticism can be admired for its heroism and sacrifice, but setting itself deliberately impossible goals, it can become a suicidal choice. This is exactly what happened with the Polish nationalists of the 19th century.

Keywords: partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth, Polish-Lithuanian Commonwealth, "ethnographic" Poland, post-reform Russia, Russian Empire, socio-political thought, public opinion, conservatives, liberals, Slavophiles

Acknowledgements. The topic was supported by the Russian Science Foundation grant 23-78-10064 "Western Borderlands of the Russian Empire: Issues of Ethno-Confessional Incorporation in the 18th Century".

For citation: Gusman L.Yu. (2025) Partition of Poland (1772-1795) and public opinion in post-reform Russia. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 157-165. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-157-165. EDN: BWYKRV.

Три раздела Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) похоронили это старинное государство. Безусловно, у этого события были многообразные внутренние и внешние причины. Но исчезновение польско-литовского государства стало важнейшим событием не только для жителей этой страны, но и для поделивших ее империй и королевств – России, Австрии и Пруссии. Некоторые польские и русские публицисты считали, что Россия не должна была делить Польшу с немецкими государствами, а присоединить ее целиком, создав, тем самым, единое общеславянское государство. Однако история, как известно, рассудила по-другому.

Судьбы прусской, австрийской и русской Польши были различны. В Речи Посполитой были распространены как антинемецкие, так и католические настроения. С Россией Польшу сближало общее славянское происхождение, с Австрией – общая религия, а вот с немецкой и лютеранской Пруссией не связывало ничего. Присоединенные территории сразу же стали источником внутренней напряженности для всех этих государств. Поляки-эмигранты наполнили улицы Парижа и Лондона, призывая к возрождению своего отечества. Они сражались за эту идею в рядах наполеоновских армий. Их лозунгом было возрождение страны в границах 1772 года. Это максималистское и нереальное требование, не учитывавшее желаний украинцев, белорусов и ли-

товцев стало причиной того, что русская часть Польши так и не получила автономию до Первой Мировой войны.

Пруссия добилась мощного экономического развития на вверенных ей польских территориях – Познань, Бреслау (Вроцлав), порты Данциг (Гданьск) и Штеттин (Щецин) внешне процветали. С 1848 года у поляков были представители в прусском ландтаге, а с 1871 г. в германском рейхстаге. Но произошло это ценой масштабной германизации этого региона. Активное расселение немцев лишало польские земли, доставшиеся Пруссии, славянского колорита. В обмен на материальные блага поляки отдавали свой культурный суверенитет. К тому же, власти Пруссии, а затем и Германии, подозрительно смотрели на любые уступки польским национальным чаяниям в России и Австро-Венгрии. О. Бисмарк не скрывал своей враждебности к любой самостоятельности Польши, в том числе и когда он был послом в Петербурге в начале 1860-х гг. Тем не менее в Первую Мировую войну германские войска, оккупировавшие русскую часть Польши, пытались использовать польское национальное движение в своих интересах.

Иной была ситуация в Австрии, а затем в Австро-Венгрии. Именно в Галиции, которая принадлежала империи Габсбургов, полякам была представлена максимальная политическая самостоя-

тельность. Наместники австрийских областей, министры и депутаты польского происхождения были там частым явлением. Но гражданская свобода не означала экономического равенства. На территории «свободной» Галиции большинство населения прозябало в нищете. И все же, польский язык, польская печать, наиболее вольготно чувствовали себя именно в «провинциях австрийского захвата».

Если же анализировать значение разделов Польши для Российской Империи, то можно отметить несколько весьма противоречивых факторов, делающих данный вопрос весьма непростым. Прежде всего, с исчезновением Речи Посполитой прекращал свое существование буфер между Россией и сильными германскими государствами. Тем самым, с военной точки зрения, Россия не усиливалась. Вместе с тем, Екатерина II добилась воссоединения с Россией земель правобережной Украины и Белоруссии, а также включения Литвы в состав Империи. Тем самым, она не посягнула на чисто польские земли, ограничившись так называемым Западным Краем.

Иначе поступил Александр I. По существу, именно его политика придала этой проблеме особую остроту. В 1815 г., после победы над Наполеоном, по решению Венского конгресса (Ляшенко, 2014. С. 270), в состав России вошло Царство Польское, со столицей в Варшаве, территория, ставшая центром восстаний 1830–31 и 1863–64 гг. Все попытки интегрировать Царство, или хотя бы его крестьянское население, в российскую цивилизацию заканчивались неудачей. Слишком уж разными были культурно-ценностные ориентиры этой провинции и остальной империи.

Следует отличать «этнографическую Польшу» (Царство Польское, присоединенное в 1815 г.) от «исторической Польши» в границах 1772 г. Часть русского общества, а порой и некоторые представители государственной власти, были готовы предоставить Царству Польскому автономию или даже независимость.

Польско-русские отношения имеют давнюю историю: оба государства за многие столетия соседства знавали не только периоды добрососедских отношений, но и серьезные конфликты, и даже войны. Проблема политической и этноконфессиональной инкорпорации территорий Речи Посполитой в состав Российской Империи стала

важной составляющей дискурса о «польском вопросе» в современной российской и зарубежной исторической науке (Бовуа, 2011; Вульпиус, 2023; Долбилов, 2010; Западные окраины Российской империи, 2006; Лукашова, Лукашов, 2018). Следует признать, что изучение этой проблемы затрагивает не только реконструкцию непосредственно политической истории: исследования последних лет особое внимание уделяют анализу места и роли «польского вопроса» в общественно-политической мысли России середины XIX – начала XX в. Именно в этой области историками были достигнуты очень серьезные успехи. (Белоусов, Абдуллаев, Чикина, 2019; Котов, 2020; Кудрявцева, 2021; Kudryavtseva, Samylovskaya, 2022; Наследие Речи Посполитой..., 2022; Тесля, 2020).

Польский вопрос в политике России был одним из самых сложных и запутанных (Киняпина, 2015. С. 411). На рубеже XVIII–XIX вв. Россия сыграла чрезвычайно значительную роль в судьбе польского народа; более того, она решилась на включение Польши в состав империи в качестве своеобразного приза, полученного ею по итогам наполеоновских войн. Вместе с тем западная окраина так никогда и не стала полностью лояльной частью Российской империи, оставаясь во многом чужеродной частью общерусской ткани. Эта инаковость Польши абсолютно отчетливо осознавалась российской интеллигенцией, не случайно обсуждение необходимости выработки приемлемых для обеих сторон конфликта отношений являлась одной из наиболее популярных тем тогдашней отечественной публицистики, при этом данная проблема единодушно рассматривалась всеми как чрезвычайно острая и злободневная – именно так она воспринималась русской общественной мыслью XIX – нач. XX в.

Процесс вхождения разных частей Польши в состав России, как известно, был растянут во времени: напомним, что разделы некогда могущественного государства в конце XVIII в. почти не затрагивали территорию этнографической Польши. Другое дело – 1815 год, когда Россия, по определению К.Ф. Головина, «имела несчастье или неосторожность, присоединить к себе не только одни окраинные провинции бывшей Польши, но и самую ее сердцевину» (Головин, 1908. С. 100). Отныне Царство Польское стало самым беспокойным регионом бескрайней империи; усугубилась эта ситуация по-

сле подавления памятного восстания 1830–1831 гг. и отмены конституции 1815 г. Получается, что три раздела Польши, включившие в состав Российской империи территории Белоруссии, правобережной Украины и Литвы, способствовали превращению польского вопроса во внутрироссийский; участие же в этих разделах таких держав, как Пруссия и Австрия, придали польской проблеме общеевропейский характер.

По существу, Екатерина II и Александр I воплотили два различных подхода к разрешению польской проблемы, совместив противоположные взгляды на инкорпорацию новых территорий в состав России. Присоединения, происходившие в екатерининскую эпоху, не затронули этнографическую Польшу; кроме того, что имеет критически важное значение, Россия не была инициатором разделов. Иное дело – любимый внук Екатерины Великой, Александр I. Проявив не столь частый для него в зрелом возрасте идеализм, Александр Павлович создал Царство Польское, включив в состав империи обширную территорию, населенную истовыми католиками – поляками. Отныне Западный край оставался вне Царства, что приводило польскую шляхту просто в неистовство: она грезилась восстановлением Польши в «исторических» границах 1772 г. В результате неудачного польского восстания 1830–1831 гг. была ликвидирована конституция Царства Польского и уничтожена независимость Краковской республики – последней суверенной польской территории. Национальное самолюбие польского народа было в максимальной степени уязвлено.

Начатые Александром II небывалые изменения едва ли не во всех сферах жизни русского общества, как известно, именуются в историографии «Великие реформы». Они сопровождались очевидным подъемом общественного движения – этот процесс проходил на фоне определенной активизации в России конституционалистского движения. Тем временем в странах Западной и Центральной Европы была установлена представительная форма правления; в Италии победило движение за национальную независимость, ставшая для многих других народов примером для подражания – все эти события вновь вызвали к жизни польский вопрос. Существующий конфликт усугублялся отсутствием консенсуса и по поводу консенсуса об очертаниях границ потенциально независимой Польши: так, если многие пред-

ставители русского общества были готовы говорить об отделении этнографической Польши в границах 1815 г., то не менее многочисленные группировки польской эмиграции стремились к независимости Польши в границах 1772 г., что автоматически затрагивало Западный край и Литву.

По этому поводу известный публицист Н.Н. Воскобойников писал в 1863 г.: «Если поляки не могут отказаться даже от исконных русских земель, если они хотят отнять у нас даже Киев, чтобы потом распоряжаться с ним по своему усмотрению, то они сами становятся относительно всех русских в то положение, за которое упрекают нас, сами посягают на нашу народность, на нашу независимость, на нашу свободу, и сами как бы вызывают нас поставить их в такие условия, при которых эти нападения не могли бы иметь успеха. Чем искреннее и полнее откажутся поляки от дерзких притязаний на русские земли, тем больше могут они надеяться получить льготы. Мечты о Польше 1772 г. представлялись русским людям до того невероятным, что в начале многие считали его за мгновенную, яростную вспышку; но увя!» (Воскобойников, 1863. С. 7). Для польской эмиграции характерной была существенная разногласия во мнениях, все фракции без исключения имели собственные печатные органы, в которых шла непрекращающаяся полемика друг с другом, однако все сходились в одном: требовании возвращения Польши к «историческим» границам 1772 г. Понятно, что в России даже самые радикальные представители общественности не были готовы пойти на согласие с такой точкой зрения. Показательным в этой связи является позиция известного публициста В.Р. Зотова, представлявшего либеральную газету «Голос» и заявлявшего, что Польша не довольствовалась бы возвращением Конституции 1815 года и границами бывшего Варшавского герцогства, а в свою очередь Россия никогда не согласится восстановить Польшу в границах до 1772 года. Сознывая все сложности, возникавшие для России в связи с нахождением в ее составе Царства Польского, русское общество того времени все же не находило возможным даже говорить о возможности отторжения от нашей страны Западного края и Литвы.

Для развития русской мысли того времени характерно постоянное обращение к изучению истоков русско-польского конфликта, в этом контексте постоянно возникала проблема изучения истории

разделов Речи Посполитой. Так, умеренный славянофил В.И. Ламанский в 1858 г. писал, вспоминая знаменитое стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России», посвященное польскому восстанию 1830–1831 гг.: «Пушкин был благородный человек, но он был несколько пуст и легок, не имел никакого политического образования. Он мало имел веры в известные истины; его легко подкупал внешний блеск. Он не знал истории, не понимал, куда мы попали, когда связались по известному делу с Фридрихом II» (Переписка двух славянофилов, 1916. С. 5). Газета «Голос» в 1865 г. заявляла: «Говорят, что разделение Польши на три части, принадлежащие трем державам – лучший залог спокойствия Польши. Но последние события показали, что это не так. Русское правительство, вероятно, создало все неудобство двух иностранных границ, проходящих через (так!) польские земли» (Наши отношения к Пруссии // Голос (Санкт-Петербург). 1865. № 286. 16 (28) октября 1865. С. 2). В данном отрывке, как видим, речь идет о сугубо прагматическом моменте: о сложностях, возникших в связи с неудобством уже свершившихся разделов для российских интересов. Автора заметки раздражал сам факт того, что Россия вынуждена делить польские земли с немцами, создавая для последних удобную возможность для пресловутого «броска на восток». Примечательно также и суждение журналиста газеты «Русско-славянские отголоски», закрытой, к слову, в 1868 г. «Не нужно особого дара предвидения, чтобы признать ложным тот путь, на который волею обстоятельств вовлечена была Россия с самого начала польского вопроса, т. е. с разделов Польши. Первым преступлением в этом деле со стороны России было то, что из-за одной трети распластанной Польши, Россия отдала остальные две трети на съедение немцам» (По поводу польского вопроса // Русско-славянские отголоски (Санкт-Петербург). 1868. № 6. 15 июля 1868. С. 3). Обращает на себя внимание вера в потенциальный союз двух славянских народов – русских и поляков – как своеобразного барьера на пути потенциальной германской экспансии.

Порой критика разделов Польши отличалась откровенной абсурдностью. Так, молодой публицист С.С. Окрейц на страницах журнала «Дело» заявил о том, что Екатерина II присоединила «привислинский» регион: «Екатерина II была великая жена, ее политической мудрости мы обязаны присоединени-

ем привислинского края... (так! – прим. авт.) Но привислинский край делает нам бездну хлопот, больше убытков, чем прибыли – в будущем требует много ловкости и такта, чтобы нам снова стать к населению привислинского края в правильные отношения» (Окрейц, 1869. С. 8).

Вторая половина 1860-х – 1870-е гг. – время, когда в российском обществе существовала надежда на ускорение процесса интеграции Царства Польского в Российскую империю, подобно существовавшему объединению Англии и Шотландии. Особое значение в этой связи придавалось проведению крестьянской реформы Д.А. Милютина, которая, как надеялись представители русской интеллигенции, сможет привязать польское крестьянство к России, максимально ослабив при этом шляхту. Спустя годы стало понятно, что это предположение не подтвердилось. В этой связи в консервативных кругах стали смотреть на Царство Польское как на своего рода «отрезанный ломоть». В 1881 г. суворинское «Новое время» писало по этому поводу: «Неоспоримо, что Царство Польское, особенно завислинская его часть, есть страна прекрасная, высокоразвитая в экономическом отношении, щедро одаренная естественными, особенно минеральными богатствами, изрезанная железными и шоссейными дорогами. Но в международном отношении это наша ахиллесова пята, это всегда готовая почва для агитаций со стороны каждого правительства, желающего создать нам затруднения. Это больное место и наших финансов, ибо содержание Царства Польского стоит казне без сомнения гораздо дороже того, что она приносит. Мы не имеем данных, чтобы исчислить размер этого ущерба, но, принимая во внимание массу войска, расположенного в Царстве, и массу пребывающих в ней чиновников, содерживаемых казною, думаем, что расход на охранение и управление Царством Польским весьма велик. Если же, с другой стороны, подумаем, сколько рук и голов обратились бы к производительной на пользу России деятельности, если б управление Польшей было возложено на нее самое, то автономия ее представится делом весьма желательным и возможным, и выгодным во многих отношениях. Но Россия, скажут нам, никогда не отказывалась от своих завоеваний: это был бы первый и постыдный пример. Подобные примеры мы однако находим в истории. Англия,

например, уступила Греции Ионические острова и, кажется, не сожалеет об этом. Нам нужны не Калиш, не Радом, не Плоцк, а хорошая военная граница со стороны западных соседей наших, и мы имеем и должны сохранить такую границу на Висле с тремя находящимися на ней крепостями. Затем, что делается за чертой этой границы, как там управляются, на каком языке преподают и объявляют судебные приговоры, любят нас там или не любят – до всего этого нам нет, или почти нет, дела. Мы можем желать только одного, – чтобы творящееся за помянутой чертой не смущало нашего покоя, не производило вредной нам агитации; и вот для этого-то именно и необходимо нам образовать между Вислою и Бугом полосу чисто русского землевладения и населения» (Ответ «польскому публицисту» «Голоса» // Новое время (Санкт-Петербург). 1881. № 1829. 1 (13) апреля. С. 2–3. С. 3). Итак, владение Царством Польским, с этой точки зрения, было лишь обузой для Империи, но русское управление Западным Краем обсуждению не подлежало.

1880-е годы – время ухудшение отношений с Германией и крайне непопулярной в России Австро-Венгрией – в известной степени это влияло и на отношение российских публицистов к разделам Польши. Происходила постепенная подготовка к союзу с традиционно доброжелательной к Польше Францией. Как следствие, отзывы о разделах Польши, попадавшие на страницы подцензурной печати, отличались ярко выраженными германофобскими настроениями. Подобным образом отзывался о разделах Польши и знаменитый генерал М.Д. Скобелев: «Ошибка России не в том, что она завоевала ее (Польшу – Л. Г.), а в том, что она разделила ее и отдала чужеземцу» (Адан Ж. Воспоминания о Скобелеве // Новое время (Санкт-Петербург). 1886. № 3809. 6-го (18-го) октября. С. 2). Исходя из этой точки зрения, объединение России с Польшей отвечало бы интересам обоих славянских государств, в то время как раздел Польши с германскими государствами следовало рассматривать как предательство братьев-славян.

В популярной «Петербургской газете» в 1881 г. прямо заявлялось: «До сих пор союзы не принесли нам никакой выгоды, ни во внутреннем, ни во внешнем отношении. Возьмем хоть раздел Польши. Это была ошибка с нашей стороны: если бы мы

не приняли в нем участия, то укрощение польских восстаний выпало бы на долю Австрии и Пруссии и в настоящее время все царство польское находилось бы в тесной связи с Россиею, на которую смотрело бы как на освободительницу из-под ига «швабов»» (По поводу назначения нового министра иностранных дел в Австро-Венгрии // Петербургская газета (Санкт-Петербург). 1881. № 272. 18 ноября. С. 1). Еще более четко высказал свое негативное отношение к разделам Польши, прямо обвиняя Екатерину Великую и прусские происки, историк Н.П. Колюпанов на страницах полуславянофильского журнала «Русская мысль» писал: «Петру (Великому – Л. Г.) инстинкт его русского сердца подсказал, что не следует Россию лишать самостоятельности, а тем более содействовать Германии в подчинении своему игу единоплеменных славян. <...> Екатерина под влиянием дальновидного и хитрого основателя новейшего немецкого «drang nach osten», Фридриха Великого, разделила Польшу» (Колюпанов, 1883. С. 95). К слову, русская эмигрантская пресса, в частности, известный публицист, редактор журнала «Свободное слово» Л.П. Блюммер прямо заявлял о праве Польши на национальную независимость. Так, Блюммер, будучи противником абсолютизма, писал: «Удерживать за Россиею Польшу, значит – быть за самодержавие, за все его неисчислимое зло, значит – быть против грядущего величия России». При этом его главный вывод звучал не менее категорично: «Желаем скорейшего осуществления полной свободы Польши, полной ее самобытности. Поляки, как думаем мы, не наши, как и мы не их» (Гусман, 2017. С. 124).

Не следует думать, что негативное отношение к разделам Польши отличало всех без исключения российских публицистов того времени. В действительности, ситуация была не столь однозначна. Укажем, например, на позицию знаменитого дипломата С.Д. Сазонова, на страницах воспоминаний которого можно встретить противопоставление мудрой и расчетливой Екатерины II, добившейся для России достижения ее естественных границ, ее внуку Александру I, присоединившему к России «этнографическую», католическую Польшу, недоступную для устойчивой интеграции в Российскую Империю: «Приобретения России по трем разделам Польши вернули ей древнее историческое наследие и объ-

единили ее этнографически, дав ей вместе с тем и прекрасную границу, основанную на принципе разграничения народностей. Злополучное присоединение Царства Польского сразу нарушило это равновесие, и Россия вместо прежней естественной получила уродливую границу, которая глубоко врезалась в германские земли и защита которой представляла непреодолимые трудности. Непримиимо враждебная России Польша внедрилась в ее состав и значительно ослабляла ее политически, сыграв роль нароста или грыжи в нормальном до этого времени организме Русского государства. Последствия необдуманного акта Александра I немедленно дали себя почувствовать» (Сазонов, 2014).

Как видим, российская публицистика второй половины XIX в. относилась к разделам Польши чрезвычайно болезненно. Этому можно найти несколько объяснений. В этой связи можно упомянуть о том, что лозунги возвращения к границам 1772 г. в контексте восстановления «исторической Польши», выдвигаемые различными представителями польского национального движения, не могли найти поддержку у каких-либо сколько-нибудь влиятельных российских общественных групп. Рука, протянутая с востока, редко встречала дружеский отклик с берегов Вислы и Лабы. Безусловно, политический романтизм может вызывать восхищение своим героизмом и жертвенностью, но, ставя перед собой заведомо неисполнимые цели, он может стать самоубийственным выбором. Так случилось и с польскими националистами XIX века. В XX веке Польшу ждали не менее тяжкие испытания. Отказ России от украинских и белорусских земель был немислим, но именно на нем и настаивала польская публицистика в своем огромном большинстве. Как мы уже отмечали ранее, в этом была одна из причин тупика при разрешении «рокового вопроса».

Бесспорно, цензура в Царстве Польском была суровой, политических свобод там было меньше, чем в Австро-Венгрии и Пруссии. Но, при этом, польская культура лучше развивалась именно в

России, а не в германских государствах. Такие знаменитые авторы, как Г. Сенкевич и Б. Прус жили в *петербургской* империи. Экономика Царства росла уверенно. Появился такой крупный промышленный центр, как Лодзь. Выгоды России и Царства Польского были обоюдными. Польская индустрия становилась неотъемлемой и передовой частью общерусского рынка и способствовала его конкурентоспособности. В таких условиях, независимость Царству уже была невыгодна, что признавалось даже такими недругами Российской Империи, как Р. Люксембург. Независимое Царство Польское, лишенное выхода к морю, который был в руках Пруссии, и без таких городов, как Краков и Познань, оказывалось бы совершенно беспомощным государством, к тому же, лишенным преимуществ экономического союза с Россией.

Только Первая Мировая война привела к восстановлению польского государства, чему способствовали гибель Российской и Австро-Венгерской Империй и разгром Империи Германской. Отметим, впрочем, что после 1905 г. поляки в России получили представительство в Государственной Думе, а уже в 1914 г. российское правительство и военное командование твердо пообещали воссоздание польской автономии. Иначе говоря, и без Февральской и Октябрьской революций восстановление на карте Европы независимой Польши было бы вполне реально.

В 1918 г. Польский вопрос был не разрешен эволюционно, а «разрублен мечом», подобно тому, как Александр Македонский разрубил Гордиев узел. Независимая Польша сыграла заметную роль в событиях Гражданской войны в России, роковым образом повлияв на судьбу Белого движения (Пученков, 2016; Пученков, 2012). Первая мировая война, казалось бы, дала Польше долгожданную независимость, а из советско-польской войны она и вовсе вышла победителем. В свое будущее страна, казалось бы, могла смотреть с оптимизмом. Однако Польшу ожидал роковой 1939-й год.

Список источников

Белоусов М.С., Абдуллаев Я.С., Чикина В.А. Польский вопрос в дискурсе российской дореволюционной общественной мысли // Научный диалог. 2019. № 10. С. 328–346. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-328-346. EDN: APXQNR.

References

Belousov M.S., Abdullaev Ya.S. ogly, Chikina V.A. (2019) Polish question in the discourse of Russian pre-revolutionary social thought. *Nauchnyi dialog*. No. 10. P. 328-346. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-328-346. EDN: APXQNR.

Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). Москва : Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.

[Воскобойников Н.Н.] Польское дело // Библиотека для чтения. 1863. Т. 177. С. 1–64.

Вульпиус Р. Рождение Российской империи: концепции и практики политического господства в XVIII веке. Москва : Новое литературное обозрение, 2023. 711 с.

Головин К.Ф. Мои воспоминания. Санкт-Петербург : Тип. «Колокол», 1908. Т. 1: (До 1881 г.). VIII. 396 с.

Гусман Л.Ю. Очерки истории и идеологии русского конституционализма «Эпохи Великих реформ». СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2017. 190 с. EDN: ZUUOMD.

Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с. EDN: QPQMIR.

Западные окраины Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.

Киняпина Н.С. Избранные труды по истории России XIX века : сб. статей. М. : СЭМ, 2015. 448 с.

Колюпанов Н.П. Очерк внутреннего управления в России при императрице Екатерине II // Русская мысль. 1883. Кн. 2. Февраль. С. 63–99.

Котов А.Э. Национальный вопрос на страницах «Литовских Епархиальных ведомостей»: 1860–1880-е годы // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 206–219. DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-206-219. EDN: FIMOLC.

Кудрявцева Р-Е.А., Самыловская Е.А. Образ Великого Княжества Литовского в литовской общественной мысли конца XIX – первой четверти XX в. // Клио. 2021. № 11 (179). С. 13–19. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_11_13. EDN: FDRLIO.

Лукашова С.С., Лукашов Н.В. Религиозный фактор как правовое обоснование разделов Речи Посполитой // Genesis: исторические исследования. 2018. № 10. С. 32–42. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.10.27445. EDN: YPCIRV.

Ляшенко Л.М. Александр I: самодержавный республиканец. М. : Молодая гвардия, 2014. 344, [3] с.

Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве: Коллективная монография / ответственный редактор А.Ю. Дворниченко. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2022. 476 с. EDN: VMIKZH.

[Окрейт С.С.] Журналистика 1869 года. Статья II (Наши историки-беллетристы) // Дело. 1869. Вып. 10. С. 1–35.

Bovua D. (2011) Gordiev knot of the Russian Empire: Power, nobility and people in Right-bank Ukraine (1793-1914): 1) Beauvois D. (2003) Pouvoir russe et noblesse polonaise en Ukraine: 1793-1830. Paris; 2) Beauvois D. (1985) Le noble, le serf et le revizor: la noblesse polonaise entre le tsarisme et les masses ukrainiennes, 1831-1863. Paris; 3) Beauvois D. (1983) La bataille de la terre en Ukraine, 1863-1914: les Polonais et les conflits socioethniques. Lille, 1993.) (Russ. ed.: Gordiev uzal Rossiiskoi imperii: Vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoi Ukraine (1793–1914). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 1008 p.).

[Voskoboynikov N.N.] The Polish case. *Library for reading*. Vol. 177. P. 1-64. (In Russ).

Vul'pius R. (2023) The Birth of the Russian Empire: Concepts and practices of Political Domination in the XVIII century. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 711 p. (In Russ).

Golovin K.F. (1908) My memoirs. Sankt-Peterburg: Tip. "Kolokol". Vol. 1: (Before 1881 year). VIII. 396 p. (In Russ).

Gusman L.Yu. (2017) Essays on the History and Ideology of Russian Constitutionalism of the "Epoch of Great Reforms". St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University. 190 p. (In Russ). EDN: ZUUOMD.

Dolbilov M.D. (2010) The Russian Land, a foreign Faith: The Ethno-confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 1000 p. (In Russ). EDN: QPQMIR.

(2006) The western outskirts of the Russian Empire. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 608 p. (In Russ).

Kinyapina N.S. (2015) Selected works on the history of Russia in the 19th century : a collection of articles. Moscow: SEM. 448 p. (In Russ).

Kolyupanov N.P. (1883) An Essay on Internal Governance in Russia under Empress Catherine II. *Russian Thought*. Book. 2. February. P. 63-99. (In Russ).

Kotov A.E. (2020) The national question as covered in "Lithuanian diocesan bulletin" in 1860-1890 years. *Notebooks on Conservatism*. No. 1. P. 206-219. (In Russ.). DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-206-219. EDN: FIMOLC.

Kudryavtseva R-E.A., Samylovskaya E.A. (2021) The image of the Grand Duchy of Lithuania in Lithuanian public thought of the late XIX - first quarter of the XX centuries. *Klio*. No. 11 (179). P. 13-19. (In Russ). DOI: 10.51676/2070-9773_2021_11_13. EDN: FDRLIO.

Lukashova S.S., Lukashov N.V. (2018) The religious factor as a legal justification of the sections of the Polish-Lithuanian Commonwealth. *Genesis: Historical Research*. No.10. P. 32-42. (In Russ). DOI: 10.25136/2409-868X.2018.10.27445. EDN: YPCIRV.

Lyashenko L.M. (2014) Alexander I: The autocratic Republican. Moscow: Molodaya gvardiya. 344, [3] p. (In Russ).

Dvornichenko A.Yu. (2022) The Legacy of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Imperial Intellectual space: Collective monograph. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 476 p. (In Russ). EDN: VMIKZH.

[Okreits S.S.] (1869) Journalism of 1869. Article II (Our historians are fiction writers). *The case*. Iss. 10. P. 1-35. (In Russ).

Переписка двух славянофилов (сообщила О.В. Покровская-Ламанская) / В.И. Ламанский – И.С. Аксакову. 17 октября 1858 // Русская мысль. 1916. Кн. 9. С. 1–32.

Пученков А.С. «Даешь Варшаву!»: из истории советско-польской войны 1920 года // Новейшая история России. 2012. № 2 (4). С. 24–40. EDN: PHLQLT.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина. (Весна 1918 – весна 1920). Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Научно-популярная книга, 2016. 399 с. EDN: LTFELJ.

Сазонов С.Д. Воспоминания. Москва : Горячая линия, 2014. 382 с.

Тесля А. Поляки, иезуиты, евреи и «миф о заговоре»: эволюция «опасного другого» в славянофильстве // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 187–206. EDN: OWEPQW.

Kudryavtseva R.E.A., Samylovskaya E.A. Stages of the political and legal unification of the Grand Duchy of Lithuania and the crown of Poland in the “Course of Russian history” by E.F. Shmurlo // Voprosy Istorii. 2022. № 3-1. С. 186–192. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202203Statyi27. EDN: VUHMEH.

Информация об авторе

Гусман Леонид Юрьевич,

доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории,

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, Россия,

e-mail: blummer@mail.ru

Вклад автора

Гусман Л.Ю. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 4 марта 2024 г.; одобрена после рецензирования 22 мая 2025 г.; принята к публикации 2 июня 2025 г.

Pokrovskaya-Lamanskaya O.V. (1916) “Correspondence of two Slavophiles”. V.I. Lamansky - I.S. Aksakov. October 17, 1858. *Russian Thought*. Book 9. P. 1-32. (In Russ).

Puchenkov A.S. (2012) “To Warsaw!”: From the history of Polish-Soviet war of 1920. *The Modern History of Russia*. No. 2 (4). P. 24-40. (In Russ). EDN: PHLQLT.

Puchenkov A.S. (2016) The national policy of General Denikin. (Spring 1918 – spring 1920). Moscow: Nauchno-populyarnaya kniga. 399 p. (In Russ). EDN: LTFELJ.

Sazonov S.D. (2014) Memoirs. Moscow: Goryachaya liniya. 382 p. (In Russ).

Teslya A. (2020) Poles, Jesuits, Jews, and the “conspiracy myth”: the evolution of the “dangerous other” in Slavophilia. *New Literary Review*. No. 2 (162). P. 187-206. (In Russ). EDN: OWEPQW.

Kudryavtseva R.E.A., Samylovskaya E.A. (2022) Stages of the political and legal unification of the Grand Duchy of Lithuania and the crown of Poland in the “Course of Russian history” by E.F. Shmurlo. *Voprosy Istorii*. No. 3-1. С. 186–192. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202203Statyi27. EDN: VUHMEH.

Information about the author

Leonid Yu. Gusman,

Dr. Sci. (History), Senior researcher, Institute of History, St. Petersburg State University,

7-9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia, e-mail: blummer@mail.ru

Contribution of the author

Gusman L.Yu. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 4, 2024; approved after reviewing May 22, 2025; accepted for publication June 2, 2025.

История

Научная статья
УДК 296.3.01+393.05+930.253+930.271
EDN: FBHIZE
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-166-181>

Некрологические источники как свидетельства истории пребывания военнопленных Первой мировой войны иудейского вероисповедания в г. Иркутске

Е.А. Берман

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Некрологические источники, такие как эпитафии на надгробиях и записи в метрических книгах о смерти, представляют собой ценный материал для исторических исследований в области демографии, социологии, этнографии и культурологии. В эпитафиях и метрических записях можно найти информацию о социальном происхождении и статусе умершего, дате его смерти, возрасте, именах родителей, месте рождения и других важных данных, что позволяет через призму индивидуальных судеб воссоздать общую картину эпохи. Эпитафии и метрические записи являются важнейшими источниками для изучения жизни военнопленных Первой мировой войны, поскольку они позволяют пролить свет на условия их содержания, взаимодействия с окружающим обществом и факторы, влияющие на адаптацию в новых реалиях. Исследование жизни военнопленных через некрологические источники способствует развитию междисциплинарных подходов, объединяя историю, антропологию, социологию и культурологию. Это создает более глубокое понимание влияния войны и плена на индивидуальные и коллективные судьбы. Информация о местах захоронений и способах погребения дает представление о том, насколько местные власти и общины уважительно относились к традициям и обычаям военнопленных различных национальностей и вероисповеданий. Данные о датах смерти и причинах летальных исходов помогают оценить уровень медицинского обслуживания, санитарно-гигиенические условия и общее отношение к пленникам. Проведенное исследование посвящено изучению эпитафий и метрических записей о смерти военнопленных Первой мировой войны еврейского происхождения на территории г. Иркутска с целью реконструкции условий их содержания в плену. Полученные результаты могут стать основой для дальнейших исследований пребывания военнопленных еврейского происхождения на территории Восточной Сибири и их взаимодействия с местными иудейскими общинами.

Ключевые слова: Первая мировая война, Восточная Сибирь, Иркутск, лагеря для военнопленных, этнический состав военнопленных, военнопленные-иудеи, метрические книги, эпитафии, еврейские кладбища, религиозная практика в плену, иудейская община

Для цитирования: Берман Е.А. Некрологические источники как свидетельства истории пребывания военнопленных Первой мировой войны иудейского вероисповедания в г. Иркутске // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 166–181. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-166-181. EDN: FBHIZE.

History

Original article

Necrological sources as an evidence of the history of the stay of prisoners of war of the First World War of the Jewish faith in the city of Irkutsk

Elena A. Berman

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. Necrological sources, such as epitaphs on gravestones and death records in registers, are valuable material for historical research in demography, sociology, ethnography and cultural studies. Epitaphs and registers contain information about the social origin and status of the deceased, the date of death, age, parents' names, place of birth and other important data, which

allows us to reconstruct the overall picture of the era through the prism of individual destinies. Epitaphs and birth records are essential sources for studying the lives of prisoners of war in the First World War, as they shed light on the conditions of their detention, their interactions with the surrounding society, and the factors influencing their adaptation to new conditions. Research into the lives of prisoners of war through necrological sources contributes to the development of interdisciplinary approaches, combining history, anthropology, sociology, and cultural studies. This creates a deeper understanding of the impact of war and captivity on individual and collective destinies. Information on burial sites and burial methods provides insight into the extent to which local authorities and communities respected the traditions and customs of prisoners of war of different nationalities and faiths. Data on dates of death and causes of death help to assess the level of medical care, sanitary conditions and the general attitude towards prisoners. This study is devoted to the study of epitaphs and metric records of death of prisoners of war of the First World War of Jewish origin in the city of Irkutsk, to reconstruct the conditions of their detention in captivity. The obtained results can become the basis for further studies of the stay of prisoners of war of Jewish origin in the territory of Eastern Siberia and their interaction with local Jewish communities.

Keywords: First World War, Eastern Siberia, Irkutsk, prisoner of war camps, ethnic composition of prisoners of war, Jewish prisoners of war, birth registers, epitaphs, Jewish cemeteries, religious practice in captivity, Jewish community

For citation: Berman E.A. (2025) Necrological sources as an evidence of the history of the stay of prisoners of war of the First World War of the Jewish faith in the city of Irkutsk. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 166-181. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-166-181. EDN: FBHIZE.

Введение

Некрологические источники являются ценным инструментом для исторических исследований, так как помогают заполнить пробелы в исторических знаниях там, где отсутствуют другие письменные свидетельства, важные для изучения локальной и региональной истории. Эпитафии, метрические записи и некрологи предоставляют уникальную информацию о демографических процессах, социальных структурах, культурных традициях и религиозной жизни общества. Кроме того, они позволяют реконструировать биографии отдельных лиц и проанализировать мемориальную культуру эпохи в целом.

В ходе Первой мировой войны противостоящие стороны объединились в два основных военно-политических блока. Центральные державы (Четверной союз), представленные Германской империей, Австро-Венгерской монархией, Османской империей и Третьим Болгарским царством, противостояли странам Антанты, включавшим Великобританию, Французскую Республику и Российскую империю. С самого начала войны обе стороны столкнулись с необходимостью размещения и содержания большого числа военнопленных. За весь период Первой мировой войны – с 1914 по 1918 г. – только в русском плену находилось, по разным данным, от 2,1 до 2,35 млн человек (Beizer, 2009).

Первые военнопленные размещались в европейской части России, но из-за постоянного их наплыва осенью 1914 г. Военное министерство России приняло решение о переводе части военнопленных из центральных регионов империи в Ом-

ский, Иркутский и Приамурский военные округа. По распоряжению Главного управления Генерального штаба в Сибирь и на Дальний Восток направлялись военнопленные из стран Четверного союза – немцы, австрийцы, венгры и даже турецкие подданные (Головин, 2001). Только на территории Иркутского военного округа, включавшего Иркутскую и Енисейскую губернии, Забайкальскую и Якутскую области, в 1915 г. находилось до 200 тыс. военнопленных (Ануфриев, 2014), число которых в 1916–1917 гг. сократилось до 130 тыс. человек из-за перераспределения по другим лагерям России и уменьшения нового притока военнопленных (Гордеев, 2002).

Армии Германии и Австро-Венгрии периода Первой мировой войны отличались этническим и конфессиональным разнообразием и включали солдат и офицеров еврейского происхождения и иудейского вероисповедания. В рядах немецкой армии состояло 100 тыс. евреев, из которых 2 тыс. были произведены в офицеры, в австро-венгерской армии в это время служило около 300 тыс. евреев, из которых 2,5 тыс. занимали офицерские должности. Командование обеих армий стремилось помогать еврейским военнослужащим соблюдать их традиции. В связи с этим на военной службе немецкой армии состояли 30, а в австро-венгерской армии – 76 военных раввинов (Хавкин, 2022). Военнопленные солдаты и офицеры еврейского происхождения, в свою очередь, составляли 2,5 % от общего числа военнопленных (Заславская, 2018).

Вопрос о содержании военнопленных Первой мировой войны в концентрационных лагерях Во-

сточной Сибири считается в достаточной степени изученным. Несмотря на это, основное внимание таких исследователей, как С.С. Букин, А.А. Долголюк (Букин, Долголюк, 2000), А.И. Гергилева (Гергилева, 2006), О.Ф. Гордеев (Гордеев, 2002), В.В. Синиченко (Синиченко, 2023), Т.В. Федорова (Федорова, 2014), Ю.Г. Шапкин, А.А. Дмитриченко, Г.О. Пономарева (Шапкин, Дмитриченко, Пономарева, 2014) и др., уделялось взаимоотношению военнопленных с местными властями и населением, их трудовой деятельности, условиям содержания, медицинской помощи, правовым и другим аспектам жизни в плену (Корнеев, 2015).

Отдельно стоит упомянуть работы А.В. Ануфриева, который не только максимально полно и разносторонне осветил все аспекты пребывания военнопленных австро-венгерской и германской армий на территории Восточной Сибири и Иркутской губернии (Ануфриев, Козлов, 2019а), но и проанализировал метрические книги г. Иркутска за период 1914–1920 гг. различных конфессий с записями о смерти для выявления национального и конфессионального состава умерших военнопленных в годы Первой мировой и Гражданской войн в Иркутске, а также причин их смерти (Ануфриев, Козлов, 2019б).

Другим исследованием, напрямую затрагивающим некрологические источники, является работа В.П. Мотревича «Захоронения военнопленных из состава австро-венгерской армии на Урале: результаты поисковых работ», в которой автор рассматривает захоронения военнопленных из состава австро-венгерской армии, умерших в годы Первой мировой войны на территории Урала (Мотревич, 2018). На основании записей в метрических книгах автор анализирует данные о причинах их смертности, а также проводит поисковые работы по выявлению мест захоронений умерших иностранных военнопленных Первой мировой войны на территории Урала. Тем не менее данное исследование охватывает территорию за пределами Восточной Сибири.

В то же время остаются недостаточно исследованными вопросы, связанные с соблюдением религиозных традиций военнопленных в Восточной Сибири различных национальностей и вероисповеданий, в особенности входящих в состав многонациональных армий Австро-Венгрии и Германии. В данном контексте научной литературы полностью не разработаны исследования о содержании и быте

военнопленных еврейского происхождения и иудейского вероисповедания (часть еврейских солдат и офицеров австро-венгерской и немецкой армий были крещеными по католическому или протестантскому обряду, и на них не распространялось соблюдение еврейского Закона), которые сталкивались в лагерях с проблемами религиозного характера, связанными с соблюдением религиозных традиций, в том числе соблюдением кошерного питания, проведением молитв, организацией похорон в случае смерти, не изучены также вопросы поддержки таких военнопленных местными еврейскими общинами.

В связи с вышесказанным целью проведенного исследования стало изучение текстов эпитафий и метрических записей умерших и похороненных на территории Иркутска австро-венгерских и немецких военнопленных еврейского происхождения периода Первой мировой войны для реконструкции условий их пребывания в плену в контексте исторических, этнокультурных и социальных факторов.

Исходя из поставленной цели, задачи исследования включали в себя определение мест размещения и условий содержания австро-венгерских и немецких военнопленных еврейского происхождения на территории Иркутской губернии, анализ взаимодействия военнопленных с местными еврейскими общинами и роли последних в организации захоронений умерших по иудейскому обряду, исследование метрических записей об умерших и текстов эпитафий как источников исторической информации о данной группе военнопленных.

Хронологические рамки исследования охватывали период с 1914 по 1920 г. Нижняя граница определялась появлением первых концентрационных лагерей для военнопленных на территории Иркутской губернии. Верхняя граница была обусловлена прекращением работы лагерей для содержания военнопленных и их репатриации на родину.

Основу источниковой базы исследования составили тексты эпитафий на иврите и русском языке с надгробий военнопленных, захороненных на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска, метрические записи из тетрадей-книг для записи умерших и погребенных на иркутских еврейских кладбищах, находящихся в Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), нормативно-правовые акты Российской империи и РСФСР, делопроизводственные источники из Российского государственного военно-

исторического архива, Российского государственного военного архива, Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), современные работы отечественных и зарубежных исследователей.

Некрологи и сообщения из раздела «Происшествия» о несчастных случаях со смертельным исходом, о найденных мертвых телах и об убийствах из периодических изданий обозначенного периода в данном исследовании не рассматривались.

При подготовке статьи автор следовал принципам историзма, объективности и целостности, используя методы эпиграфического исследования, описания, анализа, научного моделирования, обобщения, периодизации, анализа и синтеза, а также сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и просопографический методы.

Военнопленные периода Первой мировой войны на территории Восточной Сибири

В 1914–1915 гг. на территории Иркутской губернии было создано три концентрационных лагеря для военнопленных (Ануфриев, 2023). Один из них находился в Нижнеудинске, два лагеря – в пригородах Иркутска: на железнодорожной станции Иннокентьевской (в настоящее время – станция «2-й Иркутск») (ГАИО. Ф. 781. Концентрационный лагерь военнопленных при ст. Иннокентьевская 1916. Оп. 1. 3 л.) и в Заиркутном военном городке (в настоящее время – станция «Военный городок»). Последний, в свою очередь, включал в себя еще один лагерь для военнопленных нижних чинов и офицеров – Иркутский лагерь военнопленных (Ануфриев, Козлов, 2019а). Каждый лагерь состоял из 20–25 бараков, рассчитанных на размещение от 10 до 15 тыс. человек. Территории лагерей были огорожены колючей проволокой. Офицерам разрешалось выходить за пределы лагеря при наличии пропуска или в сопровождении охраны, нижние чины покидали лагерь только под конвоем, отправляясь на работу (Букин, Долголюк, 2000).

Условия содержания военнопленных были удовлетворительными: нижние чины имели возможность работать за вознаграждение, офицеры не работали (Синиченко, 2023), все военнопленные получали медицинскую помощь¹, могли вести пере-

писку с родными (Российский государственный военный архив. Ф. 39848. Заиркутский военный госпиталь («Российское правительство»). Оп. 1. Д. 8. 823 л.), а их вероисповедание не подвергалось преследованию. Правовой статус военнопленных регулировался Гаагской конвенцией², а попечение над ними осуществляли органы Красного Креста (ГАИО. Ф. 600. Иркутское губернское жандармское управление Главного управления корпуса жандармов, г. Иркутск Иркутской губернии 19.09.1867 – март 1917 гг. Оп. 1. Д. 1030. 66 л.) и представители посольств и консульств нейтральных государств, которые составляли различные отчеты, сопровождаемые фотоматериалами, иллюстрирующие быт, досуг, соблюдение религиозных обрядов, связь с родиной, медицинское обслуживание военнопленных, а также демонстрировали места их захоронений и надгробий (ГАИО. Ф. 780. Отделение Шведского общества Красного Креста в г. Иркутске (по делам военнопленных и интернированных первой мировой войны) 1915–1920. Д. 1–18. 776 л.).

Революционные события 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война существенно повлияли на положение и условия содержания военнопленных на территории Восточной Сибири. Единство военнопленных разрушилось, и часть из них оказалась втянутой в политические процессы, происходившие на территории бывшей Российской империи. Другая часть заняла нейтральную позицию и осталась в лагерях до окончания вооруженного конфликта (Талапин, 2013). К весне 1918 г. все лагеря военнопленных на территории Иркутского военного округа были объединены в девять лагерей для облегчения контроля над ними. В общей сложности в этих лагерях содержалось около 45592 человек. Скудность питания и медицинской помощи привели к вспышкам различных инфекций, включая особо опасные – брюшной и сыпной тиф, менингит, дизентерию, а также к обострению хронических заболеваний, таких как туберкулез, пороки сердца, эмфизема легких, болезни желудочно-кишечного тракта и другие. Помимо этого, в лагерях и за их пределами из-за различий в полити-

народных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных / сост. Г.П. Альбат. М., 1917. С. 23–31.

² Приложение к IV Гаагской конвенции 1907 г. Положение о законах и обычаях сухопутной войны // Сборник международных конвенций и правительственных распоряжений о военнопленных / сост. Г.П. Альбат. М., 1917. С. 23–31.

¹ Приложение к IV Гаагской конвенции 1907 г. Положение о законах и обычаях сухопутной войны // Сборник между-

ческих взглядах, тяжелых условий содержания, отсутствия должного контроля и обострения социальных и национальных противоречий происходили вооруженные стычки среди военнопленных, нередко заканчивавшиеся трагически (Ануфриев, 2023). Всего смертность среди военнопленных Четверного союза в России за годы войны составила порядка 4 % от их общей численности (Ануфриев, Козлов, 2019b).

Метрические записи о смерти и тексты эпитафий как источник информации об умерших на территории г. Иркутска военнопленных-евреев

Поскольку военнопленные разных религий могли свободно исповедовать свою веру, в еврейские праздники военнопленные-иудеи освобождались от работ и им разрешалось посещать синагогу, куда их отпускали в сопровождении конвоя (ГАЗК. Ф. 26. Читинское городское полицейское управление. Оп. 1. Д. 5261. Л. 5). Исключение составляли крещеные евреи, для которых эти праздники не были обязательными. Письменные источники о посещении военнопленными синагоги, а также источники, подтверждающие поддержку солдат и офицеров иудейского вероисповедания со стороны иркутской еврейской общины при их жизни, в ГАИО не сохранились.

Умерших в Иркутске военнопленных иудейского вероисповедания хоронили на Амурском еврейском кладбище, которое функционировало в городе с 1900 г. до середины 1960-х гг. Оно входило в состав общегородского Амурского некрополя, объединявшего на своей территории отдельные этноконфессиональные кладбища. Для еврейской общины Иркутска это было третье кладбище, открытое после закрытия первых двух. Погребение военнопленных австро-венгерской и германской армий на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска, традиционные иудейские эпитафии на надгробиях и метрические записи, сделанные казенным раввином, подтверждают смерть военнопленных иудейского вероисповедания и позволяют реконструировать взаимоотношения между ними и местной общиной, которая обеспечивала соблюдение религиозных обрядов как при жизни, так и после смерти.

За период 1914–1919 гг. казенный раввин Иркутска Соломон Хаимович Бейлин сделал 21 метрическую запись о смерти, в каждой из которых содержится важная информация, которую трудно получить из других источников: полное имя военно-

пленного, страна проживания до плена, воинская должность и подразделение, возраст, причина смерти, дата смерти и погребения (если она не совпадает с датой смерти) по христианскому и иудейскому календарям, место смерти и погребения (Берман, 2022).

По сохранившимся эпитафиям на надгробиях Амурского еврейского кладбища установлено 17 захоронений (рис. 1). При сопоставлении фамилий военнопленных из метрических записей о смерти и фамилий из эпитафий удалось обнаружить, что на территории Иркутска произошло 25 смертей евреев-военнопленных. Часть метрических записей не была подтверждена сохранившимися надгробиями, а некоторые фамилии с надгробий отсутствовали в метрических книгах. После сверки списков был установлен факт смерти 24 австро-венгерских и 1 немецкого военнопленного еврейского происхождения. За 1920 г. автору не удалось выявить ни одной зафиксированной смерти среди данной группы военнопленных и ни одного нового захоронения.

Судя по метрическим записям, в подавляющем большинстве случаев смерть военнопленного наступала в одном из лечебных учреждений города: Иркутском военном госпитале (7 раз), Заиркутском военном госпитале (3 раза), 170-м сводном эвакуационном госпитале (2 раза), Кузнецовской больнице (1 раз), Иннокентьевской железнодорожной больнице (1 раз), частной лечебнице доктора Бергмана (1 раз). Где и при каких обстоятельствах умерли остальные 4 человека, зарегистрированные казенным раввином, неизвестно (ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 88. Л. 26 об.; Д. 91. Л. 6 об., 7 об., 8 об., 27 об., 30; Д. 94. Л. 5, 12 об.; Д. 97. Л. 1 об., 12, 26, 28 об.; Д. 100. Л. 3 об., 11, 15, 18 об.; Д. 103. Л. 1).

В 1914–1917 гг. военнопленные умирали от хронических и инфекционных болезней: дизентерии, туберкулеза легких, отека гортани, брюшного тифа, нефрита, менингита, миокардита, перитонита и воспаления брюшины (Ануфриев, 2009). Эти болезни стали основными причинами высокой смертности среди военнопленных в указанный период. Так, «военнопленный нижний чин 12 Государственного пехотного полка 2 рабочего отделения Дежи Гросхауз происходящий из австрийских евреев <...> умер в Иннокентьевской ж/д больнице от брюшного тифа <...> погребен в г. Иркутске в заколоченном гробу» (ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 91. Л. 30).

Рис. 1. Захоронения военнопленных Первой мировой войны на Амурском еврейском некрополе Иркутска в период 1914–1919 гг.

Fig. 1. Burials of prisoners of war of the First World War at the Amur Jewish Necropolis of Irkutsk in the period 1914–1919

В 1918–1919 гг. к смертям, вызванным эпидемиями и тяжелыми условиями содержания, прибавились насильственные смерти от огнестрельных и колотых ран. К примеру, один «австрийский подданный, неизвестного имени, отчества и фамилии <...> был расстрелян на станции Иннокентьевской австрийскими военнопленными» (ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 100. Л. 11), другой военнопленный убит при невыясненных обстоятельствах: «Труп поднят в Сухом Логу по дороге на старый отвал по дороге к еврейскому старому кладбищу» (ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 100. Л. 15). В данном случае убийство произошло не в самом Иркутске, а в пределах Иркутской губернии, на одном из золотых приисков на реке Лене – Сухой Лог, на расстоянии 880 км от Иркутска. Стоит отметить, что это единственный зарегистрированный казенным раввином случай смерти военнопленного, произошедший за пределами Иркутска (рис. 2). В метрической записи и текстах эпитафий на иврите и русском языке присутствуют расхождения в датах смерти и погребения по еврейскому и григорианскому календарям (табл. 1, 2).

Не всегда умершие и зарегистрированные раввином попадали на Амурское еврейское кладбище: «Австрийский гражданин Иозеф Гросс умер от огнестрельных и колотых ран в Иркутском военном госпитале. Погребен в общей братской могиле на гарнизонном кладбище в Знаменском предместье».

После оформления документов в медицинском учреждении, зафиксировавшем смерть, тело передавалось общине для подготовки и проведения обрядов похорон, которые в иудаизме были строго регламентированы. В любой еврейской общине всегда существовала обязательная религиозная структура, отвечающая за соблюдение ритуалов погребения и траура, – Погребальное (Святое) братство. Если за усопшего некому было заплатить, братство хоронило его бесплатно. Можно предположить, что в данных случаях военнопленных-евреев бесплатно хоронила община и она же брала на себя ответственность по уходу за могилами.

Все 17 военнопленных погребены в отдельных могилах, которые расположены рядом в южной части кладбища на участке № 15 слева от центральной

Рис. 2. Надгробие над захоронением гражданского пленного военнообязанного австрийского гражданина Самуила (Шмуэля) Ошера Таубе

Fig. 2. Tombstone over the burial of a civilian prisoner of war, Austrian citizen Samuel (Shmuel) Osher Taube

Таблица 1. Эпитафия с надгробия гражданского пленного военнообязанного австрийского гражданина Самуила (Шмуэля) Ошера Таубе

Table 1. Epitaph from the tombstone of a civilian prisoner of war, Austrian citizen Samuel (Shmuel) Osher Taube

Текст эпитафии	Перевод
<p>פנ ר שמואל אשר בן ר שרגא פייזויש טאובע שנפטרה חודש אייר ולקבורה בא ה ימים לחדש סיון שנת תרע"ח תנצבה</p> <p>Здесь покоится Австрийский подданный Шмуэль Ошер Файвусов Таубе убит 8 апреля похоронен 6 мая 1918 г.</p>	<p>Здесь покоится Рав Шмуэль Ошер сын рава Шраги Файвиша Таубе что умер 8 месяца ияр и к погребению пришел 5 дня в месяц сиван года [5]678 Да будет завязана его душа в узле жизни</p>

аллеи у забора. 15 надгробий представляют собой традиционные еврейские стелы (мацевот), и они установлены над захоронениями нижних чинов, 2 надгробия –obelisks, они установленные над захоронениями офицеров. Все надгробия изготовлены из местного песчаника. Эпитафии на стелах двуязычные, наobelisks – трехязычные. На всех 15

стелах тексты выполнены на иврите и русском языке, на одном изobelisks – на иврите, немецком и русском языках, на другом – на иврите, венгерском и русском. Эпитафии 16 надгробий хорошо сохранились, эпитафия 1 надгробия практически утрачена. По единообразию стел иobelisks, а также по стилистике эпитафий можно предположить, что все

Таблица 2. Выписка о смерти военнопленного Самуила (Шмуэля) Ошера Таубе из «Тетради-книги для записи умерших и погребенных на иркутских еврейских кладбищах в 1918 г.» (ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 100. Л. 15)
Table 2. Extract on the death of prisoner of war Samuel (Shmuel) Osher Taube from the “Notebook for recording the dead and buried in Irkutsk Jewish cemeteries in 1918” (GAIO. F. 789. In. 1. C. 100. S. 15)

№ мужские	Лета	Где умер и погребен	Число и месяц		Болезнь или от чего умер	Кто умер
			христианские	еврейские		
28	35	Труп поднят в Сухом Логу по дороге на старый отвал по дороге к еврейскому старому кладбищу. Погребен в г. Иркутске согласно разрешению члена следственной комиссии 9 участка и Иркутска на обратной стороне свидетельства о смерти	1918 Мая 6	5678 Ияра 24	От удушения	Гражданский пленный военнообязанный австрийский гражданин Самуил Ошер Таубе из г. Буйска Львовской губ. в Галиции
			Мая 19	Сивана 8		

надгробия были поставлены одновременно и произошло это уже в 1924-м г., когда общиной был произведен капитальный ремонт кладбища³.

Анализ текстов эпитафий с данных надгробий, выполненных на иврите, показывает, что они следуют традиционной для иудаизма структуре, включающей четыре обязательных элемента: вступительную формулу, имя погребенного, дату смерти по еврейскому календарю и заключительное благословение-эвлогию. Вступительная формула представлена акронимом, образованным первыми буквами словосочетания «здесь покоится». Перед именем усопшего располагается уважительный титул «рав», который выражает почтение, но не указывает на звание раввина. Имя покойного состоит из двух частей: традиционного еврейского имени из Торы и светского имени, принятого в регионе проживания. Всегда указывается также имя отца усопшего – патроним (отчество).

После имени следует фамилия, впервые появившаяся в еврейских эпитафиях начала XX в. Фамилия записывалась в транслитерации на идише с добавлением гласных звуков для облегчения произношения. Далее указывалась дата смерти по еврейскому календарю, включающая день, месяц и год. Числовые значения даты передавались буквами еврейского алфавита. Завершающим элементом было благословение погребенного, представленное

акронимом, основанным на начальных буквах еврейской поминальной молитвы Изкор: «Да будет завязана его душа в узле жизни [с душами Авраама, Ицхака и Яакова, Сары, Ривки, Рахели и Леи и с душами других праведников и праведниц, обитающих в Саду Эдемском]» (Берман, Павлова, 2020). Помимо традиционной формулы, две эпитафии на иврите указывают место жительства до плена: «Из города Будапешта», «из Петрова» (рис. 3, табл. 3, 4).

Единственной, частично сохранившейся развернутой эпитафией, содержащей дополнительные элементы, выражающие скорбь или описывающие добродетели усопшего, является эпитафия на стеле Бецалеля Герстенгейна. Она включает как стандартные элементы текста, так и уникальные черты, характеризующие личность покойного. Дополнительная часть эпитафии воспеваает добродетели усопшего, подчеркивает его честность, мудрость и добродетельную жизнь, несмотря на его молодость. Особенностью этой эпитафии является включение цитаты из Талмуда (трактат «Шаббат», 88б): «Суди себя справедливо, совершай добрые дела». Эта цитата служит призывом к самосознанию и добродетельному поведению, часто встречающимся в еврейских эпитафиях. Она напоминает о важности нравственного выбора и ответственности перед собой и окружающими.

Таким образом, независимо от сложности текста эпитафии на иврите из нее мы узнаем только основные сведения о захороненном военнопленном: его имя, имя отца, фамилию и дату смерти по еврейскому календарю. Если день смерти и похорон

³ Иркутский еврейский юбилейный календарь на 5685 год (1924–1925). Иркутск: Типография издательства «Власть труда», 1924.

Рис. 3. Надгробие над захоронением военнопленного австро-венгерского гражданина прапорщика Меира (Миксы, Макса) Шаара (Саара)

Fig. 3. Tombstone over the grave of the prisoner of war of the Austro-Hungarian citizen, Ensign Meir (Mixy, Max) Shaar (Saar)

Таблица 3. Эпитафия с надгробия военнопленного Меира (Миксы, Макса) Шаара (Саара)

Table 3. Epitaph from the tombstone of prisoner of war Meir (Mixa, Max) Shaar (Saar)

Текст эпитафии	Перевод
<p>פנ ר מאיר בר יעקב שאאר מעיר בודאפעסט פטר כח ימים לחודש טבת שנת תרעט תנצבה</p> <p>Itt nyug szik Saar Miksa hadifogoly zaszlos Budapestrol Meghalt 1918 december 31-en 33 éves koraban Béke lengjen kedves bajtársimk hamvai folott</p> <p>Здесь покоится военнопленный венгерский офицер Макс Шаар умер 31 декабря 1918 г. 33-х лет</p>	<p>Здесь покоится рав Меир сын рава Якова Шаар Из города Будапешта освободился 28 дня в месяце тевет года [5]679 Да будет завязана его душа в узле жизни</p> <p>Здесь покоится Саар Микса военнопленный под флагом Будапешта умер 31 декабря 1918 г. в возрасте 33 лет Да упокоится с миром прах нашего дорогого товарища</p>

Таблица 4. Выписка о смерти военнопленного Меира (Миксы, Макса) Шаара (Саара) из «Тетради-книги для записи умерших и погребенных на иркутских еврейских кладбищах в 1919 г.» (ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 103. Л. 1)

Table 4. Extract on the death of prisoner of war Meir (Mixy, Max) Shaar (Saar) from the “Notebook for recording the dead and buried in Irkutsk Jewish cemeteries in 1919” (GAIO. F. 789. In. 1. C. 103. S. 1)

№ мужские	Лета	Где умер и погребен	Число и месяц		Болезнь или от чего умер	Кто умер
			христианские	еврейские		
2	34	Умер в г. Иркутске в лечебнице Бергмана. Погребен в г. Иркутске	1919 31 декабря 1918 г. 3 января 1919 г.	5679 23 тевеса 5679 г. 2 швата 5679 г.	От зоба	Военнопленный австро-венгерский гражданин прапорщик Макс Шаар

не совпадали, это также фиксировалось в эпитафии на иврите. Для сибирских еврейских кладбищ начала XX в. характерно дублирование эпитафии на русском языке. Русский текст лишь частично совпадает с вариантом на иврите и содержит дополнительную информацию. Именно из русской части эпитафии становятся известны дата смерти по христианскому календарю, возраст усопшего и принадлежность к военнопленным.

Амурское еврейское кладбище в Иркутске, как и другие сибирские еврейские кладбища, не отличалось разнообразием изображений на стелах. Это объясняется отсутствием развитых художественных традиций у сибирских евреев. Исследованные стелы украшены барельефами с шестиконечной звездой – одним из поздних символов, появившихся на надгробиях еврейских кладбищ.

Сопоставление сведений из эпитафий со сведениями из метрических книг позволило собрать более подробную информацию о военнопленных. Возраст военнопленных колебался от 20 до 51 года при среднем показателе 25–35 лет. Причины смерти были разнообразными. Большинство, а именно 16 человек, скончались от острых инфекционных заболеваний (сыпного и брюшного тифа, дизентерии, менингита) или болезней, вызванных тяжелыми условиями жизни в плену (миокардита, перитонита, зоба, нефрита, туберкулеза и других). Еще 4 человека погибли в результате насильственных действий (удушение, огнестрельные и колотые ранения). У 3 военнопленных причина смерти осталась неизвестной.

Все собранные данные представлены в табл. 5 «Военнопленные Австро-Венгрии и Германии еврейского происхождения, умершие в Иркутской губернии в 1914–1919 гг.». Она включает полные име-

на, страну и город проживания военнопленных до плена, воинскую должность и подразделение, возраст, год, причину смерти и место смерти и погребения. Информация о лагерях содержания в метрических книгах отсутствует, поэтому она не включена в итоговую таблицу.

Заключение

В 1914–1915 гг. на территории Иркутской губернии были созданы три концентрационных лагеря для военнопленных: один в Нижнеудинске и два в пригородах Иркутска. Этнический состав военнопленных был разнообразен, и в том числе в их состав входили солдаты и офицеры еврейского происхождения.

Военнопленные-иудеи могли свободно исповедовать свою веру, что выражалось в освобождении от работ в еврейские праздники и разрешении посещения синагог. Местная еврейская община играла значительную роль в поддержке военнопленных, обеспечивая соблюдение религиозных обрядов как при жизни, так и после смерти. Это подтверждается наличием метрических записей, сделанных казенным раввином, фактом захоронений на еврейском кладбище и традиционными эпитафиями на надгробиях.

Основные причины смертности среди военнопленных-евреев были аналогичны причинам смертности остальных военнопленных и обусловлены антисанитарией, недоеданием, стрессом, тяжелыми физическими нагрузками и недостаточным медицинским обслуживанием в перенаселенных лагерях. Медицинские учреждения Иркутска играли важную роль в уходе за больными и фиксации причин смерти. Высокий уровень смертности был вызван инфек-

Таблица 5. Военнопленные Австро-Венгрии и Германии еврейского происхождения, умершие в г. Иркутске в 1914–1919 гг. (Тексты эпитафий с надгробий Амурского еврейского кладбища г. Иркутска; ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 88. Л. 26 об.; ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 91. Л. 6 об., 7 об., 8 об., 27 об., 30; ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 94. Л. 5, 12 об.; ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 97. Л. 1 об., 12, 26, 28 об.; ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 100. Л. 3 об., 11, 15, 18 об.; ГАИО. Ф. 789. Оп. 1. Д. 103. Л. 1)

Table 5. Prisoners of war of Austria-Hungary and Germany of Jewish origin who died in Irkutsk in 1914–1919 (Texts of epitaphs from tombstones of the Amur Jewish cemetery in Irkutsk; GAIO. F. 789. In. 1. C. 88. S. 26 turn; GAIO. F. 789. In. 1. C. 91. S. 6 turn, 7 turn, 8 turn, 27 turn, 30; GAIO. F. 789. In. 1. C. 94. S. 5, 12 turn; GAIO. F. 789. In. 1. C. 97. S. 1 turn, 12, 26, 28 turn; GAIO. F. 789. In. 1. C. 100. S. 3 turn, 11, 15, 18 turn; GAIO. F. 789. In. 1. C. 103. S. 1)

Полное имя	Страна проживания до плена	Воинская должность, подразделение	Даты смерти, погребения	Возраст	Причина смерти	Место смерти, погребения
Барбер // Альфред / ?	Австро-Венгрия	Младший унтер-офицер, 16-й Венгерский (Хорватский) пехотный полк	30 октября, 2 ноября 1919 г.	20 лет	Хроническая дизентерия	Умер в г. Иркутске в Заиркутном военном госпитале. Погребен в г. Иркутске. Захоронение не установлено
Вейнман // Иосиф / ?	Австро-Венгрия, г. Уэль (Угель)	Не известны	26 сентября, 30 октября 1919 г.	28 лет	Сыпной тиф	Умер в г. Иркутске в Заиркутном военном госпитале. Погребен в г. Иркутске. Захоронение не установлено
Ганц // Шмуэль Зев / Энохович	Австро-Венгрия, дер. Петрове	Нижний чин	29, 30 июля 1917 г.	32 года	Не известна	Умер в г. Иркутске в 170-м сводном эвакуационном госпитале. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Герстенгейн // Бецалель / Израиль	Не известна	Не известны	Не известны	34 года	Не известна	Регистрация смерти отсутствует. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Гросхауз // Дежи / ?	Австро-Венгрия	Нижний чин, 12-й Венгерский пехотный полк Единой армии Австро-Венгрии, 2-е рабочее отделение	31 октября, 5 ноября 1915 г.	28 лет	Брюшной тиф	Умер в г. Иркутске в Иннокентьевской ж/д больнице. Погребен в заколоченном гробу на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Гросс // Иозеф / ?	Австро-Венгрия	Не известны	15, 18 июля 1918 г.	Не известен	Огнестрельные и колотые раны	Умер в г. Иркутске в Иркутском военном госпитале. Погребен в общей братской могиле на гарнизонном кладбище в Знаменском предместье [в г. Иркутске]

Корон // Аарон (Артур) / Соломонович	Австро-Венгрия, Галиция, г. Тарнополь	В распоряжении Датского Королевского вице-консула	10 февраля 1919 г.	28 лет	Порок сердца	Умер в г. Иркутске. Погребен в г. Иркутске. Захоронение не установлено
Маркович // Лейзер / Давидович	Австро-Венгрия	Нижний чин	5, 9 марта 1915 г.	34 года	Брюшной тиф	Умер в г. Иркутске в Иркутском военном госпитале. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Мюллер // Хаим / ?	Австро-Венгрия	Нижний чин	2, 6 августа 1915 г.	26 лет	Туберкулез легких	Умер в г. Иркутске. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Одзе // Маркус (Максимилиан) / ?	Австро-Венгрия	Нижний чин	22, 26 октября 1914 г.	32 года	Дизентерия	Умер в г. Иркутске в Иркутском военном госпитале. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Рапорпорт // Михоэль / ?	Австро-Венгрия	Нижний чин	15 марта 1918 г.	Не известен	Не известна	Умер в Иркутске. Факт смерти не зарегистрирован. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Роснер // Энне / ?	Австро-Венгрия	Нижний чин, 1-й гонведный Будапештский пехотный полк	2, 14 марта 1916 г.	25 лет	Миокардит	Умер в г. Иркутске в Иркутском военном госпитале. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Таубе // Шмуэль Ошер / Файвусов	Австро-Венгрия, Галиция, Львовская губерния, г. Буйск	Гражданский пленный военнообязанный	6, 19 мая 1918 г.	25 лет	Удушение [задушен]	Труп поднят в Сухом Логу [золотые прииски на р. Лене] по дороге на старый отвал по дороге к еврейскому старому кладбищу. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Тобиас // Эмиль / Зелигманович	Германия, г. Обер-Бибер Крайз Нейвид на Рейне	Нижний чин, 138-й пехотный полк Императорской армии Германии	3 августа 1919 г.	24 года	Не известна	Умер в г. Иркутске в Заиркутном военном госпитале. Погребен в г. Иркутске. Захоронение не установлено
Топфер (Тепфлер) // Калман (Карл) / ?	Австро-Венгрия	Прапорщик	27 декабря 1916 г., 1 января 1917 г.	29 лет	Перитонит	Умер в г. Иркутске в Иркутском военном госпитале. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска

Унгар // Леопольд / ?	Австро-Венгрия	Нижний чин	13, 17 февраля 1915 г.	32 года	Туберкулез легких	Умер в г. Иркутске в Иркутском военном госпитале. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Фендлер // Марк Менахем Мендель / Моисеевич	Австро-Венгрия, г. Тарнополь	Нижний чин	25 декабря 1917 г., 11 января 1918 г.	30 лет	Пулевая рана в голову	Умер в г. Иркутске. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Фишлер // Абрам / Яковлевич	Австро-Венгрия	Нижний чин	25, 26 января 1916 г.	32 года	Менингит	Умер в г. Иркутске. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Флейшер // Симен / ?	Австро-Венгрия, г. Львов	Нижний чин	21, 25 февраля 1915 г.	22 года	Отек гортани	Умер в г. Иркутске в Иркутском военном госпитале. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Фридман // Людвиг / ?	Австро-Венгрия	Нижний чин	22, 30 октября 1915 г.	35 лет	Нефрит	Умер в г. Иркутске в Иркутском военном госпитале. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Хальперт (Яальперт) // Саул / ?	Австро-Венгрия	Нижний чин, 85-й пехотный полк Австро-Венгерской армии	13, 17 июня 1917 г.	26 лет	Туберкулез легких	Умер в г. Иркутске в 170-м сводном эвакуационном госпитале. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Швебель // Арон / ?	Австро-Венгрия, Галиция, г. Краков	Нижний чин	6, 8 августа 1919 г.	32 года	Не известна	Умер в г. Иркутске в Заиркутном военном госпитале. Погребен в г. Иркутске. Захоронение не установлено
Шаар (Саар) // Микса (Макс) / ?	Австро-Венгрия	Прапорщик	31 декабря 1918 г., 3 января 1919 г.	34 года	Зоб	Умер в г. Иркутске в лечебнице доктора Бергмана. Погребен на Амурском еврейском кладбище г. Иркутска
Шренгель // Яков / ?	Австро-Венгрия	Гражданский пленный, рабочий, прибыл из Балаганска	15, 16 августа 1917 г.	51 год	Воспаление брюшины	Умер в г. Иркутске в Кузнецовской больнице. Погребен в г. Иркутске. Захоронение не установлено

Неизвестного имени, отчества и фамилии	Австро-Венгрия	Не известны	31 марта, 10 апреля 1918 г.	Не известен	Огнестрельное ранение	Расстрелян на станции Иннокентьевской [г. Иркутск] австрийскими военнопленным. Погребен в г. Иркутске. Захоронение не установлено
--	----------------	-------------	-----------------------------	-------------	-----------------------	---

ционными заболеваниями, сердечно-сосудистыми патологиями, общим ухудшением здоровья и травмами, полученными в конфликтах между военнопленными. Средний возраст умерших составлял около 30 лет.

В период Первой мировой войны на территории Иркутской губернии было подтверждено 24 случая смерти военнопленных из Австро-Венгрии и 1 случай смерти военнопленного из Германии еврейского происхождения. Надгробия сохранились у 17 из них, в свою очередь, имеется 21 запись о регистрации смерти данных военнопленных в метрических книгах синагоги Иркутска. Эпитафии на надгробиях военнопленных-иудеев были просты по структуре и содержали традиционные элементы, такие как имя покойного, дата смерти по еврейскому календарю и заключительные благословения. Отдельные эпитафии, к примеру, эпитафия на стеле Бецалеля Герстенгейна, содержали дополнительные элементы, выражавшие скорбь или описывающие добродетели усопшего.

Архивные документы, такие как метрические записи, и эпитафии на надгробиях позволили со-

брать информацию об умерших военнопленных, включая их имена, возраст, причины смерти и места захоронения. Тем не менее судьба многих военнопленных остается неизвестной из-за недостатка документации.

Данное исследование демонстрирует важность междисциплинарного подхода, объединяющего исторические, археологические и антропологические данные, для восстановления картины жизни и смерти военнопленных в условиях Первой мировой войны. Полученные выводы могут стать основой для дальнейшего комплексного изучения пребывания военнопленных Первой мировой войны еврейского происхождения на территории Иркутской губернии и их взаимодействия с местными еврейскими общинами в условиях военного времени. Анализ некрологических источников и каталогизация захоронений могут стать основой для дальнейших исследований истории военного плена и сохранения памяти военнопленных Первой мировой войны с учетом разнообразия их вероисповеданий.

Список источников

Ануфриев А.В. Австро-венгерские военнопленные в Иркутске (обзор фондов Государственного архива Иркутской области) // Сибирская ссылка : сборник научных статей / отв. ред. А.А. Иванов, Б.С. Шостакович. Иркутск : Оттиск, 2009. Вып. 5 (17). С. 19–29. EDN: UPBACY.

Ануфриев А.В. Австро-венгерские военнопленные в Восточной Сибири (обзор фондов ГАИО и ГАЗК) // Краеведческие записки. Иркутск : Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2014. Вып. 21. С. 51–77.

Ануфриев А.В. Лагерь военнопленных в Восточной Сибири на первом этапе Гражданской войны (1917–1918 гг.) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы V Международной научно-практической конференции, посвященной 130-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского и 100-летию событий антибольшевистского Якутского мятежа (Омск, 18–19 октября-

References

Anufriev A.V. (2009) Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk (review of the funds of the State Archive of the Irkutsk region). *Siberian exile: collection of scientific articles*. Irkutsk: Ottisk. Iss. 5 (17). P. 19-29. (In Russ.). EDN: UPBACY.

Anufriev A.V. (2014) Austro-Hungarian prisoners of war in Eastern Siberia (review of the funds of the State Archive of the Irkutsk Region and the State Archive of the Trans-Baikal Territory). *Local history notes*. Irkutsk: V.B. Sochava Institute of Geography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Iss. 21. P. 51-77. (In Russ.).

Anufriev A.V. (2023) Prisoner of war camps in Eastern Siberia during the first stage of the Civil War (1917–1918). *Grazhdanskaya voina na vostoке Rossiі: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 130-i godovshchine so dnya rozhdeniya Marshala Sovetskogo Soyuzа M.N. Tukhachevskogo i 100-letiyu sobytii antibold'shevistskogo Yakutskogo myatezha = The Civil War in Eastern Russia: a*

ря 2023 г.). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 12–18. EDN: RCTWHS.

Ануфриев А.В., Козлов Д.В. «Жаль этих славных парней...» (к вопросу о пребывании австро-венгерских военнопленных в Иркутске) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019а. Т. 15. № 4. С. 153–167. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-153-167. EDN: WGTMOE.

Ануфриев А.В., Козлов Д.В. Метрические книги как источник по истории пребывания военнопленных в Сибири (1914–1920) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию восстановления советской власти в Сибири (Омск, 13–14 ноября 2019 г.). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2019b. С. 10–13. EDN: QRSKLP.

Берман Е.А. Метрические книги синагоги г. Иркутска об умерших как исторический источник // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022. Т. 41. С. 93–102. DOI: 10.26516/2222-9124.2022.41.93. EDN: JSCMBI.

Берман Е.А., Павлова Е.Г. Амурский еврейский некрополь как этнокультурная составляющая жизни еврейской общины г. Иркутска первой половины XX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 4. С. 114–128. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-4-114-128. EDN: XQTTVJ.

Букин С.С., Долголюк А.А. Формирование лагерей военнопленных и интернированных в Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 2. С. 49–53. EDN: TWYHNT.

Гергилева А.И. Общественность Сибири и отношение к военнопленным Первой мировой войны // Вестник КрасГАУ. 2006. № 5. С. 421–426. EDN: HUMUAP.

Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М. : Кучково поле, 2001. 434 с.

Гордеев О.Ф. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири (август 1914 – февраль 1917 гг.). Историко-правовые аспекты проблемы // Актуальные проблемы теории и истории государства и права : сб. науч. ст. Красноярск : Изд-во КрасГУ, 2002. С. 30–62.

Заславская О.В. Между войной и революцией: транснациональный контекст коллективной биографии «потерянного поколения» Восточной Европы // Шаги/Steps. 2018. Т. 4. № 2. С. 166–203. EDN: YMCAIH.

Корнеев В.В. Концентрационные лагеря в России в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 9. С. 40–43. EDN: UIKNOT.

Мотревич В.П. Захоронения военнопленных из состава австро-венгерской армии на Урале: результаты поисковых работ // Вопросы истории Венгрии и российско-

Look Through the Documentary Legacy : Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 130th Anniversary of the Birth of Marshal of the Soviet Union M.N. Tukhachevsky and the 100th Anniversary of the Events of the Anti-Bolshevik Yakut Rebellion. 18–19 October 2023, Omsk. Omsk: Omsk State Technical University. P. 12-18. (In Russ.). EDN: RCTWHS.

Anufriev A.V., Kozlov D.V. (2019a) "I wish these nice guys..." (the question of the stay of Austro-Hungarian prisoners of war in Irkutsk). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 15. No. 4. P. 153-167. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-4-153-167. EDN: WGTMOE.

Anufriev A.V., Kozlov D.V. (2019b) Metric books as a source on the history of the stay of prisoners of war in Siberia (1914–1920). *Grazhdanskaya voina na vostoке Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu vosstanovleniya sovetskoй vlasti v Sibiri = The Civil War in Eastern Russia: a Look Through the Documentary Legacy: Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Restoration of Soviet Power in Siberia.* 13–14 November 2019, Omsk. Omsk: Omsk State Technical University. P. 10-13. (In Russ.). EDN: QRSKLP.

Berman E.A. (2022) Metric books of the synagogue of the city of Irkutsk about the dead as a historical source. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History.* Vol. 41. P. 93-102. (In Russ.). DOI: 10.26516/2222-9124.2022.41.93. EDN: JSCMBI.

Berman E.A., Pavlova E.G. (2020) Amur Jewish necropolis as an ethnocultural component of the Irkutsk Jewish community life in the first half of the XX century. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies.* Vol. 16. No. 4. P. 114-128. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2020-4-114-128. EDN: XQTTVJ.

Bukin S.S., Dolgolyuk A.A. (2000) The formation of camps of prisoners of war and internees in Siberia. *Humanitarian Sciences in Siberia.* No. 2. P. 49-53. (In Russ.). EDN: TWYHNT.

Gergileva A.I. (2006) The Siberian public and the attitude towards prisoners of war of the First World War. *Bulletin of KSAU.* No. 5. P. 421-426. (In Russ.). EDN: HUMUAP.

Golovin N.N. (2001) Russia's military efforts in World War II. Zhukovsky; Moscow: Kuchkovo pole. 434 p. (In Russ.).

Gordeev O.F. (2002). Prisoners of the First World War in Siberia (August 1914 – February 1917). Historical and legal aspects of the problem. *Actual Problems of Theory and History of the State and Law: Collection of Scientific Articles.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. P. 30-62. (In Russ.).

Zaslavskaya O.V. (2018) Between war and revolution: the transnational context of the collective biography of Eastern Europe's "lost generation". *Steps.* Vol. 4. No. 2. P. 166-203. (In Russ.). EDN: YMCAIH.

Korneyev V.V. (2015) Concentration camps in Russia during the World War I. *Military Historical Journal.* No. 9. P. 40-43. (In Russ.). EDN: UIKNOT.

Motrevich V.P. (2018) Burials of prisoners of war from the Austro-Hungarian Army in the Urals: search results. *Questions of the History of Hungary and Russian-Hungarian Rela-*

венгерских отношений: российско-венгерский сборник научных трудов / отв. ред. проф. А.С. Смыкалин. Екатеринбург: Изд-во УрГЮУ, 2018. С. 160–173. EDN: XQJBGX.

Синиченко В.В. Правовые нормы Российской империи и оплата труда военнопленных в годы Первой мировой войны (на примере Восточной Сибири) // Искусство правоведения. 2023. № 3. С. 11–17. EDN: OWHVPY.

Талапин А.Н. Военнопленные Первой мировой войны в Сибири в период гражданской войны и репатриации // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 81–83. EDN: RRVJLJ.

Федорова Т.В. Проблема социально-бытовых условий содержания австро-венгерских военнопленных на территории Восточной Сибири во время Первой мировой войны // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4–2. С. 232–236. DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.2-33. EDN: TIIHFR.

Хавкин Б.Л. Еврейские солдаты России и Германии (XIX – начало XX в.) // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 2. С. 44–55. DOI: 10.24412/2541-9056-2022-223-44-55. EDN: ERZYXY.

Шапкин Ю.Г., Дмитриченко А.А., Пономарева Г.О. Жизнь и быт военнопленных в лагерях Восточной Сибири в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 2. С. 50–53. EDN: VRAVGT.

Beizer M. Restoring courage to Jewish hearts: Frank Rosenblatt's mission in Siberia in 1919 // East European Jewish Affairs. 2009. Vol. 39. No. 1. P. 35-56. DOI: 10.1080/13501670902750279.

Информация об авторе

Берман Елена Александровна,
кандидат технических наук, профессор кафедры ювелирного дизайна и технологий,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: lena.berman.amanut@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3374-161X>

Вклад автора

Берман Е.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 марта 2025 г.; одобрена после рецензирования 26 апреля 2025 г.; принята к публикации 5 мая 2025 г.

tions: Collection of Articles. Ekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev. P. 160-173. (In Russ.). EDN: XQJBGX.

Sinichenko V.V. (2023) Legal norms Russian empire and remuneration of prisoners of war during the First World War (on the example of Eastern Siberia). *The Art of Law*. No. 3. P. 11-17. (In Russ.). EDN: OWHVPY.

Talapin A.N. (2013) Prisoners of the first world war in Siberia in the period of the Civil War and the repatriation. *Herald of Omsk University*. No. 3. P. 81-83. (In Russ.). EDN: RRVJLJ.

Fedorova T.V. (2014) The problem of Austro-Hungarian prisoners of war social conditions of confinement on the territory of Eastern Siberia during World War I. *Izvestiya of Altai State University*. No. 4-2. P. 232-236. (In Russ.). DOI: 10.14258/izvasu(2014)4.2-33. EDN: TIIHFR.

Khavkin B.L. (2022) Jewish soldiers of Russia and Germany (19th – early 20th centuries). *Humanitarian Studies of Central Russia*. No. 2. P. 44-55. (In Russ.). DOI: 10.24412/2541-9056-2022-223-44-55. EDN: ERZYXY.

Shapkin Yu.G., Dmitrichenko A.A., Ponomarieva G.O. (2014) Life of prisoners of war in detention camps of Eastern Siberia during World War I. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 2. P. 50-53. (In Russ.). EDN: VRAVGT.

Beizer M. Restoring courage to Jewish hearts: Frank Rosenblatt's mission in Siberia in 1919 // East European Jewish Affairs. 2009. Vol. 39. No. 1. P. 35-56. DOI: 10.1080/13501670902750279.

Information about the author

Elena A. Berman,
Cand. Sci. (Engineering), Professor of the Department of Jewelry Design and Technology,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: lena.berman.amanut@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3374-161X>

Contribution of the author

Berman E.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 20, 2025; approved after reviewing April 26, 2025; accepted for publication May 5, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(571.1)
EDN: DTWPLT
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-182-189>

Судебная система Томской области (1944–1953 гг.): особенности и недостатки

Е.В. Красилова

Следственное управление УМВД России по г. Барнаулу, Барнаул, Россия

Аннотация. В статье анализируется деятельность судебной системы Томской области как части правоохранительной системы региона в период с 1944 по 1953 гг. Суд, являясь правоохранительным органом, имел исключительное значение в советское время. Особую значимость судебная деятельность приобрела в послевоенные годы, когда усматривался рост преступности, имелся большой оборот нелегального оружия среди гражданского населения, фиксировалось увеличение числа банд и группировок и т. д. Такие проблемы существовали и в регионах. В частности, Томская область, образованная 13 августа 1944 г., не была исключением. В целях осуществления правосудия на территории региона были образованы Томский областной суд и народные суды, которые подчинялись Верховному суду РСФСР. Судьи Томского областного суда выполняли работу разнопланового характера. К направлениям деятельности относились: рассмотрение уголовных и гражданских дел особой сложности, в том числе на выездных заседаниях; рассмотрение жалоб и протестов; контроль деятельности народных судов области; обобщение судебной практики; решение организационных рабочих вопросов. Народные суды преимущественно занимались рассмотрением дел различной категории. В статье представлена судебная практика Томского областного суда и народных судов региона, а также статистика по рассмотрению уголовных и гражданских дел и дел, по которым были поданы жалобы и протесты на приговоры и решения народных судов. Приведены сведения о примененных Томским областным судом мерах наказаний к осужденным. Анализируются особенности и недостатки работы и функционирования судебной системы Томской области.

Ключевые слова: суды, судебная система, народные суды, Томский областной суд, Томская область, советский суд, правоохранительные органы, СССР, послевоенные годы

Для цитирования: Красилова Е.В. Судебная система Томской области (1944–1953 гг.): особенности и недостатки // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 182–189. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-182-189. EDN: DTWPLT.

History

Original article

The judicial system of the Tomsk Oblast (1944-1953): features and shortcomings

Ekaterina V. Krasilova

Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Barnaul, Barnaul, Russia

Abstract. The article analyzes the activities of the judicial system of Tomsk Oblast as part of the regional law enforcement system in the period from 1944 to 1953. The court, being a law enforcement agency, was of exceptional importance in Soviet times. Judicial activity acquired particular significance in the post-war years, when there was an increase in crime, a large circulation of illegal weapons among the civilian population, an increase in the number of gangs and groups, etc. Such problems existed in the regions as well. In particular, Tomsk Oblast, formed on August 13, 1944, was no exception. In order to administer justice, the Tomsk Regional Court and people's courts were formed in the region, which were subordinate to the Supreme Court of the RSFSR. Judges of the Tomsk Regional Court performed a variety of work. The areas of activity included: consideration of criminal and civil cases of particular complexity, including at off-site sessions; consideration of complaints and protests; control over the activities of people's courts of the region; generalization of judicial practice; resolving organizational work issues. People's courts were mainly engaged

in considering cases of various categories. The article presents the judicial practice of the Tomsk Regional Court and the people's courts of the region, as well as statistics on the consideration of criminal and civil cases and cases in which complaints and protests were filed against sentences and decisions of the people's courts. Information is provided on the punishments applied by the Tomsk Regional Court to convicts. The features and shortcomings of the work and functioning of the judicial system of the Tomsk Region are analyzed.

Keywords: courts, judicial system, people's courts, Tomsk Regional Court, Tomsk Oblast, Soviet court, law enforcement agencies, USSR, post-war years

For citation: Krasilova E.V. (2025) The judicial system of the Tomsk Oblast (1944-1953): features and shortcomings. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 182-189. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-182-189. EDN: DTWPLT.

В советское время деятельность правоохранительной системы была направлена, прежде всего, на защиту государственности и соблюдения социалистической законности. Каждый из правоохранительных органов имел свою специфическую функцию, действуя во имя благополучия всего социалистического строя. К таким органам относились суды СССР. Обладая особой формой правоохранительной деятельности, суды во все времена имели исключительный характер. Правоохранительная направленность советской судебной системы рассматриваемого периода проявлялась в отправлении правосудия, которое в свою очередь имело карательный характер. Именно карательная установка вынесенных судебных решений поддерживала охрану правопорядка, пресекала совершение новых преступлений. Особое значение суды приобрели в послевоенные годы, когда уровень преступности в стране неуклонно возрастал, что требовало принятия решительных мер реагирования (Попова, 2021. С. 62).

Функциональность судебной системы СССР в послевоенные годы постепенно возвращалась в прежнее русло довоенного времени (Коновалова, 2016. С. 195). Правовое регулирование судов было установлено важнейшими нормативными правовыми актами, принятыми еще до начала Великой Отечественной Войны. Так, фундаментальной основой для осуществления правосудия в СССР являлась Конституция СССР 1936 г., которая в главе 9 регламентировала ряд значимых вопросов работы судов, к примеру, порядок избрания судей, срок исполнения служебных обязанностей, принципы деятельности, а также элементы судебной системы СССР на федеральном и региональном уровнях. Так, в структуру судов областного значения включались областная суд и народные суды.

После создания Томской области (13 августа 1944 г.) требовалось преобразовать региональные

органы в соответствие с новой территорией организованного субъекта. Не являлись исключением и судебные учреждения. В частности, в судебную систему Томской области входили Томский областной суд и народные суды Томской области, которые подчинялись Верховному суду РСФСР. Вскоре после образования нового субъекта, Министерство юстиции РСФСР поручило заместителю председателя Нарымского окружного суда Владимиру Федоровичу Скрябину сформировать первый коллектив высшего судебного органа региона. Таким образом, дата 19 сентября 1944 года ознаменована созданием Томского областного суда с утвержденным штатным расписанием в количестве 32 человек (Томский областной суд, 2010. С. 64). Первым председателем суда была Мария Степановна Кишулько. В анализируемый период времени общая численность сотрудников областного суда незначительно менялась. Так, по состоянию на 5 мая 1953 года в Томском областном суде насчитывалось 28 человек (Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-1026. Оп. 6. Д. 5. Л. 1).

Судьи Томского областного суда выполняли работу разнопланового характера. К направлениям деятельности относились: рассмотрение уголовных и гражданских дел особой сложности, в том числе на выездных заседаниях; рассмотрение жалоб и протестов; контроль деятельности народных судов области; обобщение судебной практики; решение организационных рабочих вопросов. Прежде всего, они занимались рассмотрением уголовных и гражданских дел особой сложности в качестве первой инстанции. Так, во втором полугодии 1947 г. в Томский областной суд поступило 95 уголовных дел. Всего за этот период в производстве находилось 108 дел, из которых: 41 дело – в отношении хищения государственного и общественного имущества; 28 дел – в отношении имущества государственных

предприятий, колхозов и кооперации; 25 дел – в отношении подрыва или ослабления Советской власти; 14 дел – прочие статьи. По рассмотренным делам был осужден 131 человек, к которым применены меры наказания: лишение свободы от 2 до 3 лет – 14 человек, от 3 до 4 лет – 1 человек, 5 лет – 18 человек, от 5 до 10 лет – 69 человек, от 10 до 25 лет – 15 человек; исправительно-трудовые работы – 10 человек; иные меры – 4 человека (ГАТО. Ф. Р-1385. Оп. 1. Д. 15. Л. 20–20 об.). Описывая примененные меры к осужденным, в отчетах указывалось: «...по прошедшим делам через Областной суд карательная политика является выдержанной» (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 6. Л. 2). Вместе с тем учеными отмечается, что суд и процесс в послевоенный период характеризуются ужесточением ответственности (Тарасенко, 2019. С. 12).

Исходя из приведенных данных, Томским областным судом в преобладающем большинстве рассматривались уголовные дела по хищениям государственного имущества. В научной литературе в целом подтверждается факт множественности хищения чужого имущества в Томской области (Суверов, Шашин, 2022. С. 60). Такая статистика отчетливо показывает сущность реалий послевоенного времени, когда хищения совершались на регулярной основе. Тяжелая экономическая ситуация, охватив всю Западную Сибирь, повлияла на повышение уровня преступности (Суверов, 2016. С. 23). Причиной такого положения мог служить, прежде всего, голод, вызванный ввиду послевоенной разрухи и неурожая 1946 года (Дёмина, 2016. С. 65). Предметами хищения являлись различные товары. К примеру, за июнь, июль, август 1947 г. осужденными в пределах Томской области было похищено, присвоено и растрачено: сахар – 21 кг, овощи – 140 кг, мясо и рыба – 6 кг, зерно – 1155 кг, хлеб – 6 кг, крупный скот – 2 головы, денежных средств – 23 005 руб., готовые платья (сорочки, рубахи) – 3 шт., мешкотары – 29 шт., обувь – 1 пара, наволочки – 2 шт., простыни и одеяла – 4 шт., кинолента – 1 шт., аккумулятор – 1 шт., оконные стекла – 24 шт. (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 2. Д. 12. Л. 92).

Однако бывало немало случаев корыстного отношения к работе, когда с целью наживы преступникам удавалось создавать схемы, чтобы похищать какие-либо вещи с рабочего места в личных целях. К примеру, Б.А. Пискунов, находясь на должности экс-

педитора в транспортно-экипидиционной конторе ОВДВВ НКВД, в ночь на 19 декабря 1944 г. проник в склад путем подлома потолка и похитил мануфактуры 617 м, пальто, пиджаки и другие вещи, всего убыток составил 50 957 руб. Пискунов реализовывал похищенное на рынке (ГАТО. Ф. Р-1385. Оп. 1. Д. 2. Л. 13).

Руководящие лица организаций также не упустили возможность пользоваться государственным имуществом в своих целях. Так, 10 февраля 1945 г. Томским областным судом было рассмотрено дело по обвинению должностных лиц государственной швейной фабрики № 5 в г. Томске в растранижении государственного имущества, а именно директора С.К. Казанцева, главного инженера Н.Г. Никифорова, заместителя директора Ю.И. Могилевского, которые на протяжении 1943 и 1944 гг. систематически растранижили шерстяные ткани, предназначенные для пошивки обмундирования для офицерского и рядового состава Красной Армии. Растрата государственных тканей проводилась под предлогами премии работникам фабрики, в том числе указанные лица премировали себя, а также производилась пошивка костюмов, пальто или выдавались отрезки шерстяных тканей знакомым и некоторым работникам фабрик, заводов, учреждений за выполненные работы на фабрике, то есть услуга за услугу. Судебной коллегией Томского областного суда Казанцев приговорен к четырём годам лишения свободы, Никифоров к одному году исправительно-трудовых работ, Могилевский к двум годам лишения свободы (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 1. Д. 6. Л. 6 об.–7). Таким образом, правоохранительная деятельность областного суда в основном была направлена на борьбу с расхитителями социалистической собственности (Егоров, Найман, 2021. С. 2).

Томский областной суд также рассматривал гражданские дела в качестве первой инстанции. Так, во втором полугодии 1947 г. в Томский областной суд поступило 65 дел. Всего в производстве судебной коллегии по гражданским делам находилось 74 дела, из которых: по бракоразводным процессам – 62 дела; по искам, вытекающим из договоров по транспортным перевозкам – 7 дел; прочие категории – 5 дел (ГАТО. Ф. Р-1385. Оп. 1. Д. 15. Л. 22–22 об.). Из приведенной статистики усматривается, что основной поток исков поступал по бракоразводным вопросам. В этой связи стоит отметить тенден-

цию ужесточения процедуры расторжения брака. Так, с 1944 года супругам, желающим развестись, следовало опубликовать свое намерение о разводе в местной газете и обратиться с заявлением в народный суд (Огнева, 2013. С. 30). Далее, указанная судебная инстанция была обязана попытаться примирить супругов (Асеева, Борисовский, Золкин, 2023. С. 84). Если в народном суде примириться не удавалось, то следовало рассмотрение гражданского дела во второй инстанции – областном суде, который тщательно проверял попытки примирения народным судом. Следовательно, бракоразводный процесс имел двухступенчатую процедуру (Кошечев, 2010. С. 77). Посредством привлечения всех уровней региональных судебных органов к рассмотрению дел по указанной категории и длительности разбирательства, государство намеревалось снизить процент разводов. Ежегодно в отчетах о работе Томского областного суда анализировались причины возникновения бракоразводных дел с изучением судебной практики. Так, в отчете за второе полугодие 1947 года такой причиной обозначалось легкомыслие при вступлении в брак. К примеру, в июне 1947 года гражданин Ястребов в поезде познакомился с гражданкой Никифоровой. После 3-часового знакомства они оформили брачные отношения, прожив совместно 3 месяца. Ястребов возбудил дело о разводе, мотивируя разными взглядами на жизнь и невозможностью совместного проживания. Томским областным судом брак Ястребовых расторгнут (ГАТО. Ф. Р-1385. Оп. 1. Д. 15. Л. 22 об.).

Не менее важным органом в судебной системе Томской области являлись народные суды. В научной литературе отмечается, что народные суды стали основополагающим элементом судебной системы еще к середине 1920-х годов (Крыжан, 2020. С. 6). Они принимали непосредственное участие в правоохранительной деятельности региона, так как основной поток дел рассматривался именно указанной инстанцией. В народные суды поступали дела разной направленности, к примеру: о животноводстве; о хищениях социалистической собственности; о спекуляции (Богданов, 2009. С. 16); о прогулах и самовольном уходе с предприятий; о хищениях личной собственности граждан, о лесонарушениях и т. д. Как отмечается в научной литературе, народные суды являлись главным звеном судебной системы СССР (Семенова, 2022. С. 563). В этой связи на

народные суды приходился значительный объем работы.

Взаимодействие Томского областного суда и народных судов региона проявлялось в осуществлении контроля вышестоящего органа за деятельностью последних. В частности, Томский областной суд рассматривал уголовные и гражданские дела в качестве второй инстанции, по которым были поданы жалобы и протесты на приговоры и решения народных судов. Так, за второе полугодие 1946 г. коллегией Томского областного суда рассмотрено 988 дел по жалобам (880 дел) и протестам (108 дел) на приговоры в отношении 1248 осужденных. Результатами рассмотрения судебной коллегией по уголовным делам являются следующие данные: приговор оставлен в силе в отношении 786 человек (63 %); приговор изменен в отношении 135 человек (10,8 %); решение отменено с прекращением дела в отношении 49 человек (3,9 %); решение отменено со стадии судебного следствия в отношении 186 человек (14,9 %); решение отменено со стадии предварительного следствия в отношении 92 человек (7,4 %) (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 2. Д. 11. Л. 6 об.–7). Таким образом, 37 % приговоров народных судов подлежали изменению, либо отмене, что являлось чрезвычайным показателем, указывающим на недостаточную квалификацию судей.

Анализ судебной практики народных судов Томской области по рассмотрению гражданских дел показал более критические результаты. В частности, за второе полугодие 1946 г. коллегией Томского областного суда рассмотрено 661 дело по жалобам (626 дел) и протестам (35 дел) на решения народных судей по гражданским делам, из которых: оставлено решений в силе по 256 делам (38,8 %); изменено решений по 57 делам (8,7 %); отменено решений с направлением дел на новое рассмотрение по 304 делам (45,9 %); отменено решений с прекращением по 44 делам (6,6 %) (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 2. Д. 11. Л. 9–9 об.). Такие цифры указывают на низкий уровень работы народных судов Томской области, так как количество отмененных и измененных решений превышало процент оставленных в силе. В основном судьи слабо занимались досудебной подготовкой дел, не исследовали действительных обстоятельств в рамках гражданского дела, рассматривали дела поверхностно (Шкаревский, 2020b. С. 34). Следовательно, одной из слабых сторон судебной системы

Томской области в рассматриваемый период времени являлась работа народных судов региона.

Главной причиной такого положения служило отсутствие у судей юридического образования и опыта судебной работы. В частности, по состоянию на 19 декабря 1948 года из 34 народных судей Томской области лишь 1 имел высшее образование (юридическое), 30 человек получили среднее образование (юридическое – 17 человек), начальное – 3 человека (ГАТО. Ф. Р-889. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–2 об.). В отчёте о работе Томского областного суда за второе полугодие 1946 года указывалось, что народные судьи в большинстве своем являлись молодыми работниками, не имеющими достаточного практического и жизненного опыта, к примеру: народный судья 1 участка Томского района Прудко, народный судья Кожевниковского района Кондрашев. Некоторые не имели теоретической подготовки: народный судья Бакчарского района Межов, народный судья второго участка Зырянского района Елькина (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 2. Д. 11. Л. 9 об.). Наряду с этими данными стоит констатировать, что исходя из вышеприведенной статистики по рассмотрению Томским областным судом уголовных и гражданских дел в качестве второй инстанции народным судьям не хватало квалификации для осуществления своей профессиональной деятельности. Такая ситуация связана, прежде всего, с условиями послевоенного времени, когда остро встал вопрос подбора и воспитания кадров, так как многие юристы не вернулись с фронта (Абдулин, 2009. С. 361). Увольнение судей и замещение их новыми кадрами не могло улучшить положение, ведь достойной квалифицированной замены в таких условиях не было (Печерский, 2016. С. 90). Таким образом, кадровый вопрос являлся одним из ключевых и проблемных (Долгополова, 2015. С. 23).

Так, народный судья Кожевниковского района Кондрашов, окончив двухгодичную юридическую школу, но, не пройдя практику при областном суде, был направлен на работу в народный суд. Под его председательством за второе полугодие 1946 года по гражданским делам было обжаловано решений – 13, оставлено в силе – 2 (15 %), отменено – 11 (85 %). Как видно из приведённых данных, всего 15 % решений было оставлено в силе по делам, рассмотренным под председательством Кондрашова. Такой низкий процент можно объяснить отсутствием опы-

та работы и незнанием законоположений (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 2. Д. 11. Л. 10 об.). Однако такое беспечное отношение к своей профессиональной деятельности иногда приводило к осуждению невинных людей. К примеру, народный суд под председательством судьи Кондрашова 14 декабря 1947 года осудил П.Г. Лобанова к 5 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях за то, что он якобы похитил с лугов один стог сена, принадлежащий Титову. Из материалов дела и показаний свидетелей понятно, что Лобанов нанял извозчиков, которые по ошибке забрали стоящее рядом сено Титова, а не Лобанова. Несмотря на отсутствие в действиях Лобанова уголовно-наказуемого деяния, суд вынес в отношении последнего обвинительный приговор. Судебной коллегией Томского областного суда приговор отменен (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 2. Д. 30. Л. 28).

К основной особенности работы всей системы судов Томской области относилась медлительность в рассмотрении уголовных и гражданских дел. Прежде всего, это объяснялось спецификой территориального строения региона, в зависимости от которого центральные районы были связаны с периферией посредством водных развязок. Вследствие этого в осенне-весенние периоды было трудно добраться до зданий судебных органов, что влияло на длительность доставки заключённых к месту слушания дел и трудности вызова свидетелей на длительное расстояние от районов центра. Например, дело по обвинению Гогина по ст. 167 ч. 3 УК РСФСР 1926 г. областным судом назначалось к слушанию два раза и откладывалось ввиду неявки в суд одного основного свидетеля, проживающего от города Томска на расстоянии 270 км (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 2. Д. 11. Л. 5).

Другой причиной, которая тормозила рассмотрение дел в назначенные судом сроки, являлось то обстоятельство, что суды в своей деятельности небрежно относились к работе. К примеру, народные суды часто задерживали высылку дел о расторжении браков в областной суд. Так, дело по иску Н.С. Молоковой к И.С. Молокову о расторжении брака и взыскании алиментов на содержание ребёнка четыре раза было запрошено из народного суда второго участка Зырянского района и было выслано в Томский областной суд лишь после того, как руководящие органы воздействовали на народного судью (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 2. Д. 11. Л. 6).

Распространенными недостатками в работе судей Томской области являлись: совершение процессуальных ошибок; неправильная квалификация преступлений; вынесение мягких приговоров и неосновательное осуждение по отдельным делам.

К другим недостаткам работы судов Томской области можно отнести формальность при отправлении правосудия. Так, при рассмотрении дел во второй инстанции во многих судах не было строгой и официальной обстановки судебного заседания, определения принимались в присутствии прокурора и других лиц, и, как правило, оформлялись и подписывались составом суда спустя длительное время (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 2. Д. 19. Л. 2). Бывали случаи, когда решения судов записывались неразборчивым почерком на оборванном клочке бумаги (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 2. Д. 11. Л. 11 об.). Отдельно стоит отметить, что проблема понимания почерков судей была распространенной. Так, заместитель председателя Томского областного суда В.Ф. Скрябин, изучая результаты работы судьи М.М. Мартыановой, отметил, что «...Мартыанова приговоры и определения пишет небрежно, размашистым неразборчивым почерком и не привыкшему человеку к ее почерку трудно разобрать ею написанное, например, букву «а» пишет как «о», некоторые буквы ничего не имеют общего с русским алфавитом» (ГАТО. Ф. Р-1026. Оп. 2. Д. 12. Л. 83 об.).

Особенностью организации судебной системы послевоенного времени являлось недостаточное финансирование указанного органа, в том числе отмечалась невысокая оплата труда работников суда (Шкаревский, 2020а. С. 36). Конкретно в Томской области не хватало денежных средств для качественного осуществления правосудия. В частности, исходя из отсутствия финансов на командировки, в ноябре и декабре 1947 г. судьи не имели возможности выезжать и рассматривать дела в отдаленные районы Томской области, так как отпущенных

средств на командировки в 1947 г. было недостаточно и в отпуске дополнительных средств на эти цели министерством было отказано (ГАТО. Ф. Р-1385. Оп. 1. Д. 15. Л. 20). Проблема плохого финансирования существовала и в других регионах (Кабуркин, 2021. С. 16).

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что в период с 1944 по 1953 гг. судебная система Томской области имела свои особенности. Прежде всего, территориальное строение региона влияло на работу судебных органов, так как обширность субъекта и труднодоступность отдаленных районов создавали препятствие к отправлению правосудия, ввиду чего отмечалась медлительность в рассмотрении уголовных и гражданских дел. Имеющийся дефицит юридически подготовленных кадров создавал ситуации многочисленной отмены вынесенных решений народных судов. Недостаточное финансирование судебных органов затрудняло производство судебных процессов. К недостаткам работы судов Томской области относятся: формальное отношение судей к своей работе; совершение процессуальных ошибок; неправильная квалификация преступлений; вынесение мягких приговоров и неосновательное осуждение по отдельным делам.

В целом Томский областной суд совместными усилиями с народными судами области осуществлял правосудие на удовлетворительном уровне, анализируя недостатки в работе и пытаясь их устранить. Со смертью В.И. Сталина после 1953 г. ориентиры судебной системы были изменены в сторону либерализма и исправления допущенных в прошлом нарушений законности. Таким образом, суды Томской области в контексте правоохранительной системы региона рассматривались как важнейший и неотъемлемый орган государства, благодаря которому привлекались к ответственности преступные элементы, разрешались гражданские споры, возмещались иски.

Список источников

Абдулин Р.С. Объективные и субъективные предпосылки децентрализации организационного руководства судами РСФСР в период с 1946 по 1960 гг. // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 361–365. EDN: IXBCNX.

Асеева М.А., Борисовский П.В., Золкин А.Л. Основные этапы становления судебной системы СССР в 1920–1950-х гг. // Сурский вестник. 2023. № 1 (21). С. 79–85. DOI: 10.36461/2619-1202_2023_01_014. EDN: BCQZBL.

References

Abduln R.S. (2009) Objective and subjective prerequisites for the decentralization of organizational management of the courts of the RSFSR in the period from 1946 to 1960. *Business in Law*. No. 1. P. 361-365. (In Russ.). EDN: IXBCNX.

Aseeva M.A., Borisovskii P.V., Zolkin A.L. (2023) The main stages of the formation of the judicial system of the USSR in the 1920-1950s. *Sursky Vestnik*. No. 1 (21). P. 79-85. (In Russ.). DOI: 10.36461/2619-1202_2023_01_014. EDN: BCQZBL.

Богданов С.В. Спекуляция в СССР (1945–1953 гг.): причины, масштабы, особенности // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–2 (64). С. 16–21. EDN: KZMXPJ.

Дёмина Ю.В. Послевоенный голод 1946–1947 гг. в современной отечественной историографии // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 3 (19). С. 65–72. EDN: WLWQIZ.

Долгополова Е.В. Управление Министерства юстиции по г. Ленинграду: основные направления деятельности (1946–1956 гг.) // Вестник Новгородского государственного университета. 2015. № 7 (90). С. 23–26. EDN: VLCHHL.

Егоров С.Г., Найман К.С. Особенности деятельности Областного суда Кировской области в 1941–1946 годах // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 4. С. 1–6. DOI: 10.5281/zenodo.4769065. EDN: FXTZSO.

Кабуркин А.А. Суды Ханты-Мансийского автономного округа в первый год послевоенной пятилетки // Исторический поиск. 2021. Т. 2. № 2. С. 13–20. DOI: 10.47026/2712-9454-2021-2-2-13-20. EDN: PJBNDM.

Коновалова О.В. Советский суд (1945–1953 гг.) // Инновационная наука. 2016. № 2–3 (14). С. 192–195. EDN: XRWWZF.

Кощеев А.В. Расторжение брака по советскому законодательству // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 4–1. С. 75–79. EDN: NXNOJR.

Крыжан А.В. Проблемы организации народного суда как элемента системы советской юстиции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 5–15. DOI: 10.37482/2227-6564-V044. EDN: PVYEZV.

Огнева Н.И. Из истории советского гражданского процессуального права: производство по делам о расторжении брака // Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. 2013. № 3 (15). С. 28–35. EDN: YURJKM.

Печерский В.А. Судебные органы Хакасской автономной области в послевоенные годы (1945–1953 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 6–1. С. 88–94. DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-88-94. EDN: XRAFEP.

Попова А.Д. Фронт после победы: причины роста преступности в СССР в послевоенные годы (1945–1950-е гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 1. С. 62–70. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70. EDN: LXWUKF.

Семенова М.С. Народный суд в условиях проведения судебной реформы 1950-х – 1960-х годов // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 100-летию образования СССР). Материалы XIX Международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 28–29 апреля 2022 года. В 2 ч. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. Ч. 1. С. 560–566. EDN: CJMVVG.

Bogdanov S.V. (2009) Profiteering in the USSR (1945-1953): reasons, scales, peculiarities. *Bulletin of the Altai State University*. No. 4-2 (64). P. 16-21. (In Russ.). EDN: KZMXPJ.

Demina Yu.V. (2016) The post-war famine of 1946-1947 in modern Russian historiography. *Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University*. Electronic Scientific Journal. No. 3 (19). P. 65-72. (In Russ.). EDN: WLWQIZ.

Dolgopolova E.V. (2015) Department of the Ministry of Justice of Leningrad city: main directions of activity (1946-1956). *Bulletin of the Novgorod State University*. No. 7 (90). P. 23-26. (In Russ.). EDN: VLCHHL.

Egorov S.G., Naiman K.S. (2021) Practices of the Regional Court of the Kirov Region in 1941-1946. *Humanitarian Scientific Bulletin*. No. 4. P. 1-6. (In Russ.). DOI: 10.5281/zenodo.4769065. EDN: FXTZSO.

Kaburkin A.A. (2021) Courts of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the First Year of the Post-War Five-Year Plan. *Historical Search*. Vol. 2. No. 2. P. 13-20. (In Russ.). DOI: 10.47026/2712-9454-2021-2-2-13-20. EDN: PJBNDM.

Konovalova O.V. (2016) Soviet Court (1945-1953). *Innovative Science*. No. 2-3 (14). P. 192-195. (In Russ.). EDN: XRWWZF.

Koshcheev A.V. (2010) Divorce under the Soviet legislation. *Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University*. No. 4-1. P. 75-79. (In Russ.). EDN: NXNOJR.

Kryzhan A.V. (2020) The challenges of organizing the people's court as a part of the Soviet judicial system. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. No. 5. P. 5-15. (In Russ.). DOI: 10.37482/2227-6564-V044. EDN: PVYEZV.

Ogneva N.I. (2013) From the history of Soviet civil procedure: divorce procedure. *Bulletin of the Moscow State Regional Social and Humanitarian Institute*. No. 3 (15). P. 28-35. (In Russ.). EDN: YURJKM.

Pecherskii V.A. (2016) Judicial authorities of the Khakass Autonomous Region in the postwar years (1945-1953). *Historical and socio-educational thought*. Vol. 8. No. 6-1. P. 88-94. (In Russ.). DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-6/1-88-94. EDN: XRAFEP.

Popova A.D. (2021) Battle after Victory: Causes of the Post-War Crime Rate Increase (1945–1950). *Bulletin Kemerovo State University*. Vol. 23. No. 1 (85). P. 62-70. (In Russ.). DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-1-62-70. EDN: LXWUKF.

Semenova M.S. (2022) People's Court in the Context of the Judicial Reform of the 1950s-1960s. *Gosudarstvo i pravo: evolyutsiya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya (k 100-letiyu obrazovaniya SSSR)*. Materialy XIX mezhdunarodnoi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 28–29 aprelya 2022 goda. V 2 ch. = State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (for the 100th Anniversary of the USSR). *Proceedings of the XIX International Scientific and Theoretical Conference (Saint-Petersburg, April 28–29,*

Суверов Е.В. Борьба с бандитизмом в послевоенный период в Западной Сибири (1945–1949 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 16–1. С. 23–25. EDN: VOEYJR.

Суверов Е.В., Шашин Д.Г. Обеспечение принципа законности в деятельности сотрудников органов внутренних дел (на примере Томской области 1953–1965 гг.) // Академическая мысль. 2022. № 1 (18). С. 57–62. EDN: YWBUME.

Тарасенко Ю.Н. Суд и процесс в СССР в 1941–1991 гг. // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты : сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 ноября 2019 года. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 12–14. EDN: KMSOOK.

Томский областной суд // Судебная практика в Западной Сибири. 2010. № 3. С. 64–66. EDN: MVSCUL.

Шкаревский Д.Н. Деятельность народных судов Ханты-Мансийского округа по рассмотрению уголовных дел в 1945–1950-е гг. // Право: история и современность. 2020а. № 2 (11). С. 22–38. DOI: 10.17277/pravo.2020.02.pp.022-038. EDN: SXPVMQ.

Шкаревский Д.Н. Гражданское судопроизводство в судах Ханты-Мансийского округа (1946–1955 гг.) // Право: история и современность. 2020б. № 4 (13). С. 33–47. DOI: 10.17277/pravo.2020.04.pp.033-047. EDN: TUGISF.

Информация об авторе

Красилова Екатерина Владимировна,
следователь,
Следственное управление УМВД России по г. Барнаулу,
656002, г. Барнаул, проспект Калинина, 8, Россия,
e-mail: krasilova1357@mail.ru

Вклад автора

Красилова Е.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 января 2025 г.; одобрена после рецензирования 21 января 2025 г.; принята к публикации 5 февраля 2025 г.

2022), in 2 parts. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii. Pt. 1. P. 560-566. (In Russ.). EDN: CJMVVG.

Suverov E.V. (2016) The Fight Against Banditry in the Post-War Period in Western Siberia (1945-1949). *Actual Problems of the Fight Against Crimes and Other Offenses*. No. 16-1. P. 23-25. (In Russ.). EDN: VOEYJR.

Suverov E.V., Shashin D.G. (2022) Ensuring of the principle of legality in the activities of employees of internal affairs bodies (on the example of the Tomsk region, 1953-1965). *Academic Thought*. No. 1 (18). P. 57-62. (In Russ.). EDN: YWBUME.

Tarasenko Yu.N. (2019) Court and process in the USSR in 1941-1991. *Yurisprudentsiya v teorii i na praktike: aktual'nye voprosy i sovremennyye aspekty. Sbornik statei II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 05 noyabrya 2019 goda = Jurisprudence in Theory and Practice: Current Issues and Modern Aspects: Collection of Articles from the II International Scientific and Practical Conference, Penza, November 5, 2019*. Penza : Nauka i Prosveshchenie. P. 12-14. (In Russ.). EDN: KMSOOK.

(1010) Tomsk Regional Court. *Judicial practice in Western Siberia*. No. 3. P. 64-66. (In Russ.). EDN: MVSCUL.

Shkarevskii D.N. (2020a) The work of people's courts of the Khanty-Mansiysk district on criminal cases in 1945-1950s. *Law: History and Modernity*. No. 2 (11). P. 22-38. (In Russ.). DOI: 10.17277/pravo.2020.02.pp.022-038. EDN: SXPVMQ.

Shkarevskii D.N. (2020b) The consideration of civil cases in the courts of the Khanty-Mansiysk district (1946-1955). *Law: History and Modernity*. No. 4 (13). P. 33-47. (In Russ.). DOI: 10.17277/pravo.2020.04.pp.033-047. EDN: TUGISF.

Information about the author

Ekaterina V. Krasilova,
investigator,
Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Barnaul,
8, Kalinin Avenue, Barnaul 656002, Russia,
e-mail: krasilova1357@mail.ru

Contribution of the author

Krasilova E.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 15, 2025; approved after reviewing January 21, 2025; accepted for publication February 5, 2025.

История

Научная статья
УДК 571.53: 94(47)
EDN: NGJTPF
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-190-202>

Основание и начальное развитие Ангарска: возможности и ограничения мобилизационных подходов

Т.М. Новикова¹, С.Л. Павлович²

¹ Независимый исследователь, Иркутск, Россия

² Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Символом советского периода было провозглашено строительство – строительство коммунизма, человека нового типа, промышленности, «новых городов». Ангарск – одновременно и самобытный, и типичный пример советского поселения, рожденного решениями правящей коммунистической партии. Экономика Иркутской области в послевоенный период динамично развивалась, получая в приоритетном порядке капитальные вложения и управленческое внимание Москвы. Дан обзор историографических достижений и «находок», наиболее продуктивных исследовательских концепций комплексного осмысления проблем создания и развития «новых городов», причем и учитывающих как собственно прошлое Ангарска, так и общий фон социально-хозяйственного преобразования определенной местности. Публикации можно разделить на шесть блоков по степени концептуальности и информативности: публикации архитекторов; небольшие по объему, но массовые издания советского времени – своеобразные «буклеты»; советские научно-практические труды о новом градостроительстве; отечественная исследовательская литература темы социально-демографического развития Сибири; издания постсоветского периода по истории отдельных предприятий и организаций; постсоветские исследования жилищной политики советского государства и отечественной повседневности. За последние 100 лет население в границах Иркутской области увеличилось в 4 раза, тогда как в целом в Российской Федерации только в 1,5. Механизм и «внутренняя кухня» такой динамики на материале Ангарска рассмотрена в данной статье. Для обеспечения нового строительства в Иркутской области с 1945 г. была расширена сеть исправительно-трудовых лагерей и колоний. Заключенные создавали городскую среду для будущих ангарчан. А на «подневольно» обжитое место охотнее переезжали люди, уже добровольно. В равной степени Ангарск и «Город, рожденный победой», и «Город, рожденный ГУЛАГом». Значительное освобождение заключенных после 1956 г. потребовало скорректировать подходы к организации строительства в Ангарске. В дальнейшем Ангарск динамично развивался (между 1957 и 1987 гг. население удвоилось).

Ключевые слова: Ангарск, поселок, город, строительство, предыстория, архитектурный облик, заключенные, социалистический строй, Н.И. Ярополов, историография, важнейшие концепции, перспективы научного и общественного осмысления

Для цитирования: Новикова Т.М., Павлович С.Л. Основание и начальное развитие Ангарска: возможности и ограничения мобилизационных подходов // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 190–202. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-190-202. EDN: NGJTPF.

History

Original article

The foundation and initial development of Angarsk city: opportunities and limitations of mobilization approaches

Tatiana M. Novikova¹, Sergey L. Pavlovich²

¹ Independent researcher, Irkutsk, Russia

² Mikhailovsky Military Artillery Academy, St. Petersburg, Russia

Abstract. Construction was proclaimed the symbol of the Soviet period - the construction of Communism, a new type of man,

© Новикова Т.М., Павлович С.Л., 2025

industry, and “new cities.” Angarsk is both an original and a typical example of a Soviet settlement, born of the decisions of the ruling Communist Party. The economy of the Irkutsk region developed dynamically in the post-War period, receiving capital investments and managerial attention from Moscow as a matter of priority. An overview of historiographical achievements and “finds” is given, as well as the most productive research concepts for a comprehensive understanding of the problems of creating and developing “new cities”, taking into account both Angarsk's past and the general background of the socio-economic transformation of a certain area. Publications can be divided into six blocks according to the degree of conceptuality and information content: publications by architects; small in volume, but mass-produced Soviet-era publications - peculiar “booklets”; Soviet scientific and practical works on new urban planning; domestic research literature on the socio-demographic development of Siberia; publications of the post-Soviet period on the history of individual enterprises and organizations; post-Soviet studies of the housing policy of the Soviet state and domestic everyday life. Over the past 100 years, the population within the borders of the Irkutsk region has increased 4 times, while in the Russian Federation as a whole it has increased only 1.5 times. The mechanism and “inner kitchen” of such dynamics based on the Angarsk material is discussed in this article. To ensure new construction in the Irkutsk region, the network of correctional labor camps and colonies has been expanded since 1945. The prisoners created an urban environment for future Angarchans. And people were more willing to move to a “forced” habitable place, already voluntarily. Angarsk is equally a “City born of Victory” and a “City born of the Gulag”. The significant release of prisoners after 1956 required the adjustment of approaches to the organization of construction in Angarsk. Subsequently, Angarsk developed dynamically (between 1957 and 1987 the population doubled).

Keywords: Angarsk, settlement, city, construction, prehistory, architectural appearance, prisoners, socialist system, N.I. Yaropolov, historiography, the most important concepts, prospects of scientific and public understanding

For citation: Novikova T.M., Pavlovich S.L. (2025) The foundation and initial development of Angarsk city: opportunities and limitations of mobilization approaches. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 190-202. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-190-202. EDN: NGJTPF.

Ангарск – город в Иркутской области, крупный промышленный узел с населением около 220 тыс. чел. (2021). Город находится у слияния Ангары и Китоя, на правом побережье последнего. Расстояние от Москвы 4164 км, в 117 км от озера Байкал, от Иркутска – 38 км по железной дороге, между окраинами Иркутска и Ангарска – 24 км. Был образован Указом президиума Верховного Совета СССР от 30 мая 1951 г. из рабочего поселка Ангарский как город областного подчинения. В средствах массовой информации частое определение «Город нефтехимиков».

Символом советского периода было избрано и четко провозглашено строительство – строительство коммунизма, строительство человека нового типа и новой общественной культуры, строительство новых отраслей промышленности, строительство новых городов. Наше аграрное Отечество форсировано превращалось в индустриальное. Резко и управляемо меняли облик старые города, а новые создавались там, где ранее их не было. «Новый» или «молодой» город являлся многогранным феноменом отечественной истории 1930–1980-х гг., отразившим все возможности и ограничения социалистического строя. Ангарск – одновременно и ярко самобытная, и столь же типичная звезда в хронологически последовательном созвездии – Комсомольска-на-Амуре, Норильска, Магадана, Северска, Железногорска, Братска, Шелехова, Байкальска, Усть-

Илимска, Лесосибирска, Нерюнгри, Тынды, Саянска и многих других.

Хозяйственное освоение территории велось на основе согласования промышленного развития с природными, географическими и экономическими характеристиками – через создание территориально-производственных комплексов. Такое строительство предполагало и создание предприятий, и организацию социальной сферы, и демографические изменения, включая внутрирегиональные и межрегиональные переселения и т. д. и т. п. Промышленность и энергетика Иркутской области в послевоенный период динамично развивались, получая в приоритетном порядке капитальные вложения и управленческое внимание Москвы. Достаточно отметить, что за последние 100 лет население в границах Иркутской области увеличилось примерно в 4 раза, тогда как в пределах Российской Федерации только в 1,5.

Историографические достижения

Своеобразный старт научному изучению процесса становления новых городов дала в 1962 г. Третья Дальневосточная конференция по истории и археологии, символично проходившая в Комсомольске-на-Амуре. В секции «Социалистические новостройки Сибири и Дальнего Востока» от Иркутского госуниверситета выступили (с последующей публикацией тезисов): кандидат исторических наук,

доцент (впоследствии профессор и видный исследователь Великой Отечественной войны) И.И. Кузнецов, с сообщением «Из истории строительства социалистического города Ангарска», кандидат исторических наук, доцент В.Т. Агалаков – «Из истории города Шелехова» и старший преподаватель, подполковник запаса В.Г. Смольков (в 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию «Социальные проблемы труда», с 1964 г. преподавал в Московском государственном университете, автор многочисленных публикаций в Москве о социалистическом соревновании, с 1972 г. доктор философских наук, тема диссертации «Социальные проблемы соревнования») с докладом «Коллективы коммунистического труда и формирование личности (по материалам строительства г. Ангарска).

В источниках личного происхождения отражены как предвоенная история местности, так и собственно повседневность раннего Ангарска. Так И.И. Кузнецов описал пионерский лагерь 3-го отделения Восточно-Сибирской железной дороги на берегу р. Китой (Кузнецов, 2001. С. 4–8), а первый секретарь Иркутского обкома КПСС В.М. Спирин охарактеризовал свою учебу в Ангарском строительном (с 1961 г. политехническом) техникуме в 1958–1961 гг. (Хайрюзов, 2009. С. 18–22).

Поэтому при разработке темы современный исследователь не будет испытывать нехватки информации, она обширна и разнопланова (Ангарск..., 1975; Ангарск..., 1992)¹. На наш взгляд, при осмыслении исторического феномена Ангарска и аналогичных поселений в обширном массиве предметных или только «упоминающих» публикаций можно выделить несколько основных блоков по степени концептуальности и информативности:

1) публикации архитекторов (Черняев, Иоффе и др., 1956; Павличенков, 1958; Шкварикив, Смолляр, 1969). Так, например, первая часть журнала «Архитектура СССР» за 1957 г. № 1 содержала материалы, касающиеся развития Приангарья: секретаря Иркутского обкома КПСС М. Журавлева «Край большого будущего», председателя президиума

Восточно-Сибирского филиала АН СССР М. Кротова «Новая география Восточной Сибири и проблема градостроительства», председателя Иркутской областной плановой комиссии П. Силинского «Что мешает развитию экономики Иркутской области», старшего научного сотрудника вышеупомянутого филиала АН Е. Гречищева «Глубже вникать в перспективное планирование», главного архитектора Гипрогора А. Кузнецова «Планировка и застройка городов Иркутской области», журналистки Р. Брайниной «В молодом сибирском городе Ангарске», главного инженера Ангарского управления строительства А. Журавлева «Теснее содружество архитекторов и строителей»;

2) как правило, небольшие по объему массовые (что важно для воздействия на современное общество) издания советского периода – своеобразные «буклеты», с позиций сегодняшнего читателя ярко «передающие дух эпохи» (Тычинин, 1960; Тюменский самородок, 1974; Арсирий, 1984; Ангарск: годы и люди стройки, 1988; Колодный, 1991);

3) научно-практические труды советских авторов по тематике нового градостроительства и хозяйственного освоения на территории СССР (Хорев, 1968; Хорев, 1971; Фильшин, 1988);

4) отечественная исследовательская литература темы социально-демографического (Социальные проблемы новых городов..., 1971; Букин, 1979²; Букин, 1987³; Исупов, 2002; Исупов, 2021. С. 95–207) развития Сибири, позволяющая представить контекст жизни людей в новых городах и «фон» их исхода из прежних мест жительства, равно как и приоритетные мотивы государственных решений;

5) издания постсоветского периода по истории отдельных предприятий, отраслей, общественных организаций (Тепло и свет Ангарска, 2001; Гаврилова, 2000; Через годы, через расстояния, 2025);

6) постсоветские исследования на тему жилищной и градостроительной политики советского государства (Меерович, 2003; Рогачев, 2014) и примы-

¹ Ангарск: рекомендательный указатель литературы / сост. З.И. Постникова. Ангарск: Ангарская центральная городская библиотека им. М. Горького, 1975. 117 с.; Ангарск. Вып. 2: рекомендательный библиографический указатель / сост. Т.Н. Егорова. Ангарск: Ангарская Центральная городская библиотека, 1992. 182 с.

² Букин С.С. Рост материального благосостояния рабочих Западной Сибири в период построения развитого социалистического общества (1946–1958 гг.): дис... на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Новосибирск, 1979. 335 с.

³ Букин С.С. Повышение уровня жизни рабочего класса Сибири в годы упрочения и развития социализма (1946–1960 г.).: дис... на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. Новосибирск, 1987. 594 с.

кающие, или, если угодно, проблемно «смежные» работы по истории отечественной повседневности (Лебина, 2024). «Относительно программы индустриализации жилища использовалось для прикрепления населения к месту работы...; относительно последствий коллективизации – в качестве своеобразного фильтра раскрестянного населения... Строящиеся социалистические города аккумулировали «новый пролетариат»; в них он размещался и обеспечивался жилищем, которое в этом случае в первую очередь являлось важной частью «планового государственного распределения» (Меерович, 2003. С. 6–7). Современные исследователи в лице Н.С. Байкалова, А.С. Бреславского и многих других активно изучают развитие городских поселений Сибири и Дальнего Востока (Байкалов, 2022).

Дореволюционное прошлое территории

Обратимся к истории побережья реки Китой. В XVII веке в состав небольшой этнотерриториальной группы китойских бурят входили племена: сайгут, хойхо, шошолог, хурхуд, хатагин, тайшуд, урянхай. Все они кочевали по долине Китой, занимаясь скотоводством.

С вхождением Восточной Сибири в состав Российского государства в середине XVII века первым путем сообщения выступала река Ангара. С 30-х годов XVIII века упоминается летняя дорога из Иркутска по левому берегу Ангары через дом Иркутского Вознесенского монастыря на р. Китой на основанную в 1731 г. и построенную к 1736 г. Тельминскую суконную фабрику.

«Московский» или «Главный Сибирский» тракт, близкий по направлению к современной трассе Р-255 «Сибирь», начинает заселяться (в т. ч. и принудительным переводом) крестьянами для содержания почтовых станций с 1743 г. и активно использоваться с 1749 г. В зимний период почта из Санкт-Петербурга в Иркутск доставлялась за 34 дня, летом – медленнее.

В 1807–1815 гг. в селе Биликтуй на смену деревянной была построена каменная церковь Рождества Христова, к ней была приписана Архангельская церковь в с. Суховском и часовня в выселке Усть-Китой. В селе Китой, не позднее, чем с 1706 г., существовал деревянный храм во имя Рождества Христова, неоднократно отстраивавшийся после пожаров. К его приходу была приписана церковь

с. Архиреевка во имя Иннокентия, епископа Иркутского и Софония, патриарха Иерусалимского.

От Томска до Иркутска в течение конца XVIII–XIX веков ежегодно доставлялось 4 млн пудов (64 000 тонн) грузов на 80 000–100 000 повозках, телегах, санях. Особое значение имели перевозки на запад России китайского шелка и чая. Также тракт использовался для этапирования арестантов. Прилегающий к Китой участок во второй четверти XIX века был в ведении Биликтуйской этапной команды, а затем до конца позапрошлого столетия – Суховской конвойной команды. В окрестностях будущего Ангарска располагалась почтовая станция Биликтуйевская (в одноименном селе, основанном в 1720 г.). Через Китой переправлялись на карбазах. В середине XIX века почтовая станция перенесена в Тельму. Непрямое извилистое начертание одной из первых улиц Ангарска – Московской – условная архитектурная дань старому тракту.

На 1887 г. в селе Биликтуй проживал 981 человек, в селе Китой (ныне Старый Китой) – 521 человек, в селе Суховском – 208. В начале XX века Суховская волость разделилась на несколько волостей. Железная дорога от Красноярска до Иркутска в однопутном варианте была построена в 1894–1898 гг., второй путь сооружен в 1908–1909 гг.

На весну 1917 г. окрестности будущего Ангарска составляли три волости Иркутского уезда: Биликтуйская (населенная преимущественно русскими старожилами), Нижне-Китойская (населенная на 80 % бурятами и в начале XX века именовавшаяся Китойским инородческим ведомством), Верхне-Китойская (Романовская) (населенная практически исключительно переселенцами 1899–1916 гг. из Европейской России). Население соответственно – 590 дворов и 3109 жителей, 260 и 1336, 336 и 1975. Удобной земли в наделном владении было соответственно 5232, 1449 и 1544 десятины. В среднем больше половины составляла пашня, остальное – сенокосы. Суммарное поголовье скота в трех волостях достигало 8679 голов (Итоги предварительного подсчета..., 1919. С. 148–175)⁴.

⁴ Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 г. по Иркутской губернии / под ред. К.Н. Миротворцева. Иркутск : Тип. штаба Иркутского военного округа, 1919. 520 с.

Территория в период Великой Отечественной войны

В 1941–1945 гг. территория, на которой началось строительство рабочего поселка, а затем и города, входила преимущественно в Усольский район (правый и левый берег Китоя) и небольшой частью в Иркутский район (станция Суховская и село Савватеевка) Иркутской области.

Колхозы Усольского района: «8-е марта», имени Калинина, «Ленинский путь», «Возрождение нацмен» (национальных меньшинств), имени 1040 МТС (такое количество машинно-тракторных станций было открыто по всему СССР к 1931 г.), обслуживались Большееланской МТС и добросовестно снабжали Красную армию и города СССР продовольствием. Колхозники стойко преодолевали многочисленные трудности военных лет: нехватку техники, запасных частей и горючего, вынужденное нарушение агротехники и т. п. В течение всей войны срывались планы тракторных работ, пришлось расширять тягловое использование лошадей, а порой и коров. Мобилизация в армию, в промышленность, в школы и училища трудовых резервов сократила на 20 % численность сельского населения, причем его наиболее трудоспособной части. Женщин и подростков пришлось обучать работе на тракторах и других машинах. Руководящие кадры находились под постоянной угрозой суда за невыполнение заданий по хлебосдаче, по госпоставкам. Расцвели пышным цветом администрирование и грубые начальственные окрики. Крестьянские семьи пообносились, жилые постройки обветшали. Несмотря на материально-бытовые сложности, жители пригородных сел предоставили приют семьям эвакуированных из западных районов СССР. Буквально отрывая от себя, каждый колхоз выделял помощь районам, освобожденным от немецкой оккупации.

Заготовки леса вели Широкопадский и Моргудейский механизированные лесопункты с привлечением колхозников с лошадьми в рамках гужевой повинности. Работы велись преимущественно зимой по долине и притокам Китоя, весной проводился (силами Китойской сплавной конторы) молевой сплав по Китою с погрузкой бревен в поезда на станции Китой. Китойский лесозавод занимался лесопилением. Работу объединял Восточно-Сибирский государственный лесозаготовительный трест («Востсиблес») с конторой в Иркутске.

Особую значимость имела переброска по Транссибу части дивизий Забайкальского и Дальне-

восточного фронтов в 1941–1943 гг. в западную часть СССР, равно как и масштабная передислокация советских войск на восток накануне Советско-японской войны 1945 г. Сибирские, забайкальские и дальневосточные дивизии покрыли себя неувядаемой ратной славой.

Великая Отечественная война нашла значительное отражение в городской топонимике. Распоряжениями властей преимущественно от 12 октября 1951 г. улицы Ангарска получили наименования: Гвардейская, Смоленская, Краснофлотская, Кожедуба, Покрышкина, Победы, Мира, Ворошилова, Зои Космодемьянской, 2-я улица Зои Космодемьянской (одноименные улицы разделены сквером «Пионер»), Матросова, Героев Краснодона, Олега Кошевого.

В августе 2005 г. один из переулков Ангарска назван по фамилии летчика-штурмовика Героя Советского Союза (звание присвоено 26 октября 1944 г.) Павла Васильевича Егорова (1914–1989), после увольнения в запас в 1959 г. проживавшего в Иркутске, затем в Ангарске. На доме, где он жил, установлена мемориальная доска.

Косов Анатолий Васильевич (1916–2002) – полный Кавалер Ордена Славы, старший сержант запаса, слесарь Ангарского нефтехимического комбината. На пятиэтажке, где он проживал в Ангарске, установлена мемориальная доска. Также в 19-м микрорайоне есть проезд его имени.

До призыва в армию в 1942 г. работал на лесосплаве на р. Китой Василий Иванович Долгополов (1906–1953). Старший сержант был удостоен звания Героя Советского Союза 24 марта 1945 г. за мужество и героизм, проявленные при форсировании Днепра 27 июня 1943 г.

В 1967 г. при Дворце пионеров города Ангарска подполковник И.Н. Пурас (1912–1999) создал кружок юных друзей Советской армии (ЮДСА), ежегодно в течение 24 лет совершавших походы по местам боев. 8 мая 1968 г. была открыта экспозиция, посвященная молодогвардейцам, героям оккупированного Краснодона, боровшимся с немцами. 1 сентября 1990 г. Музей Победы получил специально построенное трехэтажное здание (микрорайон 12а, дом 15а). Экспозицию составляют фотографии, личные вещи ангарчан и оружие, обнаруженное на полях сражений членами поисковых отрядов. В парке рядом с музеем выставлена военная техника: истребитель Миг-23БН, гаубица М-30, две пушки ЗИС-3, танк Т-54.

27 мая 2017 г. на южном входе в Парк Строителей открыт монумент воинам-победителям, первостроителям Ангарска – бронзовая композиция из трех мужчин и одной женщины в военной форме со строительными инструментами (автор – Е. Ставский). Вместе с постаментом высота мемориала около 4 метров.

От поселка к городу

Летом 1945 г. комиссия под руководством Н.И. Ярополова (о нем отдельно см. далее) выбрала площадку для строительства комбината искусственного жидкого топлива, чье оборудование демонтировалось в Германии в рамках репараций. 15 октября 1945 г. прибыли первые 13 строителей, соорудившие первые землянки на улице, неофициально названной ими «Октябрьской» (название утверждено в 1951 г.). Местом выгрузки прибывающего оборудования выступали станции Китой и Суховская, также сохранились достоверные предания первожителей о выгрузке вывезенного из Германии оборудования прямо с главного хода Транссиба. Пассажиры прибывали на строительство через станцию Китой. Первые жилые дома у главного хода Транссиба образовали к весне 1946 г. поселок Майск. В Майске до 1961 г. останавливались пассажирские поезда, и функционировал небольшой каменный одноэтажный вокзал, снесенный в июне 2014 г.

Для обеспечения же практически всего нового промышленного и городского строительства в Иркутской области с 1945 г. была расширена сеть исправительно-трудовых лагерей и колоний. Создание Ангарска есть результат труда десятков тысяч заключенных КитойЛАГа (в 1948–1953 гг. ИТЛ строительства комбината № 16) (Система исправительно-трудовых лагерей..., 1998. С. 293, 407–408)⁵. Контингент менялся, к началу 1951 г. составлял 38640 чел., а максимальная численность через год – к началу 1952 г. достигла 58768 чел. (Афанасов, 2009. С. 164), в том числе свыше 2500 женщин. Первым и самым запоминающимся впечатлением от рождающегося Ангарска рубежа 1940–1950-х гг. – «колючая проволока и лай овчарок», колонны заключенных в телогрейках под военизированным конвоем. Это заключенные, находясь

в нечеловеческих условиях, с нуля создавали в тайге городскую среду (заводы, постоянное жилье, инфраструктуру) для будущих ангарчан. А на «подневольно» обжитое место охотнее переезжали люди, уже добровольно. Таким образом, в равной степени Ангарск и «Город, рожденный победой», и «Город, рожденный ГУЛАГом». И это не очернительство, а простая констатация основополагающих реалий «диктатуры пролетариата», ее вынужденной или сознательно предпочитаемой повседневной практики.

С апреля 1948 г. вдоль Октябрьской началось строительство каменных домов, недолго именовавшихся «Соцгородом». До середины 1950-х годов основные объемы работ по возведению промышленных и жилых объектов выполняли заключенные КитойЛАГа (строительное управление № 16 Исправительно-трудовых лагерей МВД во главе с генерал-лейтенантом С.Н. Бурдаковым). Они соорудили комбинаты № 16 и № 820, прокладывали шоссейные дороги и подъездные железнодорожные пути, обслуживали Ангарский завод железобетонных изделий, Майский бетонный комбинат, два алебастровых и три кирпичных завода, занимались жилым и коммунальным строительством, строили хлебозавод, городской холодильник, швейную и мебельную фабрики, военные объекты, трудились в совхозе «Усольский» и на лесозаготовках. Особо подчеркнем, что любые изменения в карательной политике зеркально точно отражались и на создаваемых ее структурами городах. Значительное освобождение заключенных после 1956 г. потребовало скорректировать подходы к организации строительства в Ангарске, шире внедрять механизацию.

Проектированием Ангарска занималась архитектурно-планировочная мастерская № 4 Ленинградского отделения Горстройпроекта. Непосредственное руководство разработкой планов застройки осуществляли архитекторы Е. Витенберг и Л. Тимофеев, инженер М. Зерницкая. Разработкой проектов также занимались архитекторы: А. Тарантул, И. Давыдов, Ф. Кирцидели, В. Ярошук, И. Левченко и инженер М. Смолич. Проектировщики привнесли, как считается, ноты «Северной столицы»: жесткая геометричная трассировка улиц, периметрально-фронтальные приемы построения кварталов.

Запланированный в 1945 г. к постройке рабочий поселок на 30000 человек воплотился в планировке и застройке периода 1949–1950 гг. северной части Ан-

⁵ Система исправительно-трудовых лагерей СССР, 1923–1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов. М. : Звенья, 1998. 597, [1] с.

гарска, первоначально именовавшейся «Соцгородом». Густая сеть улиц, ориентированных с севера на юг и с востока на запад, небольшие (до 4 гектаров) кварталы, застроенные преимущественно двухэтажными многоквартирными каменными домами (серии 204, 225, 228). Строительство началось с квартала № 1, примыкающего к берегу Китоля, с последующей комплексной застройкой на юго-восток – кварталов № 26, 36, 27 и 35 (Павличенков, 1958. С. 13–14). В густой тайге одна за другой возникали асфальтированные улицы (Набережная, переходящая в Московскую, Октябрьская). За 1949 г. было сдано 18570 кв. метров постоянного жилья. 30 мая 1951 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР рабочий поселок Ангарский был преобразован в город Ангарск областного подчинения. За 1951 г. введено в строй 158000 кв. метров жилья, а также здания техникума, 9 детских садов, 3 клуба, 6 медицинских учреждений, 6 бань и т. д. К 1953 г. к северу от жилой застройки появился «Сангородок» из комплекса больничных зданий (архитектор В. Ярошук).

Одно из общественных пространств старейшей части Ангарска – площадь пересечения улиц Олега Кошевого и Кирова, начала улиц Карла Маркса и Пушкина – площадь перед кинотеатром «Победа» и Ангарским нефтехимическим техникумом. Отсюда в 1960–1980-е гг. дважды в год (1 мая и 7 ноября) начинались демонстрации трудовых коллективов города по улице Карла Маркса к площади Ленина, где шествие приветствовало и поздравляло партийное и советское руководство. Площадь пересекают старейшие (движение торжественно открылось 27 ноября 1953 г. у остановки «Техникум») маршруты ангарского трамвая.

Кинотеатр «Победа» открылся в 1951 г. Здание на 350 зрительных мест построено по типовому проекту в классическом стиле – с портиком, двумя колоннами, богатой лепниной и широким невысоким крыльцом. Название закономерно отразило память о недавно одержанной Великой Победе. Перед крыльцом стояли статуи чуть выше роста человека на метровых постаментах: справа В.И. Ленина, слева И.В. Сталина (данные о судьбе последней разнятся, есть версия об утоплении в Китое после 1956 г.), За кинотеатром в 1953 г. был разбит сквер «Пионер».

Также в 1951 г. вступили в строй: комплекс зданий уже упоминавшегося техникума (искусственного

жидкого топлива и газа, с 1957 г. – строительного, с 1961 г. – политехнического): трехэтажный учебно-лабораторный корпус с красивыми классическими фронтонами, увенчанный смотровой площадкой и шпилем («старшим братом» шпиля на площади Ленина), два общежития, два жилых дома для педагогов, уютный парк и стадион, где проводились городские соревнования. Занятия в техникуме шли в три смены. В 1954 г. появился спортивный зал с несколькими секциями. К 1960 г. дневное отделение Ангарского техникума выпустило около 3000 человек, вечернее 398.

Южнее проспекта Кирова застройка велась укрупненными по площади кварталами (до 9 га) с сокращением сети жилых улиц. В 1955 г. завершена застройка на площади Ленина, а к концу следующего года южнее возведены кварталы 73, 74, 76, 106 и 107 (четырёхэтажные дома серии 11). Причем улица Горького стала своеобразным водоразделом, южнее которого дома по улице Карла Маркса вводились в эксплуатацию с устранениями «излишеств в проектировании и строительстве». Впереди Ангарск ждала эра «хрущевок», эпоха крупнопанельного типового домостроения, еще больших по площади кварталов и микрорайонов, не только прямых, но и сознательно (для живописной свободной планировки пространств) изогнутых улиц.

Подлинным центром начальной части Ангарска («Старого города») и административным и общественно-культурным центром всего города является площадь Ленина на пересечении улиц (первоначально проспектов) Ленина и Карла Маркса (до 1961 г. Сталина). К северу от площади расположен один из архитектурных символов Ангарска – «Дом связи» – трехэтажное здание почтамта, дополненное во внешнем углу четырехэтажной квадратной башней с часами (с 1972 г.) с 12 колоннами и острым шпилем. На вершине шпиля – пятиконечная звезда в обрамлении колосьев. Архитекторы здания А. Тарантул и М. Шейнкин выполнили его похожим на Адмиралтейство в Санкт-Петербурге.

С запада площадь Ленина обрамляют здания Дворца культуры нефтехимиков (архитекторы А. Тарантул и И. Давыдов) и городской библиотеки (А. Тарантул, И. Давыдов, И. Левченко), с юга – здание Горсовета (А. Тарантул и И. Давыдов), с востока – два четырехэтажных жилых дома (А. Тарантул, Ю. Романов, А. Хабенский). Пять указанных зданий

построены в 1955 г. (Павличенков, 1958. С. 15). За Дворцом культуры нефтехимиков, к западу от него, в 1956 г. благоустроен городской сад. Сохраненный массив соснового леса был дополнен саженцами различных пород.

На восточном отрезке улицы Ленина были построены два жилых дома (архитекторы Е. Витенберг, А. Тимофеев, А. Тарантул) с четырьмя колоннами у каждого, именуемые «Ангарскими воротами». Дополнением колонн стала лепнина в виде снопов. Эта пара зданий с ажурными арками и светлыми фасадами стала визитной карточкой города. В их створе на расстоянии 1,5 км находится железнодорожный вокзал.

В центре же площади – памятник В.И. Ленину, открытый 22 апреля 1961 г. (к 91-й годовщине со дня рождения). Авторы: академик В.И. Ингал, профессора И.А. Сыроежкин и М.П. Щеглов, архитекторы А. Тарантул, И. Давыдов. Бронзовая фигура установлена на мраморном постаменте. Общая высота 14 метров.

Основу же постоянного населения Ангарска составили приехавшие со всей страны добровольцы-строители, а также часть заключенных, оставшихся здесь после освобождения. С 1957 по 1987 г. Ангарск динамично развивался, а его население удвоилось. Оптимизм в оценке перспектив дальнейшего роста города отразил характерный архивный документ (рис. 1). Планы широко тиражировать градостроительный успех Ангарска в других частях Восточной Сибири (Джишкариани, Петухова, 1958) в полной мере воплощения не нашли.

В послевоенный период Ангарск – наиболее благоустроенный город Восточной Сибири, строившийся с учетом новейших градостроительных подходов. Город застраивался комплексно, по менявшимся, но четким планам. Ангарчане искренне любили и гордились росчерком улиц и площадей, спроектированных ленинградскими архитекторами. Продуманна и живописна рядовая жилая застройка. Внутри кварталов, а затем и микрорайонов сохранялись участки хвойного леса.

К началу 1970-х гг. в Ангарске было 12 дворцов культуры и клубов, 7 кинотеатров, 17 больниц и диспансеров, 23 библиотеки, 132 детских учреждения, стадион «Ангара» на 10000 мест, плавательный бассейн. Широко применялось крупнопанельное строительство. Ангарск отличало хорошее товарное

снабжение и высокая обеспеченность – 8 кв. метров на человека (Грушко, 1972. С. 38)⁶.

Во времена СССР Ангарск – крупнейший (в Советской Азии протяженностью вдоль Ангары почти на 30 км) промышленный центр восточных регионов, имеющий огромное геополитическое значение в области глубокой переработки нефти (Ангарский нефтехимический комбинат) и обогащения урана (Ангарский электролизный химический комбинат); важнейший (самый восточный) пункт перевалки нефти с трубопроводного транспорта на железнодорожный (станция Суховская); опорная материальная и кадровая база (Ангарское управление строительства или АУС-16) сооружения в 1960–1980-х гг. для других промышленных объектов и городов в Восточной Сибири; мощный энергетический узел (Иркутские ТЭЦ-9 (с участком № 1 на ТЭЦ-1) и ТЭЦ-10 в 540 (+79) и 1100 мегаватт установленной мощности соответственно).

Нефтехимический комбинат получал нефть из Башкирии и Тюменской области и вырабатывал бензин, дизельное топливо, смазочные масла, метанол, различные удобрения. Активно функционировали Ангарский цементный завод, Ангарский керамический завод, Ангарский электромеханический завод, Ангарская швейная фабрика, объединение «Китойлес», завод Белково-витаминных концентратов. Последние три предприятия в постсоветский период прекратили существование, остальные успешно работают.

С 1960 г. в Ангарске действовал вечерний факультет (с 1965 г. Ангарский филиал) Иркутского политехнического института. С 1991 г. это Ангарский (с 1997 г. государственный) технологический институт (завод-втуз), переименованный в 2000 г. в Ангарскую государственную техническую академию, а в 2015 г. ставшую одноименным университетом.

Многokrato отмечались трудовые достижения Ангарска. Так, 18 мая 1971 г. город был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Этого же ордена в разное время были удостоены пять крупнейших предприятий города, а 14 ангарчан за высокие достижения в труде – звания Героя Социалистического труда.

⁶ Грушко Я.М. На теплоходах по рекам Прибайкалья. Путеводитель. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1972. 173, [2] с.

АНГАРСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

МАЛЫЙ СОВЕТ

РЕШЕНИЕ

от 26.05.92г.

г. Ангарск

№ 111
"Об отводе земли на левом берегу р.Китой в соответствии с генпланом г. Ангарска".

Совет Министров РСФСР Постановлением от 27 июля 1979г. № 393 утвердил генеральный план застройки г. Ангарска. Согласно генплана расширение площади земель городской застройки с 6,9 тыс га до 10,5 тыс.га предусматривалось за счет использования свободных территорий на правом и левом берегах р.Китой. Начало освоения левого берега предусматривалось генпланом в 1989г. Территория для развития города за пределами расчетного срока резервировалась только на левом берегу р.Китой.

При утверждении проекта городской черты Постановлением Совета Министров РСФСР от 30 ноября 1982г. № 609 были отведены земли на правом берегу р.Китой.

На сегодняшний день резервные территории для строительства жилья на правом берегу Китой фактически исчерпаны. Вместе с тем, потребности в территориях под жилье резко возросли по причинам:

1. Необходимости выноса поселков общей численностью 13 тыс. жителей из сан.зона промпредприятий.
 2. Большой потребности населения города в жилой площади (очередь 30 тыс. человек).
 3. Полного отсутствия территорий для индивидуального строительства.
 4. Необходимости решения проблемы формирования зеленых зон массового отдыха.
- Ангарский горисполком провел расоту по выбору площадок под индивидуальное жилье на левом (1 площадка) и на правом (4 площадки) берегах р.Китой за пределами городской черты. Все площадки оказались непригодными под поселки индивидуального

Зак. 378с

строительства.

Согласительная комиссия отказала городу в отводе новых площадок до освоения городом предусмотренных генпланом территорий на правом и левом берегах р.Китой.

Генплан территории р.Китой на правом берегу застроен и застроен с учетом обязательного перехода застройки города и его центра на левый берег. Зоны массового отдыха на островах Большой. Без этого общегородской центр Ангарска не получит своего завершения, т.к. лишится ряда необходимых зон: культурно-спортивной, массового отдыха, деловой и части торговой.

В настоящее время земли левого берега, принадлежащие Усольскому району, отводятся вопреки генплану под садоводства, что полностью лишает Ангарск перспектив развития.

Учитывая экологически бедственную ситуацию Ангарска, необходимость выполнения Указа Президента об индивидуальной застройке на основании земельного кодекса РСФСР и временного Положения о порядке изменения городской черты, Малый Совет РЕШИЛ:

Ходатайствовать перед областным Советом народных депутатов: 1. Об изъятии и передаче Ангарску земель левого берега реки Китой в границах, предусмотренных генпланом города.

2. О приостановке действия ранее выданных Усольским районом актов на землепользование под любые виды строительства и застройки новых отводов до оформления передачи земель Ангарску.

Председатель Горсовета

С.В.Руцков

Рис. 1. Решение Ангарского городского совета народных депутатов от 26 мая 1992 г.
Fig. 1. Decision of the Angarsk City Council of People's Deputies of May 26, 1992

В кадрах художественного фильма «Русский сувенир»

Этот музыкальный фильм-комедия режиссёра Григория Александрова вышел на экраны 27 июня 1960 г., но встретил острую критику и надолго «оказался на полке» (рис. 2). Трактовать его содержание наиболее целесообразно в таких предложенных Е.А. Добренко терминах как «сумерки сталинизма», «политика эстетики», «эстетика политики» и т. п. (Добренко, 2024. С. 29–39).

По сюжету художественной ленты, очень напоминающему сказку, на озере Байкал вынуждено приземляется двухвинтовой пассажирский самолет, следовавший из Москвы во Владивосток. Среди пассажиров: магистр теологии Джон Пиблс (актер Эраст Гарин), интересующийся «чем они (жители СССР) заменили Бога», американский миллионер Эдлай Скотт (Андрей Попов), озабоченный вопросом «можно ли Россию вернуть к капитализму», его секретарь Гомер Джонс (Павел Кадочников), итальянская «графиня» Пандора Монтези (Элина Быстрицкая) и доктор Адамс (Александр Барушной). Их спасителем и проводником выступает советский инженер Варвара Комарова (Любовь Орлова).

С экрана сыплются словесные штампы, которые там высмеиваются, продвигая идейные и материальные «преимущества социализма». Вынужденно, перейдя к путешествию по земле, герои фильма последовательно оказываются в бывшей тюрьме, превращенной в комфортную и хлебосольную базу для советских туристов, слушают арию в исполнении любителя – простого местного жителя, проезжают мимо строящейся Братской гидроэлектростанции, потрясенно наблюдают старт огромной ракеты на Луну, посещают новый город (с 55 по 59 минуты в фильме показаны кадры с улицами и зданиями Ангарска). Французский композитор Клод Жерар (актер – Валентин Гафт) перед входом во Дворец культуры нефтехимиков исполняет только что сочиненную песню «Ночи Сибири» со словами: «Прекрасная Сибирь, где роза на бетоне, Район как сувенир для всех друзей открыт, Ла-ла, Ла-ла, В тужурке богатырь, Мадонна в капюшоне, Как жаль, что был коротким мой визит....».

В финале «перевоспитавшийся» Скотт даёт интервью: «В России все не так как у нас. Вернее, все не как у нас. Храните деньги в сберегательной кассе. Здесь революция уже была, я спокоен за эти деньги». Комарова же проникновенно призывает к миру

Рис. 2. Афиша кинофильма «Русский сувенир»
Fig. 2. Movie Poster “Russian Souvenir”

во всем мире на фоне фресок Георгия Победоносца. Советская критика назвала «Русский сувенир» бессюжетным, идейно слабым, поверхностным, пропагандирующим вредные «архитектурные излишества в строительстве в период культа личности Сталина». Незавидная судьба фильма отразила одно из нескольких резких изменений внутриполитического курса СССР с соответствующими изменениями эстетики во всех видах массового искусства и культуры.

Николай Иванович Ярополов

Первым директором Ангарского химического комбината (1945–1952), затем до 1957 г. его главным инженером был Николай Иванович Ярополов (рис. 3).

Он родился в Архангельской губернии в 1907 г. Рано остался без родителей, работал с 12 лет. В 1934 г. с отличием окончил Томский индустриальный институт. Работал в Кемерово на заводе полукоксования, затем главным инженером опытного топливного завода № 274 у с. Макарьево (на Ангаре).

В начальный период Великой Отечественной войны Ярополов заведовал промышленным отделом Иркутского обкома ВКП(б). В Иркутске 7 марта 1943 г. выступил с докладом на первой научно-технической конференции о путях развития производства искус-

ственного топлива. В 1944 г. был направлен директором на строящийся завод № 5 в Москве. В марте 1945 г. получил приказ выехать в составе спецгруппы М.Ю. Непомнящего в тогда германский город Блеххаммер (Blechhammer) (ныне Блаховния в Польше), на завод по производству жидкого топлива фирмы Обершлезише гидрирерверке. Его оборудование общим весом 140000 тонн передавалось Советскому Союзу в счет репараций (возмещения ущерба). Обосновал целесообразность размещения химического комбината на площадке между Китоем, Ангарой и Транссибирской магистралью. Руководил разработкой технического плана пуска предприятия, отладил переработку угля в синтетическое моторное топливо. Первый метанол получен 14 апреля 1954 г. Рост добычи нефти в СССР позволил перевести Ангарский комбинат на переработку нефти. Успешно разрабатывал проекты производства удобрений.

С октября 1957 г. – заместитель председателя Иркутского Совнархоза, с ноября 1961 г. работал в плановых органах. Активно участвовал в общественно-политической жизни. С 1964 г. заведующий кафедрой технологии органического синтеза Иркутского политехнического института. Автор 116 научных трудов и изобретений.

Через год после смерти Ярополова – в 1968 г. в Ангарске в его честь назван переулок, установлена мемориальная доска. Действует постоянная экспозиция в музее АНХК. В 2020 г. в парке ДК «Нефтехимик» Ярополову открыт памятник, а кафедре химической технологии Иркутского национального исследовательского технического университета присвоено его имя.

Использование труда заключенных на строительстве предприятий и городской инфраструктуры в СССР формально снижало затраты на рабочую силу. Вместе с тем практики подневольного труда не добавляли здоровья, социального оптимизма и личной самореализации существенной (буквально осужденной) части советского населения, понесшего огромные демографические потери в Великой Отечественной войне. Общая «расточительность» в первую очередь в отношении собственных граждан и во вторую – к материальным ресурсам в сочетании с частой непоследовательностью в общегосударственном планировании многократно усиливала

Рис. 3. Н.И. Ярополов
Fig. 3. N.I. Yaropolov

минусы мобилизационных подходов. Централизация ресурсов оказывала дополнительное неоднозначное влияние на результаты хозяйственного освоения, особенно в его непроверяемой и трудно ревизуемой стадии «вложений». Эти перечисленные издержки административно-командной системы не

предусмотрено и внепланово не столько отменяли, сколько значительно ограничивали, «приземляли» зримое самобытное материальное основание и дальнейшую судьбу «больших» советских строек, таких как Ангарск, представленных и рожденных Победой.

Список источников

Ангарск: годы и люди стройки 1948–1988 / Ангарское управление строительства. Иркутск: Шелеховская городская типография, 1988. 32 с.

Арсирый В. Этaжи на Ангаре: Очерки. М.: Детская литература, 1984. 95 с.

Афанасов О.В. Лагерные учреждения в промышленном развитии Иркутской области (конец 1940-х – начало 1960-х г.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2009. С. 162–164. EDN: TLBBJD.

Байкалов Н.С. Последняя стройка социализма: исторический опыт позднесоветской модернизации районов Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2022. 329 с.

Гаврилова Н. Они создавали гиганты в Сибири. Зима: Центр печати, 2000. 324 с.

Добренко Е.А. Поздний сталинизм: эстетика политики. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2024. Т. 1. 704, [3] с.

Джишкарини П., Петухова А. Братская районная планировка // Архитектура СССР. 1958. № 9. С. 22–24.

Исупов В.А. Демографическая политика сталинского правительства. Конец 1920-х – 1940-е гг. // Урал и Сибирь в сталинской политике: сб. статей. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 31–45. EDN: Q1CAUX.

Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Формирование и использование людских ресурсов Западной Сибири в период Второй мировой войны. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: DirectMEDIA; Берлин: [б. и.], 2021. 394, [2] с.

Колодный Л.Е. Москва у нас одна. М.: Политиздат, 1991. 238, [2] с.

Кузнецов И.И. Страницы жизни историка. Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. 315 с.

Лебина Н.Б. Хрущевка: советское и нессоветское в пространстве повседневности. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 424 с. EDN: IYSTFY.

Меерович М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917–1940 годах) // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 5–66. EDN: HYRTDT.

Павличенков В.И. Ангарск. Планировка и застройка города / под ред. П.А. Володина. М.: Госстройиздат, 1958. 113 с.

Социальные проблемы новых городов Восточной Сибири: сб. статей / отв. ред. Г.И. Мельников. Иркутск: [б.и.], 1971. Вып. 1. 194 с.

Рогачев А.В. Москва. Великие стройки социализма. М.: Центрполиграф, 2014. 476, [1] с.

References

(1988) Angarsk: the years and people of construction (Angarsk Construction Department). 1948-1988. Irkutsk: Shelekhovskaya gorodskaya tipografiya. 32 p. (In Russ.).

Arsirii V. (1984) Floors on the Hangar: Essays. Moscow: Detskaya literatura. 95 p. (In Russ.).

Afanasov O.V. (2009) Camp institutions in the industrial development of the Irkutsk region (late 1940s - early 1960s). *Irkutsk Historical and Economic Yearbook. 2009.* P. 162-164. (In Russ.). EDN: TLBBJD.

Baikalov N.S. (2022) The last construction of socialism: the historical experience of the late Soviet modernization of the Baikal-Amur railway. Ulan-Ude: Buryat State University. 329 p. (In Russ.).

Gavrilova N. (2000) They created giants in Siberia. Zima: Tsentr pechati. 324 p. (In Russ.).

Dobrenko E.A. (2024) Late Stalinism: aesthetics of politics. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. Vol. 1. 704, [3] p. (In Russ.).

Jishkariani P., Petukhova A. (1958) Bratsk district planning. *Architecture of the USSR.* No. 9. P. 22-24. (In Russ.).

Isupov V.A. (2002) Demographic policy of the Stalinist government. The end of the 1920s – 1940s. The Urals and Siberia in Stalinist politics. Collection of articles. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. P. 31-45. (In Russ.). EDN: Q1CAUX.

Isupov V.A. (2021) The main resource of Victory. Formation and use of human resources in Western Siberia during the Second World War. Moscow: Directmedia Publishing; Berlin. 394, [2] p. (In Russ.).

Kolodnyi L.E. (1991) We have one Moscow. Moscow: Politizdat. 238, [2] p. (In Russ.).

Kuznetsov I.I. (2001) Pages from the life of a historian. Ulan-Ude: Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks VSGAKI. 315 p. (In Russ.).

Lebina N.B. (2024) Khrushchev building: Soviet and non-Soviet in the space of everyday life. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 424 p. (In Russ.). EDN: IYSTFY.

Meerovich M.G. (2003) Power and housing (housing policy in the USSR in 1917-1940). *Bulletin of Eurasia.* No. 1. P. 5-66. (In Russ.). EDN: HYRTDT.

Pavlichenkov V.I. (1958) Angarsk. The layout and development of the city. Moscow: Gosstroyizdat. 113 p. (In Russ.).

Mel'nikov G.I. (1971) Social problems of new cities in Eastern Siberia. Collection of articles. Irkutsk. Iss. 1. 194 p. (In Russ.).

Rogachev A.V. (2014) Moscow. The Great buildings of socialism. Moscow: Tsentrpoligraf, 476, [1] p. (In Russ.).

Тепло и свет Ангарска : сб. статей к 50-летию г. Ангарска / редкол.: Мотыгина С. А. и др. Иркутск : Оттиск, 2001. 170, [1] с.

Тычинин В.В. Ангарск. Иркутск : Кн. изд-во, 1960. 66 с.

Тюменский самородок / сост. А.А. Нежданов, Н.В. Димчевский. М. : Советская Россия, 1974. 327 с.

Фильшин Г.И. Экономика Приангарья: проблемы и перспективы. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1988. 208 с.

Хайрюзов В.Н. Последний первый: Документально-художественное повествование. Иркутск : Сибирская книга, 2009. 263 с.

Хорев Б.С. Городские поселения СССР (проблемы роста и их изучение): Очерки географии расселения. М. : Мысль, 1968. 256 с.

Хорев Б.С. Проблемы городов. Экономико-географическое исследование городского расселения в СССР. М. : Мысль, 1971. 413 с.

Через годы, через расстояния: Хроника Иркутского комсомола. 1920–2025 г. / авт.-сост.: А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, П.А. Новиков. Иркутск : Оттиск, 2025. 804 с.

Черняев П., Иоффе Л., Тараторин В., Гизатулин Х., Марьясин Г. Опыт жилищного строительства города Ангарска. Иркутск : Ирк. кн. изд-во, 1956. 115 с.

Шквариков В., Смоляр Н. В.И. Ленин и развитие социалистического градостроительства // Архитектура СССР. 1969. № 9. С. 35–38.

(2001) Heat and light of Angarsk. Collection of articles dedicated to the 50th anniversary of Angarsk. Irkutsk: Ottisk. 170, [1] p. (In Russ.).

Tychinin V.V. (1960) Angarsk. Irkutsk: Kn. izd-vo. 66 p. (In Russ.).

Nezhdanov A.A., Dimchevskii N.V. (1974) The Tyumen nugget. Moscow: Sovetskaya Rossiya. 327 p. (In Russ.).

Fil'shin G.I. (1988) Economics of the Angara region: problems and prospects. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 208 p. (In Russ.).

Khairyuzov V.N. (2009) The last first: Documentary and artistic narration. Irkutsk: Sibirskaya kniga. 263 p. (In Russ.).

Khorev B.S. (1968) Urban settlements in the USSR (problems of growth and their study): Essays on the geography of settlement. Moscow: Mysl'. 256 p. (In Russ.).

Khorev B.S. (1971) Problems of cities. Economic and geographical study of the urban population in the USSR. Moscow: Mysl'. 413 p. (In Russ.).

Ivanov A.A., Kuznetsov S.I., Novikov P.A. (2025) Through the years, through the distances: Chronicle of the Irkutsk Komsomol. 1920-2025. Irkutsk: Ottisk. 804 p. (In Russ.).

Chernyaev P., Ioffe L., Taratorin V., Gizatulin X., Mar'yasin G. (1956) Experience of housing construction in the city of Angarsk. Irkutsk: Publishing House. 115 p. (In Russ.).

Shkvarikov V., Smolyar N. (1969) V.I. Lenin and the development of socialist urban planning. *Architecture of the USSR*. No. 9. P. 35-38. (In Russ.).

Информация об авторах

Новикова Татьяна Михайловна,

кандидат исторических наук, независимый исследователь,
664082, г. Иркутск, Россия,
e-mail: novik_t77@mail.ru

Павлович Сергей Леонардович,

полковник, кандидат исторических наук, доцент кафедры управления повседневной деятельностью ракетных войск и артиллерии,
Михайловская военная артиллерийская академия,
195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22, Россия,
e-mail: pavluscha69@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2025 г.; одобрена после рецензирования 9 апреля 2025 г.; принята к публикации 21 апреля 2025 г.

Information about the authors

Tatiana M. Novikova,

Cand. Sci. (History), independent researcher,
Irkutsk 664082, Russia,
e-mail: novik_t77@mail.ru

Sergey L. Pavlovich,

Colonel, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Management of Daily Activities of Rocket Forces and Artillery,
Mikhailovsky Military Artillery Academy,
22, Komsomol St., St. Petersburg 195009, Russia,
e-mail: pavluscha69@mail.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 1, 2025; approved after reviewing April 9, 2025; accepted for publication April 21, 2025.

История

Научная статья
УДК 16
EDN: NQGXOP
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-203-212>

Логика в университетах России и СССР. Часть 2

А.И. Шафоростов^{1,2}, А.А. Мустафин^{3,4}

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

³ ФИЦ «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского СО РАН», Иркутск, Россия

⁴ Ангарская государственная техническая академия, Ангарск, Иркутская область, Россия

Аннотация. Рассматриваются социально-политические условия преподавания философии и логики в советских вузах в 1920–40-е годы, выделяется роль идеологизации и политизации в преподавании социально-гуманитарного знания. Идеологизация марксистско-ленинской философии является прямым следствием понимания философии основателями марксизма. Выделяются внешний и внутренний уровни политизации философии – первый как официально пропагандируемая значимость утверждения новой пролетарской философии, второй, скрытый, уровень политизации философии заключался в том, что философия в различных ее проявлениях оказалась втянутой в борьбу за власть. Показывается влияние установок В.И. Ленина на отношение к немарксистской философии и науке и превознесение роли диалектики Гегеля как основы новой, «анти-буржуазной» философии. Отмечается, что преподавание традиционной логики как университетской дисциплины в России и СССР на рубеже XIX–XX вв. претерпело серьезные изменения в силу не только социально-политических процессов, но и в результате переосмысления понимания природы логических законов и логического мышления, что было связано с прояснением оснований математики и развитием математической логики. Основным проблемным вопросом, определяющим отношение к традиционной логике в контексте формирования новой идейно-политической системы стал вопрос о соотношении диалектической логики и формальной логики. Если в двадцатые годы отношение к формальной логике было резко негативным, то постепенно ситуация изменяется на фоне отсутствия достаточно образованных на ученых, военных и технических кадров, осознается важность традиционной логики как «инструмента мышления». Итогом становится Постановление ЦК ВКП(б) о введении логики в среднюю школу, дается краткий анализ причин малой эффективности этого постановления.

Ключевые слова: преподавание логики, идеологизация и политизация советской философии, формальная логика, законы логики, диалектическая логика, математическая логика, учебники по логике, защита докторских диссертаций в СССР, введение логики в школу

Для цитирования: Шафоростов А.И., Мустафин А.А. Логика в университетах России и СССР. Часть 2 // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 203–212. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-203-212. EDN: NQGXOP.

History

Original article

Logic in the universities of Russia and the USSR. Part 2

Alexander I. Shaforostov^{1,2}, Alkhas A. Mustafin^{3,4}

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

³ Federal Research Center “Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky SB RAS”, Irkutsk, Russia

⁴ Angarsk State Technical Academy, Angarsk, Irkutsk Region, Russia

Abstract. The article examines the socio-political conditions of teaching philosophy and logic in Soviet universities in the 1920s and 40s, highlights the role of ideologization and politicization in teaching social and humanitarian knowledge. The ideology of Marxist-Leninist philosophy is a direct consequence of the understanding of philosophy by the founders of Marxism. There are

external and internal levels of politicization of philosophy. The first is the officially propagandized importance of the establishment of a new proletarian philosophy, the second, hidden, level of politicization of philosophy was that philosophy in its various manifestations was involved in the struggle for power. The influence of V.I. Lenin's attitudes towards non-Marxist philosophy and science and the exaltation of the role of Hegel's dialectic as the basis of a new, "anti-bourgeois" philosophy are shown. It is noted that the teaching of traditional logic as a university discipline in Russia and the USSR at the turn of the 19th and 20th centuries underwent serious changes due not only to socio-political processes, but also as a result of a rethinking of the understanding of the nature of logical laws and logical thinking, which was associated with the clarification of the foundations of mathematics and the development of mathematical logic. The main problematic issue determining the attitude to traditional logic in the context of the formation of a new ideological and political system is the question of the relationship between dialectical logic and formal logic. If in the 1920s the attitude towards formal logic was sharply negative, then the situation is gradually changing, against the background of the lack of sufficiently educated scientific, military and technical personnel, the importance of traditional logic as a "thinking tool" is realized. The result is the formation of the Central Committee of the CPSU(b) on the introduction of logic in secondary schools, a brief analysis of the reasons for the low effectiveness of this resolution is given.

Keywords: teaching logic, ideologization and politicization of Soviet philosophy, formal logic, the laws of logic, dialectical logic, mathematical logic, textbooks on logic, defense of doctoral dissertations in the USSR, introduction of logic to school

For citation: Shaforostov A.I., Mustafin A.A. (2025) Logic in the universities of Russia and the USSR. Part 2. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 203-212. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-203-212. EDN: NQGXP.

Рассмотрев основные моменты формирования логики как учебной дисциплины (прежде всего, университетской) в России¹, обратимся к вопросу о том, чем было обусловлено принятие Постановления ЦК ВКП(б) «О преподавании логики и психологии в средней школе» от 3 декабря 1946 года.

Прежде чем говорить о непосредственных условиях и причинах принятия этого постановления, то есть о ситуации с преподаванием логики в 40-х годах прошлого века, стоит попытаться увидеть более широкую историческую перспективу формирования практики преподавания философских дисциплин в советских вузах, начиная с 20-х годов.

Важнейшим фактором, определяющим место философии не только в образовании и науке, но и в целом в жизни формирующегося советского общества – явились ее политизация и идеологизация. Философия в советском государстве должна быть партийной и выражать интересы рабочего класса. В декрете Совета народных комиссаров за подписью В.И. Ленина от 19 ноября 1920 года отмечалась «крайняя устарелость учебных планов, программ и методов преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР, а также совершенная непригодность этого преподавания к основным потребностям советского строительства»².

Идеологизация марксистско-ленинской философии является прямым следствием понимания философии основателями марксизма. Одно из наиболее ярких и известных выражений нового понимания природы и роли философии представлено в знаменитом 11-м тезисе о Фейербахе: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить» (Маркс, 1955. С. 4). По своей сути этот «тезис с необходимостью вел по пути трансформации философии в идеологию»³. Ядром идеологии марксизма становится материализм. Материализм как философское учение имеет богатую историю, представлен в работах известных мыслителей и включает в свой арсенал достаточное число весомых аргументов, позволяющих признать материализм важным фактором философского осмысления мира. Но признание материализма «единственно верным учением» фактически лишило его статуса философского учения, так как философия по своей сути всегда есть проблематизация и мир, и способ его осмысления. Запрет на критику основных положений материализма и фактическое отождествление материализма и марксизма привели к формированию жесткого догматизма в философии.

К этому добавилась политизация философии. Здесь можно выделить два уровня политизации.

¹ См. Шафоростов А.И. Логика в университетах Российской империи // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 2. С. 104–112.

² Декрет Совета Народных Комиссаров. О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР 19 ноября 1920 года // Распублцирован в

№ 272 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 3 декабря 1920 года. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350050#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения 15.02.2025).

³ Соколов В.В. Философия как история философии. М.: Академический Проект, 2010. 842, [1] с. С. 786.

Первый, официальный, открыто выражаемый, связан с утверждением тезиса о том, что именно пролетариат является наиболее активной силой исторического процесса, а диалектика (взятая у Гегеля и творчески переработанная марксизмом) становится определяющим фактором, формирующим самосознание пролетариата. В итоге настоящая философия – та самая, которая должна изменить мир, – должна быть философией пролетариата. В идеале такая философия создается пролетариатом, создается на языке, доступном и понятном пролетариату, и создается для пролетариата. Отсюда, собственно, и следует отмеченная в декрете Совнаркома непригодность дореволюционного преподавания философии в вузах.

Второй, скрытый уровень политизации философии заключался в том, что философия в различных ее проявлениях (преподавание, подготовка учебников, написание статей и книг) оказалась втянутой в борьбу за власть. Одним из критериев, которому надо было соответствовать партийному активисту любого уровня, – стало принятие в качестве обязательной к прочтению, цитированию и использованию в пропаганде работы В. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Книга, написанная Лениным в период относительного политического затишья (1909 г.) и формально направленная на анализ и критику одного из многих философских направлений, возникших в Европе на рубеже веков, стала настольной книгой каждого коммуниста в послеоктябрьский период.

Фактически же связь этих уровней политизации философии (или, на официальном языке, ее партийной принадлежности) выразилась в возникновении очень простого и в то же время такого очень мощного идеологического и политического оружия философии как обвинение оппонентов в буржуазности. Любые теоретические основания, логические построения, научные аргументы оказывались бессильными и не могли противостоять обвинению в беспартийности и буржуазности.

Логика в меньшей степени была втянута в идеологические и политические баталии участников философских дискуссий 20-х годов прошлого века. Но и здесь проявляли себя революционные изменения. Эти изменения касались как внешнего, политического и идеологического контекста преподавания логики, так и внутреннего, связанного с теми про-

цессами в самой логике, которые заявили о себе во второй половине века.

«Неофиты марксистско-ленинской диалектики связывали логику с метафизическим мышлением, свойственным буржуазному обществу» (Бажанов, 2007. С. 11). «Действительно, понимание в нашей стране очевидной успешности и респектабельности математической логики не означало вовсе респектабельности всего философского, что было связано с ней. Дело в том, что логика, будучи сущностью философии, являлась по определению ее существенной частью. И посему она несла в себе все опасности «буржуазной философии» (Целищев, 2021. С. 9).

Во второй половине XIX века традиционная формальная логика, восходящая к Аристотелю и являющаяся основным учебным курсом в течение столетий, подвергается пересмотру и дополнению. Основная причина в том, что формальная логика Аристотеля в качестве основного способа умозаключения использовала силлогизм, то есть дедуктивное по своей природе рассуждение. Развитие эмпирических наук требовало создание нового логического метода исследования, что привело к развитию индуктивной логики. В частности, английский исследователь Дж. Милль⁴ в 1843 г. издает «Систему логики» (оказавшую значительное влияние на понимание природы логического познания и мышления), в которой стремится истолковать законы логики как устойчивые ассоциации мышления, что во многом определило психологизацию логики. В частности, в течение длительного времени (до второй половины XX века) во многих европейских и российских университетах логика относилась к кафедре психологии.

Проблема заключалась в том, что логика в условиях активного развития научного познания мира (XIX век – это век двух глобальных научных революций) не могла оставаться только формальной. Формальная логика по определению отвлекается от содержательного аспекта научного исследования, ее интересует исключительно форма рассуждения. При этом силлогистика Аристотеля основывается на дедуктивном способе рассуждения, то есть принимает в качестве исходных истин *общие* поло-

⁴ Дж. Ст. Милль (1806–1873), никогда не преподававший в университете, был экономистом и политиком, автором ряда известных работ по философии, логике, политэкономии.

жения («все люди смертны»). В условиях успешного развития экспериментальной науки и технологической направленности многих исследований необходимо было переосмыслить статус и роль эмпирического (индуктивного) знания, а также ответить на вопрос – на чем основана уверенность в истинности общих положений? Поэтому назревает потребность переосмысления понимания природы логических законов и логического мышления.

Да, логика насчитывает тысячелетнюю историю, она является неотъемлемой частью философского и научного познания, но при этом предмет логики не имеет строгого однозначного определения. На вопрос – что изучает логика? – дается самый общий ответ: законы мышления. Но мышление имеет разные аспекты, включая и психологический, и философский (онтологический). Насколько точно мышление выражает работу сознания и насколько адекватно соотносено с реальностью? Каким законам подчиняется логическое мышление, каковы по своей природе сами логические законы? Вполне обосновано в середине XX века начинает возникать сомнение в правильности традиционного утверждения о том, что логика должна изучать законы мышления: «Неверно, что логика – наука о законах мышления... Логика имеет дело с мышлением не более, чем математика» (Лукаевич, 1959. С. 48). Делаются и такие радикальные заявления, что «еще в конце XIX в. было доказано: у логики вообще не может быть законов, поскольку она строится как произвольная аксиоматическая теория» (Шуман, 2004. С. 5).

Также во второй половине века возникает процесс переосмысления основ логики, одним из важнейших следствий которого стала *математизация логики*. Отношения логики и математики достаточно сложны. Важно то, что процесс построения и выяснения отношений логики и математики (это вопрос об основаниях и логики, и математики) каждая сторона имела свои интересы.

С одной стороны, логика обращалась к математике для того, чтобы выйти из-под влияния философии, и в итоге возникает *математическая логика*. С другой – математика обращается к логике для того, чтобы решить проблему обоснования математики. Вторая половина XIX века – время значительных изменений в математике, результатом которых стал кризис в основаниях математики (см.: Клайн, 1984). В итоге возникают три программы обоснования ма-

тематики – логицизм, интуиционизм и формализм. Согласно известному определению Р. Карнапа (1891–1970), логицизм – это точка зрения, «согласно которой математика сводима к логике и является не чем иным, как частью логики»⁵. Суть логицизма в том, что математические понятия и суждения выводимы из логических определений. Математика основывается на логике потому, что в своей основе логика – это *символизация* мира, то есть перевод явлений на язык понятий. Хотя как особая область науки символическая логика оформилась лишь в середине XIX в. (Бирюков, 2005. С. 32).

В итоге происходит становление математической логики, сыгравшей значительную роль не только в развитии собственно научного и философского знания, но и оказавшей серьезное воздействие на существование логики как науки в СССР. Причем отношение к математической логике в СССР было двойственным.

На официально-идеологическом уровне математическая логика воспринималась с некой долей подозрительности как имеющая прямое отношение к «буржуазной науке» и идеализму. В 20-е годы на фоне борьбы за партийность в науке сворачиваются исследования в области и философской, и математической логики, прекратилось преподавание формальной логики в вузах (Бирюков, 2014. С. 113). На «внутреннем» уровне, то есть на уровне самостоятельного осмысления мира и в сфере реальных исследований в последующие десятилетия математика и математическая логика именно в силу присущих им формализации и символизации воспринимались как те области, где можно укрыться от всеподавляющего идеологического контроля мысли. Причем такое отношение к математике было характерно и для тех, кто не занимался прямо математикой (см.: Целищев, 2012. С. 125).

Критике и гонениям со стороны «партийной науки» подвергалась и формальная логика. Связано это было с тем, что, во-первых, логика выступала как существенная часть философии, ее ядро (в частности, именно логика задает истинность высказываний), и на традиционную (формальную) логику распространялась критика «старой», то есть «буржуазной», философии. А во-вторых, что было более важ-

⁵ Шапошников В.А. Философия математики // Философия науки: учебник. М. : Юрайт, 2015. С. 409–447, С. 413.

но, формальной логике была противопоставлена новая *диалектическая* логика.

История возникновения диалектической логики восходит, прежде всего, к главному идейному вдохновителю марксизма-ленинизма – Гегелю. Гегель не только признавался идейным предшественником марксизма, но и преподносился несколькими поколениями советских ученых (то есть аспирантам всех вузов и всех специальностей) как фундамент научного мышления как такового. Как отмечали в своих рассказах выпускники аспирантуры (учившиеся в разные годы), преподавание истории философии предполагало изучение в течение года только Гегеля («Гегель – это наше все!») – так емко выражалось отношение к наследию немецкого мыслителя в советское время).

Такое отношение к Гегелю стало, прежде всего, результатом прямого указания Ленина изучать диалектику Гегеля: «Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятию диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон...» (Ленин, 1970. С. 30). Этот наказ Ленина имеет совершенно четкую и ясно выраженную политическую направленность против «интеллигентских поклонников буржуазной моды» с требованием, обращенным к материализму, – быть «воинствующим материализмом». Ценность диалектики Ленин видит в том, что ее успешно применял Маркс, причем успешность также имеет политическое выражение. Собственно философской и логической оценки диалектики здесь нет.

В.В. Соколов, известный советский и российский историк философии (1919–2017), оценивая соотношение формальной и диалектической логики в советской философии, отмечает, что, во-первых, это была одна из главных проблем советской философии, а, во-вторых, выделяет обстоятельства и причины противопоставления диалектики традиционной логике. Это и «вина» самого Гегеля, некорректно использовавшего термин «логика» в названии своего главного произведения, и роль Энгельса, закрепившего эту некорректность, и неправомочность использования выражения «материалистическая диалектика» (Соколов, 2016. С. 99–101).

Гегель стал «отцом» материалистической диалектики, прежде всего, потому, что его учение говорит о *развитии*. То обстоятельство, что Гегель говорит о развитии абсолютной *Идеи*, стало для марксизма вторичным. Марксизм также говорит о разви-

тии, но, прежде всего, политическом и экономическом, добавляя затем диалектику природы (вклад Энгельса). Отсюда возникает непроясненность *онтологического статуса* материалистической диалектики, то есть вопроса о том, какой реальности и как соответствуют законы и категории диалектики. Гегель говорит о *логической* реальности, но для него логические законы имеют статус *универсальных* законов мироздания. Марксистско-ленинская философия, продолжая учение Гегеля, и утверждая диалектическое противоречие как реально существующее (а не только логически), фактически встает на позицию *панлогизма*.

В двадцатые годы прошлого века для тех, кто пришел на смену старым, дореволюционным преподавателям и исследователям, а затем и для широких масс рабочих, военных и т. д. слово «диалектика» стало своеобразным символом, указывающим на нечто, одновременно и малопонятное в силу своей сложности и возвышенности и в тоже время всеобъясняющее.

В систему образования, очищенную к 1924 г. от влияния «старой», чуждой новой идеологии влияния (см.: Гасилин, Саксельцева, 2018), активно внедряется материалистически переосмысленная диалектическая логика Гегеля как идейное основание революционного изменения мира (Тропольский, 2013. С. 9). Очевидно, что традиционная формальная логика Аристотеля, для которой основанием является закон тождества, постулирующий необходимость постоянства и неизменности, явно не согласовывалась с требованием революционности и диалектичности. Основным аргументом против формальной логики являлось то, что она, по мнению ортодоксальных марксистов, «отрывает исследования законов мышления от природы» и тем самым становится основой метафизического метода (Бажанов, 2005. С. 34), отрицающего развитие мира.

Хотя существенного анализа различия диалектической и формальной логики было мало. Так, Вл. Сарабьянов в статье с громким названием «Диалектика и формальная логика», прежде всего, заявляет о том, что у него «марксистское сердце и горячая кровь диалектика», которые заставляют его «ринуться в атаку» на теоретика – Бухарина, который «не диалектик, а самый доподлинный приверженец формальной логики» (Сарабьянов, 1922. С. 62–63). В итоге автор не поясняет, в чем именно заключается

ограниченность формальной логики, отмечая ее основной недостаток, – она не-диалектика. Но суть диалектики автор все-таки излагает: «Мир движется и изменяется именно потому, что Субъект приходит в соприкосновение с Объектом, причем последний является в то же время и Субъектом в отношении первого. Непрерывное столкновение этих сил приводит к изменению всех Субъектов и всех Объектов» (Сарабьянов, 1922. С. 69). Собственно отличие диалектики как логики от логики формальной Сарабьянов видит в следующем: «диалектика хотя тоже логика, но логика движения... ибо, одним словом, в жизни дважды два не всегда четыре» (Сарабьянов, 1922. С. 73). Стоит заметить, что Сарабьянов очень быстро (в 1923 г.) попал под огонь критики своих товарищей-марксистов за ошибки механистического толка (Ксенофонтов, 1975. С. 34).

Свою роль в отрицании значимости формальной логики для советской философии сыграли «деборинцы» (подр. см.: Корсаков, 2024) – сторонники и ученики академика А.М. Деборина (1881–1963, академик АН СССР с 1929 г.). Деборинцы, стремясь создать теорию диалектики как учение, призванное научить мыслить объективно существующие противоречия, обратились к разработке диалектической логики. Но задача по созданию теории диалектики сместилась в негативную сторону и была истолкована деборинцами как борьба с формальной логикой.

Одним из центральных пунктов философской борьбы в 20-е годы прошлого века, имеющих прямое отношение к разработке диалектики и оценки формальной логики, стал вопрос истолкования природы и роли диалектического противоречия.

Разгром и физическое уничтожение деборинцев не изменило ситуацию, так как пришедшие им на смену последователи академика М.Б. Митина (1901–1987, академик АН СССР с 1939), «чтобы считаться марксистами, они продолжили громить формальную логику» (Корсаков, 2015. С. 145). Сам Митин получил степень доктора философских наук не за защиту диссертации (таких защит в СССР не было до 1940 г.), а за редакционную подготовку вышедшего в 1933 г. учебника «Диалектический и исторический материализм» (в двух частях)⁶.

⁶ Диалектический и исторический материализм. В 2-х ч. Учебник для комвузов и вузов / под рук. М. Митина. М. :

В этом учебнике давалась оценка и формальной и математической логике. Формальная логика – это «результат одностороннего, насильственного выпрямления в процессе познания кривых, подвижных, гибких граней в закостеневшие прямые»⁷, ее основа – малоподвижные формы социальной жизни. Диалектическая логика же, напротив, борется за насыщение односторонних понятий живым реальным содержанием⁸. Математическая логика получает еще более резкую оценку как «логическая дребедень»⁹, изобретенная современными субъективными идеалистами на основе принципа изгнания материи и отрицания объективной реальности.

На фоне резкого противопоставления диалектики и формальной логики и общей политизации философии существование логики как вузовской дисциплины фактически прекратилось. Исследования в логике в 20-е годы переместились в основном в сферу математики и отчасти в самую «безопасную» по тем временам область философии – историю философии, хотя и здесь партийная критика, защищавшая диалектику от буржуазного влияния, была значительной.

Ситуация начинает меняться к лучшему только в 40-е годы. Основные причины видятся в следующем.

Во-первых, борьба со старой философией за два десятилетия принесла свои плоды и к 1940 г. в советской философии полностью господствовал марксизм-ленинизм, исповедующий материалистическую диалектику. Поэтому задача разгрома формальной логики как пережитка старой, «буржуазной» философии стала не столь актуальной. В итоге была выработана позиция соотношения формальной логики и материалистической диалектики, позволяющая сохранить традиционную логику в качестве хоть и вспомогательного, но тем не менее необходимого инструмента, без которого не может обойтись ни «самая элементарная производственная деятельность, даже самая простая сознательная деятельность в любой области»¹⁰. Центральное ме-

ОГИЗ СОЦЭКГИЗ, 1934. Ч. 1. Диалектический материализм. 354 с. (Далее – Митин)

⁷ Митин. С. 222.

⁸ Митин. С. 223.

⁹ Митин. С. 57.

¹⁰ Маковельский А.О. История логики. М.; Жуковский : Кучково поле, 2004. 478 с. С. 7. Первое издание этого учебника вышло в 1967 г., его автор – известный историк

сто закрепляется за материалистической диалектикой, которая рассматривает мышление в его всеобщей связи и развитии, хотя дискуссии о соотношении диалектической и формальной логики продолжались до 1960-х гг.

Во-вторых, все острее вставал вопрос о подготовке новых кадров в самых разных сферах науки, производства, военного дела – везде, где кроме наличия политически выверенного курса требовалось еще и рациональное мышление. Так, до 1936 г. состав военных юристов комплектовался лицами, имеющими гражданское юридическое образование. Кадровые изменения в Вооруженных силах потребовали создания института подготовки военных юристов, в июне 1936 г. было принято решение о создании при Всесоюзной правовой академии Военно-юридического факультета РККА, в последствии преобразованного в военно-юридическую академию. Важно то, что слушателям академии читалась логика, и материалы этих курсов стали основой первого советского учебного по логике, автор которого М.С. Строгович (1894–1984, чл.-кор. АН СССР с 1939 г.)¹¹.

В-третьих, отмена в 1918 г. ученых степеней доктора и магистра¹² создавала проблему отсутствия нового поколения научно-педагогических кадров высшей школы. Вопрос о необходимости возвращения докторской степени был поставлен еще в 1926 г. на уровне пленума Секции научных работников (Алеврас, 2022. С. 341). Вновь введены ученые степени и ученые звания были в январе 1934 г. Постановлением Совнаркома СССР «Об ученых степенях и званиях». До конца 1934 г. высшими аттестационными органами не было утверждено ни одного

профессорского звания по социальным и гуманитарным наукам, несмотря на широко использовавшуюся (с 1933 г.) оговорку: «Допустить к исполнению обязанностей профессора с обязательством защиты до 1 января 1936 г. специальной диссертации на ученую степень доктора» (см.: Батыгин, Козлова, 2001. С. 84). Первые полноценные защиты докторских диссертаций по философии (точнее – по истории философии) В.А. Асмуса и Б.Э. Быховского состоялись только в 1940 г. Очевидно, что возвращение процедуры защиты диссертаций предполагало, что диссертант в определенной степени должен владеть навыками аргументации, доказательства и другими способностями логического мышления.

Итак, 4 декабря 1946 г. в «Учительской газете» было опубликовано Постановление ЦК ВКП(б) «О преподавании логики и психологии в средней школе», в котором, в частности, говорилось о том, что «ЦК ВКП(б) признал совершенно ненормальным, что в средних школах не преподаются логика и психология», и признал необходимым ввести преподавание психологии и логики в выпускных классах средней школы (О преподавании логики и психологии в средней школе // Учительская газета (г. Москва), 1946. № 55. 4 дек. С. 1). Это постановление получило разъяснение в виде развернутой передовой статьи, опубликованной в следующем номере «Учительской газеты» (от 14 декабря 1946 г.), в которой говорилось о громадном значении логики и ее практической пользе (подр. см.: Бажанов, 2005. С. 41). Также и в постановлении и в разъяснительной статье особо подчеркивалась необходимость подготовки квалифицированных кадров, способных обеспечить преподавание логики.

Одна из основных проблем, связанных с реализацией этого громкого и важного постановления, заключалась в отсутствии таких кадров. И не случайно в постановлении говорилось о введении логики именно в школе – только начиная со школьного уровня можно было сформировать основу для развития логического мышления у будущих студентов и преподавателей. Поэтому сворачивание кампании по возвращению логики и в школу, и в вуз началось достаточно быстро, еще при жизни И.В. Сталина, имеющего самое прямое отношение к указанному постановлению.

Тем не менее общая ситуация с преподаванием логики в СССР значительно менялась в сороковые

античной философии, получивший образование в дореволюционные годы в России и в Германии.

¹¹ Строгович М.С. Логика: учеб. пособие для слушателей ВЮА КА. Москва: РИО ВЮА КА, 1946. 248 с. Ещё в 1941 г. отдельными выпусками на правах рукописи он издал десять тем своего курса лекций по логике, читавшегося им в период эвакуации (Корсаков, 2015. С. 158).

¹² Декрет Совета Народных Комиссаров. О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений Российской республики. 1 октября 1918 г. // Распубл. в № 219 Известий Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов от 9 октября 1918 года. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/348695#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения 15.02.2025).

годы. Так, в МГУ в 1943 г. была создана кафедра логики (заведующий – профессор. Ю.В. Ивлев), причем «это была первая кафедра логики за всю историю высшего образования в нашей стране» (Павлов, 2013. С. 107). В Ленинградском университете кафедра логики в полном ее штатном составе¹³ была сформирована к концу августа 1947 г. (Кобзарь, 2009. С. 23).

Серьезным фактором усиления статуса логики, увеличения числа преподавателей логики, развития логической мысли в целом стала подготовка и издание учебников по логике. На момент выхода постановления о введении логики в школе и об увеличении числа слушателей тех отделений, где готовили будущих преподавателей логики, существующие учебники логики были написаны еще в досоветские годы. В достаточно короткие сроки был подготовлен и издан ряд учебников по логике для вузов таких авторов как М.С. Строгович (1946), В.Ф. Асмус (1947)¹⁴, для средней школы – С.Н. Виноградов и А.Ф. Кузьмин (1954). Выход этих и других учебников широко обсуждался. Также в результате дискуссии 1947 г. по поводу выхода книги Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» было принято решение об издании нового журнала «Вопросы философии», в котором появился раздел, посвященный логике (подр. см.: Бирюков, 2017. С. 14–15).

Однако это не означало, что период гонений на логику остался в прошлом. В.И. Кобзарь, выделяя в качестве особого (четвертого) периода (1947–1960 гг.) период «волевого включения логики в образовательный процесс средней и высшей школы», отмечает, что «начало рассматриваемого периода

отмечено резким официальным разбором годичного опыта преподавания логики университетскими кафедрами логики Москвы, Ленинграда и Киева», и сделан вывод о многочисленных ошибках в преподавании логики: это и схоластика, и аполитичность и беспартийность и т. д., и в целом оно было признано «порочным и вредным» (Кобзарь, 2009. С. 24–25).

В итоге относительно «ровный» период существования логики в СССР начинается только в 1960 г. Но можно ли утверждать, что в постсоветский период, с окончанием политического и идеологического давления на всю сферу философского знания, существование логики в вузе как преподаваемой дисциплины стало беспроблемным?

В силу разных причин в современном российском вузе логика остается элитной дисциплиной. Она читается не во всех вузах и далеко не для всех специальностей. Ее исключают в некоторых вузах из программ подготовки даже будущих юристов. Место логики сегодня занимает широко распространенный во многих зарубежных и российских университетах курс «Критическое мышление». Однако этот курс в его современном наполнении¹⁵ был создан психологами и поэтому имеет, прежде всего, психологическую направленность. Математическая логика достаточно далеко ушла в своем развитии от традиционной формальной логики. Если принять во внимание, что одна из целей высшего образования – *развитие мышления* учащихся, то реализация этой цели значительно затрудняется в случае отказа от тысячелетней традиции преподавания логики в университете.

¹³ То есть до этого логика читалась преподавателями других кафедр.

¹⁴ Отмечается, что учебник Асмуса, был «по-видимому, единственным учебником по собственно традиционной логике, изданным в СССР в этот период» (Ивлев, 2018. С. 117).

¹⁵ «Критическое мышление» (critical thinking) как особый логический комплекс, необходимый для теоретико-гуманитария, был сформирован в европейской гуманитарной традиции еще в середине XX века и подразумевает овладение материалом наиболее важных разделов математической, вероятностной и неформальной логики (см.: Шуман, 2004. С. 8).

Список источников

Алеврас Н.Н., Гришина Н.В. Докторская диссертация в советской диссертационной системе: опыт защит в 1930-х – начале 1940-х годов // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 337–354. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-337-354. EDN: ONOJZE.

Бажанов В.А. Партия и логика. К истории одного судьбоносного Постановления ЦК ВКП(б) 1946 года // Логические исследования. 2005. Т. 12. С. 32–48.

References

Alevras N.N., Grishina N.V. (2022) Doctoral dissertation in Soviet dissertation system: experience of defenses in 1930s - early 1940s. *Scientific Dialogue*. Vol. 11. No. 3. P. 337-354. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-337-354. EDN: ONOJZE.

Bazhanov V.A. (2005) The Party and logic. On the history of one fateful post of the Central Committee of the CPSU(b) in 1946. *Logical Investigations*. Vol. 12. P. 32-48. (In Russ.).

DOI: 10.21146/2074-1472-2005-12-0-32-48. EDN: KYASMP.

Бажанов В.А. История логики в России и СССР (концептуальный контекст университетской философии). М. : Канон+, 2007. 335 с. EDN: QXRVHZ.

Батыгин Г.С., Козлова Л.А. Политика в области науки и формирование советского философского сообщества в 1930-е и 1940-е годы // Россия и современный мир. 2001. № 3 (32). С. 71–87. EDN: IUVCJ.

Бирюков Б. Крушение метафизической концепции универсальности предметной области в логике: контроверза Фреге-Шредер. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : КомКнига, 2005. 136 с.

Бирюков Б.В. Логика в России // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 109–115. EDN: SJXJNH.

Бирюков Б.В. Валентин Фердинандович Асмус как философ и историк логики. Вступительная статья // Асмус Валентин Фердинандович. Лекции по истории логики: Авиценна, Бэкон, Гоббс, Декарт, Паскаль / под ред. и со вступ. ст. Б.В. Бирюкова. М. : Изд-во ЛКИ, 2017. С. 4–37.

Гасилин В.Н., Саксельцева Л.Я. Подготовка философских кадров в СССР в 20-е годы XX века // Вестник Поволжского института управления. 2018. Т. 18. № 4. С. 122–128. DOI: 10.22394/1682-2358-2018-4-122-128. EDN: YLJFFJ.

Ивлев Ю.В. Предмет и перспективы развития логики // Логические исследования. 2018. Т. 24. № 1. С. 115–128. DOI: 10.21146/2074-1472-2018-24-1-115-128. EDN: VACGZN.

Клайн М. Математика. Утрата определенности. М. : Мир, 1984. 446 с.

Кобзарь В.И. Логика в России последнего столетия: основные этапы и итоги // Философские науки. 2009. № 4. С. 18–33. EDN: NVVJDR.

Корсаков С.Н. Из истории возрождения логики в СССР в 1941–1946 гг. Часть I. // Логические исследования. 2015. Т. 21. № 2. С. 145–169. DOI: 10.21146/2074-1472-2015-21-2-145-169. EDN: VHSRUL.

Корсаков С.Н. Деборинцы – философы науки (социально-гуманитарные науки) // Философия науки и техники. 2024. Т. 29. № 2. С. 149–160. DOI: 10.21146/2413-9084-2024-29-2-149-160. EDN: LJKOFD.

Ксенофонтов В.И. Ленинские идеи в советской философской науке 20-х годов (дискуссия «диалектиков» с механистами). Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1975. 100 с.

Ленин В.И. О значении воинствующего материализма. ПСС. Т. 45. М. : Изд-во политической литературы, 1970. С. 23–33.

Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / пер. с англ. Н.И. Стяжкина и А.Л. Субботина. М. : Изд-во Иностранной литературы, 1959. 312 с.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М. : Государственное изд-во политической литературы, 1955. Т. 3. С. 1–4.

Павлов А.Т. К истории философского образования в Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 2013. № 1. С. 100–113. EDN: PWXAYF.

DOI: 10.21146/2074-1472-2005-12-0-32-48. EDN: KYASMP.

Bazhanov V.A. (2007) The history of logic in Russia and the USSR (A conceptual text of university philosophy). Moscow: Kanon+. 335 p. (In Russ.). EDN: QXRVHZ.

Batygin G.S., Kozlova L.A. (2001) Policies in science and the formation of the Soviet philosophic community in the 1930's and 1940 's. *Russia and the Modern World*. No. 3 (32). P. 71-87. (In Russ.). EDN: IUVCJ.

Biryukov B. (2005) The collapse of metaphysics in logic. The Frege-Schroeder review. Moscow: KomKniga. 136 p. (In Russ.).

Biryukov B.V. (2014) Logic in Russia . *Voprosy Filosofii*. No. 8. P. 109-115. (In Russ.). EDN: SJXJNH.

Biryukov B.V. (2017) Valentin Ferdinandovich Asmus as a philosopher and historian of logic. Introductory article. *Asmus Valentin Ferdinandovich. Lectures on the History of Logic: Avicenna, Bacon, Hobbes, Descartes, Pascal*. Moscow: LKI Publishing House. P. 4-37. (In Russ.).

Gasilin V.N. Sakseltseva L.Ya. (2018) Preparation of philosophical staff in the USSR in the 1920s. *Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*. Vol. 18. No. 4. P. 122-128. (In Russ.). DOI: 10.22394/1682-2358-2018-4-122-128. EDN: YLJFFJ.

Ivlev Yu.V. (2018) The subject and prospects of development of logic. *Logical Studies*. Vol. 24. No. 1. P. 115-128. (In Russ.). DOI: 10.21146/2074-1472-2018-24-1-115-128. EDN: VACGZN.

Kline M. (1984) Mathematics: the loss of certainty. Moscow: Mir. 446 p. (In Russ.).

Kobzar V.I. (2009) Logic in Russia of the last century: main stages and results. *Philosophical Sciences*. No. 4. P. 18-33. (In Russ.). EDN: NVVJDR.

Korsakov S.N. (2015) From the history of the renaissance of logic in the USSR in 1941-1946. Pt. I. *Logical Research*. Vol. 21. No. 2. P. 145-169. (In Russ.). DOI: 10.21146/2074-1472-2015-21-2-145-169. EDN: VHSRUL.

Korsakov S.N. (2024) Deborinians are philosophers of science (social and humanitarian sciences). *Philosophy of Science and Technology*. Vol. 29. No. 2. P. 149-160. (In Russ.). DOI: 10.21146/2413-9084-2024-29-2-149-160. EDN: LJKOFD.

Ksenofontov V.I. (1975) Lenin's ideas in Soviet Philosophical Science of the 1920s (discussion of "dialectics" with mechanists). Leningrad: Publishing house of Leningrad University. 100 p. (In Russ.).

Lenin V.I. (1970) On the significance of militant materialism. Complete Set of Works. Vol. 45. Moscow: Publishing House of Political Literature. P. 23-33. (In Russ.).

Jan Lukasiewicz. Aristotle's sillogistic from the standpoint of modern formal logic. Oxford, 1957. (Russ. ed.: *Aristotелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 1959. 312 p.)

Marx K. (1955) Theses on Feuerbach. K. Marx. Engels F. Essays. Moscow: State Publishing House of Political Literature. Vol. 3. P. 1-4. (In Russ.).

Pavlov A.T. (2013) To history of philosophical education in the Moscow University. *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*. No. 1. P. 100-113. (In Russ.). EDN: PWXAYF.

Сарабьянов Вл. Диалектика и формальная логика (По поводу книги т. Бухарина «Ист. М.») // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 62–76.

Соколов В.В. Философские страдания и просветления в советской и постсоветской России. Воспоминания и мысли запоздалого современника. М.: Воробьев А.В., 2016. 132 с. EDN: VTIGBJ.

Тропольский А.Н. История противостояния формальной и диалектической логики в отечественной философии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. № 6. С. 7–15. EDN: RAEPGH.

Целищев В.В. Логика и философия (записки семидесятника) // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 124–133. EDN: OUYEBR.

Целищев В.В. Философский раскол: логика vs метафизика. М.: Канон-плюс, 2021. 335 с.

Шуман А.Н. Современная логика: теория и практика. Мн.: Экономпресс, 2004. 416 с.

Sarabyanov V. (1922) Dialectics and formal Logic (About T. Bukharin's book "Ist M."). *Under the Banner of Marxism*. No. 3. P. 62-76. (In Russ.).

Sokolov V.V. (2016) Philosophical suffering and enlightenment in Soviet and post-Soviet Russia. *Memoirs and thoughts of a belated contemporary*. Moscow: Vorob'ev A.V. 132 p. (In Russ.). EDN: VTIGBJ.

Troepol'skii A.N. (2013) The history of opposition between formal and dialectical logic in Russian philosophy. *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant*. No. 6. P. 7-15. (In Russ.). EDN: RAEPGH.

Tselishchev V.V. (2012) Logic and philosophy (notes of the intellectual of the Seventies). *Voprosy Filosofii*. No. 5. P. 124-133. (In Russ.). EDN: OUYEBR.

Tselishchev V.V. (2021) Philosophical split: logic vs metaphysics. Moscow: Kanon plus. 335 p. (In Russ.).

Shuman A.N. (2004) Modern logic: theory and practice. Moscow: Ekonompress. 416 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Шафоростов Александр Иванович,
доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия;
профессор кафедры социальной философии и социологии,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
e-mail: ashafor@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2417-2635>

Мустафин Альхас Амирович,
кандидат философских наук, научный сотрудник,
ФИЦ «Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского СО РАН»,
664033, г. Иркутск, ул. Фаворского, 1, Россия;
доцент кафедры общеобразовательных дисциплин,
Ангарская государственная техническая академия,
665835, Иркутская область, г. Ангарск, квартал 85а, 5,
Россия,
e-mail: alhas355@mail.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 февраля 2025 г.; одобрена после рецензирования 10 марта 2025 г.; принята к публикации 24 марта 2025 г.

Information about the authors

Alexander I. Shaforostov,
PhD, Associate Professor,
Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia;
Professor of the Department of Social Philosophy and Sociology,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: ashafor@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2417-2635>

Alkhas A. Mustafin,
PhD in Philosophy, Researcher,
Federal Research Center "Irkutsk Institute of Chemistry named after A.E. Favorsky SB RAS",
1, Favorsky St., Irkutsk 664033, Russia;
Associate Professor of the Department of General Educational Disciplines,
Angarsk State Technical Academy,
5, Quarter 85a, Angarsk, Irkutsk Region 665835, Russia,
e-mail: alhas355@mail.ru

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 15, 2025; approved after reviewing March 10, 2025; accepted for publication March 24, 2025.

История

Научная статья
УДК 94(378.09)«1945/1960»
EDN: VMKSPP
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-213-221>

Деятельность Иркутского горно-металлургического института в послевоенный период (1945–1960 гг.)

П.А. Новиков, И.В. Наумов, С.В. Карасёв, А.В. Тетенькин, Л.В. Корчевина,
Т.А. Соколовская

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Авторы предметно и в широком контексте рассматривают учебный процесс в Иркутском горно-металлургическом институте в 1945–1960 гг. Дан историографический обзор, в котором отмечены концептуальные и фактологические достижения предшественников. В основной части в развернутом виде показана теснейшая связь педагогической деятельности с платой студентов за учебу, с напряженной научной работой преподавателей, с состоянием межвузовского сотрудничества, с регулярными защитами диссертаций, с многоплановым и очень тесным взаимодействием с горными и металлургическими предприятиями. Коллектив института, сочетая педагогическую, административную и общественно-политическую работу, оказывал систематическую и разнообразную помощь промышленным предприятиям всех без исключения республик и областей Советского Союза. Общественные организации высшего учебного заведения добились успехов в развитии и улучшении учебной и общественно-политической работы. Показано отражение на коллективе послевоенных общественных процессов. Широко и основательно была развёрнута физкультурная работа и художественная самодетельность, оказывалась помощь местным организациям в проведении различных общественно-политических кампаний. Приведена статистика выпуска высококвалифицированных специалистов по различным специальностям инженерной подготовки: геологов, горных электромехаников, металлургов, обогатителей, экономистов и т. д. С 1944 г. кафедра военного обучения института вела подготовку командиров взводов наземной артиллерии. Для более полной реконструкции учебной повседневности впервые массово вводятся в широкий научный оборот фактические сведения внутренней документации, в т. ч. развернутые данные о местах производственных практик студентов и тематике проводимого перед выпуском дипломного проектирования. В целом выявленный материал позволяет составить обоснованное представление о значительном вкладе коллектива Иркутского горно-металлургического института в решение задач государственного характера.

Ключевые слова: послевоенный период, Восточная Сибирь, Иркутский горно-металлургический институт, учебный процесс, научная деятельность, студенты, преподаватели, места производственных практик, темы дипломного проектирования, преемственность, Е.Г. Лустенберг

Для цитирования: Новиков П.А., Наумов И.В., Карасев С.В., Тетенькин А.В., Корчевина Л.В., Соколовская Т.А. Деятельность Иркутского горно-металлургического института в послевоенный период (1945–1960 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 213–221. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-213-221. EDN: VMKSPP.

History

Original article

Activities of the Irkutsk Mining and Metallurgical Institute in the post-War period (1945-1960)

Pavel A. Novikov, Igor V. Naumov, Sergey V. Karasev, Aleksei V. Tetenkin,
Larisa V. Korchevina, Tat'yana A. Sokolovskaya

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. The authors consider the educational process at the Irkutsk Mining and Metallurgical Institute in 1945-1960 in a substantive and broad context. A historiographical review which highlights the significant conceptual and factual achievements of

© Новиков П.А., Наумов И.В., Карасев С.В., Тетенькин А.В., Корчевина Л.В., Соколовская Т.А., 2025

the predecessors is given. The main part shows in details the close connection of pedagogical activity with students' tuition fees as well as with the intense scientific work of teachers, with the state of interuniversity cooperation, with regular dissertation defenses, and with multifaceted and very close interaction with mining and metallurgical enterprises. The Institute's staff, combining pedagogical, administrative, and socio-political work, provided systematic and diverse assistance to industrial enterprises in all republics and regions of the Soviet Union without exception. Public organizations of the higher educational institution have achieved success in developing and improving educational and socio-political work. The reflection of post-War social processes on the collective is shown. Physical education and amateur artistic activities were widely and thoroughly developed, and local organizations were assisted in conducting various socio-political campaigns. The statistics of the graduation of highly qualified specialists in various engineering specialties are given: geologists, mining electromechanics, metallurgists, concentrators, economists, etc. Since 1944, the Military Training Department of the Institute has been training platoon commanders of ground artillery. For a more complete reconstruction of the educational routine, for the first time, factual information from internal documentation is being massively introduced into wide scientific circulation, including detailed data on the places of students' production practices and the topics of the diploma design carried out before graduation. In general, the revealed material allows us to form a reasonable idea of the significant contribution of the staff of the Irkutsk Mining and Metallurgical Institute to solving problems of a governmental nature.

Keywords: post-War period, Eastern Siberia, Irkutsk Mining and Metallurgical Institute, educational process, scientific activity, students, teachers, places of production practices, topics of graduation design, continuity, E.G. Lustenberg

For citation: Novikov P.A., Naumov I.V., Karasev S.V., Teten'kin A.V., Korchevina L.V., Sokolovskaya T.A. (2025) Activities of the Irkutsk Mining and Metallurgical Institute in the post-War period (1945-1960). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 213-221. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-213-221. EDN: VMKSP.

30 мая 2025 г. исполнилось 95 лет со дня основания Сибирского горного института – прямого предшественника Иркутского национального исследовательского технического университета. Поэтому обращение к богатому историческому опыту данного вуза приобретает особую актуальность и практическую значимость. Авторы посвящают этот материал об учебном процессе и научной деятельности в период 1945–1960 гг. памяти своих предшественников по кафедре. Подразделение было образовано в 1957 г. в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 июня 1956 г. о преподавании в высших учебных заведениях Советского Союза общественных наук и образовании соответствующих кафедр. В течение прошедших лет кафедра несколько раз меняла свое название: 1957–1991 – кафедра истории КПСС, 1991–1992 – кафедра политической истории, 1992–1999 – кафедра истории России, с 1999 – кафедра истории, с 2010 г. – кафедра истории и философии.

Первым заведующим кафедрой истории КПСС был кандидат исторических наук, доцент П.М. Ширяев (1957–1969). Он сформировал первый состав кафедры, костяк которого составили участники Великой Отечественной войны: К.М. Касьян, А.М. Комогорцев, Ф.Р. Коняев, А.Л. Скаллер, В.Л. Тугарин, В.Д. Федосеенко, Е.Н. Шестаков, Г.М. Швец. В начале 1960-х гг. после преобразования Иркутского горно-металлургического института в политехнический и переезда в новое здание на ка-

федру пришло много молодежи. Первый заведующий приложил много усилий для ее становления как преподавателей. При содействии и под руководством Ширяева кандидатские диссертации защитило более 20 преподавателей кафедры.

Теперь обратимся непосредственно к послевоенной деятельности вуза, которая ранее в историографии кратко затрагивалась, но весьма обзорно и без широкого ввода в научный оборот архивного материала (40 лет Иркутскому..., 1970; Иркутский государственный технический..., 2000). Довоенному времени предметно посвящена монография (Карасёв, Сальникова, 2021), периоду «хрущевской оттепели» ряд статей (Скорикова, Маринич, 2024; Сальникова, Попова, 2025). Данный материал является промежуточным и при этом лишь весьма начальным итогом разработки большого массива источников, который в дальнейшем предполагается развернуто прокомментировать и проанализировать. Накапливается и пласт воспоминаний, в том числе и нелицеприятных (Дубенский, 2016).

Функционируя с 1938 по 1960 г. под именем «Иркутский горно-металлургический институт», высшее учебное заведение играло важнейшую роль в обеспечении государственных замыслов в отношении хозяйственного освоения Восточной Сибири и развития горной промышленности в СССР в целом. Эта роль заключалась и в непрерывной подготовке остро необходимых профессиональных кадров, и в разработке продуктивных научных рекомендаций.

Например, в соответствии с указанием главного управления учебными заведениями Народного комиссариата цветной металлургии от 16 января 1941 г. и Приказом по институту № 6 от 28 марта 1941 г. за работниками закреплялись следующие темы исследовательских работ (Новиков, 2025. С. 26):

Кафедра математики: Шелковников Ф.А. – «Краткое руководство по приближенным вычислениям во ВТУЗах»; Иващенко В.И. – «Частная методика проведения практических занятий по некоторым разделам курса высшей математики во ВТУЗ'ах». Петров И.Н. – «Краткое руководство по приближенным величинам во ВТУЗ'ах».

Кафедра химии: Кропачев Г.К. – 1) «Скоростной метод определения золота в цианистых растворах»; 2) «Определение золота калориметрическим путём в зоне углей соляных источников и проч.»; Концевич В.И. – «Исследование сибирских боксидов (сапропелевых углей) на содержание каучука»; Ермолаев Н.И. – «Выделение олова на свинцовом катоде»; Смирнова Е.В. «Определение редких элементов в шлихах и продуктов обогащения»; Подгорбунский В.А. – «Установление возможности определения степени доломитизации известняков в полевой обстановке»; Гефен А.В. – «Установление быстрого метода определения кальция и магния в известняках».

Кафедра физики: Плешанова В.Г. – «Исследование $\text{CuSiO}_3\text{H}_2\text{O}$ методом рентгеновского гониометра»; Шерлаимов Я.И. – «Фотоэлектрический эффект в плавиковом шпате»; Номоконов Д.Д. – «Использование экстремального значения X-лучей для структурного анализа тяжёлых минералов»; Кафедра теоретической механики: Курылев П.И. – «Геометрия динамики (развитие идеи Синьжа)»; Подгурский К.М. – 1) «Значение закона независимости действия в аксиоматике классической механики», 2) «Механические задачи с положительным линейным элементом».

Кафедра электротехники: Чекулаева Ю.С. – «Исследование магнитного поля сепаратора» (Архив ИРНИТУ. Оп. 88. Ед. хр. 16. Л. 81).

Кафедра геодезии и маркшейдерского искусства: Измайлов Б.В. – «Предварительные данные к расчёту предохранительных целиков для предприятий слюдяной промышленности»; Кафедра общей и исторической геологии и палеонтологии: ... Данилович В.Н. – «О механике Ангарского надвига»; Лавров М.М. – «Геоморфология западного Прибайка-

лья»; Одинцов М.М. – «Структура юго-запада Сибирской платформы»; Кафедра минералогии и кристаллографии: Нетупский В.А. – «Кварц и его включения»; Кафедра петрографии: Власенко А.В. – «Щелочный комплекс южной части Ильменских гор» Корытова Д.М. – «Петрография Ключевского месторождения»; Кафедра рудных месторождений: Чулков Н.Т. – 1) «Мрамор Слюдянского района, как карбитная база Востсибкрая»; 2) «Геология Слюдянского района»; Кафедра разведочного дела: Шаманский Л.И. – 1) «Методика опробования штокерковых месторождений», 2) «Тектоника рудных месторождений»; Косыгин М.К. – «Буримость горных пород»; Иолин А.М. – «Крупность минеральных зерен в зависимости от условий генезиса».

Кафедра разработки рудных и россыпных месторождений: Сурков Н.А. – «Типовые схемы проветривания и расчёт вентиляции рудников треста «Союзслюда»; Кафедра горных машин и гидромеханики: Тихомиров Б.Н. – 1) «Технико-экономические основы расчётов по водоснабжению и гидромеханизации»; 2) «Гидромеханический рыхлитель»; Махно Е.Я. – «Выбор рационального типа забойного конвейера при разработке мощных пластов угля». Кафедра горной механики и горной электротехники: Синицын М.М. и Комаровский Г.И. – «Парашюты смятия».

Кафедра металлургии цветных металлов: Оглодков В.А. – «Обжиг золотомышьяковистых руд и извлечение из них золота»; Гарбуз Н.А. – «Износ черпачных пальцев и втулок металлдобывающих драг»; Гуртовой В.М. – «Переработка медистых шликеров Риддеровского завода».

Кафедра металлургии благородных металлов: Хохлов В.Р. – «Металлические осадители благородных металлов из цианистых растворов»; Бессонов С.В. – «Извлечение мышьяка и благородных металлов из шпейзы»; Скобеев И.К. – 1) «Рациональные условия отделения золотых растворов»; 2) «Исследования влияния вибрации высокой частоты на растворение золота, амальгамацию и обезвоживание»; Хохлов В.Р. и Бессонов С.В. – «Исследование Шилкинских шламов с целью извлечения золота».

Кафедра обогащения полезных ископаемых: Славнин Г.П. – «Флотация касситарита»; Петров В.А. – «Обогащение хвостов бегунных фабрик с целью извлечения золота»; Глембоцкий В.А. – «Химическая сторона процессов коллектирования минералов».

Кафедра организации производства: Шутило К.И. – «Методика расчётов во времени и пространстве основных производственных процессов горных цехов».

Кафедра иностранных языков: Брызгалов И.И. – «Пособие по английскому языку для обогатителей»; Кузнецова Н.Н. – «Пособие по английскому языку для россыпников»; Звягина О.И. – «Пособие по английскому языку для горняков»; Косицына Л.И. – «Пособие по английскому языку для россыпников»; Иванова Л.В. – «Пособие по английскому языку для геологов» (Архив ИРНТУ. Оп. 88. Ед. хр. 16. Л. 82).

Приказом по институту № 80 от 23 апреля 1941 г. за работниками кафедры марксизма-ленинизма дополнительно закреплены следующие темы научно-исследовательских работ: Власов Ф.И. – «Учение тов. Сталина о построении социализма в нашей стране»; Эленпорт Б.Х. – «Марксистские кружки Восточной Сибири в конце прошлого века»; Воржев И.А. – «Второй съезд Аграрной лиги русской социал-демократии». Спустя 9 лет, в 1950 г. Воржев защитил в Москве кандидатскую диссертацию «Иркутские большевики в борьбе за победу Октябрьской Социалистической революции и упрочение советской власти: апрель 1917 – июль 1918 гг.».

Оценка достижений за первые 15 лет его существования была сформулирована в приказе по вузу № 43 от 8 июня 1945 г.: «К своему пятидесятилетию (30 мая 1945 г.) коллектив института пришёл с большими успехами во всех областях своей деятельности. Подготовлено и выпущено 1083 высококвалифицированных инженеров для промышленности, из них: инженеров-геологов – 259 человек; инженеров по разработке рудных и россыпных месторождений – 471 чел.; горных электромехаников – 19 чел.; инженеров-металлургов – 195 чел.; инженеров-обогатителей – 107 чел.; инженеров-экономистов – 7 чел. Пятидесятилетие Института совпало с победоносным завершением Великой Отечественной войны с фашистской Германией. За период военного времени коллектив научных работников, сотрудников и студентов института, преодолевая трудности, упорно и настойчиво вёл напряжённую работу по подготовке специалистов для промышленности. Только за годы войны выпущено 340 молодых специалистов. Научные сотрудники, сочетая педагогическую, административную и общественно-политическую работу, оказывали систематическую и раз-

нообразную помощь промышленности. Объём научно-исследовательских работ, выполненных для промышленности, за годы войны увеличился в 4 раза. Значительная часть студенчества, научных работников, рабочих и служащих института отважно сражались на фронтах Отечественной войны и отмечены Правительством высокими наградами. За военное время научные работники института защитили 15 диссертаций на учёные степени кандидатов наук и подготовили к защите 17 докторских и кандидатских работ. Общественные организации института добились успехов в развитии и улучшении учебной и общественно-политической работы. Сотни студентов и работников института овладели военными специальностями (Архив ИРНТУ. Оп. 88. Ед. хр. 17. Л. 526). Была широко развёрнута физкультурная работа и художественная самодеятельность, оказывалась помощь местным организациям в проведении различных компаний (Кудрявцев, Вендрих, 1958; Новиков, Воронцов, 2020; Иркутск – город трудовой доблести, 2021; Через годы, через расстояния, 2025). Поясним, что в советской лексике середины XX века «кампаниями» именовали регулярно иницируемые коммунистической партией серии идеологических акций общественно-политического характера. Современная историческая наука отработала продуктивный методологический инструмент анализа этого явления именно на ярком и показательном послевоенном материале (Хаминов, 2021; Козлов, Козлова, 2021). Его применение в отношении истории высшего инженерного образования открывает большие перспективы.

И в годы Великой Отечественной войны, и в послевоенный период воплощением учебного процесса и свидетельством высочайшей педагогической преемственности Иркутского горно-металлургического института являлась обязательная производственная практика и разнообразные оригинальные темы дипломных работ студентов.

Обратимся к приказам по вузу и перечислим лишь отдельные предприятия, где студенты «оттачивали» профессиональные навыки. Например, студенты 3-го курса горного факультета на срок с 30 июня по 9 августа 1953 г. направлялись: на комбинат Востсибуголь в трест Черемховуголь; комбинат Кемеровуголь трест «Анжеруголь»; комбинат «Енисейзолото»; комбинат «Балейзолото»; Карабашское рудоуправление; комбинат «Березовзолото»; комбинат Хабаровскуголь

в трест "Райчихауголь"; комбинат Востсибуголь в трест Канскуголь; комбинат Кузбассуголь в трест Проктопьевскуголь; комбинат Кузбассуголь в трест Кагановичуголь; комбинат Кузбассуголь в трест Сталинуголь; комбинат Дарасунзолото; комбинат Востсибуголь в трест Забайкалуголь; Дзезгказганский медеплавильный комбинат; Кузнецкий медеплавильный комбинат; Давендинское рудоуправление; Лениногорский полиметаллический комбинат; Алапаевское рудоуправление; Трест Хакасзолото; комбинат "Березовзолото"; Трест "Союзплавив"; в трест Лензолото; Хапчерангский комбинат; Слюдянское рудоуправление; в трест "Якутзолото"; Трест "Енисейзолото"; Комбинат Хакасзолото; Предприятие № 501; Шахтинское рудоуправление; Комбинат Востсибуголь Гусиноозерское рудоуправление (Архив ИРННТУ. Оп. 88. Ед. хр. 23. Л. 89–92).

Студенты 4-го курса горного факультета на срок с 20 января по 3 марта 1954 г. направлялись: Усть-Каменогорский комбинат; Карабашское рудоуправление; Забайкальский комбинат; Уфалейникель; Слюдянское рудоуправление; Лензолото; Трест "Союзплавив"; Шихтаминское рудоуправление; Предприятие № 501; Салаирское рудоуправление; Лениногорский комбинат; Трест Хакзолото; Красноуральское рудоуправление; Березовзолото; Давендинское рудоуправление; Раздольненский комбинат; Балейзолото; Джидинское; Шерловогорское рудоуправление; Якутзолото; Миассзолото; Уралзолото; Приморзолото; Амурзолото; Запсибзолото; Балейзолото; Уралзолото; Трест Хакассуголь; Гусиноозерское рудоуправление; Трест Черемховуголь; Трест Сталинуголь; Трест Кизилуголь; Комбинат Сталинуголь трест Зуевантрацит; и т. д. (Архив ИРННТУ. Оп. 88. Ед. хр. 22. Л. 18–24).

В 1952 г. студенты ускоренного выпуска горного факультета получили следующие темы для дипломных работ: «Проект разработки Коркинского месторождения угля на площади разреза № 2 треста «Коркинуголь» комбината «Челябинскуголь»; «Проект вскрытия и разработки Храмцовского разреза № 1, считая месторождение нетронутым горными работами»; «Проект разработки Коркинского месторождения открытым способом, считая месторождение нетронутым. Угол падения пласта принять не более 30°»; «Проект вскрытия и разработки разреза № 2 треста «Вахрушевуголь», комбината Свердловскуголь, считая месторождение нетронутым горными

ми работами»; «Проект вскрытия и разработки разреза № 1 Ирша-Бородинского месторождения, считая поле разреза нетронутым горными работами»; «Проект разработки открытым способом разреза № 4 Волчанского бурогоугольного месторождения треста «Волчанскуголь» комбината «Свердловскуголь»; «Проект вскрытия и разработки Юго-западного крыла поля шахты 10/16, треста «Кировуголь», считая эту часть поля нетронутым горными работами»; «Проект разработки угольного месторождения нижних горизонтов шахты «Северная» треста «Кемеровуголь» комбината «Кемеровуголь», считая 1 и 2 горизонт отработанными»; Проект разработки угольного месторождения применительно к условиям шахты «Северная» комбината «Кемеровуголь» треста «Кемеровуголь»; «Проект разработки угольного месторождения применительно к условиям шахты № 9-15 треста «Анжероуголь» комбината «Кемеровуголь»; «Проект разработки угольного месторождения применительно к условиям шахты № 6 треста «Черемховуголь», считая верхний слой (пласт «Главный») нетронутым»; «Проект разработки угольного месторождения применительно к условиям шахты Кадала 2, треста «Забайкалуголь», считая пласт 3 отработанным»; «Проект разработки восточного крыла шахты «Малый Артём» и т. д. (Архив ИРННТУ. Оп. 88. Ед. хр. 23. Л. 336–337, 339).

В марте 1953 г. среди студентов металлургического факультета распределены темы дипломных работ: «Проект обогатительной фабрики для свинцово-цинково-медной руды Уральского месторождения»; «Проект обогатительной фабрики для свинцово-цинковой руды Казахстанского месторождения»; «Проект обогатительной фабрики для медной (другая – свинцово-цинково-медной) руды западного месторождения»; «Проект фабрики для обогащения свинцово-цинково-медной (свинцово-цинково-пиритной; полиметаллической) руды Алтайского месторождения»; «Проект обогатительной фабрики для свинцово-цинково-баритовой руды Сибирского месторождения»; «Проект обогатительной фабрики для оловянной руды Дальневосточного месторождения»; «Проект автоматизации машины для литья под давлением типа 511»; «Проект механосборочного цеха для изготовления машин для литья под давлением типа 511»; «Проект цеха резьбонарезного инструмента для производства кузнечно-прессовых машин»; «Проект механического цеха

для изготовления токарно-винторезных станков»; «Проект механосборочного цеха для изготовления газовых горелок для доменных печей»; «Проект карусельной разливной машины»; «Проект листоукладчика к листопрокатному стану»; «Проект модернизации формовочной машины модели 254-М»; «Проект механосборочного цеха по производству бункерных затворов для оборудования доменных печей»; «Проект механосборочного цеха для изготовления 210 литровых драг»; «Проект механосборочного цеха для изготовления скреперных лебедок»; «Проект механосборочного цеха по производству дисковых грохотов»; «Проект модернизации формовочного пескомета типа 292»; «Проект токарно-винторезного станка в условиях завода № 4»; «Проект цеха в системе аффинажного завода, для производства металла № 3» (№ 2); «Проект цеха производства металла № 1 в условиях завода почтовый ящик 37»; «Проект золотоизвлекательного завода для руд Казахстанского месторождения» и т. д. (Архив ИРННТУ. Оп. 88. Ед. хр. 23. Л. 137, 140–141).

Обширен пласт послевоенной советской литературы, отражающий видение производственных перспектив Восточной Сибири и организационных вызовов при ее освоении (Журавлев, 1957; Силинский, 1957; Кудрявцев, Вендрих, 1958; Джишкариани, Петухова, 1958; О развитии производительных сил..., 1959; Общие вопросы развития..., 1960; Бандман, Буянтүев, Помус и др., 1963).

В какую же социальную и производственную (Афанасов, 2009) среду попадали выпускники «Иркутского горно-металлургического»? Для примера обратимся к документальным упоминаниям о выпускнике 1935 г. Евгении Григорьевиче Лустенберге. С 1937 г. он трудился в слюдяной промышленности, где со временем профессионально «вырос» до главного инженера Мамского рудоуправления треста «Союзслюда». Это рудоуправление на северо-востоке Иркутской области было крупнейшим слюдяным предприятием в СССР. Характеризовался как постоянно растущий, инициативный и грамотный инженер. В годы войны проявил инициативу и настойчивость в механизации горных работ по рудникам, что обеспечило значительный рост добычи. Был награжден значком «Отличник социалистического соревнования НКПСМ СССР». Награда из серебра имела индивидуальный номер, а аббревиатура «НКПСМ» означала Народный комиссариат пред-

приятий строительных материалов. Всеми особо отмечалось, что Е.Г. Лустенберг принимает активное участие в жизни коллектива.

Обратимся к протоколу № 4 заседаний бюро Мамской парторганизации 23 сентября 1945 г. «Постановили: товарищу Лустенбергу поручено организовать работу по созданию запаса топлива надо провести и создать не месячный запас, а полутора или двухмесячный запас, не расходуя его сейчас. В дальнейшем перспективы будут лучше, так как когда пойдет механизированный транспорт по Маме лошади у нас освободятся и в течении зимы без дров сидеть не будем с вывозкой справимся, это мероприятие необходимо провести только сейчас, потом транспорт будет занят на перевозке грузов по Витимскому» (Центр документации новейшей истории – филиал Государственного архива Иркутской области (ЦДНИ). Ф. 891. Оп. 1. Д. 19. Л. 116).

Фрагмент протокола № 7 заседаний бюро Мамской парторганизации от 20 ноября 1945 г.: «Товарищ Лустенберг – анализируя работу рудника Луговка за две декады ноября пояснил, что работа характеризуется крайне низким содержанием неудовлетворительную добычу по Луговке одним падением содержания объяснить нельзя, в докладе т. Канаков резких причин не выставил, за первую декаду 58 жила дала только 270 кубических метров. По 30 жиле работа идет недостаточно интенсивно, производительность недостаточно высокая. Мы не используем всех возможностей для максимальной добычи кубаж за счет поднятия производительности труда. Рабочая сила используется неинтенсивно, надо сейчас же принять все меры к тому, чтобы часть рабочих с подсобных работ снять и направить в гору, укомплектовать на 58 жиле горные работы. К оставшимся рабочим на подсобных работах предъявить более строгие требования создать им условия для работы. Сейчас необходимо наиболее интенсивно вести работу на 78 жиле, чтобы большим кубажом вскрыть ценность этой жилы, резко должны увеличить кубаж, так как на имеющихся объектах дело решает кубаж. В отношении посылки кольщиц на Луговку нет никакой целесообразности. Сейчас необходимо давать на кольщицу 20 кг. Тогда задание 7400 будет выполнено план по колотой выполнить необходимо» (ЦДНИ. Ф. 891. Оп. 1. Д. 24. Л. 23).

В заключение, как символ советской производственной повседневности приведем решение № 1 по

вышеупомянутому протоколу № 7: «Заслушав доклад начальника рудника Луговка Канакова и секретаря партийной организации Степанова о ходе выполнения плана на 2 декады ноября месяца бюро отмечает, что несмотря на серьезную помощь руднику Луговка со стороны рудоуправления и бюро парторганизации, план ноября поставлен под угрозу срыва, это явилось в результате того, что руководство рудника Луговка не организовало достаточной борьбы за план, плохо организовано социалистическое соревнование, техническая мысль еще не поставлена на дело выполнения плана. Политмассовая работа хотя проводится, но зачастую бывает беспредметной. Исходя из этого бюро постановило: 1) Предложить товарищам Канакову, Степанову Макаровой принять все меры, как по линии хозяйственного руководства, так и партийно-профсоюзными организациями в ноябре, декабре снизить % невыполняющих норм до минимума, путем выявления причин невыполнения производственных норм и проведения отдельных собраний с невыполняющими норм выработки. На очередном цеховом партсобрании обсудить вопрос о ходе вы-

полнения решения VI пленума районного комитета ВКП(б) по улучшению культурно-бытовых и материального положения трудящихся. Развернуть социалистическое соревнование имени Выборов Верховного Совета СССР мобилизуя трудящихся на досрочное выполнение по всем показателям; 2) Предложить товарищу Лустенбергу пересмотреть рабочую силу подсобных цехов базы и направить на рудник Луговка не менее 15 человек; 3) Предложить товарищу Федяеву в 10-ти дневный срок приготовить 50 комплектов теплой одежды и направить в первую очередь для рабочих Нижней Луговки; 4) Предложить товарищу Степанову развернуть массово-политическую работу среди трудящихся рудника Луговки, сочетая подготовку к выборам Верховный Совет с выполнением производственных заданий» (ЦДНИ. Ф. 891. Оп. 1. Д. 19. Л. 118).

Таким образом можно с полной ответственностью отметить большой вклад коллектива Иркутского горно-металлургического института и подготовленных им специалистов в решение масштабных задач государственного характера.

Список источников

- 40 лет Иркутскому политехническому институту. 1930–1970. Сборник статей. Иркутск : [б.и.], 1970. 107 с.
- Афанасов О.В. Лагерные учреждения в промышленном развитии Иркутской области (конец 1940-х – начало 1960-х г.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. 2009. С. 162–164. EDN: TLBBJD.
- Бандман М.К., Буянтуев Б.Р., Помус М.И. и др. Восточная Сибирь: Экономико-географическая характеристика / ред. В.А. Кротов ; сост. А.А. Григорьева, А.В. Тихонов. М.: Географгиз, 1963. 888 с.
- Джишкарини П., Петухова А. Братская районная планировка // Архитектура СССР. 1958. № 9. С. 22–24.
- Дубенский А.М. Мой творческий путь (фрагменты из автобиографии). Иркутск : Оттиск, 2016. 56 с.
- Журавлев М. Край большого будущего // Архитектура СССР. 1957. № 1. С. 3–6.
- Иркутск – город трудовой доблести: Историко-краеведческое издание. Иркутск : Оттиск, 2021. 344 с.
- Иркутский государственный технический университет. 1930–2000 гг. / сост. Н.Я. Хлебкова; отв. ред. В.М. Салов. Иркутск : Изд-во ИргТУ, 2000. 400 с.
- Карасёв С.В., Сальникова Е.С. Инженерные достижения – для Отечества. Горный институт у истоков Восточно-Сибирской индустрии 1930-х гг. : монография. Иркутск : Изд-во ИРНТУ, 2021. 156 с. EDN: DBWMWS.
- Козлов В.А., Козлова М.Е. «Маленький СССР» и его обитатели : Очерки социальной истории советского оккупационного сообщества в Германии, 1945–1949. М. : Новое литературное обозрение, 2021. 286, [1] с.

References

- (1970) 40 years of the Irkutsk Polytechnic Institute. 1930–1970. Collection of articles. Irkutsk, 107 p. (In Russ.).
- Afanasov O.V. (2009) Camp institutions in the industrial development of the Irkutsk region (late 1940s - early 1960s). Irkutsk Historical and Economic Yearbook. 2009. P. 162-164. (In Russ.). EDN: TLBBJD.
- Bandman M.K., Buyantuev B.R., Pomus M.I. et al. (1963) Eastern Siberia: Economic and geographical characteristics. Moscow: Geographgiz. 888 p. (In Russ.).
- Jishkariani P., Petukhova A. (1958) Bratsk district planning. Architecture of the USSR. No. 9. P. 22-24. (In Russ.).
- Dubenskii A.M. (2016) My creative path (fragments from autobiography). Irkutsk: Ottisk. 56 p. (In Russ.).
- Zhuravlev M. (1957) The Edge of the Great Future. *Architecture of the USSR*. No. 1. P. 3–6. (In Russ.).
- (2021) Irkutsk - city of labor bravely: Historical and local history publication. Irkutsk: Ottisk, 344 p. (In Russ.).
- Khlebkova N.Ya., Salov V.M. (2000) Irkutsk State Technical University. 1930-2000. Irkutsk: Irkutsk State Technical University, 2000. 400 p. (In Russ.).
- Karasev S.V., Sal'nikova E.S. (2021) Engineering achievements - for the Fatherland. Mining Institute at the onset of the East Siberian industry of the 1930s: monograph. Irkutsk: INRTU. 156 p. (In Russ.). EDN: DBWMWS.
- Kozlov V.A., Kozlova M.E. (2021) "The Little USSR" and its inhabitants. Essays on the Social History of the Soviet Occupation Community in Germany. 1945-1949. Moscow: No-voe literaturnoe obozrenie. 286, [1] p. (In Russ.).

Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск : Кн. изд-во, 1958. 515 с.

Новиков П.А. Иркутский горно-металлургический институт в условиях Великой Отечественной войны // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2025. № 1 (57). С. 24–29. DOI: 10.30792/2222-9175-2025-57-24-29.

Новиков П.А., Воронцов В.Н. «Дух послепобедной эпохи»: риторика военно-праздничных приказов Иркутского горно-металлургического института 1946–1948 гг. // Феномен войны в историческом процессе: междисциплинарный дискурс : материалы Международной заочной научно-практической конференции, Абакан, 13–23 октября 2020 г. / науч. ред. В.Н. Асочакова, отв. ред. М.Г. Степанов. Абакан : Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2020. С. 163–168. EDN: REVVVO.

О развитии производительных сил Иркутской области: Сборник материалов. Иркутск : Кн. изд-во, 1959. 358 с.

Общие вопросы развития производительных сил / отв. ред. акад. В.С. Немчинов // Развитие производительных сил Восточной Сибири : труды конференции в 13-ти томах / главн. ред. акад. И.П. Бардин. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1960. Т. 13. 171 с.

Сальникова Е.С., Попова Д.А. Реформа высшей школы 1958 г. и Иркутский горно-металлургический институт // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 149–160. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-149-160. EDN: JNHJAF.

Силинский П. Что мешает развитию экономики Иркутской области // Архитектура СССР. 1957. № 1. С. 9–10.

Скорикова Н.А., Маринич А.А. Иркутский политехнический институт в свете развития народного хозяйства СССР в 1960–1970-е годы // Известия Лаборатории древних технологий. 2024. Т. 20. № 4. С. 175–185. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-175-185. EDN: LAWGSY.

Хаминов Д.В. Историческое образование, наука и историки сибирской периферии в годы сталинизма. М. : Политическая энциклопедия, 2021. 221 с. EDN: EHRFXR.

Через годы, через расстояния: Хроника Иркутского комсомола. 1920–2025 г. / авт.-сост.: А.А. Иванов, С.И. Кузнецов, П.А. Новиков. Иркутск : Оттиск, 2025. 804 с.

Информация об авторах

Новиков Павел Александрович,
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: novikov710@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>

Kudryavtsev F.A., Vendrikh G.A. (1958) Irkutsk. Essays on the history of the city. Irkutsk: Kn. izd-vo. 515 p. (In Russ.).

Novikov P.A. (2025) Irkutsk Mining and Metallurgical Institute in the conditions of the Great Patriotic War. Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS, 2025. No. 1 (57). P. 24-29. (In Russ.). DOI: 10.30792/2222-9175-2025-57-24-29.

Novikov P.A., Vorontsov V.N. (2020) "The Spirit of the post-Victory era": the rhetoric of military holiday orders of the Irkutsk Mining and Metallurgical Institute 1946-1948. *Fenomen voyny v istoricheskom protsesse: mezhdistsiplinarnyi diskurs : materialy Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Abakan, 13–23 oktyabrya 2020 g.* = *The phenomenon of War in the Historical Process: Interdisciplinary Discourse: Proceedings of the International Correspondence Scientific and Practical Conference (Abakan, October 13-23, 2020)*. Abakan: Publishing House of N.F. Katanov Khakass State University. P. 163-168. (In Russ.). EDN: REVVVO.

(1959) On the development of productive forces of the Irkutsk region: Collection of Materials. Irkutsk: Kn. izd-vo. 358 p. (In Russ.).

Bardin I.P. (1960) General issues of development of productive forces. *Razvitie proizvoditel'nykh sil Vostochnoi Sibiri: Trudy Konferentsii v 13-ti tomakh = Development of Productive Forces of Eastern Siberia: Conference proceedings in 13 volumes*. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences. Vol. 13. 171 p. (In Russ.).

Sal'nikova E.S., Popova D.A. (2025) The reform of Higher education in 1958 and Irkutsk Mining and Metallurgical Institute. Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 21. No. 1. P. 149-160. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-149-160. EDN: JNHJAF.

Silinskii P. (1957) What hinders the development of the Irkutsk region's economy. *Architecture of the USSR*. No. 1. P. 9-10. (In Russ.).

Skorikova N.A., Marinich A.A. (2024) Irkutsk Polytechnic Institute in the light of the development of the national economy of the USSR in the 1960s and 1970s. Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 20. No. 4. P. 175-185. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-175-185. EDN: LAWGSY.

Khaminov D.V. (2021) Historical education, science and historians of the Siberian periphery during the years of Stalinism. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2021. 221 p. (In Russ.). EDN: EHRFXR.

Ivanov A.A., Kuznetsov S.I., Novikov P.A. (2025) Through the years, through the distances: Chronicle of the Irkutsk Komsomol. 1920-2025. Irkutsk: Ottisk. 804 p. (In Russ.).

Information about the authors

Pavel A. Novikov,
Dr. Sci. (History), Professor, Head of Chair of the History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: novikov710@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2968-7822>

Наумов Игорь Владимирович,

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, e-mail: histor@istu.edu

Карасёв Сергей Владимирович,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, e-mail: s.karasev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3273-8443>

Тетенькин Алексей Владимирович,

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, e-mail: altet@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2448-3580>

Корчевина Лариса Владимировна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, e-mail: larisa.kortshevina@hotmail.com

Соколовская Татьяна Александровна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия, e-mail: sokolovskaja.tat@yandex.ru

Igor V. Naumov,

Dr. Sci. (History), Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: histor@istu.edu

Sergey V. Karasev,

Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: s.karasev@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3273-8443>

Aleksei V. Tetenkin,

Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: altet@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2448-3580>

Larisa V. Korchevina,

Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: larisa.kortshevina@hotmail.com

Tat'yana A. Sokolovskaya,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia, e-mail: sokolovskaja.tat@yandex.ru

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Новиков П.А., Наумов И.В., Тетенькин А.В. являются членами редакционной коллегии журнала «Известия Лаборатории древних технологий» с 2014 года, но не имеют отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах авторы не заявляли.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 3 марта 2025 г.; одобрена после рецензирования 12 апреля 2025 г.; принята к публикации 21 апреля 2025 г.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

Novikov P.A., Naumov I.V., Teten'kin A.V. have been members of the editorial board of the Journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" since 2014, but they did not take part in making decision about publishing the article under consideration. The article was reviewed following the Journal's review procedure. The authors did not report any other conflicts of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 3, 2025; approved after reviewing April 12, 2025; accepted for publication April 21, 2025.

История

Научная статья
УДК 947:316.4(571.6)"199-200"
EDN: ZGERAC
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-222-232>

Образ предпринимателя в дальневосточной художественной литературе конца XX – начала XXI в.

Е.С. Волкова

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия

Аннотация. В статье на материалах художественных произведений дальневосточных авторов анализируются образы предпринимателей постсоветского периода. Литераторы уделяют пристальное внимание истокам и процессу формирования этой социальной группы, во многом определившим отношение широких слоёв населения к так называемым новым русским. Во многих текстах мы видим беспринципных дельцов, которые используют мошеннические схемы, занимаются чёрным бизнесом, наживаются на природных богатствах страны или растаскивают наследство, созданное предыдущими поколениями: такая деятельность не имеет морального оправдания в глазах рядовых граждан. Авторы литературных произведений транслируют неприятие абсолютизированного принципа рыночной эффективности, не обременённого этическими требованиями, констатируя, что обвальная социальная дифференциация в период рыночных реформ ведёт к повышению конфликтности и прогрессирующей криминогенности. В то же время, в художественных текстах представлены и литературные герои-бизнесмены, имеющие нейтральную и позитивную окраску – это люди, ставящие во главу угла честный труд, профессионализм и знание рынка, они выступают двигателем развития экономики, выполняют важные социальные функции, вызывая у читателя уважение. Писатели исследуют риски, сопутствующие бизнесу, и личные качества, приводящие к успеху, не демонизируя предпринимателей как класс, но изображая каждого из них как живого человека, действующего в конкретных социально-экономических реалиях. В художественных текстах предпринимательство рассматривается и как эффективная практика выживания в эпоху перемен, которую используют люди самых разных специальностей, в годы рыночных реформ оставшиеся без работы и средств к существованию.

Ключевые слова: современная история, Дальний Восток России, 1990-е, рыночные реформы, предприниматель, бизнес, новые русские, социальная дифференциация, писатели, художественная литература

Для цитирования: Волкова Е.С. Образ предпринимателя в дальневосточной художественной литературе конца XX – начала XXI в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 222–232. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-222-232. EDN: ZGERAC.

History

Original article

The image of entrepreneur in the Russian Far Eastern fiction of the late XX - early XXI century

Elena S. Volkova

Institute of History, Archaeology and Ethnology Far-Eastern Branch of the RAS, Vladivostok, Russia

Abstract. The article analyzes the images of entrepreneurs of the post-Soviet period based on the materials of artistic works by Far Eastern authors. Writers pay close attention to the origins and the process of formation of this social group, which largely determined the attitude of the general population to the so-called New Russians. In many texts we see unscrupulous businessmen who use various fraudulent schemes, engage in black business, profit from the natural resources of the country or steal the inheritance created by previous generations: such activities have no moral justification in the eyes of ordinary citizens. The authors of literary works broadcast the rejection of the absolutized principle of market efficiency, unencumbered by ethical requirements, and state that the collapse of social differentiation during the period of market reforms leads to an increase in conflict and criminality of

society. At the same time, literary characters-businessmen are also presented in artistic texts, having a neutral and positive connotation. These are people who put honest work, professionalism and market knowledge at the forefront, they are the engine of economic development, they perform important social functions, arousing the reader's respect. The writers explore the risks associated with business and the personal qualities that lead to success, not demonizing entrepreneurs as a class, but portraying each of them as a living person acting in specific socio-economic realities. In literary texts, entrepreneurship is also considered as an effective survival practice in an era of change, which is used by people of various specialties who were left without jobs and livelihoods during the years of market reforms.

Keywords: modern history, Russian Far East, 1990s, market reforms, entrepreneur, business, New Russians, social differentiation, writers, fiction

For citation: Volkova E.S. (2025) The image of entrepreneur in the Russian Far Eastern fiction of the late XX - early XXI century. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 222-232. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-222-232. EDN: ZGERAC.

Источниковую базу исследования составляют художественные тексты, которые представляют собой живые свидетельства современников, фиксирующие повседневные структуры постсоветского периода, дающие возможность ощутить дух эпохи, реконструировать настроения в обществе. По Ю.М. Лотману, каждый текст выступает не только генератором новых смыслов, но и конденсатором культурной памяти (Лотман, 1996. С. 21). Интеллигенция в современном обществе выступает главным субъектом легитимизации существующего порядка (Кара-Мурза, 2012. С. 12), поэтому вопрос о том, «легитимизирует ли новая проза новый русский капитал с его новым активным героем, стал не только внутрилитературным», – заключает Н.Б. Иванова, констатируя, что в постсоветский период в адрес художественной интеллигенции неоднократно звучали обвинения в том, что она «не увидела в новых "деловых людях" надежду для страны, не "поставила" на них, не выбрала их как положительных персонажей» (Иванова, 2022). Мы намереваемся внести вклад в обсуждение данного вопроса на материале дальневосточной художественной литературы.

Фигура предпринимателя входит в официальный дискурс с началом рыночных реформ, но назвать её принципиально новой, не имеющей корней и прообразов в советской действительности, вряд ли возможно. В теневом секторе экономики в 1960-е – 1980-е гг. были задействованы миллионы людей, и несмотря на то, что истинные размеры этого сектора с точностью определить невозможно, «плач об отсутствии опыта частной коммерции у россиян», по мнению Р.Х. Симоняна, можно расценивать как «очередное лукавство российских реформаторов» (Симонян, 2016. С. 324).

Дальневосточные территории в этом смысле не были исключением, скорее наоборот – высокие зарплаты и рост материального благополучия населения, с одной стороны, постоянный дефицит и неудовлетворённость социально-бытовыми условиями – с другой, и возможности, определяемые географическим положением региона, с третьей, безусловно, способствовали развитию теневого предпринимательства. Речь идёт не только об официальных торговых связях между СССР и Японией, но и о товарах, которые в частном порядке привозили из-за границы советские моряки; в позднесоветский период на барахолки поступала, к примеру, и модная одежда, изготовленная в подпольных цехах на территории Дальнего Востока, но снабжённая фирменными «лэйблами» (их доставляли те же моряки заграничавания). Несмотря на то, что подобная деятельность официально порицалась, более того, в советском законодательстве было предусмотрено административное и уголовное наказание, барахолки, спекулянты, фарцовщики стали неотъемлемой частью дальневосточной экономики. В теневую сферу, помимо моряков заграничавания и членов их семей, широко вовлекались работники торговли, сотрудники гостиниц и ресторанов, студенты и выпускники «языковых» факультетов, дети партийных функционеров и представители других групп населения (Ковалевская, Крушанова, 2013. С. 97–102).

В художественной литературе, помимо общепотребимых названий, приведённых выше, встречаются и другие: «энергичные люди» (Шукшин, 1985. С. 454), «теневики» (Заводинский, 1993. С. 31), «двигуны» (Князев, 1999. С. 25). «Это просто предприимчивые люди, которым бюрократическая система мешала реализовать свой потен-

циал, заставляла уходить в подполье, – рассуждает в повести В.Г. Заводинского первый секретарь горкома КПСС Пётр Ложечкин. – ...*А теперь только они и способны подхватить рушащуюся экономику, не дать ей полностью развалиться*» (Заводинский, 1993. С. 31). Законодательство второй половины 1980-х, легализовавшее частное производство, дало возможность таким гражданам выйти из тени и развернуть бурную деятельность.

Многие аппаратчики, как и «теневики», быстро уловили ветры перемен: Ложечкин *«всем нутром чувствовал, что пора выскальзывать из рядов партийной номенклатуры и встраиваться в какие-то новые ряды, с новыми перспективами»* (Заводинский, 1993. С. 36). Уже во второй половине 1980-х гг. партийные и комсомольские функционеры, по словам О.В. Крыштановской, получают возможность обменивать свою власть на собственность (Крыштановская, Куколев, Владыцкая, 1995. С. 58). Г.К. Ашин отмечает, что «переходный период, когда старые антирыночные законы уже не работают, а новые – рыночные – ещё не созданы или ещё не работают, для бюрократической элиты – лучшее, сказочное время, дающее ей такие права, о которых она раньше могла только мечтать» (Ашин, 1995. С. 47). Вот и Ложечкин «со товарищи», не желая в новой реальности терять социальный статус и достигнутый уровень материального благополучия, создают собственную компанию, откровенно злоупотребляя административным ресурсом (Заводинский, 1993. С. 93–94). Ярко контрастируют с местной элитой *«вчерашние плебеи»*, которые после выхода закона о кооперации начинают своё дело с нуля и вынуждены *«вкалывать по шестнадцать часов в сутки»*. Руководитель кооператива Серж, *«выросший в пьяной нищете подворотен»*, разглядывая спортивную фигуру и тщательно уложенную причёску партийного функционера, размышляет: *«Вот такие гладкие да холёные и раньше были хозяевами жизни, и теперь очень ловко прыгнули в дамки»* (Заводинский, 1994. С. 259, 335).

Арнольд Сапунов из романа А.В. Кузнецова-Тулянина, представитель торговой династии, ведущей начало с дореволюционных времён, а в позднесоветский период второй секретарь райкома комсомола, одним из первых на острове Кунашир почувствовал, что пришли новые времена, стал выстраивать товарные потоки, *«обрастать ларь-*

ками и магазинчиками» и вскоре превратился в *«местного торгового бога»*. Он *«знал цены на все предметы в окружающем мире, а то, что не имело цены, его не интересовало»*, иронически заключает автор. Деловой хватке Сапунова можно позавидовать, в то же время, это беспринципный делец, который с началом новой эпохи *«ступал по земле хозяином»*, презирая простых *«людишек»*, и ради наживы не останавливался ни перед чем (Кузнецов-Тулянин, 2006. С. 278–282).

Лирический герой В.Г. Лецика летом 1991 г. приходит в благовещенский Дом молодёжи на встречу с американскими проповедниками. *«Здание принадлежало комсомолу, – комментирует автор. – ...Комсомольские секретари, замы и завыв оперативно ковали деньгу – в свой карман, разумеется, – задвинув идеологию куда подальше. Они открывали видеосалоны, где зритель за два рубля смотрел порнуху, и в то же время сдавали клубные помещения в аренду всякого рода религиозным проповедникам. И Бога, и сатану вожаки комсомола запрягли в одну упряжку и знали её по неведомой, но манящей дороге первоначального накопления капитала»* (Лецик, 2019. С. 47). Е.П. Гончаров в своей повести констатирует, что с началом рыночных реформ *«вчерашние пламенные коммунисты побросали свои партийные билеты и занялись делёжкой социалистической экономики, взрывая конкурентов и обкрадывая трудовые коллективы»* (Гончаров, 2018. С. 12).

Рядового гражданина поражает быстрота и цинизм, с которыми партийные и комсомольские функционеры обращаются в новую «веру»: ещё недавно они исповедовали коммунистические идеалы, а теперь уповают на «невидимую руку рынка» (которая, напомним, впервые появляется в трудах А. Смита в конце XVIII века: экономист считал, что, стремясь к личной выгоде и комфорту, люди тем самым неосознанно работают на благо общества). Акцентирование этого принципа приводит к переоценке общественных ценностей. Герой В.В. Сукачева, начинающий коммерсант, говорит приятелю: *«Ты, Санёк, мыслишь старыми категориями, а надо перестраиваться: если тебе будет хорошо, то и отечество заживёт неплохо...»* (Сукачев, 2005. С. 458).

Но возведение личной выгоды в абсолют с этической точки зрения неприемлемо, заключают

литераторы. Персонаж П.М. Никиткина восклицает: «Вот как действует главный закон наступившего момента: сильный пожирает слабого!» (Никиткин, 2015. С. 208). Лирический герой В.И. Данилушкина рассуждает: «Где достать деньги... боготому? У другого богатого? Ответ неверный. Разве ж дадут? Взять можно у бедного, облапошив его в честной игре для лохов. Это, собственно, единственный источник – родник, так сказать, – первоначальное ограбление, а уж затем польётся ручейком, ручейки сливаются в реки и текут в море» (Данилушкин, 2009. С. 68). Целый ряд дальневосточных авторов (кто саркастически, кто возмущённо, кто с неприкрытой болью, а кто – стараясь сохранять философское спокойствие) констатирует, что обогащение богатых за счёт обнищания бедных в новой системе общественных отношений признаётся допустимым и нормальным. По сути, точка зрения литераторов совпадает с оценками исследователей, заключающих, что созданная российскими младореформаторами рыночная система в первые же годы продемонстрировала этический провал (Ашин, 1995. С. 46–47; Симонян, 2016. С. 127–128; Родионова, 2021. С. 41).

Прозаик А.В. Гребенюков считает, что ваучерную приватизацию можно рассматривать как одну из мошеннических схем девяностых и называет её «великим надувательством» (Гребенюков, 1999. С. 195). Литераторы фиксируют взаимосвязь между приватизацией и деиндустриализацией, подчёркивая, что переход предприятий в частные руки зачастую сопровождался упадком производства и как следствие – массовыми сокращениями работников, ростом безработицы, разрушением социальной инфраструктуры. А.Л. Драбкин в своём рассказе рисует типичную картину: «Сначала комбинат [«Хинганолово»] поделили между разными предпринимателями, которые, судя по всему, не собирались продлевать жизнь предприятию. Они стремительно стали распродавать всё, что подлежало продаже... Из Хинганска вместе с комбинатом уходила цивилизация, а на её месте прочно утверждался криминал» (Драбкин, 2022. С. 115–116). О тех же самых процессах пишет и поэт Е.К. Кохан: «Развалили завод ловкачи толстосумные, / Растащили добро и живут, как в раю. / А в цехах кое-где работяги угрюмые / Ждут, как нищий подачку, получку свою» (Кохан, 1998. С. 10).

Дальневосточные историки заключают, что в дальневосточном регионе большинство новых собственников промышленных предприятий действовали именно так: сворачивали производство и распродавали основные фонды в целях личного обогащения (Моисеева, Ващук, 2006. С. 95).

Прозаик В.В. Сукачев изображает коммерсантов, которые за валюту готовы продать приезжим иностранцам всё что угодно: и полезные ископаемые, и целебные дикоросы, и ценные произведения искусства, не жалеют и редкую, старинную икону. Один из героев возмущается: «Всё порастащат, а мы-то сами с чем жить будем?... Коммерция – пожалуйста, партнёрство – сколько хочешь, но грабить собственную землю...» (Сукачев, 2005. С. 459). Однако это мнение, судя по всему, не находит поддержки у его товарищей.

Выше уже шла речь о том, как аппаратчики в конце 1980-х – начале 1990-х превращались в предпринимателей, но вскоре начинается и обратный процесс: бизнесмены идут во власть, чтобы получить доступ к бюджетным средствам и лоббировать свои экономические интересы. В рассказе В.А. Куприенко предприниматель Чертышный (по прозвищу Чёрт), человек жадный и жестокий, «матёрый хищник», поднявшийся на китайской водке, пролез во власть, на пост первого заместителя мэра, и «нагло сгрёб на себя все выгодные узловые направления», став «истинным хозяином города и окрест» – мэр при нём был только номинальным главой. Чёрт задумал продать японцам детский санаторий («великолепные сосняки, уникальный микроклимат, прекрасная вода») и 70% от вырученной суммы положить себе в карман. Но на пути хищника встал главный врач санатория Поспелов, знакомый с ним со школьных лет (Чертышный «всех сгибал махом, но Поспелова не смог»). Врачу удалось отстоять санаторий с помощью СМИ, а вскоре Чёрт отправился в колонию за превышение должностных полномочий и нецелевое использование муниципальных средств (Куприенко, 2008. С. 129–134).

В целом отметим, что в литературных произведениях дальневосточных авторов в изобилии представлены дельцы, которые занимаются криминальным бизнесом, наживаются на природных богатствах страны или растаскивают наследство, созданное предыдущими поколениями. Историк

Л.А. Моисеева констатирует, что крупное предпринимательство постсоветского периода «вышло из "верхов": партийно-комсомольской номенклатуры, "красных директоров" и дельцов криминальной среды и теневой экономики. Крупный современный российский капитал поэтому не есть результат высочайшего профессионализма и деловой этики или естественного преумножения» (Моисеева, 2002. С. 370). Ту же мысль воспроизводит и герой прозаика А. Бондаря: «...Подобные состояния на Западе формировались веками, ну пусть десятилетиями. Наши же миллиардеры родились в считанные годы!» (Бондарь, 2011. С. 16). Герой называет новых русских «бессовестно богатыми», тем самым транслируя мнение широких слоёв российского населения: социологические исследования постсоветского периода красноречиво говорят о том, что большинство респондентов психологически не принимает новый социально-экономический уклад и не считает собственность, оформившуюся в результате рыночных реформ, легитимной (Горшков, Авилова и др., 1996. С. 98–99; Симонян, 2016. С. 129).

Целый ряд литераторов заключает, что деньги, нажитые нечестным трудом, не приносят человеку счастья. Так, герой Е.П. Гончарова организует лотерею, затем открывает казино: «Это было воистину золотое время... Проигрывались заводы, пароходы и самолёты, квартиры, обручальные кольца и золотые коронки. Неудачники стрелялись и вешались. Семёнов уже не знал, куда деть деньги...» Но вскоре герой умирает «нелепой и мучительной смертью, откушав в Гонконге японских суши, заражённых неизлечимыми микрорганизмами, съевшими его организм изнутри за неполный месяц. За этот короткий срок он успел потратить на дорогостоящие, но совершенно бесполезные импортные лекарства все свои немалые сбережения на чёрный день» (Гончаров, 2018. С. 18–19).

Резкая дифференциация общества, реактивное разделение бывших советских граждан на богатых и бедных в художественных текстах рассматривается как фактор роста криминогенности – в этом литераторы солидарны с криминологами (Долгова, 2003. С. 103)¹. Если собственность нелегитимна, то отнять и присвоить её с точки зрения

морали вполне допустимо: так зачастую рассуждает нуждающийся рядовой гражданин. Разумеется, это тема отдельного исследования (Волкова, 2019), здесь же приведём отрывки из повести А.С. Тоболяка, не только реконструирующего побудительные мотивы преступника, но и воссоздающего образ предпринимателя-жертвы. Журналист (и начинающий литератор) по фамилии Кумиров, находящийся в трудном материальном положении после рождения ребёнка, обращается за помощью к бывшему однокласснику по кличке Молва, который стал успешным бизнесменом. «Он был бесподобно талантлив в своей информированности, – вспоминает герой. – Но ни я, ни мои приятели, ни его дружки, да, наверно, и сам он не могли представить, ...что как раз этот дар божий вкупе с весёлой, нагловатой предприимчивостью вознесёт его на коммерческие высоты...» Возможно, определённую роль в этом сыграл и отец Молвы, в недалёком прошлом крупный партийный функционер. В школе Кумиров был на хорошем счету, вспоминает Молва: «У вас своя компания. Элитная... Высокие материи: поэзия, космос, компьютеры. А мы больше насчёт подворотен да спорта. Третий сорт, а?» Но теперь всё переменялось: Кумир отправляется на поклон к «третьему сорту», просит денег в долг. «Я купюраами подтираюсь, а тебе действительно надо, я же вижу», – говорит Молва. Ощущая своё превосходство, он всячески старается унижить одноклассника, апофеозом становится фраза: «Жаль мне тебя, ...таких нищих, как ты, стерилизовать надо, чтобы детей не плодили». В одну из встреч журналист пророчески замечает: «Глядишь, кто-нибудь прихлопнет тебя с твоими миллионами. Свои или чужие». В конце концов, это делает сам Кумиров – новоявленный Раскольников, пытаясь убедить себя, что «в этой смерти есть высшая справедливость» (Тоболяк, 1994. С. 85–86, 92, 95, 154, 160).

В то же время, отталкивающий образ нового русского, ловкого и беспринципного дельца, купающегося в роскоши – далеко не единственный ракурс, под которым литераторы рассматривают развитие бизнеса в постсоветский период. Для многих дальневосточников частное предпринимательство стало практикой выживания в условиях жёсткого экономического кризиса. Оставшиеся без работы и/или достойной зарплаты инженеры, врачи, учи-

¹ Долгова А.И. Криминология : краткий учеб. курс. М. : Норма, 2003. 267 с. EDN: QVRAHN.

теля, офицеры, научные сотрудники в массовом порядке включались в трансграничную торговлю с КНР, Японией, Южной Кореей: на территорию региона широким потоком хлынули всевозможные товары народного потребления и подержанные автомобили². «Правый руль, китайские тряпки, "чокопаи" и карандаши от тараканов – вот что в 90-е годы работало на парализованную империю, как запасной аккумулятор или аппарат искусственного дыхания», – читаем в романе В.О. Авченко (Авченко, 2012. С. 301). В романе П.М. Никиткина старик Матвейч из таёжного посёлка акцентирует внимание на том, что бизнес создаёт рабочие места: «*Вся надежда теперь на вас, на молодых частных предпринимателей. Вы для нас и надежда, и опора*». «*Да какая, к чёрту опора?* – возражает собеседник. – *После той промышленной мощи, что была при социализме, ...частный предприниматель – капля...*» И слышит в ответ: «*Ничего, из капель и ливневый дождь состоит*» (Никиткин, 2015. С. 47).

Персонаж А.В. Гребенюкова, Аркаша Плетнёв, бывший старший научный сотрудник научно-исследовательского института (НИИ), рассказывает однокашнику: «*...Из нашего НИИ смастрячили цельный универмаг, сдав все помещения коммерсантам. С аренды кое-кто и живёт*» (судя по всему, герой намекает на предприимчивое руководство института). Сам же Плетнёв теперь стоит на рынке за прилавком, где разложено «*всякое китайское барахло*», а его жена «*гоняет в Китай*» челноком. Аркадий откровенно говорит, что новая работа ему не по душе, и рассматривает её исключительно как способ пережить сложные времена (Гребенюков, 1999. С. 196–197).

Но в литературных произведениях мы встречаем и таких героев, кто, став предпринимателем, наконец-то почувствовал, что нашёл своё место в жизни, кто работает с энтузиазмом и получает удовольствие от нового рода деятельности. Незаурядная коммерческая жилка порой обнаруживается в людях, которые в прежней системе практически не имели шансов занять достойное положение в обществе. Так, герой В.Д. Пасманика встречает старого знакомого на шикарном автомобиле: «*...Это*

был Сёмка Левинсон. Да-да! Тот самый швейцар и шлимазл³! О! Он теперь бизнесмен. У него три магазина и два киоска на городском рынке. Ну и что, что он туповатый и с трудом в своё время окончил семь классов? Может быть. Только раньше-то у нас были совсем другие стандарты. И когда Сёма вёз меня домой, сидя рядом с размазанной девицей, которую он мне представил как личного секретаря, и рассказывал за свой гешефт⁴, я понял, что тупой не он, а я» (Пасманик, 2012. С. 121).

В.Г. Заводинский пишет о лихих кооператорах, поднявшихся из самых низов общества. Серж, председатель кооператива, вырос в семье уборщицы и грузчика винно-водочного магазина, имел судимость, а вот образованием похвастаться не мог, и «*когда вышел закон о кооперации, Серж сразу понял: это – для него...* Кооператив сулил удивительное – *независимость и уверенность в будущем*». Кооператоры «*хотели видеть своих детей здоровыми и счастливыми, хотели дать им больше, чем получили когда-то сами*», и вынашивали идею комфортабельного детского сада и школы-пансионата в тихой санаторной зоне и даже «*строительства жилых домов улучшенной планировки: в таких жили городские тузы и блатники*» (Заводинский, 1993. С. 7–8, 12). Когда же при строительстве детского комплекса возникли финансовые проблемы, глава кооператива отказался взвинчивать цены на свои товары и услуги – «*не хотел обдирать таких же трудяг, каким был он сам, не хотел, чтобы слово "кооператор" превратилось в ругательство*» (Заводинский, 1994. С. 259).

Заслуживает внимания и образ Вани Франта, двоюродного брата Сержа: за свою жизнь Иван «*много чего перепробовал: валил сибирский лес, ловил океанскую рыбу, гонял такси в большом городе, сопровождал грузы на железной дороге и даже разводил кроликов. Иногда у него случались немалые деньги, но они тут же таяли*». Но с началом перестроечных реформ, когда Серж предложил брату создать кооператив, тот почувствовал, что пришло его время: в бизнесе удивительным образом раскрылись таланты Франта. Теперь он, «*свежеиспечённый нувориш, счастливый совет-*

² Подробнее о «праворульном» бизнесе на Дальнем Востоке см: (Ковалевская, Волкова, 2024).

³ Швейцар – болтун, трепач; шлимазл – неудачник (идиш).

⁴ Гешефт – выгодная сделка (идиш).

ский бизнесмен в первом поколении», ездит на се-ребристом «вольво», одевается по последней моде, сорит деньгами, но... вскоре погибает от пуль рэкети́ров (Заводинский, 1993. С. 6).

Риски и в самом деле были высоки. Вездесущий рэкет, различные криминальные и коррупционные схемы, обилие нормативных документов и проверяющих инстанций ощутимо затрудняли ведение бизнеса, и попробовать свои силы в роли предпринимателя решался далеко не каждый. В рассказе А.В. Гребенюкова читаем: «Уж больно много всяких правил на голову коммерсанта обрушилось: и по пожарной, и по санитарной, и по налоговой части. Такое впечатление складывалось, будто там, наверху, ломали головы и так и этак, чтобы прищучить бедного частного торговца, не дать ему своё дело прибыльно развернуть» (Гребенюков, 1998. С. 55). В романе П.М. Никиткина на замечание старика о том, что теперь в стране «полная свобода, никаких ограничений в выборе трудовой деятельности», водитель, мужчина средних лет, возражает: «Попробуй сейчас, во время этой свободы, открыть своё дело и поймёшь: сколько сидят с ложкой и сколько с сошкой. <...> За каждой бумажкой – взятка» (Никиткин, 2015. С. 48).

Молодой, горячий Генка, герой А.В. Гребенюкова, решает попробовать себя в роли коммерсанта. «У нас сейчас знаешь что началось? – спрашивает он нанятого водителя КамаЗа. – Читал про ковбоев? Они вот осваивали Дикий Запад. А мы дикий российский рынок». В первый же день рэкетеры, милиция и контрагенты выжимают из начинающего предпринимателя соки, и после всех перипетий выясняется, что Генка «с чем уехал – с тем и вернулся». «И тут его прорвало: – Всё! В гробу я видел эту коммерцию!.. Чтоб я ещё... Да ни в жизнь!» (Гребенюков, 1998. С. 9, 13). Но по прошествии нескольких лет мы видим героя садящимся в сверкающий лимузин и по его разговору с партнёром понимаем, что Геннадий Иванович стал преуспевающим бизнесменом: несмотря на все риски дикого рынка, предпринимательский дух побеждает. Читатель невольно проникается уважением к главному герою.

В романе магаданца В.В. Горбаня молодые коммерсанты, занимающиеся продажей и перегоном подержанных японских автомобилей, стано-

вятся жертвами рейдерского захвата. В результате два партнёра расстаются не только с бизнесом, но и с жизнью; третий числится пропавшим без вести; лишь четвёртый (пока) остаётся в живых, получив уголовный срок за прошлые грехи (Горбань, 2005. С. 56, 67, 394).

В рассказе А.В. Гребенюкова с характерным названием «И пулемёт в хозяйстве пригодится» рекламный агент поясняет приятелю: «Многие фирмы просто боятся давать рекламу, чтобы не светиться: с одной стороны – перед налоговой, а с другой стороны – перед мафией. И те, и другие не против подстричь их как английский газончик» (Гребенюков, 1998. С. 31).

Проза А.В. Гребенюкова интересна тем, что он сам пять лет проработал в бизнесе – опыт для писателя просто бесценный. «У меня появилась масса разнообразнейших знакомых, моими клиентами были и мафиози, и вполне уважаемые банкиры, – рассказывал автор в одном из интервью. – ...Не обязательно все они были злодеями, есть среди них и другие русские. У меня возникла неплохая возможность наблюдать разных людей, изучать их в новых капиталистических обстоятельствах. ...Конечно, многое меня огорчало, в бизнесе ведь у нас достаточно людей непрофессиональных, для них дело – это, прежде всего, личная выгода, личное благосостояние, богатство. К тому же в наших условиях при плохой, неработающей экономике честного человека в бизнесе быстро раздавят, растопчут и выбросят на обочину» (Чернявский А. Из-за крыльев ангела выглядывает бес // Тихоокеанская звезда (г. Хабаровск). 2000. 6 сент.)⁵. В интервью писатель затрагивает вопрос и об отношении предпринимателей к наёмным работникам, отмечая, что зачастую новые хозяева жизни обращаются со своими сотрудниками «по-хамски – другого слова не подберу, не понимая того, что дешёвый работник, холоп по натуре своей, им просто невыгоден, он ненадёжен и никогда не будет думать и помышлять о благосостоянии хозяина» (Там же). Та же самая проблема нашла отражение и в романе А.В. Гребенюкова «Ангел и бес».

⁵ Чернявский А. Из-за крыльев ангела выглядывает бес // Тихоокеанская звезда. 06.09.2000. URL: https://toz.su/newspaper/arkhiv/2000_09_06_iz_za_krylev_angela_vyglyadyvaet_bes/ (дата обращения 18.10.2024).

А.В. Гребенюков создаёт целую галерею портретов предпринимателей: каждый из них – живой человек со своими сильными и слабыми сторонами, иногда со странностями, не всегда действующий рационально. Так, один из героев, «жесткий, самолюбивый и бескомпромиссный» предприниматель, лично навещает заболевшего сотрудника – нелепого грузчика по прозвищу Македонский – в его халупе и привозит с собою ящик продуктов. Оказывается, шеф суеверен («как многие "крутые"», отмечает автор) и почему-то решил, что этот странноватый, неуклюжий сотрудник приносит компании удачу. В конце рассказа мы убеждаемся, что предприниматель не ошибся – Македонский предотвращает крупную кражу, запирая грабителей в помещении склада, за что получает от шефа премию, значительно превышающую его годовой оклад (Гребенюков, 1998. С. 48–54).

Валерий Кутылов, персонаж магаданского прозаика В.М. Фатеева, в позднесоветские годы работал в оборонной промышленности, занимал руководящие должности, а в 1990-е, когда ВПК пришёл в упадок, «подался в коммерцию». Стартовый капитал он составил на перепродаже сигарет, затем открыл производство кондитерских изделий и пива, создал сеть розничных магазинов и киосков. «Его не могли обмануть ни продавцы, ни бухгалтер, – читаем в романе «Город в законе». – ...Мощный аналитический ум, прекрасное знание человеческой психологии и какое-то звериное предвидение возможных вариантов развития событий и умение подстраховаться от неожиданностей создало его фирме ореол непотопляемости и абсолютной лояльности в смысле закона. Он... честно платил все налоги, но его дело было построено так, что налоги оказывались минимальными». Эпикуреец и жизнелюб, Кутылов «держал баню и имел множество друзей», но в какой-то момент он вступает в конфликт с новой местной администрацией: «для них он был чужаком – во-первых, не дал в свое время деньги на выборную компанию, во-вторых открыто критиковал». В результате у предпринимателя «отнимают лицензию на водку, натравили все контролирующие службы, штрафы за штрафами, в общем, допекли». Кутылов просит друга-журналиста опубликовать компромат на самого одиозного чиновника и принимает решение баллотироваться в

депутаты городской думы, «чтобы не бандиты и купленные командовали в Думе, а нормальные, обладающие здравым смыслом мужики» (Фатеев, 1999)⁶. Сахалинский писатель И.Д. Левитес в своём романе констатирует, что постепенно бизнес в России становится всё более профессиональным: «пришли иные времена и серьёзные люди, смахнувшие мелких бизнесменов-самоучек с проторённой узенькой тропки, расширив и превратив её в налаженную широкую дорогу» (Левитес, 2009. С. 187).

Подводя итог, отметим, что предприниматели в художественных произведениях по большей части представляют собой сложные, неоднозначные фигуры. Целый ряд литературных героев-бизнесменов равнодушны к судьбе своей страны, своего народа, ориентируются исключительно на получение прибыли и неразборчивы в средствах достижения целей. Вопросы деловой этики, социальной ответственности, экологические проблемы не входят в сферу их интересов – этим и объясняется негативное отношение широких слоёв населения, которое транслируют литераторы. Неприятие абсолютизированного принципа рыночной эффективности, не обременённого этическими требованиями, красной нитью проходит через художественные тексты. В то же время, обвинения в очернении славного образа предпринимателя, как основной силы российской модернизации, автору представляются несостоятельными: литераторы не демонизируют предпринимателей, как класс, рассматривая каждого персонажа как живого человека, действующего в конкретных социально-экономических реалиях; в художественных текстах присутствуют и литературные герои-бизнесмены, имеющие нейтральную и позитивную окраску. Предприниматель, ставящий во главу угла честный труд, профессионализм и знание рынка, вызывает искренний интерес и уважение, как человек способствующий развитию экономики, создающий рабочие места.

Для одних литературных персонажей собственное дело явилось экстремальным, неудавшимся опытом, для других – мимолётным увлече-

⁶ Фатеев В.М. Город в законе. Магадан : ОАО «МАОБТИ», 1999. URL: <https://www.litlib.net/bk/81282/read> (дата обращения 14.10.2024).

нием, для третьих – практикой выживания в новой реальности; кто-то увидел в бизнесе широкие возможности для самореализации, а кто-то использовал его как эффективный инструмент для перехода на новый уровень жизни. В общем и целом, можно констатировать, что в конце XX – начале XXI в. свобода предпринимательства (несмотря на сопут-

ствующие риски) прочно вошла в число ценностей, получивших признание в российском обществе, чего не скажешь об идеях максимизации прибыли и личной выгоды. Оценки литераторов в основном согласуются с данными социологических опросов и заключениями целого ряда исследователей.

Список источников

- Авченко В.О. Правый руль. М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. 368 с.
- Ашин Г.К. Смена элит // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 40–50.
- Бондарь А. Блуждающий в тумане // Осколки ледяных зеркал : в 2 кн. Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального ун-та, 2011. Кн. 1. 444 с.
- Волкова Е.С. «Криминальные и погостные» 1990-е в художественных произведениях дальневосточных литераторов // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 22. С. 116–134. DOI: 10.24411/2658-5960-2019-10008. EDN: GVFOCI.
- Гончаров Е.П. New «Мёртвые души» : И другие повести и рассказы. [Б.м.] : Издательские решения, 2018. 198 с.
- Горбань В.В. ...И будем живы. М. : Андреевский флаг, 2005. 432 с.
- Горшков М.К., Авилова А.В., Андреев А.Л. и др. Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов // Мир России. Социология. Этнология. 1996. Т. 5. № 2. С. 75–116. EDN: NZGIII.
- Гребенюков А.В. Ангел и бес (продолжение) // Дальний Восток. 1999. № 5–6. С. 171–219.
- Гребенюков А.В. Ох, уж эти русские. Хабаровск : РИОТИП, 1998. 272 с.
- Данилушкин В.И. Магаданский синдром // Дальний Восток. 2009. № 6. С. 3–70.
- Драбкин А.Л. 20 лет в условиях неочевидности: очерки, рассказы, зарисовки о Биробиджане криминальном. Биробиджан : [б.и.], 2022. 159 с.
- Заводинский В.Г. Меч Азраила // В исключительных обстоятельствах. Владивосток : Дальиздат, 1993. С. 5–179.
- Заводинский В.Г. Огонь опалает лица // В исключительных обстоятельствах. Владивосток : Дальиздат, 1994. С. 259–342.
- Иванова Н.Б. Когда погребают эпоху // Знамя. 2022. № 4. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8272> (дата обращения 15.10.2025).
- Кара-Мурза С.Г. Государственная политика в духовной сфере: задачи и провалы // Государственная политика и управление современной России в сфере идеологии, мировоззрения, религии, пропаганды, культуры и воспитания. Материалы научного семинара. М. : Научный эксперт, 2012. Вып. 2 (49). С. 6–17.

References

- Avchenko V.O. (2012) Right-hand Drive. Moscow: Ad Marginem Press. 368 p. (In Russ.).
- Ashin G.K. (1995) The change of elites. *Social sciences and modernity*. No. 1. P. 40-50. (In Russ.).
- Bondar' A. (2011) Wandering in the fog. *Fragments of ice mirrors*. In 2 books. Vladivostok: Far Eastern Federal University. Book 1. 444 p. (In Russ.).
- Volkova E.S. (2019) The “criminal and graveyard” 1990s in literary works of the Russian Far Eastern writers. *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 22. P. 116-134. (In Russ.). DOI: 10.24411/2658-5960-2019-10008. EDN: GVFOCI.
- Goncharov E.P. (2018) New “Dead Souls”: And other novels and stories. [Without place]: Publishing solutions. 198 p. (In Russ.).
- Gorban' V.V. (2005) ... And we will be alive. Moscow: Andreevskii flag. 432 p. (In Russ.).
- Gorshkov M.K., Avilova A.V., Andreev A.L. etc. (1996) The mass consciousness of Russians in the period of social transformation: Reality versus myths. *The World of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 5. No. 2. P. 75-116. (In Russ.). EDN: NZGIII.
- Grebenyukov A.V. (1999) Angel and the devil (continued). *Far East*. No. 5-6. P. 171-219. (In Russ.).
- Grebenyukov A.V. (1998) Oh, those Russians. Khabarovsk: RIOTYPE. 272 p. (In Russ.).
- Danilushkin V.I. (2009) Magadan syndrome. *Far East*. No. 6. P. 3-70. (In Russ.).
- Drabkin A.L. (2022) 20 years in the conditions of non-obviousness: essays, stories, sketches about criminal Birobidzhan. Birobidzhan. 159 p. (In Russ.).
- Zavodinskii V.G. (1993) Azrael's Sword. *In Exceptional Circumstances*. Vladivostok: Dalizdat. P. 5-179. (In Russ.).
- Zavodinskii V.G. (1994) Fire scorches faces. *In Exceptional Circumstances*. Vladivostok: Dalizdat. P. 259-342. (In Russ.).
- Ivanova N.B. (2022) When the epoch is buried. *Znamya*. No. 4. Available at: <https://znamlit.ru/publication.php?id=8272> (Accessed 15.10.2024). (In Russ.).
- Kara-Murza S.G. (2012) State policy in the spiritual sphere: tasks and failures. *State Policy and Management of Modern Russia in the Field of Ideology, Worldview, Religion, Propaganda, Culture and Education*. Iss. 2 (49). Moscow: Scientific Expert. P. 6-17. (In Russ.).

- Князев Л.Н. Печаль навсегда. Владивосток : [б. и.], 1999. 199 с.
- Ковалевская Ю.Н., Волкова Е.С. История «правого руля» на постсоветском Дальнем Востоке: социальное значение и институциональная динамика // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2024. Т. 45. С. 124–143. DOI: 10.24412/2658-5960-2024-45-124-143. EDN: APRHPU.
- Ковалевская Ю.Н., Крушанова Л.А. Становление предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1960 – начале 1990-х гг.: от «барахолки» к рынку // Россия и АТР. 2013. № 4 (82). С. 96–112. EDN: RWRJMH.
- Кохан Е.К. Когда-нибудь // Дальний Восток. 1998. № 2. С. 10–12.
- Крыштановская О.В., Куколев И.В., Владыцкая В.А. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65. EDN: SDDDHZ.
- Кузнецов-Тулянин А.В. Язычник. М. : ТЕРРА : Книжный клуб, 2006. 384 с.
- Куприенко В.А. Рагу из мухоморов: с миру по строчке. Благовещенск : Визави, 2008. 158 с.
- Левитес И.Д. Переходный возраст: избранное. Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное издательство, 2009. 396 с.
- Лецик В.Г. Америка с доставкой на дом // Зелёная лампа. Литературный альманах. Вып. 3. Благовещенск : Царское слово, 2019. С. 44–68.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М. : Языки русской культуры : Кошелев, 1996. XIV, 447 с.
- Моисеева Л.А. Государственная политика развития предпринимательства на Дальнем Востоке России (1985–2000 гг.). Владивосток : Дальнаука, 2002. 404 с.
- Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. Владивосток : Дальнаука, 2006. 348 с. EDN: QRVFLJ.
- Никиткин П.М. Русский берег. Благовещенск : [б. и.], 2015. 256 с.
- Пасманик В.Д. Письмо с Востока на Восток // Биробиджан. Литературно-публицистический альманах. 2012. № 1 (9). С. 120–122.
- Родионова Н.В. Оправданы ли выгоды предпринимателей в модели рыночной экономики? // Журнал прикладных исследований. 2021. № 2–2. С. 38–48. DOI: 10.47576/2712-7516_2021_2_2_38. EDN: KOFFAG.
- Симонян Р.Х. Без гнева и пристрастия: экономические реформы 1990-х годов и их последствия для России. М. : Экономика, 2016. 366 с. EDN: XAQQTP.
- Сукачев В.В. Избранные рассказы. Хабаровск : ИД Дальний Восток, 2005. 526 с.
- Тоболяк А.С. Денежная история // Дальний Восток. 1994. № 10. С. 81–164.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений в трёх томах. М. : Молодая гвардия, 1985. Т. 3: Рассказы 1972–1974 гг. ; Повести ; Публицистика. 671 с.
- Knyazev L.N. (1999) Sadness forever. Vladivostok. 199 p. (In Russ.).
- Kovalevskaya Yu.N., Volkova E.S. (2024) History of “right hand drive” in the post-soviet Far East: social significance and institutional dynamics. *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 45. P. 124-143. (In Russ.). DOI: 10.24412/2658-5960-2024-45-124-143. EDN: APRHPU.
- Kovalevskaya Yu.N., Krushanova L.A. (2013) The beginning of business activities in the Far East of Russia in 1960s - early 1990s: from "flea market" to the market. *Russia and the Pacific*. No. 4 (82). P. 96-112. (In Russ.). EDN: RWRJMH.
- Kokhan E.K. (1998) Someday. *Far East*. No. 2. P. 10-12. (In Russ.).
- Kryshtanovskaya O.V., Kukolev I.V., Vladyskaya V.A. (1995) Transformation of the old nomenclature into the new Russian elite. *Social Sciences and Modernity*. No. 1. P. 51-65. (In Russ.). EDN: SDDDHZ.
- Kuznetsov-Tulyanin A.V. (2006) Pagan. Moscow: TERRA Book Club. 384 p. (In Russ.).
- Kuprienko V.A. (2008) Stew of fly agarics: from the world by line. *Blagoveshchensk: Vis-a-vis*. 158 p. (In Russ.).
- Levites I.D. (2009) The transitional age: favorites. *Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Book Publ.* 396 p. (In Russ.).
- Letsik V.G. (2019) America with home delivery. *Green lamp. Literary Almanac*. Iss. 3. Blagoveshchensk: Tsarskoe Slovo. P. 44-68. (In Russ.).
- Lotman Yu.M. (1996) Inside thinking worlds. Man - text - semiosphere - history. Moscow: Languages of Russian culture: Koshelev. XIV. 447 p. (In Russ.).
- Moiseeva L.A. (2002) State politics of enterprise development in Russian Far East (1985-2000). Vladivostok: Dal'nauka. 404 p. (In Russ.).
- Moiseeva L.A., Vashchuk A.S. (2006) A history of entrepreneurship in the Russian Far East at the XX-XXI centuries. Vladivostok: Dalnauka. 348 p. (In Russ.). EDN: QRVFLJ.
- Nikitkin P.M. (2015) Russian Coast. Blagoveshchensk. 256 p. (In Russ.).
- Pasmanik V.D. (2012) Letter from East to East. *Birobidzhan. Literary and Journalistic Almanac*. No.1 (9). P. 120-122. (In Russ.).
- Rodionova N.V. (2021) Are the benefits of entrepreneurs justified in the market economy model? *Journal of Applied Research*. No. 2-2. P. 38-48. (In Russ.). DOI: 10.47576/2712-7516_2021_2_2_38. EDN: KOFFAG.
- Simonyan R.H. (2016) Without anger and partiality: economic reforms of the 1990s and their consequences for Russia. Moscow: Ekonomika. 366 p. (In Russ.). EDN: XAQQTP.
- Sukachev V.V. (2005) Selected stories. Khabarovsk: Far East. 526 p. (In Russ.).
- Tobolyak A.S. (1994) Monetary history. *Far East*. No. 10. P. 81-164. (In Russ.).
- Shukshin V.M. (1985) Collected works in three volumes. Vol. 3: Stories 1972-1974; Stories; Journalism. Moscow: Molodaya Gvardiya. 671 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Волкова Елена Сергеевна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдела социально-политических исследований,
Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: elenavolkova1@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6130-0299>

Вклад автора

Волкова Е.С. выполнила исследовательскую работу,
на основании полученных результатов провела обобщение
и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 20 ноября 2024 г.;
одобрена после рецензирования 27 апреля 2025 г.;
принята к публикации 5 мая 2025 г.

Information about the author

Elena S. Volkova,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Social
and Political Research,
Institute of History, Archaeology and Ethnology Far-Eastern
Branch of the RAS,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: elenavolkova1@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6130-0299>

Contribution of the author

Volkova E.S. carried out a research work, based on the
obtained results made the generalization and prepared the
manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Article info

The article was submitted November 20, 2024;
approved after reviewing April 27, 2025; accepted for
publication May 5, 2025.

Персоналия

Персоналия
УДК 929
EDN: ZSJDLI
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-233-240>

Красноярский историк Василий Васильевич Гришаев: ученый, педагог, гражданин (К 90-летию со дня рождения)

А.И. Бакшеев¹, А.Г. Рогачев², Г.А. Цыкунов³

¹ Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, Красноярск, Россия

² Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

³ Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Профессор В.В. Гришаев прошел славный путь историка, ученого, педагога-наставника и гражданина. Это выдающаяся личность общероссийского значения. Избрав дорогу ученого-историка, он много сделал на научном поприще: более 40 лет руководил работой кафедры истории Красноярского государственного университета, занимался организацией гуманитарного института Сибирского федерального университета, подготовил десятки кандидатов и докторов наук, организовал знаменитые исторические среды, многочисленные конференции, издание сборников статей и тезисов. Его научный интерес, несомненно, был определен крестьянским происхождением, болью и надеждой за судьбу российской деревни. В 1967 г. в Москве В.В. Гришаев защитил кандидатскую диссертацию «Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции», в 1979 г. в Новосибирске – докторскую диссертацию «Сельскохозяйственные коммуны Советской России (1917–1929 гг.)», ставшую одним из первых предметных научных исследований этой темы. Василий Васильевич проявлял необыкновенно теплые отношения как к своим коллегам, так и к аспирантам, молодым преподавателям. Под его руководством были подготовлены 28 кандидатов наук. Для примера в данном материале перечислены диссертации, подготовленные под руководством В.В. Гришаева и чья защита состоялась в диссертационном совете по историческим наукам при Иркутском государственном университете. Его ученики продолжают плодотворную преподавательскую и научно-исследовательскую работу во многих высших учебных заведениях Восточной Сибири. Многие из его бывших аспирантов защитили докторские диссертации и возглавляют исторические и другие гуманитарные кафедры. В.В. Гришаева нет с нами, но светлая память об учителе, ученом, соратнике, друге, мудром старшем товарище остаётся с нами навсегда.

Ключевые слова: Василий Васильевич Гришаев, личные качества, научная биография, ученики, крестьянство, Московский государственный университет, Красноярский край, Хакасия, Сибирский федеральный университет, аграрные коммуны России и Сибири

Для цитирования: Бакшеев А.И., Рогачев А.Г., Цыкунов Г.А. Красноярский историк Василий Васильевич Гришаев: ученый, педагог, гражданин (К 90-летию со дня рождения) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 233–240. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-233-240. EDN: ZSJDLI.

Personalia

Personalia

**Krasnoyarsk historian Vasily Vasilyevich Grishaev: scientist, teacher, citizen
(For the 90th anniversary of his birth)**

Andrey I. Baksheev¹, Alexander G. Rogachev², Grigory A. Tsykunov³

¹ Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky, Ministry of Health of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia

² Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

³ Baikal State University, Irkutsk, Russia

Abstract. Professor V.V. Grishaev has passed the glorious path of a historian, scientist, teacher-mentor and citizen. He is an outstanding personality of national importance. Having chosen the path of a historian, he did a lot in the scientific field: for more than 40 years he led the work of the Department of History of Krasnoyarsk State University, organized the Institute of Humanities of Siberian Federal University, trained dozens of candidates and doctors of sciences, organized famous historical media, numerous conferences, and the publication of collections of articles and abstracts. His scientific interest was undoubtedly determined by his peasant origin, pain and hope for the fate of the Russian countryside. In 1967 in Moscow, V.V. Grishaev defended his PhD thesis “Building Soviets in the countryside in the first year of the Socialist Revolution”, in 1979 in Novosibirsk – his doctoral thesis “Agricultural communes of Soviet Russia (1917-1929)”, which became one of the first substantive scientific studies of this topic. Vasily Vasilyevich showed an unusually warm relationship with both his colleagues, graduate students, and young teachers. Under his leadership, 28 candidates of sciences were trained. For example, this article lists dissertations prepared under the supervision of V.V. Grishaev and whose defense took place at the Dissertation Council for Historical Sciences at Irkutsk State University. His students continue their fruitful teaching and research work in many higher educational institutions of Eastern Siberia. Many of his former graduate students have defended their doctoral dissertations and head historical and other humanitarian departments. V.V. Grishaev is not with us, but the bright memory of his teacher, scientist, colleague, friend, wise senior remains with us forever.

Keywords: Vasily Vasilyevich Grishaev, personal qualities, scientific biography, students, peasantry, Moscow State University, Krasnoyarsk Territory, Khakassia, Siberian Federal University, agrarian communes of Russia and Siberia

For citation: Baksheev A.I., Rogachev A.G., Tsykunov G.A. (2025) Krasnoyarsk historian Vasily Vasilyevich Grishaev: scientist, teacher, citizen (For the 90th anniversary of his birth). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 233-240. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-233-240. EDN: ZSJDLI.

Василий Васильевич Гришаев родился 10 сентября 1935 г. в сельской глубинке Пензенской области. Детство и юность прошли в годы огромных социальных перемен и потрясений, Великой Отечественной войны, восстановления страны на рубеже 40–50-х годов XX столетия. В.В. Гришаев – выдающаяся личность, не только регионального, но и общероссийского значения, посвятившая свою научную деятельность изучению крестьянского уклада жизни. Если в отечественной литературе возшла звезда писателей деревни: В. Астафьева, В. Распутина, В. Белова, то в аграрной истории засветилось имя В.В. Гришаева. Его научный интерес, несомненно, был определен крестьянским происхождением, болью и надеждой за судьбу российской деревни.

Искреннее желание понять природу происходящих событий привело 17-ти летнего Васю Гришаева из провинциальной, сельской пензенской глубинки на исторический факультет Московского государственного университета. Случилось стать студентом столичного университета в 1952 г. В том году наконец-то состоялся XIX съезд КПСС. После XVIII съезда ВКП(б) прошло более тринадцати лет. Внешний вид Советского союза, особенно Москвы, приобретал яркие державные черты: строились «сталинские высотки», в том числе грандиозное здание Московского университета на Ленинских горах. Величие Иосифа Виссарионовича Сталина приобретало огромные размеры. И вдруг наступило 5 марта 1953 г. ... Василий Васильевич рассказывал, что тогда в смерть ве-

ликого вождя невозможно было поверить. Вместе с тысячами и тысячами советских сограждан Василий устремился в Колонный зал, где проходило массовое прощание. Люди, охваченные психозом культового поклонения, сметали на своем пути заградительные

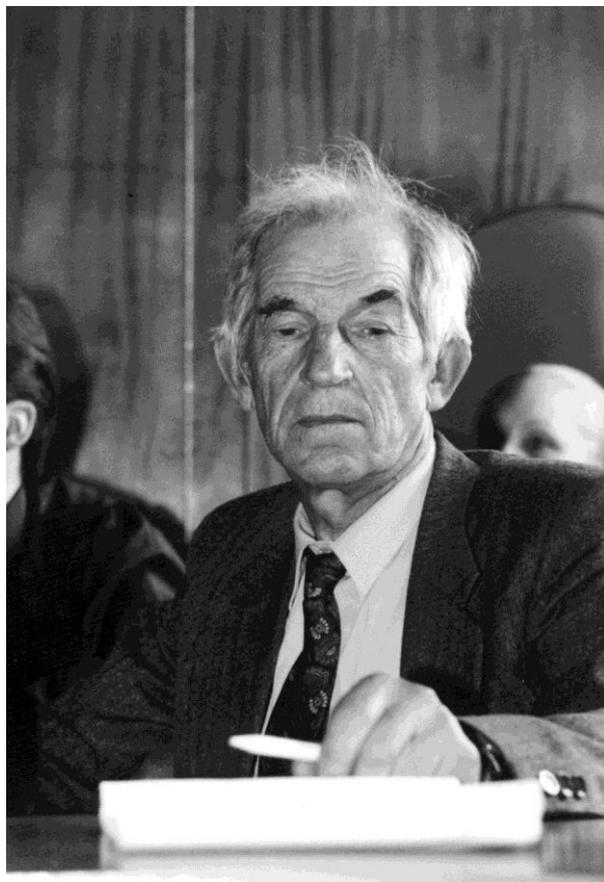

Рис. 1. В.В. Гришаев
Fig. 1. V.V. Grishaev

кордоны, перебирались через дома по крышам. Первый гришаевский заход к вождю прошел благополучно. Но Василий устремился на второй круг: какая-то неведомая сила овладела им и многими другими людьми. Как отмечал Г.К. Жуков (на встрече с которым В.В. Гришаев присутствовал в 1965 г.): «был культ, но была и личность». (Хотя можно сказать, что личность породила культ. Правда, уже осенью 1961 г. тело И.В. Сталина убрали из Мавзолея В.И. Ленина).

Второй круг вокруг Сталина едва не закончился трагически (для Василия): при штурме грузовика солдаты с огромной силой швырнули студента вниз. Но разбиться о брусчатку не дала живая (огромная) человеческая масса, которая превратилась тогда в какой-то единый организм.

Василий, к счастью, быстро пришел в себя, и полетели студенческие исторические будни. События пошли в стране и университете с невероятной быстротой. Вот происходит разоблачение и свержение Л.П. Бери, затем судебный процесс над ним в духе 30–40-х годов XX века. В сентябре 1953 г. малозаметный для народа Н.С. Хрущев становится Первым секретарем ЦК КПСС (позднее В.В. Гришаев окажется на одном фото с новым вождем, поклонником кукурузы и скорого коммунистического общества). Хрущев отстранит с государственного Олимпа сталинского любимца Г.М. Маленкова и его единомышленников.

В 1956 г. проходит знаменитый XX съезд КПСС с отдельным докладом Н.С. Хрущева о культе личности Сталина. Василий Гришаев, как комсомольский активист, знакомится с содержанием этого документа, хотя его затем в течение 33-х лет не публиковали.

Преподавание истории в МГУ подвергается необычайным потрясениям и метаморфозам. До XX съезда историческая профессура толком не понимала, что говорить студентам и какие книги-монографии по новейшей истории СССР выпускать.

1957 г.: Международный фестиваль молодежи в Москве и разгром антипартийной группы в Кремле. А между тем В. Гришаев завершает прекрасное, по своему беззаботное студенческое время. Университет, исторический факультет окончен, диплом получен, прощай Москва...

Не случайно писатель Илья Эренбург назвал это время «оттепелью» (Владимир Высоцкий: «первые проталины, похороны Сталина ...»). У В.В. Гришаева в этой революционной атмосфере навсегда сформировались демократические принципы социальной спра-

ведливости, гуманизма, высокой требовательности в первую очередь к себе и другим людям. Иногда в воспоминаниях о В.В. Гришаеве пишут о его излишней «мягкости» к коллегам, подчиненным, аспирантам и студентам. Это явный миф, который иногда распространял и сам Гришаев. Дело в том, что он мог убедить, увлечь человека на большие достижения. Но требовал серьезной работы хотя и в мягкой форме, но неуклонно и настойчиво. Поэтому более четырех десятков докторов и кандидатов исторических наук защитили свои диссертации под его руководством. Он в невероятно трудных условиях сумел создать историческое отделение в Красноярском государственном университете и затем в Сибирском федеральном университете. В.В. Гришаев бессменно заведовал исторической кафедрой 49 лет и пользовался непререкаемым авторитетом в университете, городе и крае.

А тогда в 1957 г. судьба сделала неожиданный поворот и он в одночасье и навсегда постепенно превращается в настоящего сибиряка.

Василий Гришаев сознательно выбирает работу в качестве комсомольского секретаря в далеком Алтайском районе Хакасии, автономной области Красноярского края. И так всего в 22 года от роду он занимает уже весьма серьезную общественно-политическую должность. Василий Васильевич получил в комсомоле огромный заряд оптимизма и навыков организаторской деятельности на всю дальнейшую жизнь.

В 1963 г. Первый секретарь Хакасского обкома ВЛКСМ Василий Гришаев в Красноярске на молодежном краевом форуме встречается с Юрием Гагариным. Хакасские комсомольцы вручили космонавту номер один настоящий сибирский подарок: шкуру медведя. Гагарин очень обрадовался и пообещал «отдаться» набором финских ножей.

История с медвежьей шкурой имела свою особую фабулу. В.В. Гришаев рассказывал, что им пришлось долго «вычислять» некую женщину-таежницу у которой такая шкура хранилась. На встречу с упрямой бабушкой прихватили местного начальника милиции. Но она, узнав о том, кому предназначается подарок, категорически отказалась от денег.

Василий Васильевич также с юмором вспоминал о встрече с настоящим «хозяином тайги». Комсомольцы во главе со своим вождем хорошо «посидели» на таежной заимке. Ночью Василию захотелось

пить, и он буквально на четвереньках отправился к протекающему рядом ручью. С другой стороны к источнику пришел натуральный мишка (видимо, малинки переел). Встреча двух «героев» стала памятной, но очень короткой: медведь и человек стремительно разбежались. В связи с этим следует отметить, что Василий Васильевич всегда оказывался душой приятельских компаний и от дружеского тоста никогда не отказывался. Однако всегда помнил заповедь: не за то отец сына ругал, что тот пил, а за то, что на следующий день продолжал в том же духе. Также В.В. Гришаев воспитывал и нас, своих учеников.

Довольно интересна история о том, как Василий Васильевич стал заядлым курильщиком. Его друг Юрий Николаевич Афанасьев (известный историк и политик) курил табак еще до МГУ. Он и приучил Василия к пагубной привычке. В свою очередь Юрий в студенческие годы серьезно заболел воспалением легких и навсегда, по совету врачей, куренье бросил. А Василий курильщиком остался... Но дружба их продолжалась до последних дней жизни обоих...

Годы комсомольские завершились (как в песне: «вот и все, мне тридцатый пошел...»). А Василия очень серьезно тянуло к углубленному дальнейшему изучению истории. Он успешно поступает в аспирантуру и блестяще защищает в Москве в 1967 г. кандидатскую диссертацию «Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции».

После аспирантуры В.В. Гришаев вскоре делает окончательный выбор в пользу научно-преподавательской работы. В 1969 г. открывается Красноярский государственный университет. Именно в нем кафедра истории КПСС становится для В.В. Гришаева «архимедовой» точкой опоры. Через эту кафедру авторы данных строк оказались учениками В.В. Гришаева. А.Г. Рогачев в 1973 г. будучи выпускником Саратовского госуниверситета, становится преподавателем гришаевской кафедры. Вместе с ней ему удалось проделать путь кандидата, а потом и доктора исторических наук. Чуть позже аспирантом В.В. Гришаева стал А.И. Бакшеев, успешно защитивший кандидатскую диссертацию и ставший автором ряда монографий и большого количества научных и методических публикаций. Причем аспирантуру А.И. Бакшеев проходил при Иркутском госуниверситете, т. к. в Красноярске тогда ни Совета, ни аспирантуры не было. Василий Васильевич и в Иркутске был «своим» человеком. Пользовался неизменным ува-

жением Иркутских коллег-историков. Долгие годы он оставался членом местного Совета по защите диссертаций. Надо сказать, Василий Васильевич очень любил Иркутск, его старинную, сохранившуюся с дореволюционных времен архитектуру. Обожал гулять по набережной Ангары. Всегда с радостью приезжал на заседания Советов.

Василий Васильевич наиболее весомый вклад внес в историю российского и сибирского села в советский период после революции 1917 г. и в 20–30-е годы XX века. Главными стали его работы «Сельскохозяйственные коммунуны Советской России 1917–1929 гг.» и «Коммунары Сибири» о создании сельскохозяйственных коммун в 1920-х гг., переустройстве жизни и быта сибирского крестьянства на новый лад.

В 1979 г. в Новосибирске в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР В.В. Гришаев защитил докторскую диссертацию «Сельскохозяйственные коммунуны Советской России (1917–1929 гг.)», ставшую одним из первых предметных научных исследований этой сложной и важной темы.

Рис. 2. Гришаев В.В. Коммунары Сибири
Fig. 2. Grishayev V.V. Communards of Siberia

Следует отметить, что воспитанный и сформировавшийся на демократических традициях XX–XXII съездов КПСС, он оставался принципиальным партийцем в годы так называемого «застоя». Хотя в Сибири никакого застоя и не было. Помнится, случай с незадачливым аспирантом-философом, вывесившим на всеобщее обозрение требования польского профсоюза «Солидарность». Райком партии потребовал немедленного исключения его из рядов КПСС. Но партийная организация госуниверситета при активном участии В.В. Гришаева ограничилась строгим выговором. Однако и к нам (не только в Польше) беда пришла в виде горбачевской перестройки. Партийные «низы» в КПСС оказались парализованы, а «верхи» ни к чему конструктивному просто были не способны. Национальный вопрос оказался «троянским конем» для нашей страны.

Одному из авторов данного материала – Г.А. Цыкунову, ярко запомнилась первая встреча с В.В. Гришаевым: «С этим замечательным человеком – мне удалось познакомиться в 1980 г. в Иркутске. Еще будучи студентом исторического факультета, я увлекся изучением истории сельскохозяйственных коммун Иркутской губернии. Можно считать, что благодаря сельскохозяйственным коммунам и произошла наша встреча. Они (сельскохозяйственные коммуны) нас и познакомили. Для начинающего исследователя знакомство с главным научным «коммунарком» выглядело подарком судьбы. В последствие наши встречи и дружеские отношения проходили в рамках работы диссертационного совета при Иркутском университете, на научных конференциях в Иркутске, Красноярске, Новосибирске».

Василий Васильевич, будучи известным ученым, проявлял необыкновенно теплые отношения как к своим коллегам, так и к аспирантам, молодым преподавателям. Под его руководством были подготовлены 28 кандидатов наук. Его ученики продолжают преподавательскую и научно-исследовательскую работу не только в вузах Красноярского края, но и в университетах Хакасии, Тувы. Многие из его бывших аспирантов защитили докторские диссертации и возглавляют исторические и другие гуманитарные кафедры.

Делом научной деятельности В.В. Гришаева стала аграрная история, в которой, несомненно, выделяется летопись коллективных хозяйств России, прежде всего, сельскохозяйственных коммун. В.В. Гришаев отмечает, что одной из главных причин организации

сельскохозяйственных коммун явилось стремление крестьянских масс к скорейшему преодолению хозяйственной разрухи после окончания Гражданской войны. На основании архивных документов, воспоминаний участников тех событий, он доказывает, что организация сельскохозяйственных коммун проходила вне рамок административного воздействия местных органов советской власти. В подавляющем большинстве случаев инициаторами коллективных хозяйств были сами крестьяне, стремившиеся преодолеть нищету и голод в послевоенной деревне. Именно эти мотивы способствовали объединительному движению беднейших крестьян. В.В. Гришаев аргументированно опровергал мнения оппонентов, называвших сельскохозяйственные коммуны утопическим воззрением и движением крестьянских масс. В своих научных трудах он доказывает, что именно в сельскохозяйственных коммунах впервые в сельскохозяйственном производстве начался переход от уравнилельного распределения к принципам материальной заинтересованности. Им делается вывод о том, что сельскохозяйственные коммуны своей организацией производственной деятельности, поиском новых форм хозяйствования способствовали переходу к НЭПу.

Отдельной страницей в биографии В.В. Гришаева была его плодотворная работа в диссертационном совете Иркутского университета. Не помнится случая, когда он не приезжал по каким-либо причинам из Красноярска. Его выступления при обсуждении диссертаций были глубоко осмысленными, доброжелательными, с особым обаянием для слушателей. Да и замечания он излагал в таком стиле, что не ставило диссертантов в безвыходное положение. В.В. Гришаев входил и активно работал в составе Восточно-Сибирского совета по координации и планированию гуманитарных наук, являясь рецензентом экспертной комиссии по истории партии этого совета. Системность в апробации исключила дублирование диссертационных работ и обеспечила их основательную экспертизу.

Следующие кандидатские диссертации были защищены под руководством В.В. Гришаева в диссертационном совете по историческим наукам при Иркутском государственном университете по специальности 07.00.01 – История КПСС:

Носов Александр Петрович. «Деятельность партийных организаций по укреплению своих рядов

и руководству массовыми организациями трудящихся в Дальневосточной республике (1920–1922 гг.)). 1981 г.

Тегай Виссарион Семенович. «Деятельность КПСС по развитию агропромышленного комплекса на севере Сибири в 1966–1975 гг. (на материалах Иркутской, Тюменской областей и Красноярского края)». 1983 г.

Елисова Лилия Прокопьевна. «Партийное руководство развитием совхозного производства в 1966–1970 гг. (на материалах деятельности партийных организаций Восточной Сибири)». 1984 г.

Константинова Наталья Николаевна. «Забота партии и государства об охране памятников истории и повышении их роли в коммунистическом воспитании». 1985 г.

Юрданов Геннадий Иванович. «Партийное руководство развитием сельскохозяйственной науки в период между XXIII и XXV съездами КПСС (на материалах Восточной Сибири)». 1985 г.

Бочкарев Валерий Петрович. «Деятельность Коммунистической партии по эстетическому воспитанию рабочей молодежи в период между XXIV–XXVI съездами КПСС: на материалах Восточной Сибири». 1987 г.

Сидельников Валерий Георгиевич. «Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по развитию производственной активности труженников сельского хозяйства» (1971–1980 гг.). 1987 г.

Фалалеев Вадим Альбертович. «Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по развитию и укреплению зарубежных связей региона (1971–1980 гг.)». 1987 г.

Добрецов Григорий Борисович. «Партийное руководство дипломатией Дальневосточной республики, 1920–1922 гг.». 1988 г.

Кожевникова Людмила Михайловна. «Социальная политика партии в деревне в первое послевоенное пятилетие (на материалах Восточной Сибири)». 1990 г.

Стародубцев Виктор Васильевич. «Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по осуществлению реформы общеобразовательной школы: опыт и проблемы (1981–1990 гг.)». 1990 г.

В конце 1991 г. рухнула КПСС, а в декабре 1991 г. с географической карты исчез Советский Союз. Это

событие стало настоящей геополитической катастрофой. Для всех отечественных историков встал вопрос: как теперь излагать нашу историю, какими принципами руководствоваться?

Следует отметить, что В.В. Гришаев никогда не «поступался принципами». В этом его огромное преимущество перед другими авторами. Он всегда представлял прогрессивное направление гражданской истории. Не случайно он обратился, например, к сельскохозяйственным коммунаам. В.В. Гришаев непосредственно изучил социальное творчество масс, когда они не по приказу «сверху», а по собственной инициативе создали совершенно новые народные организации. Не случайно И.В. Сталин в 1934 г. своим распоряжением прикрыл коммунаское движение.

В.В. Гришаев в постсоветский период сумел организовать вокруг себя многих историков Красноярского края и других регионов. Установились прочные научные связи с центром, другими сибирскими регионами. Очень важную роль сыграл союз В.В. Гришаева с профессором И.А. Мошетовым, директором Института повышения квалификации при Новосибирском государственном университете. В конце 1993 г. филиал этого института открывается при Красноярском государственном университете. Благодаря усилиям В.В. Гришаева и И.А. Мошетова удалось возродить систему переподготовки преподавателей истории Красноярских вузов и не только историков, но и других обществоведов.

Плодотворно продолжилась деятельность В.В. Гришаева в диссертационном совете при Иркутском государственном университете. Под его руководством здесь защищены следующие кандидатские диссертации:

В 1991 г. – Хантуев Олег Александрович. «Социально-экономическое развитие деревни в 1981–1990 гг. (на материалах Восточной Сибири)»; в 1992 г. – Бакшеев Андрей Иванович. «Опыт и проблемы взаимоотношений Советов и партийных организаций Восточной Сибири (1921–1925 гг.)»; в 1994 г. – Грязнухин Александр Григорьевич. «Переход от ревкомов к Советам в Восточной Сибири (1920–1921 гг.)»; в 1995 г. – Сафронов Сергей Алексеевич. «Столыпинская аграрная реформа в Енисейской губернии (1906–1917 гг.)»; в 2009 г. – Карлов Сергей Алексеевич. «Трансформация крестьянских хозяйств Восточной Сибири в годы нэпа (1921–1929 гг.)»; в 2010 г. – Редь-

ко Мария Викторовна. «Русская православная церковь в условиях советского общественно-политического строя 1940-х–1980-х гг. (на материалах Красноярской епархии)».

В 1994 г. В.В. Гришаев выступил научным консультантом докторской диссертации Северьянова Михаила Дмитриевича «Социально-политические аспекты новой экономической политики в Сибири (1921–1929 гг.)»; в 2002 г. – Гордеева Олега Фатаховича «Аграрная политика временных государственных образований в Сибири в период гражданской войны (конец 1917–1920 гг.)»; в 2011 г. – Шевченко Владимира Николаевича «Оборонная промышленность Сибири в годы Великой Отечественной войны»; в 2014 г. – Реута Григория Александровича «Ведомственные населенные пункты Министерства среднего машиностроения СССР в Сибири (1949–1991 гг.)».

На основе трудов В.В. Гришаева в дальнейшем удалось организовать и провести в Красноярске целый ряд важных исторических конференций, учениками Василия Васильевича были написаны новые монографии и статьи.

В.В. Гришаев всегда являлся душой и мотором всех Красноярских исторических форумов. Он сумел привлечь к этой работе Краевой государственный архив. В Красноярском госуниверситете началась подготовка историков-архивистов.

В.В. Гришаев продолжил преподавательскую работу и с аспирантами. Относительная политическая и социальная свобода дала возможность без цензуры и самоцензуры затронуть глубже многие острые исторические темы и проблемы.

Он возглавлял подготовку аспирантов-историков в Красноярском госуниверситете. Также благодаря усилиям В.В. Гришаева возникла и стала успешно работать историческая аспирантура в Красноярском аграрном университете. Он блестяще консультировал многих докторов. В итоге успешно защитили докторские диссертации: С.Т. Гайдин, Г.А. Реут, В.Н. Шевченко и другие красноярцы. Успешно работает над докторской диссертацией Н.В. Гонина, которая в свое время выполнила под руководством В.В. Гришаева кандидатскую диссертацию.

Имя В.В. Гришаева, его авторитет являлись пропуском для аспирантов и докторантов практически в любой специализированный научный Совет Сибири, да и не только Сибири. Это была гарантия успешной защиты, потому что обеспечивалась скрупулёзным

подходом В.В. Гришаева к научным текстам всех без исключения авторов.

Сейчас уже можно говорить об особом «гришаевском стиле», который продолжают хранить и развивать его ученики. Вспоминаются встречи с Василием Васильевичем в его родном Красноярске, посещение его любимой дачной усадьбы, где он с гордостью показывал свои успехи в выращивании различных растений. Он умел дружить не только со своими сверстниками, но и с молодым поколением. Этим качеством он был особенно дорог всем имевшим счастье его знать. Школа профессора В.В. Гришаева занимает свое достойное место в исторической науке. Это подтверждает и ежегодная национальная историческая конференция «Гришаевские чтения». Например, Гришаевские чтения: материалы I национ. науч. конф., посвящ. памяти д-ра ист. наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева (Красноярск, 11 сентября 2018 г.) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2018. 268 с.

Основные публикации В.В. Гришаева и издания под его редакцией:

Гришаев В.В. Строительство Советов в деревне в первый год социалистической революции. М.: Мысль, 1967. 88 с.

Гришаев В.В. Красный хлебороб. История сибирского колхоза. Красноярск: Краснояр. книж. изд-во, 1973. 221 с.

Гришаев В.В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929 гг. М.: Мысль, 1976. 188 с.

Гришаев В.В. История сельскохозяйственных коммун: итоги изучения, проблемы. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1986. 134, [2] с.

Гришаев В.В. Коммунары Сибири. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1987. 164, [2] с.

XX век: Исторический опыт аграрного освоения Сибири: Материалы республиканской научной конференции, Красноярск, 15 апреля 1993 года / под ред. В.В. Гришаева. Красноярск: Красноярский государственный университет, 1993. 411 с. EDN: XRBKZD.

Вклад сибиряков в Великую Победу: тезисы докладов науч.-практ. конф., г. Красноярск, 28 апр. 1995 г. / редкол.: д-р ист. наук, проф. В.В. Гришаев (отв. ред.) и др. Красноярск, 1995. 191 с.

Перестройки в российской истории: исторический опыт и уроки XX века: сборник тезисов респ.

науч. конф., Красноярск, 20–21 марта 1996 г. / отв. ред. В.В. Гришаев, А.Г. Рогачев. Красноярск : РИО-пресс, 1996. 215 с. EDN: WNGTBX.

Вопросы социально-экономического развития и культуры Красноярского края в документах архивного фонда : (к 175-летию образования Енисейской губернии) : Архивные чтения : тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции, Красноярск, 26 июня 1997 г. / отв. ред. В.В. Гришаев. Красноярск : Госархив Красноярского края, 1997. 169 с. EDN: YYJPTF.

Информация об авторах

Бакшеев Андрей Иванович,

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения Российской Федерации, 660022, г. Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1, Россия, e-mail: baksh-ai@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8085-8837>

Рогачев Александр Георгиевич,

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политологии, Юридический институт, Красноярский государственный аграрный университет, 660049, г. Красноярск, пр. Мира, 90, Россия, e-mail: rogachevalex49@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9818-1812>

Цыкунов Григорий Александрович,

доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и социально-правовых дисциплин, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, Россия, e-mail: tsykunovga@gmail.com

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 5 мая 2025 г.; одобрена после рецензирования 27 мая 2025 г.; принята к публикации 2 июня 2025 г.

Парламентаризм в России: исторический опыт и современные проблемы : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию начала деятельности первой российской Государственной думы: Красноярск, 18 мая 2006 / отв. ред. В.В. Гришаев. Красноярск : Красноярский писатель, 2006. 292 с. EDN: UJFFXR.

1917 год в российской и мировой истории : материалы Международной научной конференции, г. Красноярск, 14–15 ноября 2007 г. / отв. ред. В.В. Гришаев. Красноярск : Красноярский писатель, 2007. 424 с. EDN: SYFREB.

Information about the authors

Andrey I. Baksheev,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenyetsky, Ministry of Health of the Russian Federation, 1, Partizan Zheleznyak St., Krasnoyarsk 660022, Russia, e-mail: baksh-ai@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8085-8837>

Alexander G. Rogachev,

Dr. Sci (History), Professor of the Department of History and Political Science, Law Institute, Krasnoyarsk State Agrarian University, 90, Mira Avenue, Krasnoyarsk 660049, Russia, e-mail: rogachevalex49@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9818-1812>

Grigory A. Tsykunov,

Doctor of Sciences (History), professor, Chair of the Department of Theory of Law and Social and Legal Disciplines, Baikal State University, 11, Lenin St., Irkutsk 664003, Russia, e-mail: tsykunovga@gmail.com

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted May 5, 2025; approved after reviewing May 27, 2025; accepted for publication June 2, 2025.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. **Имена, отчества и фамилии авторов**: располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. **Организация и ее адрес**: располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. **Аннотация**: должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. **Благодарности**. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. **Английский перевод** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. **Раздел «Список источников»**. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например, статья в журнале:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; монография:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. **Раздел «References»** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. **Раздел «Информация об авторах»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

И. О. Фамилия –

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) И. О. Фамилия –

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. **Раздел «Вклад авторов».** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: **«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. **Раздел «Конфликт интересов».** Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами:** иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **The title**, which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.

2.3. **Names, patronymics and surnames of authors**: they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.

2.4. **The organization and its address**: are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).

If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. **Abstract** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.

2.6. **Acknowledgments**. After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

2.7. **The English translation** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.8. Section **"Список источников (List of sources)"**. It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example, a journal article:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

article in a scientific collection:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; monograph:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section «**References**» is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address (building, street, city, postal-index, country)

e-mail

2.11. **Section "Criteria of authorship"**. After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. **Section "Conflict of interest"**. It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All **tables** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to **archival** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Научный журнал

№ 2 (55) 2025

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 30.06.25. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 31,25.
Тираж 500 экз. Заказ 59. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А